

ВЕСТНИК

Томского государственного университета

2014. № 380. Март

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- ХИМИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES
- CHEMISTRY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2014. № 380. March

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьёв**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 380 Март 2014

№ 380 March 2014

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Быкова А.А.** Температурная метафора в языковой и дискурсивных картинах мира: глагол «греть» 5
- Ильина К.А.** Соотношение между вербальными и графическими знаками в обыденном метаязыковом сознании: знаки конца предложения 12
- Когут С.В.** Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях 18
- Козлов А.Е.** Губернские ведомости и сюжет о провинциальных обличителях в русской беллетристике 60-х гг. XIX в. 24
- Латфулина З.Р.** Модусные показатели диалектного высказывания: авторизация и персуазивность 29
- Седельникова О.В.** Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. Статья первая 34
- Третьяков Е.О.** Историческая, геоэстетическая и экзистенциальная концепция «Арабесок» Н.В. Гоголя: философия и поэтика четырех стихий в «Главе из исторического романа» и фрагменте «Пленник» 41

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

- Агафонова Е.В., Тарабанов Н.А., Кручинин Э.А.** Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений 48
- Гончаренко М.В.** О значении мифологемы в процессе объективации реальности в концепции Э. Кассирера 57
- Щекотин Е.В.** Качество жизни в турбулентном социуме: катастрофы и чрезвычайные положения с точки зрения социологии повседневности 62

ИСТОРИЯ

- Барина Е.Б.** Проблема взаимодействия Китая с Центральной Азией в бронзовом веке (по данным материальной культуры) 67
- Красильникова Е.И.** Исторический некрополь Новосибирска: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) 80
- Махчиева Н.С., Канукова З.В.** Из истории возникновения и развития социального страхования в Северной Осетии 92
- Никulin П.Ф.** Особенности социального управления российской цивилизации XVI – начала XX в. 97
- Сотникова С.В.** Образ колесницы и колесничего в ритуальной практике населения эпохи бронзы евразийских степей: опыт реконструкции ритуала и представлений 102
- Сутягина О.А.** Участие сибирского купечества в общественной жизни региона в XIX в. 109
- Устюжанцева О.В.** Инновационное развитие неформального сектора Индии 114

CONTENTS

PHILOLOGY

- Bykova A.A.** Temperature metaphor in language and discursive pictures of the world: the verb *gret* 5
- Ilyina K.A.** The relationship between verbal and graphic signs in everyday metalinguistic consciousness: punctuation end of a sentence 12
- Kogut S.V.** Discourse markers in Russian and German geological scientific papers 18
- Kozlov A.Ye.** Provincial newspapers and the story about expositors in the Russian fiction of the 1860s 24
- Latfulina Z.R.** The modus indicators of the dialectal sentence: authorization and persuasion 29
- Sedelnikova O.V.** Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article One 34
- Tretyakov Ye.O.** Historiosophical, geo-aesthetic, and existential concept of "Arabesques" by Nikolai Gogol: the philosophy and poetics of the four elements in "A Chapter from an Historical Novel" and the fragment "The Prisoner" 41

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

- Agafonova Ye.V., Tarabanov N.A., Kruchinin E.A.** The problem of the subject of moral competence: the nature of moral identity as the basis of decision-making 48
- Goncharenko M.V.** On the role of mythologem in the process of reality objectification in E. Cassirer's concept 57
- Shchekotin Ye.V.** Quality of life in a turbulent society: disaster and state of emergency from the point of view of sociology of everyday life 62

HISTORY

- Barinova E.B.** The problem of interaction between China and Central Asia in the Bronze Age (according to material culture) 67
- Krasilnikova Ye.I.** Historical necropolis of Novosibirsk: the continuity of traditions and the memory policy of the Soviet power (the end of 1919 – beginning of 1941) 80
- Makhtsieva N.S., Kanukova Z.V.** From the history of social insurance development in North Ossetia 92
- Nikulin P.F.** Specifics of social governance in the Russian civilization in the 16th – early 20th centuries 97
- Sotnikova S.V.** The image of chariot and charioteer in the ritual practice of the population of the Eurasian steppes in the Bronze Age: the experience of reconstructing the ritual and beliefs 102
- Sutyagina O.A.** Participation of the Siberian merchant class in the public life of the region in the 19th century 109
- Ustyuzhantseva O.V.** Innovation development of the informal sector in India 114

Фирсова Ю.А. Система социального обеспечения во Франции в период Французской революции – второй половины XX в.	120
Чудакова М.С. Особенности формирования агентурного аппарата ВЧК и ГПУ	126
Шпагин С.А. Выборы в законодательные собрания субъектов Российской Федерации 14 октября 2012 г. и динамика региональных партийных систем.....	132

ПРАВО

Бакин А.С. О проблеме единства критерия классификации субсидиарной ответственности по законодательству Российской Федерации.....	137
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейшей трансформации Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	142
Цыбизова Н.А. Безвестное отсутствие как юридический факт	147

ЭКОНОМИКА

Глушченко Р.В. Особенности публичного управления в сфере культуры.....	150
Носкова Н.Ю. Алгоритм оптимизации финансовых потоков в процессе бюджетирования на авиастроительном предприятии....	154

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Грищенко С.Н. Формирование познавательного интереса студентов инженерных специальностей на основе интерактивных геоинформационных технологий.....	161
Ветрова Я.А. Исследование базовых условий наличия акмеологической позиции у педагога	166
Давлетьярова Е.А., Нагорнов М.С., Каплевич Л.В., Кошельская Е.В. Особенности биоэлектрической активности мышц нижних конечностей при выполнении удара по мячу у футболистов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата... ..	173
Заглевская А.И. Физкультурно-спортивное образование студентов как предмет системного исследования.....	176

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Бородин И.А., Кижнер Л.И., Богословский Н.Н., Ерин С.И., Рудиков Д.С. Сравнение спутниковых данных измерений влажности почвы ASCAT с прямыми измерениями	181
Бордунов С.В., Жиганов А.Н., Кулага И.Г. Комплексная переработка отвала Артёмовского рудника	185
Ильичева А.И., Коротный Л.М., Павлов М.В. Русловая сеть дельты р. Селенги на современном этапе.....	190
Лещинский С.В., Лунёва Д.Е. Стратиграфическое положение археологических местонахождений в долине р. Ангары (территория затопления водохранилищем Богучанской ГЭС).....	195
Коржнев В.Н. Стратиграфия девонских отложений северо-восточной части Горного Алтая.....	205
Подобина В.М. Предлагаемая система фораминифер (высшие таксоны)	215

ХИМИЯ

Минаев К.М., Мартынова Д.О., Князев А.С., Захаров А.С. Исследование свойств буровых растворов, содержащих глиоксаль и модифицированные глиоксалем полисахариды	225
Синельников А.Н., Щербakov П.С., Беренда А.В., Мальков В.С. Электромембранный синтез гликолевой кислоты.....	230
Сухарев Ю.И., Ларионов Л.П., Апаликова И.Ю., Лебедева И.Ю., Ковалёва И.В., Кузьмина Н.В., Тарамина Е.В., Кузнецов А.Л. Исследование свойств некоторых оксигидратов d- и f-элементов на фоне включений углерода.....	237
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245

Firsova Yu.A. French social security system: the French revolution – the second half of the 20th century	120
Chudakova M.S. Features of VChK and GPU secret-service offices formation	126
Shpagin S.A. Elections in legislative assemblies of subjects of the Russian Federation on October 14, 2012 and the dynamics of regional party systems	132

LAW

Bakin A.S. On the problem of a universal criterion for classification of subsidiary liability under the Russian Federation legislation.....	137
Lozinsky I.V. On further transformation of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	142
Tsybizova N.A. A missing spouse and the impact of this legal fact.....	147

ECONOMICS

Glushchenko R.V. features of public administration in the sphere of culture	150
Noskova N.Yu. The algorithm of financial flow optimization in the budgeting of an aircraft building enterprise.....	154

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Grishchenko S.N. Formation of cognitive interest in engineering students through interactive GIS technologies.....	161
Vetrova Ya.A. Research of the basic conditions of the teacher's acmeological position.....	166
Davletyarova K.V., Nagornov M.S., Kapilevich L.V., Koshel'skaya Ye.V. Features of bioelectric activity of the muscles of the lower limbs when players with musculoskeletal system disorders hit the ball.....	173
Zagrevskaya A.I. Sports education of students as a subject of system research.....	176

EARTH SCIENCES

Borodina I.A., Kizhner L.I., Bogoslovskiy N.N., Erin S.I., Rudikov D.S. Defining characteristics of soil moisture from meteorological satellites.....	181
Bordunov S.V., Zhiganov A.N., Kulaga I.G. Complex processing of the Artyomovsky mine dump	185
Ilyicheva Ye.A., Korytny L.M., Pavlov M.V. The river network of the Selenga Delta at present.....	190
Leshchinskiy S.V., Lunyova D.Ye. The stratigraphic position of archaeological sites in the Angara valley (territory of flooding by the Boguchany Dam reservoir).....	195
Korzhnev V.N. The stratigraphy of the Devonian sediments in the north-eastern part of the Altai.....	205
Podobina V.M. The suggested system of foraminifera (higher taxa)	215

CHEMISTRY

Minaev K.M., Martynova D.O., Knyazev A.S., Zakharov A.S. Investigation of properties of drilling fluids containing glyoxal and glyoxal modified polysaccharides	225
Sinelnikov A.N., Shcherbakov P.S., Berenda A.V., Malkov V.S. Glycolic acid electro-membrane synthesis	230
Sukharev Yu.I., Larionov L.P., Apalikova I.Yu., Lebedeva I.Yu., Kovaleva I.V., Kuzmina N.V., Taramina Ye.V., Kuznetsov A.L. Investigation of properties of some oxyhydrates of d- and f-elements with carbon inclusions	237
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	245

ФИЛОЛОГИЯ

А.А. Быкова

ТЕМПЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА В ЯЗЫКОВОЙ И ДИСКУРСИВНЫХ КАРТИНАХ МИРА:
ГЛАГОЛ «ГРЕТЬ»

Исследуется функциональная вариативность метафоры «греть» как типичного представителя температурных метафор. Анализ функционирования метафоры в составе различных дискурсов позволяет вскрыть специфику моделирования посредством изучаемой метафоры и смысловые доминанты, формирующие дискурс. Гипотеза о дискурсивной вариативности метафоры «греть» проверяется на материале поэтического, публицистического, научного и бытового дискурсов.

Ключевые слова: языковая картина мира; дискурс; температурная метафора; миромоделирование; семантика.

I. В рамках когнитивного направления сформировалась теория о том, что понятийная система человека, его мышление обусловлены телесным опытом и, как следствие, оперируют его терминами [1, 2]. Согласно идеям когнитивистов, физическая природа мыслящего существа (его перцептивный и моторный опыт) и способ его функционирования в среде обитания имеют огромное значение для изучения человеческого мышления. Этим обусловлен повышенный интерес ученых к лексике, связанной с физическим опытом человека, и особенно – к аспектам ее интерпретирующего и моделирующего потенциала. Лексика с семантикой температуры (температурных ощущений, изменений температуры) входит в ядро этого обширного класса. Температурная лексика изучалась с точки зрения структурной семантики [3–6] и когнитивной лингвистики [7–9]. Однако данная группа лексики является недостаточно изученной в аспекте миромоделирования и нуждается в анализе с лингвокогнитивных позиций. Исследование лексики с семантикой температуры с заявленных позиций выявило, что данная группа слов является эмпирической базой для интерпретации широкого спектра явлений через механизм метафорических переносов.

Дж. Лакофф и М. Джонсон, основатели одного из направлений когнитивной лингвистики – теории концептуальной метафоры, – предложили взгляд на метафору как на языковую репрезентацию когнитивных механизмов, обозначив существенное ее свойство – миромоделирующую способность, которая выражается в формировании целостных фрагментов языковой картины мира [10].

Выявление фрагмента русской языковой картины мира, репрезентированной системой метафорических номинаций, являющихся результатом осмысления разных сфер жизни через призму опыта температурных ощущений, является первой задачей нашего исследования. Вторая задача данной работы – охарактеризовать специфику актуализации семантического потенциала метафоры в разных типах дискурсов, что связано с гипотезой автора о способности моделирующего потенциала метафоры реагировать на когнитивно-коммуникативный запрос различных дискурсов.

Как отмечала Н.Д. Арутюнова, метафора присутствует «в различных видах текстов, начиная с поэтической речи и публицистики и кончая языками разных

отраслей научного знания» [11. С. 6], однако ее функциональная нагрузка различна в зависимости от дискурса, вследствие чего мы можем предположить, что моделирующий потенциал метафоры также может иметь дискурсивную обусловленность и специализацию. Отмечено, что в разных дискурсах метафоры могут приобретать статус ключевых и текстообразующих [12–16]. Анализ дискурсивных реализаций метафоры в составе различных дискурсов позволяет вскрыть специфику языкового моделирования посредством изучаемой метафоры и сущностные смысловые доминанты, формирующие дискурс [13]. Широта узуальной реализации метафоры создает основу ее дискурсивных модификаций. Вместе с тем сам дискурс предъявляет требования к лексическому материалу, формирует «заявку» на маркирование определенных смыслов, соответствующих тематической направленности дискурса.

Гипотеза о влиянии дискурсов на реализацию моделирующего потенциала метафоры проверяется автором на материале поэтического, публицистического, научного и бытового дискурсов (поэтический дискурс представлен поэтическими текстами разных жанров, в остальных дискурсах выделен ядерный жанр: публицистическая статья, научная статья, бытовой разговор) [17], общие закономерности и функциональная вариативность метафор в статье представляются на примере метафоры *греть* (видовые дериваты глагола не рассматриваются). Источниками материала являются Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) [18], в материалах которого выявлено 626 контекстов с лексемой *греть*, и словари русского языка, представляющие интерпретацию усредненной узуальной семантики данной единицы [19, 20].

II. Анализ прямых номинативных значений глагола *греть*, представленных в словарях, а также их контекстных реализаций позволяет смоделировать исходную денотативную ситуацию, выражаемую глаголом и являющуюся когнитивной основой процессов метафорической интерпретации явлений других концептуальных сфер. Глагол *греть* – каузативный глагол, обозначающий физическое воздействие на объект, при котором происходит повышение температуры объекта. При анализе предметных характеристик глагола *греть*

было установлено, что в качестве **источников тепла** (который может совпадать с субъектом действия) часто выступают солнце, печь, огонь. – [Юлия] *предалась своей страсти*, – как человек, предающийся беспечно в челноке течению волн: *солнце греет* его, зеленые берега мелькают в глазах, игривая волна ласкает корму (И. Гончаров). **Греть воду**. Греть может выражать сохранение, поддержание комфортной для человека температуры (температуры, близкой к нормальной температуре человеческого тела), поэтому *греть* сочетается с наименованиями разных типов одежды и других вещей, призванных сохранять тепло (например, одеяло, покрывало и т.д.). – «Сохранять теплоту, защищать от холода (об одежде)». В данном случае проявляется положительная коннотация. – [Доха] *защищает от всякого мороза. Она легка, пушиста и греет в 40°!* (И. Гончаров). Таким образом, в структуре номинативного значения *греть* значимыми являются такие компоненты, как: субъект, объект, тип действия (каузативное), характер изменений, происходящих в объекте. Указанные компоненты в структуре номинативного значения переносятся на моделируемую метафорой *греть* ситуацию.

Анализ контекстов с использованием глагола *греть* в номинативном значении позволяет сделать вывод о том, что лексема обозначает действие, результат которого вызывает **чувство комфорта** (одежда греет). Анализ метафорических значений выявил, что именно этот компонент является основным, определяющим направление метафорической интерпретации явлений других концептуальных сфер. Полагаем, что это является основанием того, что, во-первых, данная сфера-источник служит основой концептуальной интерпретации прежде всего чувств и эмоций, а во-вторых, поэтому в процессе метафоризации *греть* часто выражает положительную оценку. В данном случае глагол *греть* отражает общую закономерность метафор с семантикой высокой температуры интерпретировать положительные процессы и явления (*теплая атмосфера, горячая любовь* и т.д.).

Однако изучаемый глагол может называть излишне высокую степень нагрева, что становится причиной возникновения негативных ощущений, физиологического дискомфорта, что, в свою очередь, имплицитно подразумевает возможность появления смыслов негативной оценки отношений, метафорически моделируемых на основе данной семантики.

Таким образом, анализ исходного значения глагола *греть* позволил нам, во-первых, смоделировать структуру исходной ситуации (которая находит свое отражение при метафорическом переносе), во-вторых, установить амбивалентность когнитивного образа глагола *греть*: с одной стороны, имплицитно выраженное значение комфорта в глаголе *греть* позволяет метафоре *греть* актуализировать положительную оценку, с другой стороны, изучаемый глагол может обозначать чрезмерно высокую температуру, что обуславливает способность метафоры *греть* обозначать негативную оценку. Чтобы доказать связь исходного, номинативного значения с переносным, обратимся к анализу метафорических значений глагола *греть*.

Греть в метафорическом значении характеризует **сферу чувств и эмоций**, функционируя в рамках метафорической модели «переживание чувств – тактильное ощущение температуры».

Лексема *греть* обозначает действие или явление, которое вызывает чувство эмоционального комфорта (ободрение, воодушевление). – *Только это греет и успокаивает меня; только поэтому я продолжаю свое личное бытие* (Е. Радлов). В ситуации, обозначаемой лексемой *греть* в прямом номинативном значении, имеется субъект действия, который распространяет свое тепло на объект, создавая для человека комфортные условия. Изменения в физическом состоянии объекта (*греть чай, батарея греет комнату*) воспринимаются одушевленным субъектом, что имплицитно подразумевает изменение эмоционального состояния субъекта. В ситуации, именуемой метафорическим ЛСВ *греть*, сохраняется структура исходной ситуации. – *Особенно греет мысль о том, что гаишники относятся к владельцам таких машин снисходительно, а то и с уважением* (А. Владимировский).

В качестве субъекта воздействия на эмоциональную сферу человека может выступать широкий ряд явлений. Анализ контекстных употреблений метафоры *греть* позволил нам выделить основные группы имен-субъектов воздействия: 1) чувства (*любовь, симпатия* и т.д.), а также трансляторы этих чувств (*голос, взгляд*); 2) ментальные процессы (*мысль, воспоминание*); 3) человек; 4) социальные процессы и отношения (*событие*); 5) период времени (*дни*); 6) явления экономической сферы (*деньги*). – *Пусть распятие не из слоновой кости, а грубо сработано из мягкой липы, но в нем греет любовь и прилежность человеческая и, конечно, вера* (В. Лебедев). *Пока же потребителей в новогоднюю ночь согреет мысль о том, что они в последний раз пьют дешевое вино* (И. Моисеев). В качестве объекта воздействия выступает человек (или его метонимические «заместители»: сердце, грудь, кровь, душа, глаза) или чувства (*надежда*).

Как было показано выше, глагол *греть* может обозначать негативное эмоциональное воздействие на человека (порицание, неодобрение) – «Порицать за что-либо, высказывать неодобрение; бранить, ругать». Данный тип метафорического переноса связан с когнитивным образом тепла как превышающего пределы нормы температурного признака, следовательно, физически некомфортного для человека. – [Лясковский:] *В нашем деле нужна точность. У нас за каждую небрежность так греют!* (Л. Малюгин). Помимо субъекта (человека) и объекта (человека целиком, в данном случае невозможен контекст *греть душу за что-либо*) имеется указание на причину воздействия.

Помимо сферы чувств и эмоций, метафора *греть* характеризует **сферу социальных отношений**. Метафора *греть место* обозначает «занимать, сохранять для кого-то должность, место». Специфической особенностью данной метафоры является изменение структуры пропозиции. Помимо субъекта – человека, объекта – места как метонимического обозначения должности, в структуре

пропозиции имеется третий актанта, обозначающий лицо, для кого создаются комфортные условия. – *Поспособствовал утверждению главы МПС Геннадия Фадеева руководителем РАО «Железные дороги России» – чтобы грел место для самого Александра Стальевича, если в том возникнет срочная необходимость (Г. Титова).*

Итак, нам удалось проследить, что посредством метафоры *греть* образно моделируется концептуальная сфера чувств и эмоций, социальных отношений. Наиболее лексически разработанной по Вежицкой – представленность в большем количестве лексем [21] – является сфера чувств и эмоций. При метафорическом переносе сохраняется структура исходной ситуации, проявляется общая закономерность восприятия высокой температуры как амбивалентного явления, имеющего как положительную, так и отрицательную оценку: метафора *греть* обозначает преимущественно положительное (*любовь меня греет*), реже отрицательное (*за грехи греют*) воздействие на эмоциональную сферу.

Функциональная активность метафоры *греть* для характеристики сферы социальных отношений является сниженной – фиксируется только один тип метафорического переноса – *греть место*. Сохраняется общая направленность метафоры *греть* обозначать комфортную для человека ситуацию.

Охарактеризовав сферы, описываемые метафорой *греть* в русской языковой картине мира, обратимся к исследованию вариативности реализации метафоры *греть* в зависимости от типа дискурса.

III. Ученые отмечают существование разных функциональных запросов к смысловому, моделирующему потенциалу метафоры в зависимости от дискурса. Разные метафоры (метафоры, соотносящиеся с разными концептуальными областями, репрезентированные в рядах лексических единиц разного типа, относящиеся к разным типам лексических единиц) различным образом соответствуют потребностям смыслообразования в рамках определенного дискурса, по-разному реализуют свой моделирующий, смысловой потенциал.

Моделирующий потенциал метафор с исходной семантикой температуры в наибольшей мере удовлетворяет коммуникативным потребностям, возникающим в рамках поэтического и публицистического дискурсов, в то время как в текстах научного и бытового дискурсов их употребление ограничено. Эта общая закономерность характерна и для метафоры *греть*. Для данного исследования особый интерес представляет аспектация отдельных смыслов метафоры *греть*, большая их разработанность или, наоборот, – редуцированность – в рамках поэтического, публицистического, научного и бытового дискурсов. Реализация изучаемой метафоры в дискурсах соответствует их когнитивно-коммуникативным потребностям.

Начнем рассмотрение реализации метафоры *греть* в **поэтическом дискурсе**, поскольку в данном дискурсе изучаемая метафора используется в процессах когнитивного моделирования явлений различных концептуальных сфер наиболее активно.

1) Общий объем подкорпуса поэтических текстов в НКРЯ составляет 61 053 документа. В данном подкорпусе выявлено 396 контекстов с лексемой *греть*, в 89 из них (22,5%) *греть* употребляется в метафорическом значении. Центральная тематика поэтического дискурса – мир чувств и переживаний человека – способствует интенсивному использованию метафоры *греть* в поэтических текстах.

В то же время по отношению к усредненному узусу в поэтическом дискурсе происходит определенное сужение концептуальных сфер-мишеней, интерпретируемых метафорой *греть*. Метафора *греть* в данном дискурсе маркирует только сферу чувств и эмоций, в то время как сфера социальных отношений не подвергается образному осмыслению с помощью исследуемой метафоры. При характеристике сферы чувств и эмоций в данном типе дискурса востребовано выражение только положительных чувств: *греть* обозначает такое воздействие на объект (человека), при котором происходит изменение психического состояния в лучшую сторону, в результате воздействия человек ощущает воодушевление, одобрение.

Своеобразие проявляется в выборе субъекта воздействия. В качестве субъектов воздействия выступают интенсивные положительные чувства и эмоции (*любовь, надежда, радость и т.д.*), ментальные явления (*воспоминания, молитвы, сны, мысли*), человек, период времени (*дни*). – *Теплая радость сердце их греет, / Тихо плывут они в утра лучах... (И. Коневской). Кто сожалеет о прекрасных днях, / Мелькнувших быстро, тот печаль лелеет / В дневных раздумьях и в ночных слезах; / Былое счастье мило и в мечтах, / И память поцелуев нежно греет (В. Брюсов). Следя кругом вседневные кончины, / Страшусь терять бегущий мимо час: / Отживший мир в безмолвии погас, / А будущий не вызван из пучины, / – Меж двух ночей мы царствуем одни, / Мы, в полосе движения и света, / Всесильные, пока нас греют дни... / Пока для нас не грянул час запрета... (С. Андреевский).* Социальные процессы и отношения, а также явления экономической сферы не актуализируются в поэтическом дискурсе в качестве субъекта воздействия на человека. Объектом воздействия на эмоциональную сферу является человек (его душа, сердце и другие метонимические эквиваленты человека).

2) Публицистический дискурс отличается своей обращенностью к актуальным, острым социально-политическим проблемам. Прагматическая природа указанного дискурса – направленность на достижение эффекта внушения, убеждения или побуждения – обуславливает широкое использование эстетических ресурсов языка, в том числе метафор с исходной семантикой температуры. Общий объем подкорпуса публицистических статей в НКРЯ – 85 996 документов. В указанном подкорпусе выявлено 174 контекстных употреблений *греть*, в 49 из них (28,16%) *греть* используется в метафорическом значении.

В центре метафорического моделирования посредством метафоры *греть* находятся две сферы: 1) сфера чувств и эмоций; 2) сфера социальных явлений.

При характеристике **сферы чувств и эмоций** оказывается востребованными два направления метафоры *зреть*: *зреть* как выражение положительных чувств и, напротив, выражение негативных чувств. Как и в языковой картине мира, в публицистической картине мира *зреть* наиболее часто называет воздействие на человека, в результате которого человек испытывает чувства положительного спектра (воодушевление, ободрение). Моделируемая концептуальная сфера – воздействие на человека каких-либо социальных фактов и явлений – формируется в соответствии со структурой денотативной ситуации температурного воздействия, с перенесением концептуального фокуса на вызываемые у объекта воздействия положительные эмоции. В качестве субъекта действия интерпретируются социальнозначимые явления и факты (*реформа, события, равноправие, штамп в паспорте* (как знак смены социального статуса), *хорошо сделанная работа*), явления экономической сферы, операции с деньгами (*деньги, заначка, возможность требовать перерасчета коммунальных платежей, возможность открыть счет*), текст (его элемент), транслирующий значимую информацию (*читиво, стихи, строчки, сочинение, сообщение, слово*), ментальные факты (*мечта, мысль, идея учить по индивидуальным программам, память о поступке*), чувства (*чувство, надежда*) и др. Симптоматично, что абсолютное большинство субъектов действия тесно связано с социально-политической и экономической сферой. – *Первые два события, конечно, греют душу патриотов России и фанатов рубля, но геопланетарное, монетарное значение имеет все-таки событие третье по нашему списку (Н. Кириченко). Если раньше иностранец в России был человеком высшей касты, теперь русскую душу греет равноправие (А. Митрофанов, Б. Устюгов).*

В качестве объекта воздействия осмысливается человек (его «метонимические» заместители) или чувства (*зреть самолюбие, зреть надежды* и т.д.). – *Не будем зреть надежд и не будем подгонять того сотрясения, которое, может быть и зреет, может быть и произойдет в западных странах (А. Солженицын).*

Менее частотно (выявлен только 1 контекст) глагол *зреть* используется при моделировании семантики негативного эмоционально-психического воздействия на объект. – *Грехов, таких, за которые «греют», ни за собой, ни за своими подчиненными я не нашел (В. Зайцев).* Структура пропозиции включает в себя три компонента: субъект действия – человек, объект – человек, причина – в данном случае – грех.

Концептуальная **сфера социальных явлений** формируется метафорой *зреть место* (занимать, сохранять для кого-то должность, место), характерной для языковой картины мира, а также обогащается новыми метафорами. Так, в публицистический дискурс из воровского жаргона проникает следующее значение *зреть* – «нелегально снабжать заключенного или группу заключенных продуктами питания, табаком, деньгами, спиртным, наркотиками» [22], а *грев* – «материальная помощь, оказываемая находящимся в заключении» [Там же. С. 138–139].

Метафора *зреть* не является маркером публицистического дискурса, она проникает в него через криминальный субдискурс (в данном случае путем цитирования). Однако сам факт такого проникновения закономерен для изучаемого дискурса: его обращенность к проблемам жизни общества способствует вхождению в этот дискурс языковых средств из маргинальных областей общения. Ученые отмечают тенденцию перемещения сниженных лексических элементов разговорной речи из периферийных сфер языка в центр системы [23–25]. – *Писал Петрову письма, отправлял посылки – в общем, «грел» (Е. Светлова). Как говорили старые «воры», уркана (уголовника. – Л.К.) маруха греет, воровайка. Я люблю, и любим, и долю свою в любви принимаю, как подарок Бога мне, грешному (Л. Кислинская).* В данном случае мы наблюдаем расширение сфер концептуального моделирования на основе семантики температурных изменений – изменение физического, физиологического состояния объекта, на который оказывается воздействие. В основании метафорического переноса лежит общность положительной оценки результата воздействия. При метафоризации сохраняется структура исходной ситуации: имеется субъект (человек, находящийся на воле), объект (заключенный), в результате воздействия создаются комфортные, благоприятные условия для объекта. Отличие этого ЛСВ от других состоит в том, что комфорт для уголовника связан не с эмоциональной сферой, а исключительно с удовлетворением физиологических нужд, снабжением продуктами питания, табаком, деньгами, спиртным и наркотиками.

3) **Научный дискурс** функционально направлен на выработку знаний об объективных закономерностях, на получение нового знания на основе уже имеющегося. Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, принципиально важным при этом является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Метафора рассматривается исследователями как базовая модель научного мышления [26–28]. Как отмечает З.И. Резанова, «исследование когнитивных стратегий развертывания научного дискурса показало, что его моделирование как особого ментального, виртуального пространства было бы невозможно без метафорической концептуализации. Метафорическое моделирование научного дискурса опирается на базовое свойство метафоры как лингвокогнитивной единицы интерпретировать абстрактное через представления о конкретном, физическом» [12. С. 41]. И в этом отношении температурные метафоры проявляют данную общую закономерность. Моделирующее своеобразие температурных метафор в научном дискурсе проявляется в том, что они используются преимущественно в гуманитарном субдискурсе, во-первых – как объект научной рефлексии, во-вторых, как инструмент для интерпретации чувств и человеческого темперамента (*горячий темперамент*) и его поведения. В естественнонаучном знании (в научных статьях) температурные метафоры маркируют оживленные дискуссии (*горячий спор, дискуссия*).

Анализ контекстных употреблений метафоры *греть* выявил общность направленности моделирования с ранее рассмотренными дискурсами и в то же время своеобразие. Общий объем подкорпуса научных статей в НКРЯ составляет 4 097 документов. Всего в корпусе проанализированных научных статей выявлено 36 контекстных употреблений *греть*, три из них (8%) являются метафорами. Метафора *греть* в научном дискурсе используется только в гуманитарном субдискурсе для моделирования концептуальной **сферы чувств и эмоций**, при этом *греть* обозначает положительное воздействие на эмоциональное состояние человека. Образное осмысление негативных чувств посредством изучаемой метафоры в исследованном материале не зафиксировано. Своеобразие моделирования с помощью метафоры *греть* проявляется в выборе субъекта воздействия. В ситуации, именуемой метафорическим ЛСВ *греть*, как субъект действия осмысляются: 1) ментальные факты (*мысль*); 2) психические факты (*удовлетворение потребности, получение удовольствия*); 3) социальные факты (*картина* (в значении «ситуация»)). В роли объекта воздействия выступает человек (его «метонимический эквивалент» – *сердце*). – *Но, очевидно, участники греет мысль, что, победив, можно будет попасть на страницы множества изданий и стать предметом пристального внимания со стороны сотен тысяч (М. Ожерельева). Удовлетворение потребности или получение удовольствия может быть ценностью, но не всегда их ценность несомненна, потому что все еще остается открытым решающий вопрос: почему удовлетворить потребность, пережить удовольствие, достичь цели является благом? Почему, например, это «не греет» человека, который впал в депрессию? (А. Лэнгле).*

4) В меньшей степени природа концептуальной метафоры соответствует установкам **бытового дискурса**. В.И. Карасик, характеризуя бытовой дискурс, отмечает, что бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь [29].

Общий объем подкорпуса бытового разговора в НКРЯ составляет 1 198 документов. В подкорпусе бытового разговора выявлено 20 контекстов с лексемой *греть*, только в одном из них (5%) встречается интересующая нас метафора. В бытовом дискурсе температурные метафоры (в частности, метафора *греть*) оказываются менее востребованными. Моделирующая функция метафоры *греть* в дискурсе бытового разговора сужается до характеристики **сферы чувств и эмоций**, при этом *греть* обо-

значает положительное воздействие на эмоциональную сферу человека. – *Посидеть и пообщаться / так сказать [улыбается] // ну в общем-то / вечер с продолжением он всегда лучше запоминается и душу / так сказать / греет... (Разговор подруг // Живая речь уральского города, 1992).* При метафоризации сохраняется структура исходной ситуации: субъекту действия соответствует *вечер с продолжением* (т.е. некоторое социальное событие), в качестве объекта действия выступает человек (*душа*).

Итак, метафоры с исходной семантикой температуры (в том числе метафора *греть*) различным образом соответствуют потребностям смыслообразования в рамках поэтического, публицистического, бытового и научного дискурсов, по-разному реализуют свой моделирующий, смысловой потенциал. Анализ вариативности реализации метафоры *греть* в зависимости от типа дискурса позволил нам выявить общие и специфические особенности метафорического моделирования в рамках дискурсов. Моделирование сферы чувств и эмоций посредством температурных метафор характерно для всех изучаемых типов дискурсов, различия касаются широты круга конкретных чувств и эмоций, проявления которых отражаются в языке с опорой на семантику данной единицы. Специфические черты моделирования проявляются в неодинаковом участии анализируемых единиц в моделировании различных концептуальных сфер, в соотношении моделируемой сферы чувств и эмоций с другими концептуальными сферами. В поэтическом дискурсе эта сфера является наиболее качественно и количественно разработанной, что проявляется в разнообразии имен чувств, создаваемых на основе исследуемых единиц (при доминировании положительной оценки именуемых фактов и явлений). В публицистическом дискурсе выявлено расширение круга единиц и концептуальных сфер в целом, моделируемых на основе изучаемой метафоры: значимым считаем вовлечение в данную область явлений социальных отношений. Между этими концептуальными сферами в публицистическом дискурсе наблюдается взаимодействие: часто причиной комфортного или некомфортного эмоционального состояния являются факты социально-политической и экономической сферы, что отражается в семантике и типовой сочетаемости температурной метафоры *греть*. В рамках публицистического дискурса актуализируется способность метафоры *греть* выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Моделирующий потенциал изучаемой метафоры в научном и бытовом дискурсах проявляется в меньшей мере: на основе метафоры *греть* характеризуется узкий круг чувств положительного спектра. Таким образом, гипотеза о влиянии дискурсов на реализацию моделирующего потенциала метафоры *греть* подтвердилась.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее словарные значения приводятся по [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
2. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 204 с.

3. Тарасова Л.Д. Семантическая структура и сочетаемость группы английских прилагательных, выражающих понятие температуры: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 217 с.
4. Токарева Т.Е. Лексико-семантическая группа прилагательных, обозначающих температуру, в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 28 с.
5. Леценко В.В. Принципы организации и структурирования лексико-семантического поля чувственного восприятия в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989. 243 с.
6. Спиридонова Н.Ф. Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 23 с.
7. Галич Г.Г. Градуальные характеристики количественных прилагательных, глаголов и существительных немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 206 с.
8. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005. 465 с.
9. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. Текст. М. : Русские словари, 2000. 416 с.
10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–416.
11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
12. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1. С. 26–43.
13. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
14. Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 7–11.
15. Марузина Н.И. Метафора в процессах текстопорождения (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 23 с.
16. Овсянникова В.В. Метафорические модели в научном геологическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 203 с.
17. Быкова А.А. Метафора «жаркий» в дискурсивной картине мира: публицистический дискурс // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва, 26–27 марта 2013 г. М., 2013. Т. 1. С. 348–352.
18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1.
20. Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб., 2006. Т. 4.
21. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
23. Солганик Г.Я. Общие особенности языка газеты. Лексика современной газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: Печать. Радио. Телевидение. Документальное кино. М., 1980. С. 5–35.
24. Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе // Журналистика и культура русской речи. М., 1996. Вып. 1. С. 13–25.
25. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
26. Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.
27. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985. С. 196–220.
28. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010. 282 с.
29. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 января 2014 г.

TEMPERATURE METAPHOR IN LANGUAGE AND DISCURSIVE PICTURES OF THE WORLD: THE VERB *GRET*

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 5-11. DOI: 10.17223/15617793/380/1

Bykova Alina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liir@sibmail.com

Keywords: language picture of the world; discourse; temperature metaphor; world modeling; semantics.

The essay investigates functional variability of the metaphor *gret* as a typical temperature metaphor. The functional analysis of the metaphor in various discourses specifies both modeling through the metaphor under study and semantic dominants that form the discourse. The hypothesis about discursive variation of the metaphor *gret* is tested as exemplified in poetic, journalistic, scientific and domestic discourses. The metaphor *gret* in the average usage of the Russian language models feelings and emotions as well as the social sphere. This metaphor represents predominantly positive (*lyubov menya greyet*), less often negative (*za grekhi greyut*) impact on the emotional sphere. The functional activity of the metaphor is much lower when it concerns interpretation of social relations, with only one metaphor registered (*gret mesto*). The modeling potential of temperature metaphors satisfies the communicative needs of poetic and journalistic discourses to the utmost. The central theme of poetic discourse is the world of human feelings and emotions, which promotes intensive use of the metaphor *gret* in poetic texts. Compared to the average language usage, poetic discourse demonstrates narrowed conceptual targets interpreted through the metaphor *gret* that is used to express positive feelings only. The subjects include deep positive feelings and emotions, mental phenomena, the human and the epoch. Journalistic discourse is characterized by its appeal to acute social and political problems. It demonstrates expanded conceptual spheres of application for the metaphor under study. Here the metaphor *gret* models two spheres: 1) feelings and emotions, and 2) social phenomena. The peculiar character of modeling becomes evident in the choice of the subjects, most of which are the facts of social, political and economic spheres. The metaphor *gret* in scientific discourse is used only for humanitarian subdiscourse to model the conceptual sphere of feelings and emotions. It indicates a positive impact on the human's emotional state. The subjects include mental phenomena, psychic and social facts. Thus, temperature metaphors (including *gret*) satisfy the needs of poetic, journalistic, everyday and scientific discourses by realizing their modeling potential. The hypothesis of discursive variations of the metaphor *gret* proved to be valid.

REFERENCES

1. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 792 p.
2. Skrebtsova T.G. Amerikanskaya shkola kognitivnoy lingvistiki. SPb., 2000. 204 p.
3. Tarasova L.D. Semanticheskaya struktura i sochetayemost' gruppy angliyskikh prilagatel'nykh, vyrazhayushchikh ponyatie temperatury: dis. ... kand. filol. nauk. L., 1979. 217 p.

4. Tokareva T.E. Leksiko-semanticheskaya gruppа prilagatel'nykh, oboznachayushchikh temperaturu, v sovremennom russkom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1976. 28 p.
5. Leshchenko V.V. Printsipy organizatsii i strukturirovaniya leksiko-semanticheskogo polyа chuvstvennogo vospriyatiya v russkom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1989. 243 p.
6. Spiridonova N.F. Yazyk i vospriyatie: semantika kachestvennykh prilagatel'nykh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000. 23 p.
7. Galich G.G. Gradual'nye kharakteristiki kvantitativnykh prilagatel'nykh, glagolov i sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. L., 1981. 206 ps.
8. Laenko L.V. Pertseptivnyy priznak kak ob'ekt nominatsii : dis. ...d-ra filol. nauk. Voronezh, 2005. 465 p.
9. Rakhilina E.V. Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetamost'. Tekst. M. : Russkie slovari, 2000. 416 p.
10. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Teoriya metafory. M., 1990. P. 387-416.
11. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs. Teoriya metafory. M., 1990. P. 5-32.
12. Rezanova Z.I. Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2010. No. 1. P. 26-43.
13. Rezanova Z.I. Yazykovaya i diskursivnaya kartina mira – aspekty sootnosheniy. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2011. No. 3. P. 184-194.
14. Mishankina N.A. Mental'noe prostranstvo nauchnogo teksta: metaforicheskie modeli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No. 297. P. 7-11.
15. Marugina N.I. Metafora v protsessakh tekstoporozhdeniya (na materiale povesti M.A. Bulgakova «Sobach'e serdtse» i ee perevodov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. 23 p.
16. Ovsyannikova V.V. Metaforicheskie modeli v nauchnom geologicheskom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2010. 203 p.
17. Bykova A.A. Metafora «zharkiy» v diskursivnoy kartine mira: publitsisticheskiy diskurs // *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. Moskva, 26–27 marta 2013 g. M., 2013. V. 1. P. 348-352.
18. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka // URL: <http://www.ruscorpora.ru>
19. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1999. V. 1.
20. Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. M. ; SPb., 2006. V. 4.
21. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 287 p.
22. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. SPb., 2001.
23. Solganik G.Ya. Obshchie osobennosti yazyka gazety. Leksika sovremennoy gazety. Yazyk i stil' sredstv massovoy informatsii i prapagandy: Pechat'. Radio. Televidenie. Dokumental'noe kino. M., 1980. P. 5-35.
24. Solganik G.Ya. Gazetnye teksty kak otrazhenie vazhneyshikh yazykovykh protsessov v sovremennom obshchestve. *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi*. M., 1996. Vyp. 1. P. 13-25.
25. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000). Ekaterinburg, 2001.
26. Gusev S.S. Nauka i metafora. L., 1984.
27. Petrov V.V. Nauchnye metafory: priroda i mekhanizm funktsionirovaniya // *Filosofskie osnovaniya nauchnoy teorii*. Novosibirsk, 1985. P. 196-220.
28. Mishankina N.A. Metafora v nauke: paradoks ili norma? Tomsk, 2010. 282 p.
29. Karasik V.I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs. Volgograd, 2000. P. 5-20.

К.А. Ильина

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕРБАЛЬНЫМИ И ГРАФИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ В ОБЫДЕННОМ МЕТАЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ЗНАКИ КОНЦА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена исследованию системных отношений между лексемами *точка*, *многоточие*, *восклицательный знак*, *вопросительный знак*, т.е. номинаций знаков конца предложения. Рассматриваются фразеологические единицы, в состав которых они могут входить. В работе считается продуктивной мысль о влиянии вторичной коммуникативной системы на первичную и образа письменного текста на порождение высказывания. Актуальность определяется учетом коммуникативно-прагматического аспекта при рассмотрении пунктуации.

Ключевые слова: пунктуация; коммуникативно-прагматический аспект; лексика; знаки конца предложения; вторичная коммуникативная система.

В статье мы придерживаемся мысли, высказанной Н.П. Перфильевой [1], о влиянии образа письменного текста в сознании говорящего на порождение высказывания как самого феномена текста, так и его особой семиотической системы внеалфавитных знаков, которую выработало человечество для членения и графической организации текста. Эта система необходима для реализации коммуникативного замысла говорящего: точного соответствия мысли пишущего и плана её выражения, обеспечения гармоничного диалога. В речи образованных людей встречаются явления, сигнализирующие об устойчивом влиянии пунктуации на первичную коммуникативную систему, т.е. язык [Там же. С. 323].

Тематическая группа «знаки пунктуации», в которую входят лексемы *запятая*, *кавычки*, *скобки* и др., до сих пор мало исследована: к изучению семантики слов, называющих знаки препинания, обратились сравнительно недавно, поскольку лексемы этой группы являются номинациями вторичной коммуникативной системы – знаков препинания и некоторых математических знаков. Многоаспектное изучение пунктуации как вторичной коммуникативной системы [2. С. 208–215] началось в последней трети XX века [3–11]. Между тем эта тематическая группа является достаточно производительной и, следовательно, интересной для исследований русской языковой картины мира, образа письменного текста в обыденном метаязыковом сознании говорящего.

Основная сложность нашего семантического исследования состоит в том, что системного описания пунктуации в полном смысле слова нет до сих пор. Мы придерживаемся точки зрения, что системный подход к пунктуации базируется на учёте трёх параметров: функций, сферы функционирования знака (слово, предложение, текст) и позиции знака (инициальной, финальной, интерпозиции). В данной статье мы в большей степени остановимся на рассмотрении третьего параметра.

На наш взгляд, между пунктуационными знаками, как и между элементами лексической системы, возможны оппозиционные отношения: синонимия и антонимия, варьирование в семантическом (многозначность) и формальном планах. Традиционно все пунктуационные знаки делят на две подгруппы в зависимости от занима-

емого ими места в предложении: знаки середины предложения и знаки конца предложения [3. С. 11]. Далее мы подробнее рассмотрим каждый из знаков второй подгруппы.

Объём подгруппы «знаки конца предложения» значителен и составляет 43% от всей выборки (слова из тематической группы «знаки пунктуации»).

Объектом исследования являются системные отношения между лексемами *точка*, *многоточие*, *восклицательный знак*, *вопросительный знак*, т.е. номинациями знаков конца предложения. Материалом для исследования служат высказывания письменной и устной речи, определенные методом сплошной выборки из разговорной речи, художественного и публицистического дискурса, учебной-деловой литературы, а также данные НКРЯ [12]. На данном этапе исследования в нашей выборке насчитывается 15 687 примеров употребления лексики из тематической группы «знаки пунктуации».

Слова из исследуемой тематической группы могут употребляться в терминологических и нетерминологических значениях. В терминологическом значении они используются в научных и учебных текстах. Большинство из лексико-семантических вариантов этих слов каждому носителю обыденного метаязыкового сознания встречаются на протяжении обучения в школе, например: *Точка ставится в конце законченного повествовательного предложения* [13. С. 217]; *Многоточие ставится для обозначения незаконченности высказывания, вызванной различными причинами, для указания на перерывы в речи, неожиданный переход от одной мысли к другой и т. д.* [Там же. С. 218]; *Вопросительный знак ставится в конце сложносочиненного предложения, если все образующие его части или только последняя из них заключает в себе вопрос* [Там же. С. 217]; *В восклицательных предложениях встречается постановка восклицательного знака после каждого из однородных членов для обозначения эмоциональной, прерывистой речи* [Там же. С. 218]. Как видим, термины этой группы используются для наименований знаков препинания. Высказывания, в которых даны лексемы, выступающие в терминологическом значении, мы привлекаем в исследовании как фоновые.

В поле зрения нашего исследования вошли лексемы, употребленные преимущественно в публицистических и художественных текстах, а также лексемы из разговорного дискурса, которые используются в нетерминологических значениях. Цель – проанализировать лексико-семантические варианты лексем и выяснить, каким образом в обыденном метаязыковом сознании носителей языка отражаются их представления о знаках пунктуации, следовательно, проследить соотношение между вербальным и графическим способом выражения этих знаков.

Как показало наше исследование, некоторые из этих лексем (например, *точка*, *многооточие*) употребляются в речи носителей обыденного метаязыкового сознания регулярно. Лексемы, называющие знаки конца предложения, в нашей выборке распределились по частоте употребления следующим образом.

Чаще всего употребляются слова *точка* (37%) и *многооточие* (34%). Такая частота их употребления свидетельствует, по нашему мнению, об их значимости в сознании носителей обыденного метаязыкового сознания. Гораздо реже встречаются номинации *вопросительный знак* (16%) и *восклицательный знак* (13%). Рассмотрим каждую лексическую единицу отдельно.

1. Наше предыдущее исследование показало [13. С. 236], что лексема *точка* очень часто употребляется во фразеологических единицах (*и точка*; *поставить точку*) и одиночно, например: *Ни к чему в наше время детей иметь, и точка!* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания. 1975–2003); *Правда, ночью они помирились, и Дина попросила прощения, но на этой теме была поставлена жирная точка* (И. Безладнова. «Дина» // Звезда, 2003); *Спорам, придет или не придет эксперимент по ЕГЭ в Москву, поставлена точка* (М. Головченко, С. Кириллова. «Абитуриентов подвели под черту» // Независимая газета. 12.02.2003).

Как видим, фразеологизм *поставить точку* имеет варианты *поставить точку* – *поставить жирную точку*. Иногда лексема *точка* употребляется одиночно, что будет проиллюстрировано ниже.

Ядерной семой лексемы *точка* является ‘завершённость чего-либо’. Более чем половина контекстов в нашей выборке (54%) подтверждает этот факт, например: *В июле 2004 года была поставлена точка в споре, а это значит, что налогоплательщики смогут сделать окончательные выводы о практике применения рассматриваемой нормы* (Бухгалтерский учет. 2004). Эта сема отражает представления говорящих о формальных и семантических функциях точки как знака препинания: точка – это знак финальной границы предложения и законченности мысли.

Периферийными являются такие семы слова *точка*, как ‘четкость, определенность мысли, однозначная интерпретация’, ‘акцент’, например: *Но для Америки все должно было быть точно и прочно: так-то и то-то – и точка, без разночтений, без многооточий* (А. Найман. Пропущенная глава // Октябрь. 2001); *И будет еще одна точка – на десерт* (Катастрофы. В кипящем котле нет

холодного места // Пятое измерение. 2002). Контексты, в которых актуализируются данные значения слова *точка*, составляют около 4% от всей выборки.

В контексте из А. Наймана мы выделяем сему ‘четкость, определенность мысли, однозначная интерпретация’, опираясь на слова *точно* и *прочно, без разночтений, без многооточий*. Эта сема является ассоциативной в отношении ядерной семы и мотивирована семантической функцией данного знака препинания – выразить законченность мысли. С этой семой связана фразеологическая единица *поставить точку*.

В примере из газетной статьи «Катастрофы. В кипящем котле нет холодного места» слово *точка* выполняет коммуникативно-прагматическую функцию. Здесь сема ‘конец’, видимо, мотивируется прагматической функцией точки как знака препинания, которая реализуется при парцелляции, – слово выступает средством актуализации смысла, что делает высказывание более экспрессивным.

2. Лексема *многооточие* чаще всего входит в состав фразеологической единицы *поставить многооточие*, например: *Кому-то милее откровенная точка, а кому-то совесть подсказывает поставить многооточие* (Женщина + мужчина: Психология любви, URL: http://eva.ru/static/forums/42/2004_12/243598.htm); *И стоит ли тогда ВСТРЕЧА тех слов, которые мы не произносим? А может, надо навсегда поставить многооточие?* («До свидания, мальчики...»? (И. Цыпина «Синдром разобщения 2003» // Независимый альманах Лебедь. 19.05.2003).

Хотя это языковое выражение не встречается во фразеологических словарях [14], мы интерпретируем его как фразеологическую единицу, поскольку оно обладает воспроизводимостью (форма, в которой оно употребляется в речи, каждый раз остается неизменной), и расчлененностью структуры (состоит из двух компонентов), регулярностью употребления и наличием образного компонента. Слово *многооточие* может употребляться одиночно, например: *Поэтическое многооточие призвано подчеркнуть сияющие перспективы происходящего* (И. Сухих «Однажды была земля» // Звезда. 2002).

В отличие от остальных пунктуационных знаков конца предложения, многооточие может указывать на оборванность фразы и на незаконченность мысли. В этом случае многооточие в соответствии с пунктуационной нормой «ставится для обозначения незаконченности высказывания, вызванной различными причинами, для указания на перерывы в речи <...>» [15. С. 43]. Иногда многооточие является знаком открытого финала в тексте. Так, повесть А. Пушкина «Метель» заканчивается фразой *Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...* Многооточие здесь, как справедливо отмечает Н.П. Перфильева [16], указывает на открытость финала, выполняя семантико-прагматическую функцию: это связано с завершенностью – незавершенностью сюжетных линий и фабульного ряда. Следовательно, здесь мы можем квалифицировать многооточие как знак того, что финал не является открытым.

Поэтому не случайно ядерной семой лексемы *многоотчие* является 'не конец' и она мотивирована функцией знака препинания, например: *Он ставил в тексте многоотчие, а сцена требует точки, и мы ее искали чисто актерскими средствами* (Р. Карцев «Малой, Сухой и Писатель»). Здесь говорящий употребил слова *многоотчие* и *точка* и установил между ними оппозиционные отношения, подчёркивая тем самым разность их семантики: 'не конец' и однозначная 'завершённость'. Таким образом, ядерные семы слов *точка* и *многоотчие*, фразеологических единиц *поставить точку* и *поставить многоотчие* являются контрастными и, следовательно, эти пары слов и фразеологических единиц можно квалифицировать как антонимические.

В ходе лингвистического эксперимента на стимул *многоотчие* мы получили единичную реакцию *запятые*. Как нам представляется, она многое сообщает о пунктуационном знаке. Слово образовано сложением частей слов *запятая* и *точка* и наложением их друг на друга. Это указывает на двойственную природу пунктуационного знака *многоотчие*: с одной стороны, он входит в группу знаков, оформляющих конец предложения, но отличается от них семой 'незавершенность', а с другой стороны, может употребляться и внутри предикативных единиц, как и *запятая*.

Ядерная сема слова *многоотчие* обусловлена значением и прагматической функцией *многоотчия*. Именно на этой функции акцентирует внимание толковый словарь: «Многоотчие <...> Знак препинания <...>, означающий недоговоренность, возможность продолжения текста» [17. С. 462]. Как показывает анализ более чем 700 контекстов из художественных произведений, творческие личности очень любят *многоотчие*, для них это знак содержательно и эмоционально наполненный – показатель наличия скрытого смысла, подтекста, недосказанности, эмоционального и психологического напряжения, затрудненности и прерывистости речи: *Хотя, с другой стороны, видимо, наступает время, когда в каких-то вещах уже нельзя оставлять многоотчие, позволяющее вернуться и переиграть. Я люблю многоотчия на сцене, они создают воздух, особое пространство для персонажа. Но в жизни надо уметь вовремя поставить точку. В ней есть свой характер, некая определённости, которая, как мне кажется, необходима. Особенно в отношениях с людьми. Здесь недосказанность всегда чревата отсутствием взаимопонимания. Поэтому у меня немного друзей* (С. Маковецкий. Своими словами. Книга, рассказанная на «Кинотавре»).

3. Контекстов с номинацией *восклицательный знак* нам встретилось меньше всего. Лексема *точка* регулярно вступает с номинацией *вопросительный знак* в оппозиционные отношения, например: *Последней премьерой уходящего театрального сезона Мариинка поставила не точку – восклицательный знак* (Ю. Кантор. Классика жанра. В Мариинском театре – премьера «Отелло» // Известия. 25.06.2001); *Я сказал «нет», и точка. Нет,*

даже так. «Нет» и три восклицательных знака (телесериал «Сваты»). Как видим, в сознании говорящего восклицательный знак, безусловно, связан с экспрессией. Оппозиция *точка – восклицательный знак* довольно распространена в речи, с её помощью говорящий подчёркивает экспрессивность. Эмоционально окрашенный восклицательный знак здесь подаётся в противовес нейтральной точке.

Восклицательный знак, так же как и точка, обычно выполняет следующие формальные и семантические функции: указывает на конец предложения и его завершённость, а также информацию о коммуникативном типе высказывания (невопросительное). Но заметим: в обыденном метаязыковом сознании предложения с восклицательным знаком относят к побудительным. Однако с формальной точки зрения восклицательный знак в отличие от точки может употребляться внутри предложения: *Радостный (родина!) сошёл наш казах* (А. Битов. Книга путешествий по Империи). Главное, эти знаки препинания различаются семантической функцией: точка указывает на отсутствие эмоциональной тональности высказывания, спокойную, ненапряжённую интонацию, а восклицательный знак, наоборот, – на напряжённую эмоциональную тональность.

Согласно пунктуационной норме, он ставится в конце восклицательных предложений, т.е. предложений, произносимых с особой интонацией и выражающих эмоциональное напряжение, например: *AAAAA!!!! РЕМОООНТ!!!!* (из интернет-источника). Автор, употребляя восклицательный знак, маркирует свое волнение, например: *Прощай, мое счастье, мое недолгое счастье!* (А. Куприн. «Поединок»). Эта информация подтвердилась в ходе проведённого нами ранее лингвистического эксперимента: реакция «волнение» (а также «выражение чувств и эмоций», именованные эмоциональных состояний) у стимула «восклицательный знак» имела высокий индекс яркости.

Вернёмся к примеру из статьи Ю. Кантора, посвящённой Мариинскому театру. Говорящий выражает идею завершённости сезона, употребляя номинации *точка* и *восклицательный знак*. Однако эта пара является антитезой, потому что конец был не стандартным, «серым», а наоборот, по мнению говорящего, ярким, запоминающимся, экспрессивным и неординарным. Таким образом, эта оппозиция построена на наличии / отсутствии семы 'яркости'.

Контекст из телесериала «Сваты» является иллюстрацией к тому, что употребление изучаемой лексики в нетерминологическом значении связано с образом письменного текста в обыденном метаязыковом сознании говорящего. Очевидно, что он мысленно представляет себе два текста: *Нет.* и *Нет!!!* Оба этих текста являются законченными, по цели высказывания – повествовательными, и на первый взгляд они отличаются эмоциональной тональностью. Первый текст – невосклицательный – говорящий произносит его нейтрально, а во втором интенсивно выражает эмоции. На наш взгляд, оппозиция *точка – восклицательный знак* здесь

выражает другие прагматические смыслы. Если же он произносит *и точка*, то это уже категоричное высказывание: как правило, данный фразеологизм используется говорящим после приведения завершающего аргумента и употребляется со значением «я закончил это обсуждать». Тем самым подчеркивается истинность предшествующего высказывания. Употребляя фразу *и три восклицательных знака*, он делает эту категоричность ещё более интенсивной.

Иные семы реализуются в контексте *Имиджевая нагрузка летней одежды более легка, но не менее выразительна. Просто летние восклицательные знаки расставлены несколько иначе* («Стиль жизни» // Деловой квартал. 2012. № 11). Данный контекст взят из статьи в бизнес-журнале, посвящённой тенденциям в моде для бизнесменов высокого класса, с целью дать рекомендации, как при помощи одежды и аксессуаров подчеркнуть свой высокий социальный статус. Номинация *восклицательные знаки* употребляется в нетерминологическом значении – в качестве синонима к слову *акценты*. Скрытой, периферийной здесь выступает сема ‘яркости’, как и в контексте из статьи Ю. Кантора.

Несмотря на невысокую частоту употребления, здесь явно есть оппозиция со словом *точка* по семе ‘яркость’ – ‘нейтральность’.

4. Номинация *вопросительный знак* в нетерминологическом значении не употребляется во фразеологических единицах; контексты с ним распространены, например: *Национальность богини юности не указана, вместо неё в словаре помещён вопросительный знак* (Э. Лимонов «У нас была Великая Эпоха»).

В данном контексте *вопросительный знак* является синонимом ‘неизвестности’: символ вопросительного знака, поставленный в тексте, сигнализирует читателю об отсутствии информации по данному вопросу. Употребление этой номинации обусловлено основной семантической функцией вопросительного знака. К слову, он, как и точка, обычно выполняет формальную (обозначение конца предложения) и ряд семантических функций (указания на законченность мысли, на отсутствие эмоционального напряжения). Вопросительный знак и точка в семантическом плане различаются указанием на коммуникативную функцию высказывания: получить информацию (вопросительный знак), сообщить информацию (точка).

Ядерной у номинации *вопросительный знак* является сема ‘вопрос’. Здесь обнаруживается прямая отсылка к семантической функции этого пунктуационного знака, которая закреплена в коллективном языковом сознании – обозначение информации о цели высказывания, получение информации.

Согласно полученным нами экспериментальным данным, анализу высказываний носителей обыденного метаязыкового сознания, вопросительному знаку (как и восклицательному) присущ дополнительный смысл – обозначение эмоциональности высказывания.

Как видим, в этом контексте говорящий интерпретирует восклицательный и вопросительный знаки как особо выразительные. Как мы говорили ранее, согласно пунктуационной норме восклицательный знак ставится в конце восклицательных предложений, т.е. предложений, произносимых с особой интонацией. Что же касается вопросительного знака, то здесь наблюдается несоответствие наивной и научной картин мира. В научной грамматике вопросительный тип предложения выделяется в рамках коммуникативной классификации высказываний, а в качестве средства выражения категории эмоциональности рассматривается восклицательное предложение. Однако носители обыденного сознания (в частности, школьники) вопросительное предложение, а значит и вопросительный знак, часто связывают со средствами выражения эмоциональности. Например: *Мне кажется, что знаки препинания похожи на нынешние смайлики :). Выразить эмоции при письме сложнее, чем при говорении, знаки препинания этому помогают*. В данном высказывании говорящий эксплицирует представление о прагматической функции пунктуации.

Ситуация недостатка информации воспринимается человеком как неприятная и тревожная, которую он стремится исправить с помощью запроса на получение недостающей ему информации. Это положение хорошо иллюстрирует следующий пример: *У меня новый ноутбук. Там, где раньше на клавиатуре был знак вопроса – теперь ставится точка. Это очень бесит, очень. Хотя по смыслу очень хорошо. Очень. Это просто очень хорошо. Если бы в жизни всегда так было: живешь, живешь, нажимаешь на привычные клавиши, задаешь вопросы. И вдруг раз, вместо знака вопроса сам начинаешь ставить в конце точки* (из онлайн-дневника пользователя Живого Журнала). Отмечая своё негодование по поводу замены вопросительного знака точкой, говорящий показывает семантическую разность между этими двумя знаками. Ему необходим вопросительный, обозначающий наличие вопроса для говорящего здесь, а вместо него ставится точка с семантикой ‘однозначности’ в интерпретации, ‘завершённости’, т.е. решённости вопроса, который на самом деле ещё не решён.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Лексемы, обозначающие знаки конца предложения, употребляются в нетерминологическом значении с разной степенью регулярности, чаще – *точка* и *многоточие*, реже – *вопросительный знак* и *восклицательный*. Слова *точка* и *многоточие*, регулярно встречаются в составе фразеологических единиц (например, *поставить точку*, *поставить многоточие*, а также самостоятельно).

2. Фразеологизмы со словом *точка* зафиксированы в «Толковом словаре» С.И. Ожегова, МАС, «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телия, «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под ред. А.И. Федорова, со словом *многоточие* – нет.

3. Ядерные семы номинаций *точка* и *многоточие* являются контрастными: 'завершённость' – 'не конец'.

Таким образом, эти лексемы могут вступать в антонимические отношения.

4. Говорящими активно реализуется прагматический потенциал графических и вербальных единиц из тематической группы «знаки пунктуации» с целью создания экспрессии в высказывании, образности, определённой эмоциональной тональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перфильева Н.П. О влиянии невербальной вторичной коммуникативной системы на вербальную // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка. М., 2007. С. 323–324.
2. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследование по структуре типологии. М., 1963. С. 208–215.
3. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М. : Высш. шк., 2004.
4. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М. : Наука, 1988.
5. Дзякович Е.В. Стилистический аспект современной пунктуации. Экспрессивные пунктуационные приемы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
6. Шевцова О.Н. Стилистические функции знаков препинания (на материале прозы В. Маканина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рн/Д, 1998.
7. Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : монография. М. : РГПУ им. А.И. Герцена, 1999.
8. Орехова Н.Н. Пунктуационная система языка: формирование, динамика развития (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2001.
9. Тискова О.В. Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы (на материале интерпретации читающим письменных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
10. Ярица Л.И. Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в некодифицированных текстах (на материале конспектов студентов томских вузов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
11. Захарова Е.О. Нерегламентированная пунктуация как признак рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.12.2013).
13. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. М. : Комплект, 1997.
14. Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация. М. : Выс. шк. 1989.
15. Ильина К.А. Точка: знак препинания и вербальное средство // Молодая филология-2010. Новосибирск, 2010. С. 236–249.
16. Перфильева Н.П. Коммуникативно-прагматический подход в обучении редактора пунктуационной правке издания // Книжное дело : сб. ст. Екатеринбург, 2008. С. 89–91.
17. Розенталь Д.С. Справочник по пунктуации. М. : Книга, 1984.
18. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2003.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.
20. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
21. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. СПб. : Рус. яз., 2001.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 января 2014 г.

THE RELATIONSHIP BETWEEN VERBAL AND GRAPHIC SIGNS IN EVERYDAY METALINGUISTIC CONSCIOUSNESS: PUNCTUATION END OF A SENTENCE

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 12-17. DOI: 10.17223/15617793/380/2

Ilyina Ksenia A. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: xenia-ilyina@yandex.ru

Keywords: punctuation; communicative-pragmatic aspect; semantics; functions of punctuation; punctuation end of a sentence; secondary communicative system.

According to N.P. Perflyeva phenomena indicating permanent influence of punctuation on the primary system of communication (i.e. the language) occur in educated people's discourse. The thematic group "punctuation marks" including such lexical units as "comma", "quotation marks", "brackets", etc. is still under-explored. The multiple aspect study of punctuation as the secondary system of communication started only at the end of the 20th century. All punctuation marks are traditionally divided in microgroups according to their place in the sentence: 1) mid-sentence marks, 2) sentence end marks. The subject analyzed in this article is systematic relations between the lexical units "period", "ellipsis", "exclamation mark", "interrogation mark", i.e. naming units designating sentence end marks. The volume of the microgroup "sentence end marks" is significant and makes up 43% of the whole selection (words included into the thematic group "punctuation marks"). Our opinion is that oppositional relations between punctuation marks as well as between elements of the lexical system are possible. They can include synonymy, formal and semantic variation (polysemy), etc. The words included into this thematic group can be used in terminological and non-terminological meanings. Terminological meanings occur in scientific and educational texts. Our research covers lexical units used mainly in journalistic and literary texts from the conversational discourse used in non-terminological meanings. Lexical units designating "sentence end marks" are used in non-terminological meaning with different frequency: period and ellipsis are used more often; exclamation mark and interrogation mark are used less often. The words "period" and "ellipsis" are used regularly a) as independent words, b) as a part of antonymous phraseological units "put a period" – "put an ellipsis". Nuclear semes of nominations "period" and "ellipsis" are contrast: 'completeness' – 'non-completeness'. The nuclear seme of the interrogation mark is 'question', and semes 'uncertainty' and 'doubt' are peripheral. The semes 'brightness' 'righteousness', 'accent' are typical for the exclamation mark. The last two semes are often contextual. Lexical units mentioned in the article and indicating a fully formed notion of a written text, its means of presentation and creative ability of functioning as a stylistic device in the metalinguistic perception of the speaker occur in the discourse of modern language speakers.

REFERENCES

1. Perfil'eva N.P. O vliyaniy neverbal'noy vtorichnoy kommunikativnoy sistemy na verbal'nuyu. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* : tr. i materialy III Mezhdunar. kongressa issledovateley russkogo yazyka. M., 2007. P. 323-324.
2. Reformatskiy A.A. O perekodirovaniy i transformatsii kommunikativnykh sistem. Issledovanie po strukture tipologii. M., 1963. P. 208-215.
3. Valgina N.S. Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii. M. : Vyssh. shk., 2004.
4. Shvartskopf B.S. Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie. M. : Nauka, 1988.
5. Dzyakovich E.V. Stilisticheskiy aspekt sovremennoy punktuatsii. Ekspressivnye punktuatsionnye priemy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1994.
6. Shevtsova O.N. Stilisticheskie funktsii znakov prepinaniya (na materiale prozy V. Makanina) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rn/D, 1998.
7. Shubina N.L. Punktuatsiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoy sisteme russkogo teksta : monografiya. M. : RGPU im. A.I. Gertsena, 1999.
8. Orekhova N.N. Punktuatsionnaya sistema yazyka: formirovanie, dinamika razvitiya (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 2001.
9. Tiskova O.V. Problema vliyaniya punktuatsii na pis'mennorechevye kommunikativnye protsessy (na materiale interpretatsii chitayushchim pis'mennykh tekstov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2004.
10. Yaritsa L.I. Punktuatsionnye normy i tendentsii ikh izmeneniya v nekodifitsirovannykh tekstakh (na materiale konspektov studentov tomskikh vuzov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2009.
11. Zakharova E.O. Nereglamentirovannaya punktuatsiya kak priznak reklamnogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2010.
12. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 01.12.2013).
13. Rozental' D.E. Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike. M. : Komplekt, 1997.
14. Valgina N.S. Sovremennyy russkiy yazyk. Punktuatsiya. M. : Vys. shk. 1989.
15. Il'ina K.A. Tochka: znak prepinaniya i verbal'noe sredstvo. *Molodaya filologiya-2010*. Novosibirsk, 2010. P. 236-249.
16. Perfil'eva N.P. Kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod v obuchenii redaktora punktuatsionnoy pravke izdaniya. *Knizhnoe delo* : sb. st. Ekaterinburg, 2008. P. 89-91.
17. Rozental' D.S. Spravochnik po punktuatsii. M. : Kniga, 1984.
18. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M. : ITI Tekhnologii, 2003.
19. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. Pod red. A.P. Evgen'evoy. M. : Rus. yaz., 1981-1984.
20. Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy. Pod red. V.N. Teliya. M. : AST-PRESS KNIGA, 2009.
21. Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka. Sost. A.I. Fedorov. SPb. : Rus. yaz., 2001.

С.В. Козым

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ

В статье рассматриваются дискурсивные маркеры как инструмент структурирования научного письменного дискурса. Материалом исследования выступают русскоязычные и немецкоязычные статьи по геологии. Особое внимание уделено специфике употребления определенных функциональных групп дискурсивных маркеров в научных статьях: дискурсивных маркеров, обеспечивающих связность текста, передающих отношения автора к сказанному и отражающих процесс взаимодействия автора и читателя. Выявляются этнолингвистические особенности функционирования дискурсивных маркеров в научных русскоязычных и немецкоязычных статьях.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивные маркеры; функционально-прагматические признаки дискурсивных маркеров; классификация дискурсивных маркеров.

Несмотря на большое количество работ, исследующих различные виды дискурса, многие специфические черты научного дискурса до сих пор недостаточно изучены. Принято считать, что принципы построения научных текстов не зависят от языка, а отражают основные особенности научного стиля: точность, объективность, логичность изложения и др. Однако последние исследования в данной области убедительно доказывают, что научные тексты, написанные на разных языках, имеют национальную специфику и значительно различаются в способах организации дискурса.

Целью данной статьи является сравнение дискурсивных маркеров в русскоязычном и немецкоязычном научном дискурсе. В качестве **объекта** исследования выступают письменные научные тексты по геологии, написанные на русском и немецком языках. **Предметом** анализа является проявление этноязыковой специфики в использовании дискурсивных маркеров при построении русскоязычных и немецкоязычных научных письменных текстов.

В основу работы положена **гипотеза** о влиянии этнолингвистических факторов на особенности функционирования дискурсивных маркеров в научных статьях.

С нашей точки зрения особенности употребления дискурсивных маркеров в научных статьях подвержены не только влиянию научных направлений или языковой личности ученого, но и этнокультуры, которая также накладывает отпечаток на коммуникативное поведение ученого.

Дискурсивные маркеры являются языковыми единицами, а язык, в свою очередь, не может существовать вне культуры, он является ее неотъемлемой частью. Принадлежит к определенной, исторически обусловленной культуре, человек сопрягает свое коммуникативное поведение с традициями общения определенной лингвокультурной общности. Американский лингвист и этнолог Эдвард Сепир, говоря о связи языка и культуры, подчеркивал, что «культура – это то, *что* данное общество делает и думает. Язык же есть то, *как* думают» [12].

Данная работа направлена на установление возможности влияния этнокультурных различий на тип текстового использования дискурсивных маркеров. Поэтому чтобы исключить влияние жанрового, стилового, иде-

остилевого факторов на характер актуализации данных коммуникативных единиц, в качестве материала исследования были привлечены тексты одного типа дискурса (научного), одного жанра и стиля, написанные разными авторами. Таким образом, переменной величиной, влияющей на характер использования дискурсивных маркеров, в исследуемом материале является этноязыковая принадлежность автора. Затем выявлялись средние величины в использовании маркеров в текстах, написанных русскоязычными и немецкоязычными авторами.

Материалом для анализа послужили русскоязычные и немецкоязычные научные работы по геологии. Были проанализированы статьи российских исследователей Томского политехнического университета [1. С. 47–52; 2. С. 32–36; 3. С. 83–91; 4. С. 46–51] и статьи немецких ученых, опубликованные в сборниках статей федерального геологического управления г. Вены [5. С. 45–51; 6. С. 33–37; 7. С. 71–79; 8. С. 29–32]. Общий объем исследованного материала составляет около 20 тысяч словоупотреблений (около 10 тысяч словоупотреблений в каждом языке).

Исследование дискурсивных маркеров сформировалось в качестве самостоятельного направления современного дискурс-анализа. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» термин «дискурс» определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, <...> взятый в событийном аспекте» [9. С. 136–137]. Каждый текст (устный и письменный), рождаясь в определенном дискурсе, состоит из слов, а значит, можно сказать, что все слова дискурсивны, т.е. обнаруживают большую или меньшую обусловленность своего функционирования от общих условий дискурса. В более узком смысле дискурсивными называют группы слов, которые являются языковым инструментом структурирования дискурса [10].

Дискурсивные маркеры изучаются как отечественными, так и зарубежными лингвистическими школами. При этом термин «дискурсивные маркеры» не является общепринятым. Наоборот, в лингвистических исследованиях отмечается значительный разнобой при определении данных текстовых единиц, используются терми-

ны «дискурсивные маркеры», «дискурсивные частицы», «дискурсивные коннективы», «дискурсивные операторы», «прагматические маркеры», «прагматические частицы» и др. Употребление разнообразных обозначений данного класса единиц объясняется различными теоретическими подходами, в рамках которых они рассматриваются.

В рамках теории дискурса, столь популярной на Западе, используется термин «дискурсивные маркеры», обозначающий «секвенциально зависимые частицы, которые разграничивают единицы речи» («I operationally define markers as sequentially dependent elements which bracket units of talk») [13. С. 3].

В немецкоязычных исследованиях дискурсивных маркеров мы встречаем определения, которые подчеркивают роль данных слов не только в структурной и смысловой организации дискурса, но и их направленность на говорящего и слушающего: «Dabei strukturieren sie [Diskursmarker] die einzelnen Redebeiträge, kommentieren jedoch auch den Diskurs selbst, in dem sie sich zu gleich auf die Sprecher und Hörer beziehen» [14. С. 1–25].

В отечественной лингвистике в исследованиях, посвященных проблемам функционирования дискурсивной лексики, преимущественно используется термин «дискурсивные слова», под которым понимаются «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связанность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он их оценивает с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.п.» [15. С. 7].

В своем исследовании для обозначения дискурсивной лексики мы будем употреблять термин «дискурсивные маркеры». С нашей точки зрения, именно термин «маркер» указывает на то, что дискурсивная лексика используется в качестве ориентировочных сигналов, помечающих, т.е. маркирующих структуру речи, выполняя при этом определенные функции.

Однако следует отметить, что в зарубежной лингвистической традиции термин «дискурсивные маркеры» используется одними авторами в достаточно широком смысле как гипероним (Д. Шифрин, Д. Блэкмор и др.), в то время как другие исследователи этим же термином обозначают частную разновидность дискурсивных единиц, т.е. используют термин «дискурсивные маркеры» в качестве гипонима по отношению к иному термину-гиперониму, обобщающему всю категорию в целом [13. С. 25–50].

Такое употребление можно встретить в работах Б. Фрейзера, который использует гипероним «прагматические маркеры» («pragmatic markers»). Дискурсивные маркеры он рассматривает как одну из четырех разновидностей прагматических маркеров: 1) базовые маркеры (basic pragmatic markers); 2) маркеры-комментарии (commentary pragmatic markers); 3) параллельные маркеры (parallel pragmatic markers); 4) дискурсивные маркеры (discourse markers) [16. С. 931–952].

Этот же гипероним использует Л. Бринтон [17. С. 412], в то время как другие исследователи отдают предпочтение иным гиперонимам. Так, например, К. Фишер и К. Аймер [18. С. 299] используют в своих работах гипероним дискурсивные частицы (discours partцels).

В данной работе, вслед за Д. Шифрином, мы будем использовать термин «дискурсивные маркеры» в широком смысле, обобщая им всю категорию дискурсивных единиц.

На основании приведенных выше определений дискурсивных маркеров можно выявить основные функции, которые выполняют данные единицы.

Большинство исследователей считают главной функцией дискурсивных маркеров **выражение связи между отрезками дискурса**. Связность является важнейшей текстовой категорией, которая делает возможным развитие темы и обеспечивает целостность текста. Связность условно делится на структурную, которая представляет собой совокупность лексических и грамматических средств для выражения связей между единицами текста (когезия), и смысловую, которая обеспечивает смысловую организацию текста как единого целого (когеренция). Дискурсивные маркеры, демонстрируя свойства и когезии, и когеренции обеспечивают грамматическую и смысловую цельность дискурса.

Не менее важны и прагматические функции дискурсивных маркеров – **отражение процесса взаимодействия говорящего и слушающего и передача отношения говорящего к сказанному**. Данные функции позволяют направлять и облегчать интерпретацию текста адресатом: «Говорящий с помощью дискурсивных слов не только устанавливает взаимосвязь с предыдущим контекстом, но и определяет характер отношений по сравнению с другими элементами контекста» [19. С. 6].

Приведенные функционально-прагматические признаки дискурсивных маркеров позволяют выделить три группы дискурсивных маркеров. Полагаем, что данная классификация применима к единицам разных дискурсов, в том числе научного письменного дискурса.

1. Маркеры, обеспечивающие связность текста. Они не только указывают на роль и место отдельного элемента в структуре дискурса, но и осуществляют связь между предыдущим и последующим дискурсом. К данной группе относятся маркеры, указывающие:

- на порядок следования информации (*во-первых, во-вторых, наконец, erstens, zweitens, schließlich*);

- порядок расположения материала на странице или в тексте (*как говорилось выше, как уже отмечалось, wie es oben gesagt war, darum geht es weiter*);

- введение новой или дополнительной информации (*кроме того, заметим, что, außerdem, das bedeutet, dass..., bemerkenswert...*);

- повтор информации или конкретизацию, разъяснение, перефразирование высказанной мысли (*другими словами, так сказать, таким образом, то есть, а именно, anders gesagt, also, demgemäß*);

- выделение и важность информации (*более того, особенно, следует отметить, уместно подчеркнуть*,

совершенно ясно, естественно, очевидно, несомненно, außerdem, mindestens, wenigstens, klar, dass..., offensichtlich, zweifellos);

– противопоставление или отход от основной линии изложения (*однако, в отличие, с одной стороны, с другой стороны, тем не менее, между тем, при этом, aber, einerseits, andererseits, im Gegensatz*);

– введение примеров (*такие как, например, к примеру, для иллюстрации, zum Beispiel, solche, wie...*);

– вывод или заключение (*следовательно, в результате, итак, таким образом, also, zusammenfassend, schließlich*) [20. С. 13–15].

2. Маркеры, передающие отношение говорящего к сказанному. Данные маркеры указывают на мнение автора и на авторскую оценку информации (*возможно, очевидно, по-видимому, фактически, в сущности, к сожалению, vielleicht, tatsächlich, in der Regel, normalerweise, wahrscheinlich*).

3. Маркеры, отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего. Научный дискурс, как и многие другие, характеризуется направленностью на адресата, диалогичностью. Диалогичность научного текста проявляется в использовании особых языковых средств. Используя их, автор направляет внимание читателя, помогает ему в выделении ключевых моментов содержания текста. К этой группе можно отнести дискурсивные маркеры, апеллирующие к фоновым знаниям читателя, отсылающие к ранее изложенному материалу (*согласно, как пишет, известно, что..., понятно, что..., не секрет, что..., общеизвестно, как известно, allbekannt, demgemäß, entsprechend, auf Grund*).

Данная классификация позволяет раскрыть структурно-логические связи в научном дискурсе и объяснить авторский выбор того или иного дискурсивного маркера, поэтому она была взята нами за основу при решении задачи сравнительного анализа русскоязычных и немецкоязычных статей геологического научного дискурса и выявления их этнолингвистической и дискурсивной специфики. Количество дискурсивных маркеров в проанализированных русскоязычных научных статьях показало 112 словоупотреблений, в немецкоязычных – 45.

Проведенное исследование и количественный анализ полученных данных показывают, что и в немецкоязычных, и в русскоязычных научных статьях самой многочисленной и наиболее употребительной является первая группа дискурсивных маркеров, обеспечивающих связность текста. В среднем на данную группу приходится 80% всех русскоязычных дискурсивных маркеров и 67% немецкоязычных. Это можно объяснить тем, что именно данные дискурсивные маркеры участвуют в формировании основных черт научного стиля: связности, логичности и последовательности изложения, т.е. маркируют порядок представления мыслей автора.

Анализ показывает, что первую позицию по частоте употребления в этой группе занимают маркеры, отсылающие читателя к наглядным примерам: графикам, диаграммам, таблицам и т.д. (22,2% словоупотреблений в

русском языке и 26,8% в немецком). Наглядность представления научного содержания является неотъемлемой частью всех проанализированных статей, которая позволяет образно и детально показать объект, сделать доступным понимание различных процессов, помогает провести анализ наблюдений и визуально отобразить итоги исследований. Главная функция используемых дискурсивных маркеров заключается в максимальном упрощении для читателя ориентации в тексте статьи. При этом наиболее часто встречаются дискурсивные маркеры, неявно указывающие на наглядность, например (*рис.1*), (*Abb. 1*), и реже – дискурсивные маркеры, эксплицитно отсылающие читателя к графикам, таблицам, рисункам (*как было показано в табл. 1, в таблице видно, рисунок 1 иллюстрирует, на графике показано, ... ist in Abb. 1 dargestellt*).

Вторую позицию по частоте употребления среди остальных дискурсивных маркеров данной группы занимают маркеры, указывающие на вывод или заключение автора (16,1% словоупотреблений в русском языке, 13,3% единиц в немецком): *таким образом, исходя из этого, поэтому, отсюда следует вывод, это позволяет сделать вывод, следовательно, was bedeutet, darüber hinaus* и др. Очевидно, это связано с тем, что задачей авторов научных статей является формулировка результатов своей работы и определение их значимости.

Дискурсивные маркеры, указывающие на выделение и важность информации (7,1% словоупотреблений в русскоязычных текстах и 5 в немецкоязычных), а также на введение новой и дополнительной информации (5,4% словоупотреблений в русскоязычных текстах и 8,9% – в немецкоязычных), занимают третью и четвертую позиции по частоте употребления в текстах проанализированных статей (*примечательно, показательно, важно отметить, следует подчеркнуть, в том числе, помимо этого, кроме того, besonders charakteristisch, auffallend, offenbar, insbesondere*). Данные маркеры решают задачу воздействия на читателя, способствуют запоминанию им наиболее важных, по мнению автора, моментов. Поскольку главной задачей научных статей является сообщение новых знаний, то столь частое употребление дискурсивных маркеров данных групп оказывается закономерным.

Второй по частоте употребления стала группа маркеров, указывающих на авторскую оценку (в русскоязычных и немецкоязычных статьях 12 и 18% соответственно). Несмотря на то что в научной речи все внимание сосредоточено на содержании и логической последовательности сообщения, авторское «я» находится на втором плане, однако многие лингвисты отмечают тенденцию к усилению субъективной составляющей в современной научной речи, которая рассматривается и как способ самовыражения автора, и как способ поддержания его профессионального статуса [21. С. 8–13]. Во всех проанализированных статьях встретились дискурсивные маркеры, отражающие разные виды модальных смыслов, в том числе оценочности (11,6% словоупотреблений в русскоязычных текстах и 17,8% –

в немецких). Отмечаются словоупотребления, указывающие на логическую вероятность (*возможно, вероятно, можно предположить, wahrscheinlich, vielleicht, vermutlich, es dürfte sich handeln..., offenbar*), различного рода оценки (*справедливо, действительно, как правило, es ist deutlich*), отношение к содержанию (*примечательно, erstaunlicherweise*), мнение автора (*на наш взгляд, по нашему мнению*). При этом нужно отметить, что немецкоязычные ученые демонстрируют большую сдержанность в проявлении индивидуально-авторской модальности по сравнению с русскоязычными. В речи же отечественных авторов личностное начало проявляется сильнее, в частности только в русскоязычных статьях встречаются маркеры, эксплицитно выражающие мнение ученого.

Наименее часто встречающиеся дискурсивные маркеры, относящиеся к третьей группе, отражают процесс взаимодействия автора и читателя. Их доля в проанализированном материале составляет 8% в русскоязычных статьях и 15% в немецкоязычных. Наиболее часто используемыми из данной группы являются маркеры, содержащие ссылку на другие источники (по 6 дискурсивных маркеров в рассматриваемых типах текстов). Чаще всего такая ссылка весьма конкретна, она содержит фамилию какого-либо исследователя или название источника (*как подчеркивали авторы коллективной работы...; так, в монографии...; например, в работах...; в работе... доказано; з. В...; vgl. auch...*). Кроме того, встречаются дискурсивные маркеры, указывающие на обобщенный источник информации (*известно, согласно современным представлениям, es ist aber bekannt*). Кроме ссылок на работы других авторов в русскоязычных статьях встретились ссылки на свои исследования (*как было показано ранее; в работе... показано*).

Наряду со сходствами были выявлены и два значительных расхождения в употреблении дискурсивных маркеров в научных геологических статьях, написанных на русском и немецком языках.

Первое расхождение в том, что количество дискурсивных маркеров в проанализированных русскоязычных статьях значительно превышает количество дискурсивных маркеров в немецкоязычных статьях: 112 и 45 дискурсивных маркеров соответственно. Столь значительное расхождение можно объяснить двумя причинами. Первая из них связана с тем, что все немецкоязычные статьи по геологии четко структурированы по разделам, каждый из которых имеет соответствующий заголовок: введение, главы, подглавы, заключение. Это помогает максимально высветить композиционную структуру статьи и выделить наиболее важные смысловые доминанты, не используя дискурсивные маркеры.

В некоторых современных русскоязычных статьях авторы также выделяют заголовками отдельные рубрики текста: введение и заключение, но это является скорее исключением, чем правилом (одна статья из всех проанализированных), и большинство авторов вынуждено подчёркивать переход от одного исследовательского эпизода к следующему с помощью дискурсивных

маркеров. Например, если немецкоязычный автор выделяет заключение с помощью заголовка *Schlussfolgerungen* (выводы), то русскоязычный автор прибегает к дискурсивным маркерам, указывающим на выводы (*отсюда должен следовать вывод, таким образом, это позволяет сделать вывод, следовательно, в целом и др.*). Во всех проанализированных немецкоязычных статьях присутствует раздел, озаглавленный «*Ergebnisse*» (результаты), в котором авторы перечисляют результаты проведенных исследований. В статьях русскоязычных авторов результаты исследований четко не выделены, а присутствуют во всем тексте статьи. Поэтому для того, чтобы акцентировать внимание читателя на результатах работы и подчеркнуть их значимость, используются дискурсивные маркеры, такие как *прежде всего, важно подчеркнуть, особенно показательно, примечательно и др.*

Вторая причина столь большого различия в количественном употреблении дискурсивных маркеров в русскоязычных и немецкоязычных текстах позволяет предположить, что русскоязычные геологические статьи более ориентированы на читателя. Русскоязычный автор в большей мере пытается пояснить читателю, какие именно мыслительные операции ученый совершает: вводит в проблему (*как известно, в частности*), переходит к следующему вопросу (*таким образом, исходя из этого, однако*), возвращается к исходному пункту (*как показано выше, как уже отмечалось*), приводит пример (*например, на рисунке..., приведен пример...*), анализирует результаты эксперимента (*как правило, прежде всего, видимо*), делает выводы (*следовательно, отсюда следует вывод, это позволяет сделать вывод*).

Второе расхождение – это степень разнообразия употребляемых дискурсивных маркеров, т.е. соотношение количества использованных дискурсивных маркеров к частоте их употребления: несмотря на то что русскоязычные авторы употребляют дискурсивные маркеры чаще, чем немецкоязычные, они менее разнообразны. В среднем один и тот же маркер употребляется 4,5 раза в русскоязычных статьях и 2,5 раза в немецкоязычных статьях. В русскоязычных статьях преобладают такие дискурсивные маркеры, как *следовательно, можно предположить, как правило, возможно, например*, в немецкоязычных *darüber hinaus, allerdings, zum Beispiel*.

Несмотря на то что в русскоязычной научной речи одни и те же дискурсивные маркеры встречаются чаще, благодаря их более широкому употреблению она производит впечатление более живой и динамичной. Кроме того, такой текст явно проявляет стремление автора выразить свою позицию и донести ее до читателя. Немецкоязычная научная речь в проанализированных статьях, наоборот, создает впечатление более сухой, направленной на более отстраненный, констатирующий тип изложения информации.

Проведенное исследование подтвердило существование особенностей организации немецкоязычного и русскоязычного научного геологического дискурса. Данные особенности можно объяснить влиянием дис-

курсивных и этноязыковых моделей организации научного текста: первый тип влияния предопределяет общность в организации научного геологического дискурса посредством дискурсивных маркеров, второй – отличия в организации [22. С. 59–84]. Представляется необхо-

димым дальнейшее сопоставительное изучение норм организации письменной научной геологической речи в немецком и русском языках на более обширном материале для уточнения влияния национальной специфики в способах организации научного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагина Е.А. Влияние микропримесей на микротвердость арсенопирита и пирита золоторудного месторождения Чертово Корято (Патомское нагорье) // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, № 1 : Науки о Земле.
2. Кучеренко И.В. Минералого-петрохимические черты ассоциации кислых гиабиссальных пород Беркульского рудного поля // Известия Томского политехнического университета. 2003. Т. 306. № 5.
3. Столбова Н.Ф. Развитие представлений об особенностях углеродистых отложений доманикового типа // Известия Томского политехнического университета. 2002. Т. 305, вып. 8 : Геология и разработка нефтяных и газовых месторождений.
4. Ворошилов В.Г. Вихревая природа рудогенных геохимических полей // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 1: Науки о Земле.
5. Drescher-Schneider R., Kellerer-Pirklbauer A. Gletscherschwund einst und heute – neue Ergebnisse zur holozäne Vegetations- und Gletschergeschichte der Pasterze (Hohe tauern, Österreich) / Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
6. Damm B., Therhorst B. Zum Einfluss bodenphysikalischer und bodenmechanischer Parameter in quartärer Deckschichten auf Massenbewegungen im Wienerwald / Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
7. Haslinger E. Der «Rote Aufschluss» von Langenlois Pedogenese und Mineralogie von Paläoboden-Sequenzen über Amphibolit // Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
8. Felderer A. Identifikation und Abschätzung von Murprozessen als Folge von Gletscherrückgang und Permafrostdegradation im Naturpark Rieserferner-Ahrn (Südtirol) / Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
9. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
10. Плунягин В.А. Дискурсивные слова. URL : <http://postnauka.ru/faq/8572> (дата обращения: 14.09.2013).
11. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007.
12. Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/index.php (дата обращения: 20.12.2013).
13. Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context // Handbook of Discourse Analysis. 2001.
14. Aloveciene E. Die Rolle der Hecken ausdrücke bei der Diskursstrukturierung im Deutschen und Litauischen / Acta Linguistica Lithuanica. LIV. 2006.
15. Баранов А.Н., Плунягин В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
16. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics 31. Boston, 1999.
17. Brinton L. Pragmatic markers in English: Grammaticalization and discourse functions. Berlin; New York, 1996.
18. Aijmer K. English discourse particles. Evidence from a corpus. Amsterdam, 2002.
19. Хачатурян Е.В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
20. Губарева О.Н. Сопоставительный анализ метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
21. Викторова Е.Ю. Влияет ли дискурс на использование дискурсивов? (На материале письменного научного дискурса) // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11, вып. 3.
22. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшкина Е.А. и др. Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск : ИД СК-С, 2011.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 января 2014 г.

DISCOURSE MARKERS IN RUSSIAN AND GERMAN GEOLOGICAL SCIENTIFIC PAPERS

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 18-23. DOI: 10.17223/15617793/380/3

Kogut Svetlana V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kogut.sv@mail.ru

Keywords: discourse; discourse markers; functional-pragmatic features of discourse markers; discourse marker classification.

A scientific paper is intended to transfer, store and distribute the advances in scientific knowledge. It presents the results of research activity within the framework of scientific discourse. As a rule, scientific papers written in various languages are significantly different in terms of discourse element organization revealing national peculiarities. Therefore, it is not always possible to apply the same organization and interpretation tools towards scientific papers written in different languages. Discourse markers are linguistic elements that organize textual information and build the discourse structure. The study involves the analysis of Russian and German scientific papers in geology. Ethnolinguistic features of discourse markers and structural peculiarities of Russian and German scientific written discourse are revealed. A discourse unit can be termed in different ways within various theoretical approaches. From our point of view, it is the term “discourse marker” that best suits for defining signals which mark the structure of scientific writing. This means that discourse marker is an element that secures the cohesion of the text and represents not only the way the author interacts with the reader, but also reveals peculiar author’s intent. This definition involves the basic functions of scientific discourse markers and classifies them into three groups. The present study examines the function peculiarities of these discourse marker groups in scientific papers: discourse markers that secure text cohesion, show the author’s attitude towards what (s)he wrote and reveal the author/reader interaction pattern. The analysis of Russian and German papers showed that in both of them the largest and most common group is discourse markers providing text cohesion. It is these discourse markers that are involved in the formation of the main features of the scientific style: cohesion and consistency of the statement marking the order of the author’s thoughts. The next most frequently used group is markers indicating the author’s evaluation which can be seen both as a way of expression of the author and as a way of maintaining his/her professional status. The least frequent markers are discourse markers reflecting the process of interaction between the author and the reader. The study confirmed the existence of organizational peculiarities of German and Russian geological scientific discourse.

REFERENCES

1. Vagina E.A. Vliyaniye mikroprimesei na mikrotverdost' arsenopirita i pirita zolotorudnogo mestorozhdeniya Chertovo Koryto (Patomskoe nagor'e). *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2011. V. 319. No. 1 : Nauki o Zemle.
2. Kucherenko I.V. Mineralogo-petrokhimicheskie cherty assotsiatsii kislykh gipabissal'nykh porod Berikul'skogo rudnogo polya. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2003. V. 306. No. 5.
3. Stolbova N.F. Razvitiye predstavleniy ob osobennostyakh uglerodistykh otlozheniy domanikovogo tipa. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2002. V. 305, vyp. 8 : Geologiya i razrabotka neftyanykh i gazovykh mestorozhdeniy.
4. Voroshilov V.G. Vikhrevaya priroda rudogennykh geokhimicheskikh polei. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2012. V. 321. No. 1: Nauki o Zemle.
5. Drescher-Schneider R., Kellerer-Pirklbauer A. Gletscherschwund einst und heute – neue Ergebnisse zur holozäne Vegetations- und Gletschergeschichte der Pasterze (Hohe tauern, Österreich). *Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt*. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
6. Damm B., Therhorst B. Zum Einfluss bodenphysikalischer und bodenmechanischer Parameter in quartärer Deckschichten auf Massenbewegungen im Wienerwald. *Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt*. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
7. Haslinger E. Der «Rote Aufschluss» von Langenlois Pedogenese und Mineralogie von Paläoboden-Sequenzen über Amphibolit. *Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt*. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
8. Felderer A. Identifikation und Abschätzung von Murprozessen als Folge von Gletscherrückgang und Permafrostdegradation im Naturpark Rieserferner-Ahrn (Südtirol). *Abhandlungen der geologischen Bundesanstalt*. Wien. 2008. Bd. 62. Veränderter Lebensraum – gestern, heute und morgen.
9. Arutyunova N.D. Diskurs. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990.
10. Plunyan V.A. Diskursivnye slova. URL : <http://postnauka.ru/faq/8572> (data obrashcheniya: 14.09.2013).
11. Grigor'eva V.S. Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. Tambov : Izd-vo Tambov. gos. tekhn. un-ta, 2007.
12. Sepir E. Izbr. trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/index.php (data obrashcheniya: 20.12.2013).
13. Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. *Handbook of Discourse Analysis*. 2001.
14. Aloveciene E. Die Rolle der Hecken ausdrücke bei der Diskursstrukturierung im Deutschen und Litauischen. *Acta Linguistica Lithuanica*. LIV. 2006.
15. Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka. M., 1993.
16. Fraser B. What are discourse markers? *Journal of Pragmatics* 31. Boston, 1999.
17. Brinton L. Pragmatic markers in English: Grammaticalization and discourse functions. Berlin; New York, 1996.
18. Aijmer K. English discourse particles. Evidence from a corpus. Amsterdam, 2002.
19. Khachaturyan E.V. Semantika i sintaktika diskursivnykh slov glagol'nogo proiskhozhdeniya v sovremennom ital'yanskom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000.
20. Gubareva O.N. Sopostavitel'nyy analiz metadiskursivnoy organizatsii angloyazychnykh i russkoyazychnykh nauchno-uchebnykh tekstov po ekonomike : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011.
21. Viktorova E.Yu. Vliyaet li diskurs na ispol'zovanie diskursivov? (Na materiale pis'mennogo nauchnogo diskursa) // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2011. V. 11, vyp. 3.
22. Rezanova Z.I., Ermolenkina L.I., Kostyashkina E.A. i dr. Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs. Tomsk : ID SK-S, 2011.

А.Е. Козлов

**ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ И СЮЖЕТ О ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОБЛИЧИТЕЛЯХ
В РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 60-х г. XIX в.**

Объектом рассмотрения настоящей статьи является взаимодействие двух сюжетных схем, связанных с деятельностью журналистов губернских ведомостей и обличителей. На материале русской беллетристики («Отечественные записки», «Современник», «Искра») рассматриваются частотные варианты изучаемых сюжетных схем. Анализ крупных романских форм («Бес в Холопске» С. Федорова, «Обличители» М.П. Стопановского, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского) показывает, что данные сюжеты, находясь в семантическом взаимодействии, не только входят в репертуар провинциальных сюжетов, но и генерируют общий металитературный фон, который, в свою очередь, делал обличительное направление вторичным фактом.

Ключевые слова: русская литература; журналистика второй половины XIX в.; сюжет об обличителях; губернские ведомости, провинциальный текст.

Обличительное (реальное) направление, возобладавшее в 60-е гг. XIX в. в критике и журналистике, стало не только социальным, но и эстетическим фактом. При сравнении собственно исторических, публицистических и художественных контекстов, можно увидеть первичность фикционального над реальным. Так, появляясь в литературной сфере, обличительное направление постоянно становилось объектом рефлексии, провоцируя появление сатирических и иронических сюжетных вариантов. При этом объекты обличения зачастую трансформировались, утрачивая возможную связь с реальностью.

Рассматриваемая в настоящей статье репутация губернской прессы часто предопределялась культурным стереотипом. Поскольку в отдаленных от столицы городах функцию журналистов выполняли находящиеся на службе чиновники, представление о губернской печати было обусловлено сюжетом о службе в провинции. Связанная с этим сюжетом семантика поденной работы и литературной каторги часто определяла денотат сюжета о губернских ведомостях.

Если в толстых журналах объектом осмеяния становились отдельные известия, извлеченные из губернских ведомостей (часто не существующие, якобы созданные Фалалеевыми и Митрофановыми), то в сатирических еженедельниках они составляли основу рубрик («Нам пишут», «Из провинции» и т.д.), по которым читатель формировал свои представления о провинциальной жизни. Как писал П. Сумароков, пародируя провинциальную периодику, «...нельзя не сознаться, что все заявленные здесь потребности и обличения не слишком крупны, но что же делать! Для Англии нужен Times, для нашего угла хороша и «Наша Местность»» [1. С. 236].

На страницах «Искры» новостные обзоры из жизни провинций представляли исключительно анекдотические ситуации. Описывая местного губернского аэда, фельетонист «Искры» замечает: «Поэт бард, как без всяких средств, единственно одним пламенным желанием, грязные улицы превращаются в шоссе, в городе вечный мир и благоденствие...» [2. С. 201]. Вся статья построена на контрасте действительности, видимой и осязаемой, и творческого, художественного мира, создаваемого по рекомендации градоначальника. В одном из «Курьезных случаев», описанных С.И. Федоровым, рассказы-

вается о чиновнике, который работал в местной прессе: «Но это что, в сравнении с теми статьями, которые он помещает в «Губернских ведомостях» — превосходный слог. Помните эту статью, где он описывает наш город: кротость нравов, добродетель и образованность высшего сословия. Читать упоительно! Какая-то солидность и нравственность в каждой статье; это не то, что какая-нибудь эта <...> утопия... фармокопия какая-нибудь» [3. С. 97]. Упоминание утопии в этом контексте обнажает несовместимость представленных материалов с губернской жизнью: иронический эффект достигается за счет смешения явлений.

В фельетоне «Сторона наша убогая» Г.И. Успенский описывает творческие муки начинающего журналиста. Корреспондент Чернилов отправляется по улицам губернского города: «— Ну что же, будет ли что-нибудь, — спрашивал Чернилов себя и мертвое царство. — Ничего не будет, отвечал кто-то, — будто и сам Чернилов, и само мертвое царство» [4. С. 102]. Не сумев найти материала в действительности, Чернилов обращается к литературным штампам. Используя сложный период и употребив в своей статье четыре раза «когда», Чернилов начинает писать предложение, открывающееся словом «тогда». Представляя итог творческих поисков, повествователь указывает: «Вымученная таким усиленным приемом корреспонденция, очевидно, много говорила неправды, много врала, потому что наша родная убогая сторона и до сих пор та же» [4. С. 106].

Во всех приведенных контекстах губернские ведомости становятся синонимом дилетантизма в литературе. Иногда этот мотив усугубляется через описание работы губернского журналиста как части бессмысленной повседневности: «...станешь, как и все просветители, сплетничать, брать взятки, вещественные и невещественные: поклонами да пожатиями рук; по ночам дуться в карты, по утрам писать для Губернских ведомостей о прогрессе края» [5. С. 457].

Комплекс устойчивых представлений о губернских ведомостях обусловил семантику противоположного сюжета, связанного с губернскими обличителями. В большинстве контекстов обличительное направление представлено как поветрие, спровоцированное появле-

нием «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина. По всей видимости, «время гласности и обличения» было связано не с конкретным художественным произведением, а с изменениями законодательства. Однако в литературе и журналистике ответственность за появление гласных обличающих статей была возложена на «Русский вестник» и «Губернские очерки»¹. Таким образом, на формирование сюжета об обличителях оказали влияние не собственно очерки (эстетический факт), сколько позитивный факт появления подобной литературы. Как пишет М.П. Стопановский во второй части романа «Обличители», «...вскоре с легкой руки Щедрина, литература наша приняла преимущественно обличительное направление. Время было задорное и плодотворное перьями: авторы, которые вслед за Щедриным, появлялись как грибы после дождя, далеко не ходили и сами недалекие были – пользовались материалами, бывшими у них под руками...» [7. С. 545]. Сатирическое содержание рассматриваемого сюжета об обличителях можно разделить на две. Первая группа: в таких произведениях высмеивались частные стороны провинциальной жизни. Вторая группа – журналисты, создающие подобные новости.

В рассказе анонимного автора «Une entente cordiale», в частности, обличительное направление становится модой и увлечением губернской молодежи: «...лет пятнадцать тому назад юноши такого калибра сочиняли толстые тетради стихотворений: “К Луне”, “К мечте”, “К ней”. Теперь, вследствие прогресса, устремили они свои мысли на устройство общественного блага» [8. С. 415]. Герой «Une entente cordiale» – начинающий литератор Кувшинников – обсуждает с приятелем сюжет возможного произведения. Приятель представляет на суд Кувшинникова случай: «Представь, жена одного попovichа влюбилась до смерти в пастуха <...> стала бегать к нему в степь. Раз овечкой обернулась, на четвереньках в его стадо ходила и траву щипала. Вот любовь! Ты знаю, охотник до <...>. Опиши, пожалуйста <...>». [8. С. 417] На возражение Кувшинникова, утверждающего неактуальность идиллически-сентиментального направления, товарищ отвечает: «Да есть, пожалуй, в той же самой истории и современное: жена, наконец, убила мужа и можешь себе представить, взвалила труп на плечи, понесла в степь и бросила в ноги пастуху: “из любви, говорит, к тебе сделала преступление...”» [8. С. 417].

Таким образом, создаваемый провинциалами сюжет определяется не требованиями действительности, а запросом массового читателя. Часто провинциальные обличители воспринимались как эпигоны своих столичных современников, воспитанные на стиле консервативных губернских ведомостей, механически воспроизводящие и копирующие этот стиль. Сходное описание провинциального творчества представлено в очерке Н. Дмитриева «Провинциальная газета» (1863 г.): «Надо, положим, обличить, предать гласности господина N <...>, провинциальный литератор берет лист бумаги и пишет: “спешим заявить, что в наше время, когда гуман-

ность и проч., г-н N делает то-то и то-то”» [9. С. 306]. Подобно провинциальным чиновникам, ведущим хронику повседневной жизни, обличители оказываются во власти казенных фраз и штампов.

Как замечает И. Ямпольский, анализируя воспоминания А.М. Скабичевского: «Искра <...> сделалась грозой для всех, у кого была нечиста совесть, – и попасть в “Искру”, упечь в “Искру” были самыми обыденными выражениями в жизни 60-х годов» [10. С. 6]. В связи с этим возникает комплекс ложной идентификации: оперируя типизированными и многократно повторяемыми сюжетами, «Искра», по свидетельству современников, заставляла многих читателей соотносить свою жизнь с жизнью фельетонных героев. Описывая переполох среди читателей города Н., узнавших себя в героях опубликованной толстожурнальной повести, П. Кулиш представляет характерное мнение провинциалов: «Положим, он не назвал города; положим, он не называл наших фамилий. Но мы чувствуем, что это мы» [11. С. 93]. Развитие этой ситуации представлено в одном из «Провинциальных анекдотов»: здесь женщина, известная своим безнравственным поведением, утверждает, что не попала на страницы «Губернских скандалов», потому что ее жизнеописание оказалось неприемлемым для журнальной цензуры.

Фельетонные сюжеты, связанные с журнальным творчеством в провинции, стали основой для крупных романских форм («Бес в Холопске» С. Федорова, «Обличители» М.П. Стопановского, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского).

Буки-б, или С.И. Федоров, автор романа «Бес в Холопске», следуя лесежеской традиции, представляет восемь суток из жизни приехавшего на службу чиновника. Он заключает договор с хромым бесом – чиновником адских поручений при Холопске, – который оказывается изгнан из Ада из-за невыполнения служебных обязательств. Жалуясь на свою судьбу, бес предлагает собеседнику познакомиться с местными нравами. Повидимому, этот сюжет вырастает из еженедельных анекдотов, публикуемых в «Искорках», где каждому читателю предлагалось посмотреть на провинциалов «<...> по лесежескому способу, через крыши домов» [9, 12]. Реализуя классическую линию плутовского романа, Федоров делает явными обычно скрытые от наблюдателей пороки: невежество, пьянство, разврат и т.д. Более половины романа связано с различными обличительскими проектами и борьбой местных обывателей. Во время первой встречи, рассказывая о новом направлении в литературе, бес жалуется на несостоятельность многих известий, представляемых обличителями: «Всякий слух, подхваченный на улице, кухне, или в лавочке, возводится этими господами в перл создания...» [13. С. 261]. Так, истинное слово противопоставляется ложному поветрию, которое буквально охватывает Холопск. Во вторую встречу бес знакомит нового приятеля с обществом по искоренению литературы: дворянское собрание провозглашает решительный бойкот каким-либо эстетическим и литературным явлениям. Затем

чиновник и бес отправляются по разным домам, обсуждая не только обличаемых, но и обличителей: «— Какие обстоятельства могут породить подобные создания? — Пустота провинциальной жизни и необразованность» [14. С. 508]. Таким образом, потерпевшая и обличающая сторона уравниваются, два внешне противоположных явления, по мысли фельетониста, имеют общий корень — пустоту и бессмысленность провинциальной жизни.

Эта ситуация стала своеобразной «фабульной наметкой» для романа М.П. Стопановского «Обличители». В трех частях сатирического романа представлено возмущение грязеславльских жителей, узнавших в повести «Братья разбойники» свою повседневную жизнь. Описывая реакцию жителей Грязеславля, повествователь подчеркивает их растерянность, тем более что в повесть обличителя Быканова попадают все: и откупщик Урываев, и местный приживальщик Костыльков, и статский советник Павел Иванович Чичиков. Само произведение в романе не приводится, однако автор уделяет внимание его содержанию: «...в рассказе было многое изменено, согласно с задачей сочинения, которая была не буквальная передача факта, а обличение более общих, характерных сторон губернской бюрократии и губернского общества, поражающих своей ненормальностью» [15. С. 61]. Анонимный губернский Ювенал представляет сюжет повседневной жизни, используя эффектное завершение и тем самым отступая от действительности: «...наконец, для развязки дела, было придано (тоже своего рода *dues ex machine*) симпатичное правдою и развитым, честным взглядом на вещи лицо губернатора» [Там же. С. 61]. Такой финал привлекает внимание грязеславльского губернатора — графа Чичихина. Подобно императору, находящему идеальную модель поведения в оде, Чичихин пытается стать безупречным сановником, как и его «прототип» — граф Временев. Поход консерваторов против губернских обличителей, составляющий кульминацию романа, напоминает походы против просвещения, впоследствии описанные Н. Щедриным в «Истории одного города». Провозглашая: «Литература во вверенной вашему сиятельству губернии не будет существовать!» [16. С. 427], — обыватели устраняют обличителей: отставлен от должности Хренковский, уезжает в другой город Колесников. То, что должно было потрясти основы губернского общества, достаточно быстро изглаживается в памяти обывателей.

Либеральным обличителям, которые описаны с большой долей иронии, в романе противопоставлено консервативное большинство. Неумелые, некачественные повести с броским названием: «Братья разбойники», «На чужой каравай рот не разевай», — представляя тип повседневной, массовой литературы — не выдерживают сравнения с русской классикой: «Видно, что с плеча махал недобросовестный автор... А посмотри, как работал Пушкин; взгляни на образчик его черновой, приложенной при последнем издании» [17. С. 4]. Далее в произведении упоминаются романы И.С. Тургенева, и противопоставленная им манера публицистического письма Н.Г. Чернышевского. Недобросовестность пишущего

автора становится не только синонимом дилетантизма, но и неуважения к читательской публике. Характерной особенностью романа Стопановского является своеобразный «код поведения», через который, как отмечалось выше, реализуется комплекс ложной идентификации. Большинство провинциалов, узнавая себя в персонажах обличительных повестей, тем самым осуществляет вульгарный акт чтения, в то время как авторы, пытаясь объективно отразить действительность, оказываются во власти вульгарного акта творения. Приведенные наблюдения показывают, что роман «Обличители», в отличие от «Беса в Холопске», формирует значительное рефлексивное поле.

Сходная с «Обличителями» сюжетная ситуация представлена во «Взбаламученном море» А.Ф. Писемского. Желая отомстить своей сестре и местным откупщикам, Виктор Басардин вместе с приятелями (примечательна фамилия одного из обличителей — Никтополинов) пишет повесть: «"Во имя всех святых прав человечества, — рисовало его расхолодившееся перо, — я требую у общества, чтоб оно этого человека, так низко низведшего и оскорбившего женщину, забросало, по иудейскому закону, камнями..."» [18. С. 549]. Обличительная литература приносит Басардину славу и уважение, при этом автор повести не является либералом или социалистом. Так, получив пять тысяч от губернской полиции, Басардин соглашается уйти в добровольную ссылку — он выезжает из города и отправляется в Москву. Комментируя этот факт, повествователь замечает: «На ярого сатира надет намордник» [18. С. 555]. В то время как в «Обличителях» появление повести составляло главную сюжетную линию, в антиинигилистическом романе Писемского это происшествие укладывается в один из многочисленных эпизодов. По-видимому, для Писемского было важным представить сочинение губернского обличителя как одно из многочисленных проявлений взбаламученного житейского моря (пена дней).

Издания, представляющие ситуацию обличения, постоянно включались в структуру рассматриваемого сюжета, представляя своеобразный вид рефлексии. В достаточно шаблонной повести «Городские и деревенские», описывая диалог старого дворянина и молодой девушки, Ив. Весенев приводит знаменательную характеристику:

«— Вы читали?

— Читала. Так, дрянь, отвечала она, помахивая листками... Это была "Искра".

— Говорят, тут написаны и нарисованы наш губернатор с губернаторшей. Искала ничего нет, даже не нашла, в каком листке написано» [19. С. 49].

Очевидно, что сюжет о гласности, соединяясь с темой повседневного женского чтения, значительно обогатывается, утрачивает своё событийно значимое содержание.

Подводя итог, отметим, что сюжет о губернских обличителях включается в общее поле сюжетов о деятельности провинциальных журналистов и чиновников. При этом два отстоящих друг от друга сюжета практически

отождествляются посредством общих мотивов, связанных с дилетантизмом письма и небрежностью стиля, недовольством обывателей, описанием массового спроса и поветрия.

Эти мотивы объединяют фельетонный роман С.И. Федорова, сатирический роман М.П. Стопановского (оба автора – сотрудники «Отечественных записок» и «Искры»), антинигилистический роман А.Ф. Писемского. Можно сделать предположение, что во всех трех произведениях, ориентированных на опыт первого тома «Мертвых душ», появление обличительной литературы, сходное с приездом Чичикова, развивается по одному общему принципу: изначально становясь событием, происшествие утрачивает свойство исключительного и

нового, постепенно становясь приметой обыденного. В то же время сюжет об обличителях становится практически металитературным; он связан не только с писателем-эпигонем, но и актом «писательства» как заимствования определенных идей.

В заключение отметим, что сюжет о провинциальных обличителях (близкий по семантике к сюжету о журналистах губернских ведомостей) мог оказать значительное влияние на эстетику обличительного направления. Представляя его в рефлексивном поле и подвергая сатирическому осмеянию, рассмотренный литературный факт утверждал первичность фикционального над реальным, противопоставляя существующему направлению генерирующую литературную среду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот факт неоднократно отражался в беллетристике 1860-х гг. Так, открывая новогоднюю «Искру» 1861 г., В. Курочкин писал о гласности: «Милый ребенок! Давно ли в одной из книжек “Русского вестника”, за 1856 год, раздался твой первый лепет о какой-то взятке в 10 рублей, взятой в каком-то городе, каким-то письмоводителем с какого-то крестьянина...» [6. С. 588].

² Роману М.П. Стопановского дан эпиграф: «– Имеет провинция свои права (А. Пушкин). О, провинция – ужасная вещь! (В. Белинский)» [15. С. 5]. По всей видимости, писатель цитирует классиков по памяти. Возможно, для Стопановского важными были не сами высказывания, а имена. Предваряя свой текст эпиграфом, Стопановский демонстрирует два возможных полюса литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумароков П. Деревенские письма. Обличительная корреспонденция нашего времени // Отечественные записки. 1861. Т. 136.
2. Хроника прогресса. Бард губернских ведомостей // Искра. 1859. № 21.
3. Буки-б (Федоров С.И.). Курьезные случаи. Случай 1-й. Посвящается литераторам, пишущим о провинции – в назидание им // Искра. 1860. № 9.
4. Успенский Г.И. Сторона наша убогая // Искра. 1865. № 7.
5. Буки-б (Федоров С.И.). Бес в Холопске. Фантастическая повесть в восьми сутках. Сутки 2-е // Искра. 1860. № 43.
6. Курочкин В.С. 1860 (трагедия или фарс, по усмотрению каждого смертного) // Искра. 1860. № 51.
7. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 142.
8. Рассказы из провинциального быта. Une entente cordiale // Искра. 1861. № 29.
9. Дмитриев И. Провинциальная газета // Современник. 1863. Т. 94.
10. Ямпольский И. Поэты «Искры». М.: Сов. писатель, 1939.
11. Буки-б (Федоров С.И.). Курьезные случаи. Случай 1-й. Посвящается литераторам, пишущим о провинции – в назидание им // Искра. 1860. № 8.
12. Поздравления, желания, подарки // Искра. 1859. № 1.
13. Буки-б (Федоров С.И.). Бес в Холопске. Фантастическая повесть в восьми сутках // Искра. 1860. № 23.
14. Буки-б (Федоров С.И.). Бес в Холопске. Фантастическая повесть в восьми сутках. Сутки 4-е // Искра. 1860. № 45.
15. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 140.
16. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 141.
17. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 143.
18. Писемский А.Ф. Взабаламученное море // Писемский А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1910. Т. 4.
19. Весеньев И. Городские и деревенские // Отечественные записки. 1863. Т. 147.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 января 2014 г.

PROVINCIAL NEWSPAPERS AND THE STORY ABOUT EXPOSERS IN THE RUSSIAN FICTION OF THE 1860S

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 24–28. DOI: 10.17223/15617793/380/4

Kozlov Aleksey Ye. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: Russian literature; journalism in late 19th century; story of exposers; *Gubernskiye Vedomosti*; provincial text.

The article is devoted to the research of *Gubernskiye Vedomosti* (the Regional News) and the story about provincial exposers in the Russian literature of the 19th century. These plot schemes are formed in the 1860s and are closely connected with exposure tendencies in literature. Peculiarities of such plot schemes are investigated in the material of the articles of different magazines (*Otechestvennye Zapiski* (Patriotic Notes), *Sovremennik* (The Contemporary), *Iskra* (The Spark)). The reputation of the provincial newspapers depended on the culture stereotype. Many journalists of the provincial newspapers were clerks and office-holders. This fact affected the reader's and writer's impression. Events of everyday life were deformed by the internal reviews in the famous magazines (see our article “Transformation of ‘internal reviews’ genre in the provincial text of Russian literature of the 19th century”). In the newspapers and satirical weekly newspapers it was described in different rubrics (for example, “Write us” or “From the province”). The rubrics of *Iskra* presented many anecdote situations. In all the contexts analysed the plot scheme is connected with the diletantism and unprofessional character of provincial fiction. For example, this motif is developed in “The Devil in Kholopsk”: “you will gossip and accept bribes as all enlighteners... You will play cards every night and will write about progress in the Regional news every morning”. The stereotype is connected with the semantics of other plots about provincial exposers. It formed in fiction under the influence of M. Saltykov-Shchedrin's “Provincial Sketches”. The satiric semantics of these plot schemes has two sides. On the one hand, many episodes of the provincial life are ridiculed here. On the

other hand, journalists and authors of these reviews are ridiculed, too. Further big novel forms are investigated (“The Devil in Kholopsk” by Fedorov, “The Exposers” by Stopanovsky and “The Boiling Sea” by Pisemsky). The plot scheme of “The Devil in Kholopsk” is based on “The Lame Devil” by Lesage. The story of the novel presents a provincial trip of a clerk and the devil in the town of Kholopsk. Many speeches of characters are connected with exposure tendencies: “What can create it? The emptiness of the rural provincial life and lack of education”. In the final of the novel provincial journalists and exposers become equal. The plot scheme of “The Exposers” presents an evolution of this motif. The event here is the appearance of “The Brothers Robbers”. It is an exposure story which includes Chichikov, Chichikhin, Kostylkov and all other residents of the provincial Gryazeslavl. In Stopanovsky’s novel the liberal exposers are compared with the conservative majority. “The Exposers” presents a behaviour code: this theme covers the relations of the author and the reader. The initial plot scheme transformed, because the meaning of the story is a complex of false identification. Similar realization is used in “The Boiling Sea” and connected with Basardin’s character. Exposure here is one of many episodes of the novel story, and, therefore, one of many episodes of social life. Thus, the story about provincial exposers and regional journalists are similar on the semantic level. Moreover, it can have influence of exposure tendencies in the Russian literature and fiction of the 1860s.

REFERENCES

1. Sumarokov P. Derevenskie pis'ma. Oblichitel'naya korrespondentsiya nashego vremeni. *Otechestvennye zapiski*. 1861. V. 136.
2. Khronika progressa. Bard gubernskikh vedomostey. *Iskra*. 1859. No. 21.
3. Buki-b (Fedorov S.I.). Kur'eznye sluchai. Sluchay 1-y. Posvyashchaetsya literatoram, pishushchim o provintsii – v nazidanie im. *Iskra*. 1860. No. 9.
4. Uspenskiy G.I. Storona nasha ubogaya. *Iskra*. 1865. No. 7.
5. Buki-b (Fedorov S.I.). Bes v Kholopske. Fantasticheskaya povest' v vos'mi sutkakh. Sutki 2-e. *Iskra*. 1860. No. 43.
6. Kurochkin V.S. 1860 (tragediya ili fars, po usmotreniyu kazhdogo smertnogo). *Iskra*. 1860. No. 51.
7. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 142.
8. Rasskazy iz provintsial'nogo byta. Une entente cordiale. *Iskra*. 1861. No. 29.
9. Dmitriev I. Provintsial'naya gazeta. *Sovremennik*. 1863. V. 94.
10. Yampol'skiy I. Poety «Iskry». M. : Sov. pisatel', 1939.
11. Buki-b (Fedorov S.I.). Kur'eznye sluchai. Sluchay 1-y. Posvyashchaetsya literatoram, pishushchim o provintsii – v nazidanie im. *Iskra*. 1860. No. 8.
12. Pozdravleniya, zhelaniya, podarki. *Iskra*. 1859. No. 1.
13. Buki-b (Fedorov S.I.). Bes v Kholopske. Fantasticheskaya povest' v vos'mi sutkakh. *Iskra*. 1860. No. 23.
14. Buki-b (Fedorov S.I.). Bes v Kholopske. Fantasticheskaya povest' v vos'mi sutkakh. Sutki 4-e. *Iskra*. 1860. No. 45.
15. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 140.
16. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 141.
17. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 143.
18. Pisemskiy A.F. Vzbalamuchennoe more. Pisemskiy A.F. Sobr. soch. : v 8 t. SPb. : Izd-vo A.F. Marksa, 1910. V. 4.
19. Vesen'ev I. Gorodskie i derevenskie. *Otechestvennye zapiski*. 1863. V. 147.

З.Р. Латфулина

**МОДУСНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ:
АВТОРИЗАЦИЯ И ПЕРСУАЗИВНОСТЬ**

Статья посвящена описанию модусных квалификативных категорий авторизации и персуазивности, которые исследуются на материале говоров Среднего Приобья, отраженных в серии диалектных словарей. Демонстрируется тесная взаимосвязь указанных категорий. Рассматриваются наиболее частотные показатели, функционирующие в диалектной речи и выражающие пересечение модусных смыслов авторизации и персуазивности. В ходе исследования предпринимается попытка выявить основные виды взаимодействия квалификативных категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

Ключевые слова: квалификативные модусные категории; авторизация; персуазивность; диалектная речь; диалектное высказывание.

В связи с тенденцией к изучению языковых явлений с позиций человеческого фактора в центре внимания лингвистов оказывается комплекс субъективных смыслов, актуализируемых говорящим. В частности, интерес вызывают квалификативные категории авторизации и персуазивности, называемые «падежи парадигмы» модуса высказывания [1], – наиболее актуальные, частотные и достаточно описанные в функциональной структуре высказывания.

В настоящей статье рассматриваются наиболее частотные показатели, выражающие пересечение модусных смыслов авторизации и персуазивности в диалектном высказывании, предпринимается попытка выявить основные виды взаимодействия указанных категорий.

Работа выполнена на материале говоров Среднего Приобья, отраженных в серии диалектных словарей.

Персуазивность как модусная категория, квалифицирующая информацию в отношении ее достоверности / недостоверности с точки зрения говорящего, обычно рассматривается как разновидность субъективной модальности [2, 3]. Для передачи значения достоверности / недостоверности используются также термины «эпистемическая модальность» [4], «модальность достоверности» [5], «модальность истинности» [6]. Значение персуазивности выделяется в работе В.З. Панфилова [7], при этом автор употребляет термин «персуазивная модальность». Его же использует и Н.И. Большакова для анализа модусной категории достоверности [8]. Термин «персуазивность», функционирующий в современной лингвистике, активно употребляет Т.В. Шмелёва [9].

Основанием квалификации персуазивной семантики служит стремление говорящего выразить свою точку зрения на описываемое событие посредством указания на достоверность / недостоверность излагаемой информации. На содержательном уровне персуазивность организуется противопоставлением двух полюсов – «достоверно / недостоверно», при этом следует отметить, что в данном случае речь идет не о достоверности / недостоверности объективного факта действительности, а о субъективном отношении говорящего к фрагменту информации. План выражения исследуемой категории базируется на средствах и способах выражения персуазивной квалификации события говорящим в пределах

высказывания. При этом положительное значение персуазивности – отсутствие сомнений в достоверности – выражается имплицитно (не получает специального выражения с помощью каких-либо показателей). Специальные средства вводятся для выражения авторского отношения к достоверности информации в случае, когда говорящий снимает с себя ответственность за недостаточно проверенные сведения, проявляет некатегоричность. Ядерными (основными) репрезентатами персуазивности на речевом уровне в литературном языке являются модальные слова и частицы *возможно, наверное, кажется, может быть, едва ли, вряд ли, будто* и др. В диалекте в этой роли регулярны модусные частицы и вводно-модальные слова *авось-небось, бышино / бышить, верно, видам / по видам, видать, видимо, видко, видно / как видно, али / али как, вроде / вроде бы, как вроде / как вроде бы, как-то вроде* и др.

Категория авторизации понимается нами вслед за Г.А. Золотовой и Т.В. Шмелёвой как квалификативная модусная категория, содержащая указание на лицо / социум как на автора / источник информации или на способ / характер ее получения¹. Авторизационная квалификация проявляется в оппозиции «свое / чужое». Субъектом квалификации выступает говорящий, автор высказывания, с позиции которого осуществляется квалификация информации [11. С. 28]. Основанием авторизационной квалификации служит стремление говорящего выразить свою точку зрения на сообщение посредством указания на источник информации (в случае сообщения «чужой информации»), а иногда и на характер восприятия действительности [2]. Средства выражения авторизации в литературном языке – слова и предложения, указывающие на источник информации. Это могут быть наречия, образованные от местоимений *по-моему, по-нашему, по-твоему*, слова и предложения, содержащие глагол речи, мысли, восприятия *говорят / как говорят, казаться, чувствовать, наблюдать, обнаруживать* и др. Спектр маркеров, способных выражать авторизацию в диалектной речи, представлен такими лексическими единицами, как *по-моему, говорить / грить, казаться* и др.

Кваликативный аспект модуса отличается тесным взаимодействием всех его категорий. Как отмечают исследователи, средства выражения авторизации почти

всегда несут одновременно и оценку степени достоверности информации: «...эффект появления показателей авторизации (как с семантикой «своя» информация, так и «чужая»)» – персуазивный, а именно внесение смысла «неуверенности в достоверности» [12. С. 29]; «авторизации как категории, информирующей слушающего об источнике знания и способе ее получения, вообще нельзя не “сотрудничать” с персуазивностью, информирующей об уверенности говорящего в достоверности своего или чужого знания или неуверенности в нем, поскольку никаких иных мотивов эксплицировать указание на источник знания / мнения, кроме как указать на уровень уверенности в нем, у говорящего и не может быть» [1. С. 47].

В анализируемом материале дифференцируется два основных вида взаимодействия категорий авторизации и персуазивности:

1. Пересечение модусных категорий авторизации и персуазивности наблюдается при указании на источник информации, являющейся собственным знанием говорящего и полученной им в случае непосредственного восприятия ситуации либо путем умозаключения (см. об этом подробнее: [13, 14]). Например: *Захворал. Прямо, кажется, шурчит, ветер бы [в ушах]* [15. Т. 1. С. 141]; *Таволожник – будто как вроде слыжала, но не буду врать* [Там же. Т. 2. С. 277] – авторизованная конструкция выполняет функцию передачи информации, известной из собственного перцептуального опыта; [А Горёвка – почему?] – *А Бог её знает. Наверно, там-ка бедно жили все, в горе. Не знаю* [Там же. Т. 1. С. 66] – указывается на инференциальный источник информации (умозаключение, логический вывод, рассуждение) через модусный компонент *наверно*, причинно-следственную связь.

2. Категория авторизации обнаруживает тесную связь с персуазивностью в случае, когда информация получена из другого источника либо опосредована знанием, мнением говорящего. Например: *Спился, пьёт и пьёт каждый день, вот и говорят: «Он спился». Алкоголиком зовём* [15. Т. 1. С. 34]; *Вот, по-моему, это недавно [кто-то сказал], что надо вам к старушке, вот и всё* [Там же. С. 316].

Рассмотрим подробнее указанные виды взаимодействия модусных показателей.

В первом случае информация, содержащаяся в высказывании, является собственным знанием говорящего, т.е. получена либо из собственного чувственного опыта – перцептивность, либо путем логического заключения при использовании законов мышления – инференциальность. Перцептивность – это указание на то, что источником информации является чувственный опыт говорящего – слух, зрение, обоняние, общие ощущения. В данном случае реализуется перцептивная модусная рамка. В перцептивных модусных рамках используются глаголы чувства *видеть, слышать*, а также группа модальных частиц и слов, маркирующих чувственное восприятие окружающей действительности: *будто, как будто, бышино* (= *кажется, вроде бы*), *вроде,*

кажется, кажись. Так, в высказывании *И вот слышу, кто-то идёт, но я так сплю вроде крепко-крепко и не знаю кто: мужчина-женщина, большой маленький, ничё не знаю, и в белом-чёрном, ничё* [15. Т. 1. С. 74] диалектоноситель осознает достаточную степень субъективности передаваемой информации вследствие помех, связанных с капризами канала восприятия (плохо слышно), допускает ее ошибочность, что сближает высказывание с персуазивным. Выражая неуверенность, сомневаясь, говорящий считает, что его знания об объективном мире недостаточны для утверждения диктумной информации. Подобная ситуация возникает в случае неполного знания либо припоминания.

Инференциальность означает, что информация, содержащаяся в высказывании, получена говорящим путем логического умозаключения из увиденного, услышанного или путем непосредственного чувственного восприятия. Персуазивную семантику высказываний, сформулированных в результате мыслительной деятельности человека, чаще всего маркируют вводно-модальные слова *верно, вероятно, видимо, по-видимому, видно, наверно* и другие и предикаты авторизующего значения с семантикой вывода, результата умозаключения *думать, предполагать*. Семантика инференциальности пересекается с персуазивностью в плане оценки степени достоверности информации, содержащейся в высказывании. Инференция соприкасается с той частью персуазивности, которую составляют значения предположения, мнения: *Дожа нету ничего, думала, не вырастит уже, ничего, вырос* [Там же. С. 283]. Конструкция «я думаю», функционирующая в диалектной речи, наряду с *по-моему, мне кажется*, реализует в высказывании «модус ментального плана» [16. С. 120] и указывает на то, что авторство излагаемой мысли приписывается говорящему: *Я думаю, что мне чажелее* [15. Т. 7. С. 246]; *Думаю. Наверно, думаю, я ей много корму дала* [Там же. Т. 3. С. 133]. На состоявшийся акт ментальной операции умозаключения указывают модальный глагол *думать* в функции предположения, а также модальное слово *наверно*, фиксирующее выводной характер информации.

Используя модально-вводные слова, выражающие достоверность / недостоверность содержания высказывания (*наверно, возможно, вроде* и др.) и предположительные частицы (*как будто, вроде как* и др.), говорящий отказывается нести персональную ответственность за сообщаемый факт [17].

Информация о некотором положении дел может быть получена диалектоносителем и иными путями: из сообщения другого лица либо передана через посредство знания, мнения самого говорящего.

Чаще всего в диалектной речи маркируется информация, передаваемая с чужих слов, за которую субъект речи не несет ответственность. Говорящему необходимо передать смысл высказывания другого лица, выразить формальные элементы исходного сообщения, указать на автора высказывания. Передача информации, полученной с чужих слов, может быть разной по степе-

ни точности (от прямого цитирования до пересказа), а также передачи предполагаемой чужой речи [16]: *Гутя ей писала: иди, гыт, на закройщицу* [15. Т. 3. С. 23]; *Бабушка у нас скажет: «Иди ко мне, боярыня моя»* [18. С. 303]; *Мужики-то и то всё говорят, что работали чажело, а жили весело* [15. Т. 7. С. 246]; *Она мне навеки [намеки] дает, что, мол, он меня с ребенком взял, дак и жисть топерь несчастлива* [Там же. Т. 3. С. 317].

Автор, называя источник, в какой-то мере снимает с себя ответственность за достоверность информации. При этом, как отмечают диалектологи, прямая речь произносится на диалекте особым образом: говорящий стремится воспроизвести интонацию, силу (а иногда и тембр) передаваемых слов [19]. Диалектоноситель как бы перевоплощается в автора высказывания, превращая сказанное раньше в то, что говорится здесь и сейчас. В данном случае можно говорить об описанной В.Е. Гольдиным специфической черте диалектного повествования – совмещении ситуации-темы с ситуацией текущего общения [Там же. С. 4].

Глагол речи *говорить* может использоваться в диалектной речи в авторизирующем значении [20]. Как правило, он является синонимом глагола *считать* и указывает на то, что источник информации не говорящий, а какие-то другие лица, а говорящий только передает чужое мнение. Лица, которым принадлежат чужая речь, принято именовать: *Мужики-то и то всё говорят, что работали чажело, а жили весело* [15. Т. 7. С. 246]; *Говорили ранешны люди: народ будет бесстыжий – правда!* [Там же. Т. 5. С. 133]. Обычно говорящий в таких конструкциях как бы отстраняется от решения вопроса о том, насколько достоверно излагаемое. Широко используются в диалектной речи элементы *говорят* (редуцированные формы – *гыт, грит, гырт*), *говорили*, которые не требуют точного указания на источник сообщения. С их помощью диалектоноситель отказывается от ответственности за истинность сообщения. Какова его позиция, остается неясным. Тем самым подаваемая информация объективируется: *Чичас вот, говорят, чичас вот это, быдто бы из гусяного мяса делат пельмени* [18. С. 384]; *Ну, говорят, она как боярыня* [Там же. С. 303]; *Да от всё говорили бабье лето, баба-зассыха. И вот это бабье лето стало. А сейчас говорят, я здесь слышала, в Крапивино говорят, бабье лето в сентябре. А всю жисть слышала – бабье лето в августе... О, бабье лето, гырт, началось, это баба-зассыха* [Там же. С. 64].

Для высказываний подобного рода характерен признак обобщенности: источник информации обычно скрывается за некоторым обобщенным множеством лиц, не названных, но предполагаемых (источник – общепринятое мнение): *Вот которы Богу молились, богомолы были, они Богу молились. Которы рано, они, говорят, которы староверы. Так все называли их* [18. С. 384]; *Раньше были бабушки. Их звали, кто рожал. Говорили, бабилась ходила* [Там же. 1. С. 66]; *Говорили бояркова шерсть. Потому что первый раз овец стригли, носки вяжут* [Там же. 1. С. 302]. Говорящий

не владеет полной информацией о том, кто именно высказал мнение: так говорят все. Как отмечает Л.Г. Гынгазова, «наиболее характерно появление высказываний с обобщенным автором в том случае, если говорящий и адресат – носители разных типов коммуникаций (ситуация “собираатель – информант”)» [21. С. 237]. Высказывания подобного рода отражают рефлекссию говорящего по поводу фактов языка, при этом объяснение того или иного языкового факта идет от лица обобщенного автора и оформляется как прямая речь: *Высокий значит. Говорят: «Вон пошел как быдло»* [18. 1. С. 384].

Информация, содержащаяся в высказывании, может быть получена через посредство собственного мнения говорящего. Авторизационная семантика таких высказываний контаминируется с персуазивной. Так, наиболее частотная ментальная Я-модусная рамка *по-моему* способна выражать внутримодусное взаимодействие сфер – собственно-авторской семантики и семантики недостоверности (оттенок неуверенности): *И в Яру, по-моему, тоже часовня была, не церковь, однако* [15. Т. 1. С. 28]; *А за анонимки счас, по-моему, уголовное дело возбуждается* [Там же. С. 38]; *Бабье лето [цветок], это, подожди, помню бабье лето. Это, по-моему, это его называли бельемино* [Там же. С. 71]; *По-моему, из березника не строят [дома]. Нет. Сосновые, ну а березы, по-моему, нет* [Там же. С. 174]; *Ну, не помню, у нас мама, по-моему, не пела* [Там же. С. 28]. Акцентируется сема субъективности мнения и проблематичности соответствия высказывания объективной действительности. В приведенных примерах авторство выражаемой мысли приписывается говорящему.

Для языкового выражения мнения самого говорящего используется также глагол *казаться* в составе различных синтаксических конструкций, одновременно являющийся показателем авторизации. Чаще всего в диалекте авторизирующий глагол *казаться* входит в состав вводного предложения, выражающего сомнение, неуверенность, осторожность суждения говорящего: *Мы, значит, разделились на группы. Кажется, четыре группы* [15. Т. 2. С. 76]; *Я тоже не скупа, кажется, ну я экономна, последнее не отдам* [Там же. Т. 7. С. 342].

Говорящий может вводить свою точку зрения как уверенное предположение, обосновывая свой выбор тем, что он убежден в правильности своего мнения, желая выделить его в ряду других, однако оставляет место для иных вариантов развития событий, для других мнений, не настаивая на своем как на единственно возможном: *Мне вот кажется, когда женищина заматерится, как курица запоет по-петушьи, равносильно тому* [15. Т. 6. С. 19]; *Мне кажется, грубо. Ну голова дак голова, а то башка* [Там же. Т. 2. С. 73].

С одной стороны, вводно-модальные *по-моему, кажется* – «средства выражения авторского “я”, имплицитное выражение “его” (“я так думаю”, “я так считаю”)), указание на говорящего, на личную (субъективную, и значит – авторскую) окрашенность» высказывания [22. С. 35]. С другой стороны, эти же элементы

являются показателями некатегоричности говорящего, «невывычиваемости» своего «Я» с тем, чтобы предоставить собеседнику право самому решать, соглашаться ли ему с предоставленной точкой зрения или нет: *Мне кажется, хорошее кино* [«Рабыня Изаура»]. *Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и то же повторяется перед серией* [15. Т. 1. С. 231].

Таким образом, мы попытались описать модусные маркеры авторизации и персуазивности в аспекте их взаимодействия в диалектном высказывании. В анализируе-

мом материале демонстрируется тесная взаимосвязь персуазивных и авторизационных показателей. Наблюдения, сделанные в ходе нашей работы, показывают, что репертуар рассмотренных маркеров авторизации и персуазивности в диалектном высказывании довольно широк и отличается в качественном и количественном отношении от подобных лексических единиц в кодифицированном литературном языке. Выявление полного арсенала показателей, способных выражать взаимодействие авторизации и персуазивности, представляется нам отдельной задачей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Авторизация находит свое отражение в разных научных школах, получая в них различное терминологическое обозначение: авторизация – в коммуникативной грамматике Г.А. Золотовой; средства обнаружения коммуникативной установки – в работах по логическому анализу языка Н.Д. Арутюновой, М.А. Дмитриевской, Н.К. Рябцевой, И.Б. Шатуновского, А. Зализняка; модусная – рамка в работах Е.М. Вольфа, В.Г. Гака, Т.А. Колосовой; способы представления «образа автора» – в работах по структуре образа автора В.В. Успенского, Ю.М. Лотмана; средства разграничения ипостасей субъекта говорящего – в теории нарратива Е.В. Падучевой и Ю.Д. Апресяна. Можно разграничить близкие понятия: авторизация как свойство высказывания быть отмеченным печатью «автора-творца» (М.М. Бахтин) и авторизация как процесс осложнения модели (Г.А. Золотова) [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытов О.Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 184 с.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 351 с.
3. Королева Т.М. Интонация модальности в звучащей речи. Киев : Высш. шк., 1989. 147 с.
4. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 180 с.
5. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. Praha : Academia, 1979. 879 с.
6. Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. 1956–1974 гг. : сб. ст. М. : Прогресс, 1978. С. 57–69.
7. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 28–44.
8. Большакова Н.И. Языковое оформление модусных категорий (на материале переписки М. Цветаевой и Б. Пастернака) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1993. 235 с.
9. Шмелёва Т.В. Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных предложений в русском языке : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1979. 22 с.
10. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. 512 с.
11. Нагорный И.А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. Барнаул, 2001. 126 с.
12. Шмелёва Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 40 с.
13. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
14. Етко А.Г. Категория авторизации в аспекте функционального подхода // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 56. С. 80–88.
15. Вершининский словарь. Томск, 1999–2002. Т. 1–3, 5–7.
16. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992. С. 52–79.
17. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с. Т. 2.
18. Областной словарь Кузбасса / под ред. Э.В. Васильевой. Кемерово, 2001. Вып. 1.
19. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
20. Демешкина Т.А. Маркеры авторизации в диалектной речи // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке» 30 сентября 2013 г. (Россия, г. Тамбов). Тамбов, 2013. С. 25–28. Ч. 8.
21. Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики : сб. ст. / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 230–238.
22. Нагорный И.А. Субъектная перспектива односоставных предложений с предположительными частицами // Филология и человек. 2008. № 3. С. 30–41.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 января 2014 г.

THE MODUS INDICATORS OF THE DIALECTAL SENTENCE: AUTHORIZATION AND PERSUASION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 29–33. DOI: 10.17223/15617793/380/5

Latfulina Zulfiya R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lazur811@rambler.ru

Keywords: modus qualifying categories; authorization; persuasiveness; dialectal sentence; dialectal speech.

This study is devoted to the analysis of the most topical and frequent modus qualifying categories of authorization and persuasion. The most frequent indicators of authorization and persuasion in the dialectal sentence are considered. The article makes an attempt to define the main types of interaction of modus qualifying categories of authorization and persuasion. The Middle Ob dialect dictionaries are the material for this paper. As a rule, the modus qualifying category of persuasion is considered as a kind of a subjective modality. Other terms for its definition are epistemic modality, modality of veracity, modality of truth. The category of authorization is presented as a modus qualifying category which shows the source or character of information. It may be stated that a close connection between the analyzed categories in the dialectal speech is found. Two main types of interaction of categories of authorization and persuasion are

pointed out in the dialectal sentence: 1) the interaction of the modus categories of authorization and persuasion is found if the source of information received by the speaker is his/her own knowledge or if the speaker gained information from his/her own deduction. In case of direct perception of the situation, the speaker uses the verbs of senses 'see', 'hear'. The speaker can emphasize the uncertainty of his information by the modal words and particles with the meaning of doubt. In utterances with inferential meaning mental verbs 'think', 'suppose' are used; 2) the category of authorization is connected with the category of persuasion if information is gained by the speaker from other sources, from other people's messages. As a rule, the source of information is mentioned by the speaker. Thereby, the author's message absolves itself from responsibility for information authenticity. The most frequent indicator which expresses the interaction of modus qualifying categories of authorization and persuasion in the dialectal sentence is the verb of speech 'speak'. The sentences which do not show the source of information are also used in the dialectal speech. The repertoire of markers of authorization and persuasion in the dialectal sentence differ from corresponding indicators in literary language.

REFERENCES

1. Kopytov O.N. Vzaimodeystvie kvalifikativnykh modusnykh smyslov v tekste (avtorizatsiya i persuzivnost') : dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2004. 184 p.
2. Zolotova G.A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. M. : Nauka, 1973. 351 p.
3. Koroleva T.M. Intonatsiya modal'nosti v zvuchashchey rechi. Kiev : Vysshaya shkola, 1989. 147 p.
4. Belyaeva E.I. Funktsional'no-semanticheskie polya modal'nosti v angliyskom i russkom yazykakh. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 180 p.
5. Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis. Praha : Academia, 1979. 879 p.
6. Grepl M. O sushchnosti modal'nosti. *Yazykoznanie v Chekhoslovakii. 1956–1974 gg.* : sb. st. M. : Progress, 1978. P. 57–69.
7. Panfilov V.Z. Kategoriya modal'nosti i ee rol' v konstruirovanii predlozheniya i suzhdeniya. *Voprosy yazykoznaviya*. 1977. No. 4. P. 28–44.
8. Bol'shakova N.I. Yazykovoe oformlenie modusnykh kategoriy (na materiale perepiski M. Tsvetaevoy i B. Pasternaka) : dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1993. 235 p.
9. Shmeleva T.V. Smysl i formal'naya organizatsiya dvukomponentnykh infinitivnykh predlozheniy v russkom yazyke : avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 1979. 22 p.
10. Problemy funktsional'noy grammatiki. Polevye struktury. SPb. : Nauka, 2005. 512 p.
11. Nagornyy I.A. Funktsional'naya perspektiva predlozheniy s modal'no-persuzivnymi chastitsami. Barnaul, 2001. 126 p.
12. Shmeleva T.V. Sub'ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1995. 40 p.
13. Demeshkina T.A. Teoriya dialektного vyskazyvaniya. Aspekty semantiki. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 190 p.
14. Etko A.G. Kategoriya avtorizatsii v aspekte funktsional'nogo podkhoda. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 56. P. 80–88.
15. Vershininskiy slovar'. Tomsk, 1999–2002. V. 1–3, 5–7.
16. Arutyunova N.D. Dialogicheskaya modal'nost' i yavlenie tsitatsii. Chelovecheskiy faktor v yazyke: Kommunikatsiya. Modal'nost'. Deyksis. M., 1992. P. 52–79.
17. Apresyan Yu.D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. V. 2. 767 p.
18. Oblastnoy slovar' Kuzbassa. Pod red. E.V. Vasil'evoy. Kemerovo, 2001. Vyp. 1.
19. Gol'din V.E. Povestvovanie v dialektnom disurse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2009. V. 9. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Vyp. 1. P. 3–7.
20. Demeshkina T.A. Markery avtorizatsii v dialektnoy rechi. *Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauka i obrazovanie v XXI veke» 30 sentyabrya 2013 g. (Rossiya, g. Tambov)*. Tambov, 2013. Ch. 8. P. 25–28.
21. Gyngazova L.G. Chuzhaya rech' v yazyke dialektnoy lichnosti. *Aktual'nye problemy rusistiki* : sb. st. Pod red. T.A. Demeshkinoy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2000. P. 230–238.
22. Nagornyy I.A. Sub'ektivnaya perspektiva odnosostavnykh predlozheniy s predpolozhitel'nymi chastitsami. *Filologiya i chelovek*. 2008. No. 3. P. 30–41.

О.В. Седельникова

**ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ СТАТЕЙ А.Н. МАЙКОВА
О ВЫСТАВКАХ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ****СТАТЬЯ ПЕРВАЯ**

Представлен первый опыт атрибуции важной части творческого наследия А.Н. Майкова – обзоров выставок в Императорской Академии художеств и тематически примыкающих к ним публикаций. Постановка проблемы атрибуции обусловлена анонимностью большинства статей и необходимостью уточнения списка прозаических произведений поэта. В данной статье (первой из серии) устанавливается принадлежность Майкову семи обзоров выставок, напечатанных в журнале «Отечественные записки» в 1847 и 1849–1853 гг.

Ключевые слова: А.Н. Майков; художественная критика; атрибуция; обзор; выставки в Императорской Академии художеств; «Отечественные записки».

Критическое наследие А.Н. Майкова остается практически неизвестным в контексте современных исследований не только истории русской литературы, но и русской культуры середины – второй половины XIX в. в целом, несмотря на то, что поднимаемый в них комплекс вопросов характеризует важные тенденции развития культуры 1850–1870-х гг., выявляя основу философско-эстетических и социальных поисков русской литературы и живописи, а также эстетики и критики того времени.

Источником информации о существовании статей и рецензий как особой части творческого наследия поэта являются документы его личного архива. В автобиографии, составленной в 1858 г., Майков упомянул о том, что помещал обзоры выставок и разборы книг в «Отечественных записках» и «Современнике», но не перечислил их: «В прозе: с 1847–1851 я участвовал постоянно в разборах книг в “Отечественных записках”, и отчасти в “Современнике”; и писал отчеты о выставках (до восьми статей) в Императорской Академии художеств (“Отечественные записки” и “Современник”)...» [1. Л. 5 об.]. Сохранились также полные или частичные автографы отдельных статей.

О существовании статей упоминали и первые биографы Майкова, М.Л. Златковский и Д.Д. Языков [2, 3], а также более поздние исследователи его жизни и творческого наследия: И.Г. Ямпольский, О.Е. Майорова, В.С. Баевский, Р.С. Кауфман и др. Так, Златковский сообщал: «Когда с 1846 и до половины 1847 г. Валериан Майков заведовал критическим отделом “Отечественных записок”, Аполлон Николаевич также *принял участие в этих работах и затем до 1850 г., после смерти брата, продолжал писать в том же журнале рецензии о книгах исторического и литературного содержания со с. 6;* ему принадлежит, между прочим, отзыв о “Греческих стихотворениях” Щербины в “Отечественных Записках” 1850 г. Кроме того, *с 1847 г. по 1853 г. он печатал в том же журнале, а также в “Современнике”, статьи об академических выставках и поместил особую статью о выставке картин Айвазовского (“Отечественные записки” 1847 г.). В 1851 г. им была помещена статья о выставке произведений ста-*

ринной живописи из частных галерей, устроенной с благотворительною целью, а в 1852 г. – статья о графе Ф.П. Толстом и его рисунках к “Душеньке” (обе в “Отечественных записках”) (здесь и далее курсив мой. – О.С.)» [2. С. 32–33].

Это сообщение особенно ценно, поскольку Златковский был сослуживцем Майкова по Комитету иностранной цензуры и получал сведения о жизни и творчестве от самого поэта, на что биограф указал в предисловии ко второму изданию [Там же. С. 3]. Первое издание биографического очерка, приуроченное к празднованию пятидесятилетия творческой деятельности поэта, вышло в 1888 г. И пусть Златковский в очерке не дал точного списка критических статей, предоставленные им сведения становятся важнейшей основой для дальнейших изысканий, поскольку весной 1888 г. Майков писал сыновьям о том, что Златковский читал ему биографию, а он сам вносил в нее необходимые коррективы. Кроме того, на достоверность собранных в очерке сведений указывал сам поэт и в письме П.И. Вейнбергу [4. С. 50].

Отсутствие точного списка критических статей Аполлона Николаевича в работах М.Л. Златковского казалось бы, восполнил другой биограф Майкова, Д.Д. Языков, указав названия и номера журналов, в которых были опубликованы статьи [3. С. 243–245, 251]. Однако В.Э. Боград в книге «Современник. 1847–1866. Указатель содержания» опроверг эти сведения [5. С. 485].

Целенаправленное изучение архива Майкова было предпринято в 1970-е гг. И.Г. Ямпольским, подготовившим ряд ценных публикаций и, таким образом, начавшим восстановление адекватных научных представлений о личности и творчестве поэта [4, 11–13 и др.]. Описывая документы архива, исследователь указал на наличие ряда рукописей статей о выставках и примыкающих к ним по проблематике документов и актуальность их изучения [4. С. 26].

В 1990-е гг. появились краткие варианты современной научной биографии поэта. О.Е. Майорова в статье для биобиблиографического словаря «Русские писатели» упомянула, что Майков «выступал с критическими статьями о литературе и изобразительном искус-

стве (в частности, разбирал работы И.К. Айвазовского, Ф.П. Толстого, Федотова), отстаивая эстетические принципы «натуральной школы» [6. С. 4]. В.С. Баевский в большой обстоятельной статье биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» тоже указал на это направление деятельности поэта, не сообщая точного списка статей [7. С. 455].

Не восполнили этого пробела в списке статей критического наследия А.Н. Майкова и историки русской художественной критики первой половины XIX в. Так, Р.С. Кауфман в книге «Очерки истории русской художественной критики. От Константина Батюшкова до Александра Бенуа», описывая критику 1840-х гг., впервые обращается к изучению статей Майкова, однако не представляет точного списка и доказательной атрибуции анализируемых публикаций [8. С. 74–85]. Н.А. Нарышкина, рассматривая динамику развития художественной критики 1840-х гг., упоминает отдельные положения статьи Майкова о выставке 1849 г. [9], подчеркивая новизну и злободневность рассматриваемых в ней вопросов, но не указывает имени автора: оно называется как вероятное только в примечаниях [10. С. 58–62, 81].

К обзору статей Майкова в контексте вопроса о рецепции идей И.И. Винкельмана русской культурой обращался К.Ю. Лаппо-Данилевский. Однако в его работе отсутствует постановка проблемы атрибуции. По-видимому, исследователь посчитал этот вопрос решенным [14. С. 354–355].

Выпадение столь важной части творческого наследия поэта из поля зрения современной науки, с одной стороны, обусловлено анонимностью большинства публикаций и связанной с этим трудностью определения корпуса текстов статей, с другой – отсутствием всестороннего исследования жизни и творчества поэта, которое, в свою очередь, объясняется издержками социологического подхода к трактовке деятельности представителей русской культуры. Уточним: мы не ставим перед собой грандиозной задачи описания всего корпуса статей и рецензий А.Н. Майкова, а ограничимся лишь более локальной и конкретной проблемой определения списка его обзоров ежегодных выставок в Императорской Академии художеств, большая часть которых была опубликована анонимно, и тематически примыкающих к ним публикаций соответствующего временного периода.

Отталкиваясь от обозначенного в биографическом очерке Златковского временного промежутка с 1847 по 1853 г. и указанных в очерке названий журналов, попробуем установить корпус статей Майкова о выставках в Академии художеств. Логично предположить, что свои обзоры молодой критик должен был бы печатать прежде всего в «Отечественных записках», где А.Н. Майков начал карьеру художественного критика по замыслу своего брата [15. С. 85].

Две статьи Майков опубликовал в журнале «Отечественные записки» с подписью. Среди них упомянутая Златковским статья «Граф Ф.П. Толстой и его рисунки к «Душеньке» в шести тетрадах» в девятом номере журнала за 1852 г. [2. С. 16, 33]. Заметим, что эта статья не

связана тематически с выставками. Она преследует свои особые цели и задачи, реализует иное жанровое начало (рассматривает отдельное явление в художественной жизни России и историю творческой деятельности его автора), на что на первых страницах указывает сам Майков [16. С. 3]. Вследствие этого ее не следует включать в указанное в автобиографии общее количество «отчетов о выставках (до восьми статей)».

Другой обзор «Годичная выставка Императорской Академии художеств» 1853 г., опубликованный в «Отечественных записках» с подписью автора [17], судя по описанию в очерке Златковского, является последним в списке статей Майкова о выставках. На вероятность данного указывает и содержание заключительной части публикации, графически выделенной отступом с отчеркиванием от представленного до этого разбора картин:

«Вот уже шестой или седьмой отчет мой, помещаемый в “Отечественных записках” о годичных выставках в Императорской Академии художеств. В течение этого времени случилось мне приветствовать много новых талантов; много раз пытался я определить значение в истории нашего искусства его настоящих деятелей и тех, которые были его светилами в свое время; многих, и юных и старцев, пришлось мне проводить в могилу последним добрым словом. <...> Успех каждого был для меня радостным событием. Ни одно явление художественного мира, которое сколько-нибудь вызывает на размышление, не оставлял я без того, чтобы его не обдумать, и смело выражал свое убеждение <...>. Может быть, строки мои и послужили в пользу из молодых моих собратий по искусству – это было единственной целью моих иногда слишком строгих приговоров, иногда слишком смелых требований, как, например, в этой статье о г. Ризони» [17. С. 46–47].

Майков подводит итог своей деятельности: он оценивает изменения, произошедшие в течение последних 6–7 лет в русском изобразительном искусстве, указывает на его трагические потери и новые имена, характеризует собственную позицию. В архиве поэта сохранилась наборная рукопись этой статьи [18]. Для выявления принадлежности перу Майкова других публикаций важно, что критик прямо указывает на то, что отчеты о выставках печатались им в «Отечественных записках» и, судя по содержанию последующих размышлений, вероятно, следовали один за другим. Таким образом, можно предположить, что перу Майкова принадлежат обзоры выставок, опубликованные в «Отечественных записках» с 1847 по 1853 г. Это тем более вероятно, что после смерти В.Н. Майкова с осени 1847 г. в отделе библиографии журнала Краевского начал сотрудничать приятель А.Н. Майкова по университету, постоянный посетитель домашнего кружка, человек, в чьей судьбе все семейство Майковых принимало особое участие – С.С. Дудышкин [19. С. 365, 372–374, 384–385; 20. С. 196], который, получив со временем и руководство отделом критики, должен был привлечь своего давнего товарища к продолжению удачно начатой деятельности художественного критика. В 1847 и 1848 гг.

в «Отечественных записках» не было опубликовано обстоятельных обзоров выставок в отделе «Науки и искусства», где они обычно размещались. Вероятно, осенью 1847 г., когда журнал остался без ведущего критика, определяющего концептуальные направления деятельности издания (Дудышкин им еще не стал, хотя и получил уже предложение Краевского; при этом его настойчиво пыталась переманить к себе редакция «Современника») [20. С. 202–204], эта работа не была организована. Осенью же 1848 г. специальных обзоров не было напечатано не только в «Отечественных записках», но и в «Современнике» и других журналах, вероятно, во многом в связи с ужесточением цензуры под влиянием революционных событий в Европе. С 1849 г. публикация обзоров в журнале Краевского возобновляется.

На основании имеющихся в архиве Майкова автографов (полных и частичных) можно утверждать, что ему принадлежат следующие три обзора выставок, напечатанные в журнале «Отечественные записки» без указания имени автора.

1) «Выставка картин г. Айвазовского в 1847 г.» [21]. На основании наличия автографа [22] на авторство Майкова указал В.Э. Боград [23. С. 332, 482]. Эта статья, единственная из критического наследия Майкова, в 1976 г. была опубликована в сборнике «Русские писатели об изобразительном искусстве» [24].

2) «Выставка Императорской Академии художеств в 1849 году» [9]. В архиве Майкова сохранились фрагменты черновой рукописи статьи, существенно переработанные и сокращенные в окончательной редакции [25]. Черновики отдельных фрагментов статьи, позволяющие судить о движении авторской мысли, сохранились также в двух других единицах хранения [26. Л. 5 об., 8–8 об.; 27. Л. 9–9 об.]. Они отражают кропотливую работу критика над созданием логичного объяснения самого процесса зарождения изобразительного искусства и последующего описания важнейших эпох в его развитии, отражающего прямую связь между изменившимися духовными потребностями человека определенной эпохи и характерными переменами, происходящими в сфере предмета и содержания искусства. Майков также указал на принадлежность ему этой статьи в рецензии “Трещеские стихотворения” Николая Щербины: «В статье нашей о последней выставке в Академии художеств, говоря о направлении искусств пластических, мы указали на значение в наше время *генге’а* или, как мы назвали, живописи *антологической*, наивной; мы указали на нее как на такую отрасль искусства, которая *наиболее удовлетворяет* *задушевному, интимным требованиям* *полужительного века...*» [28. С. 62].

Разбор стихотворений Щербины был опубликован в июньском номере «Отечественных записок» за 1850 г. На то, что его автором был Майков, указывают сохранившаяся в архиве поэта рукопись, а также упоминание рецензии в очерке Златковского [2. С. 32]. Следовательно, статьей «о последней выставке в Академии художеств» может быть обзор выставки 1849 г., в котором читаем: «...в живописи он (современный человек. – О.С.)

более всего сочувствует так называемому *генге’у* – *роду, который, по аналогии, может быть назван антологическим*, потому что из этого рода картин только те могут назваться изящными произведениями, которые уловляют какой-нибудь момент жизни, в одной ли фигуре или во множестве фигур, соответствуя вполне соблюдением этих условий антологической поэзии Греков» [9. С. 33, 36].

Одним из важнейших теоретических положений этой статьи явилось осмысление эпохальной обусловленности интереса современного изобразительного искусства (как и литературы) к изображению обыденной жизни, т.е. к жанровой живописи, которая получает здесь принципиально новое теоретическое осмысление и определение «антологическая». В обзоре выставки, опубликованном в 1849 г. в журнале «Современник», оно не встречается.

Статья, опубликованная в 11-м номере «Отечественных записок» за 1849 г., имеет особую историю. В ней собственно обзору произведений живописи, представленных в указанном году в залах академии, уделено не более четверти текста – первая часть, отделенная в публикации отступом с отчеркиванием. За ней следует гораздо более объемная, насыщенная серьезными историко-теоретическими вопросами вторая часть, в целом полноценная и самостоятельная. Она посвящена осмыслению основных тенденций развития современного европейского искусства и «критическому разбору суждений теоретиков» о нем [9. С. 24]. Черновой автограф этой части публикации 1849 г. имеет название «Выставка картин в Императорской Академии художеств 1848 г. Статья первая» [25. Л. 1], которое указывает на некоторые сложности в ее судьбе. Судя по пространной вставке на первом листе автографа, статья эта задумывалась как своего рода пособие, которое будет опубликовано «по случаю готовящейся выставки» и поможет публике воспринимать представленные на ней произведения современной русской живописи в контексте важнейших тенденций развития европейского изобразительного искусства: «...мы не считаем излишним представить вниманию читателей несколько соображений и идей о направлении искусства в Западной Европе за последние годы. Может быть, это возбудит в уме читателей более дельные соображения; мы уже будем считать нашу цель достигнутой, если отвлечем мысль его от обычных его забот и заставим посмотреть на искусства» [25. Л. 1].

Очевидно, за этой статьей должна была последовать вторая: собственно обзор представленных на выставке произведений. По-видимому, в сложной цензурной ситуации 1848 г., усугубившейся в связи с европейскими революциями, они не могли быть напечатаны. Осенью 1849 г., когда процесс петрашевцев подходил к своему трагическому завершению, Майкову, близко общавшемуся со многими пострадавшими, было в целом не до рефлексии о проблемах современного искусства. Поэтому прошлогодняя историко-теоретическая часть становится основой публикуемой в журнале Краевского статьи. Возможно, она была уже оплачена автору в 1848 г. и хранилась в редакционном портфеле. К ней вначале

прибавляется только короткий обзор представленных на академической выставке 1849 г. картин, о принадлежности которого перу А.Н. Майкова однозначно говорить трудно. В то время в отделе библиографии и критики «Отечественных записок» работал С.С. Дудышкин, друживший с Майковым со студенческих лет. Это вступление могло быть набросано им при участии Майкова, с которым привычно обсуждались достоинства и недостатки картин, представленных на выставке: основные идеи и критерии оценки произведений, высказанные здесь, близки позиции Майкова и соотносятся с высказанным в других статьях, как и ряд характерных выражений¹.

3) «Художественная выставка редких вещей, принадлежащих частным лицам, учрежденная в залах Императорской Академии художеств, в пользу бедных» (1851 г., в трех статьях) [29]. В архиве Майкова имеется отдельный автограф второй и третьей статей [30], не разделенных в рукописи на две части, на что указывает и приписка, сделанная на полях рукой автора: «Статья вторая и последняя» [30. Л. 1]. На принадлежность Майкову второй статьи цикла в связи с обнаружением автографа впервые указал И.Г. Ямпольский. Он же предположил, что Майкову принадлежит и первая статья [4. С. 26]. Два недостающих листа этой рукописи (пятый и тридцатый листы авторской пагинации) сохранились в другой единице хранения, названной архивистами «Черновые материалы для статьи об истории искусства». В ней собраны фрагменты из разных работ Майкова, связанных с вопросами истории искусства и осмыслением отдельных проблем [26. Л. 9–10]. Принадлежность Майкову первой статьи о выставке редких вещей не вызывает сомнения в связи с четким тематическим и структурным единством цикла, отражающим последовательность продвижения по залам, и наличием прямой авторской отсылки к ее содержанию в тексте второй статьи цикла [29. № 5. С. 33].

По отношению к еще трем обзорам, опубликованным в «Отечественных записках» с 1850 по 1852 г., авторство Майкова устанавливается на основании прямых авторских отсылок к названным выше статьям, имеющим документальную атрибуцию, и наличия внутритекстовых связей с предыдущими и последующими подобными публикациями:

1. «Выставка в Императорской Академии художеств в 1851-м году» [31]. В ней присутствуют две прямые отсылки к названной выше статье о выставке редких вещей, опубликованной в 4–6-м номерах «Отечественных записок» за этот год: «...об этом было нами подробнее объяснено в трех статьях о “Выставке, устроенной Обществом Посещения Бедных”» [31. С. 126, 138].

2. «Трехгодичная выставка в Императорской Академии художеств. (Письмо в провинцию)» (1852 г.) [32]. Авторство Майкова устанавливается на основании имеющейся в тексте косвенной отсылки к опубликованному годом ранее циклу статей о выставке редких вещей, не называющей статьи, но отсылающей к ее содержанию:

«Вы помните, как мы с вами странствовали по выставкам и по иностранным галереям и отыскивали кра-

соты: мы тогда дошли до заключения, что искусство еще не превзошло природу; что художники как будто бы считали всегда делом посторонним красоту лиц, исключая немногих, и что только по указанию Греза нынешние французские артисты являются истинными рыцарями красоты и грации» [32. С. 82].

В этой фразе Майков коротко передает содержание части второй статьи о выставке редких вещей. Особенную важность этой прошлогодней выставки для эстетического образования русской публики критик видит в том, что она впервые дает возможность зрителям, не выезжавшим в Европу, познакомиться с историей европейского искусства [29. № 4. С. 129–130]. Во второй статье цикла, где речь шла о произведениях иностранных художников, упоминая о странности многих услышанных суждений, свидетельствующих об отсутствии исторического подхода к трактовке произведений изобразительного искусства, Майков дает краткий экскурс в историю важнейших школ европейской живописи от раннего Возрождения до сего дня, характеризуя их наиболее значимые открытия [29. № 5. С. 27–37]. Этот обзор критик имеет в виду, упоминая странствие «по выставкам и по иностранным галереям». Заканчивается этот обзор абзацем о Грезе: «Грész один из тех живописцев, которых имена знакомы почти всякому: у нас очень часто слышишь в разговоре название “грэзовской головки”, когда говорится о милом, грациозном личике. Чему же обязан Грész этою известностью, этою оригинальностью? Тому счастливому стечению обстоятельств, которые поставили его на истинную точку зрения на искусство; он вдохновлялся природою, а не вдохновениями других художников; одарен был удивительным тактом в выборе своих сюжетов и в отыскании в природе красоты форм, оживленной всегда грацией внутренних, душевных движений. Его головки на выставке были одним из лучших ее украшений» [29. № 5. С. 27–37].

Еще большую связь процитированный фрагмент статьи 1852 г. обнаруживает с хранящимся в архиве Майкова документом, условно названным архивистами «Отрывок статьи о выставке» [33]. Содержание данного наброска, начинающегося с размышлений автора о странности суждений знатоков, затем переходящего к проблеме красоты форм в изобразительном искусстве, сама постановка проблемы, список упоминаемых имен художников, последовательность в осмыслении этих имен и, наконец, переход на последнем листе к раздумьям о характере критики прошлого, которая не облегчала путь понимания произведения искусства, но, напротив, затрудняла его («...которая имела в виду определить только достоинства и недостатки произведения безо всякого отношения к тому, в какой век появилось это произведение...» [33. Л. 4 об.]), дает все основания говорить о том, что этот документ представляет собой начальный этап работы над второй частью статьи о выставке редких вещей. В окончательный текст статьи данный фрагмент вошел в существенно переработанном виде [29. № 5. С. 22–25]. При этом память о воспроизведенном в нем рассказе о поиске красоты лиц в карти-

нах европейских художников во время путешествия по Европе, оформившемся в окончательной редакции в характеристику крупнейших школ европейской живописи прошлого, сохранилась в сознании Майкова и определила в обзоре выставки 1852 г. содержательные аспекты косвенной отсылки к предыдущей статье.

Доказательством принадлежности статьи о выставке в Академии художеств, опубликованной в 11-м номере «Отечественных записок» за 1852 г., перу Майкова становится также комплекс внутритекстовых связей, в том числе оценка представленных здесь ученических программных работ Сорокина, Тимашевского и Мореншильда и прямое сравнение их с другими произведениями этих художников, о которых Майков писал в своих разборах выставок прошлых лет².

3. Принадлежность Майкову обзора «Выставка в Императорской Академии художеств», опубликованного в 11-м номере журнала «Отечественные записки» 1850 г. [34], устанавливается по связи с предшествующими и последующими статьями. В обзоре «Выставка Императорской Академии художеств в 1849 году», отличающимся глубиной постановки проблем теории эстетики, Майков выступил с «критическим разбором суждений теоретиков» – авторов обзоров европейских выставок, опирающихся на идеи И.И. Винкельмана и А.Р. Менгса, и следующих за ними «знатоков-дилетантов» [9. С. 24–25, 31–38]. Статья 1850 г. последовательно развивает эту тему, переходя к критике трактовки отдельных понятий, на которых держится анализ произведений искусства в статьях теоретиков, – понятий «стиль» и «манера», закрепившихся в европейских академиях художеств под влиянием работ указанных критиков [34. С. 59–61]. Это, по мнению автора, привело к неадекватным оценкам не только произведений современных художников, но и признанных мастеров, к господству напыщенной театральности, особенно под влиянием «“очищенного вкуса” школы Давида» [Там же. С. 60]. Представленная в обзоре 1850 г. критика академических требований в характерных особенностях постановки проблемы близка как другим статьям, так и фрагментам дневника Майкова с критическими высказываниями о посещении парижской академии художеств и господстве «школы Давида» [35. С. 38–39, 45–46]. Развивая свою мысль далее, автор поднимает характерную для статей Майкова проблему отсутствия границ между исторической живописью и жанровой, с иронией упоминая о том, что стало поводом для такого затруднения «знатоков-дилетантов» [34. С. 61].

Особенности стиля Майкова-критика ярко проявляются в поэтике, стилистике и структуре фрагментов, посвященных разбору отдельных картин, которым он уделяет внимание. Они всегда достаточно объемны и начинаются с экфрасиса, воссоздающего сюжет картины и характерные особенности его трактовки художником. Только дав характеристику тонкостей темы, Майков переходит к осмыслению формальных особенностей ее выполнения. Причину такого подхода к анализу он раскрыл уже в своей первой статье о персональной выставке Айвазовского: «...мы требуем, чтобы художник <...>

сперва *сотворил в своем воображении будущую картину* и потом ставил бы перед собой натурщика или натурщиц, но для того, чтобы напомнить себе вернее разные движения мускулов и изгиб костей в известном положении – не более. Само собой разумеется, что для того, чтоб можно было изобразить себе какую угодно картину и передать ее, необходимо близкое знакомство с предметом, школьное образование и изучение натуры. Говоря о творчестве, мы предполагаем уже наперед, что имеем дело с мастерами, а не учениками» [21. С. 170].

Вопросы о содержании картины, трактовке сюжета, об отношении художника к предмету изображения являются первостепенными и определяющими по отношению к технической стороне исполнения произведения. Представленные в статье 1850 г. разборы картин Мореншильда, Чернышова, Штейбена и особенно Шопена, подвергнувшегося нападкам со стороны некоторых «знатоков» [34. С. 62–68, 70–71], выстроены по традиционной для Майкова логике, отличаются последовательностью и законченностью, структурно и стилистически близки подобным фрагментам в других статьях³. Публикуемые в этот же период времени статьи В.П. Гаевского не отличаются такой последовательностью и четкостью движения мысли критика при разборе картины.

Самым веским аргументом, подтверждающим принадлежность обзора академической выставки, опубликованного в 11-м номере «Отечественных записок» 1850 г., перу Майкова является ссылка на него в написанной им через полгода статье о выставке редких вещей. Упомянув о портрете графа Ф.П. Толстого, написанного академиком С.К. Зарянко, Майков писал: «Ни соседство с портретом Брюллова, ни присутствие на выставке дивного портрета Фандейка не убивают достоинств портрета графа Ф.П. Толстого, писанного г. Зарянко. Мы говорили об этом могучем таланте в отчете о прошлогодней выставке...» [29. № 4. С. 137].

Установлено, что Майков печатал свои обзоры ежегодных выставок в Академии художеств в «Отечественных записках» в 1849, 1851–1853 гг. Учитывая представленное выше проблемно-тематическое сопоставление, мы имеем все основания констатировать, что обзор выставки 1850 г., опубликованный в этом журнале, написан также Майковым. Автором обзора выставки, опубликованного в 1850 г. в 11-м номере «Современника», был В.П. Гаевский [5. С. 485, 501].

Таким образом, А.Н. Майков был автором семи обзоров выставок, напечатанных в журнале «Отечественные записки» в 1847, 1849–1853 гг. (при условии объединения частей статьи о выставке редких вещей в одну единицу). Обзор за 1853 г. опубликован с подписью Аполлона Николаевича [17], авторство трех статей [9, 21, 29] было доказано на основании имеющихся в архиве Майкова автографов. А по отношению к оставшимся трем обзорам [31, 32, 34], опубликованным в 1850–1852 гг., авторство А.Н. Майкова было установлено благодаря прямым авторским отсылкам, имеющим документальную атрибуцию, и наличию внутритекстовых связей с подобными публикациями автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. характеристику картины Худоярова «Принесение в жертву Ифигении», замечание о копиях портера Беатриче Ченчи, критическое упоминание о мюнхенской (овербековской) школе, критерии оценки жанровой живописи, замечания по поводу картины Шопена «Суд Соломона», постановку проблемы изображения женских образов [9. С. 20–24]. Словосочетания «идеализм в искусстве», «допруджинские школы», «мысль должна одушевлять холст», «драма и юмор жизни», «антологические сцены» и др. [Там же].

² За творчеством этих учеников Академии Майков следит из статьи в статью, анализируя их картины, созданные в период с 1850 по 1853 г. Оценивая новые достижения молодых художников или, напротив, их неожиданные недостатки, критик каждый раз упоминает другие их произведения. Ср.: [17. С. 24–25, 27–28; 31. С. 121–128; 34. С. 61–63]. Заметим, что в обзорах выставок, опубликованных в эти годы в «Современнике», картины данных художников также подвергаются анализу, который ощутимо отличается от подхода, представленного в статьях Майкова, отсутствием четкой структуры и проблемной глубины.

³ Ср. указанные фрагменты в обзоре 1850 г. с фрагментами обзора 1853 г. [17. С. 32–36]. Ср. также оценку Майковым картины Шопена с мнением о ней В.П. Гаевского [36. С. 113–115].

ЛИТЕРАТУРА

1. Майков А.Н. Автобиографические сведения за 1821–1856 гг. (И. С. Ремезову) // РНБ. Ф. 453. Оп. 1. № 1.
2. Златковский М.Л. А.Н. Майков. 1821–1897 г. : Биографический очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898.
3. Языков Д.Д. Жизнь и труды А.Н. Майкова. Материалы для истории его литературной деятельности // Русский вестник. 1897. № 12. С. 235–255.
4. Ямпольский И.Г. Из архива А.Н. Майкова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 24–52.
5. Боград В.Э. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959.
6. Майорова О.Е. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели: библиографический словарь. М.: Просвещение, 1990. Т. 2. С. 3–5.
7. Биевский В.С. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 453–458.
8. Кауфман Р.С. Очерки истории русской художественной критики. От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М.: Искусство, 1990.
9. Майков А.Н. Выставка Императорской Академии художеств в 1849 году // Отечественные записки. 1849. Т. 67, № 11. Отд. 2. С. 19–40.
10. Нарыкина Н.А. Художественная критика пушкинской поры. Л.: Искусство, 1987.
11. Майков А.Н. Письма 1847–1867 годов. Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977. С. 72–121.
12. Из архива А.Н. Майкова. Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 23–41.
13. Из архива А.Н. Майкова («Три смерти», «Машенька», «Очерки Рима»). Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 г. Л., 1978. С. 30–56.
14. Lappo-Danilevskij. Konstantin Ju. Gefühl für das Schöne: Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf ästhetisches Denken in Russland. Köln: Böhlaus Verl. Köln Weimar Wien, 2007.
15. Седельникова О.В. Статьи А.Н. Майкова о выставках в Академии художеств и их значение в развитии эстетического сознания 1840–1850-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3 (11). С. 81–96.
16. Майков А.Н. Граф Ф.П. Толстой и его рисунки к «Душеньке» в шести тетрадах // Отечественные записки. 1852. Т. 84, № 9. Отд. 2. С. 1–32.
17. Майков А.Н. Годичная выставка в Императорской Академии художеств // Отечественные записки. 1853. Т. 9, № 11. Отд. 2. С. 21–48.
18. Майков А.Н. Годичная выставка в Императорской Академии художеств // ИРЛИ. № 16611.
19. Старчевский А.В. Один из забытых журналистов (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 362–386.
20. Егоров Б.Ф. С.С. Дудышкин – критик // Ученые записки Тартуского университета. 1962. Вып. 189. С. 195–231.
21. Майков А.Н. Выставка картин г. Айвазовского в 1847 году // Отечественные записки. 1847. Т. 51, № 4. Отд. 2. С. 166–176.
22. Майков А.Н. Статья о выставке картин Айвазовского // ИРЛИ. № 16614.
23. Боград В.Э. Журнал «Отечественные записки». 1839–1848. Указ. содержания. М.; Л.: Книга, 1971.
24. Майков А.Н. Выставка картин г. Айвазовского в 1847 году // Русские писатели об изобразительном искусстве. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 102–113.
25. Майков А.Н. План статьи о выставке 1848 г. (Выставка картин в Императорской Академии художеств 1848 г. Статья первая) // ИРЛИ. № 16612.
26. Майков А.Н. Черновые материалы для статьи об истории искусства // ИРЛИ. № 16623.
27. Майков А.Н. К истории религиозных направлений и влияния их на искусство // ИРЛИ. № 16599.
28. Майков А.Н. «Греческие стихотворения» Николая Щербины // Отечественные записки. 1850. Т. 70, № 6. Отд. 6. С. 59–67.
29. Майков А.Н. Художественная выставка редких вещей, принадлежащих частным лицам, учрежденная в залах Императорской Академии художеств, в пользу бедных // Отечественные записки. 1851. Т. 75, № 4. Отд. 8. С. 129–145 (статья первая); Т. 76, № 5. Отд. 8. С. 19–39 (статья вторая); Т. 76, № 6. Отд. 8. С. 95–105 (статья третья).
30. Майков А.Н. Художественная выставка редких вещей, принадлежащих частным лицам, учрежденная в залах императорской Академии художеств, в пользу бедных // ИРЛИ. № 16613.
31. Майков П.Н. Выставка в Императорской Академии художеств в 1851-м году // Отечественные записки. 1851. Т. 79, № 11. Отд. 2. С. 115–138.
32. Майков А.Н. Трехгодичная выставка в Императорской Академии художеств. (Письмо в провинцию) // Отечественные записки. 1852. Т. 85, № 11. Отд. 8. С. 78–85.
33. Майков А.Н. Отрывок статьи о выставке // ИРЛИ. № 16615.
34. Майков А.Н. Выставка в Императорской Академии художеств // Отечественные записки. 1850. Т. 73, № 11. Отд. 2. С. 57–74.
35. Майков А.Н. Путевой дневник 1842–43 гг. Итальянская проза / сост., подготов. текстов, ст. и коммент. О.В. Седельниковой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013.
36. Гаевский В.П. Годичная выставка в Императорской Академии художеств // Современник. 1850. № 11. Отд. 2. С. 108–132.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 декабря 2013 г.

PROBLEMS OF ATTRIBUTION OF A.N. MAIKOV'S ARTICLES ON EXHIBITIONS IN THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS. ARTICLE ONE

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 34–40. DOI: 10.17223/15617793/380/6

Sedelnikova Olga V. *Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).* E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Keywords: A.N. Maikov; art criticism; attribution; review; exhibitions in the Imperial Academy of Arts; *Otechestvennye Zapiski*.

Presented is the first attempt of attributing an important part of A.N. Maikov's artistic legacy, which is his reviews of the Imperial Academy of Arts annual exhibitions and related publications. Maikov's legacy as a critic still remains practically unknown in the context of present day

studies of not only the history of Russian literature, but also the Russian culture of the mid- and second half of the 19th century on the whole, notwithstanding the fact that the complex of the questions raised characterizes the essence of the 1850-70 culture issues representing the basis for social and philosophic-aesthetic searches in the Russian literature, painting, as well as the aesthetics and criticism of that period. The missing of such an important part of the poet's artistic legacy from present day researching is, on the one hand, explained by the anonymity of most publications which results in the problem of defining the articles corpus, and, on the other hand, by the lack of thorough investigations of the poet's life and work which is caused by the limitations of sociological approach to rendering cultural process subjects' and phenomena's activities. What proves the existence of these articles and reviews as a special part of the poet's artistic legacy is, first of all, his private documents. Thus, in the autobiography of 1858, Maikov mentioned posting books and exhibitions reviews in *Otechestvennye Zapiski* and *Sovremennik*, though he did not give the exact titles. Besides, there remained complete and partial autograph notes to some articles. The existence of the articles was also mentioned by Maikov's first biographers, M.L. Zlatkovsky and D.D. Yazykov, who, however, did not provide the full list of those either. A focused research of Maikov's archive was undertaken in the 1970s by I.G. Yampolsky who prepared quite a number of valuable publications, thus giving a start to restoring an adequate understanding of the poet's work and personality. Describing the archive, the researcher pointed out a number of manuscripts which were exhibitions reviews and related documents and stressed the importance of studying them. Taking into consideration the period from 1847 to 1853 as stated by Zlatkovsky in his biographical essay and the titles of magazines, we shall attempt to define the corpus of Maikov's articles on exhibitions in the Academy of Arts. Obviously, the first magazine to publish the young critic's reviews was *Otechestvennye Zapiski*, where, as intended by his elder brother, Maikov started the career of an artistic critic. The fact that Maikov published two signed articles in it in 1852-53 makes it even more probable. From Maikov's autographs found in the archive, his references to the above mentioned articles documentally attributed, intratextual connections with the previous and later publications, one can assert Maikov's authorship of seven exhibition reviews posted in *Otechestvennye Zapiski* in 1847 and 1849-53.

REFERENCES

1. Maikov A.N. Avtobiograficheskie svedeniya za 1821–1856 gg. (I. S. Remezova). RNB. F. 453. Op. 1. No. 1.
2. Zlatkovskiy M.L. A.N. Maikov. 1821–1897 g. : Biograficheskiy ocherk. 2-e izd., znachit. dop. SPb., 1898.
3. Yazykov D.D. Zhizn' i trudy A.N. Maikova. Materialy dlya istorii ego literaturnoy deyatel'nosti. *Russkiy vestnik*. 1897. No. 12. P. 235-255.
4. Yampol'skiy I.G. Iz arkhiva A.N. Maikova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1974 god*. L., 1976. P. 24-52.
5. Bograd V.E. Zhurnal "Sovremennik". 1847–1866: Ukazatel' soderzhaniya. M. ; L., 1959.
6. Mayorova O.E. Maikov Apollon Nikolaevich. Russkie pisateli : biobibliograficheskiy slovar'. M. : Prosveshchenie, 1990. V. 2. P. 3-5.
7. Baevskiy B.C. Maikov Apollon Nikolaevich. Russkie pisateli 1800–1917 : biograficheskiy slovar'. M., 1994. V. 3. P. 453-458.
8. Kaufman R.S. Ocherki istorii russkoy khudozhestvennoy kritiki. Ot Konstantina Batyushkova do Aleksandra Benua. M. : Iskustvo, 1990.
9. Maikov A.N. Vystavka Imperatorskoy Akademii khudozhestv v 1849 godu. *Otechestvennye zapiski*. 1849. V. 67, no. 11. Otd. 2. P. 19-40.
10. Naryshkina N.A. Khudozhestvennaya kritika pushkinskoy pory. L. : Iskustvo, 1987.
11. Maikov A.N. Pis'ma 1847–1867 godov. Publ. I.G. Yampol'skogo. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1975 god*. L., 1977. P. 72-121.
12. Iz arkhiva A.N. Maikova. Publ. I.G. Yampol'skogo. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1974 god*. L., 1976. P. 23-41.
13. Iz arkhiva A.N. Maikova («Tri smerti», «Mashen'ka», «Ocherki Rima»). Publ. I.G. Yampol'skogo. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1976 g*. L., 1978. P. 30-56.
14. Lappo-Danilevskiy. Konstantin Ju. Gefühl für das Schöne: Johann Joachim Winckelmanns Einfluss auf ästhetisches Denken in Russland. Köln : Böhlaus Verl. Köln Weimar Wien, 2007.
15. Sedel'nikova O.V. Stat'i A.N. Maikova o vystavkakh v Akademii khudozhestv i ikh znachenie v razvitii esteticheskogo soznaniya 1840–1850-kh gg. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2010. No. 3 (11). P. 81-96.
16. Maikov A.N. Graf F.P. Tolstoy i ego risunki k «Dushen'ke» v shesti tetradnykh. *Otechestvennye zapiski*. 1852. V. 84, no. 9. Otd. 2. P. 1-32.
17. Maikov A.N. Godichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv. *Otechestvennye zapiski*. 1853. V. 91, no. 11. Otd. 2. P. 21-48.
18. Maikov A.N. Godichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv. *IRLI*. No. 16611.
19. Starchevskiy A.V. Odin iz zabytykh zhurnalistov (Iz vospominaniy starogo literatora). *Istoricheskiy vestnik*. 1886. No. 2. P. 362-386.
20. Egorov B.F. S.S. Dudyskin – kritik. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. 1962. Vyp. 189. P. 195-231.
21. Maikov A.N. Vystavka kartin g. Ayvazovskogo v 1847 godu. *Otechestvennye zapiski*. 1847. V. 51, no. 4. Otd. 2. P. 166-176.
22. Maikov A.N. Stat'ya o vystavke kartin Ayvazovskogo. *IRLI*. No. 16614.
23. Bograd V.E. Zhurnal «Otechestvennye zapiski». 1839–1848. Ukaz. soderzhaniya. M. ; L. : Kniga, 1971.
24. Maikov A.N. Vystavka kartin g. Ayvazovskogo v 1847 godu // Russkie pisateli ob izobrazitel'nom iskusstve. L. : Khudozhnik RSFSR, 1976. P. 102-113.
25. Maikov A.N. Plan stat'i o vystavke 1848 g. (Vystavka kartin v Imperatorskoy Akademii khudozhestv 1848 g. Stat'ya pervaya). *IRLI*. No. 16612.
26. Maikov A.N. Chernovye materialy dlya stat'i ob istorii iskusstva. *IRLI*. No. 16623.
27. Maikov A.N. K istorii religioznykh napravleniy i vliyaniya ikh na iskusstvo. *IRLI*. No. 16599.
28. Maikov A.N. «Grecheskie stikhotvoreniya» Nikolaya Shcherbiny. *Otechestvennye zapiski*. 1850. V. 7, no. 6. Otd. 6. P. 59-67.
29. Maikov A.N. Khudozhestvennaya vystavka redkikh veshchey, prinaldezhashchikh chastnym litsam, uchrezhdennaya v zalakh Imperatorskoy Akademii khudozhestv, v pol'zu bednykh. *Otechestvennye zapiski*. 1851. V. 75, no. 4. Otd. 8. P. 129-145 (stat'ya pervaya); V. 76, no. 5. Otd. 8. P. 19-39 (stat'ya vtoraya); V. 76, no. 6. Otd. 8. P. 95-105 (stat'ya tret'ya).
30. Maikov A.N. Khudozhestvennaya vystavka redkikh veshchey, prinaldezhashchikh chastnym litsam, uchrezhdennaya v zalakh imperatorskoy Akademii khudozhestv, v pol'zu bednykh. *IRLI*. No. 16613.
31. Maikov P.N. Vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv v 1851-m godu. *Otechestvennye zapiski*. 1851. V. 79, no. 11. Otd. 2. P. 115-138.
32. Maikov A.N. Trekhgodichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv. (Pis'mo v provintsiyu). *Otechestvennye zapiski*. 1852. V. 85, no. 11. Otd. 8. P. 78-85.
33. Maikov A.N. Otryvok stat'i o vystavke. *IRLI*. No. 16615.
34. Maikov A.N. Vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv. *Otechestvennye zapiski*. 1850. V. 73, No. 11. Otd. 2. P. 57-74.
35. Maikov A.N. Putevoy dnevnik 1842–43 gg. Ital'yanskaya proza. Sost., podgotov. tekstov, st. i komment. O.V. Sedel'nikovoy. SPb. : Izd-vo «Pushkinskiy Dom», 2013.
36. Gaevskiy V.P. Godichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv. *Sovremennik*. 1850. No. 11. Otd. 2. P. 108-132.

Е.О. Третьяков

**ИСТОРИОСОФСКАЯ, ГЕОЭСТЕТИЧЕСКАЯ¹ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
«АРАБЕСОК» Н.В. ГОГОЛЯ: ФИЛОСОФИЯ И ПОЭТИКА ЧЕТЫРЕХ СТИХИЙ
В «ГЛАВЕ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА» И ФРАГМЕНТЕ «ПЛЕННИК»**

Через призму философии и поэтики четырех стихий рассматриваются фрагменты художественных текстов, включенные Н.В. Гоголем в «Арабески» (1835), – «Глава из исторического романа» и «Пленник». В «Главе...», совмещающей историософскую и индивидуально-антропологическую парадигмы, мир непознаваем, а пребывание в нем человека отмечено страхом как категориальной основой жизни. В «Пленнике» же Гоголь снимает острую катастрофичность предыдущего отрывка и утверждает изначальную онтологическую благодать мира, ставя вопрос лишь о соответствии ему человека.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Арабески»; «Глава из исторического романа»; «Пленник»; четыре стихии; историософский дискурс; эстетическая концепция; экзистенциальное мировоззрение.

Цикл Н.В. Гоголя «Арабески», вышедший практически одновременно с «Миргородом» – в конце января 1835 г., ожидали довольно прохладный прием читателей (доказательством чего служит письмо А.С. Пушкину от 7 октября 1835 г.: «Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит» [2. С. 375]) и странная судьба впоследствии. Так, будучи третьим концептуальным сборником произведений писателя², он единственный не вошел в гоголевское собрание сочинений 1842 г., третий том которого сформировали так называемые «Петербургские повести», основу которых, в свою очередь, составили три повести, ранее входившие в состав «Арабесок», – «Невский проспект», «Портрет» в переработанном варианте, ставшем известным как вторая, или римская, редакция повести, и «Записки сумасшедшего».

В научном литературоведческом осмыслении «Арабески» также зачастую дробятся (что принципиально противоречит установке самого автора, стремившегося, напротив, «собрать» мир, представить самые разные стороны бытия в едином сверткесте, объединив под обложкой одного сборника статьи по искусству, истории, географии, фольклору, художественно-исторические фрагменты и художественные произведения), и повести изучаются в контексте художественной системы 3-го тома, тогда как статьи относят к критическому и публицистическому наследию Гоголя. Одним из следствий этого является то, что фрагменты художественных текстов, в отличие от полноценных повестей, включенных в состав «Арабесок», традиционно привлекают меньшее внимание исследователей (при этом попытки их осмысления предпринимались и предпринимаются; см., например, [3. С. 15–20]); а ведь роль этих двух отрывков – «Главы из исторического романа» и «Пленника» – чрезвычайно значима: они служат своего рода промежуточным звеном, скрепляющим художественно-мировоззренческий и чисто мировоззренческий пласты книги.

Кроме того, эти фрагменты крайне важны для общей концепции гоголевского историзма. Само обращение писателя к истории крайне показательно. Так, В.Г. Белинский определяет XIX столетие как «исторический

век» и характеризует его следующим образом: «Историческое созерцание могущественно и неотразимо повлекло собою все сферы современного созерцания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии» [4. С. 90]; с этим был солидарен и Гоголь, убежденный, что «одно твердое историческое познание теперь действительно», и утверждавший, что «нужно теперь знание истории более полное и более глубокое, чем когда-либо прежде! Корни и семена всех нынешних явлений – там» [5. С. 23].

История понимается мыслителем и художником в первую очередь как процесс национального ментального самоопределения; ввиду основополагающей идеи Гоголя о необходимости экзистенциального и духовно-нравственного самоопределения каждого человека историософская и антропологическая парадигмы его творческой системы образуют целокупное смысловое пространство, объединяющее статьи исторического и эстетического характера. Все это крайне репрезентативно демонстрируется философией и поэтикой стихий, явленной в двух отрывках. Отметим в связи с этим, что неслучайно в статьях «Арабесок» 15 раз упоминается сам концепт «стихий»; при этом «стихий» в натурфилософском значении практически отсутствует, зато есть «старые стихии», «дряхлые, умирающие стихии старого мира», «дикие, мощные стихии нового», «первоначальная стихия всего европейского духа», «небывалые в истории человечества стихии», «национальные стихии», «европейская осторожность и азиатская беспечность» как «разнохарактерные стихии»... Необходимо указать здесь, что одним из истоков формирования концепта «стихий» в историософском понимании и его бытования в гоголевской книге является, безусловно, учение И.Г. Гердера о «народном духе», «духе нации», который немецкий мыслитель определял следующим образом: «Во всех земных делах людей очень многое зависит от времени и места и от различий в характере наций, ибо самое главное – характер народа. <...> Генетический дух, характер народа – это вообще вещь поразительная и странная. Его не объяснить, нельзя и стереть

его с лица Земли: он стар, как нация, стар, как почва, на которой жил народ» [6. С. 313–314]. Целесообразным в данном контексте представляется вспомнить о статье «Шлецер, Миллер и Гердер», помещенной Гоголем во второй части «Арабесок» [7. С. 122–125]. С учетом этого контекста можно утверждать, что в книге Гоголя история – это земля, на которой живет народ; воздух – это «воздух истории», сам пресловутый «дух истории»; огонь – это момент возрождения через войны, через пожары... В историософском контексте стихии – первоэлементы мироздания – наделяются особым смыслом; при этом историософский и антропологический аспекты их бытования неразрывно связаны. При очевидной дифференциации стихий в зависимости от дискурса – бытуют они в художественном тексте или статье исторического характера – формируется единое пространство смысла, семиосфера³ стихий, претерпевающая эволюцию в соответствии с общей траекторией разворачивания авторской мысли, варьированием ее мировоззренческих и аксиологических доминант. Доказательству этого положения и посвящена данная статья.

Действительно, «Глава из исторического романа» подхватывает одну из основных идей предыдущей статьи – «О Средних веках» – и освещает ее «от противного»: если, повествуя о Средних веках как таковых, Гоголь постоянно движется по траектории от упоминания «кровопролитной битвы между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли⁴» [7. С. 17] к описанию Крестовых походов, где «ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда: все проникнуто одною мыслию – освободить гроб Божественного Спасителя! Народы текут с крестами со всех сторон Европы...» [Там же], т.е. вербально преодолевает атомизацию и разобщенность и реализует синтез, то в первом в полной мере художественном тексте книги (учитывая, что все «Арабески» как целокупность являются художественным произведением) писатель обращается к отдельному человеку, бредущему по упомянутому «клочку земли». Раздробленность достигает здесь таких масштабов, что случайная встреча видится проявлением трансцендентных сил; человек не только не может принять на себя ответственность за преобразование мира (в отличие от картины, явленной в статье «О Средних веках»), но и не властен над своей собственной жизнью.

Разорванность всех бытийных связей закономерно находит отражение и в поэтике стихий – символом этого становится наблюдаемая героем тревожная картина заходящего осеннего солнца: «Солнце медленно прощало⁵ с землею. Живописные облака, обхваченные по краям огненными лучами, поминутно менясь и разрываясь, летели по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тень свою и притворяли мало-помалу ставни окошек, освещавших светлый Божий мир. <...> Сквозь обнаженную вершину леса темнело небо; резкий ветер подымался с поля и мчал заунывные свои вопли в гущу леса» [7. С. 25]. В истории, рассказанной герою его случайным (случайным ли?) попутчиком, сама при-

рода враждебна человеку, погрязшему в пороке: после убийства дьякона пан видит, что «колючие ветви сосны царапаются к нему сквозь стену и, будто живые, вытягиваются длиннее, длиннее и как раз достают до него» [Там же. С. 29]; да и ведут себя природные стихии довольно неестественно: «Перекрестился, может быть, в первый раз от роду наш пан, когда увидел, что из них каплет человечья кровь, сначала холодная как лед, а потом жжет да и только!» [Там же].

Разумеется, Гоголь, по своему обыкновению, оставляет возможность интерпретации этого эпизода в качестве галлюцинаторных видений преступника, на что указывает то, что все эти осязательные ощущения пан увидел, а также – как сознательную выдумку Глечика инкогнито. В связи с этим обратим внимание на то, что по завершении истории «рассказчик наш стремительно ударил в слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и казалось, не без удовольствия заметил в нем впечатление, произведенное его рассказом» [Там же]. Одновременно с тем помимо банального истолкования, сводящегося к тому, что по каким-то причинам мнимому селянину доставил удовольствие испуг собеседника, сам собой возникает вопрос: полноте, а человек ли он вовсе? Недаром, когда дым от люльки «обнимал облаками смуглое лицо его, которое, освещаясь иногда вспыхивавшим огоньком, казалось лицом какого-нибудь упыря, выдававшимся по временам из непробудного болотного тумана и сеявшим искры чудного огня» [Там же. С. 27], Лапчинский вынужден был «чаще всматриваться ему в глаза, чтоб удостовериться, точно ли то был его товарищ» [Там же]. Огонь, выступающий здесь в роли адского пламени, упоминаемые стихии воздуха и воды формируют монструозное существо, парадоксальным образом в наибольшей степени связанное с хтоническими коннотациями земли (см. об этом далее), а точнее – тех «вечных огней», от взрыва которых «изменяется поверхность земли» [Там же. С. 166–167], которые являются зримым воплощением исполненного космогонического ужаса истинного положения вещей (явленного ранее в несколько ином виде в «Страшной мести») и которые в прямом значении возникают в «Мыслях о географии».

В свете предлагаемой концепции фиктивный крестянин вполне может быть олицетворением тех самых враждебных человеку тайных законов бытия. Однако более любопытным представляется предположение о том, что мир как реальность, данная человеку в ощущениях, разрушается, и сокрытые каноны мироустройства начинают действовать без спасительного для человеческого рассудка покрова естественного порядка вещей. Тотальная изолированность приводит к истончению ткани реальности, распадению сущего; не имея возможности продемонстрировать метафизическую опасность тотальной разобщенности в художественных текстах, «замаскированных» под научные статьи, Гоголь посвящает этому иные составляющие книги.

При этом важнейшим концептом, наделенным негативными коннотациями, является земля. Прямо упо-

минаемая крайне редко, земля становится сущностной основой повествования: стихия монолитная и неизменная по определению, здесь она становится обманчивой и непостоянной – неслучайно текст начинается с того, что «общих езжалых дорог тогда не было в Малороссии; но почти каждому известна была какая-нибудь проселочная, по мнению его, самая ближайшая» [7. С. 24], неслучайно обращается особое внимание на взаимодействие земли и призрачного, эфемерного лунного света в сцене встречи Лапчинского с поселянином, оказавшимся впоследствии полковником Глечиком: «Луна в это время вырезалась на небе. Серебряный свет, перепутанный тенью от деревьев, пал решеткою на землю, осветив далеко окрестность, и Лапчинский увидел перед собою дюжего пожилого селянина» [Там же. С. 25], и временами решительно не схожего с человеком.

Актуализация хтонической составляющей семиотики земли, порождением которой кажется попутчик Лапчинского, и потеря ориентиров героем, словно обморачиваемым самой стихией, по которой он блуждает, позволяют говорить о том, что в «Главе...» Гоголь продолжает разработку проблемы, заявленной в «Заколдованном месте», которую Андрей Белый определяет сентенцией «...для оторванного от рода земля – “заколдованное место”» [9. С. 52]. В этом смысле необходимо вспомнить о концепции А.И. Иванецкого, который в своей монографии «Гоголь. Морфология земли и власти» утверждает, что «психология XX века в лице, в частности, К.-Г. Юнга в принципе объяснила роль архаических структур, “архетипов”, в душевной и, в особенности, бессознательной жизни человека Нового времени. Эти архетипы представляют собою систему образных рецепций образа олицетворенной земли, которая изначально переживается каждым человеком как “праматерь”» [10. С. 12], но «лишь у Гоголя архаика и ее главный архетип – олицетворенная земля – становятся источником катастрофы: как его личной, так и всего современного ему мира. “Темные и тесные глубины земли” актуализовались Гоголем как источник личной и всеобщей катастрофы. Он вседневно ощущал неотделенность и незащитимость (свою и современного мира) от вторжения ее демонических сил» [Там же. С. 13].

Таким образом, «олицетворенная земля» для Гоголя есть одновременно и доминанта его архаического сознания (ср. в связи с этим финал «римской» редакции «Тараса Бульбы», где герой становится своеобразным демиургом, воплощающим в Слове как изначальном бытийном законе-Логосе будущую судьбу мира и тем самым давая ей жизнь: «Подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!...» [11. С. 172]) и источник космического ужаса, когда она предстает в своей хтонической ипостаси.

Так или иначе, описав в статье «О Средних веках» ситуацию, когда «в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом», в «Главе из исторического романа», естественным образом связанной с этой статьей, Гоголь представляет иную ситуацию, основанную на взгляде на конкретного человека, изоли-

рованного от «общей массы всего человечества». Ввиду этого сущностной становится крайняя неконкретность заглавия, репрезентирующего отсутствие в самом бытии хоть какой-то определенности⁶. В этой индивидуально-антропологической, а не только историософской парадигме бытие близко к экзистенциальному мировосприятию, но человек, разумеется, не является носителем экзистенциального сознания. В результате мир предстает принципиально непознаваемым феноменом, «вещью в себе», тогда как пребывание человека в нем характеризуется перманентным ощущением страха как категориальной основы жизни.

Фрагмент «Пленник» – самое, пожалуй, недооцененное произведение из всего гоголевского наследия. Известно, что «текст представляет собой сокращенный вариант запрещенного для публикации в БДЧ отрывка “Кровавый бандурист”... Датируется в таком виде временем не ранее марта и не позднее августа 1834 г.» [1. С. 830], однако «поставленная в Ар. авторская дата “1830” изменена по сравнению со стоящей в корректуре “Кровавого бандуриста”, по-видимому, чтобы объединить отрывок с “Главой из исторического романа”, в примечании к которой оба произведения представлены как части сожженного романа “Гетьман”» [Там же. С. 831]. Вот, в сущности, и все; комментарий к отрывку в 3-м томе ПСС и писем Гоголя в 23 томах касается более локальных художественных реалий текста, нежели дает о нем представление как о целостности либо смысловой части «Арабесок». А между тем произведение исключительно любопытно и являет собой одновременно и закономерное развитие магистральной линии размышлений Гоголя о мире и месте человека в нем, и новый виток амбивалентной авторской мысли.

Итак, гоголевская концепция человека здесь значительно ужесточается по сравнению с представленной в «Главе из исторического романа». Человек не блуждает вслепую – он пленник, что заявлено уже в заглавии отрывка. Показательно в этом смысле и то, что сковывает его: «Он был весь с ног до головы увязан ружьями, вероятно, для сообщения неподвижности его телу» [7. С. 178]. Связь с онтологическими основами бытия – природными стихиями – разорвана: «Осветить бы месячному лучу хоть на минуту его лицо – и он бы верно блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его! Но месяц не мог видеть его лица, потому что оно было заковано в железную решетку» [Там же]. Однако эта отторженность человека от мироздания носит не окончательный характер, что репрезентируется образом церкви, оскверненной годами смуты, но сущностно словно возносящейся оттуда, где «на всем отпечаток величественных потрясений земли; душа сильнее чувствует великие дела Творца» («Мысли о географии»), с одной стороны, и освещенной небесным светом, который сумел ухватить и воплотить в своей картине Брюллов в виде молнии («Последний день Помпеи») – с другой: «Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла из трещин; обожжена, закурена дорогом, почерневшая, позеленевшая, покрытая крапивою,

хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы. <...> Бледный дуч серпорогого месяца, продравшись сквозь кудрявые яблони, укрывавшие ветвями в своей гуще часть здания, упал на низкие двери и на выдавшийся над ними вызубренный карниз, покрытый небольшими своеобразно выросшими желтыми цветами, которые на тот раз блестели и казались огнями или золотую надписью на диком карнизе» [7. С. 178–179].

Далее подробно изображается эта модификация «подземной географии», чудовищная, внушающая ужас, представляющаяся обиталищем монструозного Вия (эта ассоциация, вызванная упоминанием о «тех адских гномах, которых один вид уже наводит содрогание», неслучайна; см. об этом ниже): «Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Там царствует в оцепенелом величии смерть, распутившая свои костистые члены под всеми цветущими весями и городами, под всем веселящимся, живущим миром. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, теми адскими гномами, которых один вид уже наводит содрогание, тогда она еще ужаснее. Запах гнили пахнул так сильно, что сначала заняло у всех дух. <...> Это была четырехугольная, без всякого другого выхода пещера» [Там же. С. 181]. Но, будучи погребен заживо в месте, где «дышит смерть», герой открывает подлинную сущность и своего склепа, и самой смерти: «Прежде всего внимание его впилося в темноту. <...> Он всеми чувствами вселился в темноту. И тогда пред ним развернулся совершенно новый, странный мир: ему начали показываться во мраке светлые струи – последнее воспоминание света! Эти струи принимали множество разных узоров и цветов. <...> Эти разноцветные узоры принимали или вид пестрой шали, или волнистого мра-мора, или, наконец, тот вид, который поражает нас своею чудною необыкновенностью, когда рассматриваем в микроскопе часть крылышка или ножки насекомого» [Там же. С. 181–182].

Там, где царствует смерть, рождается новый мир, творятся узоры, в которые вплетаются природные стихии, созидающие космогонию. Пусть это эстетическое творение воздушно-эфемерно, пусть его хрупкое совершенство разрушается одним лишь прикосновением к омерзительной части мира реального («...Пальцы его невольно дотронулись к чему-то склизкому. Мысль о жабе вдруг осенила его!.. Он вскрикнул и разом переселился в мир действительный» [Там же. С. 182]) – важен сам факт преобразования смерти в жизнь, пресловутая «жизнессмерть», нивелирующая катастрофичность ужаса действительности. Неизмеримые силы к претворению бытия скрыты и в мире и в самом человеке⁷. Это служит предварением мировоззренческой и эстетической манифестации Гоголя, запечатленной в последней повести «Арабесок» – «Ключки из записок сумасшедшего», где постулируется идея о том, что художник – высшая степень бытования каждого человека.

Кроме того, здесь актуализируются также традиции средневековых алхимических практик. Так, Ириней Фи-

лалет в трактате «Lumen de Lumine» («Свет от Света») пишет: «Размышляя всерьез о системе или основе нашего мира, полагаю я, что это есть некая последовательность, связь, цепь, простирающаяся от *a non gradu ad non gradum* – от того, что неопределенно, к тому, что неопределимо, от того, что нельзя помыслить, ибо оно ниже пределов мысли, к тому, что нельзя помыслить, ибо оно превышает мысль. То, что ниже всяких пределов восприятия, – ужасающая, невыразимая тьма. В магии это называется *tenebrae activae* – активная тьма, и действие ее – холод и т.д. Ибо тьма есть выражение холода – аспекта, сути и принципа холода, – подобно тому как свет есть лик, принцип и источник жара. То, что превышает всякое понимание, есть некий бесконечный, недоступный пламень или свет» (цит. по: [12. С. 13]). Сомнительно, что Гоголь был знаком с трудом алхимика; однако целый ряд исследователей (П.М. Бицилли, М. Вайскопф, С.А. Гончаров и др.) убедительно доказывают, что сознание Гоголя в основных своих позициях сближается со средневековым мировосприятием. В связи с этим неудивительно, что писатель, обладавший исключительной чуткостью в вопросах преобразования бытия, в художественных реалиях «Пленника» практически дословно реализует положения Ириней Филалета о движении от *a non gradu ad non gradum* как субстанциальной основе мироустройства, превращая текст в своего рода алхимическую тинктуру. Роль стихий очевидно характеризуется в этом дискурсе особой значимостью.

С этим коррелирует и то, что «сама идея арабески созвучна представлениям исламских богословов о “вечно продолжающейся ткани Вселенной”. Арабеска строится на повторении и умножении одного или нескольких фрагментов узора. Бесконечное, протекающее в заданном ритме движение узоров может быть остановлено или продолжено в любой точке без нарушения целостности узора. Такой орнамент фактически исключает фон, т.к. один узор вписывается в другой, закрывая поверхность (европейцы называли это “боязнь пустоты”))» [13]. Вот почему художник, стремясь восторжествовать над пустотой и одновременно – хаосом мира, заполняет его порождениями своего творчества, арабесками, о которых Ф. Шлегель некогда сказал, что «это бесконечное существо, его интерес отнюдь не ограничивается героями, событиями, ситуациями и индивидуальными склонностями; для подлинного поэта все это, как бы близко ни захватывало оно его душу, есть лишь намек на высшее, бесконечное, иероглиф единой вечной любви и священной жизненной полноты творящей природы» [14. С. 402]. М. Ямпольский, в свою очередь, резюмирует в данной связи, что «именно эта устремленность к смыслу и позволяет арабеске стать иероглифом, выражающим не просто свободную красоту, но именно божественную красоту. <...> Сама по себе арабеска не имеет смысла, но создает взаимосвязь, объединяет в целое различные семиотические сферы и мыслимые пространства – музыки, цвета и математики. Это единственный способ ввести эстетическую однородность в материальный хаос фрагментированного мира. <...>

Иероглиф в данном случае становится выражением бесконечного стремления к абсолюту» [15. С. 347–355].

Кроме того, обратим внимание на то, что жаба как олицетворение «верхнего», надземного мира – образ также как минимум дихотомичный. В «Комментарии» к третьему тому ПСС и писем Н.В. Гоголя указывается, что «жаба в Священном Писании – орудие наказания Божия и подобие беса (ср.: Исх 8, 2; Откр 16, 13); в поэме Мильтона “Потерянный рай” в виде жабы изображен сатана» [1. С. 832], что никак не проясняет ее роль в отрывке. Другое дело – издевательское пожелание начальника отряда рейстровых коронных войск: «А чем не светлица? Светлица хороша! – проревел предводитель. – Але тебе, псяюхе, тут добре будет спать. Сам ложись на ковалки, *а под голову подмости ту жабу, али возьми за женку на ночь!*» [7. С. 181], которое в контексте предложенного варианта интерпретации превращается из грубого оскорбления в руководство к действию, скрытый смысл которого заключается в том, что любое явление действительности может быть преобразовано во что угодно.

Действительно, суть высказывания, призванного унижить пленника, парадоксально переворачивается, и в нем слышится отзвук того самого изначального Слова, в котором заключено все сущее. Заметим, что в обеих статьях, следующих за «О малороссийских песнях», возникает этот мотив, и сам факт его опосредованного и имплицитного наличия – в «Мыслях о географии» – во фразе «Слог преподавателя должен быть увлекательный, живописный» [Там же. С. 169] и в «Последнем дне Помпеи» – в соединении «троинственного мира искусств: живописи, поэзии и музыки» [Там же. С. 176] – формирует особую гоголевскую философию Слова-Логоса, охватывающую в конечном итоге все единство «Арабесок» (ограничимся здесь единственным аргументом – внутренней рифмовкой приведенного положения из «Мыслей о географии» и «Слог профессора должен быть увлекательный, огненный» [Там же. С. 35] – из «О преподавании всеобщей истории»).

Связь эстетической концепции и философии стихий в мировоззрении Гоголя, сублимировавшемся в его творческую систему, остро почувствовал А.А. Блок, понимавший искусство как стихийную силу, внеположную цивилизации и тесно связанную с исторической судьбой народа, и писавший в статье «Крушение гуманизма» (1919): «В XIX веке оказалось вообще, что искусство способно сделать “как-то скучным разумный возраст человека” и “похитить непохищаемое у жизни”, как выражался Гоголь; когда такое слово произнесено, – становится очевидным, что такое искусство, чему оно сродни, на что оно способно; оно – голос стихий и стихийная сила; в этом – его единственное назначение, его смысл и цель, все остальное – надстройка над ним, дело беспокойных рук цивилизации» [16. С. 108]. Как резюмируют авторы «Комментария» к 3-му тому Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах, «...через творчество Гоголя, по Блоку, осуществлялась работа той стихийной силы <...> которая сбрасывала

в своем движении, как ненужную более скорлупу, все материальные, воплощающие формы, все конкретные смыслы, в том числе и созданные самим искусством, стремясь к преображенному новому миру» [1. С. 507]. Таким образом, космогонические устремления писателя реализовывались с помощью стихий, концепция которых претерпевала в восприятии художника сущностные и коренные модификации: стихии постепенно перестают быть исключительно натурфилософскими категориями (впрочем, начало этого процесса наблюдается еще в «Ганце Кюхельгартене») и приобретают символический характер.

В связи с этим обратим внимание на образ самого предводителя: «В молчании шел начальствовавший отрядом, и непостоянный огонь светильни, окруженный туманным кружком, бросал в лицо ему какое-то бледное привидение света, тогда как тень от бесконечных усов его подымалась вверх и двумя длинными полосами покрывала всех. Одни только грубо закругленные оконечности лица его были определительно тронуты светом и давали разглядеть глубоко бесчувственное выражение его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло в этой душе, что жизнь и смерть – трюнь-трава...» [7. С. 180], и далее: «Тщательно осматривал он находившиеся в земляных стенах норы, совершенно обсыпавшиеся, служившие когда-то кельями и единственными убежищами в той земле, где в редкий год не проходило по степям и полям разрушение, где никто не строил крепких строений и замков, зная, как непрочно их существование» [Там же. С. 180]. Лексические параллели со статьей «Взгляд на составление Малороссии» в последнем предложении вряд ли нуждаются в комментариях; гораздо больший интерес представляют аллюзии на образ полковника Глечика, представшего в личине крестьянина в «Главе из исторического романа», формируемые сочетанием «стихийных» концептов непостоянного света, тумана и земли. Подобно Глечику, предводитель козачьего отряда является воплощением тайных сил бытия (прямым указанием на это служит не только важнейшая роль стихий в его изображении, но и принципиально важное для Гоголя соположение жизни и смерти в нем, характеризующее саму тайную суть бытия) – таких, какими видятся они человеку. Их враждебность определяется непониманием их сущности и законов, которым они подчиняются (неслучайно здесь, что герой предводительствует именно отрядом рейстровых коронных войск, т.е. украинских козачьих войск, служивших польскому правительству и внесенных в его реестр, со всей противоречивостью и туманностью их статуса и отношения к ним)⁸.

Таким образом, Гоголь расширяет границы так называемого сюжета нового времени, явленного в повестях «Арабесок»: *над* землей властвует история, и человек – безымянный пленник в каждый текущий ее момент – будь то XIX век или XVI столетие, – а законы мироздания непознаваемы и потому враждебны; *под* землей же царит смерть, но стоит взглянуть в нее, непосредственно приобщиться к ней – и человеку откроется истинный

смысл тайных сил, творящих мироздание, подлинное значение «подземной географии» в ее высшей космогонической доминанте, метафизической квинтэссенции, порождающей всякое творчество. История и география кардинальным образом меняют аксиологические коннотации; вместе с тем идея жизни и безграничных потенций, скрывающихся в смерти, как онтологического источника исторического процесса лишает эти категории оппозиционности и замыкает проблему ее наличия на метафорическом образе человека, обездвиженного сковавшим его оружием и лишенного возможности видеть из-за железной клетки на голове. В одном из самых мрачных, казалось бы, своих текстов Гоголь продолжает утверждать изначальное онтологическое совершенство мира, ставя вопрос лишь о соответствии ему человека.

Книга «Арабески» как целокупность призвана была стать тем Словом, что дает начало миру, его вербальным прообразом. В этом смысле «Арабески» являют собой строго организованное единство, каждая составляющая

которого закономерно проистекает из предшествующей и служит необходимым предварением следующей; «узор “Арабесок”» (П.Г. Паламарчук) оказывается не столь прихотливым, как это принято считать: все части книги посвящены воплощению единой космогонической идеи Гоголя-Творца, автора-демиурга, разумеется, при всей сложности и амбивалентности самой этой идеи. В данной целокупности геоэстетическая и историко-философская основы экзистенциальной концепции Гоголя определяют специфику бытования стихий и вместе с тем в той же степени сами определяются особенностями бытования первоэлементов мироздания. И философия и поэтика стихий, которые в гоголевской метафизике являются краугольным камнем бытия и маркируют собой центр авторского Космоса, будучи той связующей нитью, что позволяет проникнуть в любую точку его художественного мира, в «Главе из исторического романа» и фрагменте «Пленник» позволяют утверждать это со всей определенностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение позаимствовано из «Комментария» к 3-му тому Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах, написанного С.Г. Бочаровым и Л.В. Дерюгиной. Так, обращая внимание на фразу «где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвеивается югом» («Несколько слов о Пушкине»), авторы «Комментария» отмечают, что «эмоциональная двойственность отличает эту гоголевскую эстетически-географическую антитезу как отдельно в статье о Пушкине, так и в геоэстетическом составе *Ар.* в целом» [1. С. 678]. Далее, говоря о «метафизике “гладкого места”» у Гоголя как об одной из его сквозных художественных тем, С.Г. Бочаров и Л.В. Дерюгина делают вывод «о том, как эта эстетическая тема сложно работает в разных статьях *Ар.*, обретая здесь характер геоэстетической и даже отчасти геополитической антитезы» [Там же. С. 704].

² При этом «Арабески», вышедшие в свет в начале 20-х чисел января 1835 г., почти на месяц предшествовали «Миргороду», опубликованному после 20-го февраля. Однако мы разделяем точку зрения авторов «Комментария» к 3-му тому Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах С.Г. Бочарова и Л.В. Дерюгиной, определивших, что хотя «хронологически, таким образом, “Арабески” оказались второй книгой Гоголя, но стадийно надо признать их его третьей и совершенно новой по характеру книгой, поскольку “Миргород” тематически и жанрово был привязан к “Вечерам” и вышел с подзаголовком “Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки”. В заголовках обеих книг впервые было названо имя автора, чего еще не было в “Вечерах” (вспомним цитированные слова в письме Погодину от 2 ноября: “теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья...”)). Именно “Арабески”, с петербургскими повестями и статьями историческими и эстетическими, открывали в творчестве Гоголя новый путь» [1. С. 465–466].

³ Обратим здесь внимание на то, что одним из основных теоретических трудов, на котором базируется настоящее исследование, является «Внутри мыслящих миров» Ю.М. Лотмана и, в частности, вторая часть этой фундаментальной работы – «Семиосфера», в которой постулируется идея о том, что пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовую «здоровый смысл», которые, образуя гетерогенную связь, функционируют как нечто единое [8. С. 334]. Именно на эту мысль опирается рассмотрение бытования четырех стихий в данной статье.

⁴ Здесь и далее лексемы, коррелирующие с концептами стихий, выделяются подчеркиванием: соотносимые с огнем, водой, воздухом и землей соответственно.

⁵ Здесь и далее курсив мой. – *Е.Т.*

⁶ Обратим внимание: вынося в наименование абстрактное определение «Глава из исторического романа», Гоголь в авторской сноске излагает подробную историю этого мифического романа; отношения между названием, традиционно воспринимаемым в качестве «ключа» к содержанию произведения, и сноской как второстепенным по значимости материалом уже дают подсказку к семиотике авторского замысла. Кроме того, особое значение здесь приобретает подчеркнуто номинативное название второго фрагмента – «Пленник».

⁷ Ввиду этого проясняется природа центрального образа гоголевского «Вия» и сопутствующих ему мотивов слепоты, сокровенного света и той «правды», сокрытой в человеке, которую Вий демонстрирует Хоме Бруту. Вий есть не эсхатологический монстр, но воплощение «подземной географии», могущей представлять как в разрушительной, так и в созидательной ипостаси. В этом смысле любопытна также параллель между пленником, лицо которого «было заковано в железную решетку», и Вием – «лицо было на нем железное».

⁸ Кроме того, небесполезным здесь представляется упоминание о том, что одним из псевдонимов Гоголя (наряду с «В. Алов», «Г. Янов», традиционным «N. N.» и другими) был «П. Глечик».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г., Дерюгина Л.В. Комментарий // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М., 2009. Т. 3.
2. Гоголь Н.В. Письмо Пушкину А.С., 7 октября 1835 г. С.-Петербург // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 10. Письма, 1820–1835.
3. Денисов В.Д. Фрагменты исторического романа Н.В. Гоголя как арабески // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316.
4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1953–1956. Т. 6.
5. Гоголь Н.В. «В письме твоём, добрая душа, много участия...» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 9: Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки.
6. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
7. Гоголь Н.В. Арабески // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М., 2009. Т. 3.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.

9. Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.
10. Иванецкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. М., 2000.
11. Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 2: Миргород.
12. Нестеров А., Стефанов Ю. Алхимическая тинктура Артура Мейчена // Мейчен А. Белые люди. М., 2001.
13. Arabeska. URL: <http://www.mirasky.h1.ru/islam/arabeska.htm> (дата обращения: 21.03.2011).
14. Шлегель Ф. Разговор о поэзии // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 1.
15. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.
16. Блок А.А. Собр. соч. : в 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 января 2014 г.

HISTORIOSOPHICAL, GEO-AESTHETIC AND EXISTENTIAL CONCEPT OF “ARABESQUES” BY NIKOLAI GOGOL: THE PHILOSOPHY AND POETICS OF THE FOUR ELEMENTS IN “A CHAPTER FROM AN HISTORICAL NOVEL” AND THE FRAGMENT “THE PRISONER”

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 41-47. DOI: 10.17223/15617793/380/7

Tretyakov Yevgeniy O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

Keywords: Nikolai Gogol; Arabesques; “A Chapter from an Historical Novel”; “The Prisoner”; four elements; historiosophical discourse; aesthetic concept; existential worldview.

The book “Arabesques” by Nikolai Gogol was published in 1835. In literary criticism interpretation of fragments of literary texts, as opposed to full stories, which are included in the book, have traditionally attracted somewhat less attention of researchers. However, the role of these two passages – “A Chapter from an Historical Novel” and “The Prisoner” – is very significant. These are a kind of an intermediary that holds, on the one hand, artistic, philosophical and purely ideological aspects of “Arabesques”, on the other hand – historiosophical and aesthetic discourses of the book. This is extremely representatively illustrated by the philosophy and poetics of the elements presented in the two fragments. In “A Chapter from an Historical Novel” Gogol refers to the individual, not to peoples, as in the previous article, “On the Middle Ages”. The fragmented nature here reaches such proportions that a meeting by chance is seen as a manifestation of transcendental forces. People are forced to take responsibility for the transformation of the world (as opposed to the picture revealed in the article “On the Middle Ages”), but have no power over their own lives. Fragmentation of existential relations is reflected in the poetry of the elements. Fire, which here is the flames of hell, the mentioned elements of air and water convert the peasant who meets Lapchinsky into a monster paradoxically most connected with earth. Indeed, the most important concept with negative connotations is earth. Earth is rarely explicit; it is the essential basis of the narrative. The monolithic and unchanging element becomes unstable and deceptive here. Thus, in the individual-anthropological paradigm of “A Chapter from an Historical Novel” Being is close to the existential worldview, although the person is not the carrier of existential consciousness. As a result, the world appears a fundamentally unknowable phenomenon, “thing in itself”, while the person’s stay in it is characterized by the permanent sense of fear as the categorical basis of life. In the fragment of “The Prisoner” a person does not wander blindly – he is a prisoner, which is claimed the title of the passage. However, if history reigns on earth, the person is a nameless prisoner in every moment of history, and the laws of the universe are unknowable and, therefore, hostile, death reigns underground. But if you look into it, join it, the person will see the true meaning of secret forces that create the universe, the true meaning of “underground geography” in its highest cosmogonic function, metaphysical sense, which gives rise to all creativity. In one of his seemingly darkest texts Gogol states the original ontological perfection of the world and questions people’s worthiness. These modifications are possible largely due to the polysemy of the philosophy and poetics of the four elements that are fundamental categories and the center of the author’s Cosmos.

REFERENCES

1. Bocharov S.G., Deryugina L.V. Kommentariy. Gogol’ N.V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 23 t. M., 2009. V. 3.
2. Gogol’ N.V. Pis’mo Pushkinu A.S., 7 oktyabrya 1835 g. S.-Peterburg // Gogol’ N.V. Polnoe sobranie sochineniy : v 14 t. M.; L., 1937–1952. V. 10. Pis’mo, 1820–1835.
3. Denisov V.D. Fragmenty istoricheskogo romana N.V. Gogolya kak arabeski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 316.
4. Belinskiy V.G. Polnoe sobranie sochineniy : v 13 t. M., 1953–1956. V. 6.
5. Gogol’ N.V. «V pis’mo tvoemu, dobraya dusha, mnogo uchastiya...». Gogol’ N.V. Polnoe sobranie sochineniy : v 14 t. M.; L., 1937–1952. V. 9: Nabroski. Konspekty. Plany. Zapisnye knizhki.
6. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., 1977.
7. Gogol’ N.V. Arabeski. Gogol’ N.V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 23 t. M., 2009. V. 3.
8. Lotman Yu.M. Semiosfera. Lotman Yu.M. Semiosfera. Kul’tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat’i. Issledovaniya. Zametki. SPb., 2000.
9. Belyy A. Masterstvo Gogolya. M.; L., 1934.
10. Ivanitskiy A.I. Gogol’. Morfologiya zemli i vlasti. M., 2000.
11. Gogol’ N.V. Tарas Bul’ba. Gogol’ N.V. Polnoe sobranie sochineniy : v 14 t. M.; L., 1937–1952. V. 2: Mirgorod.
12. Nesterov A., Stefanov Yu. Alkhimicheskaya tinktura Artura Meychena. Meychen A. Belye lyudi. M., 2001.
13. Arabeska. URL: <http://www.mirasky.h1.ru/islam/arabeska.htm> (data obrashcheniya: 21.03.2011).
14. Shlegel’ F. Razgovor o poezii. Shlegel’ F. Estetika. Filosofiya. Kritika. M., 1983. V. 1.
15. Yampol’skiy M. Tkach i vizioner: Oчерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.
16. Blok A.A. Sobr. soch. : v 8 t. M.; L., 1960–1963. V. 6.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 17.0

Е.В. Агафонова, Н.А. Тарабанов, Э.А. Кручинин

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА МОРАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ХАРАКТЕР МОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Рассматривается вопрос моральной ответственности и проблема критериев добродетели. Предполагается, что поиск решения следует начинать с определения субъекта моральной компетенции. Рассмотрение форм идентичности и условий ее конструирования поможет установить узловые моменты в отношении критериев морального действия. Утверждается, что идентичность и ее основные установки напрямую зависят от intersубъективных дискурсивных практик в поле социального взаимодействия. Нарративная природа субъекта открывает нам доступ к истокам морального действия.

Ключевые слова: субъект; мораль; моральные интуиции; моральное чувство; рациональность; нарративность; идентичность; intersубъективность; коммуникативность.

Моральный плюрализм, провозглашаемый современной культурой и философскими концепциями, – явление привычное и даже порой одобряемое на фоне отсутствия какого-либо единства в определении основных моральных требований. Тем более что незавершенность моральной аргументации – это даже не специфика современной культуры, а скорее, как это часто утверждается, специфика самих проблем в области морали. И все же кажется, что некоторых трудностей именно в современных вопросах морали можно избежать, если обратиться к истокам проблем.

Одной из проблем, на наш взгляд, является некоторая увлеченность культуры терминологией, берущей начало в утилитарно-прагматистском движении мысли. Моральная аргументация, как полагается в рамках данного подхода, оказывается не совсем убедительной и скорее сводится к высказываниям о предпочтениях и не более. Отсутствие критериев в определении «блага» приводит к утверждению об устранении из этики любых апелляций к объективным и надличностным стандартам, потому как таких стандартов не существует вовсе. Доктрина эмотивизма, сводящая моральные установки к выражению чувств и предпочтений, в русле философских споров о морали действительно становится одной из убедительных концепций XX в. По мнению А. Макинтайра, «поскольку добродетели сейчас общепринято понимать, как предрасположения или чувства, которые ведут к подчинению определенным правилам, согласие по поводу того, каковы должны быть соответствующие правила, всегда должно быть предварительным условием согласия по поводу природы и содержания конкретных добродетелей. Но это предварительное согласие по правилам является... чем-то таким, чего наша индивидуалистская культура не может гарантировать» [1. С. 330].

Наше предположение заключается в том, что любой разговор о морали и поиске критериев добродетели следует начинать с определения субъекта моральной компетенции. Более того, рассмотрение форм идентичности и условий ее конструирования поможет установить узловые моменты в отношении критериев морального действия. Предполагается, что идентичность и ее основные установки напрямую зависят от intersубъективных дискурсивных практик в поле социального взаимодействия. В данном случае обращение к нарративной компоненте личной и коллективной идентичности могло бы задать некоторый вектор для подхода к субъекту морального действия.

Дискурс современной культуры довольно легко включает в собственные границы тезисы о кризисе идентичности и плюралистичности моральных концепций. Кажется, что для субъекта, представляющего собой множественность социальных ролей, вполне приемлемо обращаться к различному перечню добродетелей в различных ситуациях. Прагматистский подход в этике, вылившийся в довольно популярную доктрину конвенционализма, предлагает нам в качестве критерия субъекта, всецело стремящегося к достижению собственного блага и индивидуальной пользе. Конечно, сегодня если и придерживаются утилитаристских принципов, то скорее употребляют понятия предпочтений и целей, которые, как предполагается, индивид выстраивает в определенную иерархию. Это избавляет от некоторых трудностей психологического определения пользы, но не отменяет проблемы. Сами предпочтения (а предпочтения могут меняться и исчезать, что тоже необходимо как-то объяснить) являются всего лишь обрамляющими рамками действия и сами должны быть наполнены каким-либо содержанием, но каким: биологическим, пси-

хологическим, социальным, политическим или, в конце концов, моральным? Даже если мы принимаем эгоистическую природу субъекта, то все равно не сможем составить перечень его предпочтений и вычислить точный график полезности.

Вопрос даже скорее в том, принимать ли нам принцип эгоизма как движущую силу при совершении действия в качестве некоего антропологического принципа, который распространяется и на моральное действие, или же это просто часть рационального действия, ориентированного экономически? Если в первом случае мораль окончательно терпит поражение, поскольку более не является некой мотивирующей силой при совершении поступка, то во втором случае нам придется различать как бы два типа действия – моральное и чисто инструментальное, – которые, возможно, не пересекаются между собой.

Тогда этическое благодаря эмотивистскому прочтению либо трактуется как выражение чувств и страстей, либо, напротив, полностью вписывается в доминирующий экономический дискурс практической рациональности. Этические проблемы, возникающие в языке мира повседневности, дублируют проблемы на уровне философской рефлексии в отношении определения критериев морали. А. Макинтайр пишет: «Абсолютно ясным представляется то, что в повседневной жизни, как и в моральной философии, замена аристотелевской или христианской телеологии определениями добродетелей в терминах страстей не является по большей части или совсем заменой одного множества страстей другим множеством, но является скорее движением на пути к ситуации, где больше не существует какого-либо ясного критерия» [1. С. 318]. Кажется, что социальные нарративы и жизненные миры сегодня, как выразился Хабермас, «оккупированы» дискурсом эффективности, инструментальности и успешности. А. Макинтайр в перечне социальных ролей, наиболее соответствующих современной культуре, прибегает к фигурам бюрократа и эффективного менеджера. Построение определенных форм идентичности как определяющих моделей действия в современной культуре часто задается вектором таких доминирующих нарративов, как ориентация на успешность, эффективность и креативность.

«Идентичность» действительно является так называемой концептуальной призмой, сквозь которую рассматриваются, изучаются и оцениваются самые разнообразные сферы современной реальности. Старым проблемам теперь придаются формулировки, так или иначе связанные с дискуссиями об «идентичности». И самое важное заключается в том, что «идентичность», перестав на сегодня быть некой данностью, снова становится задачей. В сегодняшнем мире калейдоскопических ценностных ориентиров, распадающихся рамок, изменяющихся маршрутов высшей ценностью полагается свобода маневра среди предоставляемых возможностей. В такой ситуации обретение раз и навсегда «прописанной», «четкой» идентичности может лишить гибкости и закрыть доступ к использованию всех этих возможно-

стей. С другой стороны, постоянная работа по демонтажу и постоянной переработке идентичности может стать простой тратой времени в условиях неопределенности и неуверенности, характеризующих общее состояние современности. И опять же, должна ли «идентичность» становиться «частным делом»? Индивидуальность всегда есть продукт общества – это избитая истина, обратная сторона которой состоит в том, что любая форма социальности, в том числе и этической, зависит от того, как решается задача «индивидуализации».

Можно сказать, что люди прибегают к семиотическим ресурсам нарративных самообъяснений для того, чтобы скоординировать проецируемую ими идентичность, проекты своего воображаемого Я, посредством которых они только и могут существовать. Любое намерение, помещенное в контекст более длительной перспективы, создает некоторую связь интенционального, социального и исторического. Если же мы включаем этическое измерение, то получаем историю субъекта, способного в определенной ситуации совершать действия, которые интерпретируются социальным окружением или самим субъектом как «правильные» или же «неправильные», а намерения определяются как «добрые» или «недобрые». Таким образом, создавая модель собственной идентичности, мы создаем модель субъекта, способного к действию и вынесению суждения в рамках определенных моральных представлений. Само действие описывается при этом при помощи этических предикатов (таких как, например, «хороший», «обязательный»...), т.е. субъект как бы ставит перед собой вопрос: в качестве кого мы можем оценивать и уважать самих себя? Это вопрос, предполагающий *ответственность* как способность *отвечать на...* и *отвечать за...* В рамках такой модели нарративной идентичности задается ориентир, в соответствии с которым индивид должен определять себя, выстраивать проекции своего Я, чтобы идентифицировать себя в качестве достойного члена сообщества. Совершая движение между полюсами *конфликта* и *взаимодействия* в социуме, индивид должен правильно интерпретировать ситуацию, а после иметь способность аргументированного вынесения суждения. Идеи *способности* и *вменяемости* в таком случае предполагают первоочередное решение вопроса авторства – определение субъекта, которому может быть «приписана» ответственность (в терминах Стросона и Харта – «аскриптивность»).

Ответ на вопрос «кто говорит?» как приписание ответственности субъекту, совершающему действие или произносящему речь, сегодня более важен, чем когда-либо. «Способность человека действующего обозначить себя в качестве автора своих поступков имеет существенное значение для конечного назначения прав и обязанностей» [2. С. 32]. Действительно ли в духе деконструктивистской позиции мы должны утверждать, что субъект, произносящий, например, оскорбительную речь или совершающий оскорбительное действие, лишь цитирует дискурс своего сообщества, которое его сконструировало? Тогда кто ответствен и предстанет перед

«судом»: история или субъект? Что влияет на построение моральной идентичности, насколько она стабильна и насколько сам субъект способен к самоописанию и самообъяснению в рамках этического измерения?

Современное Я представляет собой, с одной стороны, в рамках дискурса постмодерна, расколотую, сконструированную социумом, историей, бессознательными структурами идентичность; с другой стороны, это эгоистичное Я утилитаризма, эмотивизма и консеквенциализма, якобы логически приверженное правилам морали в силу своей рациональности. В силу этого современный моральный опыт как таковой приобретает крайне неутешительный вид. Либо индивид в принципе не способен к ответственности или скорее даже с презрением и усмешкой намеренно занимает позицию эстетическую, нежели моральную, либо это индивид, который в поисках своей автономии выбирает стратегию манипуляции в отношениях с другими и стремится избежать ее по отношению к себе. Но если позиция эстетствующего субъекта уклоняется от вопроса морали в принципе, то позиция рационального субъекта, напротив, представляет собственную версию морали и моральной идентичности. При этом в одном случае субъект понимается как отсутствующая величина, простая формальность, фикция, детерминированная культурой, социумом, историей, бессознательным; во втором случае перед нами наследие Просвещения – субъект автономный и независимый, эгоистичный и рациональный, четко осознающий свои интересы и действующий себе во благо.

В данном случае требуется прояснить, что вообще подразумевается под понятиями «рациональное действие» и «субъект»¹. Вариант понимания рационального, осмысленного действия, предложенный «теориями принятия решений» и консеквенциализмом, действует идеально в экономическом пространстве, но не совсем подходит для решения вопросов морали. Так, ответ на вопрос «что я должен делать?» не вписывается в объяснение чисто целевой рациональности, так как моральное действие само по себе не предполагает направленности на полезность, а подсчет благоприятных последствий в данном случае крайне затруднителен. Кажется, что в этом случае уместнее было бы говорить об ответственности за произведенное действие, т.е. само описание или идентификация действия под неким описанием позволяет нам видеть его как *намеренное* событие, вытекающее из *мотивов*, целей, страстей. Это такое действие, для которого находится разумное объяснение и позволяет представить индивида в контексте той или ситуации, которая позволила ему поступить определенным образом. Такая позиция совсем не нова, так как погружает индивида в контекст истории или нарратива, в рамках которых мы можем интерпретировать его действие как, например, моральное, или не моральное, или аморальное (или же он сам, объясняя свое поведение, прибегает к рассказу о произошедшем и придает рассказу вид «драмы», «комедии», «трагедии» и т.д.). «По той причине, что мы переживаем нарративы наших жизней, и поскольку мы понимаем наши жизни в терминах

нарративов, форма нарратива является подходящей для понимания действий других» [1. С. 286]. Или, как пишет Р. Рорти: «Мы сделаем еще шаг в исследовании понятия субъекта способного, вводя – вместе с временным изменением действия и самого языка – нарративный компонент личной и коллективной идентичности» [2. С. 32].

Один из вариантов решения как ответа на вопрос «что я должен делать?» представляет прескриптивистская модель Р.М. Хеара в «Языке морали», где он определяет субъекта как предписывающего или рекомендующего некоему слушателю альтернативные варианты для выбора и принятия решения. Речь говорящего при этом должна быть нарративом, включающим в себя обоснования действия через отсылку к принципам и последствиям. «Правда в том, что если нас просят оправдать какое-либо решение так полно, насколько это возможно, то мы должны одновременно изложить как последствия решения, то есть наполнить его содержанием, так и принципы, а также в целом все последствия соблюдения таких принципов, и так далее, пока спрашивающий не будет удовлетворен. Таким образом, полностью обоснованное решение будет состоять из полного учета его последствий, а также полного учета принципов, которых мы придерживались, а также последствий соблюдения этих принципов, поскольку, конечно же, именно эти последствия (повиновение которым фактически и заключается в них) наполняют содержанием сами эти принципы. Следовательно, когда от нас требуют полного обоснования решения, мы должны дать подробное описание *образа жизни*, частью которого оно является» [3]. Проблема в том, что спрашивающий всегда может задать следующий вопрос «Почему я должен так жить?», т.е. почему он должен принимать тот образ жизни, который предписывает ему говорящий? Тогда, если он не принимает этого образа жизни, мы рекомендуем ему опираться на собственные аргументы и принципы, по которым он предполагает жить, т.е. жить «своим умом». А если он принимает, то только тогда мы можем перейти к обоснованию решений, основанных на нашей модели. То есть аргументация и отсылка к определенным принципам имеют смысл только в том случае, если другой разделяет наши установки в отношении модели жизненного мира. Можно сказать, что поскольку все эти предписания основываются на принципах, с точки зрения Хеара, произвольно усвоенных говорящим, то любые ценностные высказывания не будут являться моделью, в которой задаются адекватные критерии для анализа значения предложений долженствования. Таким образом, Хеар, конечно, обращается к жизненному миру, и даже, можно сказать, к нарративному образу «оправдывающегося» и «рассказывающего» Я, но этим он как бы вовсе обесценивает мир повседневности, так как ни с одним из типов предложений долженствования и моральной правильности не может быть связано никакое притязание на аргументированную значимость. Максимум, что открывается для нас, это описание функций определенных чувств и предложений, квалифицированных как моральные, в процессе общения участ-

ников коммуникации. Мы снова имеем дело как бы с *отдельно действующими актерами*, со своими принципами и установками, со своим образом жизни.

Дело в том, что когда субъект вообще задает вопрос «Что я должен делать?», он предполагает, что ответ не будет произвольным и что он способен отличать правильные предписания от неправильных. Тогда зададимся вопросом: на чем должен строиться критерий весомости наших оснований для принятия решения? Не предполагает ли это сначала обратиться к неким общим основам образа жизни как аргументирующего, так и слушающего? Возможно, до того, как мы приступаем к аргументации, мы полагаем, что слушающий разделяет наши установки в отношении образа жизни до всякой апелляции к этому образу. То есть модели нашей идентичности имеют некие общие параметры, и наши моральные нарративы хоть и требуют аргументированного прояснения, но в целом могут быть поняты и приняты собеседником.

Не менее интересными являются примеры повседневных моральных интуиций Ф.П. Стросона, которые он излагает в своей статье «Свобода и ресентимент». Возмущение, которое испытывает человек в ответ на нанесенное оскорбление, и желание некоего «возмещения» за обиду и возмутительную несправедливость раскрывает в некотором смысле содержание морального опыта. Стросон приводит следующие два примера «смягчения обиды», которые могли бы изменить ситуацию и привести к моральному удовлетворению и снимают, так сказать, ответственность с обидчика. В одном случае Стросон приводит обосновывающие и извиняющие аргументы действия, такие как «Он не знал», «Он не мог поступить иначе», «Он должен был это сделать», «У него не было выбора». В этом случае происходит переоценка самой ситуации, а действие, которое ранее воспринималось как оскорбительное, предстает в ином свете, переинтерпретируется. Извинения или оправдания другого типа, такие как «Он был сам не свой», «Он недавно был в очень большом напряжении», «Он действовал под гипнотическим внушением», предлагают увидеть уже не ситуацию, а самого актора в ином свете. Причем такого рода переистолкование моральных интуиций предполагает, что вменяемость и ответственность субъекта действия также неочевидна, т.е. не может быть приписана субъекту без определенных ограничений. «Можно сказать так: поскольку действующий агент открывается нам в ином свете, он не может восприниматься нами как тот, на кого распространяются определенные требования и ожидания, которые мы могли бы ему приписать, если бы говорили о моральном обязательстве; поскольку он не может рассматриваться нами как морально ответственный субъект моральных отношений, как член морального сообщества» [4].

При этом и та и другая ситуация предполагают такую объективирующую установку, которая вследствие переистолкования исключает моральный упрек. Таким образом, Стросон делает вывод, что моральная установка изначально требует соучастия, коммуникативной вовлеченности участников взаимодействия, т.е. ресенти-

мент – это всегда перформативная установка, в которой пострадавший субъект своим упреком реконструирует новую ситуацию, создает (переписывает) моральный нарратив, включая в описание Другого. Безучастная установка объективного наблюдателя в таком случае лишала бы само действие коммуникативной составляющей и блокировала бы область моральных практик вообще. Стросон идет дальше в своих рассуждениях: возмущение, вызванное несправедливым отношением, направлено даже не на самого обидчика, нарушившего вашу неприкосновенность, т.е. это не просто возмущение обстоятельствами, нарушившими взаимодействие. В большей степени это чувство несправедливости по отношению к неким фундаментальным ожиданиям, не только в отношении модели Я–Ты, но характерное для всех членов сообщества, т.е. для всех участников взаимодействий вообще. Чувство вины и долга, совесть есть то, что выводит за пределы частного образа жизни и отдельной ситуации. Сам протест приобретает надличностные формы и претендует на всеобщую значимость, что придает отдельному интересу, воле или должностованию значимость и моральный авторитет. «Внутри общей структуры или всего полотна человеческих отношений и чувств, о которых я говорил, заложены бесконечные возможности для модификации, изменения направления, критики и оправдания. Но сами вопросы оправдания действий являются внутренними для структуры или связаны с изменениями внутри для нее. Существование общих рамок для человеческих отношений само по себе есть нечто такое, что дано нам вместе с фактом существования человеческого общества. То есть в целом это не требует ни привлечения, ни допущения неких внешних “рациональных” оправданий» [4]. Таким образом, Стросон, обращаясь к повседневным моральным интуициям, делает акцент на моральном чувстве. Это чувство он использует в качестве объяснения моральных установок и понимает скорее по аналогии с восприятием в теоретическом опыте. В его случае личностные чувственные реакции (совесть, вина, раскаяние) отсылают к внеличностным критериям оценок норм и предписаний.

Наше предположение далее состоит в том, что моральная интерпретация и аргументация действия, приписываемая ответственному субъекту, только тогда может быть успешной, т.е. расцениваться как истинная или нормативно правильная, когда отсылает к уровню коммуникации жизненного мира. Это уровень, на котором до всякой рефлексии выстраиваются формы идентичности, ориентированной на Другого; это уровень интеракций, в которых участники согласуют, координируют свои планы и действия в расчете на интересубъективное понимание и признание. Изменения в культуре, связанные с трансформацией форм коммуникации, заставляют нас иначе взглянуть на субъекта ответственности и определение морали. И даже если мы не можем найти сегодня объективных критериев морали, то, может быть, попытка некоторой универсализации морали лежит в поле интересубъективного.

Для прояснения феномена коммуникативности и интересубъективности стоит обратиться к обсуждению этих концептов в рамках «этики дискурса» Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля, целью которых являлось обоснование морали и поиск критериев нормативности в обществе. Основу решения, предлагаемого Ю. Хабермасом и К.-О. Апелем, составляет отказ философии от постановки и решения традиционных метафизических проблем и перевод философской проблематики в социальную плоскость. Если К.-О. Апель пытается удержать, в рамках языковой прагматики, остатки трансцендентальности, придавая правилам аргументации статус «последних» основоположений, то Хабермас выступает против такого фундаментализма, утверждая, что объектом философской рефлексии должно стать обыденное и конкретное. Прямо не отвергая возможности культурного плюрализма, Хабермас считает возможным отыскать и обосновать социальное единство не на «последнем», а на «предпоследнем» уровне бытия.

«Этику дискурса» Хабермас противопоставляет утилитаристской этике блага или пользы и исходит из интересубъективной интерпретации категорического императива. Моральные принципы и оценки могут и должны, по мнению Хабермаса, быть предметом свободного обсуждения членами свободного сообщества. Такое обсуждение он называет рациональным коммуникативным дискурсом и утверждает, что его структура открыта для всех.

Классические теории морали типа Аристотелевой, как считает автор теории коммуникативного действия, не годятся для современных условий, ибо они ориентированы на локально ограниченные структуры, схожие с полисными. В наше время к Аристотелю апеллируют коммунитаристы, в частности А. Макинтайр, который продолжает настаивать на том, что ценности, в том числе и моральные, могут рассматриваться локально, т.е. в рамках отдельно взятых сообществ. Хабермас же, вслед за Кантом, исходит из возможности объективной и всеобщей морали.

В рамках этики дискурса выделились два подхода: Хабермас утверждает, что предметом обсуждения являются вопросы повседневного и конкретного характера, в отношении которых вырабатывается консенсус. Окончательного решения по моральным вопросам не существует, а интересубъективная дискуссия носит постоянный характер. Карл-Отто Апель, напротив, склонен к поиску и выработке процедур окончательного подтверждения истины и моральности.

Этика дискурса видит воплощение моральной точки зрения в методе интересубъективно осуществляемой аргументации, который побуждает участников к идеализированному преодолению границ их герменевтических перспектив. По мнению Хабермаса и Апеля, применение верно понятого принципа универсализации требует некоторого совместного «идеального обмена ролями». При коммуникативных предпосылках дискурса между свободными и равными участниками каждый обязан переноситься в перспективу, а тем самым и в само- и ми-

ропонимание всех других участников дискурса: из этого скрещения перспектив строится идеально расширенная «Мы-перспектива», из которой все сообща могут проверить, желают ли они сделать некую спорную норму основой их практики. Эта проверка должна включать в себя обоюдную критику адекватности истолкования ситуаций и интерпретаций потребностей. Путем ряда последовательно предпринятых абстракций можно, в таком случае, выявить ядро универсализируемых интересов» [5. С. 120].

Хабермас предполагает, что главная задача философии состоит в том, чтобы снабдить нас «социальным цементом», и лучшим кандидатом на эту цементирующую роль он считает рассуждения философов Нового времени об универсальности и рациональности. Тот, кто критикует интенции философии Просвещения, в первую очередь подвергает сомнению роль разума, разлагает, по мнению Хабермаса, общественную солидарность. Реальное значение философского воззрения состоит в его политико-правовых и моральных импликациях, а главным критерием оценки философа является политический критерий. В качестве социальных связей, укрепляющих идеальное либеральное общество, выступает консенсус по поводу такой общественной организации, в которой каждому предоставляется шанс на самосозидание в соответствии со своими лучшими способностями.

Этика дискурса покоится на двух предположениях:

- нормативные требования правильности одновременно являются и требованиями истинности;
- моральные нормы и установки, для того чтобы они могли быть реализованы, должны пройти через обсуждение в реальном дискурсе.

Хабермас желает сломать традицию комплементарности и доказать, что моральная теория вполне может быть истинной. В отличие от Канта, моральная теория которого опирается на рациональное поведение изолированного субъекта, Хабермас отвергает монологизм и вводит процедуру консенсуса. В поисках и обосновании истины консенсус заменяет категорический императив. Консенсус для Хабермаса – это основа его концепции «этики дискурса». Однако эта теория консенсуса вызывает много возражений, ибо диссенсус иногда даже полезнее, чем единодушие. Особенно это касается научных дискуссий. А в политике очень часто в результате демократических выборов к власти приходят антидемократические силы. О случайности консенсуса пишет Р. Рорти, полагающий, что мы не можем считать истину, достигнутую сообществом ученых, окончательной и извлеченной от дальнейшей ревизии.

По утверждению Хабермаса, «этика дискурса» хорошо подходит для того, чтобы увязать в единое целое те моральные интуиции, которые характерны для нынешнего общества и на первый взгляд кажутся несовместимыми. Он считает надуманной постулируемую коммунитаристами (неоаристотелевцами) дихотомию «общество / сообщество» и ссылается на свой труд «Теория коммуникативного действия», основные понятия которого являются также понятиями теории морали и права

и сочетают в себе универсализм с чувствительностью к другому или другим: «Солидарная ответственность за другого, как одного из нас, относится к изменчивому „Мы” сообщества, которое противится всему субстанциальному и отодвигает свои рыхлые границы все дальше. Это конструктивно спроектированное сообщество не есть коллектив, который принуждал бы унифицированных членов к признанию наиндивидуальной инстанции. Вхождение не означает здесь включенности в самость и исключенности иного. Вхождение означает скорее то, что границы сообщества остаются открытыми для всех, в том числе и для тех, кто был и остается чужим» [5. С. 125]. Хабермас вынужден признать факт мультикультурности современного общества. В центре его внимания фигура Другого (Иного). Другими словами, Хабермас поставил себя в оппозицию коммунитаристам с их локальными моральными ценностями, но он в своей теории полагается на рациональность, на сущностную характеристику человеческого индивида. Но рациональность здесь не должна пониматься в инструментальном смысле, как это мы часто встречаем в «теориях принятия решений».

В отличие от Хабермаса, Карл-Отто Апель пытается подойти к проблеме философского и морального обоснования с позиций не герменевтического, а трансцендентально-прагматического метода. Этическая рациональность, которую он выделяет наряду с научной, технологической и герменевтической рациональностью, призвана лечь в основу коммуникативной общности. Апель начинает с диагноза парадоксальности сложившейся ситуации: с одной стороны, потребность в универсальной этике никогда еще не была так велика, как в современной научно-технической цивилизации, а с другой стороны, рациональное обоснование такой этики никогда еще не было таким трудным делом, ибо на базисе господствующей концепции научной рациональности нельзя обосновать моральные и правовые нормы. Морали и праву угрожает, как это уже случилось с религией, стать частным делом. Перспективу Апель видит в переходе к коммуникативной концепции разума. Его пафос в отношении этики дискурса был настолько высок, что подвиг его даже на участие в специально организованном цикле телепередач, посвященных пропаганде этики ответственности.

Апель исходит из того, что консенсусно-коммуникативная рациональность уже является этической рациональностью. Только нравственные и разумные люди в состоянии участвовать в аргументированном и конструктивном общении. Он обращает особое внимание не только на обоснование моральных норм, но и на условия их применения. Этика дискурса (этика коммуникации) как раз таки и занята по преимуществу разработкой принципов и норм коммуникации, т.е. этики общения. При этом Апель обращает внимание на то, что существуют не только идеальные априорные предпосылки коммуникации, но и фактические априори. Под последними он понимает исторически обусловленные жизненные формы конкретного коммуникаци-

онного сообщества, которые предпосланы. Поскольку уже существует контекстуальный фон коммуникации, то на первый план выходит ответственность участников за последствия своих действий – как прямые, так и косвенные. Главный тезис Апеля состоит в том, что в условиях плюралистического общества, когда еще не созданы идеальные условия коммуникации, необходимо принимать во внимание условия применения норм общения. Он различает конвенциональную и постконвенциональную мораль. В условиях конвенциональной морали применение моральных норм может быть результатом ситуационного решения ума или способности суждения, которые реагируют на исключительные внезапные ситуации, опираясь на привычные стереотипы поведения. Именно наличие стереотипов поведения является главным при применении моральных норм в ситуации конвенциональной морали. Социальные условия применения конвенциональной морали возникли одновременно с самой этой моралью и участвуют в качестве детерминирующего фактора в формировании моральных норм.

Апель замечает, что в конвенциональной морали нет очень важного элемента – обсуждения, в том числе и критического, социальных условий реализации моральных норм и, в зависимости от обстоятельств, изменение этих условий. Это и есть то, что он называет постконвенциональной моралью: «Именно сегодня эта проблема ставится в планетарном масштабе как универсальная макроэтическая проблема человечества» [6. С. 248]. Апель настаивает на возможности основной этической нормы, которую должен признавать каждый, вступающий в ситуацию аргументации. Он считает, что никакая коммуникация не возможна без этики коммуникации: этика консенсусной коммуникации лежит в основе любой другой коммуникации.

Однако не всякая кооперация может быть этической кооперацией. Известны примеры вступления в союз из чисто прагматических соображений: сделки заключают представители уголовного мира, государства, стоящие на различных идеологических позициях и т.д. В их союзах нет ничего этического. «Этическим тот или иной вид кооперации станет лишь в том случае, когда критерий способности к консенсусу как нормативное условие искомого соглашения станет критерием для всех, кого это затрагивает, а не только для непосредственных участников конфликта» [Там же. С. 252]. Апель особо обращает внимание на то обстоятельство, что объединение должно осуществляться не за счет попрания интересов так называемого «третьего».

Все же, несмотря на стремление доказать возможность универсального дискурса в ситуации радикального плюрализма, Хабермасу и Апелю не удается преодолеть противоречие между стремлениями систем к самутверждению и требованием универсальной солидарности. Слишком глубокими являются этические различия, обусловленные различием контекстов. Именно по этой причине на «этику дискурса» ополчились постмодернисты и сторонники «неоаристотелизма». Полемике с ними Апель и Хабермас отводят значительное место в

своих работах, утверждая, что постмодернизм и неокантовизм упрощают моральную ситуацию, с которой столкнулось современное человечество, жертвуя универсалистскими импликациями западной этики в пользу контекстуальных интересов. Если согласиться с таким упрощением, то можно попроситься и со всеми универсальными претензиями на обязательность моральных принципов и критериев в пользу «здравого смысла» и его наиболее эффективного функционирования в соответствующем жизненном контексте. Это означает, что любая попытка организовать коллективную ответственность людей за результаты их совместной деятельности вне принятия универсализации правил и норм оказывается и невозможной, и бессмысленной.

Итак, основной идеей Хабермаса является идея консенсуса, при помощи которого он пытается прийти к intersубъективным моральным нормам. Правда, он не учитывает, что коммуникация имеет другую форму, нежели он себе представляет, полагаясь на излишнюю рациональность субъектов, он забывает, что не все субъекты подходят под это описание, следовательно, не все могут вести диалог с целью консенсуса. Апель, в свою очередь, подошел ближе к проблеме, исходя из своей идеи трансцендентальной языковой игры, которую можно проинтерпретировать как трансцендентальную надстройку, где и должна зарождаться мораль, идею вхождения в эту форму жизни (языковая игра – скорее термин Витгенштейна, Апель же чаще использует термин «форма жизни», у него эти два понятия – синонимы), и в этот момент человек и принимает мораль, в своем единстве, но так, как эта форма жизни зависит непосредственно от культуры и общества, которые и несут эту так называемую трансцендентальную надстройку. Можно сделать вывод о том, что притязания Хабермаса и Апеля на универсальную мораль имеют место быть, и искать ее надо именно в том, что определяется структурами «жизненного мира» или «формой жизни».

Таким образом, если мы признаем за субъектом моральной компетенции рациональность, то эта рациональность может быть названа консенсусно-коммуникативной рациональностью, в терминах Апеля и Хабермаса. Это не отменяет рациональности аристотелевского типа, определяемой в терминах целей и средств, а скорее дополняет ее intersубъективным контекстом. Установление консенсуса как формы согласия взаимодействующих акторов по поводу той или иной ситуации, безусловно, требует неких универсальных оснований, на фоне которых принимаются конкретные решения. И этим универсальным контекстом может стать поле повседневных практик, в которые включен субъект с момента рождения. Дискурсивное пространство, в котором находится субъект в культуре, всегда уже содержит Другого как часть этого intersубъективного пространства взаимодействия. Так, субъект, выстраивая нарративный образ своего Я, включает Другого в свое описание еще до всякой необходимости выстраивать рациональную аргументацию или до всякого осмысленно устанавливаемого консенсуса. Сама структура бытия

субъекта включает Другого на уровне *дорефлексивном* и, соответственно, *до-моральном*. Эта структура (которую, в терминах Апеля, можно было бы назвать трансцендентальной) подразумевает такие изначальные условия существования, что мы не можем рассматривать субъекта как изолированного и автономного. Далее мы можем сказать, что способность к аргументации и обоснованию своего решения напрямую зависит от целостного образа собственной идентичности. Целостный образ своего Я опирается на единство нарратива, увязывающего воедино действия и поступки субъекта в течение жизни. Очевидно, что нарратив, определяющий образ нашей жизни, уже включает в себя некие принципы и концептуальные основания, необходимые для принятия того или иного решения, при этом индивидуальные нарративы всегда являются частью общей истории и всегда включены в нее.

Теперь мы можем рассматривать наши моральные требования и установки на двух уровнях: на уровне аргументаций и на уровне «моральных интуиций». В первом случае мы говорим о необходимости оправдания наших решений с целью достижения консенсуса в процессе непосредственного взаимодействия. Не существует поведения или действия, идентифицируемого независимо от намерений, вер, мотиваций, целей, интересов, но наши намерения, веры и так далее в свою очередь не могут быть идентифицированы до их описания, до рассказа о них. Рациональность действия, или же его моральная правильность, открывается нам, когда мы приписываем действию соответствующие цели и мотивы, т.е. представляем действие в виде истории (в нашем случае – в виде морального нарратива). Изменяя описание, мы приписываем действию иные мотивы и, следовательно, можем рассматривать его как *неморальное* или же *аморальное*. «Истории не проживаются, а рассказываются», утверждает американский нарратолог Л. Минк и продолжает: «Есть надежды, планы, сражения и идеи, но только в ретроспективе историй надежды не исполняются, планы рушатся, сражения являются решающими, а идеи – плодотворными» [7. С. 60]. В нашем случае действие субъекта помещается в контекст истории, где предполагается начало, т.е. раскрытие наших намерений и мотивов, *развитие*, где определяется характер нашего поступка, и *последствия*, исходя из которых Другие могут судить о поступке и приписывать ответственность. В этом моменте мы можем говорить о нарративности как рационализации действия. Но предполагается, что консенсус возможен в том случае, если есть некие универсальные принципы, с которыми оба участника взаимодействия соглашаются при принятии решения, т.е. существует моральная правильность по аналогии с теоретической истинностью. И если мы ищем универсальный критерий, тогда мы еще раз должны задать вопрос: имеем ли мы дело с отдельно взятыми идентичностями и действиями единичных акторов, помещенных в поле социальных и моральных практик? Дело в том, что нарративы, формирующие наши идентичности, не являются нашими собственными

«изобретениями», индивидуальными историями в прямом смысле, они есть часть общей истории. Рассказ (будь то история оправдания, или история установления консенсуса, или история-аргументация) – это всегда рассказ для Другого, и рассказ, изначально включающий Другого в сам акт повествования. Определение взаимопонимания, так же как и осуществление поиска неких надличностных критериев морального решения, по-видимому, следует начинать еще до всякого обращения к конкретным действиям или решениям, в общих способах и основаниях бытия. И тогда мы переходим к уровню, который можно назвать уровнем «моральных интуиций», открывающих общие структуры бытия субъектов. И даже если наш язык захвачен сегодня терминологией эффективности и рационального эгоизма, то в поле повседневной практики нам раскрываются иные мотивы и моральные интуиции. Кажется, что мы сначала действуем, а уже потом объясняем и рационализируем наши действия; мы действуем исходя из неких общих интуиций и оснований, а после оправдываем наше поведение, ориентируясь на общепринятые уста-

новки и заданные стандарты. Поль де Манн писал: «Моральность есть версия так называемой языковой апории, которая рождается вместе с такими понятиями, как “человек”, “любовь”, “самость”, а не является их причиной или следствием» [8. С. 206]. Мораль, можно сказать, есть следствие перформативного акта самой коммуникации или повседневной практики, результат взаимодействия, вовлекающий Я и Другого в поле intersubjectivity. Мы не настаиваем, что субъект в своих начальных основаниях сразу дан нам как моральный субъект. Скорее, возможность разговора о морали как таковой должна предполагать иную концепцию субъекта ответственности, иные основания его структуры бытия. Сам субъект есть перформативный феномен коммуникации, появляющийся одновременно как субъект с Другим и для Другого. Мы захвачены или «обмануты моралью» (де Манн) в большей степени, чем думаем. Основания универсализации расположены в сфере жизненного мира, или мира повседневности, который имеет вид и структуру нарратива и именно потому может пониматься как мир intersubjective.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Определение рационального субъекта и применение принципа рациональности в отношении морального решения и действия более подробно разбирается в статье [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000.
2. *Рорти Р.* Справедливое. М.: Гнозис; Логос, 2005.
3. *Hare R.M.* The Language of Morals, 1952. URL: <http://www.ditext.com/hare/lm4.html> (дата обращения: 15.12.13).
4. *Strawson P.F.* Freedom and resentment // The Determinism and Freedom Philosophy Website. URL: <http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm> (дата обращения: 15.12.13).
5. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
6. *Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
7. *Mink L.* History and fiction as a modes of comprehension // *Mink L.* Historical Understanding. Cornell Univ. Press., 1987. P. 42–61.
8. *De Man P.* Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust. 1979.
9. *Агафонова Е.В.* Проблема релевантности принципа рациональности в этических теориях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 42–48.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 декабря 2013 г.

THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF MORAL COMPETENCE: THE NATURE OF MORAL IDENTITY AS THE BASIS OF DECISION-MAKING

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 48–56. DOI: 10.17223/15617793/380/8

Agafonova Yelena V., Tarabanov Nikolai A., Kruchinin Eduard A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agaton1810@gmail.com / apocalypseln@mail.ru / nikotar@gmail.com

Keywords: subject; morality; ethics; moral intuition; moral feeling; rationality; narrativity; identity; intersubjectivity; communicativeness.

Nowadays the situation in ethics is often characterized as moral pluralism. The absence of criteria in determining the notion “good” leads to the assertion of elimination of any appeals to the objective and transpersonal standards from ethics. Our assumption is that any conversation about morality and virtue search criteria should start by identifying the subject of moral competence. Moreover, consideration of forms of identity and the conditions of its construction will help to establish key points in respect to the criteria of moral action. It is assumed that identity and its basic settings are directly dependent on the intersubjective discursive practices in the field of social interaction. In this case, appeal to the narrative component of personal and collective identity could set the direction for the approach to the subject of moral action. The interpretation of a rational, intelligent action proposed by the “decision theory” and consequentialism works perfectly in the economic space, but it is not really suitable for the resolution of questions of morality. The article states a position which is not new. It is about placing the individual in the context of a story or a narrative, in which we can interpret his/her action as moral, not moral, or immoral, for instance. The position of R.M. Hare is considered. He refers to the lifeworld and the images of the “justifying” and “telling” ego. By this he seems to completely devalue the everyday world. Again, we deal with seemingly actors functioning separately, with their principles and attitudes, with their way of life. Following is the position by P.F. Strawson. The existing general framework of attitudes itself is something we are given with the fact of human society. As a whole, it neither calls for, nor permits, an external ‘rational’ justification. Strawson appeals to everyday moral intuitions. In this case, the personal sense of the reaction (conscience, guilt, remorse) refer to the impersonal criteria of standards and regulations assessment. Further, our hypothesis is that moral reasoning and interpretation of actions attributed to the responsible subject can be regarded as a successful and true or regulatorily right only when it refers to the level

of communication of the lifeworld. This is the level at which before all reflection, forms of identity appear oriented to the “Other”. It is the level of interactions on which participants agree on coordinating their plans and actions based on the inter-subjective understanding and acceptance. In order to clarify the phenomenon of communicativity and intersubjectivity we should turn to discussion of these concepts within the framework of “discourse ethics” by J. Habermas and K.-O. Apel. We do not insist that the subject is originally given to us as a moral subject. It is rather an opportunity to talk about morality as such that is to assume a different concept of the subject of responsibility. The structure of the subject’s being itself includes Others on the pre-reflective and thus pre-moral level. This structure (which, in terms of Apel, could be called transcendental) implies the existence of such initial conditions of existence that we can not treat the subject as isolated and autonomous.

REFERENCES

1. Makintayr A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali. M. : Akademicheskiy proekt, 2000.
2. Rorty R. Spravedlivo. M. : Gnozis; Logos, 2005.
3. Hare R.M. The Language of Morals, 1952. URL: <http://www.ditext.com/hare/lm4.html> (data obrashcheniya: 15.12.13).
4. Strawson P.F. Freedom and resentment // The Determinism and Freedom Philosophy Website. URL: <http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm> (data obrashcheniya: 15.12.13).
5. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie. SPb. : Nauka, 2001.
6. Apel' K.-O. Transformatsiya filosofii. M. : Logos, 2001.
7. Mink L. History and fiction as a modes of comprehension. Mink L. Historical Understanding. Cornell Univ. Press., 1987. P. 42-61.
8. De Man P. Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust. 1979.
9. Agafonova E.V. Problema relevantnosti printsipa ratsional'nosti v eticheskikh teoriyakh. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 374. P. 42-48.

М.В. Гончаренко

О ЗНАЧЕНИИ МИФОЛОГЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ОБЪЕКТИВАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ Э. КАССИРЕРА

В статье рассматривается понимание мифологемы в контексте концепции символических форм культуры Э. Кассирера, проанализированы её роль и значение в процессе формирования теоретического дискурса. Фактор объективности, определяющий границы мифологического и научного дискурсов, рассмотрен с позиции нормативности, именно такой подход позволяет аргументировать принципы «объективации» реальности.

Ключевые слова: мифологема; понятие; мифологическое сознание; теоретическое мышление; дискурс.

Концепция символических форм Э. Кассирера достаточно сильно повлияла на развитие представлений о культуре как противоположном феномене природы и актуализировала дальнейшее рассмотрение проблем познания в аспекте «символической функции» человеческого сознания. В связи с этим анализ фактора объективности реальности приобрёл новые черты, определившие возможность дальнейшего перераспределения границ между различными видами дискурса.

Э. Кассирер полагает, что нивелировка тождества «логического генезиса» и «мифологического построения» не совсем уместна с теоретико-познавательной точки зрения: «“Человечество” в соответствии со своим идеальным понятием и своим конкретным историческим бытием конституируется лишь в единстве этих видов деятельности; лишь в этом единстве осуществляется поступательное разделение “субъекта” и “объекта”, “Я” и “мира”, в силу чего сознание выходит из своего смутного состояния..., формируясь в качестве сознания культуры» [1. С. 26]. Сознание культуры, в свою очередь, не может быть поэтапным, т.е. рассматривать мифологическое сознание как нечто, давно ушедшее в небытие, представляется, по меньшей мере, нецелесообразным. Сознание культуры синкретично в каждом своём моменте бытия, приоритеты которого определяются актуальным аспектом реальности. Видение «поэтапности» сознания было окончательно сформировано в период становления новоевропейской философии, и именно данный подход обеспечил противопоставленность «логического генезиса» и «мифологического построения», тем самым лишив возможности обоснования основной тезис рационализма: «*Cogito ergo sum*».

Процесс конституирования модели мира всегда предполагает (о чём свидетельствуют как мифологические картины, так и научные концепции) *системность* конституирующего его сознания. Следовательно, «объективность» модели как многоуровневого построения обуславливается, прежде всего, её некой согласованностью с реальностью, которая никогда не определялась либо исключительно рациональными, либо исключительно иррациональными факторами: «...и в отношении мифа вопрос объективности может быть поставлен лишь в том смысле, что мы будем исследовать, позволяет ли миф выявить имманентное ему

правило, присущую ему “необходимость”... если... сопоставить процесс построения мифологического мира с логическим *генезисом* научного понятия природы. В этом случае обнаруживаются отдельные ступени и фазы, где различные шаги и сферы объективации отнюдь не разделены чёткой границей» [1. С. 27], – приходит к заключению Э. Кассирер. Таким образом, утверждается мифологичность и «первичность мифологических мотивов» в нашем непосредственном опыте. И последний одновременно противопоставляется миру рефлексии, игнорируя, что (наш) опыт всегда является частью целостной системы видения, обусловленной «логическим генезисом». При этом Э. Кассирер разделяет позицию Виньоли относительно того, что миф обладает трансцендентальным принципом¹. Скорее всего, данное предположение Э. Кассирера обусловлено не чем иным, как самим принципом формирования и функционирования дискурса, научность или мифологичность которого определяется субъектом познания. Трансцендентальный фактор мифа, как феномена, безусловно, прослеживается на этапе приобретения новых смыслов «старыми» понятиями, моделями: действительность и понятие – основные элементы когнитивного процесса, характеристики которых всегда являются переменными конкретных дискурсов (например, мир и дхарма). Таким образом, отмеченный Э. Кассирером взаимно возможный переход «момента вещи» и «момента смысла», предопределяющий «конкретию» [Там же. С. 36], является в какой-то степени аналогией отношений действительности и модели.

Проблема границы мифологического и научного с точки зрения новоевропейской философии определяется фактором «объективности». Моделируемый нами мир как определённым образом упорядоченная совокупность элементов, по определению, может обладать только тем качеством (рационального или иррационального), которое мы сами ему и приписываем. Иными словами, модель приобретает качество научности или мифологичности в силу наших культурно-исторических, а следовательно, субъективных представлений. Э. Кассирер при этом принимает кантовское видение проблемы оснований «объективного»². Другими словами, если истина теоретического дискурса ничем не отличается от истины мифологического дискурса, то априорная конвенциональность разного вида дискурсов определяет и

их истину. Объективность как нормативность – одно из условий самой возможности различного рода дискурсов. В этой связи рассматривая аналитику Д. Юма, Э. Кассирер приходит к следующему заключению: «Юм, анализируя... каузальные суждения науки, скорее вскрыл на самом деле корень всякого мифологического объяснения мира» [1. С. 59]. В действительности ни одна модель не имеет шансов к осуществлению, если в ней «не работает» тем или иным образом принцип каузальности. То есть принцип каузальности как принцип причинной обусловленности может быть представлен по-разному в дискурсах различных видов, но вне данного принципа (также как и вне принципа «объективности») сам дискурс невозможен.

Мифологическая модель мира, равно как и научная модель, предусматривает принцип взаимообусловленности элементов, поэтому набор элементов, лишённых смысла либо не предполагающих никаких отношений в принципе, не является ни мифом, ни теорией. Также в связи с этим Э. Кассирер обращает внимание и на такой принцип, как необходимость, являющийся атрибутом научного познания со времён досократовского периода: «Левкипп и Демокрит... высказали... принцип научного объяснения мира и своё бесповоротное отречение от мифа, когда выдвинули положение, согласно которому ничто в мире не возникает “просто так”, но всё происходит на некотором основании в силу необходимости...» [1. С. 61]. Таким образом, именно исключение фактора случайности обуславливает представление о научности. Но и в мифе тоже нет места фактору случайности: мифологическая модель – это *всегда* репрезентация взаимообусловленных отношений и элементов. Конечно, с точки зрения мифологического сюжета о похищении Европы Зевсом в образе быка не предполагается возможность модели *исторического* анализа европейского культурно-исторического типа, но как в первом, так и во втором варианте дискурсов (как в мифе, так и в теории) действуют одни и те же принципы: принцип необходимости и принцип каузальности.

Также Э. Кассирер констатирует синкретическую природу мифологического мышления. Такая проблема, актуальная для мифологического сознания как «материализация духовных элементов содержания» [1. С. 68] (примеры Э. Кассирера: неверная женщина – убийца мужа; бесплодная женщина – бездетность и т.д.) достаточно сильно напоминает фундаментальную проблему знания – проблему номинального – реального. В данном случае очень важно не забывать о том, что каузальность (научного сознания) и телеологичность (мифологического сознания) иногда меняются местами. Иначе говоря, нельзя соотносить первое исключительно с научным мышлением, а второе – с мифологическим (примеры некоторых понятий с точки зрения мифологии и науки, по Э. Кассиреру: «сила», «теплород», «электрическая» и «магнитная материя» и т.д.). На основании этого Э. Кассирер делает однозначный вывод о том, что «границы “субстанциального” и “функционального” оказываются смазанными» [Там же. С. 70–71].

Таким образом, вышеприведённая схема «перехода» понятия делает возможным предположение о том, что понятия мифологии и понятия науки с течением времени в равной степени претерпевают изменения с точки зрения содержания. Следовательно, мы имеем дело с проблемой диахроничности / синхроничности сравниваемых объектов и понятий, имеющих к ним непосредственное отношение [Там же. С. 76]. Данный вывод Э. Кассирера достаточно близок по духу следующему рассуждению К.Г. Юнга: «Хотя их (алхимиков. – Г.М.) труды над ретортами представлялись... попыткой открыть секреты химических превращений, они были в то же время... отражением параллельных психических процессов, которые могли легко проецироваться в неизведанное строение вещества, поскольку этот процесс есть бессознательный феномен природы...» [3. С. 51]. То есть с точки зрения аналитической психологии нет ничего необычного в том, что психические процессы (в которые естественным образом включено и сознание) проецируют самоё себя в познаваемый объект, «создавая» таким образом последний. Э. Кассирер, рассуждая о типе и принципе научных связей между объектами, также приходит к заключению о том, что собственно научное бытие явления, объекта – феномен, определяющийся формой «мысленной связи» [1. С. 78]³. Парадоксальность мышления фактически определяет возможные границы синкретических актов, поэтому данное положение вещей актуально как для теоретического познания, так и для мифологического.

Сравнение мифологического и теоретического познания – сложная задача и в виду того, что на определённых этапах сравнения последнее оказывается невозможным из-за отсутствия различных оснований для этих двух видов познания. Сознание весьма сильно ограничено в инструментарии и является целостной системой, функционирование которой с точки зрения процесса познания ограничено факторами рационального и иррационального, граница между которыми и определяет в конкретном случае познание: мифологическое или теоретическое. Также необходимо учитывать, что эти различные формы видения мира (мифологема и понятие) одновременно сосуществуют в культурно-историческом дискурсе; более того, мифологический контекст, также как и теоретический, на протяжении всего исторически обозримого периода определённым образом изменяется, т.е. мифологическое познание сохраняет свою актуальность в той или иной форме как неотъемлемый элемент культуры. Однако Э. Кассирер совершенно прав, обращая внимание и на проблему модальности: «Не в свойствах, не в качестве этих категорий – в их *модальности*, вот в чём различаются миф и эмпирически-научное познание. Способы синтеза, используемые обоими, чтобы придать структуру текучему, обнаруживают сквозную аналогию и соответствие» [1. С. 76]. Следовательно, «целое» – «часть» в мифологии и науке – это не одно и то же. Данное положение вещей в каком-то смысле имеет отношение к проблеме онто-эпистемологического характера – проблеме

взаимоотношений номинального и реального⁴. В связи с этим представляется необходимым обратиться к понятию «текст» с точки зрения феноменологии: если текст является экспликацией объектов внутреннего опыта, то различные формы видения мира не могут и не должны исключать друг друга в пределах одного и того же дискурса, коим и является текст. Если обратить внимание на то, что «любое, пусть самое обыденное содержание наличного бытия может приобрести отличительный характер священности, как только оказывается в специфическом мифологически-религиозном *поле зрения*» [1. С. 91], то возникает вопрос относительно грани данного перехода (смещения) «священного» в «профанное» и наоборот. Почему это происходит? Мы можем только с уверенностью констатировать, что данный переход двухсторонний. Э. Кассирер говорит о приращении смысловых полей, что опять-таки обусловлено варьированием наших представлений, конституирующих **наш мир**. Из чего следует: ни граница данного смещения, ни основания данного смещения нам действительно неизвестны и непонятны, мы обладаем всего лишь правом констатации такого положения дел. И в данном случае текст как экспликация объектов внутреннего опыта является как раз той моделью [отношений], которая репрезентирует данное положение дел.

Сравнение мифологического и теоретического мироощущения было бы неполным, считает Э. Кассирер, если бы из сравнительного анализа были бы исключены такие формы (конституирования мира), как пространство, время, число. Э. Кассирер исходит из того, что данные фундаментальные формы, с одной стороны, достаточно сходны, а с другой стороны, кардинальным образом отличаются: «... между строением мифологического мира объектов и строением эмпирического мира объектов существует очевидная аналогия. Все связи, постепенно обретаемые элементами как мифологического, так и эмпирического сознания, достижимы лишь в этих формах пространства, времени и числа или в результате прохождения через эти формы» [1. С. 94–95]. Действительно, вряд ли что-то здесь может быть иначе, если учитывать следующий фактор: основание, обуславливающее данные формы (восприятия), – сознание. Но в силу того, что системы, конституируемые теоретическим и мифологическим познанием, нетождественны, имеет смысл признать, что одно и то же основание посредством вышеперечисленных форм репрезентирует различные модели. Э. Кассирер обращает внимание на то, что для мифологического дискурса актуален атрибут «священного» / «профанного» (священные места, священные периоды, священные сроки) [Там же. С. 96], т.е. пространство, время, число «трансформируются» здесь именно так.

Для теоретического дискурса актуальна системность модели, достигаемая за счёт упорядочивания (в самом широком смысле) пространственно-временных отношений: «Тем самым время, пространство и число являются в данном отношении для теоретического познания не чем иным, как носителями “принципа достаточного ос-

нования”» [1. Т. 2. С. 95]. Таким образом, с точки зрения диахронии теоретического знания, принцип достаточного основания приобретает черты, свойственные мифологическому мышлению, так как нет теоретических оснований, подтверждающих его. Следовательно, основания безотносительны, а с точки зрения рациональной схемы теоретического познания – это нонсенс, что частично и обусловило во второй четверти прошлого столетия попытку отказа от детерминизма в пользу вероятностно-релятивистского описания мира.

Рассуждая далее по поводу соотношения пространств, мифологического, чувственного и геометрического, Э. Кассирер приходит к неоднозначному выводу: «... мифологическое пространство столь же близкородственно пространству чувственного восприятия, сколь оно... резко противоположно мысленному пространству геометрии» [Там же. С. 100]. С одной стороны, Э. Кассирер признаёт образную систему понятий и нетождество мифологического и геометрического пространств, но, с другой – понимает, что пространство чувственного восприятия имеет отношение как к мифологическому, так и к геометрическому пространству. В связи с этим сам собой возникает вопрос: а возможно ли мысленное пространство геометрии также и вне мифологического пространства, и каким образом происходит, если происходит, взаимодействие («взаимопересечение») геометрического и мифологического пространства? Ответ, предположительно, будет отрицательным, так как единая комплексная структура пространственного континуума определяется не только тремя основными элементами (видения пространства), а включает также и другие представления (в смысле аспекта видения) одной и той же формы восприятия: пространственной формы, по И. Канту. Мифологическое «там» – «здесь» и геометрическое «54°5' с.ш. и 20°8' в.д.» объединяет единый источник чувственного восприятия пространства – сознание, поэтому схема «наложения» и конкретизации хотя и остаётся вне пределов рационального распознавания, тем не менее не подлежит отрицанию.

Таким образом, при всех сомнениях, Э. Кассирер констатирует следующее: «В мифологическом мире как целом пространство играет роль... аналогичную по форме той, что досталась геометрическому пространству в построении эмпирической, предметной “природы”» [Там же. С. 101]. Если же мы примем точку зрения Э. Кассирера, то будем вынуждены признать, что «объективность» математического мысленного пространства, при всей нетранспорентности данного процесса, является следствием той объективации, которая имела место быть в архаичный период структурирования «Я» посредством таких фундаментальных противоположностей, как «объект» – «субъект» и т.д.

Как же всё-таки функционирует символическая форма, определяющая духовное видение как мифологического, так и геометрического пространства? Функционирование символической формы, таким образом, можно описывать лишь на основании того, что нам доступен результат этого функционирования в виде кон-

кретной формы. Что же касается самого «механизма порождения» символической формы, то он для нас остаётся скрытым, и это также касается и формы теоретического познания, и формы религиозного вчувствования. Фактически Э. Кассирер утверждает: какой-либо опыт (или объект, видение объекта как следствие определённого опыта), получивший символическое выражение (а иначе, без символической формы, никакой опыт не может быть нам доступен), является промежуточным результатом всей предшествовавшей этому работы сознания. По сути, данное утверждение очень близко выводу Л. Витгенштейна по поводу интенции, всегда включённой в ситуацию и всегда определяющей последнюю.

Рассуждая о другом атрибуте мифа и теории – времени, Э. Кассирер приходит к следующему: с одной стороны, миф как целостная система, всеобща и нерушима, поэтому она использует время в аспекте феномена, устанавливающего определённую событийность; с другой стороны, теоретическая система определяется «системой позиций и отношений» [1. С. 130], соответственно, не предполагающей так называемой всеобщности. При этом Э. Кассирер игнорирует то, что проблема «судьбы» и «творения» не выражается в системном времени физики как-то по-другому, нежели в мифологическом континууме всеобщности (понятие вечности и понятие времени – это качественно различные понятия, первое из которых для сознания в физике конституируется также неопределённо, как и в мифологии, и в религии).

Тем не менее проблема «перехода» мифологемы в понятие с точки зрения теоретико-познавательной остаётся для нас совершенно нетранспарентной. Констатация «перехода» мифологемы в понятие не указывает оснований данного процесса [Там же. С. 148]. Учитывая в этой связи актуальность фактора иррационального, мы вынуждены признать (для нас) исключительно возможность констатации данного «перехода».

Что касается третьей символической формы – числа. Функционализм числа, пространства и времени (учитывая их роль в конституировании любого вида дискурса), очевидно, определённым образом моделирует континуум, в пределах которого появляются различного рода представления (от мифологических до научных), синкретичность которых мы чаще всего игнорируем. По Э. Кассиреру, таким континуумом является Космос, понятие сверхактуальное как для науки, так и для мифологии. Скорее всего, основанием данного континуума, Э. Кассирер, вслед за пифагорейцами, считает функцию числа, посредством которой происходит организация пространственно-временных отношений для нашего сознания (как для мифологического, так и для научного мышления): «...оно (число. – Г.М.) действует как магическая связь, не столько соединяющая вместе вещи, сколько “порождающая их созвучие в душе”» [Там же. С. 158].

Итак, число, безусловно, является символической формой, одна из функций которой была указана выше,

но почему данная символическая форма равным образом актуальна для мифологического и теоретического дискурсов остаётся вопросом с точки зрения рационального мышления. Невзирая на то, что так называемый психологизм никогда не приветствовался философией, невозможно не обратить внимание на синхронию выводов Э. Кассирера и К.Г. Юнга относительно субъектно-объектного «распределения» мира. Э. Кассирер утверждает: «...что только в них (в символических формах. – Г.М.) и благодаря их посредничеству оба момента – “внутреннее” и “внешнее”, “Я” и “действительность” обретают своё определение и разграничиваются друг относительно друга. Решающая роль... символической формы... в том... что не застаёт границу между Я и действительностью... а сама... эту форму и устанавливает» [Там же. С. 168], – из чего следует, что границы «Я» и «действительности» постоянно перераспределяются посредством актуальной [для нас] символической формы. К.Г. Юнг в этой связи рассуждает следующим образом: «Все миры, когда-либо существовавшие до человека, физически были там. Но они были безымянными событиями, неопределённой действительностью, потому что ещё не существовало минимальной концентрации психического фактора, чтобы произнести слово... это мир, а это я эго... намеренно отделил субъект от объекта, и... вверг мир и себя в ясное существование» [5. С. 112–113], – из чего также следует, что субъектно-объектные отношения определяются психическим фактором (Эго). Таким образом, мы можем констатировать: психический фактор определяет субъектно-объектные отношения посредством символической формы, модифицирование которой происходит постоянно на протяжении всего исторического развития Эго.

И, тем не менее, вопрос о различии / тождестве синкретичности теоретического и мифологического мышления остаётся открытым. Мы чаще всего пытаемся противопоставить функциональное единство сознания [1. С. 185] как положение дел, определяющее теоретическое мышление, хаотическому состоянию психэ, свойственному мифологическому мышлению. При этом игнорируем тождество инструментария, которым пользуется как теоретическое, так и мифологическое мышление: понятие, причинность, пространственно-временной континуум, различие / тождество и т.д. Так, Э. Кассирер пытается утверждать, что теоретическое мышление преодолевает ранее выявленное различие, а мифологическое мышление преобразует множество в единство и наоборот. Но разве такое положение дел не является свидетельством того, что один и тот же символ репрезентируется нашим сознанием различными видами дискурсов на разных этапах? А вот правила конституирования и функционирования этих моделей обусловлены как раз нашим реальным внутренним опытом, в результате экспликации которого и появляется текст. Нежелание признавать методологическое тождество между атомизмом Демокрита (натурфилософского периода) и базисом Хиггса (современной физики) скрывает от нашего понимания метафизические

основания поиска наименьшей частицы бытия (тем более что ни одна мифологическая или религиозная система не обходилась без определения наименьшего уровня бытия). Другими словами: функционирование символа в дискурсе предопределяется правилами функционирования данного дискурса.

Таким образом, теоретическое сознание, как и мифологическое сознание, занимаясь «адаптацией» мира, как единственно возможного для него объекта понимания / познания, структурируют различного вида дискурсы, целесообразность и нормативность которых определяются самой внутренней структурой этих дискурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Э. Кассирер ссылается на рассуждение Т. Виньоли: «...ибо участие, принимаемое чистым мышлением в последовательном развитии мифа, представляет собой ровно ту же деятельность разума, благодаря которой возникает наука» [2. С. 99–100].
- ² «...границы “объективного” относительно всего лишь “субъективного” не являются изначально нерушимо заданными... они сами формируются и определяются лишь в поступательном процессе опытного познания и его теоретического основоположения» [1. С. 45].
- ³ Данный вывод, конечно же, обусловлен кантианством, но в ходе данного рассуждения Кассирер приходит к проблеме парадоксальности синтетического мышления.
- ⁴ «С точки зрения научного реализма, ориентированного на физическую реальность, платонизм будет выражать антиреалистскую установку» [4. С. 32–33]. Очевидно, Юнг имеет ввиду область коллективного бессознательного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. *Философия символических форм*. М. : Академпроект, 2011. Т. 2. 279 с.
2. Vignoli T. *Mythos Wissenschaft*. Leipzig, 1880. S. 99–100.
3. Юнг К.Г. *Психология и алхимия*. М. : Рефл-бук; Ваклер, 2003. 592 с.
4. Ладов В.А. Проблема реальности в аналитической философии // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2010. № 4 (12).
5. Юнг К.Г. *Mysterium conjunctions* (Таинство воссоединения). Минск : Харвест, 2003. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 8 декабря 2013 г.

ON THE ROLE OF MYTHOLOGEM IN THE PROCESS OF REALITY OBJECTIFICATION IN E. CASSIRER'S CONCEPT
Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 57–61. DOI: 10.17223/15617793/380/9

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: mythologem; concept; mythological consciousness; theoreticalism; discourse.

The article considers the meaning of mythologem in the context of E. Cassirer's concept of symbolic forms of culture, analyzes its role and importance in the formation of theoretical discourse. The objectivity factor determining the borders of mythological and scientific discourses is considered from the position of standardization which allows to argue the principles of reality “objectification”. Special attention is paid to the analysis proposed by E. Cassirer of mutually possible transition of the “moment of thing” and the “moment of meaning” which in a sense can be presented as an analogy of relations between the reality and the model. From this point of view of special importance is the analysis of the concept “causality”, about which E. Cassirer agrees with the conclusion of D. Hume: “Hume, in attempting to analyze the causal judgment of science, rather revealed a source of all mythical explanation of the world”. The fact of the matter is that the causality principle may have various representative forms in different types of discourses, but the discourse itself may not be out of this principle. In this regard, the article explains the necessity to take into account that both various forms (mythologem and concept) at the same time are present in cultural and historical discourse. The mythological context, as well as the theoretical one, changes in a certain way in history. As E. Cassirer asserts “through analogy and equivalence” ways of constituting the world in both types of discourse it is reasonable to consider this assertion on the basis of the analysis of the concept “text” from the point of view of the fact that any text can be presented as an explication of objects of the internal experience. And for this reason (on the basis of internal experience) various forms of outlook cannot eliminate each other within a definite discourse. Comparison of mythological and theoretical world-view requires a comparative analysis of such forms of institutionalization of the world as space, time, and number, relevant to both types of the world-view. Despite the fact that these forms are radically different in both types of discourse, they are still core for various types of world-views. The statement of such circumstances is one of the arguments of the impossibility of a rational explanation of the “transition” of mythologem to concept.

REFERENCES

1. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form*. M. : Akademproekt, 2011. V. 2. 279 p.
2. Vignoli T. *Mythos Wissenschaft*. Leipzig, 1880. P. 99–100.
3. Yung K.G. *Psikhologiya i alkhimiya*. M. : Refl-buk; Vakler, 2003. 592 p.
4. Ladov V.A. Problema real'nosti v analiticheskoy filosofii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2010. No. 4 (12).
5. Yung K.G. *Mysterium conjunctions* (Tainstvo vossoedineniya). Minsk : Kharvest, 2003. 576 p.

Е.В. Щекотин

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ТУРБУЛЕНТНОМ СОЦИУМЕ: КАТАСТРОФЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Понятие «качество жизни» рассматривается через проблемное поле социологии повседневности. Качество жизни определяется как мера благополучия сообщества. Благополучие понимается как стабильность устойчивых повседневных практик (рутин). Опираясь на данное положение, рассмотрены два феномена – катастрофа и чрезвычайное положение.

Ключевые слова: качество жизни; практика; социология повседневности; катастрофы; чрезвычайное положение.

Тема качества жизни в социологии актуальна, она имеет сильные политические коннотации. Однако качество жизни как понятие теоретической социологии наделено одним серьезным недостатком – оно не имеет теоретического обоснования. Обращаясь к социологии повседневности, мы попытаемся сформулировать твердые теоретические основания этой категории.

Концепция «качества жизни», в отличие от «уровня жизни», изначально была ориентирована на цели, близкие к экзистенциальной проблематике. Они связаны с такими понятиями, как счастье, свобода, достоинство, благополучие, полнота существования, возможности для самореализации и т.п. Само появление концепции «качества жизни» было обусловлено ограниченностью и недостаточностью понятия «уровень жизни» в условиях развитого капиталистического общества.

Качество жизни связано с характеристикой благополучия общества. Справедливым представляется мнение А.А. Возмителя: «Важнейшие интегральные показатели качества жизни – социальное благополучие и социальное самочувствие» [1. С. 25]. Благополучие является многозначным понятием, рассмотрим его сущность с помощью теоретического аппарата социологии повседневности.

Эти социальные теории опираются на понятия практики и повседневности. Согласно А. Шюцу, «человек в каждый данный момент повседневной жизни имеет наличный комплекс знаний, который служит ему схемой интерпретации его прошлого и нынешнего опыта, а также определяет предвосхищение им будущих событий» [2. С. 320]. Этот комплекс знаний является типизированным, он образует континуум повседневной жизни. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, «реальность повседневной жизни поддерживает себя путем воплощения в рутины» [3. С. 242]. Рутины конструируют «фон» повседневности, контекст, в котором разыгрывается драма человеческой жизни. Чтобы быть эффективными, фоновые практики должны быть «неразрывными».

Фоновые практики формируют «жизненное пространство» человека, среду обитания. Для человека – это привычный мир, это пространство, где исход событий и взаимодействий предсказуем, определен. Эти исходы укладываются в принятую и привычную схему, они составляют конечную и хорошую известную чело-

веку из прошлого опыта область значений. Они образуют «знакомый мир», т.е. такой континуум, в котором возможные варианты развития событий известны, они не ставят перед актором неразрешимых (не имеющих в наличном опыте) вопросов.

А. Макинтайр говорит в этой связи, что актор обладает «теорией»: «Каждый актор обладает своим сценарием, картой, программой, посредством которой он управляет с общественной реальностью» [4. С. 140]. Именно обладание «теорией» в том значении, которое использует А. Макинтайр, будем в дальнейшем понимать как когнитивную основу рутины повседневной жизни. Это не значит, что теория неизменна, она подвижна и может трансформироваться.

Когда происходит событие, которое не попадает в область ожидаемых исходов (расходящихся с теорией), нарушается непрерывность рутины, фон повседневных взаимодействий «дырявится». В нем образуются анклавы опыта, который не типизирован и является проблематичным. Как правило, это непривычное, неординарное событие ставит нас в затруднительное положение, наши действия неопределенны и спонтанны. Оно заставляет нас осознать механику рутины, которая в обычных условиях неосознаваема, не является предметом мысли.

В буквальном смысле, мы теряем почву под ногами, оказавшись в пространстве незнакомого мира неопределенности. С течением времени фоновые практики «латают» дыру, проделанную непредвиденным событием, рутинизируют неизвестное, переводя в известное и знакомое. Тем самым восстанавливается непрерывность повседневности. Однако чем масштабнее событие, чем серьезнее последствия, тем сложнее затянуть образовавшуюся лакуну тканью рутинных действий.

Фоновые практики, повседневная рутина создают особое жизненное пространство, которое хорошо нам знакомо, где мы можем контролировать ход вещей. Возможно, положение вещей и исходы событий в этом мире нас не устраивают, но он предсказуем, и это его главное свойство. Можно привести слова З. Баумана, которые в лаконичной форме отражают эти постулаты: «Все вещи пребывают в порядке, если нет необходимости беспокоиться о порядке вещей; вещи упорядочены, если вы не думаете либо не ощущаете потребность думать о порядке как о проблеме, не говоря уже – как о задаче. И как

только вы задумываетесь о порядке, это наверняка свидетельствует о том, что где-то он нарушается, что вещи выходят из под контроля, и необходимо что-то сделать, чтобы вернуть их в привычное положение» [5. С. 39].

Э. Гидденс говорит о коконе «онтологической безопасности», который формируется на основе доверия и уверенности. Практическое сознание поддерживает эту уверенность при помощи рутинизации повседневной среды. Повседневная рутина создает своеобразный «кокон» вокруг человека, ощущение безопасности, которое, по выражению Л. Витгенштейна, есть «знание того, как действовать дальше». «Жизнь как “нормальную” и “предсказуемую” как раз и конституирует рутинная практика индивидов, пространственно-временные пути следования которых пересекаются между собой в контексте повседневной жизни. Нормальность как тонкий узор вплетается в ткань социальной деятельности» [6. С. 121].

В случае, когда на уровне больших социальных обществ повседневные рутины действуют безотказно, когда «кокон» доверия не позволяет хаосу вторгнуться внутрь упорядоченного пространства жизни, тогда мы говорим о высоком уровне благополучия. В обратном случае, когда на уровне повседневных действий рутины перестают работать, перестают быть «релевантными», тогда речь идет о ситуации неблагополучия. Иными словами, чем реже мы сталкиваемся с ситуацией неопределенности, неясности дальнейших действий, чем реже осознаем наши действия при осуществлении повседневных практик, тем благополучнее наше сообщество, и наоборот.

В этом смысле качество жизни можно рассматривать как концептуализацию благополучия в обществе. В приведенном выше определении качества жизни А.А. Возмителя мы подчеркиваем именно фактор социального благополучия, тогда как второй элемент – социальное самочувствие, т.е. оценка самим актором своего положения, – зависит в большей мере от культурных, этнических, религиозных, исторических, психологических факторов

Итак, критерием благополучия общества является качество жизни. С точки зрения социологии повседневности это означает «удобность» мира в восприятии сообщества (или «укорененность в мире» в смысле взаимодействия между актором и окружающей средой). Если взаимосвязь между актором и средой успешно регулируется действующей рутинной, то мир для человека становится привычным, он будет «укоренен» в этом мире. Иная ситуация, когда равновесие нарушается, рутины повседневности не справляются с вызовами среды. В этом случае защитный кокон рвется, привычные рутины перестают быть эффективными и функциональными, человек оказывается перед лицом «голой жизни» (Дж. Агамбен).

Этот тезис будет для нас главной посылкой в дальнейшем рассуждении. С мелкими «поломками» рутинных практик мы сталкиваемся ежедневно – люди порой действуют не так, как вы ожидаете (самый очевидный

пример – это поведение водителей на дороге). Эти события снижают качество жизни, однако они не фатальны, с ними можно справиться, чего не скажешь о последствиях таких двух явлений, как катастрофа и чрезвычайное положение.

Обыденные нарушения фоновых практик (или сама их возможность) осложняют наше повседневное существование, выводят из равновесия. Метафорически можно выразиться, что повседневные проблемы растягивают «ткань» «кокона» (фона), порой приводя к небольшим разрывам; катастрофы и чрезвычайные положения рвут эту «ткань» в мелкие куски, не оставляя ничего.

Следует оговориться, что термин «качество» имеет два значения: философское и производственное. Первое восходит к определению Гегеля: «Определенность как изолированная сама по себе, как сущая определенность, есть качество» [7. С. 172], т.е. качество здесь – это определенность предмета, без которой он перестает существовать. Второе понимание «качества» нашло отражение в концепте «качества продукции» как соответствия параметров продукта установленным требованиям. Здесь речь идет об интенсивности тех или иных характеристик продукта. Между этими двумя значениями нет принципиального противоречия: производственный подход позволяет нам исследовать интенсивность качеств и свойств, а философский подход говорит о бытии и небытии предмета. Философский подход является предельным случаем производственного, когда интенсивность каких-то свойств достигает предельного значения, за которым следует исчезновение, «небытие» самого предмета.

Мы рассмотрим два таких предельных случая, когда качество жизни разрушается (обнуляется), когда привычный порядок вещей разрушается. Природные и техногенные катастрофы разрушают не только материальные объекты, они поражают социальные процессы. Вещи разрушают привычную систему отношений, рутину, в которую они включены, нарушают «установленный» порядок взаимодействия с ними, выходят из-под контроля. Идет ли речь о природной стихии или технической системе, ключевой момент – это потеря контроля, разрыв привычной схемы взаимодействия с этими вещами.

Катастрофы практически не исследованы как социологический феномен. О.Н. Яницкий называет социологию катастроф «пасынком» социологии [8. С. 67]. О.Н. Яницкий отмечает, что «в литературе часто разделяют катастрофу, определяемую в терминах материальных и людских потерь, и как социологическую категорию, определяемую в терминах изменения социальной структуры и социального порядка. Поэтому западные авторы полагают, что правильным, с социологической точки зрения, будет вопрос “Не что такое катастрофа”, а “Какие структуры и порядок действовали до катастрофы и как они изменились после нее”» [8. С. 69].

Такая постановка вопроса дает нам возможность перевести проблематику катастроф на язык социологии повседневности и исследовать катастрофы сквозь призму качества жизни. Катастрофа с социологической

точки зрения – это крах, крушение привычного социального порядка, нарушение рутинных практик, основанных на действующем комплексе знаний. Известные нам из фоновых практик ходы и решения перестают быть эффективными, становятся бессмысленными. Должно пройти время, чтобы выкристаллизовался новый социальный порядок, включающий знания, «обогащенные» катастрофой.

Нужно согласиться с О.Н. Яницким, что применение термина «адаптация» по отношению к новому посткатастрофическому социальному порядку не позволяет раскрыть содержание этого процесса, более точным будет термин «реабилитация». «Полное воспроизведение невозможно ни материально, ни психологически, в силу того, что люди, пережившие катастрофу, их привычная среда обитания становятся иными, в результате чего формируется иной социальный тип» [8. С. 70].

Катастрофа – это резкая смена правил, регулирующих повседневность. Велик соблазн обратиться к принципам сетевой теории Б. Латура. Природные и технические объекты являются элементами сетей, более того, как социальные факты они могут представляться только как сетевые фрагменты, с которыми взаимодействуют другие элементы и которые организуют взаимодействие других элементов. Катастрофа имеет место, когда такой объект (например река) перестает быть элементом сети, перестает действовать по установленным правилам, выходит за рамки сетей. В этом случае сеть разрушается, объект ведет себя хаотично, связь других элементов распадается.

С точки зрения качества жизни не имеет значения, какова природа катастрофы: была ли она результатом природной стихии или аварии, революции или биржевого краха – наиболее существенным моментом является факт разрыва непрерывности фоновых практик, разрушение защитного кокона. Известные вещи, порядки, правила, нормы перестают конструировать представление о реальности, они утрачивают действительность. Это ситуация предельной неопределенности, растерянности, из которой со временем «затвердевают» новые социальные конструкции, которые включают катастрофу в типизированный опыт.

Хотя в современном мире количество различных катастроф стремительно возрастает, они все еще остаются уникальными событиями. Поэтому на их примере легче понять, как конструируется качество жизни в «турбулентном» обществе. Ч. Перроу показал на примере современных технологий, что авария является системным свойством сложных технических систем. Этот принцип можно перенести на современное общество, для которого характерна высокая комплексная сложность. «Турбулентное» общество (Дж. Урри) самой своей сложностью генерирует системные «аварии» (кризисы). Различие между аварией и катастрофой определяется только масштабами поражений. «Нормальные» аварии (обусловленные самым порядком вещей, сущностью технологических процессов) происходят непрерывно, значительно или не очень нарушая социальный порядок.

Катастрофы являются актуализацией средового риска, средовым риском в действии [9. С. 7]. «Риск означает предощущение, осознание катастрофы» [10. С. 6]. В социологическом плане важны не только последствия катастроф, более важным является предчувствие катастрофы как общественное явление. Когда угроза катастрофы укореняется в общественном сознании, она изменяет траектории человеческих действий. Правительства и отдельные люди начинают действовать с пониманием реальности катастрофы, как если бы она уже произошла. Недопущение катастрофы требует особых мер, которые в свою очередь изменяют социальное пространство. «Предчувствие грядущих катастроф в настоящем (и кризис евро вновь живой тому пример) порождает всевозможные турбулентности внутри национальных и интернациональных институций, а также в повседневной жизни людей» [10. С. 6]. Риски генерируются турбулентностью и сами генерируют эту турбулентность. Поэтому риски становятся значимой действующей силой, актантом, а общество превращается в «общество глобального риска» (У. Бек).

Риски переносятся из сферы маргинального, удаленного, строго очерченного социального пространства в область повседневности. Они встраиваются в рутину, становятся фоном, на котором разворачивается повседневная жизнь людей. Это обнаруживается в разных явлениях: в постоянном ожидании катастрофы, в обилии опасных вещей, которые нас захлестнули, в понимании того, что самые простые действия могут быть небезопасными. Пролиферация рисков в повседневные практики порождает всплеск неопределенности, недоверия, что в свою очередь генерирует новые потоки рисков и т.д.

Другой пример – это чрезвычайное положение, детально проанализированное Дж. Агамбенем. Чрезвычайное положение он понимает как ситуацию остановки действия правовых норм, как особое пустое правовое пространство, внутри которого не работают все юридические понятия. «Чрезвычайное положение является не диктатурой... но пространством правового вакуума, зонной аномией» [11. С. 82]. Это пространство очень специфично – закон распространяется на это пространство, однако не действует внутри него. Складывается разрыв между существованием правовой нормы и возможностью ее реализации. «Как если бы право содержало существенный разрыв, который разделял бы норму и ее применение и который, в самом крайнем случае, мог бы быть созданием пространства, в котором закон как таковой остается в силе, однако применение его приостановлено» [11. С. 53]. В этой связи характерно высказывание У. Бека: «Общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [12. С. 27].

На первый взгляд, социологическая интерпретация чрезвычайного положения покажется проблематичной, однако если рассмотреть правовые нормы как правила повседневности, то станет ясно, что применение теоретических постулатов социологии повседневности здесь вполне допустимо. Правовые нормы (в особенности

прочно укорененные в культуре – например, запрет на убийство или кражу) становятся типизированным опытом, который для нас является непроблематизируемым (мы не задумываемся над тем, что не совершаем кражу, однако размышляем, когда собираемся ее совершить). Введение чрезвычайного положения (Дж. Агамбен связывает его с гражданской войной) останавливает действие определенного вида практик – правовых практик, которые укоренены в правовом сознании.

Можно провести параллели между катастрофой и режимом чрезвычайного положения с точки зрения социологии повседневности. Чрезвычайное положение является своеобразным эквивалентом катастрофы, только в правовом пространстве. Как катастрофа внезапно разрушает установленный порядок вещей, привычные формы жизни, так же установление чрезвычайного положения разрывает существующий правовой порядок. Катастрофа уничтожает материальные условия существования людей, чрезвычайное положение превращает юридические понятия в пустые бездейственные абстракции.

В обоих случаях повседневность претерпевает радикальные и очень стремительные (порой мгновенные) трансформации: хорошо известные правила перестают работать, уверенность в их действенности и релевантности переходит в неуверенность и дезорганизацию. Знакомый мир в одночасье становится незнакомым; те, кто хорошо понимал логику повседневных рутинных практик, перестают понимать мир катастрофы и чрезвычайного положения (не случайно это золотое время для разного рода маргиналов и проходимцев, что хорошо иллюстрирует история нашей страны в периоды после Революции 1917 г. и распада СССР в 1991 г.). Такие резкие переходы очень болезненны для населения – их привычный благополучный мир превращается в руины.

Затем наступает «нормализация», происходит реконструкция повседневности – выстраиваются новые конфигурации практик, рутинизируются формы деятельности. Тем самым выстраивается модель благополучия, релевантная для сложившейся конкретной исторической ситуации. Она может представляться безнравственной, принимать уродливые формы, совершенно не согласующиеся с докатастрофической моделью, но эта новая модель действенна, она конструирует свои собственные критерии высокого и низкого качества жизни. Ужас катастрофы (или войны) вынуждает людей соорудить другой кокон «онтологической безопасности», типизировать другие правила повседневной жизни.

В статье мы рассмотрели два крайних примера, когда качество жизни может перестать существовать (в гегелевском смысле), перейти в небытие. В нашей повседневной жизни катастрофы и чрезвычайные положения являются уникальными событиями. Гораздо чаще мы сталкиваемся с не столь масштабными явлениями. Сложность современного общества и сопутствующие этому процессы – неопределенность, нестабильность, неуверенность – производят ежедневно огромное число «аварий», нарушений действующих правил, сбоев фоновых практик. Это и составляет содержание качества нашей жизни: когда таких аварий немного, мы говорим что это качественная жизнь (или говорим о благополучии), когда нарушения превышают приемлемую для нас планку, то мы говорим о неблагополучии.

Такой взгляд на повседневность и качество жизни позволяет нам предложить новый методологический подход к оценке качества жизни – рискологический. Критерием качественности жизни является величина совокупных рисков жизнедеятельности (под которой понимается как раз устойчивость («прочность») повседневных фоновых практик).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Возьмитель А.А.* Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // СОЦИС. 2013. № 2. С. 25–32.
2. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. *Макинтайр А.* Идеология, социальная наука и революция // Логос. 2012. № 2 (86). С. 134–159.
5. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
6. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
8. *Яницкий О.Н.* «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы // СОЦИС. 2012. № 1. С. 67–76.
9. *Яницкий О.Н.* Массовая мобилизация: проблемы теории // СОЦИС. 2012. № 6. С. 3–12.
10. *Бек У.* Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот // http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf
11. *Агамбен Дж.* Номос sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.
12. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 декабря 2013 г.

QUALITY OF LIFE IN A TURBULENT SOCIETY: DISASTER AND STATE OF EMERGENCY FROM THE POINT OF VIEW OF SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 62–66. DOI: 10.17223/15617793/380/10

Shchekotin Yevgeniy V. Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgvik1978@mail.ru

Keywords: quality of life; practice; sociology of everyday life; disaster; state of emergency.

The article presents an unconventional approach to the concept of quality of life. Quality of life is considered as a measure of social wellbeing. The proposed approach uses the conceptual apparatus of sociology of everyday life. Sustainable everyday practices (routines)

are considered as the basic mechanism for constructing wellbeing of the community forming the conditions of “ontological security”. Quality of life is characterized by the “strength” (stability) of the usual forms of life. Violation of customary rules of organization of everyday practices leads to a lower quality of life. This approach is examined in the two examples – disaster and the state of emergency. In both examples it is shown that due to these events everyday practices are completely destroyed. This is the reason of sharp decrease in the quality of life. Disaster is understood as a very rapid change in time of the existing (usual) procedures and structures of the reality. This leads to the disintegration of sustainable networks between the natural, the technical, and the social. The impact of disaster on the population’s life quality does not depend on its nature. Of decisive influence is the process of a drastic destruction of sustainable structures of everyday life. The state of emergency is understood as a stop of legal rules application (as a rule, it is the case of a civil war). The state of emergency in terms of sociology of everyday life is the abolition of the existing regulations (primarily, of the law enforcement nature) that organize the everyday interaction between people. This also leads to a decrease of life quality as familiar and understandable rules no longer apply and the new ones have not yet been established. The causes of these events can be the realization of the immanent laws of the social system. In modern society, the generation of the complexity of technical and social systems leads to a rapid growth of uncertainty, instability and turbulence. It generates a large number of failures and accidents. “Disaster” and “emergency” cover the society, become its normal state. In this regard, the task of improving the quality of life should include the prevention of such “normal” events as a disaster at different levels of social organization. Disaster is an implementation of the environmental risk. Therefore, the amount of risk should be considered as a measure of the welfare of society and, accordingly, as a quantitative expression of the quality of life. Such a view on the problem of everyday life allows presenting a new perspective of studies of the quality of life within the risk-science approach. The criterion of life quality is the amount of aggregate risks of life (which is understood as time resistance (“strength”) of everyday background practices).

REFERENCES

1. Voz'mitel' A.A. Kachestvo zhizni v doperestrochnoy i poreformennoy Rossii. *SOTSIS*. 2013. No. 2. P. 25-32.
2. Shyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii. M. : Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003.
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M. : Medium, 1995.
4. Makintayr A. Ideologiya, sotsial'naya nauka i revolyutsiya. *Logos*. 2012. No. 2 (86). P. 134-159.
5. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M. : Logos, 2002.
6. Giddens E. Sud'ba, risk i bezopasnost'. *THESIS*. 1994. Vyp. 5. P. 107-134.
7. Hegel' G.V.F. Nauka logiki : v 3 t. V. 1. M. : Mysl', 1970.
8. Yanitskiy O.N. «Pasyunki» sotsiologii: prirodnye anomalii i katastrofy. *SOTSIS*. 2012. No. 1. P. 67-76.
9. Yanitskiy O.N. Massovaya mobilizatsiya: problemy teorii. *SOTSIS*. 2012. No. 6. P. 3-12.
10. Bek U. Zhizn' v obshchestve global'nogo riska – kak s etim spravit'sya: kosmopoliticheskiy povorot // http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf
11. Agamben Dzh. Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie. M. : Evropa, 2011.
12. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M. : Progress-Traditsiya, 2000.

ИСТОРИЯ

УДК 902.02

Е.Б. Барина

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ)

Описываются исследования контактов Китая с народами Центральной Азии в древности. Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с соседними народами, поскольку именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования культур этих регионов или явно выявить черты взаимовлияний.

Ключевые слова: Китай; Центральная Азия; материальная культура; бронзовый век.

Открытия, сделанные в результате археологических исследований древних памятников на территории Китая и Центральной Азии, фактически позволяют нам говорить о существовании взаимодействий между этими регионами, их масштабах, интенсивности, периодичности и о том, какая культура в какой период была доминантной при этих контактах. В отношении таких контактов существуют три основные гипотезы: 1) заимствований между Китаем и Западом не было [1]; 2) заимствования и связи были частичными и не влияли на общий ход развития культуры Китая и народов Центральной Азии. Запад влиял непосредственно на группы населения Центральной Азии, а уже через них в ослабленном виде воздействовал на Китай; 3) основные этапы китайской древности имеют прямые прототипы в общем евразийском развитии [2]. Все три гипотезы в момент появления имели под собой определенную доказательную базу.

Что касается первой гипотезы, то ряд радиоуглеродных дат, полученных Пекинской лабораторией для неолитических памятников, свидетельствовал в пользу сложения яншаоского неолита в центральных провинциях Китая. В данном случае наиболее сложным вопросом является проблема правомерности приложения метода датировки, разработанного в экспериментальной физике, непосредственно к материалам исторической науки.

Вторую гипотезу сформулировал П. Рейнеке в 1897 г. [3]. Она основывалась на исследовании материалов раннежелезного века Китая, для которых был характерен ряд специфических черт «скифских» культур, общих для памятников, распространенных от областей южной Германии, Австрии и Венгрии до долины Хуанхэ. Сопоставления, сделанные в ходе сравнения украшений, наборов конской сбруи, предметов вооружения и др., позволили выявить период формирования регулярных контактов между Китаем и западным миром в VII–V вв. до н.э. Особенно такие контакты стали очевидными после открытия в Центральной Туве памятника раннескифской культуры – кургана Аржан [4, 5]. Ряд находок указывал на существование контактов в период, предшествующий ханьским походам на Давань между V и II вв. до н.э. [6].

Третья гипотеза нашла подтверждение в большой серии форм оружия и инструментов, благодаря которым бронзовый век стал обсуждаться как время возможных контактов. Существуют две основные точки зрения по вопросу приоритетного положения в этих контактах. Даты сейминско-турбинских бронз, предложенные Н.Л. Членовой [7], решают вопрос в пользу приоритета Китая. Однако есть целый ряд типологических, исторических и военно-технических соображений, которые не позволяют признать Китай местом изобретения и первичного применения таких предметов вооружения, как фехтовальное втульчатое копье, боевой топор-кельт и др. Свидетельством этому может служить неоднородность техники металлообработки в Китае. Это говорит о ее длительном и постепенном заимствовании из различных источников. Предметы вооружения, выполненные в технике литья втульчатых орудий, оказываются в Китае представленными незначительным числом находок, тогда как в Сибири, Казахстане и других регионах Центральной Азии именно они составляют основную массу оружия. Эти исследования указывают на приоритетную роль центральноазиатских народов во взаимодействии с Китаем в бронзовом веке.

Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с народами Центральной Азии, поскольку именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования культур этих регионов или выявить явные черты взаимовлияний. Если предполагать, что культура Шан автохтонна, то следует ожидать, что на территории Китая этого и предшествующего периодов археологами будут обнаружены те следы постепенного эволюционного развития от неолита до бронзы, которые могли бы надежно связывать эту культуру с предшествовавшими. Однако, несмотря на большую работу, проделанную археологами, таких следов пока не найдено. Другими словами, на археологическом материале пока невозможно доказать, что развитая бронзовая металлургия эпохи Шан-Инь является целиком местным явлением, т.е. что бронза появилась в

Китае в результате только внутреннего развития его неолитических культур [9]. Археолог Ли Цзи, раскапывавший иньское городище в Сяотуни, считает, что иньская культура могла возникнуть в результате амальгамации местных неолитических культур и так называемых «протошанцев» [10. С. 21].

В начале 2 тыс. до н.э. недалеко от границ Китая (в Северной Индии, Центральной Азии, включая Южную Сибирь) уже существовали культуры бронзового века. Подавляющее большинство бронзовых культур Евразии зафиксировано археологией в уже сравнительно развитом виде. Это позволяет предположить, что в их появлении сыграли определенную роль взаимосвязи и взаимовлияния культур древнего мира. Распространение бронзовых культур на территории Евразии находилось в определенной степени зависимости от удаленности от ближневосточного центра – сначала бронза появилась в Месопотамии и Иране, затем в Египте, Северной Индии, в Средиземноморье, Европе и Центральной Азии. К началу 2 тыс. до н.э. культуры бронзового века господствовали уже на большей части Евразии от Средней Европы до Минусинской котловины. Данные археологии свидетельствуют о том, что процесс появления и развития металлургии (выплавки меди, а затем бронзы) протекал весьма медленно и долго. На Ближнем Востоке этот процесс занял примерно 3–4 тысячелетия [11].

На территории же самого Китая (в долине р. Хуанхэ) в это время господствовали культуры неолита, еще не знакомые ни с бронзой, ни даже с медью. Бронзовая культура Шан-Инь появляется в Китае в середине 2 тыс. до н.э. Допустимо предположить, что бронзовые изделия, сложившись и технологически, и эстетико-стилистически вне территории Китая, являлись инородным включением в древнюю культуру, которая продолжала в целом развиваться в неизменных (с учетом естественной эволюции) формах, обеспечивавших надежную этническую непрерывность [12. С. 154]. Все это позволяет говорить о значительных преобразованиях на грани начала бронзового века в Китае, а главное, видеть в художественных бронзах закономерный показатель перемен. Примером такого преобразования традиций может служить появление в иньское и раннечжоуское время колесниц, лошадей в качестве упряжных животных для колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов. Застежки поясов китайских воинов, так называемые поясные крюки, которые хронологически распределяются от среднего этапа Чуньцю до времени Западной Цзинь, аналогичны типичным колчанным крюкам, применявшимся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII–VI вв. до н.э. Однако в китайской традиции эти изделия дополняются типичными китайскими орнаментами, инкрустацией, нефритовыми вставками и становятся престижным видом воинского снаряжения. Первая повозка на сплошных колесах, сколоченных из трех досок, появилась в Шумере примерно в 5 тыс. до н.э., и вплоть до 3 тыс. до н.э. все известные археологии повозки изготавливались по такой же модели [13. С. 358]. Лишь позже на базе этой

повозки, служившей гужевым транспортом и запрягавшейся быками, зародилась боевая колесница с колесами на спицах. Эта колесница стала запрягаться одомашненными лошадьми, а воины-степняки (хетты, касситы, гиксосы и т.п.), видимо, были вначале ее основными «владельцами».

Колесницы впервые стали применяться китайцами в эпоху Инь, приблизительно в XIV–XII вв. до н.э. Они появились в иньское время внезапно, и им не предшествовали какие-либо местные формы колесного транспорта. Появление колесниц не было подготовлено самостоятельными техническими достижениями. Сбруйные и уздечные наборы, а также способ запряжки и управления лошадьми находят аналогии в ближневосточном и средиземноморском центрах древних цивилизаций [14. С. 278]. Поэтому можно предположить, что иньцы узнали о колеснице от своих соседей. В связи с этим большой интерес представляют находки петроглифов с изображениями колесниц в Гоби и Туве [15. С. 201]. Чжоусцы заимствовали колесницу у иньцев; поэтому чжоуские экземпляры, известные нам по раскопкам погребений, практически полностью аналогичны иньским. Появление колесниц связано непосредственно с проблемой использования упряжных животных, в частности лошадей. Исследования остеологического материала свидетельствуют, что непосредственно Китай не входит в зону интенсивного первоначального освоения лошади как транспортно-упряжного или предназначавшегося для верховой езды животного [16].

Сводки синьцзянских наскальных изображений колесниц были опубликованы П.М. Кожиным [17], Е.В. Избицер [18], Д.В. Черемисиным и О.В. Борисовой [19]. Общее число евразийских археологических находок повозок и колесниц приближается к двум тысячам. Однако эти изображения представлены в разной сохранности и скопированы с разной точностью. Поэтому делать окончательные выводы о специфических видах колесного транспорта и его технических особенностях на всех территориях его древнего распространения преждевременно. Вопрос о месте изобретения колесницы и этноязыковой среде, в которой она появилась, пока остается нерешенным. Вооружение редко может оставаться в пределах той среды, где оно изобретено и применено впервые: чем выше его эффективность, тем скорее его заимствуют ближайшие соседи. Можно лишь, руководствуясь наличным материалом, сделать вывод о том, что колесница изобретена в среде воинственных племен, располагавшихся на периферии древнего культурного мира ближневосточных цивилизаций, высокоорганизованная промышленность которых придавала их производству массовость и внесла в него технологическое и конструктивное совершенство [20; 21. С. 215]. В конечном итоге анализ синьцзянских наскальных изображений позволяет сделать вывод о том, что синьцзянско-внутреннемонгольский регион замыкает протяженность Великого евразийского колесничного пути, который сформировался в XVI–XV вв. до н.э. На территории Китая древние колесничные дороги выходят к западно-

му участку излучины Хуанхэ. Если добавить к этому, что запряженная лошадьми боевая колесница появилась в Китае через несколько веков после того, как она стала известна на Ближнем Востоке, что всеми своими деталями и элементами сбруи она была схожа с ее ближневосточными прототипами, что, как и у других народов, у иньцев она была предметом ритуального почитания [22. Р. 130], то едва ли можно оспаривать вывод В.Г. Чайлда о том, что колесница вместе с сопровождавшим ее бронзовым оружием пришла с Запада [23. С. 10, 12–13].

Таким образом, можно говорить о постоянном активном противоборстве между армиями аграрных государств и кочевым населением пояса пустынь, полупустынь и засушливых степей. А поскольку следов примитивных форм колеса или повозок в слоях китайского неолита не обнаружено и изучение остеологического материала свидетельствует о том, что ни в яншао, ни в Луншань лошадь еще не была одомашнена [24, 25], то становится ясно, что именно благодаря этому противоборству в материальную культуру были привнесены существенные нововведения. Появление лошадей в иньских и раннечжоуских колесницах в качестве упряжных животных, да и самих колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов не является еще само по себе указанием на глубинное проникновение лошади в этническую культуру древнекитайского земледельческого населения, а указывает на наличие интенсивных контактов кочевого и оседлого населения.

Заимствование с Запада и развитие на государственном уровне производства и широкомасштабного применения колесниц Китаем, обоснованное в работах В.Г. Чайлда, П.М. Кожина, Т.С. Пигготта и др. [14, 26–30], получило дополнительные подтверждения благодаря урало-казахстанским колесничным находкам бронзового века. Наиболее примечательно в них распространение прямоугольно-пластинчатых псалиев со вставными шипами, имитирующих металлические образцы и являющихся прообразами древнейших иньских пластинчато-трубчатых псалиев с центральным широким отверстием и шипами. В чжоускую эпоху колесницы становятся в китайской армии важным структурообразующим элементом, а количество колесниц определяет место в иерархии чжоуских царств.

Война и военное дело всегда играли важную роль в обществе. Материальную основу развития военного дела составляет набор вооружения – значительная и динамичная часть материальной культуры. Форма и украшение оружия, его количественное и качественное соотношение, способы применения определялись, с одной стороны, функциональным предназначением, а с другой – этническими и культурными традициями. Поскольку вооружение самым непосредственным образом связано с практической, специфического вида деятельностью, то различные усовершенствования внедрялись здесь сравнительно быстро и в значительном количестве, во всяком случае быстрее, чем в ритуальной практике. Более совершенные средства защиты и нападения давали, как правило, ощутимое преимущество в сражениях. От сте-

пени соответствия форм конкретных предметов вооружения своим функциям защиты или поражения зависела не только эффективность их употребления, но и само существование социального организма, в рамках которого они были созданы и нашли применение [31. С. 7]. Лучшие виды оружия нередко импортировались или брались в качестве образцов для местного производства. Поэтому изучение комплекса вооружения – одно из надежных средств, чтобы определить направление и объем контактов. Различные компоненты в оружейном комплексе, да еще в сочетании с другими признаками, позволяют предполагать культурную неоднородность населения изучаемого памятника. Это не только позволяет с большей точностью определить этапы собственно китайской истории, но и дает возможность датировать ряд вещей, распространенных на сопредельных территориях или проникавших в пределы древнекитайских государств в качестве импорта. Вместе с колесницей в Китае в эпоху Шан-Инь появилось множество развитых типов бронзового оружия – ножи, топоры, втульчатые наконечники копий и т.п. Все большую достоверность обретает и концепция о западном происхождении китайского бронзолитейного искусства (особенно литья в стандартные сложносоставные формы, части которых могли соединяться для разных отливок разными способами, благодаря чему на основе стандартных деталей получались достаточно большие наборы разнообразных изделий). Прделанное М. Лером тщательное изучение иньского бронзового оружия показало, что наиболее развитые типы его не имеют прототипов среди каменных орудий китайского неолита и морфологически восходят к более примитивным типам некитайского бронзового оружия Центральной Азии, Сибири и других районов Евразии [32]. Кроме того, изучение бронзовых ножей карасукского типа, которые прежде считались результатом китайского влияния в Сибири, показало, что влияние было обратным. Наиболее ранние типы карасукских ножей были сильно изогнуты, тогда как выпрямленные ножи и ножи с кольцевым навершием и навершием в виде головы животного («звериный стиль») относятся к наиболее поздним. Именно эти поздние карасукские бронзовые ножи были найдены в Аньяне и Чжэньчжоу (эти ножи не имеют китайских прототипов ни в камне, ни в бронзе). Некоторые из них, по словам С.В. Киселева, настолько похожи на карасукские, что он не взялся бы их различить [6. С. 259]. Еще более наглядно это видно на примере втульчатых орудий (кельты, наконечники копий), которые появились одновременно с колесницей и, как это явствует из специальных исследований, могли прийти только с Запада (в Юго-Восточной Азии кельты неизвестны) [23. С. 10, 12–13].

Важный памятник начала Чжоу в районе Пекина – могильник Байфу. Основываясь на географическом расположении памятника и значительном сходстве с могильником в Люлихэ (западнчжоуский могильник на территории современного района Фаншань на юго-западе Пекина), его можно датировать временем прав-

ления первых чжоуских ванов. Комплекс вооружения и колесничного снаряжения в Байфу отличается заметным своеобразием. Особый интерес в этом плане представляет могила № 2, где захоронена женщина. Могилы женщин-воительниц – исключительно редкое явление для культуры бронзового века Китая. Наиболее известный пример – могила Фу Хао [33]. Для многих предметов вооружения и сбури из Байфу характерны ярко выраженные «северные» черты, что свидетельствует о привлечении на воинскую службу представителей других племен. Возможно, именно с этими народами связаны оригинальные археологические памятники (главным образом могилы и подъемные находки), выявленные в северо-западной части Шаньси, северных районах Шаньси и Хэбэя, на всей территории Ордоса. Для них характерно наличие кинжалов и ножей карасукского облика с бубенчиковидными или зооморфными навершиями, втульчатых топоров, сравнительно больших ложек, которые могли использоваться в качестве украшений либо псалий. Как свидетельствуют раскопки в Байфу, указанная ситуация сохранялась и в раннечжоуское время. Аналогии многим северным бронзам ведут в Монголию, Сибирь и далее на запад [34. С. 149].

Важным примером, характеризующим наличие и устойчивость китайско-центральноазиатских контактов, являются «модели ярма», которые встречаются в археологических комплексах бронзового века Сибири, а также иньского и чжоуского Китая. На данный момент предназначение предмета не выяснено. Условным названием «модель ярма» удобнее всего охарактеризовать его внешний облик. Дискуссия по вопросу предназначения этого предмета приведена в работах М.П. Кожина и М.Д. Хлобыстиной [35. С. 30–32; 36. С. 188; 37]. В Сибири «модели ярма» встречаются редко, в погребениях Китая таких находок гораздо больше. Как правило, они входят в комплекты вооружения в захоронениях воинов. Если придерживаться наиболее аргументированного на данный момент мнения, что «модели» действительно входили в комплекс снаряжения воина-колесничного и крепились на поясе на манер пряжки, выполняя при этом функции брони, защищавшей живот, то можно сделать достаточно очевидный вывод, что часть населения Сибири и Китая имела определенные контакты и даже, возможно, заимствовала передовые на тот момент технологические достижения.

Таким образом, в свете исследований последних лет становится все более очевидной роль центральноазиатских и сибирских бронзовых культур в процессе генезиса культуры Шан-Инь. В Китае бронза появляется неожиданно и в развитых формах – здесь нет постепенного медленного развития бронзовой индустрии от последовательных опытов производства украшений к изготовлению металлического инструментария [21. С. 189]. Фактически сразу массово возникают ритуальные формы бронзовой посуды и вооружения [12; 38; 39]. Характерной особенностью этого периода стало использование в боевых действиях, в охоте и в ритуалах такого вида вооружения, как боевые колесницы с конной запряжкой

[40–43; 44. С. 22, 23]. Происхождение этих боевых колесниц связывается с распространением влияния ближневосточных культурных центров на восток. Боевая колесница с конной запряжкой была наиболее характерным видом вооружения ближневосточных государств 2 тыс. до н.э. От них колесничный транспорт быстро распространяется в среду кочевников в результате интенсивных столкновений на границах империй. Находки колесниц и их снаряжения характерны для памятников эпохи бронзы Поволжья, Зауралья, Сибири, Казахстана и др. Через кочевников традиция использования колесниц в боевых действиях приходит на Восток [14, 26, 27, 29, 47, 48]. Находки наскальных изображений колесниц в Синьцзяне и Внутренней Монголии доказывают эту гипотезу. Близкие стилистически рисунки выявлены в Синьцзяне [30. Рис. 7, 2], на Памире [28. С. 118, рис. Б-12], в индийском штате Мадхья-Прадеш [49].

В эпоху Шан-Инь в Китае появились и другие новшества – новые типы построек (дома-«дворцы», городские стены, могилы-мавзолеи), письменность, развитое изобразительное искусство (каменная скульптура в «зверином стиле»), наконец, принципиально иные виды культов и ритуалов, и в частности обычай совершать массовые человеческие жертвоприношения (умершего иньского правителя сопровождали в «лучший мир» многие сотни сопребенных). По мнению специалистов, в китайском неолите нет следов-зачатков этих элементов иньской культуры [10. С. 15]. Разумеется, это не означает, что некоторые из этих новшеств не могли появиться – пусть даже за очень короткий срок – в результате развития китайской цивилизации. Однако при этом заслуживают внимания два существенных момента. Во-первых, развитие каждого из отмеченных элементов культуры должно было занять не одну сотню лет, и при этом обязательно должны были в случае абсолютно автохтонного их появления и развития сохраняться какие-нибудь следы эволюции этих элементов от их ранних форм к тем, что зафиксированы в Инь. Однако явных следов этого пока нет. Во-вторых, все вышеперечисленные элементы иньской культуры появились в Китае значительно позже того времени, когда в ряде других культур бронзового века уже существовали аналогичные явления – и письменность, и крупные захоронения с человеческими жертвами, и сооружения – постройки методом утрамбовки земли, и схожие формы и приемы в искусстве [22. С. 129; 50. С. 6–7].

Также для нашего исследования важен вопрос о происхождении некоторых типов бронзовой ритуальной посуды шан-чжоуской эпохи. За последние десятилетия появилось немало публикаций, посвященных новым находкам котлов и разнообразных комплексов с котлами, много внимания было уделено изучению эпиграфических текстов на котлах [39, 51–53], открыты новые памятники, характеризующие процесс производства бронзовой ритуальной утвари. Особо важным остается вопрос о самих функциональных комплексах этой посуды и принципах их формирования. Наибольший интерес представляют для нас несколько типов такой посуды:

1. Прямоугольные в плане и профиле, напоминающие ящик, часто очень большие сосуды на четырех ножках, располагавшихся под плоским основанием по краям. Сосуды имели на противолежащих коротких сторонах массивные ручки-скобы. Сами ножки представляли собой скульптурные изображения голов крупных животных, видимо, быков, уткнувшихся носами в пол. Со временем скульптурная рельефность сглаживалась и оставался лишь геометрический орнамент, который быстро деградировал. До недавнего времени единственными евразийскими аналогиями этой форме сосудов оставались каменные жертвенники значительно более поздней скифо-савроматской эпохи. Глиняные «модельки» жертвенников, близких по форме и украшенным по боковым стенкам головами баранов и извивающимися змеями, обнаружены в могильнике «раннего бронзового века» в Юго-Западной Туркмении (могильник Пархай II) [54. С. 84–97, табл. 1, 3, 10, 17, 18, 23, 28–30, 32, 34, 42, 53, 56]. Естественно, здесь не может идти речь о прямом заимствовании китайских котлов из Западной Азии, но это первое ясное указание на наличие в Центральной Азии какой-то протокультуры, породившей как западную, так и восточную ветви развития этих изделий. В Каракумах в дельте и бассейне реки Мургаб открыты памятники новой вторичной цивилизации, тесно связанной постоянными контактами с основными синхронными культурами Древнего Востока от Сирии до Северной Индии [55].

2. Кувшинообразные высокие сосуды, либо плоскодонные, либо на поддоне, чаще всего снабженные барельефным или графическим изображением «масок тао-тэ». Некоторые из них имеют квадратное сечение в плане и сложную конструкцию верхней части крышки.

3. Горшковидные сосуды с невысокой расширяющейся к устью шейкой и туловом в виде приплюснутого шара могут иметь либо три ножки, либо невысокий поддон в виде квадратного ящичка. Форма ближе всего соответствует центральноазиатским и южносибирским сосудам, происходившим из культур «карасукского типа». Сами эти центральноазиатские изделия часто сопоставляются с инь-чжоускими изделиями [56. С. 119, 120; 57. С. 250, 251].

Факты показывают, что как карасукская культура в Южной Сибири, так и иньская в Китае частично уходят своими корнями в местные культуры (в бронзовые афанасьевскую и андроновскую в Сибири и в неолит в Китае). Между элементами в культуре Китая и Сибири, особенно в том, что касается типов бронзовых изделий и их орнамента («звериный стиль»), существовала несомненная генетическая общность. Таким образом, накопленные современной наукой данные дают веские основания считать, что в процессе генезиса бронзовой культуры и всей иньской цивилизации наряду с местными неолитическими культурами (яншао и луньшань) существенную роль сыграли культурные контакты и связи с другими народами. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в иньскую эпоху западные контакты были вполне сложившимися.

В последующие периоды бронзовой эпохи контакты

хуася с другими народами осуществлялись через племена, населявшие окраины Китая. Их история постоянно привлекает внимание отечественных археологов и востоковедов [58–61]. В VII в. до н.э. на Среднекитайскую равнину, в самое сердце этнической территории формирующейся общности древних китайцев, вторглись иноплеменники – ди [62. С. 179–184]. Первым из царств, непосредственно столкнувшимся с ди на северо-западных границах, было Цзинь¹. Политические события этого времени довольно подробно описаны в литературе [63. Р. 113–327]. Начиная с 20-х гг. VII в. до н.э. в источниках появляются упоминания о двух группах ди – «белых» западных и «красных» восточных. В VI в. до н.э. после военной победы Цзинь над ди начинается их постепенная ассимиляция. В V в. до н.э. часть «белых ди» перемещается на восток и основывает государство Чжуншань (Сяньюй). В отношении этнической принадлежности ди в науке сформировалось несколько мнений. Первого из них придерживался А. Масперо, который считал диго родственными древним китайцам и отличавшимися от них только уровнем культурного развития [64. С. 20]. Вторую точку зрения выразили Ф. Хирт и В. Эберхард, которые считали ди тюркоязычным народом [65. С. 209]. Третье мнение было высказано в одной из ранних работ Го Мо-жо. Обращая внимание на изменения в художественном стиле древнекитайских бронзовых изделий середины эпохи Чуньцю, Го Мо-жо видел в этом результат внешнего влияния скифского искусства. Поэтому он считал возможным, что в формировании этнической группы ди принимали участие скифы [66. С. 434]. Точка зрения Го Мо-жо находит подтверждение при последующих исследованиях археологических культур Северного Китая, где найдены следы скифской культуры. Племена кочевников ди появились на границах Китая как раз в тот период, когда в Евразии появились скифские народы в I тыс. до н.э. И именно к этому времени относится большое число предметов в «зверином стиле» в Северном Китае. В Ордо-се предметы скифского искусства были изучены Ю. Андерсоном [67]. Находки в Ордо-се и других смежных регионах локализуются в широкой зоне, примыкавшей с севера к территории царства Цзинь эпохи Чуньцю. Изменения, связанные с приходом племен ди, затронули практически все основные стороны этнической специфики древнекитайского этноса, наложив свой отпечаток на его язык, материальную и духовную культуру и, наконец, на его самосознание. Под воздействием интенсивных контактов с соседними народами существенно изменилась и внутренняя структура самой древнекитайской этнической общности.

Итак, в эпоху поздней бронзы на окраинах чжоуского конгломерата государств развивались самобытные культуры, которые поддерживали контакты с культурой Центральной равнины. Большое количество видов предметов, в частности оружия, создавались народами «варварской периферии» самостоятельно и, закрепленные традицией, оказали влияние на формирование комплексов вооружения последующих периодов [61; 68].

По границам чжоуских государств существовали широкие зоны «смешанных» культур, в рамках которых влияние хуася осуществлялось в одном ряду с другими культурными взаимодействиями. Характерный пример – культура верхнего слоя Сяцзядянь², где слились в едином комплексе традиции изготовления вооружения Центральной равнины, сибирско-ордосских степей и древнекорейских племен Ляонина. Следует, однако, учитывать, что культура верхнего слоя Сяцзядянь представляет собой лишь выдвинутую в контактную зону южную оконечность культурной общности, охватывавшей Ордос, Восточную Монголию и Забайкалье³. Географический ареал ее распространения – косвенное подтверждение справедливости гипотезы о том, что носителями культуры верхнего слоя Сяцзядянь были дунху, предки монгольских народов.

Культура верхнего слоя Сяцзядянь характеризуется относительной полнотой опубликованных и исследованных материалов. Инвентарь отличается значительным своеобразием. Исследование отдельных памятников культуры Сяцзядянь началось в середине XX в. К числу наиболее богатых находками относится раскопанная в 1963 г. могила № 101 у д. Наньшаньгэнь (уезд Нинчэн, провинция Ляонин). Погребальный инвентарь составляют ритуальные сосуды, оружие, орудия труда из бронзы, три золотых кольца, два каменных топора и различные изделия из кости. Среди бронзовых сосудов оказались изделия специфических форм, не известные на других памятниках. Так же смешан по характеру комплекс вооружения. Кинжалы, шлемы, наконечники стрел, накладки на ножны специфичны. Четыре кинжала близки к карасукским «выемчато-эфесовым». Еще два кинжала сочетают различные традиции. Точные аналогии этим предметам не известны, однако традиция украшать кинжалы изображениями животных примечательна для искусства кочевников северных степей [69. С. 89].

В 1958 г. в районе Наньшаньгэнь исследовалась могила со сходным инвентарем. Внутри при раскопках была найдена коллекция из 71 бронзового изделия. Для большинства из них характерно украшение зооморфными фигурами. Многие изделия оказались украшенными изображениями трех-четырех стоящих животных. Н.Л. Членова предлагает датировать этот комплекс временем около VI в. до н.э. [8. С. 64]. Однако, судя по инвентарю, эта могила по дате близка к погребению № 101. К тому же этапу относится наньшаньгэньская могила № 102. Вместе с костяком обнаружены бронзовые ножи, кельты, части сбруи (удила, обоймы, бляшки), одно зеркало и ряд других предметов. Интерес вызывает найденная в могиле костяная пластинка с резным рисунком, изображающим человека на лошади с луком в руке. Как считает А.В. Варенов, изображение такой лошади стилистически близко к изображениям на оленных камнях [70]. Наньшаньгэньские аналогии прослеживаются и на других памятниках в районе Чифэна и соседнего уезда Цзяньпин. Исследуя эти комплексы, ученые находят близкие аналогии в культуре плиточных могил из Восточной Монголии [71. С. 49–50].

Памятники верхнего слоя Сяцзядянь выделяют-ся своеобразной керамикой и изделиями из бронзы. В числе специфических бронзовых изделий можно назвать некоторые типы металлических сосудов, кельты с «веерообразным» лезвием, зеркала и зеркаловидные украшения, бляхи, изображающие животных и птиц. Большая часть предметов вооружения, найденных в погребениях (шлемы, кинжалы, наконечники копий), восходит к более ранним бронзовым изделиям северных народов. Примечательны украшения, выполненные в традициях «звериного стиля». В составе инвентаря прослеживается ряд элементов, сходных с одновременными находками на сопредельных территориях, что позволяет ставить вопрос о «смешанном» характере сяцзядяньских памятников [72, 73]. Эти особенности свидетельствуют о самобытном характере культуры верхнего слоя Сяцзядянь, которая сумела усвоить и переработать на собственной основе достижения других народов.

Археологические параллели для верхнего слоя Сяцзядянь прослеживаются среди позднебронзовых раннескифских культур Центральной Азии. Прежде всего следует отметить дворцовые памятники Восточного Забайкалья, которые можно включить в состав «карасукских по облику культур». С культурой верхнего слоя Сяцзядянь ее сближают длинные бронзовые ножи с упором для пальцев на рукояти, многоярусные бляшки, привески в виде ложечек или фигурок птиц с распластанными крыльями [74–76]. Такие же изделия отмечаются в коллекциях случайных находок Ордоса и Монголии. Важность их заключается в том, что они как бы объединяют воедино Дунбэй и Забайкалье [77, 78]. Это единство подчеркивается также тем, что изображения хищных птиц из рода орлов в отмеченной характерной позе (с распластанными крыльями) широко представлены на писаницах, обнаруженных в центральных и восточных аймаках МНР, в Бурятии и Читинской области [74, 79]. Определенное сходство в способе захоронения и в инвентаре прослеживается между верхним Сяцзядянь и культурой плиточных могил Восточного Забайкалья и Монголии⁴. Это относится к таким важным элементам, как триподы типа *ли*, некоторые формы ножей (особенно с ритмически повторяющимися фигурами людей или животных на рукояти), полусферические и ярусные бронзовые бляшки [81. С. 45; 82. С. 100–104; 83]. Для определения связей культуры на поздних ее этапах значительный интерес представляет погребение с двумя узкими кинжалами, «крылатым» копьем, зеркалом и некоторыми другими вещами, обнаруженными у сопки Известковой (Голубиной) в Приморье [84]. По вопросам этнической принадлежности культуры Сяцзядянь высказываются различные точки зрения. Одна из них заключается в том, что эта культура принадлежит племенам дунху. Антропологическое заключение, сделанное на основе анализа скелетных остатков из погребений и изображений на бронзовых изделиях, определяет, что носители культуры верхнего слоя Сяцзядянь являются классическими монголоидами, к которым отно-

сятся не только монгольские, но и многие тюркские народы. Более конкретным является замечание о форме прически, которая может быть существенным этноразличительным признаком. На упомянутых фигурках и рисунках у людей бритые головы, что отличается от прически как древних китайцев, укладывавших волосы на затылке с помощью шпилек, так и сюнну, носивших косу, но зато полностью соответствует обычаю ухуаней, считавших, «что бритье головы приносит облегчение и удобство» [85. С. 64]. В совокупности указанные выше моменты служат дополнительными, хотя и косвенными доказательствами в пользу дунхуской теории, которую в настоящее время разделяет большинство китайских археологов.

С.С. Миняев, проанализировав особенности погребальных сооружений и обряда, высказал мнение о «протосюннуской» принадлежности культуры верхнего слоя Сяцзянянь [86, 87]. Есть определенное сходство между погребениями рядовых сюнну и могилами представителей верхнесяцзяняньских племен, которое можно объяснить их принадлежностью к одному культурно-хозяйственному типу и взаимными контактами. Но не исключено также, что отдельные дунхуские группы приняли непосредственное участие в формировании сюннуского племенного союза [69. С. 89].

Комплекс вооружения – это один из разделов чжоуской культуры, в котором взаимные контакты отражались с наибольшей силой. Письменные источники сохранили сведения о военном деле позднего Чжоу, когда чжаоский Улин-ван организовал в своей армии кавалерийские отряды по образцу «варварских» и снабдил воинов соответствующим снаряжением и одеждой. Археология позволяет фиксировать подобные воздействия и в более раннее время. Поэтому изучение оружия способствует выявлению культурной специфики окраин чжоуского Китая и наглядно иллюстрирует соотношение общего и особенного в развитии этих районов по сравнению с конгломератом древнекитайских государств.

В 1985 г. Ван Жэньсян опубликовал сводную работу, посвященную «поясным крюкам», застежкам поясов специфичной формы, которые хронологически распределяются от среднего этапа Чуньцю до времени Западной Цзинь [88]. Большинство предметов – это типичные колчаные крюки, применявшиеся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII–VI вв. до н.э. Назначение этих типов крюков в том, что к ним крепился колчан, оружие или другое снаряжение на свисавшем на бедро всадника портупейном ремне. В китайской традиции это типичное снаряжение кочевника снабжается чжаньгоскими орнаментами, инкрустацией и нефритовыми вставками, что делает его престижным видом воинского костюма. Таким образом, для утверждения в китайской воинской культуре особых видов кочевого армейского снаряжения появляется достаточно надежный хронологический момент – вторая половина IV в. до н.э. [21. С. 63]. Другим примером могут служить поясные застежки в виде крюка на короткой пластине, применение которых в воинском костюме зарегистрировано циньской скульптурой. Эти пряжки-

крюки отличаются тем, что на пластине выполняется какая-нибудь горельефная, часто тематическая сцена. Аналогичные пряжки выявлены в воинском снаряжении европейского северосредиземноморского ареала. Они применяются и в снаряжении римских легионеров первых веков нашей эры [89]. Здесь для восточной и западной традиции очевидна общая основа в евразийской кочевой среде, вероятнее всего, связанной с племенами, локализованными в степных и горных районах Центральной Азии, т.е. в соответствии с китайской письменной традицией наиболее связанных с расселением юэджей [21. С. 64].

Находки из памятников, исследованных в провинции Ганьсу, свидетельствуют, что этот район представлял собой передаточную зону инфильтрации на юг культурных достижений народов центральноазиатского круга, в частности «звериного стиля» в искусстве [90]. Через Ганьсу продолжали осуществляться контакты и в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Однако связи осуществлялись тогда не столько «по горизонтали», сколько «по вертикали». Западный меридиональный путь (в рамках всей восточноазиатской области) продолжал исправно действовать и в последующие исторические периоды [91. С. 114–115].

В 2012 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (между р. Бортала и Джунгарскими воротами недалеко от границы Китая и Казахстана) найдено крупное поселение с захоронениями бронзового века. Радиоуглеродный анализ находок, проведенный центром CHRONO Университета Куинс, показал, что им от 3,7 до 3,9 тыс. лет. В центре поселения располагалась особым образом оформленная постройка. Внутри постройки обнаружены кости животных, уголь и погребка. По всей видимости, это могло быть ритуальным помещением. В 90 могилах были найдены человеческие останки, а также бронзовые и керамические изделия. На данный момент это единственный археологический памятник в Синьцзяне, где одновременно присутствуют сооружения для живых и мертвых [92].

Важным доказательством китайско-центральноазиатских культурных контактов бронзовой эпохи может служить находка группы из трех бронзовых сосудов в Яньчэне⁵. Более того, применив некоторые общие положения мифологии древнего мира, оказывается возможным исследовать их семантику [94]. Городище Яньчэн расположено в уезде Уцзин провинции Цзянсу, на расстоянии около 11,5 км от г. Чанжоу. Раскопки в Яньчэне были произведены еще в 1958 г. По мнению китайских археологов, на месте древних развалин находилась столица чжоуского удела Янь. Упоминание о расположении здесь города, относящегося к землям древнего яньского правителя (цзы), содержится в ханьском сочинении «Юэ цзюэшу». Замечание о том, что «уский ван захватил земли цзы, который подчинялся Юэ», приведено также в описании уезда [95. С. 40]. При расчистке внутреннего рва городища археологи обнаружили три деревянные лодки⁶, бронзовые предметы⁷ и много керамики, предположительно датируемые эпохой Чуньцю (772–

481 гг. до н.э.). Однако наибольший интерес вызывают найденные в том же слое в 150 м к северу от лодок бронзовые изделия, в особенности комплекс из трех вещей⁸. В основании группы находится блюдо «пань» на трех ножках. С одной стороны у «пань» оформлен короткий слив, с другой – плоская горизонтально расположенная ручка. Эти элементы, выполняя чисто функциональное назначение, вместе с тем придают блюду сходство с животным, причем слив выступает в качестве маленькой головки, а ручка – широкого хвоста. Из трех ножек две расположены «впереди», с обеих сторон от слива и на примерно равных от него расстояниях, а одна «сзади», как раз под ручкой. Все ножки слегка изогнуты и имеют утолщения («копыта») в нижней части. Внешние стенки блюда украшены узором.

Внутри блюда «пань» стоял сосуд «и», изображающий жертвенное животное («си и»). Сосуд опирается на массивный поддон. Края устья как бы отогнуты. Через все тулово проходит широкая полоса узора. С одной стороны сосуда расположена голова животного на выгнутой массивной шее, с другой – округлая вертикально расположенная ручка-хвост. У животного тупая, словно обрубленная морда, выпуклые глаза со зрачками, обозначенными лунками, и выгнутые полумесяцем острые рога. Аналогичные сосуды, хотя и выполненные в другой манере, широко представлены среди иньских и чжоуских бронз. Китайские исследователи интерпретируют их как «быков». Но по внешнему виду эти изделия больше напоминают улиток. При всем их различии как бык, так и улитка в мифологических сюжетах могут выступать в одном качестве – как хтонические персонажи.

Устье сосуда «си и» закрывало перевернутое блюдо «пань» с тремя колесиками. С одной стороны блюда на небольшом расстоянии друг от друга располагаются два изображения животных, скорее всего драконов, которые по форме напоминают угольники. Один конец такого угольника прикреплен к днищу «пань», а другой представляет собой голову животного, повернутую назад. На морде выделены глаза и ноздри, на шее изображена чешуя. Через вершины «угольников» проходила ось, на которую надевалось одно из трех колес. Два других колеса прикреплены с двух сторон блюда примерно на равных расстояниях от первого. Внешние стенки тулова блюда «пань» покрыты узором, который представляется близким так называемому «громовому узору» («лэй вэнь»), характерному для древнекитайских бронзовых сосудов. Уже сама по себе форма и не характерная для Китая конструкция изделия подчеркивают его определенно ритуальный характер. Колесо со спицами и изображение пары ездовых животных (драконов) свидетельствуют о связи «пань» Яньчэна с колесничной символикой. Прямых аналогий этим вещам на территории Китая нет. Гораздо шире изображения и модели колесниц распространены за пределами Китая, в культурах бронзового и раннего железного веков Евразии, в том числе среди петроглифов Средней и Центральной Азии. «Пань» на колесиках из Яньчэн близки различные типы сосудов с колесиками, которые часто встречаются

среди находок бронзового и раннего железного века на территории Европы и Передней Азии. К одной из наиболее ранних форм (конец 3 тыс. до н.э.) относится керамическая модель повозки с массивными сплошными колесами и кузовом в виде вазы из Будакалаш (Венгрия). Сочетание в модели сосуда и колеса сохраняется также в более позднее время. Характерны в этом отношении керамическая чаша (около XI–IX вв. до н.э.) из Канья (Венгрия), бронзовая повозка-котел из кургана X в. до н.э. в Пеккатель (Германия); бронзовый сосуд на четырехколесной платформе, найденный в районе Ганновера (Германия) и т.д. [96–100]. Прямым аналогом этим изображениям среди вотивных моделей является колесница из Трудхольма (Дания) [94. С. 55].

Таким образом, модель колесницы из Яньчэна не имеет аналогий среди археологических находок эпохи Чжоу. В большом количестве бронзовые и глиняные модели повозок появляются только с эпохи Хань. Однако их внешний облик и семантика существенно отличаются от находки из Яньчэна. Не менее важно, что бронзовая модель колесницы входит составной частью в комплекс изделий, которые вместе образуют сложную композицию, символизирующую, судя по всему, вселенную. Сложная семантика комплекса показывает, что ряд его аспектов с трудом объясняется при помощи одной только древнекитайской мифологии, но многое проясняется при обращении к мифологии индоевропейских народов. И хотя некоторые совпадения могут носить типологический характер и не обязательно свидетельствовать о заимствованиях с Запада, следует иметь в виду, что если для Китая эпохи бронзового века модели колесниц и их описания в текстах уникальны, то на Ближнем Востоке, в Европе и Центральной Азии такие модели, а также изображения чудесных повозок в петроглифах исчисляются десятками. Это обстоятельство говорит о том, что не только сам колесный транспорт, но и связанные с ним религиозные и мифологические представления были, вероятно, привнесены в Китай извне. Согласно одной из существующих точек зрения, и коневодство, и культ коня, и колесницы попали к китайцам через посредничество народов урало-алтайской языковой семьи. По мнению некоторых исследователей, роль связующего звена в таком процессе выполняли индоевропейцы-тохары [94. С. 64]. Однако вопрос о конкретных путях культурного заимствования по-прежнему остается открытым.

Таким образом, Северный Китай периода бронзового века следует считать своеобразной контактной зоной, где шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов. Исследование бронз подтверждает вывод об особом положении региона, который, как и ряд других уделов, входил в политическую систему древнекитайских государств, но значительно отличался от них в этническом плане и вплоть до Чжаньго не включался в сферу хуася [62. С. 279–283]. Древнекитайская культурная традиция явилась важным, но не единственным компонентом в становлении культуры народов этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В районе бассейна р. Фэнхэ.
- ² Эта культура получила свое название по одному из наиболее представительных памятников, открытых в окрестностях Чифэн.
- ³ Памятники культуры верхнего слоя Сяцзянь выявлены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй и Ляонин, а также в прилегающих районах Внутренней Монголии.
- ⁴ Д.Д. Нимаев настаивает на полном различии плиточников и носителей «культуры каменных ящиков Маньчжурии» [80].
- ⁵ Фотография верхнего из сосудов вынесена на обложку журнала «Вэнью» [93].
- ⁶ Лодки были выдолблены из одного ствола дерева. Одна из них экспонируется ныне в Нанкинском музее.
- ⁷ О бронзах Яньчэна упоминается в монографиях Чжэн Дэкуня и Чжан Гуанчжи [24. Р. 421, 422; 95. Р. 50].
- ⁸ Описание группы сосудов и анализ даются по [94].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашина Т.И.* Керамика культуры Яншао. История культуры востока Азии. Новосибирск : Наука СО, 1977. 168 с.
2. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М. : Наука, 1976. 327 с.
3. *Reinecke P.* Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythischen sibirischen Volkerkreises // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. XXXIX. B., 1897. S. 141–163.
4. *Грязнов М.П., Маннай-оол И.Х.* Окончание раскопок кургана Аржан // Археологические открытия, 1974. М., 1975. С. 196–198.
5. *Грязнов М.П.* Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 62 с.
6. *Киселев С.В.* Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 224–266.
7. *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 247 с.
8. *Членова Н.Л.* Карасукские кинжалы. М. : Наука, 1976. 104 с.
9. *Васильев Л.С.* Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь / VII МКАЭН. М. : Наука, 1964. С. 2–4.
10. *Li Chi.* The beginnings of Chinese civilization. Seattle : University of Washington Press, 1957.
11. *Karlgren B.* Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // BMFEA. 1945. № 17. P. 101–144.
12. *Кожин П.М.* Значение орнамента керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследования этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М. : Наука, 1981. С. 131–161.
13. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 382 с.
14. *Кожин П.М.* Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М. : Наука, 1977. С. 278–287.
15. *Вайнштейн С.И., Денисова Н.П.* Новые материалы по этнографии и археологии Тувы // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М. : Наука, 1975. С. 196–205.
16. *Yuan Jing, Flad R.* Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China // BMFEA. 2003. Vol. 75. P. 110–126.
17. *Кожин П.М.* Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э.: (происхождение и древняя история колесного транспорта). М., 1982. Депонировано ИНИОН АН СССР. № 13481 от 30.06.1983.
18. *Избицер Е.В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : Ин-т истории материаль. культуры, 1993.
19. *Черемисин Л.В., Борисова О.В.* Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. С. 129–134.
20. *Barbieri-Low A.* Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000–741 BC) // SPP. 2000. № 99.
21. *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М. : Форум, 2011. 368 с.
22. *Fairservis W.* The origins of oriental civilization. N.Y.: The New American Library, 1959.
23. *Childe V.G.* The socketed celt in upper Eurasia // Annual Report of the Institute of Archaeology of the University of London. L., 1954.
24. *Chang Kwan-chi.* Chinese prehistory in pacific perspective // Harvard journal of Asiatic studies. 1959. Vol. 22. P. 107–116.
25. *Jing Yuan, Flad R.* Research on Early Horse Domestication in China // Equids in Time and Space: Papers in Honour of Vera Eisenmann / Ed. M. Mashkour. Oxford : Oxbow, 2006. P. 124–131.
26. *Childe V.G.* The Diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnographisch – archaeologische Forschungen. B., 1954. Bd. 2. S. 1–17.
27. *Piggott T.S.* The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L. : Thames & Hudson, 1983. 272 p.
28. *Кожин П.М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука СО, 1987. С. 109–126.
29. *Raulwing P.* Horses, Chariot and Indo-Europeans // Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics. Budapest : Archaeolingua, 2000.
30. *Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. 156 с.
31. *Худяков Ю.С.* Археология Южной Сибири. Новосибирск : НГУ, 1985. 31 с.
32. *Loehr M.* Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1956.
33. *Кучера С.Р.* Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао) // X науч. конф. «Общество и государство в Китае» : тез. и докл. М. : Наука, 1979. Ч. 1. С. 207–218.
34. *Jettmar K.* Cultural and Ethnic Groups West of China // Asian Perspectives (Honolulu). 1985 (1981). Vol. 24. № 2.
35. *Кожин П.М.* К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Сб. МАЭ. Л., 1969. Т. 25. С. 30–32.
36. *Хлобыстина М.Д.* К изучению минусинских культовых древностей // СА. 1970. № 3. С. 186–193.
37. *Варенов А.В.* О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск : Наука, 1984. С. 42–51.
38. *Кучера С.* Китайская археология, 1965–1974: палеолит – эпоха Инь: находки и проблемы. М. : Наука, 1977. 268 с.
39. *Кожин П.М.* Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах // IX науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М. : Наука, 1978. С. 40–49.
40. *Кожин П.М.* Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 76–81.
41. *Кожин П.М.* Гобийская квадрига // СА. 1968. № 3. С. 35–42.
42. *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М. : Наука, 1985. С. 169–183.
43. *Кожин П.М.* Первые повозки // ВИ. 1986. № 7. С. 185–189.
44. *Кожин П.М.* Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи неолита – раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990.

45. Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Vienna; Munich : Verlag Herold, 1955.
46. Littauer M.A., Crowell J.H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979.
47. Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы : АйФ Казахстан, 1994. 267 с.
48. Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI – I вв. до н.э.). СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 528 с.
49. India Perspectives. Oct. 6. P. 12: URL: [http://indiadiplomacy.in/India Perspectives.aspx](http://indiadiplomacy.in/India%20Perspectives.aspx).
50. Godrich L.C. China earliest contacts with other parts of Asia. Canberra : The Australian National University, 1962.
51. Shaughnessy E.L. Sources of Western Zhou History inscribed bronze Vessels. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991.
52. Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М. : ИВ РАН, 1997. 198 с.
53. Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
54. Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. С. 84–97.
55. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions. 2007.
56. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. № 9. 364 с.
57. Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток : Дальнаука, 2007. 428 с.
58. Ларичев В.Е. Древние культуры Северного Китая // Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР. Т. 1. 1959. С. 75–95.
59. Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Т. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 63–73.
60. Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л. : Наука. 1972. 306 с.
61. Итс Р.Ф. Золотые мечи и колодки невольников. М. : Наука, 1976. 201 с.
62. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. : Наука, 1978. 342 с.
63. Legge J. The Chinese Classics. 2nd edition. 5 vols. Oxford: Clarendon, 1893–1895; rpt.: Taipei : SMC, 1991.
64. Maspero H. La Chine antique. P. : de Boccard, 1927.
65. Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400–300 B.C. Praha : Academia, 1971.
66. Го Мо-жо. Бронзовый век / пер. с кит. Г.А. Богданова, Ф.С. Быкова, Д-У. Исина, Лин-Кюн-И, Н.Ц. Мункуева; под ред. проф. Ян Хин-Шуна. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 457 с.
67. Andersson J.G. Selected Ordos Bronzes // BMFEA. 1933. № 5. P. 142–154.
68. Итс Р.Ф. Царство Дянь и его место в социальной и культурной истории // Историко-филологические исследования : сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада. М. : Наука, 1974. С. 344–357.
69. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск : Наука, 1988. 120 с.
70. Варенов А.В. К интерпретации наскальных изображений колесниц Центральной Азии. Новосибирск, 1983. (Препринт).
71. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор : Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
72. Броянский Д.Л. Дальний Восток и скифо-сибирское культурно-историческое единство // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово : КемГУ, 1979. С. 80–83.
73. Комиссаров С.А. Северокитайские бронзовые кинжалы чжоуского времени и проблема «смешанных» культур // XIII науч. конф. «Общество и государство в Китае» : тез. и докл. М. : Наука, 1982. Ч. 2. С. 36–37.
74. Кириллов И.И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово : Изд-во КемГУ, 1979. С. 136–139.
75. Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности : автореф. дис. ... д-р. ист. наук. Новосибирск, 1981.
76. Кириллов И.И., Кириллов О.И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : СО, 1985. С. 22–33.
77. Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. 1932. № 4. P. 221–317.
78. Киселев С.В. Монголия в древности // Изв. АН СССР. Сер. Истории и философии. 1947. Т. 4. С. 355–372.
79. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья : в 2-х ч. Ч. 2. Л. : Наука, 1970. 263 с.
80. Нимаев Д.Д. Этнический состав древнего населения Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – I-я половина I тыс. н.э.) // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 56–70.
81. Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М. : Наука, 1975. 135 с.
82. Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig : E.A. Seemann Verlag, 1980.
83. Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М. : Наука. 1981. С. 107–195.
84. Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА. 1960. № 3. С. 282–288.
85. Материалы по истории кочевых народов в Китае группы данху / пер., предисл. и ком. В.С. Таскина. М. : Наука, 1984. 486 с.
86. Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл. / Междунар. ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985. С. 70–78.
87. Миняев С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.
88. Ван Жэньсян. Обзор коллекции поясных крюков // КГСБ. 1985. Вып. 3.
89. Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.
90. Деопик Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и Средневековье. М. : Наука, 1979. С. 62–67.
91. Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М. : Наука, 1976. 298 с.
92. Материалы портала «Научная Россия»: URL: <http://scientificrussia.ru/articles/bronze-age-settlement>
93. Вэньу. 1959. № 4. (на кит. яз.).
94. Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцзо в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск : Наука, 1975. С. 52–66.
95. Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. 3: Chou China. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1963.
96. Foltiny S. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South-Eastern Europe // American Journal of Archaeology. 1959. Vol. 63. № 1. P. 53–58.
97. Bona I. Clay models on Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin // Acta Archaeologica Hungaricae. 1960. Vol. 12. P. 83–111.
98. Bichir Ch. Autour du Probleme des plus Anciens Modeles de Chariots Decouverts en Roumanie // Dacia. Nouvelle serie. 1964. Vol. VIII. P. 70–74.
99. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М. : Наука, 1974. 355 с.
100. Чередниченко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев : Наукова думка, 1976.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 декабря 2013 г.

THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIA IN THE BRONZE AGE (ACCORDING TO MATERIAL CULTURE)

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 67-79. DOI: 10.17223/15617793/380/11

Barinova Elena B. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Keywords: China; Central Asia; material culture; the Bronze Age.

The Bronze Age in China is important for studying the contacts between China and neighboring nations. This period allows clearly considering the formation of autochthonous cultures of these regions or identifying the features of contacts. If we assume that the culture of this period is autochthonous in China, we should expect that archaeologists can find traces of a gradual evolutionary development from the Neolithic to the Bronze Age. However, these traces have not been found yet. During the study, the role of Central Asia and Siberia in the process of the genesis of the Shang culture becomes apparent. By the beginning of the 2nd millennium BC the cultures of the Bronze Age already dominated in much of Eurasia from Europe to Minusinskaya hollow. China was dominated by the Neolithic culture then. The Bronze culture Shang appears in China in the middle of the 2nd millennium BC. It is possible that bronze was invented outside and then adopted in China. Another example of the penetration of new elements into the material culture of China is the appearance of chariots, horses as draft animals, their equipment, weapons of chariot fighters in the Yin time. Chariots were used for the first time in the 14th – 12th centuries BC in China. They appeared suddenly and they did not have any preceding local forms of wheeled transport. At the same time bridle sets as well as the way to control and harness horses are similar in the Middle East and in the Mediterranean centers of ancient civilizations. Therefore, we can assume that China learned about chariot from its neighbors. The complex of weapons is also a possible reliable means to determine the direction and number of contacts. Along with the chariot in China in the era of Shang there appeared many advanced types of bronze weapons – knives, axes, etc. The study of Yin bronze weapons showed that it dates back to the types of bronze products in Central Asia, Siberia, and other regions of Eurasia. In addition, the study of bronze knives of Karasuk type that had previously been considered as a result of Chinese influence in Siberia showed that the effect was contrariwise. So the modern science data give reason to believe that in the process of genesis of the bronze culture and civilization the contacts and relations with other nations played a significant role in forming of culture in the Yin period. Archaeological evidence suggests that these contacts were quite complicated. Finds from the monuments studied in Gansu Province indicate that this area was a transfer zone of infiltration of cultural achievements from the Central region into the Southern area. An example is the “animal style” in art. The contacts through Gansu continued in the Late Bronze Age – Early Iron Age.

REFERENCES

1. Kashina T.I. *Keramika kul'tury Yanshao. Istoriya kul'tury vostoka Azii*. Novosibirsk : Nauka SO, 1977. 168 p.
2. Vasil'ev L.S. *Problemy genezisa kitayskoy tsivilizatsii*. M. : Nauka, 1976. 327 p.
3. Reinecke P. Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythischen sibirischen Volkerkreises. *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XXXIX. B., 1897. P. 141-163.
4. Gryaznov M.P., Mannay-ool I.X. *Okonchanie raskopok kurgana Arzhan. Arkheologicheskie otkrytiya*, 1974. M., 1975. P. 196-198.
5. Gryaznov M.P. *Arzhan – tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni*. L. : Nauka, 1980. 62 p.
6. Kiselev S.V. Neolit i bronzovyy vek Kitaya. *SA*. 1960. No. 4. P. 224-266.
7. Chlenova N.L. *Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi*. M. : Nauka, 1972. 247 p.
8. Chlenova N.L. *Karasukskie kinzhaly*. M. : Nauka, 1976. 104 p.
9. Vasil'ev L.S. *Genezis drevnekitayskoy bronzy i etnokul'turnye svyazi* In'. *VII MKAEN*. M. : Nauka, 1964. P. 2-4.
10. Li Chi. *The beginnings of Chinese civilization*. Seattle : University of Washington Press, 1957.
11. Karlgrén B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. *BMFEA*. 1945. No. 17. P. 101-144.
12. Kozhin P.M. *Znachenie ornamentatsii keramiki i bronzovykh izdeliy Severnogo Kitaya v epokhi neolita i bronzy dlya issledovaniya etnogeneza. Etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii v drevnosti i srednie veka*. M. : Nauka, 1981. P. 131-161.
13. Chayld G. *Drevneyshiy Vostok v svete novykh raskopok*. M. : Izd-vo inostr. lit-ry, 1956. 382 p.
14. Kozhin P.M. *Ob in'skikh kolesnitsakh // Rannaya etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoy Azii*. M. : Nauka, 1977. P. 278-287.
15. Vaynshteyn S.I., Denisova N.P. *Novye materialy po etnografii i arkheologii Tuvy. Polevye issledovaniya Instituta etnografii*. 1974. M. : Nauka, 1975. P. 196-205.
16. Yuan Jing, Flad R. Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China. *BMFEA*. 2003. Vol. 75. P. 110-126.
17. Kozhin P.M. *Problemy istoriko-kul'turnykh i etnicheskikh kontaktov naseleniya Evrazii s IV tys. do n.e. po pervye veka n.e.: (proiskhozhdenie i drevnyaya istoriya kolesnogo transporta)*. M., 1982. Deponirovano INION AN SSSR. № 13481 ot 30.06.1983.
18. Izbitser E.V. *Pogrebeniya s povozkami stepnoy polosy Vostochnoy Evropy i Severnogo Kavkaza III–II tys. do n.e. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. SPb. : In-t istorii material. kul'tury, 1993.
19. Cheremisin L.V., Borisova O.V. *Kolesnyy transport v naskal'nykh izobrazheniyakh Sin'tsyzana i Vnutrenney Mongolii. Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy*. Vyp. 2: Gorizonty Evrazii. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1999. P. 129-134.
20. Barbieri-Low A. *Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000–741 BC)*. *SPP*. 2000. No. 99.
21. Kozhin P.M. *Kitay i Tsentral'naya Aziya epokhi Chingiskhana: problemy paleokul'turologii*. M. : Forum, 2011. 368 p.
22. Fairervis W. *The origins of oriental civilization*. N.Y. : The New American Library, 1959.
23. Childe V.G. *The socketed celt in upper Eurasia. Annual Report of the Institute of Archaeology of the University of London*. L., 1954.
24. Chang Kwan-chi. *Chinese prehistory in pacific perspective. Harvard journal of Asiatic studies*. 1959. Vol. 22. P. 107-116.
25. Jing Yuan, Flad R. *Research on Early Horse Domestication in China // Equids in Time and Space: Papers in Honour of Vera Eisenmann*. Ed. M. Mashkour. Oxford : Oxbow, 2006. P. 124-131.
26. Childe V.G. *The Diffusion of Wheeled Vehicles. Ethnographisch – archaeologische Forschungen*. V., 1954. Bd. 2. P. 1-17.
27. Piggott T.S. *The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea*. L. : Thames & Hudson, 1983. 272 p.
28. Kozhin P.M. *Kolesnichnye syuzhety v naskal'nom iskusstve Tsentral'noy Azii. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii*. Novosibirsk : Nauka SO, 1987. P. 109-126.
29. Raulwing P. *Horses, Chariot and Indo-Europeans/ Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics*. Budapest : Archaeologia, 2000.

30. Khudyakov Yu.S., Komissarov S.A. Kochevaya tsivilizatsiya Vostochnogo Turkestana. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2002. 156 p.
31. Khudyakov Yu.S. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. Novosibirsk : NGU, 1985. 31 p.
32. Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1956.
33. Kuchera S.R. Nekotorye voprosy kul'tury Kitaya v epokhu In' (po materialam, naydennym v mogile Fu Khao). *Kh. nauch. konf. «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»* : tez. i dokl. M. : Nauka, 1979. Ch. 1. P. 207-218.
34. Jettmar K. Cultural and Ethnic Groups West of China. *Asian Perspectives (Honolulu)*. 1985 (1981). Vol. 24. No. 2.
35. Kozhin P.M. K voprosu o proiskhozhdenii in'skikh kolesnits. *Kul'tura narodov zarubezhnoy Azii i Okeanii*. Sb. MAE. L., 1969. V. 25. P. 30-32.
36. Khlobystina M.D. K izucheniyu minusinskikh kul'tovykh drevnostey. *SA*. 1970. No. 3. P. 186-193.
37. Varenov A.V. O funktsional'nom prednaznachenii «modeley yarma» epokhi In' i Chzhou. *Novoe v arkheologii Kitaya. Issledovaniya i problemy*. Novosibirsk : Nauka, 1984. P. 42-51.
38. Kuchera S. Kitayskaya arkheologiya, 1965–1974: paleolit – epokha In': nakhodki i problemy. M. : Nauka, 1977. 268 p.
39. Kozhin P.M. Ob in'skikh i chzhouskikh bronzovykh ritual'nykh kotlakh // IX nauch. konf. «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Ch. 1. M. : Nauka, 1978. P. 40-49.
40. Kozhin P.M. Knosskie kolesnitsy. *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta*. M., 1966. P. 76-81.
41. Kozhin P.M. Gobiyskaya kvadriga. *SA*. 1968. No. 3. P. 35-42.
42. Kozhin P.M. K probleme proiskhozhdeniya kolesnogo transporta. *Drevnyaya Anatoliya*. M. : Nauka, 1985. P. 169-183.
43. Kozhin P.M. Pervye povozki. *VZ*. 1986. No. 7. P. 185-189.
44. Kozhin P.M. Etnokul'turnye kontakty na territorii Evrazii v epokhi neolita – rannego zheleznogo veka (paleokul'turologiya i kolesnyy transport) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 1990.
45. Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Vienna; Munich : Verlag Herold, 1955.
46. Littauer M.A., Crouwel J.N. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979.
47. Novozhenov V.A. Naskal'nye izobrazheniya povozok Sredney i Tsentral'noy Azii (k probleme migratsii naseleniya stepnoy Evrazii v epokhu eneolita i bronzы). *Almaty : AIF Kazakhstan*, 1994. 267 p.
48. Nefedkin A.K. Boevye kolesnitsy i kolesnichie drevnikh grekov (XVI – I vv. do n.e.). SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 528 p.
49. India Perspectives. Oct. 6. P. 12: URL: [http://indiadiplomacy.in/India Perspectives.aspx](http://indiadiplomacy.in/India%20Perspectives.aspx).
50. Godrich L.C. China earliest contacts with other parts of Asia. Canberra : The Australian National University, 1962.
51. Shuangshou E.L. Sources of Western Zhou History inscribed bronze Vessels. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991.
52. Kryukov V.M. Ritual'naya kommunikatsiya v drevnem Kitae. M. : IV RAN, 1997. 198 p.
53. Kryukov V.M. Tekst i ritual. Opyt interpretatsii drevnekitayskoy epigrafiki epokhi In'-Chzhou. M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2000. 464 p.
54. Khlopov I.N. Epokha bronzы Yugo-Zapadnogo Turkmenistana. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. P. 84-97.
55. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions. 2007.
56. Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. *MIA*. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949. No. 9. 364 p.
57. Kozhin P.M. Etnokul'turnye kontakty naseleniya Evrazii v eneolite – rannem zheleznom veke (paleokul'turologiya i kolesnyy transport). *Vladivostok : Dal'nauka*, 2007. 428 p.
58. Larichev V.E. Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya // Dal'nevostochnyy filial Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. V. 1. 1959. P. 75-95.
59. Larichev V.E. O proiskhozhdenii kul'tury plitochnykh mogil Zabaykal'ya // *Arkheologicheskii sbornik*. V. 1. Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1959. P. 63-73.
60. Its R.F. Etnicheskaya istoriya yuga Vostochnoy Azii. L. : Nauka. 1972. 306 p.
61. Its R.F. Zolotye mechi i kolodki nevol'nikov. M. : Nauka, 1976. 201 p.
62. Kryukov M.V., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. Drevnie kitaytsy: problemy etnogeneza. M. : Nauka, 1978. 342 p.
63. Legge J. The Chinese Classics. 2nd edition. 5 vols. Oxford: Clarendon, 1893–1895; rpt.: Taipei : SMC, 1991.
64. Maspero H. La Chine antique. P. : de Boccard, 1927.
65. Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400–300 V.C. Praha : Academia, 1971.
66. Go Mo-zho. Bronzovyy vek. Per. s kit. G.A. Bogdanova, F.S. Bykova, D-U. Isina, Lin-Kyun-I, N.Ts. Munkueva; pod red. prof. Yan Khin-Shuna. M. : Izd-vo inostr. lit., 1959. 457 p.
67. Andersson J.G. Selected Ords Bronzes. *BMFEA*. 1933. No. 5. P. 142-154.
68. Its R.F. Tsarstvo Dyan' i ego mesto v sotsial'noy i kul'turnoy istorii. *Istoriko-filologicheskie issledovaniya* : sb. st. pamyati akad. N.I. Konrada. M. : Nauka, 1974. P. 344-357.
69. Komissarov S.A. Kompleks vooruzheniya drevnego Kitaya. Epokha bronzы. Novosibirsk : Nauka, 1988. 120 p.
70. Varenov A.V. K interpretatsii naskal'nykh izobrazheniy kolesnits Tsentral'noy Azii. Novosibirsk, 1983. (Preprint).
71. Volkov V.V. Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Severnoy Mongolii. Ulan-Bator : Izd-vo AN MNR, 1967. 148 p.
72. Brodyanskiy D.L. Dal'nii Vostok i skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii «Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva»*. Kemerovo : KemGU, 1979. P. 80-83.
73. Komissarov S.A. Severokitayskie bronzovye kinzhaly chzhouskogo vremeni i problema «smeshannykh» kul'tur. *XIII nauch. konf. «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»* : tez. i dokl. M. : Nauka, 1982. Ch. 2. P. 36-37.
74. Kirillov I.I. Obraz ptitsy v iskusstve plemen dvortsovoy kul'tury bronzovogo veka Vostochnogo Zabaykal'ya. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii «Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva»*. Kemerovo : Izd-vo KemGU, 1979. P. 136-139.
75. Kirillov I.I. Vostochnoe Zabaykal'e v drevnosti : avtoref. dis. ... d-r. ist. nauk. Novosibirsk, 1981.
76. Kirillov I.I., Kirillov O.I. Novye dannye o kul'turno-istoricheskikh kontaktakh vostochno-zabaykal'skikh plemen v epokhu bronzы. *Drevnee Zabaykal'e i ego kul'turnye svyazi*. Novosibirsk : SO, 1985. P. 22-33.
77. Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style. *BMFEA*. 1932. No. 4. P. 221-317.
78. Kiselev S.V. Mongoliya v drevnosti. *Izv. AN SSSR. Ser. Istoriya i filosofiya*. 1947. V. 4. P. 355-372.
79. Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Zabaykal'ya : v 2-kh ch. Ch. 2. L. : Nauka, 1970. 263 p.
80. Nimaev D.D. Etnicheskii sostav drevnego naseleniya Tsentral'noy Azii (konets I tys. do n.e. – I-ya polovina I tys. n.e.). *Issledovaniya po istoricheskoy etnografii mongol'skikh narodov*. Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1986. P. 56-70.
81. Grishin Yu.S. Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Vostochnogo Zabaykal'ya. M. : Nauka, 1975. 135 p.
82. Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig : E.A. Seemann Verlag, 1980.
83. Grishin Yu.S. Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaykal'ya. M. : Nauka. 1981. P. 107-195.
84. Okladnikov A.P., Shavkunov E.V. Pogrebenie s bronzovymi kinzhalami na r. Maykhe (Primor'e). *SA*. 1960. No. 3. P. 282-288.
85. Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae gruppy dankhu. Per., predisl. i kom. V.S. Taskina. M. : Nauka, 1984. 486 p.
86. Minyaev S.S. K probleme proiskhozhdeniya syunnu. *Inform. byul. Mezhdunar. assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii*. Vyp. 9. M., 1985. P. 70-78.

87. Minyaev S.S. Ischeznuvshie narody. Syunnu. *Priroda*. 1986. No. 4. P. 42-53.
88. Van Zhen'syan. Obzor kollektsii poyasnykh kryukov. *KGSB*. 1985. Vyp. 3.
89. Novichenkova N.G. Rimskoe voennoe snaryazhenie iz svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo. *VDI*. 1998. No. 2. P. 51-67.
90. Deopik D.V. Vsadnicheskaya kul'tura v verkhov'yakh Yantszy i vostochnyy variant "zverinogo stilya". Kul'tura i iskusstvo narodov Sredney Azii v drevnosti i Srednevekov'e. M. : Nauka, 1979. P. 62-67.
91. Chesnov Ya.V. Istoricheskaya etnografiya stran Indokitaya. M. : Nauka, 1976. 298 p.
92. Materialy portala «Nauchnaya Rossiya»: URL: <http://scientificrussia.ru/articles/bronze-age-settlement>
93. Ven'u. 1959. No. 4. (na kit. yaz.).
94. Evsyukov V.V., Komissarov S.A. Bronzovaya model' kolesnitsy epokhi Chun'tsyu v svete sravnitel'nogo analiza kolesnichnykh mifov. *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v Srednie veka*. Red. V.E. Larichev. Novosibirsk : Nauka, 1975. P. 52-66.
95. Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. 3: Chou China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1963.
96. Foltiny S. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South-Eastern Europe. *American Journal of Archaeology*. 1959. Vol. 63. No. 1. P. 53-58.
97. Bona I. Clay models on Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin. *Acta Archaeologica Hungaricae*. 1960. Vol. 12. P. 83-111.
98. Bichir Ch. Autour du Probleme des plus Anciens Modeles de Chariots Decouverts en Roumanie. *Dacia. Nouvelle serie*. 1964. Vol. VIII. P. 70-74.
99. Mongayt A.L. Arkheologiya Zapadnoy Evropy. Bronzovyy i zheleznyy vek. M. : Nauka, 1974. 355 p.
100. Cherednichenko N.N. Kolesnitsy Evrazii epokhi pozdney bronzy. Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy. Kiev : Naukova dumka, 1976.

Е.И. Красильникова

ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НОВОСИБИРСКА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (КОНЕЦ 1919 – НАЧАЛО 1941 Г.)

Статья посвящена истории старых кладбищ Новосибирска в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Автор уточняет их местонахождение и внешний облик, называет могилы наиболее интересных людей на этих кладбищах; характеризует отношение местных органов советской власти 1920–1930-х гг. к историческому некрополю города. Особое внимание уделено разрушению «почетного» дореволюционного кладбища – Воскресенского погоста. Определена специфика исторической судьбы новосибирского некрополя в межвоенное время.

Ключевые слова: некрополь; кладбище; коллективная память; политика памяти.

История Новосибирска (до 1926 г. Новониколаевск) насчитывает всего 120 лет. Однако уже в середине XX в. этот город стал крупным мегаполисом с населением более чем 1 млн человек. Особое географическое положение, а также высокие темпы экономического и демографического роста сформировали в Новосибирске своеобразную городскую среду. Особый интерес представляет история новосибирского некрополя, под которым мы понимаем сочетание захоронений (включая места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ [1. С. 141]. Кладбища – это наиболее традиционные и актуальные для жителей провинциальных городов России памятные места; это «узловые» элементы городской среды, связанные с духовной жизнью населения. Они призваны фиксировать, хранить и транслировать коллективную память о значимых для сообщества персонах и событиях. Отдельные могилы неотделимы от локального и общенационального компонентов исторической памяти горожан, большинство же захоронений помогает закреплять и хранить коллективную память семей и других малых социальных групп.

На сегодняшний день опубликован ряд исследований, посвященных истории ныне существующих и уже «исчезнувших» кладбищ Новосибирска, а также мемориальному комплексу на братской могиле жертв Гражданской войны, который расположен в центре Новосибирска [2–5 и др.]. Однако, на наш взгляд, важно уделить более пристальное внимание истории новосибирского некрополя на этапе между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Именно тогда было разрушено старейшее Воскресенское кладбище, а вместе с ним утрачена память о сотнях людей, многие из которых по праву могут считаться основателями Новосибирска. В указанный период страна пережила колоссальный духовный надлом, резко изменилось отношение власти и общества к старым кладбищам и иным памятным местам.

Автор статьи ставил перед собой ряд задач. Во-первых, выяснить, какие именно гражданские кладбища действовали в Новосибирске в конце 1919 – первой половине 1941 г. Во-вторых, определить, в какой мере на этом этапе сохранялись дореволюционные традиции устройства городских кладбищ, привносились

ли советской властью традиции, ею изобретенные. В-третьих, объяснить, как осуществлялось влияние на состояние новосибирского некрополя социально-экономических контекстов и политики памяти государства. В-четвертых, определить специфичные характеристики исторической судьбы новосибирского некрополя на фоне судеб некрополей других городов Западной Сибири 20–30-х гг. XX в.

В межвоенные годы в Новосибирске функционировало три кладбища. Первое и старейшее из них – Воскресенское – было открыто на кабинетских землях в 1896 г. по просьбе жителей Новониколаевского поселка (статус безуездного города этот населенный пункт получил только в 1903 г.). К середине указанного 1896 г. в Новониколаевском поселке уже проживало более 8 тыс. человек, потребность в наличии кладбища стояла остро, поскольку новониколаевцы были вынуждены пользоваться погостами окрестных деревень [6. Л. 2]. Первое кладбище города со временем стали называть «Старое городское». В 1907 г. согласно православной традиции построили и освятили кладбищенскую Воскресенскую церковь [7. С. 33]. По названию церкви с этой поры именовали и погост. К середине первого десятилетия XX в. в прессе и на уровне городского самоуправления стал обсуждаться вопрос о закрытии Старого кладбища [8, 9 и др.]. К этому времени по причине активной застройки территории, выделенной Новониколаевску, Воскресенское кладбище оказалось практически в центре. На соседних улицах строили кирпичные особняки местные богачи, не желавшие соседства их усадеб с кладбищенской ледянкой, наполненной мухами. Соседство с кладбищем местные жители считали неблагоприятным с санитарной и эстетической точек зрения. Полиция указывала на то, что кладбище является местом сходов преступников. После продолжительных дебатов кладбище частично закрыли, сохранив небольшой погост возле церкви для погребения усопших священнослужителей и состоятельных людей, заранее «выкупивших места на кладбище». Этот погост был окончательно ликвидирован приблизительно в 1924 г.

В 1911 г. официально открылись два новых кладбища, находившихся за пределами городской черты. Одно, располагавшееся по Каменской дороге за Граничной

улицей, получило название «Новое городское» (известно как «Успенское»). Его планировали открыть в 1906 г. Уже в 1907 г. здесь неофициально появился небольшой могильник, который стали называть «Старое русское кладбище». Второе кладбище открыли на окраине Закаменской части города, на меже надела крестьян деревни Усть-Ини [4. С. 352]. По местоположению его называли «Закаменское». Воскресенский погост в канун военно-революционных потрясений, несомненно, являлся элитной частью новониколаевского некрополя. Видимо, близ Воскресенской церкви были упокоены останки местных дворян (Абариновы [10. Л. 286 об.; 11. Л. 347; 415 об. и др.], Байковы [11. Л. 281; 12. Л. 112 об. и др.], Е.П. Вержбицкая [13. Л. 417 об.], А.И. Жалиховский [14. Л. 227 об.], И.Н. Самойлов [15. Л. 208 об.], В.С. Соколовская [15. Л. 250], В.А. Чуфаровский [15. Л. 239] и др.), почетных граждан и их детей (А.П. Виноградова [11. Л. 283 об.], Б.В. Гаврилов [11. Л. 251 об.], А.А. Добронравов [15. Л. 208 об.], известная благотворительной деятельностью Е.И. Жернакова [16. Л. 343 об.], А.А. Луканина [15. Л. 267 об.] и др.), купцов (Ф.И. Машинский [17. Л. 301 об.], А.Ф. Смирнов [11. Л. 344.], А.И. Суриков [15. Л. 293 об.]; К.А. Туркин [11. Л. 236 об.] и др.), духовных лиц (заштатный псаломщик П.П. Смолин [18. Л. 157], священник Александро-Невского собора В.И. Флоринский [19. Л. 126 об.] и др.). Однако в первые два десятилетия существования города здесь были также погребены останки многочисленных крестьян и мещан – выходцев чуть ли не из всех губерний Российской империи. Это объясняется тем, что в Новониколаевске не было коренного населения, его «первожителями» становились строители моста через Обь, железнодорожные рабочие, мелкие предприниматели, рассчитывавшие на хорошие заработки в быстро развивавшемся городе – транспортном узле, крестьяне-переселенцы, многочисленные криминальные элементы и др.

Новое городское кладбище, которое также быстро заполнялось, в первое десятилетие XX в. изначально использовали преимущественно люди «низкого» социального происхождения, однако и здесь появлялись могилы дворян (П.В. Вельможин [20. Л. 147 об.], Е.Я. Пучеглазов [21. Л. 148 об.; 22], М.П. Русанов [19. Л. 128 об.] и др.) и купеческие могилы (И.Т. Суриков [20. Л. 164], А.Н. Удадова [20. Л. 130 об.], А.П. Корнилова [20. Л. 153 об.] и др.). Также имелись захоронения людей, внесших вклад в социальное развитие Новониколаевска (например, первые городские врачи В.Ф. Сосунов [20. Л. 155] и В.И. Масман [20. Л. 168]). С началом Первой мировой войны Новое кладбище стало также местом погребения воинов, умерших от ран в лазаретах Новониколаевска, и беженцев из западных губерний Российской империи, попавших в зону боевых действий. Закаменское кладбище, расположенное на окраине беднейшей части города, использовалось преимущественно малообеспеченным местным населением – вчерашними крестьянами, чернорабочими, грузчиками, мелкими кустарями. Здесь также имелось немало захоронений мещан, перебравшихся в Новониколаевск из Кольвани.

Контингент лиц, нашедших упокоение на этом кладбище в 20–30-х гг. XX в., изменился не существенно.

В 1908 г. городская управа Новониколаевска выделила также участок под Магометанское (Татарское, или Узбекское) кладбище близ Татарской слободы (место современной ул. Татарской и Татарского спуска) [2. С. 175]. Мы не располагаем данными о дореволюционных магометанских погребениях, однако, вероятно, контингент захороненных здесь людей не особенно отличался от контингента 1920-х гг.: чернорабочие, мелкие торговцы, домашние хозяйки.

В период Гражданской войны новониколаевские кладбища существенно выросли: они заполнялись могилами многочисленных беженцев, красноармейцев и белогвардейцев, а осенью–зимой 1920 г. – захоронениями бесчисленных жертв эпидемии тифа, выкосившей половину населения города. В результате на улицах города, в санитарных вагонах на вокзале, в помещениях, переоборудованных под «ледянки», и на территории кладбищ оказались брошенными десятки тысяч погибших, из которых лишь часть была опознана [23. С. 103–107]. Созданной в городе после отступления армии А.В. Колчака Чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом стоило неимоверных усилий «очистить» Новониколаевск от трупов, которые кремировались в наспех оборудованных печах на бывшем кирпичном заводе и предавались земле на кладбищах города в братских могилах [2. С. 103–104]. Несомненно, 1919–1921 гг. стали временем острейшего кризиса культуры погребения и памяти как в Новониколаевске, так и во всей Сибири. Видимо, пошатнулось традиционное восприятие самого кладбища как святого места. Теперь оно ассоциировалось с «кучами» трупов, тифозной заразой и гуманитарной катастрофой, в которой вынуждены были выживать любой ценой десятки тысяч человек.

Помимо Старого, Нового, Закаменского и Магометанского кладбищ метрические книги и книги записей актов гражданских состояний, относящиеся к началу 1920-х гг., фиксируют названия кладбищ, которые трудно идентифицировать. В их числе Гарнизонное, Дальнее и Братское. Возможно, под «Гарнизонным» подразумевается участок, отведенный под воинские захоронения на Закаменском или Новом городском кладбище. Вероятно и то, что на территории военного городка в условиях тифозного мора возникло еще одно отдельное кладбище. Под Братским кладбищем может подразумеваться участок, отведенный под братские могилы. Что такое «Дальнее» кладбище, ответить вообще очень сложно. Возможно, подразумевается Старое кладбище. Упоминается в документах и «Солдатское» кладбище. Возможно, это то же самое, что и Гарнизонное кладбище, а может быть, речь идет о воинских кварталах на одном из кладбищ Новониколаевска. Стоит уточнить и то, что Новое городское кладбище в эти годы иногда именовали «Ипподромское» (по названию района его расположения), а иногда – «Центральное». В 1930-е гг. появилось еще одно название – «Молоковское» (от прилегавшей к кладбищу улицы Молоковской, названной в

честь героя Советского Союза летчика В.С. Молокова, посетившего Новосибирск в 1935 г. [24]). Между улицами Вагановской и Ломоносова сохранялось и увеличившееся Магометанское кладбище, территория которого доходила до Вагановского разлива (оврага).

В период хозяйственной разрухи едва ли можно говорить о попытках наведения порядка на кладбищах, пришедших в глубокое запустение. По понятным социально-политическим причинам многие могилы оказались брошенными, территория гражданских кладбищ никем не облагораживалась. В 1920 г. деревья Старого кладбища вырубались по причине острого дровяного кризиса. Работы, нацеленные на благоустройство, начались лишь с 1924 г. Новое и Закаменское кладбища вновь огораживались, с их территории удалялись засохшие деревья, прокладывались центральные аллеи [25. Л. 6]. В соответствии с дореволюционной традицией сохранялись признаки деления кладбищ на кварталы по конфессиональному признаку. Старое кладбище состояло из Православного, Католического, Протестантского (Лютеранского), Иудейского (Еврейского) и Магометанского. Здесь же существовало и небольшое Холерное кладбище (кварталы № 140, 142, 152, 153). План города Новониколаевска 1923 г. также отражает и зонирование Нового кладбища, в состав которого входили: «Старое русское кладбище 1907 г.», участки Холерного, Еврейского, Католического (Польского), Магометанского, Лютеранского, Старообрядческого, Баптистского (Евангелического) кладбищ, располагавшихся на правой стороне. По левой стороне размещалось Военное кладбище, братские могилы и шесть больших кварталов Православного кладбища [26. Л. 3]. Закаменское кладбище в период разрухи утратило свою упорядоченность и требовало уточнения плана, а также очистки. Несомненно, на его удручающем состоянии сказалась близость переполненного незахороненными трупами Военного городка, который находился в нескольких минутах ходьбы, соответственно, именно на Закаменское кладбище удобнее всего было доставлять подводы с мертвецами во время тифозной эпидемии. В 1923 г. здесь вновь четко обозначили места под Православное, Лютеранское, Еврейское, Католическое, Военное кладбище, оставили в плане и резервные земли. Как и до революции, территория кладбищ ранжировалась «по разрядам», или «поясам». Согласно таксе 1927 г. лучшие места на Новом кладбище, относившиеся к первому поясу (ближе к церкви), стоили 5 руб., худшие места в шестом поясе выделялись бесплатно [27. Л. 1, 12, 12 об.].

Также, следуя традиции, уже в 1925 г. на территории Нового кладбища построили и освятили православный храм в память Успения пресвятой Богородицы. В ограде этой церкви, по традиции, сформировался небольшой погост, где упокоились священнослужители, многие из которых стали жертвами гонений на церковь уже в 1930-х гг. [27. С. 57].

В межвоенные годы на гражданских кладбищах оставалось еще много дореволюционных надгробий, оформленных в соответствии с религиозными тради-

циями. Поскольку интересующие нас кладбища Новосибирска к настоящему времени уничтожены, практически утрачены и все надгробия первой трети XX в. Однако в настоящее время жители города еще изредка отыскивают надгробия на месте уничтоженного кладбища. Некоторые из них были перенесены на открытое в годы Великой Отечественной войны Заельцовское кладбище. Тщательно обследовав его территорию, мы отыскивали старинные надгробные памятники на могилах Марии Петровны Сабуровой (умерла в 1921 г.) и Агафьи Стахеевны Сабуровой (умерла в 1922 г.). Оба надгробия оформлены в виде величественных каменных крестов, украшенных резными цветами и листьями. В соответствии с дореволюционной традицией на надгробиях высечены не только имена усопших, даты их кончины, но также указан их возраст, место рождения (Уфимская губерния), а также сокращенный текст Трисвятого («Стый Бже, Стый безсмертный, помилуй нас»). На Заельцовское кладбище переносили прах и других людей (инженера М.Н. Тихомирова, профессора А.И. Прибыткова и др.), усопших до Великой Отечественной войны, но очевидно, что надгробия над их новыми могилами также обновлялись. Лишь памятный знак на могиле Митрополита новосибирского Никифора (в миру Н.П. Асташевский) сохраняет старинные очертания небольшой часовни, увенчанной крестом).

Очевидно, что существовали и менее искусно выполненные надгробия в форме крестов и могильных плит, которые в 1920-е гг. тесали кустари. Одно из таких надгробий чудом уцелело на месте уничтоженного в 1960-х гг. Закаменского кладбища. Не очень ровная плита прямоугольной формы с изображением православного креста и сегодня сообщает о том, что под ней покоятся дети – братья Таракановы, скончавшиеся в 1918 г. В 1930-х гг. после окончательного запрета на предпринимательскую деятельность изготовлением надгробных памятников занималась организация «Камнетрест» [28. С. 404]. Его рекламное объявление содержало изображение примера памятника – столбика, выполненного в традициях классицизма. Еще с 1920-х гг. в Новосибирске, как и во всей стране, нововведением мемориальной культуры советского времени стали могильные памятники в виде пирамидок, увенчанных пятиконечными звездами. Эта форма надгробия, символически противостоявшая христианскому пониманию смерти, была связана с художественными традициями классицизма революционной Франции и гражданским отношением к погребальной атрибутике. Мемориальные традиции классицизма оказались востребованными, поскольку классическая эстетика в некоторых отношениях отвечала официальному советскому пониманию смерти и памяти об усопших: акцентировала внимание на гражданских добродетелях покойных, бесстрашном отношении достойных людей к смерти, вводила в тень скорбь семьи и высвечивала общественную скорбь, обезличивая ее [29. С. 8–10].

Старожил нашего города Г.Д. Ким так описала по памяти Успенское кладбище второй половины 1930-х гг.: «Успенское кладбище. Это – Березовая роща

(сейчас парк). И там – маленькая церквушка. У меня умерла в сороковом году сестренка двухлетняя, и я была там на похоронах... И в моей памяти – кресты. То есть тогда не ставили каких-то дорогих, больших памятников, все кресты, кресты, кресты. Деревянные кресты все у меня в голове» [30. С. 130].

Образ Успенского кладбища, сохраненного в памяти другой жительницы нашего города, Е.А. Ивановой, похож на тот, что сложился в памяти Г.Д. Ким: «Кладбище не было ухоженным, таких каких-то памятников, как сейчас, гранитных, не было, обыкновенные кресты стояли. А в то время кресты-то знаешь как еще и преследовались... Звездочки. Но, кладбище-то старое было, большое, всякие были памятники. Потом там, где сейчас троллейбусный парк, была барахолка, памятники уже все убрали, но могилы-то были, так по могилам на барахолку и ходили. Вот и мамину могилу сначала обходили, потом затоптали уголок, потом еще уголок, так и втоптали...» [Там же. С. 131]. Этой рассказчице запомнились и необычные, оригинальные надгробия на могилах летчиков-испытателей: «Рядом с маминкой могилой два летчика были похоронены. Я была маленькая, но помню: два таких деревянных постаментика и пропеллеры, сделанные из дерева что ли? И это был для нас ориентир» [30. С. 131].

То, что приметные могилы служили ориентиром, свидетельствует об отсутствии четкой пространственной организации кладбища, о плохой «читаемости» его среды. Хотя могилы близких были жителям города «родными», кладбище в целом отпугивало. Судя по рассказам, Успенское кладбище в соответствии с народной традицией воспринималось как «страшное» место. Кроме того, источники фиксируют реальную небезопасность городских кладбищ той поры: вечерами там собирались хулиганы, случалось даже, что на кладбищах находили убитых. Особенно много газеты сообщали о беспорядках, царивших на Магометанском (Татарском) кладбище. Там в январе 1926 г. был найден труп Марии Кузнецовой, которую убил и мертвую бросил среди могил бывший сожитель – рецидивист Павел Моисеев [31]. Также пресса сообщала, что «окрестность Татарского кладбища – это самое жуткое место для прохожих, особенно ночью», поскольку там орудовали вечно пьяные хулиганы, с ножами нападавшие на шедших мимо людей [32]. Обыватели, жившие по соседству, похоже, привыкли к виду кладбища, но предостерегали детей от присутствия на нем или около него в вечернее время [30. С. 131].

Несомненный интерес представляют отдельные захоронения Нового кладбища. В 1920–1922 гг. здесь упокоились некоторые из числа бывших новониколаевских дворян, очевидно, не имевших возможности уехать за границу (к примеру, А.П. Абаринов, живший на ул. Ядринцевской и работавший плотником [33. Л. 10]). В этот период появилось немало могил представителей интеллигенции: учителя С.Г. Мартышкина [34. Л. 20], бывшего директора реального училища Г. Бутовича [35. Л. 43], бывшего преподавателя гимназии города

Ишима А. Романова [35. Л. 188], врача Г. Гудкова из Уфы [Там же. Л. 77], саратовского музыканта И. Родионова [Там же. Л. 53] и др., а также студентов – беженцев с Волги и Урала, видимо, поддерживавших режим А.В. Колчака: М. Попова [Там же. Л. 74], Н. Спасского [Там же. Л. 11] и др. В газетах 20-х гг. нередко сообщалось о смерти и предстоящем погребении революционеров и деятелей большевистского подполья. Обратим внимание на наиболее интересные примеры. В 1925 г. на Новом городском кладбище были захоронены останки артиста драмы, революционера и героя труда Г.А. Соколова [37], а также молодой сотрудницы издания «Советская Сибирь» Алевтины Ковальчук [38] – дочери знаменитой новониколаевской подпольщицы Е.Б. Ковальчук, которая в 1919 г. покончила с собой в тюрьме, не вынеся пыток колчаковской контрразведки, и тайно была похоронена товарищами в неустановленном месте [39. Л. 2].

Заметно, что с середины 1930-х гг. региональное газетное издание «Советская Сибирь» начало публиковать значительное количество похоронных объявлений. В эти годы партийные органы и государственные учреждения устраивали пышное прощание с умершими коммунистами, революционерами, чекистами, ударниками производства, директорами предприятий. Такие похороны сопровождалась политизированными панихидами и служили средством морального поощрения активных «строителей социализма», которым гарантировались почетные проводы в последний путь и «вечная память». В числе тех новосибирцев, кому оказывались особые посмертные почести, можно назвать «активного работника по чистке партии», члена партии с 1906 г. Д.П. Васильченко (скончался в 1935 г.) [40]; «старейшего» сурдопедагога, заведующего школой для глухонемых детей А.Д. Огурцову (умерла в 1935 г.) [41]; революционерку, военного фельдшера, участвовавшую в походе против Колчака, а также члена краевого суда А.П. Яркину (умерла в 1935 г.) [42, 43]; профессора НИИВИТа А.И. Прибыткова (скончался в 1935 г.) [44]; молодую артистку колхозно-совхозного театра А.И. Тюрину-Авдееву (умерла в 1936 г.) [45]; летчика гражданской авиации В.Ф. Галата (скончался в 1938 г.) [46]; «старейшего» физкультурника, директора стадиона «Спартак» В.Н. Михайлова (умер 1941 г.) [47].

Знаковым событием в истории новосибирского некрополя стало окончательное закрытие и уничтожение Воскресенского погоста. Еще в июле 1923 г. горсовет принял решение о создании на его месте сада [48]. Однако на плане Новониколаевска 1924 г. Воскресенское кладбище все еще было обозначено. Возможно, план содержал несколько устаревшие данные. Понятно, что уничтожение кладбища производилось в несколько этапов, не за один год. В документах новониколаевского горкомхоза, датированных 10 мая 1925 г., используется выражение «Бывшее Старое кладбище» [49. Л. 26]. Наиболее запомнившимся сюжетом, связанным с разрушением старейшего некрополя Новониколаевска, стал комсомольский воскресник, состоявшийся поздней

весной 1924 г. На это время указывают свидетельства очевидца событий И.М. Лаврова. Он подчеркивал, что достопамятный воскресник состоялся в период буйного цветения яблонь и черемух (в климатических условиях Новосибирска и его окружи это обычно происходит в конце мая – начале июня). Жители города были заранее предупреждены о предстоящем уничтожении кладбища. Желавшие перезахоранивали своих родственников: могилы раскапывали, укладывали скелеты в новые гробы, батюшка отпевал останки, гробы заколачивали и увозили на новые кладбища [50]. Перезахоронения длились не один год. Известно, что в этом деле активно принимали участие некоторые общественные организации. К примеру, уже в 1925 г. иудеи Новониколаевска создали так называемое «Еврейское погребальное братство», которое предлагало всем «гражданам еврейской национальности» содействие в организации перезахоронений, сообщая с помощью газеты о наличии у организации соответствующих разрешений от местных органов власти [51].

В своих воспоминаниях актриса З.Ф. Булгакова отмечала: немногие придерживались того мнения, что «заботиться нужно о душе, а не о костях, потому что кости – это прах и тленье, и им все равно, где лежать». Наоборот, рассуждали так: «Как это по нашим покойникам кто-то будет ходить, как это тут будут смеяться и песни петь?» [50. С. 53]. Такая позиция соответствует православному отношению к человеческим останкам. Протоиерей Г. Дьяченко объясняет значение погребения следующим образом: «Нашему бренному телу суждено сначала умереть и истлеть, а потом опять воскреснуть. Места, где погребаются усопшие, суть нивы, в которых рукою смерти сеются наши тела, как семена. Земля – мать наша – есть хранилище, где среди тления сохраняется наше нетленное [52. С. 563]».

Человек, по христианским убеждениям, был сотворен из праха, во прах (в землю) он должен быть возвращен и после смерти, откуда будет взят Богом в «будущем веке» и оживотворен. Пока же не настало это время, усопший должен покоиться в земле, «как путник после долговременного странствия». Погребение в землю считается Божьей заповедью, данной Адаму после грехопадения, а могила – святым местом поминовения усопшего и моления за его душу [46. 53. С. 22]. Уход за могилами близких и прародителей, а также поминальное моление о них мыслятся христианами как священный долг; эти духовные практики не сочетаются с настроением мирского праздного отдыха.

Разумеется, с чувствами верующих разрушители кладбища не считались. Для актера и писателя И.М. Лаврова, который родился и рос в Новониколаевске, воскресник, посвященный «разгрому» кладбища, запал в душу ярчайшим детским воспоминанием. Много лет спустя он описал свои чувства, возникшие от увиденного: «Мне стало нехорошо. Я так чувствовал себя, когда видел вещий сон перед отцовским дебошем» [54. С. 122]. Мальчик стал свидетелем того, как «весной комсомольцы решили переделать кладбище в парк».

Распевая во все горло «Смело мы пойдем за власть Советов!», ребята, вооруженные лопатами, пришли на место старого погоста. Воскресенская церковь уже пострадала от их вторжения, крест был свернут. Стоял солнечный майский день, «среди шумящих на ветру берез залязгало железо, затрещало дерево, выворачивали кресты, памятники, оградки стаскивали их в кучу» [54. С. 121]. Молодые люди, должно быть, чувствовали себя исполнителями «великой миссии» очищения советской земли от «смрада» дореволюционного старья. Молодежь не осознавала важности некрополя для семейной памяти и не признавала его духовного значения. Другой старожил Новосибирска А.С. Тростонецкий так рассказывал о воскреснике по сносу кладбища: «Рабочие сворачивают с могил памятники и надгробия, а оркестр наяривает “Марш энтузиастов”, заглушаемый криками “Антихристы!” и проклятиями пожилых людей» [55. С. 38]. Кладбище сносили именно под «Марш энтузиастов», который часто звучал во время субботников и на соцстройках.

Пожилые люди, собравшиеся на кладбище, пытались предотвратить разорение погоста. И.М. Лавров воспроизводит в своих воспоминаниях словесную перепалку между защитниками кладбища и его погромщиками. Противники разрушения кладбища взывали к совести, напоминали о божьей каре за разрушение святого места, называли комсомольцев «дикарями», забывшими о том, что в земле погоста лежат их «деды, которые возводили этот город». Участник воскресника отвечали, что «было объявлено: „Кто хочет перенести родных на новое кладбище – переносите“, люди переносили, а здесь остались безнадзорные могилы». Формулировка «безнадзорные могилы», по словам И.М. Лаврова, вызвала новую вспышку раздражения у «стариков», которые, как и ребята, перешли от разумных аргументов к взаимным оскорблениям [54. С. 123]. Такой «диалог» был возможен только в первой половине 1920-х гг., когда постановления горсовета еще не являлись для сибиряков необсуждаемыми и бесспорными, а советская власть с ее культурной политикой далеко не у всех вызывала согласие. В это время антирелигиозная пропаганда лишь постепенно набирала обороты, горожане еще не боялись защищать свою веру открыто, а диспуты между православными прихожанами Вокзальной (Пророко-Даниловской церкви) и обновленцами, если верить газетам, переходили в драки [56]. Уже на рубеже 1920–1930-х гг. с подобной «демократией» было покончено. Когда в 1931 г. уничтожался исторический некрополь соседнего города Барнаула, верующие не смели перечить местным властям, созерцая крушения храмов и надгробных памятников молча, с тихой молитвой [57. С. 111].

Люди, вышедшие защищать старое кладбище от комсомольцев, не смогли остановить ораву «строителей нового мира». Ребята, испытывавшие на себе мощный заряд советской пропаганды, воспринимали аргументы в пользу сохранения могил как антисоветскую пропаганду. Безусловно, с идеологической позиции места старому кладбищу в центре города не было. Уже в нача-

ле 1920-х гг. дореволюционное духовное наследие представлялось как «отжившее», недостойное сохранения. Власть намеренно использовала в деле уничтожения «вредной памяти» молодежь, которая являлась сильной физически, но еще имела слишком бедный опыт духовной жизни. Еще Т.В. Адорно было отмечено: «Люди с характером, завязанном на авторитете, идентифицируют себя с реальной властью как таковой, независимо от ее конкретного содержания. Они, в сущности, располагают лишь слабым „я” и поэтому в качестве эрзаца нуждаются в идентификации с большим коллективом» [58. С. 71]. Эта характеристика подходит и для толпы новониколаевских подростков. По словам И.М. Лаврова, разрушителей лишь раззадорили крики защитников некрополя: «Мелькали лопаты, сравнивая холмики, громко звучали топоры и пилы, с треском и шумом валились березы – прорубали аллеи...» [54. С. 123]. Однако важно отметить, что некрополь крушили не только дети, судя по воспоминаниям, на воскресник пришли и рабочие, готовые исполнить постановление горсовета [55. С. 38]. Едва ли без их участия комсомольцы чувствовали себя так уверено.

Старое кладбище быстро исчезло, но все-таки едва ли корректно было считать его в полном смысле «старым». Известно, что некоторые захоронения появились здесь уже после Гражданской войны. Так, в апреле 1920 г. здесь было предано земле тело служащего И.Ф. Колчина [35. Л. 391]. В середине декабря того же года на Старом городском кладбище похоронили полуторагового мальчика Сашу Завьялова [59. Л. 67]. Видимо, родные этих усопших все еще пытались формировать семейные некрополи. Но не только семейная память и религиозные чувства являлись причинами несогласия новониколаевцев с решением разбить на месте погоста парк. Это кладбище было одним из немногих в городе, связанных с локальным компонентом исторической памяти жителей Новониколаевска. Именно поэтому, вплоть до уничтожения, оно привлекало внимание местных краеведов. Источники отрывочно свидетельствуют о том, что при бюро краеведения, размещавшемся в здании Государственного западносибирского краевого краеведческого музея, существовало некое общество некрополистов, названное в последующие годы презрительно «Обществом изучения купеческих могил». Дореволюционные краеведческие традиции, к которым можно отнести и увлечение образованных людей некрополистикой, находили в начале 1920-е гг. сторонников и продолжателей в сибирских городах. Но уже к концу 1920-х гг. деятельность новониколаевского общества некрополистов была осуждена как «реакционная», а их наработки не стали хранить [60. Л. 21].

Разрушение Воскресенского погоста в Новониколаевске стало первым шагом к уничтожению всего исторического некрополя городов Западной Сибири. От рук вандалов в первую очередь пострадало именно это памятное место по нескольким причинам.

Во-первых, столица региона реагировала быстрее на новые тенденции политики памяти государства, задавая

общий тон реализации этой политики. В полемике отечественных архитекторов и градостроителей первой половины 1920-х гг. образ кладбища нередко использовался сторонниками радикального обновления облика советских городов, чтобы подчеркнуть необходимость изживания старой эстетики и традиций. К примеру, на страницах журнала «Коммунальное хозяйство» была опубликована дискуссия между академиком А.В. Щусевым и его оппонентами. Щусев просил у Московского городского совета сохранить церковь Евпла на Мясницкой улице, объясняя свою позицию следующими доводами: «Москва – один из красивейших мировых центров, обязана она этим преимущественно своей стариной. Отнимите у Москвы старину, и она делается одним из безобразных русских городов». Некто Н. Попов возразил академику: «Мясницкой не нужны ни церкви, ни больницы... Москва – не *кладбище* былой цивилизации, а колыбель нарастающей, новой пролетарской культуры, основанной на труде и знании» [61. С. 47]. Разумеется, в дискуссиях между сторонниками и противниками сохранения памятников прошлых эпох обычно побеждали вторые.

Во-вторых, Воскресенское кладбище было фактически закрыто еще до революции, а все еще официально действовавший погост («почетное» кладбище) не мог ни раздражать местные советские органы власти социальным составом контингента лиц, здесь погребенных. Тут практически не существовало могил, которые большевики могли бы причислить к героическому военно-революционному некрополю. Уничтожая Воскресенский погост, большевистски настроенные новониколаевцы продолжали «бить буржуев и попов». Разрушение некрополя классовых врагов было логичным продолжением революционной борьбы, в которую включалась и молодежь для ее политической социализации. Если поколение родителей воевало с еще живыми классовыми врагами, то поколению детей была дана также важная задача уничтожения памяти о врагах. По форме бой, в который вступили комсомольцы, был скорее безопасной для их жизни игрой, но «играючи» ребята фактически лишали врага возможности оправдания в будущем. Уместно вспомнить христианское сравнение могилы с посеянным семенем, которое, когда придет время, прорастет вечной жизнью. Большевики не признавали этой религиозной мистики, но с их материалистической позиции вражеские могилы воспринимались как опасные семена «сорняков» памяти. Даже те «враги», которые скончались задолго до революции, в результате этого погрома символически пополняли число побежденных, возвеличивая героизм большевиков в их собственных глазах. Важно, что разрушителям некрополя пришлось «бороться» не только с могильными крестами и плитами. У них были также реальные, живые оппоненты, которые устроили много шума, но фактически не смогли оказать сопротивления. Для участников события это должно было означать еще одну революционную победу.

Стоит отметить и то, что закон был на стороне разрушителей Старого кладбища. Современное законода-

тельство Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за надругательство над местами людских захоронений (ст. 244 УК РФ). Уголовный кодекс, действовавший в СССР 1920–1930-х гг., не относил подобные деяния к числу преступных. Современные юристы считают подобные деяния преступлениями против общественной нравственности и подчеркивают важность общественного контроля над проявлениями вандализма [62. С. 91]. Однако защитники старого новониколаевского кладбища попросту не могли воззвать молодежь к законопорядку, поскольку советская власть этих лет фактически поддерживала вандалов.

Принципиально важно то, как использовалась территория разрушенного Воскресенского кладбища в последующие годы. Обследование коммунальщиками закрытого погоста весной 1925 г. показало наличие на его территории большого количества сокрушенных крестов, разбитых памятников и оградок. Отмечалось, что для преобразования этого места в сад требуются колоссальные усилия. Помимо удаления обломков памятников, требовалось провести озеленительные работы, поскольку местами существовали густые заросли, местами деревья засохли либо зеленые насаждения вовсе отсутствовали [49. Л. 26–26 об]. 1925 г. считается временем основания Кладбищенского сада, предназначенного для целей досуга.

Устройство городских садов как мест традиционных народных гуляний и развлечений началось в Сибири еще в середине XIX в. Первым и особенно заметным в культурной жизни региона был роскошный сад с озерами и островами, созданный томским золотопромышленником Ф.А. Гороховым. Сад был украшен фонтанами, скульптурами и ажурными беседками. Он вошел в историю как образчик невиданной до сих пор в Томске роскоши и одновременно пошлости. В саду гремела музыка, полыхали фейерверки, хозяин сада устраивал для своих гостей дорогостоящие званые обеды, где лилось рекой шампанское и подавались изысканные блюда. Этот сад был ориентирован, прежде всего, на состоятельных томичей, которых Горохов стремился убедить участвовать в его финансовых махинациях, демонстрируя неслыханное богатство и непревзойденную успешность предпринимателя [63. С. 9–12; 64. С. 170–171]. Гороховский сад остался бесподобным. В советское время его показную роскошь не могли не критиковать, но память об этом саде осталась актуальной, о чем свидетельствует хотя бы следующий факт: этому саду посвящалась одна из открытых лекций, читавшихся в краеведческом музее Томска [65. Л. 31].

Создание садов на месте старых погостов не правильно считать исключительно советской «традицией». К примеру, в конце XIX в. в Омске был разбит Санниковский сад на месте старинного Кадышевского кладбища. Уже в 30-х гг. XX в. сад реконструировали и переименовали в честь В.В. Куйбышева [66. С. 19]. Не стоит идеализировать и отношение жителей сибирских городов XIX в. к некрополю. Советские археологи и строители неоднократно обнаруживали остатки старинных

кладбищ в неожиданных местах. Территории этих погостов были попросту затоптаны или застроены, память о них практически стерлась. Православная церковь неоднократно сетовала на безразличие местных жителей к святым местам – погостам, где никогда не доставало порядка [67 и др.].

В молодом городе начала XX в. Новониколаевские первые сады были основаны на прежде необжитых и нетронутых территориях. В их числе общественный сад развлечений Александровский (более известный в народе как «Сосновка») и частный сад Альгамбра (был назван по аналогии с одним из московских садов). Гуляния в садах в выходные и праздничные дни были ориентированы на легкий отдых. Здесь устраивались танцы, выступали артисты, продавались напитки и снедь. С 1909 г. в Альгамбре работал театр «Яр», а в Александровском имелось театральное помещение для выступлений гастроллирующих трупп. Дореволюционный российский городской сад, как и сад европейский, был местом неформального общения, организованного и относительно безопасного времяпровождения, а также «необходимым оазисом в молохе больших городов» [68. С. 41]. Кроме того, в начале XX в. с распространением массовой культуры городские сады, открытые по всей стране с конца апреля по сентябрь, оказывались «чуть ли не основными площадками, где получали постоянную прописку легкие жанры» музыкального и театрального искусства, столь доступные для массового восприятия [69. С. 87]. В саду на месте Старого кладбища во второй половине 1920-х гг. выступали куплетисты, факиры, «летающие женщины» и другие балаганные артисты с заурядным, исключительно развлекательным репертуаром [Там же]. Одновременно с Кладбищенским садом в городе существовал также сад с рестораном «Юпитер», посетителями которого являлись преимущественно нэпманы, кутившие здесь до поздней ночи [23. С. 76].

В годы Гражданской войны городские сады становятся не только местом развлечений, но и одной из площадок, необходимых власти для установления коммуникации с местным сообществом через пропаганду. Так, в саду «Сосновка» проходил публичный судебный процесс над бароном Унгерном. Сад отныне рассматривался как удобное место для политических консультаций, дебатов и народного просвещения.

Кладбищенский сад, переименованный скоро в «Центральный», был организован в соответствии с уже сложившейся до революции традицией и практическим опытом работы в области агитации и пропаганды последних лет. В новом саду построили сцену и концертные площадки для выступления передвижных театров, чтения лекций и проведения дискуссий, а также солярий. Солярий появился в саду не случайно. Его создание обусловлено влиянием концепций оздоровления городской среды, актуальных не только для нашей страны в эти годы, но и для стран Запада в целом. В России 1910 – начала 1920-х гг. была очень популярна градостроительная концепция города-сада, основоположником которой являлся англичанин Э. Гоуард. В это время активно об-

суждались экологические и эстетические проблем российских городов, которые в большинстве своем были плохо благоустроены и лишены зелени. Переустройство российских городов в соответствии с идеями Гоуарда воспринималось как выход из коммунального кризиса. Э. Гоуард и его сторонники хотели видеть города небольшими, зелеными, хорошо приспособленными для рекреационных целей. И хотя сама концепция города-сада к середине 1920-х гг. испытала серьезнейшую критику оппонентов, в журналах «Коммунальное хозяйство» и «Коммунальное дело» этих лет публиковалось множество материалов, которые появлялись под воздействием именно сторонников российского общества городов-садов: об утомлении как следствии городской жизни, о вреде городской пыли для человека, о новых методах озеленения, о возможностях реконструкции старых городских центров исходя из соображений санитарии и гигиены и пр. Таким образом, солярий – открытая площадка, окруженная уютным кольцом зелени, необходимая тем, кто является сторонником новых форм «культурного» и «здорового» отдыха, казался вполне уместным на затоптанных могилах.

В середине 1920-х гг. новониколаевский горсовет признавал, что по сравнению с другими городами Западной Сибири Новосибирск остается самым отсталым в смысле благоустройства [49. Л. 7]. Недостаток зелени, свежего воздуха и пыль стали привычными для его жителей еще в начале XX в. Теперь устройство сада на месте кладбища оправдывалось и необходимостью сохранить зеленый массив, сформировавшийся на кладбище благодаря традиции сажать деревья и кустарники у могил. К концу 1930-х гг. место могильных плит в саду заняли скульптуры идеологического значения: «Сталин», «Теннисистка», статуи других спортсменов, которые расположились вдоль центральной аллеи. Эти образы нового мира должны были служить вытеснению из памяти местных жителей прежних, актуальных для семейной и локальной идентичности образов усопших близких, земляков и их могил.

Из-за малочисленности рабочего класса в Новосибирске 1920-х гг. развлекательная и просветительская деятельность сада не могла быть ориентирована исключительно на рабочих, как того требовала пропаганда. Поэтому изначально в саду устраивались вполне традиционные гуляния по уже сложившемуся дореволюционному трафарету. В середине 1930-х гг., когда Новосибирск стал городом промышленныхстроек, сад переориентировался на организацию досуга для рабочих. В 1930 г. «Советская Сибирь» признала этот сад лучшим, наиболее благоустроенным: здесь имелись недавние древонасаждения, были устроены клумбы, готовились танцевальная площадка и павильон кино, планировалось устроить и электрифицированные карты пятилеток [70]. С 1935 г., в духе времени, сад назывался «Сталинский». Его дальнейшее благоустройство осуществлялось по образцу парка Горького в Москве. Здесь оборудовали летнюю сцену, читальню, открытое кино, фонтан, душ. Рекламные объявления, относящиеся к сентябрю 1938 г.,

приглашали жителей города на ежедневные развлекательные программы в сад, где играли два духовых оркестра, работали аттракционы, бильярды, ресторан, буфет, а танцы под открытым небом продолжались до двух часов ночи [71]. Реклама также сообщала, что 11 и 12 сентября 1938 г. устраивались гуляния с «массой огня в воздухе» (фейерверк) в десять вечера и в час ночи [Там же]. Старожил Новосибирска В.Г. Дугалюков так рассказывал нам о саде предвоенных лет: «Детьми мы ходили в парк Сталина. К тому, что прежде на этом месте располагалось кладбище, относились совершенно нормально, ведь все религиозное было запрещено. Там были карусели, к примеру чертово колесо, был ресторан, там, где сейчас находится сцена, сцена же была на другом месте. В парке проходили танцы, выступали артисты, играл духовой оркестр. Там продавали мороженое, конфеты, газировку с сиропом и разливное пиво. Массовики устраивали развлекательные программы, конкурсы. Я хорошо запомнил драки мешками и бег в мешках».

И.М. Лавров запомнил танцплощадку, духовой оркестр, сияние огней в дощатом ресторане, «который гудит как базар, где звякают вилки, ножи и стаканы». Запомнились писателю и полупустынные боковые аллеи, где «в темноте мелькали какие-то фигуры, изредка вспыхивали спички, краснели глазки папирос, в кустах шептались, тихо смеялись, по дорожкам шаркали ноги, местами из темноты приплывал запах цветов, а над всем этим неслись звуки вальса». Все скамейки парка были заняты парочками. О чем рассказывал Илья Лавров девушке Вере, сидя на такой парковой скамеечке? «Я рассказывал Вере о том, что этот шумный, сияющий сад был когда-то глухим, жутковатым кладбищем..., о том, как срывали могилы, выламывали кресты, оградки, а толпа старух выла, глядя на это» [54. С. 251]. Даже в романтической обстановке пережитые впечатления не давали молодому человеку забыть тот потрясший его день. Конечно, старое кладбище окрасилось под идеологическим давлением для Ильи Михайловича в мрачные тона, но память о нем сохранилась. Он рассказывал Вере об этом дне как о чем-то интимном, лично для него значимом, видимо, внутренний конфликт памяти не был для него разрешен.

Другие юные погромщики также неоднократно возвращались к кладбищенской теме. Ведь, по выражению Т.В. Адорно, «непомерность содеянного заставляет оправдываться» [58. С. 66]. Очевидно и то, что у жителей города оставалось много сомнений в правильности устройства сада «на костях». И.М. Лавров вспоминал, что комсомолка Сашка Сокол, утверждавшая, что «безнадзорные» могилы никому не нужны, спорила с матерью мемуариста о том, нужно ли сносить церкви и разрушать кладбища. Девушка даже сочинила стихи: *«На часовенке нет креста, / Колокол сняли давно, / Часовня косяя пуста, / В выбитых окнах темно. / И где мужиков крестили, / Где в старину венчали, / Там в шапках они курили, / На пыльную паперть плевали. / На кладбище скрыты могилы, / Гулянье в саду до утра...»* [54. С. 153]. И.М. Лавров рассказал в мемуарах и о странной кончи-

не заводили Сашки Сокол. Она стала агрономом, уехала в деревню, «в закрытой церкви ставила с молодежью спектакли и вдруг – умерла, умерла в глухой деревушке, почему не знаю» [54. С. 154]. Неожиданно оборвалась жизнь юной девушки из-за подросткового максимализма и вовлеченности в политические игры с памятью, участвовавшей в уничтожении того, что было для многих свято. И.М. Лавров не связывает открыто раннюю смерть девушки с ее поступками, но в тексте воспоминаний эти сюжеты многозначительно соседствуют.

Видно, что созданием парков «на костях» советская власть бросала максималистский вызов традиции, всему прошлому страны и народа. Действительно, на первый взгляд, парк становился символическим антиподом заброшенного погоста. Кладбищенская религиозная эстетика и реальная бесхозность, установившиеся на погостах, отвращали разработчиков проектов социалистических городов, которые должны были создать на месте этого «позора» пространство, где воплощаются идеалы безупречной санитарии и культурного досуга без участия церкви. Если погост должен был обращать мысли человека в вечность через переживание в памяти прошлого, то парк – к светлому будущему, уже частично наступившему здесь, в рукотворном оазисе советского города. Однако при внешнем различии, на наш взгляд, между парком и кладбищем существует глубинная символическая связь, быть может, слабо осознанная советскими градостроителями. Традиционно кладбище оформляется как цветущий сад, служащий напоминанием о трансцендентном и вечном христианском рае. Советский парк – это тоже, по сути, символ рая, но земного. Пространство сада, как кладбищенского, так и советского, ориентирует человека на совершенствование, которое необходимо для достижения рая, однако в первом случае речь идет о духовном росте, а во втором – о выполнении планов пятилеток. Таким образом, мы видим упрощение христианского культурного символа сада и его использование в идеологических целях.

Значительная часть территории Старого кладбища, отделенная от формировавшегося сада улицей Фрунзе, была передана в 1925 г. под строительство стадиона «Спартак», который открылся уже в 1927 г. И это тоже не случайно, поскольку советская власть изначально видела в развитии массового спорта возможность укрепить моральные устои и консолидировать общество [68. С. 51]. «Советская Сибирь» с гордостью освещала новости создания стадиона. В начале августа 1927 г. его строительство считалось практически законченным. Газета приводила снимок, на котором видны деревянные трибуны и обнесенное частоколом футбольное поле [72]. Однако содержание и дальнейшее строительство спортивного комплекса требовали значительных средств, которых не хватало в 1920-х гг. Однако внимание власти к массовому спорту постоянно возрастало, в хорошей физической подготовке власть видела аспект советской культуры, а в спортивных мероприятиях – средство формирования ценностей коллективизма. Именно поэтому спортивный стадион в сибирской столице

имел далеко идущие перспективы развития. В 1935 г. городской стадион передали обществу «Спартак». В связи с этим была выделена значительная денежная сумма – 230 тыс. руб. на оборудование теннисного корта, катка и восстановление беговой дорожки [73].

Итак, по установленным нами данным, в Новониколаевске – Новосибирске межвоенных лет функционировало четыре основных кладбища, открытых еще до революции и имевших собственную социокультурную специфику: Воскресенское, Новое, Закаменское и Магометанское. В значительной степени старые кладбища сохраняли внешний облик, однако советская власть стремилась изменить традицию, избавиться от религиозных погребений и деления кладбищ на участки по конфессиональному признаку, привести новую мемориальную эстетику. Показательно, что Воскресенское кладбище, являвшееся для жителей молодого города Новониколаевска одним из немногих и наиболее значимых памятных мест, было тенденциозно уничтожено по воле городских органов власти.

Наше исследование позволяет увидеть в судьбе исторического некрополя Новосибирска как общие для западносибирских городов тенденции, так и специфику, обусловленную его возрастом и статусом этого города как региональной столицы. Новониколаевск, в отличие от Томска, Омска и Барнаула, еще не имел длительной истории, здесь не успел сложиться «многослойный» ландшафт коллективной памяти. Однако по количеству захоронений и их разнообразию городской некрополь Новониколаевска уже в начале 1920-х гг. был по-своему уникален, интересен, и, что особенно важно, ценен для местного населения, уже считавшего Новониколаевск если не Родиной, то «своим» городом. Воздействие политики памяти на Новониколаевск было отчетливее заметно, нежели на другие города. Именно Воскресенское кладбище Новониколаевска уничтожили раньше других старых погостов в городах – административных центрах Западной Сибири.

Источники сохранили ценные сведения о привлечении к разрушению новониколаевского некрополя молодежи в расчете на эффект их «правильной» политической социализации. Семейная память молодого поколения была покалечена и сокращена предшествовавшими годами Гражданской войны, разрывавшей связи между поколениями, идеологической и антирелигиозной пропагандой. Замечено, что память группы существует, пока существует группа. Для уничтожителей кладбища принадлежность к семейным группам стала второстепенной, значимее сделалась принадлежность к комсомолу. После смерти В.И. Ленина началось постепенное насаждение культа личности И.В. Сталина, имя которого было дано бывшему Кладбищенскому саду. Образ вождя должен был вытеснить из памяти молодого поколения память о «старорежимных» предках, покоившихся на «почетном» Воскресенском погосте. В 1930-х гг. власть, основательно разрушив исторический некрополь Новониколаевска, ассоциировавшийся с памятью о «классовых врагах», сконцентрировала уси-

лия на формировании собственного «советского» некрополя, состоявшего далеко не только из братских могил героев и жертв Гражданской войны, которые требуют отдельного изучения. Облик действовавших городских кладбищ менялся с появлением многочисленных могил новосибирских коммунистов, чекистов, стахановцев, артистов и руководителей предприятий. Внедрялась новая культура прощания и поминовения, которая, однако, не

была способна полностью заглушить дореволюционные традиции. Местным властям было не под силу справиться со стихийными тенденциями развития некрополя крупного города, не уделялось особого внимания и приведению его в порядок, ведь идеология предписывала идти вперед, не оглядываясь на прошлое, где можно было увидеть слишком много противоречий официальной версии канувших в лету событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шокарев С.Ю.* Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти. М., 2003. С. 141–187.
2. *Новосибирский некрополь.* Новосибирск, 2009. 224 с.
3. *Косякова [Красильникова] Е.И.* Забытая божья нива: из истории старинных новосибирских кладбищ и похорон // Сибирский исторический журнал. 2008/2009. С. 101–110.
4. *Корсакова М.И.* Погосты, кладбища, братские могилы... // История города: Новониколаевск – Новосибирск. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 349–363.
5. *Добрынин М.Н.* Кладбища Новосибирска (Новониколаевска) // Материалы новосибирской генеалогической конференции, проведенной Новосибирским историко-родословным обществом совместно с Домом народного творчества Новосибирской области. Новосибирск, 2003. С. 6–9.
6. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 468. Оп. 23. Д. 1082.
7. *Шабунин Е.А.* Храмы Новосибирска: исторический путеводитель. Новосибирск, 2002. 80 с.
8. *Почетное кладбище* // Обская жизнь. 1912. 20 апр.
9. *[Хроника]* // Сибирская новь. 1913. 4 авг.
10. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2718.
11. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2722.
12. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2715.
13. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2773.
14. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2720.
15. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2719.
16. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2725.
17. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2723.
18. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2731.
19. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2733.
20. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2729.
21. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2728.
22. ГАО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2741.
23. *Красильникова Е.И.* Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.). Новосибирск, 2008. 256 с.
24. *В.С. Молоков* – герой Советского Союза // Советская Сибирь. 1935. 28 февр.
25. *Новосибирский городской архив (НГА).* Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 106.
26. ГАО. Ф. Р-1124. Оп. 4. Д. 8.
27. НГА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 177.
28. *[Объявление]* // Новосибирск: справочник по городу и району. Новосибирск, 1935. 491 с.
29. *Акимов П.А.* Русское надгробие XVIII – первой половины XIX в.: идея жизни и смерти в пластическом воплощении и эпитафии : автореф. ... дис. канд. искусствоведения. М., 2008. 29 с.
30. *Красильникова Е.И.* Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник. СПб., 2011. С. 128–132.
31. *Мешала жить* // Советская Сибирь. 1926. 8 янв.
32. *Хулиганы с татарского кладбища* // Советская Сибирь. 1925. 14 сент.
33. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 520.
34. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 700.
35. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 92.
36. ГАО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 379.
37. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1925. 6 февр.
38. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1925. 22 апр.
39. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 652.
40. *Васильченко Денис Петрович* [некролог] // Советская Сибирь. 1935. 28 сент.
41. *Огурцова Александра Дмитриевна* // Советская Сибирь. 1935. 9 апр.
42. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1935.
43. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1935. 10 мая.
44. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1935. 11 июня.
45. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1936. 6 янв.
46. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1938. 2 сент.
47. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1941. 3 июня.
48. *История Центрального парка.* URL: <http://www.parknsk.ru/about.php>
49. НГА. Ф. -33. Оп. 1. Д. 106.
50. *Булгакова З.Ф.* Судьбе говорю спасибо // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний. Новосибирск, 1999. С. 50–63.
51. *[Объявление]* // Советская Сибирь. 1941. 3 июня.
52. *Закон Божий для семьи и школы* / сост. протоиерей С. Слободский [Б. м.], 2002. 722 с.
53. *Иов (Гумеров), иером., Гумеров П., священник.* Вечная память: православный обряд погребения и поминовения усопших. М., 2011. 160 с.

54. *Лавров И.М.* Мои бессонные ночи. Новосибирск, 1977. 688 с.
55. *Тростонецкий А.С.* Нахаловка // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний. Новосибирск, 1999. С. 34–41.
56. *Вокруг Вокзальной церкви* // Советская Сибирь. 1926. 19 сент.
57. *Красильникова Е.И.* Исторический некрополь Барнаула: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. С. 109–112.
58. *Адорно Т.В.* Что такое «проработка прошлого» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 64–82.
59. ГАНО. Ф. Р-2189. Оп. 1. Д. 89.
60. ГАНО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 1 б.
61. *Попов Н.* (Сибиряк). Наш ответ академику Щусеву // Коммунальное хозяйство. 1925. № 23. С. 46–47.
62. *Давитадзе М.П.* Уголовное право на защите нравственных ценностей общества // Нравственность для XXI века. М., 2008. С. 82–96.
63. *Томское купечество.* Краеведческий дайджест. Томск, 2004. 46 с.
63. *Адрианов А.В.* Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912. С. 1–183.
64. ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14.
65. *Омский некрополь.* Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. 232 с.
66. *Несколько слов о современном состоянии городских кладбищ в Тобольской губернии* // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. 1 мая.
67. *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. М., 2012. 350 с.
68. *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб., 2004. 280 с.
69. *Организм в садах культурный отдых* // Советская Сибирь. 1930. 15 мая.
70. *[Реклама]* // Советская Сибирь. 1938. 4 сент.
71. *[Реклама]* // Советская Сибирь. 1938. 11 сент.
72. *Наш стадион* // Советская Сибирь. 1927. 4 авг.
73. *Городской стадион передан обществу «Спартак»* // Советская Сибирь. 1935. 4 дек.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 октября 2013 г.

HISTORICAL NECROPOLIS OF NOVOSIBIRSK: THE CONTINUITY OF TRADITIONS AND THE MEMORY POLICY OF THE SOVIET POWER (THE END OF 1919 – BEGINNING OF 1941)

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 80-91. DOI: 10.17223/15617793/380/12

Krasilnikova Ekaterina I. Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: necropolis; cemetery; collective memory; memory policy.

This article is devoted to the history of the old Novosibirsk cemeteries (the Voskresenskoe, the Uspenskoe, the Magometanskoe, the Zakamenskoe) in the period between the Civil War and the Great Patriotic War. All of these cemeteries no longer exist on the map of the city. The author clarifies the time of their opening, their location, describes the social composition of the people, who were buried in these places, and the appearance of the cemeteries. Attention is paid to their territorial organization and forms of tombstones. The paper called graves of interesting and outstanding people that are most significant for the history of Novosibirsk. Some of these graves appeared in the Novonikolaevsk (Novosibirsk) cemeteries in the pre-revolutionary period (merchants, honorable citizens, nobles, clergy, displaced peasants graves), other graves (warriors of The Red Army, party workers, government officials) – in Soviet times. The author describes the characteristics of the Soviet heroic necropolis formation in the 1920-30s. She also particularly marks the graves of the intelligentsia: doctors, teachers, artists. The author answers the question whether the pre-revolutionary tradition of cemetery management was preserved in the 1920-1930s, and characterizes the Soviet innovations in this area. She also explains the attitude of the local organs of the Soviet power of the 1920-1930s to the historical necropolis of the city. Particular attention is paid to the destruction of the “honorary” pre-revolutionary cemetery – the Voskresenskoe and significance of the event from the viewpoint of the state ideology. The author also describes the residents’ perception of the old cemetery destruction, the desire of older people to prevent vandalism. The article also tells about an urban garden and a sports stadium creation in the place of the old cemetery. The author explains the ideological significance of the cemetery transformation in the garden and playground. The article also identifies the specific historical destiny of Novosibirsk necropolis in the interwar period, in comparison with other cities of Western Siberia. The author believes that the impact of government memory policies on Novonikolaevsk was more evident than in the other cities of the region. That is why the Voskresenskoe cemetery was destroyed first in Western Siberia.

REFERENCES

1. Shokarev S.Yu. Russkiy srednevekovyy nekropol': obryady, predstavleniya, povsednevnost' (na materialakh Moskvy XIV–XVII vv.). Kul'tura pamyati. M., 2003. P. 141-187.
2. Novosibirskiy nekropol'. Novosibirsk, 2009. 224 s.
3. Kosyakova [Krasil'nikova] E.I. Zabytaya bozh'ya niva: iz istorii starinnykh novosibirskikh kladbishch i pokhoron. *Sibirskiy istoricheskiy zhurnal.* 2008/2009. P. 101-110.
4. Korsakova M.I. Pogosty, kladbishcha, bratskie mogily... Istoriya goroda: Novonikolaevsk – Novosibirsk. Novosibirsk, 2005. V. 2. P. 349-363.
5. Dobrynin M.N. Kladbishcha Novosibirska (Novonikolaevska). *Materialy novosibirskoy geneologicheskoy konferentsii, provedennoy Novosibirskim istoriko-rodoslovnym obshchestvom sovmestno s Domom narodnogo tvorchestva Novosibirskoy oblasti.* Novosibirsk, 2003. P. 6-9.
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 468. Op. 23. D. 1082.
7. Shabunin E.A. Khramy Novosibirska: istoricheskiy putevoditel'. Novosibirsk, 2002. 80 p.
8. Pochetnoe kladbishche. *Obskaya zhizn'.* 1912. 20 apr.
9. [Khronika]. *Sibirskaya nov'.* 1913. 4 avg.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO). F. D-156. Op. 1. D. 2718.
11. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2722.
12. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2715.
13. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2773.
14. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2720.

15. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2719.
16. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2725.
17. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2723.
18. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2731.
19. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2733.
20. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2729.
21. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2728.
22. GANO. F. D-156. Op. 1. D. 2741.
23. Krasil'nikova E.I. Zhizn' v gorode-akselerate: obespechenie potrebnostey novosibirtsev v mezhvoennoe vremya (konets 1919 – pervaya polovina 1941 g.). Novosibirsk, 2008. 256 p.
24. V.S. Molokov – geroy Sovetskogo Soyuza. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 28 fevr.
25. Novosibirskiy gorodskoy arkhiv (NGA). F. R-33. Op. 1. D. 106.
26. GANO. F. R-1124. Op. 4. D. 8.
27. NGA. F. R-33. Op. 1. D. 177.
28. [Ob'yavlenie]. *Novosibirsk: spravochnik po gorodu i rayonu*. Novosibirsk, 1935. 491 p.
29. Akimov P.A. Russkoe nadgrobie XVIII – pervoy poloviny XIX v.: ideya zhizni i smerti v plasticheskom voploshchenii i epitafii : avtoref. ... dis. kand. iskusstvovedeniya. M., 2008. 29 p.
30. Krasil'nikova E.I. Starinnye gorodskie kladbishcha i pokhorony v otrazhenii ustnykh vospominaniy (na primere Novosibirska predvoennykh let). *Vospominaniya i dnevniki kak istoriko-psikhologicheskii istochnik*. SPb., 2011. P. 128–132.
31. Meshala zhit'. *Sovetskaya Sibir'*. 1926. 8 yanv.
32. Khuligany s tatarskogo kladbishcha. *Sovetskaya Sibir'*. 1925. 14 sent.
33. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 520.
34. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 700.
35. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 92.
36. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 379.
37. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1925. 6 fevr.
38. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1925. 22 apr.
39. GANO. F. P-5. Op. 2. D. 652.
40. Vasil'chenko Denis Petrovich [nekrolog]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 28 sent.
41. Ogurtsova Aleksandra Dmitrievna. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 9 apr.
42. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935.
43. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 10 maya.
44. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 11 iyunya.
45. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1936. 6 yanv.
46. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1938. 2 sent.
47. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1941. 3 iyunya.
48. Istoriya Tsentral'nogo parka. URL: <http://www.parknsk.ru/about.php>
49. NGA. F.-33. Op. 1. D. 106.
50. Bulgakova Z.F. Sud'be govoryu spasibo // Moy Novosibirsk. Kniga vospominaniy. Novosibirsk, 1999. P. 50-63.
51. [Ob'yavlenie]. *Sovetskaya Sibir'*. 1941. 3 iyunya.
52. Zakon Bozhiy dlya sem'i i shkoly. Sost. protoierey S. Slobodskiy [B. m.], 2002. 722 p.
53. Iov (Gumerov), ierom., Gumerov P., svyashch. Vechnaya pamyat': pravoslavnyy obryad pogrebeniya i pominoveniya usopshikh. M., 2011. 160 p.
54. Lavrov I.M. Moi bessonnnye nochi. Novosibirsk, 1977. 688 p.
55. Trostonetskiy A.S. Nakhlovka. Moy Novosibirsk. Kniga vospominaniy. Novosibirsk, 1999. P. 34-41.
56. Vokrug Vokzal'noy tserkvi. *Sovetskaya Sibir'*. 1926. 19 sent.
57. Krasil'nikova E.I. Istoricheskiy nekropol' Barnaula: preemstvennost' traditsiy i politika pamyati sovetskoy vlasti (konets 1919 – nachalo 1941 g.). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. P. 109-112.
58. Adorno T.V. Chto takoe "prorabotka proshlogo". Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M., 2005. P. 64-82.
59. GANO. F. R-2189. Op. 1. D. 89.
60. GANO. F. R-1813. Op. 1. D. 1 b.
61. Popov N. (Sibiryak). Nash otvet akademiku Shchusevu. *Kommunal'noe khozyaystvo*. 1925. No. 23. P. 46-47.
62. Davitadze M.P. Ugolovnoe pravo na zashchite nravstvennykh tsennostey obshchestva. *Nravstvennost' dlya KhKhI veka*. M., 2008. P. 82-96.
63. Tomskoe kupechestvo. Kraevedcheskiy daydzhest. Tomsk, 2004. 46 p.
63. Adrianov A.V. Proshloe Tomsk. Gorod Tomsk. Tomsk, 1912. P. 1-183.
64. GANO. F. R-217. Op. 1. D. 14.
65. Omskiy nekropol'. Ischeznuvshie kladbishcha. Omsk, 2005. 232 p.
66. Neskol'ko slov o sovremennom sostoyanii gorodskikh kladbishch v Tobol'skoy gubernii. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1882. 1 maya.
67. Kukher K. Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu. M., 2012. 350 p.
68. Uvarova E.D. Kak razvlekalis' v rossiyskikh stolitsakh. SPb., 2004. 280 p.
69. Organizuem v sadakh kul'turnyy otdykh. *Sovetskaya Sibir'*. 1930. 15 maya.
70. [Reklama]. *Sovetskaya Sibir'*. 1938. 4 sent.
71. [Reklama]. *Sovetskaya Sibir'*. 1938. 11 sent.
72. Nash stadion. *Sovetskaya Sibir'*. 1927. 4 avg.
73. Gorodskoy stadion peredan obshchestvu «Spartak». *Sovetskaya Sibir'*. 1935. 4 dek.

Н.С. Махциева, З.В. Канукова

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

На основе анализа документальных источников и литературы исследуется процесс становления системы социального страхования в Республике Северная Осетия. Прослеживаются история первых вспомогательных горнозаводских и больничных касс дореволюционного времени и формирование системы социального страхования в первые годы советской власти.

Ключевые слова: Северная Осетия; вспомогательная касса; больничная касса; страховая касса; социальное страхование.

Современная рыночная экономика создала систему социальной защиты населения, важнейшей частью которой является социальное страхование. Становление новой модели социальной защиты должно обеспечить преемственность социальной политики, соблюдение принципов общественной солидарности и социальной справедливости. Учитывая особую важность социального страхования, его влияния на общественные процессы, необходимо знать истоки его зарождения и развития, что и определяет актуальность и значимость данной проблемы. Цель нашего исследования – показать исторические аспекты, которые послужили основой для появления и развития системы социального страхования в Северной Осетии.

В Северной Осетии зачатки социального страхования возникли в 60-х гг. XIX в. В 1862 г., согласно «Положению о горнозаводском населении казенных заводов», утвержденного Горным департаментом, образовалось Алагирское горнозаводское товарищество со вспомогательной кассой. Это была одна из первых вспомогательных касс, возникших при горнозаводских предприятиях России [1. С. 42]. Она образовалась, разумеется, не из-за сочувствия предпринимателей к шахтерам, трудившимся в неимоверно тяжелых условиях. Предпринимателям выгодно было удерживать опытных работников на шахтах, предупреждая частую их замену необученными людьми. Кроме того, вспомогательная касса существовала в основном за счет взносов самих рабочих. В случаях болезни, увечья, гибели шахтеров, по старости касса оказывала своим членам посильную помощь.

Начало страховой защите работающих на производстве в России было положено принятием 15 мая 1901 г. законодательного акта «Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских и рудничных работах». 2 июня 1903 г. был принят закон «О вознаграждении потерпевших рабочих вследствие несчастных случаев» [2]. После принятия этого закона предприниматели стали поддерживать требование о введении государственного страхования работников с тем, чтобы снять с себя часть расходов по возмещению вреда пострадавшим. Таким образом, данный закон можно считать в какой-то степени началом государственного социального страхования в России.

Первые российские законы о социальном страховании были далеки от совершенства. Они не предусматривали риски утраты заработка, не охватывали наемных работников отдельных отраслей хозяйства и целых регионов страны. Пособие по нетрудоспособности назначалось в размере от половины до двух третей заработка и выплачивалось только с четвертого дня болезни. Пособие по беременности и родам выдавалось в течение шести недель женщинам, проработавшим на данном предприятии не менее трех месяцев.

В 1911 г. в России был объявлен проект закона о страховании рабочих, одобренный III Государственной думой. Состоявшаяся в январе 1912 г. VI (Правительственная) Всероссийская конференция РСДРП приняла специальную резолюцию об отношении партии к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих. В ней указывалось: «Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен, таким образом, всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства. Поэтому страхование рабочих во всех указанных случаях является реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития» [3. С. 146].

Конференция осудила принятый Государственной думой проект закона о страховании рабочих, так как он предусматривал пособия только двух видов: от несчастных случаев и болезней, охватывал небольшую (одну шестую) часть российского пролетариата, оставляя за бортом целые области (Кавказ и Сибирь) и категории рабочих, особенно нуждавшихся в страховании (строителей, железнодорожников, почтово-телеграфных работников, приказчиков и др.), устанавливал нищенские размеры вознаграждения, возлагая на рабочих большую часть расходов по страхованию. Кроме того, проект закона лишал страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор чиновников из Присутствий по делам страхования и Совета по делам страхования, жандармерии и полиции. Исходя

из этого, VI конференция РСДРП постановила: «Неотложной задачей как легальных партийных организаций, так и товарищей, работающих в легальных организациях (в профессиональных союзах, клубах, кооперативах и т.д.), является развитие самой широкой агитации против думского страхового проекта, которым затрагиваются интересы всего российского пролетариата, как класса, и который грубейшим образом нарушает эти интересы» [3. С. 148].

Основы обязательного социального страхования в стране были заложены принятием III Государственной думой в 1912 г. законов «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве», «Об утверждении Совета по делам страхования рабочих», «Об утверждении Присутствий по делам страхования рабочих» [4]. Эти законы распространялись только на тех, кто работал на фабрично-заводских горных, частных, железнодорожных, судоходных (на внутренних линиях) и трамвайных предприятиях. При этом оговаривалось, что на предприятиях должно быть не меньше 20 рабочих и на них должны применяться механические двигатели. Агитация, проведенная партией, сыграла свою роль. Закон о страховании рабочих несколько отличался от проекта. В частности, вклады предпринимателей в кассы были увеличены до двух третей от суммы членских взносов рабочих; максимальная пенсия в проекте предусматривалась в размере одной трети оклада, а в законе – в размере половины оклада.

После принятия закона о страховании начинают действовать страховые кассы как некий страховой орган. В группу застрахованных не включались сельскохозяйственные рабочие, работники торговли, транспорта, мелких предприятий, и, таким образом, страхованием были охвачены лишь 10% всех работающих. Страхование осуществлялось на случай болезни или увечья. Каждый застрахованный обязывался к уплате 2% от своего заработка в страховую кассу. Финансирование осуществлялось за счет взносов предпринимателей и работников; страхование от несчастных случаев – только за счет предпринимателей. Рабочими органами страхования на местах являлись больничные страховые кассы и страховые товарищества, которые существовали на предприятиях с числом рабочих не менее 200. Для обслуживания рабочих более мелких предприятий создавались кассы на кооперированных началах. До революции в России действовало несколько тысяч страховых касс. В центре эту работу проводил Совет по делам страхования рабочих, а в губерниях – Страховые присутствия. Таким страхованием в то время была охвачена европейская часть России и Кавказ.

В Северной Осетии по новому закону на предприятиях с числом рабочих не менее двухсот стали создаваться больничные страховые кассы. Первая такая касса во Владикавказе появилась при заводе «Алагир» в 1913 г. [5. С. 77]. В ней было 446 членов – рабочих завода. В связи с тем, что во Владикавказе к тому времени не было других предприятий, в которых числилось

бы не менее 200 рабочих, к этой кассе, как предусматривалось положением, примкнули другие фабрики, заводы и мастерские города. Таким образом, больничная касса завода «Алагир» вскоре стала Владикавказской городской. Она давала большие возможности для установления связей с рабочими почти всех предприятий города. Неслучайно первым председателем городской больничной кассы становится печатник Иван Яковлевич Турыгин. Больничная касса во Владикавказе существовала до 1920 г., она не распалась и в период Гражданской войны. Позже функции больничной кассы полностью были переданы органам социального страхования.

Таким образом, больничная страховая касса Владикавказа, организованная в 1913 г., была одной из форм объединения трудящихся, предшественником новых профессиональных союзов. На Садовском руднике вместо бывшей вспомогательной кассы горнозаводского товарищества «Алагир» организовался попечительский «Приказ», председателем которого был назначен Иван Андрюченков. К моменту создания «Приказа» членами кассы здесь состояли 469 человек [6. Л. 53]. В отличие от размеров взносов рабочих во Владикавказской кассе (2 процента заработка), шахтеры по своей инициативе на общем собрании решили вносить ежемесячно 3 процента заработка. Такое повышение взносов создавало более устойчивый фонд кассы, вместе с тем увеличивало долю вклада предпринимателей рудников. Однако и такое повышение давало возможность выплачивать лишь мизерные пособия. Например, житель селения Згид Асланбек Цагараев 26 ноября 1915 г. обратился с просьбой к окружному инженеру IV Кавказского горного округа о назначении ему пенсии. В своем прошении он писал: «После трехлетних усиленных хлопот мне была назначена пенсия только за 25-летнюю службу, т.е. 1/4 моего заработка, а между тем я состоял участником кассы 35 лет и должен был получить пенсию в 1/2 оклада» [Там же. Л. 54]. После разбора жалобы Асланбеку Цагараеву была назначена пенсия в размере 1/3 оклада, т.е. всего 4 рубля 43 копейки в месяц.

Из этого видно, как трудно было заработать право на пенсию и оформить ее. Такой вид страхования, естественно, не удовлетворял трудящихся. Закон о страховании рабочих, вышедший в 1912 г., позволил несколько облегчить материальное положение рабочих. В апреле–мае 1917 г. В.И. Ленин, после свершения Февральской буржуазной демократической революции, разрабатывая текст новой программы партии, наметил новые задачи в борьбе за дальнейшее развитие социального страхования рабочих. Чтобы уберечь рабочий класс от физического и нравственного вырождения, а также для развития его стремлений к освободительной борьбе новая программа партии предусматривала достижения следующих условий страхования: «Полного страхования рабочих: а) для всех видов наемного труда; б) для всех видов потерь трудоспособности, а именно: от болезней,

увечья, инвалидности, старости, профессиональных болезней, материнства, вдовства и сиротства, а также безработицы и др.; в) полного самоуправления застрахованных во всех страховых учреждениях; г) оплаты расходов по страхованию за счет капиталистов; д) бесплатной медицинской и лекарственной помощи с передачей медицинского дела в руки самоуправляющегося больничных касс, избираемых рабочими» [7. С. 157].

После Октябрьской революции 1917 г. провозглашается новая модель государственного призрения – для нуждающихся трудящихся – и образуется наркомат государственного призрения РСФСР. На него были возложены иные функции: социальное обеспечение трудящихся при всех случаях временной нетрудоспособности; охрана материнства и детства (младенчества); попечение об инвалидах войны и их семьях, о престарелых и несовершеннолетних.

В дальнейшем предпринимались попытки поиска наиболее оптимальных вариантов действия этой модели. Так, например, в 1918 г. наркомат государственного призрения переименовывается в наркомат социального обеспечения, а функции попечительства и охраны материнства передаются вновь созданному наркомату здравоохранения. Для истории возникновения социального страхования в Терской области особый интерес представляет постановление съезда народов Терека (январь 1918 г.) по рабочему вопросу. Съезд определил, что для охраны интересов рабочих должны быть созданы областные и местные органы по борьбе с безработицей, осуществлению надзора за проведением в жизнь законов «Российской Советской республики» о 8-часовом рабочем дне, охране женского и детского труда. Съезд принял решение об образовании органов по государственному страхованию рабочих согласно выработанным в России нормам [8. Л. 20].

В 1918–1933 гг. большевистское руководство пыталось воплотить в жизнь программу социального страхования, разработанную Пражской конференцией РСДРП (1912 г.). Принятие декларации Наркомтруда «О введении в России полного социального страхования» и «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (31 октября 1918 г.) стали первым шагом советской власти по реформированию социального страхования, в соответствии с которым социальное страхование заменялось социальным обеспечением, а все органы, ведающие страхованием, ликвидировались. Советская модель социальной деятельности изначально ограничивалась лишь рамками социального обеспечения и социального страхования, и это было вызвано сложным материальным и финансовым положением в стране. В конце 1918 г. было принято «Положение о социальном обеспечении трудящихся», в котором законодательно закрепили два вида социального обеспечения, различавшихся источниками финансирования: «социальное обеспечение всех без исключения граждан РСФСР, источником существования которых являлся лишь собственный труд» и «социальное обеспечение трудящих-

ся за счет государства и через органы государственной власти».

Впоследствии два наркомата были объединены в один – наркомат труда и социального обеспечения, а уже в 1920 г. формируется структурная основа модели социальной деятельности, существовавшей в советское время вплоть до 1991 г. и претерпевшей лишь незначительные изменения. Таким образом, Октябрьская революция, положив начало новому общественному строю, установила для трудящихся страны основные начала социальной самозащиты. Вместо больничных касс были созданы самоуправляемые страховые кассы, правления которых избирались самими рабочими. Расходы по страхованию трудящихся государство взяло на себя. Страхованию подлежали все рабочие и служащие. Гражданская война и интервенция, экономическая разруха тормозили налаживание социального страхования трудящихся. В январе 1919 г. состоялся II Всероссийский съезд профсоюзов, который постановил: «Наряду с организационно-хозяйственной работой охрана труда и социальное обеспечение трудящихся должна занять в повседневной работе союзов подобающее место» [9. С. 122]. В Северной Осетии социальное страхование на новых началах стало осуществляться с мая 1922 г., когда оно было учреждено обязательным постановлением Народного комиссара социального обеспечения Горской республики от 21 апреля 1922 г.

Первый пункт этого постановления гласил: «Все лица, возглавляющие перешедшие на самооплату государственные учреждения, предприятия и хозяйства, а равно и лица, возглавляющие учреждения, предприятия, хозяйства: концессионные, арендные, кооперативные, артельные, товарищеские, общественные и частные, не исключая лиц, пользующихся в своей частной жизни услугами поваров, кухарок, горничных, дворников, сторожей, конюхов, кучеров и т.п., обязаны ежемесячно не позже 5-го числа каждого месяца доставлять в отдел социального страхования сведения о суммах заработка, выплаченных ими за прошедший месяц рабочим и служащим как постоянным, так и временным и поденным, включая в заработок и натуральное довольствие в переводе его на деньги (квартира, одежда, обувь, пища и т.п.)» [10].

Далее в постановлении было указано о том, чтобы все страхователи вносили положенные страховые взносы до 20 числа за каждый прошедший месяц. За неверные сведения о зарплате или несвоевременные взносы страхователи подвергались крупному штрафу. После образования Северо-Осетинской автономной области (7 июля 1924 г.) первым председателем областной страховой кассы становится Тамара Степановна Катова-Мещанинова, которая вложила много труда и энергии в налаживание социального страхования. Сохранившиеся документы свидетельствуют, в частности, о настойчивости Катовой-Мещаниновой, благодаря которой она смогла успешно завершить постройку первого в Северной Осетии дома отдыха «Цей» [10].

7 октября 1925 г. Краевой комитет страховой кассы (г. Ростов-на-Дону) вынес решение сократить ассигнования на постройку этого дома отдыха, сделать его на 50 мест вместо планировавшихся 100. Катова-Мещанинова при обсуждении этого вопроса на президиуме несколько раз выступала против такого решения, требуя увеличить ассигнования на постройку дома отдыха. Она ссылаясь при этом на острую необходимость организации полноценного отдыха для рабочих «Кавцинка», Сапонского рудника, Мизурской обогатительной фабрики и других предприятий [Там же]. Таким образом, благодаря энергии и настойчивости Катовой-Мещаниновой дом отдыха «Цей» был построен на 100 мест и сыграл большую роль в укреплении здоровья трудящихся Северной Осетии. Владикавказская окружная касса, созданная в октябре 1924 г., проводила значительную работу уже в начале своей деятельности. Из отчета кассы за конец 1924 и 1925 гг. [11] следует, например, что в августе 1925 г. застраховано было уже 5 390 рабочих и служащих, или почти все работавшие по найму [Там же], а в 1926–1927 гг. число застрахованных уже составило 5 681 человек [12. Л. 29]. Страхкасса под руководством профсоюзов направляла свои средства на удовлетворение самых неотложных и острых нужд трудящихся. О высокой эффективности работы инспекции охраны труда свидетельствует сокращение количества несчастных случаев на производстве по сравнению с довоенным периодом. В России, по данным страховых товариществ, в 1914 г. в среднем на 1 000 застрахованных было зарегистрировано 45 несчастных случаев. В 1925 г. во Владикавказской страхкассе было зарегистрировано всего 27 таких случаев на 1 000 застрахованных [Там же]. Причем несчастные случаи происходили главным образом на частных предприятиях, где условия труда были значительно хуже, чем на государственных. Средняя продолжительность одного заболевания в 1925 г. была 12,7 дня у мужчин и 13,7 дня у женщин. Число случаев заболеваний на 100 работающих возросло с 29,6 в 1924 г. до 49 в 1925 г. [Там же]. Таким образом, продолжительность невыхода на работу по больничным листам возросла. Дело в том, что в первое время довоенные врачи страховых касс имели право освобождать больных от работы до 10 дней. Этим пользовались люди, безответственно относящиеся к своему трудовому долгу. Многие больные, поправившись, продолжали не выходить на работу, так как срок больничного листа еще не истек. Такое положение дел ущемляло интересы производства, не по назначению расходовались средства страхкасс.

В связи с этим с 1 апреля 1925 г. комитет кассы социального страхования повысил требования к медицинским работникам, ограничив их в правах – теперь они могли освобождать от работы по болезни только на семь дней вместо десяти. Были приняты меры по усилению работы страховых делегатов [11]. В результате потери рабочих дней из-за болезней значительно

сократились. Большую заботу кассы страхования проявляли о безработных. Правом пособия по безработице пользовались лица, не имевшие средств к существованию и зарегистрировавшиеся на бирже труда. Пособия разделялись на две категории: в зависимости от стажа работы и квалификации. В августе 1925 г. пособие безработным 1-й категории определялось в сумме 12 рублей, а 2-й категории – 8 рублей в месяц. Всего за год по безработице было выплачено 17 442 рубля [Там же]. Кроме основного пособия, безработные и члены их семей получали помощь на кормление ребенка, на приобретение предметов ухода за новорожденными.

Помимо денежных пособий, кассы страхования оказывали безработным помощь в трудоустройстве. Из их числа, например, специальным подотделом биржи труда были организованы коллективы грузчиков, пильщиков, уборщиков и т.д. На 1 сентября 1925 г. насчитывалось шесть таких коллективов. Кассы страхования выплачивали пенсии инвалидам труда. На 1 октября 1925 г. во владикавказской кассе социального страхования числилось 270 инвалидов труда. Всего за год им было выдано 20 271 рубль [Там же]. Оказывалась помощь и семьям умерших кормильцев. По линии социального страхования отпускалось немало средств на улучшение медицинской помощи трудящимся, на их обеспечение медикаментами. За счет касс страхования трудящихся посылали на отдых и лечение в здравницы. В то время страховые кассы города Владикавказа, Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, объединявшиеся краевой страхкассой, имели свой санаторий в Кисловодске, дома отдыха в Цее и Серноводске.

Таким образом, социальное страхование стало мощным средством укрепления здоровья трудящихся, создания наилучших условий труда и быта, предупреждения заболеваний. Забота об улучшении условий труда и быта рабочих и служащих Северной Осетии явилась большим подспорьем в борьбе за быстрое восстановление народного хозяйства. Заметной вехой в истории социального страхования Северной Осетии является передача этого органа в управление профсоюзам на основании постановления ВЦСПС от 23 июня 1933 г. Все средства социального страхования, а также санатории, дома отдыха и другие учреждения были переданы в управление ВЦСПС. Непосредственное руководство осуществлялось сначала отраслевыми, а затем территориальными межсоюзными профсоюзными органами. На предприятиях (учреждениях, организациях) работу по назначению пособий, контролю за правильностью их выдачи, обеспечению путевками проводили профсоюзные комитеты. Профсоюзы стали заниматься также вопросами охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии. Многие вопросы охраны труда впоследствии вновь были переданы в ведение государственных органов, а социальное страхование еще долгие годы управлялось профсоюзами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горный журнал. Владикавказ. 1915. № 10–11.
2. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М., 1974.

3. Ленин В.И. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Резолюции конференции. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 21.
4. Социальное обеспечение и страхование в СССР. Сборник официальных документов с комментариями. М., 1972.
5. Соратники В.И. Ленина – организаторы профсоюзов СССР. М., 1970.
6. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (РСО-Алания) (ЦГА РСО-А). Ф. 169. Оп. 1. Д. 686.
7. Ленин В.И. Материалы по пересмотру партийной программы // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 32.
8. Центральный государственный архив историко-партийной документации РСО-Алания (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. 1849. Оп. 1. Д. 21.
9. Профсоюзы СССР. Сборник документов и материалов. М., 1963. Т. 2.
10. Выписка из протокола № 14 заседания президиума крайкомстрах-кассы от 7 октября 1924 г.
11. Отчет Владикавказской окружной кассы социального страхования за 1924–1925 гг. Владикавказ : Типолитография, 1925.
12. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 211. Оп. 1. Д. 65.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 сентября 2013 г.

FROM THE HISTORY OF SOCIAL INSURANCE DEVELOPMENT IN NORTH OSSETIA

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 92-96. DOI: 10.17223/15617793/380/13

Makhtsiev Nina S., Kanukova Zalina V. North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: ardoz@mail.ru / z.kanukova@mail.ru

Keywords: North Ossetia; auxiliary cash register; hospital fund; social insurance office; social insurance.

The article explores the history of the origins and development of the social insurance system in North Ossetia. There is a need to know the sources of the origin and development of social insurance in the country, considering the special importance of Social Security, its impact on the social processes taking place in the society today. The paper aims to show there was also a system of social insurance in North Ossetia and to note the historical events that were the basis for its formation. The study of this problem is relevant for at this moment social insurance is the main tool to protect human rights in the market economy conditions. The article deals with the historical aspects of social insurance in North Ossetia, which began with the auxiliary offices formation in Alagir mining partnership in 1862. The October Revolution beginning a new social order set the basic principles of social self-defense for the country's working people. Instead of the sickness funds self-managed insurance funds were established, where the board was elected by the workers themselves. The state covered the cost of workers' insurance. All employees were to be insured. Social insurance in North Ossetia on a new basis was launched in May 1922, when it was established by a by-law of the People's Social Security Commissioner of The Mountainous Republic of the Northern Caucasus of April 21, 1922. The article analyzes the activities of the formed Vladikavkaz district insurance office and the North Ossetian regional insurance office, which were established in October 1924. The article shows how the available funds in North Ossetia were used by the social insurance for improving workers' everyday life. Concern for improving the working and living conditions of workers and employees was a tool in the struggle for the quick recovery of the economy. An important milestone in the history of social insurance in North Ossetia is the transfer of its management to trade unions based on the resolution of the Council of Trade Unions of June 23, 1933. All social insurance funds as well as health resorts and other institutions were transferred to the Council of Trade Unions. The article is based on documentary sources and literature. This study may be useful for modern politicians, historians, and social insurance employees of both regional and federal levels.

REFERENCES

1. Gornyy zhurnal. Vladikavkaz. 1915. No. 10–11.
2. Andreev V.S. Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR. M., 1974.
3. Lenin V.I. VI (Prazhskaya) Vserossiyskaya konferentsiya RSDRP. Rezolyutsii konferentsii. Ob otnoshenii k dumskomu zakonoproektu o gosudarstvennom strakhovanii rabochikh. Polnoe sobranie sochineniy. 5-e izd. M., 1968. V. 21.
4. Sotsial'noe obespechenie i strakhovanie v SSSR. Sbornik ofitsial'nykh dokumentov s kommentariyami. M., 1972.
5. Soratniki V.I. Lenina – organizatory profsoyuzov SSSR. M., 1970.
6. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (RSO-Alaniya) (TsGA RSO-A). F. 169. Op. 1. D. 686.
7. Lenin V.I. Materialy po peresmotru partiynoy programmy. Polnoe sobranie sochineniy. 5-e izd. M., 1969. V. 32.
8. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-partiynoy dokumentatsii RSO-Alaniya (TsGA IPD RSO-A). F. 1849. Op. 1. D. 21.
9. Profsoyuzy SSSR. Sbornik dokumentov i materialov. M., 1963. V. 2.
10. Vypiska iz protokola № 14 zasedaniya prezidiuma kraykomstrakh-kassy ot 7 oktyabrya 1924 g.
11. Otchet Vladikavkazskoy okruzhnoy kassy sotsial'nogo strakhovaniya za 1924–1925 gg. Vladikavkaz : Tipolitografiya, 1925.
12. TsGA IPD RSO-A. F. 211. Op. 1. D. 65.

П.Ф. Никулин

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ XVI – НАЧАЛА XX в.

Рассматривается проблема соотношения роли государства и общества в социальном управлении дореволюционной российской цивилизации. Если по типу социального управления европейское общество можно определить как социально-договорную цивилизацию, то российское – как государственную цивилизацию. Все представители управляющего класса служили только государю, получая за это вотчину или оклад-поместье. Автор считает, что, в отличие от европейского сословия феодалов, правящий служилый класс Московского царства выступал в системе социального регулирования как часть государства, а не общества.

Ключевые слова: российская цивилизация; служилое сословие; государство, царь.

На современном этапе развития отечественной историографии происходит интенсивное освоение новых методов научного осмысления особенностей исторического развития России. Очень плодотворным в этой связи представляется цивилизационный подход. С его точки зрения общество – это цивилизация. В основе цивилизационного единства – органическая общность материальной и духовной культуры. Духовно-человеческое имеет в жизни общества решающее значение. Следовательно, цивилизацию можно определить как целостный социокультурный организм. Именно целостная, системно-органическая природа, включающая в себя универсальное и особое, обуславливает неповторимость и оригинальность цивилизации. Поэтому особенное в социокультурном строении, функционировании и эволюции той или иной цивилизации находится в центре внимания современной цивилиографии.

История возникновения и развития дореволюционной России, занимавшей в мировой системе цивилизаций особое место, получила в современной литературе достаточно широкое методологическое и конкретно-историческое освещение [1–14 и др.]. Интенсивное изучение цивилизационных факторов российской истории позволило выделить главные духовно-культурные и социальные особенности функционирования нашей цивилизации. Практически все исследователи отмечают очень сильную роль государства в социальных процессах России, определяя степень его влияния в широких пределах – от простого вмешательства в дела общества до полного зарегулирования внутренней жизни сословий (классов) и подавления их социальной суверенности и самостоятельности. Несмотря на существенные различия в оценках, их общей чертой является недостаточное понимание универсальности социальной природы и функций Российского государства. Оно трактуется, главным образом, как социальная подсистема, чрезмерно (сверхфункционально) регулирующая самостоятельно сложившиеся сословно-классовые и корпоративные отношения. В результате это приводит к отрицанию системообразующей роли государства, которое, по существу, является социально-генетическим ядром нашей страны-цивилизации. Сильное, регулирующее социальные отношения государство – это, по сути, главная особенность в фор-

мировании, функционировании и развитии российской цивилизации. Таким образом, государственное управление определило основные особенности России. Важнейшие среди них – особенности формирования и функционирования ее социальной структуры, а также роль иерархии правящего класса и государства в регулировании социальных отношений. Рассмотрение их – главный предмет настоящей работы. Присущие дореволюционной российской цивилизации особенности воспроизводились во всех фазах ее существования. Менялись лишь сила и форма их проявления. Поэтому хронологические рамки настоящей работы охватывают время с середины XVI в., когда сложилось Московское царство, до начала XX в. – времени гибели Российской империи.

Общество – это саморегулируемая, саморазвивающаяся социокультурная система. Интегральное, целостно-системное качество общества выражает его социальная иерархия (структура). Структуру любой системы составляют ее элементы, подсистемы и взаимосвязи между ними. Социальную структуру цивилизации составляют сословия, классы, группы и функциональные общественные подсистемы – экономика, социальная и духовная культура, политическая организация. Решающую роль в установлении определенного социального порядка в обществе и управлении им, несомненно, играет правящий класс. Именно его интересы и организация образуют общий каркас социальной иерархии цивилизации и определяют тип и принципы функционирования всей системы общественных отношений. Для управления жизнью общества и регулирования социальных отношений правящий класс конституируется в государство. Государственный аппарат является для господствующего класса прямым орудием общественного регулирования. Вместе с тем государство выступает как самостоятельный социальный субъект. Общество в целом, включая социально-политическую элиту, становится объектом государственного регулирования. Несмотря на пассивное (объектное) положение в системе управления социумом, социальные группы – сословия, классы, корпорации, профессиональные сообщества – выступают в процессе регулирования общественных отношений как активные, самостоятельные участники, обладающие серьезным

управленческим потенциалом и властной субъектностью. Управленческая субъектность социальных групп, выраженная во властной мотивации, обусловлена необходимостью защищать групповые интересы, ценности и улучшать свое социальное положение и правовой статус. Стремление управляемых классов (сословий) участвовать во власти определено также объективными требованиями, которые система социального управления предъявляет к властному субъекту. Процесс государственного регулирования общественных отношений требует обязательной всесторонней обратной связи с управляемыми сообществами. Государство должно понимать насущные экономические и социально-культурные интересы социальных групп, учитывать мотивационную сферу их деятельности, знать реальное общественное положение корпораций и предвидеть экономические, социокультурные и политические последствия принимаемых законов, решений и управленческих действий.

Как следует из вышеуказанного, обязательный учет государственной властью обратных социальных связей имеет для цивилизации универсальное значение. Его реализация, с одной стороны, позволяет государству более эффективно регулировать общественные отношения, с другой – дает возможность управляемым классам участвовать в социальном управлении и проводить в жизнь свои интересы. Наилучшим проводником сословных интересов и требований являлось выборное сословно-корпоративное самоуправление, поддерживаемое государством. Общественно-корпоративное самоуправление населения, опираясь на реальные властные полномочия и учреждения, вступало в борьбу за расширение своей власти и участие в общем государственном управлении. В это политическое движение неминуемо включалась и не вошедшая в систему прямой государственной власти неправящая элита, завершая тем самым субъектно-политическое становление общества и его превращение в равного с государством участника социально-политического процесса. В итоге правящий класс приобретал главенствующую роль и в политической борьбе общественных сил, включая массовые движения народа.

В конкретно-историческом плане формирование и развитие системы социального управления той или иной цивилизации определялись соотношением сил, сотрудничеством и политической борьбой государства и общества, возглавлявшейся с обеих сторон различными группировками правящих классов. В силу того что разные цивилизации развивались в различных социально-исторических условиях, в них сложились разнотипные системы регулирования социальных отношений, а именно: с преобладанием государства (государственный тип) или при господстве общества (социальный тип). Ключевые отличия обществ в плане особенностей сложившихся в их рамках систем социального регулирования предопределили фундаментальное, формирующее значение данного критерия в типологизации цивилизаций. Следовательно, главные социальные особенности той или иной цивилизации вполне можно опреде-

лить по типу социального управления (государственное или общественное), воплощенному в структуре, типе и принципах взаимоотношений внутри правящего класса. Этот метод и стал основой попытки разрешить поставленную в настоящей работе проблему.

Прежде обратимся к особенностям социального управления западной цивилизации. В своих самых существенных чертах европейская система общественного регулирования сложилась еще в Средневековье. В ее основе – оформленная в виде феодальной «лестницы» социальная иерархия правящего сословия феодалов. На вершине лестницы находился король. Далее все строилось в виде системы феодальных отношений: ниже располагались вассалы короля – герцоги, еще ниже – вассалы герцогов – графы (маркграфы) и, наконец, – подчинявшиеся графам бароны. Вассал служил своему сюзерену и находился с ним в договорных отношениях, получая земельное владение – феодал – в обмен на военную службу последнему. Во всем остальном, включая сбор налогов, административное управление, суд, право земельной собственности и эксплуатацию непосредственных производителей, он был полностью суверенным. Символ государства – король – был лишь верховным арбитром системы. По существу – это социальная система, в которой суверенитет был распределен между всеми ее субъектами, включая государство. В экономической сфере ей соответствовало право полной частной собственности. Отношения внутри правящего класса и с государством регулировались самими феодалами путем заключения публично-правовых и частных договоров или в худшем случае – силой. Государство являлось только правовым и судебным гарантом системы. Организация правящего класса феодалов выступала в данной социальной системе как часть и матрица (ядро) общества. Следовательно, общую социальную структуру цивилизации и подсистему общественного регулирования строило не феодальное государство, а общество в лице сословия феодальных суверенов.

Феодальный тип социальных отношений был идеалом и для управляемых корпораций и сословий средневекового европейского общества. Поэтому они постоянно боролись за достижение суверенного статуса. Особых успехов на этом поприще достигли горожане, став независимым и самостоятельным субъектом средневекового общества. Суверенное положение имели также свободные крестьянские общины. Зависимое население находилось под юрисдикцией феодальных суверенов.

В дальнейшем, с развитием товарно-денежных отношений и усложнением социальной структуры, в Европе резко возросла роль государства и города. К государству отошли налоги, суд, администрация, порядок, часть экономики, значительно расширилась сфера его правового вмешательства. Город, являясь феодальным сувереном и главным носителем товарно-денежных отношений, переформировал по своему подобию всю социальную структуру европейской цивилизации и в XVIII – XIX вв. перевел ее в буржуаз-

ную фазу развития. Несмотря на столь тектонические подвижки, Европа сохранила свой феодальный по происхождению цивилизационный генотип регулирования общественных отношений. В любой западноевропейской стране все социальные субъекты, будь то отдельный человек, группа, класс или государственное учреждение, – равные суверены, способные самостоятельно изменить свой социальный статус. Они сами, не апеллируя к государству, налаживают и регулируют свои отношения в органах местного самоуправления и завоеванном парламенте, заключают договоры и сделки, самостоятельно – силой или в независимом суде – разрешают конфликты. Государство – гарант права, порядка и внешней безопасности общества. В социальной сфере государство выступает в качестве обычного социального субъекта. Если все это обобщить, то по типу социального управления европейское общество можно определить как социально-договорную цивилизацию. Ее ядро и движущая сила развития – само общество и составляющие его самостоятельные социальные субъекты. Полная суверенность социальных групп европейского общества сформировала в менталитете и социальном поведении его представителей очень важный принцип самостоятельности и общественной активности, требующий от корпораций и отдельных людей активно и без апелляции к органам власти защищать свои интересы, бороться за расширение своих прав и повышение социального статуса.

Принципиально иная картина возникает при рассмотрении управляющей системы российской цивилизации [15–25]. Она сформировалась в средневековом Московском государстве XVI–XVII вв. В ее основе построенная на принципах жесткой централизации (министериалитета) служилая организация правящего класса. Основной признак такой иерархии – сосредоточение власти и суверенитета в одном центре. В центре системы – государь. Все представители управляющего класса, независимо от ранга, служили только ему, получая за это вотчину или оклад-поместье. Ни в какие самостоятельные (договорные) отношения, кроме служебных, они вступать не могли. Служебная иерархия определялась государем и обычаем (местничество). Московские служилые люди – столичные дети боярские – образовывали Государев двор, дававший царю управленческие кадры. Провинциальный служилый люд – городовые дети боярские – составлял дворянское войско. Суверенитет служилого человека был неполным не только в служебно-иерархических отношениях, но и в пожалованных ему владениях. Государь брал налоги с его крестьян, судил их за преступления и следил за порядком на его территории. Мог и отобрать поместье за нерадивую службу. С другой стороны, царь мог пожаловать служилому человеку новые владения, дать ему налоговую, административную или судебную льготу.

В общем в средневековой российской цивилизации полным социальным сувереном был только государь (государство). С целью исполнения функций государственного управления он жаловал (делегировал) часть

своего суверенитета служившим ему представителям правящего класса. Служилый человек был самостоятельным в рамках пожалованных полномочий. Изменить его служебно-социальный статус мог только государь. Таким образом, в отличие от европейского сословия феодалов, правящий служилый класс Московского царства выступал в системе социального регулирования как часть государства, а не общества.

На том же принципе системообразующей роли государства в формировании общества выстраивалась и общая социальная структура российской цивилизации XVI–XVII вв. Управляемые сословия и корпорации, не имея самостоятельных иерархических связей, замыкались только на государя. Отличался лишь род их служения государю. Подчиненные сословия служили государю и государству, исполняя свои социальные функции-обязанности. Это была служба воинская (стрельцы и казаки), духовно-идеологическое служение (священники и монахи) и «служба» тягловая (черносошные крестьяне и горожане). За исполнение своих тягловых обязанностей низшие сословия получали право селиться на государевых землях и вести свое хозяйство. Как и служилым людям, царь жаловал им таможенные, торговые, административные, судебные и хозяйственные льготы. Или, наоборот, мог увеличить тягло и отобрать ту или иную льготу. Царский суд улаживал конфликты.

На первый взгляд, из данной системы несколько выпадал статус помещичьих крестьян. На деле, однако, он прекрасно вписывался в нее. Помещичьи крестьяне продолжали платить государственный налог. Кроме того, государство подчинило их помещикам для того, чтобы те могли нести административную и военную службу. Следовательно, можно считать крепостнические отношения крайней формой служило-государственной системы. В XVII в. крепостничество несло на себе отчетливый отпечаток государственных интересов.

Итак, в социальной системе Московского царства государь (государство) был единственным источником и субъектом суверенитета. Другие социальные субъекты, включая разные группы правящего класса, лишь получали полномочия от единого суверена. Их суверенитет был пожалованным. В его рамках они были свободными. Дарованный сословиям и корпорациям суверенитет в целом непрерывно увеличивался. Особенно интенсивно развивалось право земельной собственности служилых дворян на их владения-поместья. Жалуя различным субъектам разные объемы полномочий, льгот и обязанностей, царь формировал социальную структуру, подчиненную задачам государства и цивилизации. В этой системе ни одно сословие или группа не имели самостоятельных договорных связей с другими социальными субъектами. Никто не имел права самостоятельно изменять свой социальный статус. Сделать это мог только государь. Он регулировал и межсословные отношения. С другой стороны, та или иная социальная группа, стремясь восстановить или улучшить свое положение, должна была обращаться к царю. Именно такую, а не социаль-

но-договорную (парламентскую), роль в данной системе играли сословно-представительные Земские соборы, которые, следовательно, исполняли в государственной системе управления Московского царства очень важную функцию обратной социальной связи. Любые попытки той или иной корпорации изменить свой статус самостоятельным способом приводили к дезорганизации и хаосу, как это было в годы смут и потрясений. После них Россия восстанавливалась только на путях интенсивной централизации государственной власти.

При Петре I с целью осуществления модернизации страны и ускорения ее развития служило-государственные черты российской цивилизации были резко усилены. В ее центре, «превратив» царя в верховного субъекта (часть) государственного аппарата, встало само государство – держава. Дворянство исполняло обязательную бессрочную службу. Служилыми сословиями стали купцы и вольные казаки, была огосударствлена церковь. В несколько раз увеличилось обложение крестьянства, лично закрепощены помещичьи крестьяне. Крестьянство в целом и горожане стали нести рекрутскую солдатскую службу. Именно в этот период практически во всех слоях российского населения начал формироваться и укрепляться служилый менталитет, очень ярко выражающий государственную природу российской цивилизации.

В конце XVIII в. в связи с утверждением модернизационных процессов и развитием товарно-денежных и социальных отношений государство освободило от обязательной службы дворян (Жалованная грамота дворянству, 1785 г.) и дало самоуправление главным носителям товарно-денежных отношений – горожанам (Жалованная грамота городам, 1785 г.). В середине XIX в. российское самодержавие освободило от крепостной зависимости помещичьих крестьян и дало крестьянскому сословию в лице общины статус самостоятельного социального субъекта. В пореформенный период государство осуществило социально-буржуазную и политическую модернизацию и сделало капиталистический рынок важнейшим фактором развития страны. Но этот социально-экономический процесс был разрушен самодельной социально-политической активностью либеральной буржуазии, интеллигенции и политизированной части рабочих и крестьян. Это привело к гибели традиционную цивилизацию России XVI – начала XX в., основанную на государственной системе общественно-го управления. После революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. прежнее российское общество с необходимостью сменила его новая ипостась – советская государственная цивилизация XX в.

Таким образом, в России сформировалась особая, служило-государственная по типу регулирования социальных отношений, цивилизация. Во второй половине XIX в., с отменой принципа прямой службы сословий государству, российский социум трансформировался в чисто государственную цивилизацию. Но служилое отношение сословий и классов к государству закрепились в общей российской ментальности в качестве важнейшего принципа служения Отечеству-государству как единственному гаранту суверенной целостности и внутренней стабильности России.

В центре российской цивилизации – сильное государство. Оно всегда являлось главным регулятором замкнутой на него системы социальных отношений и главной движущей силой исторического развития страны. Разные сословия, классы и корпорации могли только апеллировать к государству. Полная социальная самостоятельность и корпоративный эгоизм сословий и классов в такой системе управления неминуемо подрывали все здание цивилизации и вели ее к гибели. Поэтому после смут и революций Россия неминуемо возвращалась к сильному государственному управлению.

Структурообразующая и регулятивная роль государства в российском обществе предопределила его сверхцентрализованный, потенциально мобильный характер. Формирование и развитие мобилизационного типа социального управления, присущего российской цивилизации, было обусловлено воздействием следующих фундаментальных исторических факторов, хорошо изученных дореволюционными, советскими и современными исследователями: суровые природно-климатические условия, обширность территории, православная культура русского народа, непомерно сложная геополитическая обстановка и многонациональный состав населения России. Главную роль среди них, несомненно, играли природный и геополитический факторы. Экстремальная природно-географическая среда была источником внутренней (адаптационной) мобилизации. Периодически изменявшееся, но неизменно опасное геополитическое окружение являлось внешней движущей силой, регулярно требовавшей новых модернизационных усилий государства в осуществлении социального, экономического и культурного развития Российской империи.

Большинство русского народа понимало данные социально-генетические особенности своей страны и выработало в себе и своей социальной культуре положительное отношение к сильной монархической (централизованной) власти, государственной службе и к цивилизации-государству – России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2002.
2. Цивилизация и исторический процесс. М., 1983.
3. Ерыгин А.Н. Восток – Запад – Россия (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях). Ростов н/Д, 1993.
4. Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX–XX века. М., 1995.
5. Чусовитин А.Г. Российская цивилизация. Новосибирск, 1997.
6. Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М., 1999.
7. Ильин В.В., Ахизер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
8. Российская цивилизация: пространственно-временные характеристики. Саратов, 2001.
9. Российская цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.

10. Семенкова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2003.
11. Сахаров А.Н. Россия. Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004.
12. Королева Л.Г. Культурно-цивилизационная сущность России. М., 2005.
13. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: Проблемы взаимодействия. М., 2007.
14. Костяев А.Н., Максимова Н.Ю. Современная российская цивилизация: Подходы, проблемы, понятия. М., 2008.
15. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
16. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. М., 1969.
17. Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.
18. Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.
19. Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994.
20. Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
21. Быстренко В.И. История государственного управления и самоуправления в России. Новосибирск. М., 1997.
22. Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII в. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.
23. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.) : в 2-х т. СПб., 1999.
24. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.
25. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 января 2014 г.

SPECIFICS OF SOCIAL GOVERNANCE IN THE RUSSIAN CIVILIZATION IN THE 16TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 97-101. DOI: 10.17223/15617793/380/14

Nikulin Pyotr F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: K1tat@yandex.ru

Keywords: social governance; Russia; state; civilization.

This methodology-oriented paper is devoted to the problem of interrelationship of the roles of the state and society in the societal governance of the pre-revolutionary Russian civilization. First and foremost, let us turn to the specifics of the social governance in the Western civilization. In its most essential features, the European system of social regulation was formed as early as in the Middle Ages. Its foundation was the feudal hierarchy of the ruling class of feudal lords. In that social system the organization of the ruling class of feudal lords acted as a part and a matrix (the core) of the society. Consequently, the general social structure of the civilization and subsystem of societal regulation was built on the basis of contractual relations not by the feudal state, but by the society represented in the stratum of feudal sovereigns. Thus, according to the type of social governance the European society can be defined as a social-contractual civilization. Its core and moving force was the society itself and its constituent sovereign social subjects. A qualitatively different picture emerges when the governing system of the Russian civilization is considered. It emerged in the Middle Ages in the Moscow State of the 16th – 17th centuries. Its foundation was the highly centralized (based on ministerialism) organization of the ruling class. The major distinctive feature of such a hierarchy is the concentration of power and sovereignty in one center. At the center of the system is the monarch. All the members of the governing class served him only, receiving patrimony or salary (an estate) in return. Therefore, unlike the European stratum of feudal lords, the ruling ministerial class of the Moscow Tsardom acted in the system of social regulation as part of the state and not of the society. As a result, the state-centered type of social governance consolidated in the Russian civilization. It was on the basis of the same principle of the state's system-building role that the general social structure of Russia developed in the 16th – 17th centuries. The subordinate strata and corporations, devoid of independent hierarchical connections, were locked onto the monarch. The subordinate strata served the monarch and the state, fulfilling their social functions and duties. Consequently, a specific civilization developed in Russia distinguished by the ministerial-state type of regulation of social relations. In the second half of the 19th century when the principle of direct service of the strata to the state was abolished the Russian society transformed into a purely state-centered civilization. However, the ministerial attitude of the strata and classes to the state became necessarily entrenched in the Russian mentality as the most essential principle of serving the Homeland-State, the sole guarantor of Russia's sovereign integrity and internal stability.

REFERENCES

1. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. M., 2002.
2. Tsivilizatsiya i istoricheskiy protsess. M., 1983.
3. Erygin A.N. Vostok – Zapad – Rossiya (Stanovlenie tsivilizatsionnogo podkhoda v istoricheskikh issledovaniyakh). Rostov n/D, 1993.
4. Ionov I.N. Rossiyskaya tsivilizatsiya. IX–KhKh veka. M., 1995.
5. Chusovitin A.G. Rossiyskaya tsivilizatsiya. Novosibirsk, 1997.
6. Bol'shakov V.I. Grani russkoy tsivilizatsii. M., 1999.
7. Il'in V.V., Akhiezer A.S. Rossiyskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granitsy, vozmozhnosti. M., 2000.
8. Rossiyskaya tsivilizatsiya: prostranstvenno-vremennye kharakteristiki. Saratov, 2001.
9. Rossiyskaya tsivilizatsiya. Edinstvo i protivorechiya. M., 2003.
10. Semenikova L.I. Rossiya v mirovom soobshchestve tsivilizatsiy. M., 2003.
11. Sakharov A.N. Rossiya. Narod. Praviteli. Tsivilizatsiya. M., 2004.
12. Koroleva L.G. Kul'turno-tsivilizatsionnaya sushchnost' Rossii. M., 2005.
13. Ionov I.N. Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: Problemy vzaimodeystviya. M., 2007.
14. Kostyaev A.N., Maksimova N.Yu. Sovremennaya russiyskaya tsivilizatsiya: Podkhody, problemy, ponyatiya. M., 2008.
15. Veselovskiy S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev. M., 1969.
16. Nosov N.E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdeniy v Rossii. M., 1969.
17. Tikhomirov M.N. Rossiyskoe gosudarstvo XV–XVII vekov. M., 1973.
18. Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv. M., 1991.
19. Sosloviya i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. XV – sredina XIX vv. M., 1994.
20. Vlast' i reformy. Ot samoderzhaviya k sovetsoy Rossii. SPb., 1996.
21. Bystrenko V.I. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya i samoupravleniya v Rossii. Novosibirsk. M., 1997.
22. Andreev I.L. Dvoryanstvo i sluzhba v XVII v. // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 2. S. 164–175.
23. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala KhKh v.) : v 2-kh t. SPb., 1999.
24. Lukin P.V. Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoy vlasti v Rossii XVII veka. M., 2000.
25. Ivanova N.A., Zheltova V.P. Soslovnoe obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo KhKh veka). M., 2010.

С.В. Сотникова

ОБРАЗ КОЛЕСНИЦЫ И КОЛЕСНИЧЕГО В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ РИТУАЛА И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Статья посвящена реконструкции ритуалов и представлений, связанных с образом колесницы, коня и колесничего. Эти ритуалы получили широкое распространение в культурах эпохи бронзы евразийских степей, индоиранская принадлежность которых признается многими исследователями. Особое внимание уделяется интерпретации погребений с «колесничным» инвентарем из Синташтинского большого грунтового могильника. Эти находки свидетельствуют о существовании двух ритуалов. Один из них связан с представлениями о смерти как жертвоприношении и относится к погребению человека с «колесничным» инвентарем на дне ямы. Другой ритуал связан с колесничными состязаниями на похоронах и фиксируется в виде парных захоронений лошадей на перекрытии погребальных камер.

Ключевые слова: эпоха бронзы; памятники синташтинского типа; ритуал, колесницы; жертвоприношение.

В эпоху бронзы на территории евразийских степей в разное время сложилось несколько культурно-исторических общностей (ямная, катакомбная, срубная, андроновская), в погребениях которых зафиксированы остатки повозок, колесниц или их частей. Четырех- или двухколесная повозка, запряженная быками, а позднее боевая двухколесная колесница, запряженная конями, играли заметную роль как в жизни, так и в ритуалах и представлениях населения евразийских степей эпохи бронзы. Этническая и языковая атрибуция этих археологических культур является достаточно сложной задачей, однако многие исследователи связывают эти культурные образования с индоиранцами. Это позволяет привлечь для реконструкции ритуалов и представлений степного населения эпохи бронзы индоиранские письменные источники, прежде всего «Ригведу». Е.И. Елизаренкова и В.Н. Топоров определяют роль повозки в жизни ведийских ариев, создателей «Ригведы», следующим образом: «Они жили, скорее, на колесах, передвигаясь с места на место в сопровождении своих стад, нежели оседло, на одном постоянном месте; повозка была важнее дома, и даже не потому, что в ней они проводили столько же и даже больше времени, чем в “стационарном” доме, столько потому, что сама повозка рассматривалась как “малый” дом, “малая” родина, где все было интимно связано с человеком и все было на век: постоянной была вечно передвигающаяся повозка, переменным был неподвижный дом... Не дом и оседлость определяли образ жизни, но передвижение в повозке и его возможности» [1. С. 489–490]. Эти исследователи считают, что в «Ригведе» повозка или колесница – это не столько реалии ведийского быта, сколько сакрализованный и мифологизированный предмет [Там же. С. 490. Прим. 7].

Тяжелые четырехколесные повозки с цельными колесами засвидетельствованы в евразийских степях еще с III тыс. до н.э. на памятниках новосвободненской и новотитаровской культур Прикубанья, ямной культурно-исторической общности и сменившей ее катакомбной. В погребениях ямной культуры колеса размещались по одному и более по углам могилы на уровне перекрытия

или на дне ямы. Иногда в могилы помещались отдельные детали повозок (чаще всего колеса) или модели колеса и повозки из глины, расположение которых было аналогично. Традиция ставить в погребения целую или части повозки находит продолжение у населения катакомбной культурно-исторической общности. Они помещали ее как во входной яме катакомбы, так и в камере. Характерной чертой катакомбного ритуала являлось использование колеса в качестве заслона, закрывающего вход в камеру [2. С. 43; 3. С. 23].

Погребения ямной культуры с повозками уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Одним из аспектов изучения данных комплексов является их социальная и идеологическая интерпретация. В.И. Кузин-Лосев высказал предположение о наличии уже в ямной культуре, где достаточно широко получил распространение обряд, сопровождавшийся помещением в погребения повозок, «комплекса представлений мифологического и обрядового свойств, отражавших данное культурное явление» [4. С. 85–86].

По мнению ряда исследователей, повозка в ямных погребениях имела знаковый характер, указывающий на неординарный статус погребенного. Е.Е. Кузьмина считает, что в таких погребениях захоронены лица, занимавшие привилегированное положение в обществе. Эти люди выполняли военные функции, «что документируется присутствием оружия. Наличие среди могил с повозками и конями, наряду с погребениями мужчин, также захоронений женщин и детей, позволяет ставить вопрос о том, что военная знать составляла особое сословие, принадлежность к которому передавалась по наследству» [5. С. 185]. С целью проверки данного положения С.В. Иванова и В.В. Цимиданов изучили 48 погребений ямной культуры с повозками и обнаружили, что лишь в одном комплексе части повозки сопровождалась предметом вооружения – дротиком (Софиевка 1/9). В то же время в других погребениях ямной культуры, не содержащих повозки, предметы вооружения встречаются. На основании этих наблюдений исследователи делают вывод, что в степной зоне, где основным занятием было скотоводство и скот был лег-

ко отчуждаемым продуктом, выделение небольшой прослойки воинов-профессионалов неэффективно. В этой ситуации воином был каждый мужчина [3. С. 23, 26, 31]. Иного мнения придерживается И.Л. Алексеева, которая считает, что комплексы с повозками свидетельствуют о «сильной жреческой власти» в ямном обществе [6. С. 22].

Наибольший интерес среди исследователей степной бронзы вызвали погребения, содержащие остатки двухколесных повозок, которые были трактованы как колесницы. Двухколесная повозка на сплошных колесах была обнаружена в катакомбном погребении в кургане «Тягунова могила» (курган 11, погребение 27) в Запорожской области. Причем среди деталей повозки было обнаружено стрекало с бронзовым четырехгранным наконечником. Н.Н. Чередниченко и С.Ж. Пустовалов рассматривают эту находку как древнейшую одноосную боевую колесницу. Они считают, что в этой могиле был захоронен воин-колесничий, принадлежавший к высшему слою военной знати [7. С. 104–106; 8. С. 213].

Несколько позже на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана получили распространение памятники синташтинского и петровского типов, которые генетически связаны с алакульской культурой, входившей в состав андроновской культурно-исторической общности. В погребениях синташтинского и петровского населения обнаружены остатки колесниц, которые представлены, как правило, отпечатками нижней части колес со спицами. Они фиксировались на дне погребальной камеры в виде канавообразных, попарно расположенных параллельных углублений, в которых сохранились древесный тлен и отпечатки ободьев и спиц. Исследователи Синташтинского могильника, где обнаружено наибольшее число погребений с остатками колесниц, предполагают, что в могилы ставились их целые экземпляры [9. С. 165–168, 183–185 и т.д.]. Н.Б. Виноградов считает, что преобладала традиция помещения в погребальные камеры отдельных частей повозки, прежде всего колес [10. С. 265]. Он обратил внимание на то, что в некоторых погребениях количество углублений для колес не всегда соответствует реконструируемой двухколесной боевой колеснице. По его наблюдениям, на дне ямы 12 большого грунтового Синташтинского могильника находилось по меньшей мере четыре или даже пять углублений, которые возможно трактовать как углубления для колес. По две пары углублений находилось в противоположных половинах дна ямы, а последнее – ближе к середине одной из длинных сторон. Н.Б. Виноградов предполагает, что либо в яме была представлена имитация четырехколесной повозки, либо имитация двух двухколесных, но не исключено, что было вкопано и пять колес [10. С. 264–266]. Еще более убедительным является материал могильника Каменный Амбар-5, где в яме 6 кургана 2 расчищено лишь одно колесное углубление [11. С. 162]. Традиция помещения в могилы отдельных колес прослеживается и в памятниках потаповского этапа срубной культурно-исторической общности, примерно синхронных синташтинско-петровским комплексам. В захоронении

VI Утевского могильника (курган 6, погребение 4) на одной из коротких стен погребальной камеры обнаружены отгиски округлого предмета, возможно, колеса [12. С. 52].

Высказаны различные мнения о назначении и роли колесниц в погребальном обряде. Ряд исследователей считают, что это были боевые колесницы, которые непосредственно использовались в военном деле [9. С. 214–219 и др.]. Н. Бороффка полагает, что колесницы «должны рассматриваться в большей степени как предмет роскоши для демонстрации социального статуса определенной группы людей, а не как собственно средство войны или охоты» [13. С. 80]. Н.Б. Виноградов на основании изучения синташтинских комплексов приходит к заключению, что при интерпретации погребений с остатками колесниц необходимо учитывать высокую степень семиотичности погребальной обрядности. Некая престижность помещения определенным персонам в могилу деталей двухколесных повозок может являться «воспроизведением модификации объемного “макета” индоевропейского мифа о путешествии души» [10. С. 264].

Другой яркой чертой погребального ритуала синташтинского и петровского населения являются находки в погребениях с остатками колесниц парных костяков лошадей или ритуальных комплексов, состоящих из черепов и костей ног этого животного, нередко в сопровождении псалиев. Речь идет, прежде всего, о погребениях Синташтинского большого грунтового могильника. В некоторых погребениях этого могильника содержатся парные захоронения целых костяков лошадей, которые размещаются на перекрытии или в верхнем заполнении камеры. В погребении 2 на перекрытии обнаружены четыре целых конских скелета. Сначала одна туша была положена вдоль продольной стенки головой на СЗ, затем три – поперек ямы, головами на СВ. В погребении 3 на перекрытии камеры вдоль восточной стенки размещены два конских костяка головами на С. Один из них положен на левый бок, другого – на брюхо с подогнутыми ногами. В погребении 4 на перекрытии камеры располагались попарно четыре туши коней. В погребении 5 на перекрытии были размещены попарно туши шести лошадей. В западной половине ямы две лошади лежали на левом боку, головами на С, две – на левом боку, головами к Ю, в северо-восточной части ямы находилось еще две туши на правом боку. В заполнении погребения 10 поперек ямы на правом боку головами к Ю были захоронены две туши молодых коней. В погребении 12 на перекрытии погребальной камеры размещены попарно 4 лошади, они располагались мордами друг к другу, ногами в противоположные стороны. В погребении 19 на перекрытии также находилось две пары коней: одна пара размещалась вдоль ямы ногами друг к другу, головами на Ю, другая – в противоположной половине ямы, головами на В. В заполнении погребения 26 вдоль стенок располагались скелеты двух коней, лежавших на боку, ногами к середине могилы и черепами на ЮЗ. В погребении 29 на перекрытии размеще-

ны две туши коней головами к СЗ, ногами друг к другу [9. С. 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207].

Захоронения одной или нескольких пар целых туш коней на перекрытии погребальной камеры отчетливо противопоставлены находкам лошадей на дне могильных ям. Кости коней на дне могильных ям, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях на дне ямы сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног этих животных на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений, в которых зафиксированы следы обоих ритуалов. Так, в погребении 4 на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы в северной половине зафиксированы два параллельных углубления для колес, в южной – два черепа лошадей. В погребении 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной – кости ног и два черепа, на которых сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками [Там же. С. 125–126, 132–135]. Есть погребения, в которых зафиксированы следы лишь одного из двух ритуалов. В погребениях 2, 3, 10, 26, 29 обнаружены только следы ритуала, связанного с захоронением целых туш лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении ямы; в погребениях 6, 11, 30 – только следы ритуала, включающего установку частей колесницы (колес) и помещение упряжных коней в виде комплексов из черепов и костей ног на дно могильной ямы.

Вероятно, эти два ритуала отличались как по сценарию, так и по времени отправления. Один из них, следы которого фиксируются на дне могильной ямы, связан с разделением целого на части, другой, следы которого прослеживаются на перекрытии могилы, связан с захоронением целых конских костяков. Обратимся к рассмотрению первого из них.

Ритуал, следы которого представлены на дне могильных ям, мог варьировать. Наиболее полный его вариант представлен в погребении 30. В этом погребении у юго-западной стенки по углам находилось по конскому черепу (рядом с одним – пара костяных псалиев) и возле каждого из них – кости четырех ног. У северо-восточной стенки зафиксированы два параллельных канавообразных углубления, в которых сохранились отпечатки ободьев и спиц от колес. В юго-западной половине ямы в кучу были сложены кости человека. Такое состояние их было уже во время захоронения: все кости целые, но тазовые отчленены от крестца, нижняя челюсть отделена от черепа и т.д. Череп был уложен в юго-западной стороне скопления. Рядом с черепом человека лежал бронзовый нож. У середины юго-западной стенки, в головах

погребенного был поставлен сосуд, а рядом с ним – два крупных камня зеленого цвета (по мнению авторов, этот комплекс связан с культом Сомы). Под костями коня у юго-восточной стенки располагалась ямка-тайник, на дне которой лежал бронзовый наконечник копья, а на его кости ног был положен колчан, в котором находились 11 кремневых и 2 костяных наконечника стрел [9. С. 208–214]. Таким образом, в погребении 30 в наиболее полном виде представлен колесничный комплекс. Исследователями предложена следующая реконструкция ритуала: около левого конского черепа положили узду с двумя костяными псалиями. Вероятно, это объясняется тем, что эта лошадь была коренной, управляемой возничим, который стоял в кузове колесницы с левой стороны. Правую сторону занимал колесничий, вооруженный копьем и луком [9. С. 218].

В других погребениях комплект колесничного вооружения представлен как бы в неполном составе. В некоторых погребениях присутствуют лишь черепа и кости ног коней. Так, в погребении 6 в районе ног умершего находились остатки двух конских черепов и костей конечностей. В погребении 11 у северо-западной стороны, в нише между стенкой ямы и погребальной камерой были обнаружены два конских черепа и череп коровы. На одну из лошадиных голов была надета уздечка с псалиями. В этой же нише находился еще один псалий. У южной стенки камеры размещались кости ног коней [9. С. 137, 140, 155, 161]. В других погребениях находят лишь углубления от колес, но присутствие коней как бы подразумевается. Так, в погребении 12 на дне могилы было расчищено пять колесных углублений, но только пара углублений в западной половине камеры содержала тлен от обода и спиц деревянного колеса, а над ними обнаружены разрозненные кости человека, предварительно очищенные от мягких тканей, два сосуда, наконечники стрел и два псалия, вероятно, от уздечки. В погребениях 19, 28 обнаружено по паре колесных углублений, расположенных параллельно друг другу и размещенных в ногах умершего [9. С. 163–167, 180–183, 202–203. Рис. 91, 106]. Независимо от вариативности ритуала (или его сохранности) весь комплекс находок в данных погребениях убедительно воссоздает образ двухколесной колесницы, запряженной парой лошадей.

Характерной чертой ритуала с использованием образа колесницы являются обрядовые действия, включающие разделение целого на части и составление из них новой целостности. Эти ритуальные действия являются отличительной чертой обряда жертвоприношения индоиранских народов. Наиболее ранние письменные свидетельства подобного ритуала жертвоприношения зафиксированы в «Ригведе» (далее РВ), где имеется описание жертвоприношения богами первочеловека Пуруши. В.Н. Топоров, анализируя гимн Пуруше (РВ. Х. 90), отмечает, что в ходе ритуала жертвоприношения совершается переход от изначальной целостности через множественную расчлененность ко вторичной составной целостности [14. С. 217–218]. Важно подчеркнуть, что в этом гимне речь идет не просто о создании основ-

ных элементов космоса, а о творении высшей ценности во Вселенной – мирового (космического) порядка. По тому же сценарию разворачивается обряд жертвоприношения коня – ашвамедха, занимающего одно из центральных мест в ведийской ритуальной практике. Начало древнейшей упанишады Брихадараньяки (1.1.1) содержит знаменитое истолкование ритуала ашвамедхи, где перечислением частей жертвенного коня изображается вся Вселенная, как в пространственном, так и во временном аспекте. Вероятно, составная жертва имела определенные преимущества перед изначальной, она становилась ритуальным воплощением упорядоченной Вселенной. Следовательно, основным недостатком изначальной жертвы являлось то, что она несоставна и, соответственно, непригодна для упорядочения. Поэтому создание составной целостности являлось главной целью ритуала жертвоприношения.

Данные рассуждения имеют непосредственное отношение к интерпретации археологического материала. В рассмотренных погребальных комплексах нашел отражение не весь цикл жертвоприношения, а лишь заключительная фаза – создание «составной» жертвы. Подобные ритуальные действия совершенно очевидны в отношении костяков коней, которые были принесены в жертву, разъяты на части и составлены в новом порядке. Сложнее распространить реконструируемый комплекс ритуальных действий на другой элемент ритуала – колесницу. Учитывая тот факт, что традиция помещения в погребение разобранных повозок или даже их частей, чаще всего колес, восходит еще к ямному и катакомбному периодам, наиболее убедительным представляется мнение тех исследователей, которые считают, что в синташтинские и петровские погребения ставились только части колесниц, преимущественно колеса.

На основании материалов из погребения 30 Синташтинского большого грунтового могильника становится очевидно, что ритуал, связанный с разделением на части и составлением новой целостности, относился не только к коням и колеснице, но и к самому человеку. Кости человека в этом погребении были очищены от мягких тканей и сложены в виде компактного скопления подпрямоугольной формы, причем череп был положен с юго-западной стороны, как в обычных погребениях с труположением [9. С. 210]. В данном случае мы имеем дело со вторичным захоронением, которому предшествовали какие-то ритуальные действия, связанные с нарушением целостности тела умершего, а затем – созданием из разрозненных частей «куклы», которую и поместили в погребение в сопровождении вооружения, характерного для воина-колесничего (бронзовое копье, колчан со стрелами, бронзовый нож, конская узда). Таким образом, материалы погребения 30 свидетельствуют о совершении грандиозного ритуала жертвоприношения, в ходе которого были разъяты на части, а затем составлены из них в новом порядке колесница, пара запряженных коней и сам воин-колесничий. Создается впечатление, что основной целью ритуала было именно создание «образа» воина-колесничего из риту-

ально значимых частей. Для объяснения этого ритуала вполне уместно обратиться к хеттской традиции, так как она сложилась на индоевропейской основе. В одном из ритуальных хеттских текстов противопоставляется два вида повозок: тяжелая четырехколесная, запрягавшаяся быками и предназначавшаяся для перевозки грузов, и легкая двухколесная колесница, запрягавшаяся лошадьми, для военных целей, торжественных церемоний и состязаний. Ритуальное назначение двух типов хеттских повозок проявляется в царских погребальных обрядах. Тяжелая четырехколесная повозка, запряженная быками, служила для перевозки останков умершего к месту сжигания трупов. Легкая колесница, запряженная лошадьми, служила для образа, изображения умершего (иначе говоря, «куклы»). Этот образ подвозили на легкой колеснице к «палатке», снимали с колесницы, вносили в «палатку» и усаживали на золотой престол, после чего совершался обряд жертвоприношения [15. С. 724–726]. Рассматривая данную аналогию, следует сделать некоторую поправку на то, что хеттский погребальный ритуал предусматривал сожжение умершего, тогда как в синташтинском, по-видимому, имело место выставление трупа (кости умерших из погребений 12, 30 были очищены от мягких тканей). В данном случае представляет интерес связь легкой двухколесной колесницы, запряженной конями, именно с изображением, «куклой» умершего, причем наделенного высоким социальным статусом.

Помимо захоронения на дне ямы расчлененных наборов колесницы, коней и колесничего, синташтинский погребальный ритуал включал и захоронения от одной до трех пар целых костяков коней на перекрытии или в верхней части заполнения камеры. Наличие целых костяков коней, захороненных без уздечного набора, заставляет предполагать несколько иной сценарий и направленность ритуала.

Конные состязания на похоронах были достаточно распространенным явлением в среде индоиранского населения [16. С. 12–47]. Причем эти состязания были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным соревнованием, а его участники являлись прежде всего исполнителями ритуала, своего рода жрецами, а жертвой богам была победа в состязании. Наиболее известным текстом, описывающим похоронный обряд, в состав которого входят конные состязания на колесницах, является 23-я песнь «Илиады». В ней описываются похороны Патрокла, кстати, искусного колесничего. Прежде всего, для нас важна последовательность действий в этом погребальном ритуале, которая выглядит следующим образом: сооружение ритуального костра, возложение тела Патрокла, жертвоприношения, возжигание огня и сожжение трупа, собирание кремированных костей, захоронение их в могиле, сооружение кургана, а затем состязания – колесничьи ристания, кулачный бой и другие, включая метание и стрельбу из лука. Иначе говоря, состязания следуют за погребением останков. Кроме того, при описании состязаний именно колесничьи ристания уделено основное внимание,

другие виды соревнований даны короче и менее конкретно. Опираясь на «Илиаду», можно предположить, что синташтинское население также практиковало состязания двухкольных колесниц на похоронах воинов. Вероятно, кони, запряженные в те колесницы, которые одержали победу в состязаниях, приносились в жертву. Именно так можно объяснить парное расположение целых костяков коней на перекрытии могильных ям. Учитывая, что полный набор вооружения воина-колесничего, захороненного в погребении 30, включал копье и колчан со стрелами, можно допустить, что помимо колесничных ристаний синташтинский ритуал включал метание копья и стрельбу из лука как своеобразное троеборье.

Среди колесничного инвентаря погребения 30 присутствует также комплекс, связанный, по мнению авторов, с культом Сомы. Этот комплекс располагался в головах погребенного у середины юго-западной стенки могильной ямы. Он был представлен крупным сосудом и двумя камнями зеленого цвета: крупный камень являлся основанием давилки, а пестообразный – толкушкой. Подобные комплексы есть и в других погребениях этого могильника [9. С. 208, 214]. Свидетельством того, что появление в погребениях колесничих следов культа, связанного со священным напитком не случайно, является расположение вещей в погребении 1 кургана 2 синташтинского могильника Кривое озеро. При зачистке дна у восточной стенки камеры были выявлены два продолговатых пятна, размещенных параллельно друг другу вдоль длинных стен ямы. Края углублений отстоят друг от друга на расстоянии 1,1 м. Н.Б. Виноградов считает, что это углубления для установки колес. Между этими углублениями, почти на равном расстоянии от каждого, на дне обнаружены стоящий вверх дном сосуд и бронзовый наконечник копья, направленный острием на восток. Эти вещи находились в непо потревоженном состоянии. В западной части ямы найден роговой псалий, в заполнении ямы встречались мелкие кости лошади [10. С. 67]. В расположении находок из этого погребения важным представляется то, что перевернутый ритуальный сосуд и наконечник копья являются как бы центром композиции, включающей следы от установленных колес. По мнению Н.Б. Виноградова, сосуд, имеющий небольшое и слегка выпуклое дно, не использовался в быту, а был специально изготовлен для ритуала [Там же]. Переворачивание сосуда в ритуале могло быть связано с культом ритуального напитка типа Сомы [17. С. 25–31]. Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на интерпретации этих находок следует остановиться особо.

Для выяснения смысла подобных ритуальных действий обратимся к «Ригведе» и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», «убийца Вритры», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся» [18. Т. 1. С. 533]. По текстам «Ригведы» реконструиру-

ется сюжет принесения орлом божественного напитка Сомы для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (РВ IV.18). Причем воинский подвиг Индры имеет космогоническое истолкование. Т.Я. Елизаренкова со ссылкой на Т. Оберлиса отмечает, что для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется Сомы. От Сомы он возрастет и усиливается и в нем возникает также желание щедро одаривать. Отсюда тесная связь Индры с людьми, выжимающими для него Сому [19. С. 340]. Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся мандала IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение, тексты просто перегружены образами, что затрудняет понимание. Чтобы понять эту образность, необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т.Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давилыми камнями, затем он очищался через цедилку и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сомы становится вкусным и его пьют боги (Индра прежде всего) и люди.

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем, как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало» [Там же. С. 326, 328]. Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы, – это *vrddh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)». Как считает Т.Я. Елизаренкова, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил [Там же. С. 326, 328, 349]. Поэтому появление в синташтинских воинских захоронениях комплексов, связанных с культом Сомы (сосуды и давилые камни), вполне объяснимо. Безусловно, сами воины не принимали участия в изготовлении ритуального напитка, для этого были служители культа. Однако воины-колесничие были, вероятно, основными его потребителями. С определенной долей осторожности можно предположить, что культ бодрящего напитка, дающего прилив физических сил, зародился именно в «колесничных» культурах (типа синташтинской, петровской), как средство добывания победы в состязаниях и, возможно, в реальных военных действиях.

Одним из подтверждений того, что культ ритуального напитка типа Сомы мог возникнуть именно в «конных», «колесничных» культурах, свидетельствуют те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в «Ригведе». Например, в гимнах, обращенных к Соме, потоки сока, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц. Чаще всего Сомы – это конь или кони, запряженные в колесницу и стремительно мчащиеся к финишу на состязании: «Словно скакуны, погоняемые погонщиками, / Они устремились к захвату добычи / Через сито из овечьей шерсти, (эти) быстрые (кони)» (РВ IX. 13. 6); «Сок, словно ска-

кун, устремившийся к награде, / Громко ржет в цедилке, / Когда он потек сквозь (нее), преданный богам» (РВ IX. 43. 5); «Он проскочил через цедилку, / Как конь, приносящий награду на бегах, – через дышло. / Сок правит богам» (РВ IX. 45. 4); «Выжатый, буланый (конь) – стебель (сомы) / Понесся кругами по цедилке, словно колесница, посланная за добычей» (РВ IX. 92. 1). В других случаях Сомы – это быстрая колесница, участвующая в ристалище: «Вот эта мужественная колесница / Мчится сквозь овечью шерсть, / Направляясь к тысячной награде» (РВ IX. 38. 1); «Эти быстрые соки сомы, / Словно колесницы, приносящие награду, / Были посланы вперед, (как) выпущенные стада» (РВ IX. 22. 1); «Вперед выступили соки сомы ради богатства, / Словно грохочущие колесницы, / Словно скакуны, ищущие славы, / Погоняемые, словно колесницы, / Они помчались из-под рук (жреца), / Подобные наградам тех, кто решает исход» (РВ IX. 10. 1–2). Наконец, Сомы – это правящий конем колесничий: «Этот возница, непобедимый в водах, / Начинаясь между двух рук (жреца), Сомы усаживается в чанах» (РВ IX. 20. 6); «С пониманием силы действия мы следовали / За колесничим, рядящимся в воды...» (РВ IX. 16. 2).

Целью конных состязаний было добывание победы, а приносящим ее был именно сок Сомы, который, вероятно, употребляли участники соревнований, чтобы достичь успеха. Поэтому сок Сомы предстает в тексте «Ригведы», прежде всего, как «завоеватель награды»

(РВ IX. 21. 7; IX. 64. 29; IX. 80. 2; IX. 87. 4), «приносящий награду» (РВ IX. 22. 1), «выигрывающий ставку» (РВ IX. 62. 18), «приносящий великую ставку (в игре)» (РВ IX. 16. 5). Причем эта награда завоевывается для предков: «Как для предков – неустанный покоритель сотен, / покоритель тысяч – ты добивался награды, о сок, / Так очищайся для новой удачи!» (РВ IX. 82. 5).

В связи с жертвоприношением коней, победивших на состязаниях колесниц, представляют интерес строки гимна, обращенного к Соме (РВ IX. 87. 1): «Бегай же кругами по сосуду, усаживайся! / Теки к награде, очищаемый мужами! / Тебя начищают, как коня, приносящего награду, / На поводьях ведут к жертвенной соломе». Эти строки допускают следующее толкование: конь, победивший в состязании, приносился в жертву, так как богам посвящалось самое лучшее.

Подобные состязания устраивались не только на похоронах, но и на стыке Старого и Нового года. Например, у ведийских ариев существовал обряд обновления царской власти ваджапея, который представлял собой воинский ритуал с состязаниями и гонками на колесницах, питьем Сомы, жертвоприношением животных. Причем в гонках на колесницах всегда выигрывала упряжка царя [20. С. 168; 21. С. 105]. Победа была даром богам, от которых ждали ответного дара, прежде всего восстановления космического порядка, нарушенного вторжением сил хаоса и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизаренкова Т.А., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 487–525.
2. Ляшко С.Н. Колесный транспорт Северного Причерноморья в III – первой половине II тыс. до н.э. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности : тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье, 1990. С. 43–44.
3. Иванов С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2. С. 23–34.
4. Кузин-Лосев В.И. К проблеме происхождения повозок в Приуралье в начале поздней бронзы // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 82–87.
5. Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. М., 1986. Вып. IV. С. 169–228.
6. Алексеева И.Л. Трансформация идеологических представлений древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья как результат контактов в IV–III тыс. до н.э. // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991.
7. Чердиченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. К вопросу о боевых колесницах и колесничих в обществе катакомбной культуры // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тез. докл. науч.-практ. семинара. Донецк, 1989. С. 104–106.
8. Чердиченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // Советская археология. 1991. № 4. С. 206–216.
9. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. 408 с.
10. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.
11. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.
12. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. 1992. № 1. С. 52–63.
13. Бороффка Н. Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–II тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 80–81.
14. Топоров В.Н. О двух типах древнеиндийских текстов, трактующих отношение целостности-расчлененности и спасения // Переднеазиатский сборник. М., 1979. Вып. III. С. 215–228.
15. Гамкрелидзе В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. 1329 с.
16. Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 12–47.
17. Сотникова С.В. О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 25–31.
18. Топоров В.Н. Индра // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 533–535.
19. Елизаренкова Т.А. О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 323–353.
20. Альбедиль М.Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб., 2005. С. 155–170.
21. Васильков Я. Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм : словарь. М., 1996. С. 105.

THE IMAGE OF CHARIOT AND CHARIOTEER IN THE RITUAL PRACTICE OF THE POPULATION OF THE EURASIAN STEPPES IN THE BRONZE AGE: THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTING THE RITUAL AND BELIEFS

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 102-108. DOI: 10.17223/15617793/380/15

Sotnikova Svetlana V. Tobolsk State Social and Pedagogical Academy (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

Keywords: Bronze Age; Sintashta-type sites; ritual; chariot; sacrifice.

In the Bronze Age in the Eurasian steppes there were several cultural and historical communities (Yamna, Catacomb, Srubna, and Andronovo) at different times, in the burials of which the remains of the carts, chariots and their parts were recorded. Many researchers connect these cultural formations with the Indo-Iranians. The burials of Sintashta culture are of greatest interest where the remains of two-wheeled carts with two horses were found, which the researchers of the burial ground define as battle chariots. The location of the chariot remains and horse skeletons in the Sintashta complexes has its own peculiarities. There are two clearly visible levels of disposition of the finds in the burial pit – at the bottom of the grave and on the covering. The chariot complex in its most complete form is represented at the bottom of the 30th Sintashta big burial ground. In one half at the bottom of the grave there were two fixed parallel grooves for the wheels, probably from the disassembled chariot, in the other half – two sets of skulls and leg bones of horses were placed in a specific order, in one of which cheek-pieces were found. Close to it there were human bones buried separated from tissues and laid in a compact cluster. Besides, a bronze dagger, a spear-head, the remains of a quiver with flint arrow-heads as well as a vessel with two big stones next to it were placed in the grave. Such complexes consisting of separated parts and composed in a certain order of chariots, charioteers and horses were probably the evidence of death as a sacrifice, similar to the Vedic rituals of ashvamedha and purushamedha. These rituals were aimed at the renewal of the world, revival or creation of a new life. There was another ritual, the traces of which can be seen on the covering of the grave. The sacrificial complexes consisting of 1-3 pairs of the whole horse skeletons are presented here. Based on the texts of *Rigveda* and the 23rd song of *The Iliad*, one can assume that these complexes were associated with the chariot competitions at the funerals. Such competitions were probably one of the characteristics of the Indo-Iranian burial rite. The finds of items in the graves of warriors-charioteers associated with the cult of Soma (vessel, spinning stones) let us suppose that the use of such a ritual drink as Soma by the participants of the events played an important role in the victory. The victory in competitions was dedicated to the gods, so the winning horses could be a sacrifice. In return, as a gift of the gods they expected the restoration of the cosmic order violated by the invasion of chaos and death.

REFERENCES

1. Elizarenkova T.A., Toporov V.N. Mir veshchey po dannym Rigvedy. Rigveda. Mandaly V–VIII. M., 1999. P. 487-525.
2. Lyashko S.N. Kolesnyy transport Severnogo Prichernomor'ya v III – pervoy polovine II tys. do n.e. *Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti* : tez. dokl. Vsesoyuz. seminar. Zaporozh'e, 1990. P. 43-44.
3. Ivanova S.V., Tsimidanov V.V. O sotsiologicheskoy interpretatsii pogrebeniy s povozkami yamnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti. *Arkheologicheskii al'manakh*. Donetsk, 1993. No. 2. P. 23-34.
4. Kuzin-Losev V.I. K probleme proiskhozhdeniya povozok v Priural'e v nachale pozdney bronzy. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka*. Volgograd, 1996. P. 82-87.
5. Kuz'mina E.E. O nekotorykh arkheologicheskikh aspektakh problemy proiskhozhdeniya indoirantsev. *Peredneaziatskiy sbornik*. M., 1986. Vyp. IV. P. 169-228.
6. Alekseeva I.L. Transformatsiya ideologicheskikh predstavleniy drevneyshikh zemledel'tsev i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya kak rezul'tat kontaktov v IV–III tys. do n.e. Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaya zona drevnikh kul'tur. Kiev, 1991.
7. Cherednichenko N.N., Pustovalov S.Zh. K voprosu o boevykh kolesnitsakh i kolesnichikh v obshchestve katakombnoy kul'tury. *Problemy okhrany i issledovaniya pamyatnikov arkheologii v Donbasse* : tez. dokl. nauch.-prakt. seminar. Donetsk, 1989. P. 104-106.
8. Cherednichenko N.N., Pustovalov S.Zh. Boevye kolesnitsy i kolesnichie v obshchestve katakombnoy kul'tury (po materialam raskopok v Nizhnem Podneprov'e). *Sovetskaya arkheologiya*. 1991. No. 4. P. 206-216.
9. Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey. Chelyabinsk, 1992. 408 p.
10. Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. 362 p.
11. Kostyukov V.P., Epimakhov A.V., Nelin D.V. Novyy pamyatnik sredney bronzy v Yuzhnom Zaural'e. *Drevnie indoiranskie kul'tury Volgo-Ural'ya* (II tys. do n.e.). Samara, 1995. P. 156-207.
12. Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Pogrebeniya znati epokhi bronzy v Srednem Povolzh'e. *Arkheologicheskie vesti*. 1992. No. 1. P. 52-63.
13. Boroffka N. Nekotorye kul'turnye i sotsial'nye vzaimosvyazi v bronzovom veke Evrazii. Kompleksnye obshchestva Tsentral'noy Evrazii v III–II tys. do n.e. Chelyabinsk-Arkaim, 1999. P. 80-81.
14. Toporov V.N. O dvukh tipakh drevneindiyskikh tekstov, traktuyushchikh otnoshenie tselostnosti-raschlenennosti i spaseniya. *Peredneaziatskiy sbornik*. M., 1979. Vyp. III. P. 215-228.
15. Gamkrelidze V., Ivanov V.V. Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury. Tbilisi, 1984. 1329 p.
16. Toporov V.N. Konnye sostyazaniya na pokhoronakh. Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad. M., 1990. P. 12-47.
17. Sotnikova S.V. O simvolike perevernutogo sosuda i ego roli v andronovskom rituale. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. Barnaul, 2006. Vyp. 2. P. 25-31.
18. Toporov V.N. Indra. Mify narodov mira. M., 1997. V. 1. P. 533-535.
19. Elizarenkova T.Ya. O Some v Rigvede. Rigveda. Mandaly IX–X. M., 1999. P. 323-353.
20. Al'bedil' M.F. Igrovoe nachalo v induizme. Igra i igrovoe nachalo v kul'ture narodov mira. SPb., 2005. P. 155-170.
21. Vasil'kov Ya. Vadzhaapeya // Induizm. Dzhaynizm. Sikkhizm : slovar'. M., 1996. P. 105.

О.А. Сулягина

УЧАСТИЕ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА В XIX в.

Рассматривается общественная служба купцов в течение XIX в., которая подразумевала исполнение обязанностей на различных выборных должностях в органах городского управления. Показано отношение купечества к несению службы по выборам. Дается характеристика благотворительности купцов как составной части их общественной службы.

Ключевые слова: купечество; Сибирь; служба по выборам; благотворительность; XIX в.

Неотъемлемой частью деятельности купечества являлась общественная служба, которая подразумевала исполнение обязанностей на различных выборных должностях в органах городского управления. Городское самоуправление в конце XVIII–XIX в. не раз менялось, однако, как отмечает ряд исследователей, из-за нехватки местного чиновничества и почти полного отсутствия потомственного дворянства неизменным оставалась ведущая роль купечества в органах местного самоуправления [1, 2]. Многие купцы хотя бы один раз в жизни исполняли какую-либо общественную должность. Они избирались в городскую думу, магистрат и суды, приказы общественного призрения и другие присутствия, находившиеся в ведении местных органов.

Купцы исполняли должности городских голов, городских и церковных старост, судей и судебных заседателей, депутатов городской думы, а также другие выборные должности. Так, в 1811 г. томский купец П.С. Шубин был избран депутатом в учрежденный комитет по профилактическому прививанию оспы [3. Ф. 127. Оп. 1. Д. 627. Л. 12]. В 1840 г. купец Д. Вихарев был избран торговым депутатом в комиссию по проведению генеральной проверки торговли в Томске. В ту же комиссию были направлены кандидаты гласных городской думы Ф. Шумилов и С. Коломыльцев [Там же. Д. 1825. Л. 1]. Томский купец второй гильдии С.Н. Карпов в 1878 г. был избран на должность публичного маклера [3. Ф. 233. Оп. 1. Д. 104. Л. 3]. Купец А.П. Карнаков в 1884 г. стал казначеем комитета по постройке в Томске Троицкого кафедрального собора [Там же. Д. 173. Л. 2 об.], а потом стал городским головой.

Незаменимым источником, содержащим сведения о прохождении общественной службы купцов, являются их формулярные или послужные списки. Основная доля содержимого списков включала информацию об образовании, сроках и местах службы, чинах и должностях купцов, что позволяет проследить их карьерный путь к моменту составления формулярного списка. Например, томский первогильдеец Иван Алексеевич Еренев начал свое общественное служение в 1852 г. в должности кандидата заседателя в Томском городском суде. В 1867–1872 гг. И.А. Еренев состоял кандидатом на пост городского головы. К моменту составления списка в 1877 г. он дважды избирался гласным Томской городской думы, был директором Томского общественного

сибирского банка, почетным блюстителем устроенного им Заозерного приходского училища [3. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126].

Еще больше пунктов в формулярном списке известного иркутского купца И.С. Хаминова, который начал службу старшим попечителем Иркутского сиропитательного дома и учрежденного при нем банка. В 1854–1860 гг. он состоял старостой при иркутской Архангельской церкви. К 1867 г., когда был составлен послужной список, Хаминов дважды избирался городским головой города Иркутска (1859–1865 гг.), был директором Иркутского попечительного комитета о тюрьмах, состоял членом нескольких строительных комитетов, в частности, по устройству в Иркутске кладбища и по постройке иркутской гражданской больницы. В 1863–1866 гг. был почетным попечителем иркутской гимназии, с 1865 г. — членом попечительного совета Иркутского женского училища. Кроме того, он активно принимал участие в различного рода комитетах по экономическим вопросам. В 1856 г. занимал место директора Нижегородской конторы государственного коммерческого банка, в 1864 г. — член комитета Всероссийской выставки произведений сельского хозяйства и сельской промышленности [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 1637. Д. 108. Л. 6 об. — 28 об.].

Особенностью формулярных купеческих списков является то, что пункт о прохождении службы учитывал факты благотворительной деятельности купцов. В этом отношении особо выделяется список З.М. Цибульского, где подробно описана его благотворительная деятельность, начиная со сторублевых взносов на нужды Омского благотворительного общества и заканчивая пожертвованием 140 тыс. руб. на строительство Сибирского университета [3. Ф. 233. Оп. 1. Д. 128].

Служебные обязанности мешали предпринимательской деятельности купцов, поэтому на протяжении всего рассматриваемого периода среди сибирского купечества наблюдалось желание уклониться от службы в органах самоуправления под любым предлогом. Нередко купцы отказывались от должности уже после проведения голосования. Так, в 1867 г. в Минусинске были произведены выборы на должность словесного судьи и кандидата к нему на трехлетие с 1868 по 1871 г. Судьей был избран купец А. Ярилов, а кандидатом к нему купец Бяков. Но из-за смерти Бякова и отказа Ярилова от должности были произведены новые выборы. Как вы-

яснилось впоследствии, Ярилов откупился от должности, внося в пользу города 2 тыс. руб. На новых выборах были избраны минусинские купцы первой гильдии И.Г. Гусев и В.Т. Молодых, первый – судьей, второй – кандидатом к нему. Тогда же оба подали прошения об увольнении с этих должностей. Причиной таких увольнений от должностей указывалась невозможность совмещать общественную службу с занятиями коммерцией. При этом Гусев отмечал, что он заключил контракт с красноярским купцом П.И. Кузнецовым, приняв на себя должность управляющего его золотопромышленными делами, так как в силу выборов 1867 г. считал себя «свободным». По его же словам, он не мог принять на себя должность словесного судьи, поскольку пребывание в этой должности требовало его присутствия в Минусинске, что привело бы дела его доверителей к убыткам, а его самого привлекли бы к ответственности за невыполнение обязанностей по контракту. Как Гусев, так и Молодых, не вступая в должности судей, уехали на прииски. Енисейский губернатор П.Н. Замятнин нашел действия купцов противозаконными, поэтому приказал наложить на них штраф по 10 руб. с каждого и обязать вступить в означенные должности [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 1652. Д. 114. Л. 9–18, 26]. К сожалению, у нас нет сведений о том, чем завершилось это дело, но судя по тому, что прошения об увольнении от общественной службы почти никогда не удовлетворялись, Гусеву и Молодых пришлось нести службу по выборным должностям.

Известны также случаи, когда купцы жаловались на неправильное избрание их на ту или иную должность. В 1866 г. красноярский купец Д.С. Щеголев обратился к губернскому начальству с прошением освободить его от должности городского головы, выборы в которую, по его мнению, были произведены неправильно. Ранее красноярское общество избрало его на трехлетие (с 1865 по 1868 г.) на должность кандидата по городскому голове, которую он исправлял. Купец М.К. Сидоров, который должен был стать городским головой, не был утвержден Правительствующим сенатом, поэтому на 6 марта 1866 г. были назначены новые выборы, на которых по баллотировке прошел купец Н. Водовозов, а по особому приговору общества – Д.С. Щеголев.

Как отмечал енисейский губернатор П.Н. Замятнин, красноярское общество состояло преимущественно из мещан и было «весьма между собой несогласное и вообще привыкшее к раздорам и тяжбам», поэтому и не могло определиться с выбором кандидата на должность городского головы, предоставив все решать губернскому начальству. Но и среди начальства произошел разлад по данному вопросу. Замятнин утвердил на означенную должность Щеголева, отказав ему в просьбе о разрешении произвести новую баллотировку в общем собрании общества. Причинами данного решения выдвигалось указание на приговор красноярского общества, отказ от должности Водовозова, а также то, что Щеголев как кандидат по городскому голове из-за неутверждения Сидорова уже год с лишним исправлял должность красноярского городского головы «с особенной деятельно-

стью, усердием и знанием дела». Иную точку зрения имел генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, который нашел выбор Щеголева в должность городского головы неправильным. Он приказал оставить Щеголева в его настоящей должности, а головой утвердить Водовозова, несмотря на его отказ, в противном случае разрешить новые выборы, что и было сделано: 23 июня 1866 г. в Красноярской городской думе были произведены новые выборы, на которых по баллотировке прошел Щеголев, в дальнейшем утвержденный в этой должности [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 1650. Д. 42. Л. 1, 3–5, 7–9].

Во второй половине XIX в. для уклонения от выборных должностей купцы стали переписываться из одного города в другой. Так, в 1876 г. купеческий сын Г. Завороткин жаловался на неправильное избрание его Ачинским городским обществом на должность городского судьи, так как он к тому времени был перечислен в Колыванское общество. Власти удовлетворили прошение Завороткина: он был освобожден от исполнения указанной должности [Там же. Карт. 2677. Д. 38. Л. 3, 4, 6, 7]. Но не всегда власти вставали на сторону купцов. В 1858 г. тюменский купеческий сын П.К. Шешуков подал жалобу на неправильное избрание его кяхтинским обществом на должность торгового депутата. Со слов просителя, выбор его в эту обязанность был произведен из-за «крайнего недостатка в купечестве, подлежащим выбору в общественные должности», а также потому, что купеческие дети местных купцов на тот момент уже были задействованы в службе по выборам. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, ссылаясь на проживание Шешукова в Кяхте, счел его просьбу не подлежащей удовлетворению [Там же. Карт. 1149. Д. 74. Л. 3, 4, 6].

Помимо сопротивления решениям городских обществ, иногда купцы сопротивлялись властям. В частности, в 1867 г. кяхтинский купеческий сын первой гильдии М. Байбородин жаловался на непринятие его отказа от должности заседателя Кяхтинской ратуши, от которой по закону, как пользующийся правами купца первой гильдии, он мог отказаться. Военный губернатор Забайкальской области решил, что от низших должностей могут отказываться только купцы первой гильдии, а не купеческие дети. Не найдя поддержки начальства, Байбородин обратился к самому императору. Вследствие произведенного разбирательства было выяснено, что лица, записанные в купеческое свидетельство, пользуются правами, принадлежащими главе семейства, поэтому выборы были признаны неправильными [Там же. Карт. 1637. Д. 148. Л. 2, 3, 8, 12 об.].

Однако некоторые купцы не только не стремились уклониться от службы, но и выполняли свои обязанности надлежащим образом, за что получали от городского общества похвальные листы, а от правительства награды. Например, читинский купец второй гильдии Ф.И. Крюков в 1872 г. получил серебряную медаль на Станиславской ленте за «отлично усердную и ревностную службу» в должностях директора и казначея

Попечительного комитета о тюрьмах. Следует отметить, что в 1874 г., отмечая усердную службу Крюкова в той же должности, которую он исправлял уже почти 10 лет, управляющий Забайкальской областью Б.А. Милютин ходатайствовал о предоставлении ему ордена св. Станислава 2-й степени [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 2675. Д. 10. Л. 18а–21]. Была ли предоставлена купцу указанная награда, нам, к сожалению, не известно. Томскому купцу второй гильдии И.Н. Горохову в 1884 г. была вручена серебряная медаль на Станиславской ленте за его усердную службу в должности торгового депутата по городу Томску [3. Ф. 233. Оп. 2. Д. 555. Л. 1, 1 об.]. Томский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Ф.Х. Пушников в 1894 г. имел золотую медаль на Станиславской ленте, орден св. Анны 3-й степени и знак Красного Креста [Там же. Оп. 1. Д. 168]. П.В. Михайлов в 1906 г., в возрасте 74 лет, имел следующие награды: золотую медаль на Станиславской ленте для ношения на шее, ордена св. Анны 3-й и 2-й степени, св. Станислава 2-й степени, св. Владимира 3-й степени и два ордена 4-й степени, знак Красного Креста [Там же. Д. 191].

Отличием, жалующим за отменную службу по городским выборам, являлось также звание «степенного гражданина». В 1866 г. такое звание получил енисейский первой гильдии купеческий сын С.И. Стадырнов за усердную и справедливую службу его в должности енисейского городского судьи с 1849 по 1852 г. Кроме того, он исполнял должности церковного старосты Христорождественской церкви, кандидата городского судьи, поверенного при учете приходно-расходных документов городской думы и городского общественного банка [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 1651. Д. 69. Л. 1–3, 10].

Среди выборных должностей особое место занимала должность церковного старосты, которая, как и должность городского головы или старосты, была связана со значительными личными расходами, поэтому на нее старались выбирать деятельных и зажиточных горожан, которыми чаще всего оказывались купцы. То, что исполнение выборных должностей было сопряжено с денежными издержками, доказывает высказывание купца А.Е. Иванова, исполняющего должность городского старосты города Николаевска: «...я человек зажиточный и всякий раз отнести обязанности городского старосты мне не дешево стоит» [Там же. Карт. 2676. Д. 23. Л. 40 об.]. В обязанность церковных старост входило наблюдение за хозяйственным и финансовым состоянием церквей. Нередко, исполняя обязанности церковного старосты, купцы строили или перестраивали церкви за свой счет. Так, в 1793 г. тобольский купец Я. Худяков, являвшийся церковным старостой Михаило-Архангельской церкви, вместо ветхого деревянного здания построил двухэтажное каменное. Кроме того, в распоряжение церкви он завещал собственный дом, расположенный напротив храма, в котором до конца XIX в. была квартира для приходских священнослужителей [5].

Е.В. Комлева в своей работе о енисейском купечестве отмечала, что, в отличие от постов в администра-

тивном городском самоуправлении, где желание индивида не всегда учитывалось, в избрании церковных старост было важно личное согласие человека [2. С. 206], хотя это было не всегда так. В 1807 г. томский купец третьей гильдии Н.И. Захарьев обратился с прошением освободить его от должности церковного старосты Воскресенской церкви, к служению в которой его «непосредственно принуждают». Купец отмечал, что с давних пор предки его состояли в старообрядчестве и он не может принять на себя должность старосты ортодоксальной православной церкви. Кроме того, он считал, что не в силах принять эту должность «по старости лет и нездоровья» [3. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2650. Л. 1].

Томский купец И.В. Хмелев, напоминая о том, что заканчивается срок его служения старостой кафедрального Благовещенского собора, просил распорядиться об избрании вместо него другого лица. На заседании Томской городской думы в декабре 1881 г. вместо Хмелева был избран М.И. Некрасов [Там же. Ф. 233. Оп. 2. Д. 256. Л. 1, 6]. Следует отметить, что во второй половине XIX в. избрание церковного старосты происходило так же, как и избрание других выборных должностей, на заседаниях городских дум закрытой баллотировкой, с той только разницей, что список кандидатов предоставлялся настоятелем церкви.

В качестве поощрения за отличное исполнение обязанностей церковного старосты купцы получали благословение, похвальные листы и награды от Святейшего синода. Иркутский купец И.И. Базанов не раз получал благословение и признательность Святейшего синода за свои пожертвования [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 2675. Д. 10. Л. 4–6]. Другой иркутский купец И.С. Хаминов за усердное исполнение должности церковного старосты при иркутской Архангельской церкви получил похвальные листы от Иркутской Духовной консистории [Там же. Карт. 1637. Д. 108. Л. 10 об. – 15 об.]. Благословение от Синода имел николаевский купец второй гильдии А.Е. Иванов за пожертвования на строительство церкви в селе Михайловском и часовни в селе Богородском Амурской области [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 2676. Д. 23. Л. 1 об.]. Двумя золотыми медалями на Станиславской и Аннинской лентах за исполнение должности церковного старосты иркутской Преображенской церкви был отмечен томский купец А.Е. Кухтерин [3. Ф. 233. Оп. 1. Д. 214. Л. 1–1 об.].

Неразрывно с общественной службой купцов была связана их общественная благотворительность, к которой Т.В. Копцева относит пожертвования на патриотические нужды, организацию государственных праздников, благоустройство города, участие в работе статистического, попечительского, тюремного и иных комитетов [6. С. 247–248]. К этому списку мы бы добавили и устройство купцами богоугодных учреждений, а также материальную помощь купцов нуждающимся согражданам.

Пожертвования на патриотические нужды заключались во взносах на военные нужды, в частности на войну с французами. Наиболее щедрыми жертвователями в сборе средств на войну проявили себя иркутские перво-

гильдейцы П. Трапезников, Н. Баснин и Л. Медведников, потратившие на нужды армии в 1812 г. 4, 2 и 1 тыс. руб. соответственно. Но не все иркутские первогильдейцы были столь щедры. Так, гильдейский староста, купец первой гильдии И. Лычагов, пожертвовал всего 25 руб. Другие – П. Солдатов, М. Сибиряков, Г. Баженов, П. Медведников, Г. Белоголовых, Е. Лычагов, М. Мягкоступов – внесли пожертвования до составления использованного нами списка. Среди томских купцов, отличившихся пожертвованиями на усиление ополчения в 1812 г., были также первогильдейцы М. Мыльников, П. Шумилов и К. Касимов, потратившие по 2 тыс. руб. каждый [3. Ф. 127. Оп. 1. Д. 901. Л. 10]. За свои пожертвования купцы получили благодарность от правительства, некоторые – медали. Так, из купцов Томской губернии, сделавших пожертвования на военные нужды в 1812 г., только енисейский купец третьей гильдии З.К. Толстых, внесший на ополчение 1 тыс. руб., что составило более 1/10 его капитала, был удостоен бронзовой медали на Аннинской ленте [7].

Как уже было отмечено, исполнение общественных служб было сопряжено со значительными денежными издержками; более всех, естественно, приходилось раскошеляться купцам, исполнявшим должность городского головы. По замечанию Н.И. Гавриловой, городской голова по роду службы являлся членом практически всех благотворительных учебных заведений, председательствовал в попечительных советах учебных заведений и по сложившейся традиции брал основную часть расходов этих учреждений на себя, а также финансировал некоторые проекты по благоустройству города [8. С. 183]. Например, в 1859 г. И.С. Хаминов, являвшийся иркутским городским головой, за свой счет поставил 76 фонарей с масляными лампами в городе по улицам Большой и Амурской. В 1864 г. пожертвовал 4 тыс. руб. на устройство сообщения Иркутска со Знаменским предместьем, а в 1864 г. – 1 тыс. руб. на работы для засыпки протоки реки Ангары напротив Девичьего института [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 1637. Д. 108. Л. 13 об., 17 об., 27 об.].

Большое внимание сибирские купцы уделяли учреждениям общественного призрения. Так, тарский купец Щербаков в 1860 г. взял на себя обязанность в течение пяти лет содержать за свой счет двух воспитанниц Омского детского приюта «Надежда», намериваясь затратить на это дело 550 руб. [9]. На средства томского городского головы З.М. Цибульского в 1862 г. была устроена рождественская елка для детей Томского Мариинского детского приюта и всем детям сделаны подарки на сумму 115 руб. [10]. В 1882 г. А.Г. Немчинова на свои средства открыла в г. Тара дом призрения для бедных жителей [11. 1882. 16 мая]. В том же году И.П. Кытманов пожертвовал дом Енисейскому Александровскому дому призрения бедных детей [12]. В Тобольской губернии в конце XIX в. из девяти существующих богаделен пять содержались за счет купеческих средств, что также говорит о значительном участии купцов в деле призрения бедных и больных сограждан [13].

В 1875 г. в Красноярске была открыта богадельня потомственной почетной гражданки Т.И. Щеголевой, разместившаяся в ее собственном доме. На открытие богоугодного заведения учредительница потратила 95 тыс. руб., еще 9,5 тыс. руб. внес ее сын И.С. Щеголев, всего 104,5 тыс. руб. На проценты с этого капитала содержались призреваемые в богадельне. По уставу, утвержденному Красноярской городской думой, в богадельню принимались лица купеческого и мещанского сословия города Красноярска, затем – лица тех же сословий из других городов, в последнюю очередь – лица прочих свободных званий из Красноярска. При этом принимались лица не моложе 50-летнего возраста «в крайней бедности, увечные и не в состоянии трудами снискивать пропитание». К 1883 г. призреваемых в Щеголевской богадельне насчитывалось 45 человек, из них 13 мужчин и 32 женщины [14. Ф. 31. Оп. 1. Д. 53. Л. 17–18 об.]. Показательно, что в сельской Анциферовской богадельне, открытой И.П. Кытмановым, количество призреваемых мужчин было больше, чем женщин: в 1884 г. в ней призревалося 7 мужчин и 2 женщины [Там же. Л. 25, 25 об.].

Значительных размеров иногда достигала и материальная помощь купцов малоимущим жителям сибирских городов: И.И. Базанов в 1873 г. потратил 10 тыс. руб. на ремонт ветхих домов беднейших жителей г. Иркутска [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 2675. Д. 6. Л. 40]; в 1886 г. наследники Базанова передали иркутскому благотворительному обществу 10 тыс. руб. для раздачи беднейшим жителям города, что было доведено до сведения самого императора [Карт. 2685. Д. 159. Л. 1, 8]. И.М. Сибиряков в 1894 г. пожертвовал вдове утонувшего священника Черных 7 400 руб. на воспитание детей и на похороны [15. 1894. 21 августа].

Проявлением заботы об обществе были также взносы на помощь пострадавшим от стихийных бедствий. Так, З.М. Цибульский в 1881 г. выделил 3 тыс. руб. на помощь беднейшим из красноярских погорельцев [11. 1881. 26 апреля]; братья Королевы в 1882 г. отдали по 500 руб. для раздачи беднейшим жителям г. Томска, пострадавшим от пожара [15. 1882. 27 мая]; Я.А. Немчинов на те же цели потратил 25 тыс. руб. [11. 1882. 6 июня]; И.И. Базанов в 1870 г. пожертвовал 500 руб. в пользу жителей Нижнеудинска, пострадавших от наводнения [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 2675. Д. 10. Л. 6]. Якутский купец второй гильдии М.Н. Барамыгин в 1840–1850-х гг. неоднократно предоставлял помощь населению Колымского округа, страдавшему от голода в нерыболовные годы, за что был награжден золотой и серебряной медалями на Анненской ленте [Там же. Карт. 1653. Д. 162. Л. 2 об.]. Николаевский купец А.Е. Иванов в 1869 г. раздал все свои избытки хлеба в количестве около 500 пудов нуждающимся инородцам Амурской области, страдавшим от голода вследствие плохого улова рыбы в предыдущем году [4. Ф. 24. Оп. 1. Карт. 2676. Д. 23. Л. 3 об.].

Таким образом, участие сибирских купцов в общественной жизни региона выражалось в первую очередь

в исполнении ими выборных должностей. Отношение купечества к несению службы в учреждениях городского самоуправления не было однозначным. С одной стороны, они добросовестно выполняли свои обязанности, особенно те, кто исполнял должность церковного старосты, за что получали благодарность и награды. С

другой стороны, купцы любым способом стремились отклониться от службы, так как ее исполнение отрывало купцов от основной их деятельности – предпринимательства. Другим проявлением участия купцов в общественной жизни региона была их общественная и церковная благотворительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул, 2006. С. 137.
2. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2006.
3. Государственный архив Томской области.
4. Государственный архив Иркутской области.
5. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск, 1887.
6. Копцева Т.В. Исторический аспект и особенности благотворительной деятельности в Сибири (конец XVIII–XIX вв.) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири : сб. ст. / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005.
7. Государственный архив Омской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 28 об., 31.
8. Гаврилова Н. Иван Степанович Хаминов // Иркутск: события, люди, памятники : сб. ст. по материалам журнала «Земля Иркутская» / сост. А.Н. Гарашченко. Иркутск, 2006.
9. Тобольские губернские ведомости. 1860. 16 апреля.
10. Томские губернские ведомости. 1863. 15 февраля.
11. Сибирская газета.
12. Енисейские губернские ведомости. 1882. 20 ноября.
13. Сибирский листок. 1891. 10 ноября.
14. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
15. Восточное обозрение.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2013 г.

PARTICIPATION OF THE SIBERIAN MERCHANT CLASS IN THE PUBLIC LIFE OF THE REGION IN THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 109-113. DOI: 10.17223/15617793/380/16

Sutyagina Olga A. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgafox83@yandex.ru

Keywords: merchant class; Siberia; elective post; charity; 19th century.

In the article the public work of merchants during the 19th century which meant to perform duties of various elective posts in the institutions of municipal government is considered. Many merchants took up a public position at least once in their life. The attitude of merchants to the duty of elective posts is shown. Merchants' public charity as part of their public work is described. They were elected for the City Council, magistrate, courts, departments of public assistance and other work-places which were under the jurisdiction of local authorities. Merchants took up positions of mayors, city headmen and churchwardens, judges and judicial assessors, deputies of the City Council, and other elective posts. An exceptional source on merchants' public service is their records of service. The main content of the records concluded information about the merchant's education, terms and places of his work, his ranks and positions, which allows watching the merchant's career development by the time of service record compilation. Official responsibilities disturbed the business activity of merchants; therefore, the desire to evade serving in self-government institutions was characteristic for Siberian merchants throughout the considered period. In the second half of the 19th century merchants began to get registered in different cities to avoid elective posts. However, some merchants wanted to serve and carried out their duties properly. They received certificates of commendation from the city community and government awards. Public service was connected with considerable monetary expenses, most of which merchants-mayors had to bear. By the nature of service the mayor was a member of practically all charitable educational institutions, presided in trustee Councils of educational institutions, and traditionally took the main part of expenses of these establishments. He also financed some projects on city improvement. Public charity of merchants in the form of donations for patriotic needs, organization of public holidays, improvement of the cities, participation in the activities of the statistical, trustee, prison and other committees, arrangement of charitable establishments, and financial support of the needy citizens was inseparably connected with the public service of merchants.

REFERENCES

1. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI – nachala KhKh v. Barnaul, 2006. P. 137.
2. Komleva E.V. Eniseyskoe kupechestvo (poslednyaya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka). M., 2006.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Irutskoy oblasti.
5. Golodnikov K. Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti. Istoricheskiy ocherk. Tobol'sk, 1887.
6. Koptseva T.V. Istoricheskiy aspekt i osobennosti blagotvoritel'noy deyatel'nosti v Sibiri (konets XVIII–XIX vv.). *Protsessy urbanizatsii v Tsentral'noy Rossii i Sibiri* : sb. st. Pod red. V.A. Skubnevskogo. Barnaul, 2005.
7. Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti. F. 2. Op. 1. D. 253. L. 28 ob., 31.
8. Gavrilova N. Ivan Stepanovich Khaminov. *Irkutsk: sobytiya, lyudi, pamyatniki* : sb. st. po materialam zhurnala «Zemlya Irkutskaya». Sost. A.N. Garashchenko. Irkutsk, 2006.
9. Tobol'skie gubernskie vedomosti. 1860. 16 aprelya.
10. Tomskie gubernskie vedomosti. 1863. 15 fevralya.
11. Sibirskaya gazeta.
12. Eniseyskie gubernskie vedomosti. 1882. 20 noyabrya.
13. Sibirskiy listok. 1891. 10 noyabrya.
14. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK).
15. Vostochnoe obozrenie.

О.В. Устюжанцева

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА ИНДИИ

Исследования национальных инновационных систем начали проводиться с 1980-х гг, когда была сформирована концепция национальной инновационной системы. Со временем концепция претерпевает критику и изменения, но в одном остается неизменной – она рассматривает инновационные процессы и связи в рамках исключительно формального сектора экономики. Опыт Индии показывает, что в неформальном секторе экономики также осуществляется инновационная деятельность. В статье рассматривается история формирования системы поддержки и продвижения инноваций неформального сектора Индии.

Ключевые слова: инновационная система Индии; низовые инновации; инклюзивное развитие; инновационная политика Индии.

Практически все исследования и описания национальных инновационных систем включают исключительно формальный сектор экономики. Большинство из них основываются на концепции инновационных систем, основоположниками которой были К. Фриман [1] и Б. Лундвал [2]. Именно эти ученые определили общее направление изучения национальных инновационных процессов (НИС). В дальнейшем концепция НИС получила углубление и развитие, появились региональные и кластерные аспекты в исследованиях инновационных систем, стали вырабатываться модели взаимодействия основных участников инновационных систем (модель тройной спирали Генри Ицковица и Лойета Лейдесдорфа [3], модель тропического леса Виктора Хвана и Грегга Хоровитта [4]). Концепция НИС подвергается также критике (Реджио Миеттинен [5], Чарлз Эдквист [6]). И развитие концепции НИС, и ее критика остаются в одном поле – в сфере формальной экономики. В этом же поле разрабатываются руководства по сбору и оценке данных, характеризующих национальные инновационные системы, – руководство Осло [7], руководство Фраскати [8], руководство Боготы [9]. Но в такой стране, как Индия, где неформальный сектор охватывает большую часть рабочего населения, и общепризнанно [10] является немаловажным носителем и производителем новаторских идей, продуктов и технологий, исследование инновационного развития страны не может быть полным без включения в него деятельности неформального сектора.

Универсального определения неформального сектора экономики не существует. В соответствии с резолюцией Статистической комиссии ООН от 1993 г., неформальный сектор экономики – это компании, участвующие в производстве товаров или услуг с основной целью обеспечения занятости и доходов для физических лиц, создавших данные предприятия [11]. Первая индийская национальная комиссия по вопросам труда (1966–1969 гг.) определила «неформальный / неорганизованный» сектор как «работников, которые не смогли организовать вокруг общих интересов в связи с некоторыми ограничениями, например, характером труда или неграмотностью» [12]. Согласно исследованию занятости и безработицы, проведенному в 2010–2011 гг. Организацией по проведению выборочных исследова-

ний, размер неформального сектора по охвату работающего населения составил 83,6% неаграрного населения и 93% аграрного населения. Неформальный сектор обеспечивает примерно 50% ВВП Индии [13]. Важность данного сегмента официально подтверждена на уровне государственных программ и в новой научной, технологической и инновационной политике Индии 2013 г. Ввиду такой весомости сектора в экономике Индии видится необходимым изучение его инновационной активности, которая реализуется в низовых инновациях.

Низовые инновации – новаторские решения для устойчивого развития местных сообществ, удовлетворения их потребностей и нужд. В отличие от инноваций в рамках формальных бизнес-моделей, низовые инициативы находятся в гражданском, а не в рыночном поле и часто основаны на поиске решений в рамках проблемных ниш социума (энергетика, обеспечение пищей, экология и т.п.). Низовые инновации бывают различных видов: социальные низовые инновации (не-технологические), которые связаны с созданием новых институтов, практик, новых моделей использования технологий; технологические низовые инновации (новые технологии, новые продукты).

Путем минимизации использования ресурсов при разработке, производстве и поставке инновационных продуктов достигается существенно более низкая стоимость производимых товаров и услуг. По большей части успешные низовые инновации неформального сектора являют собой не только низкостоимостный продукт, но и полноценную альтернативу инновациям формального сектора, которые, как правило, дорогостоящи, а значит, менее доступны. Другой важный аспект низовых инноваций – это их потенциал в решении проблем бедности и вовлечения беднейших слоев населения в экономическую деятельность (инклюзия). Инновации, возникающие в формальном секторе экономики, редко удовлетворяют потребности бедных, потому что в основном политика по развитию науки, технологий и инноваций (НТИ) направлена на достижение экономического роста и международной конкурентоспособности. Вопросы обеспечения доступности результатов экономического, научно-технологического развития максимальному количеству населения, которое находится за чертой бедности, стали основными в выработке инно-

вационной стратегии Индии. Инновации для удовлетворения нужд бедных, устранения дисбалансов и обеспечения инклюзивного роста экономики – вот основные постулаты новой научной, технологической и инновационной стратегии развития Индии [14].

Сам подход к выработке инновационной политики страны не уникален и находится вполне в рамках терминологии, предлагаемой Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [7]. В случае с Индией интересно другое. Формирование и развитие системы поддержки низовых инноваций началось не центральным правительством, а регионом, более того, представителем академического сектора. Профессор Индийского института менеджмента в Ахмадабаде (штат Гуджарат) Анил Гупта занимался исследованием техник традиционного земледелия в Бангладеш в середине 1980-х гг. В процессе своей работы он сталкивался с множеством уникальных техник и технологий, изобретенных людьми, которые зачастую не умели писать. Именно тогда у профессора Гупты родилась идея о необходимости признать наличие таких изобретений и обеспечить их использование во благо отрасли и самих изобретений.

В 1988 г. профессор Гупта вместе с группой добровольцев-студентов и сотрудников института отправились по деревням и городам Гуджарата в поисках инновационных изобретений простых людей – изобретений, которые получили название «низовые инновации». За несколько лет работы было собрано порядка 10 тыс. изобретений, идей и разработок. Все они обрабатывались и систематизировались. Сначала найденные разработки публиковались на английском языке в бюллетене Honey Bee Network (HBN). Эти бюллетени рассылались ученым, государственным и негосударственным организациям, правительственным структурам, чтобы показать, что такой сегмент существует и имеет потенциал. Бюллетени распространялись не только в Индии, но и рассылались за рубеж. С ростом количества проектов стала очевидной необходимость в более серьезной институциональной поддержке. В 1993 г. в Ахмадабаде была создана другая добровольческая организация – Общество исследования и инициатив для устойчивых технологий и институтов (Society for Research and Initiatives for Sustainable Technologies and Institutions, SRISTI).

SRISTI было создано для обеспечения организационной, интеллектуальной и логистической поддержки деятельности Honey Bee Network. Первоначально в основные задачи деятельности SRISTI входило: систематизированное документирование, распространение и развитие низовых зеленых инноваций (связанных с экологическим сельским хозяйством), защита интеллектуальных прав инноваторов, обеспечение венчурной поддержки инноваторов. SRISTI обеспечивало поддержку базы данных инноваций, разработав для этих целей интернет-портал [15] и выпуская бюллетень уже на трех языках – английском, хинди и гуджарати. Первые гранты на поддержку низовых инноваций в рамках

сети Honey Bee SRISTI начало получать от международных агентств, привлекая и мобилизуя финансы со всего мира [16]. SRISTI постепенно расширило сферу своей деятельности. На сегодняшний день SRISTI работает по шести направлениям.

1. Поиск, документирование и распространение идей и технологий.

2. Валидация и верификация обнаруженных инноваций, проверка возможностей создания добавленной стоимости и при наличии таковых – помощь в ее создании. В рамках SRISTI была создана лаборатория, которая занимается валидацией и верификацией изобретений. На сегодняшний день лаборатория работает по направлению химии, биохимии и энтомологии. Есть мастерская для тестирования технических изобретений. Если для верификации изобретений требуются более сложные анализы и оборудование, их отправляют в лаборатории партнерских вузов и исследовательских организаций. Среди партнерских научных учреждений: Совет по научным и промышленным исследованиям (CSIR) и все его институты и лаборатории, Индийский сельскохозяйственный исследовательский институт, Индийский совет медицинских исследований и его институты и лаборатории, Индийский совет сельскохозяйственных исследований и его институты и лаборатории, Фонд возрождения местных лечебных традиций.

3. Защита и аналитика. SRISTI стало той организацией, которая впервые подняла вопрос о защите интеллектуальных прав низовых инноваций. Изначально SRISTI привлекало для консультаций ведущих адвокатов по защите интеллектуальной собственности, ученых, политиков. Именно аналитическая группа SRISTI работала совместно с правительством Индии и ведущими научными организациями, такими как CSIR, Департамент по науке и технологиям правительства Индии по выработке законов и политики в области низовых инноваций (их защита, трансфер и т.д.).

4. Распространение знаний и информирование о низовых инновациях. SRISTI активно участвует и проводит международные конференции и саммиты по вопросам низовых инноваций. Установлены связи и сотрудничество в области низовых инноваций с Бразилией, Китаем, Южной Африкой, Угандой, Европой (Англией и Францией в частности), Коста Рикой [17].

5. Программа «Академия развития технологических инноваций, изобретений и традиционного знания» (Academy for Augmenting Sustainable Technological Inventions, Innovations, and Traditional Knowledge, AASTIK). Программа начала реализовываться в 2005 г. с целью создания реального и виртуального сообщества профессионалов и экспертов в области изобретений, инноваций и традиционного знания. Фактически это платформа для взаимовыгодного и эффективного взаимодействия простых изобретателей с учеными, экспертами, студентами, которые могут помочь им в процессе инкубации идеи, в ее формализации и превращении в продукт.

6. Образовательная инициатива. Программа работает по трем направлениям: работа с детьми по вовлече-

нию их в инновационную деятельность, привлечение студентов для работы с низовыми инновациями (проведение исследований, документирование инноваций и т.д.) и поиск инновационных образовательных практик. Вовлечение детей в инновационную деятельность осуществляется путем проведения конкурсов творческих / инновационных проектов и решений среди детей школьного возраста (конкурс IGNITE). Начинаясь как инициатива SRISTI, со временем конкурс стал проводиться на федеральном уровне под эгидой Национального инновационного фонда при личном кураторстве Президента Индии. Успешные изобретения, имеющие потенциал для решения нишевых проблем социума, обеспечиваются полной поддержкой по их доработке, масштабированию и внедрению (например, система кондиционирования воздуха для скутеров и мотоциклов, изобретенная ученицей 8-го класса; индикаторы уровня двуокиси кислорода / углерода в машине – изобретение учеников 10-го класса и т.п.). В 2010 г. из 400 отобранных финалистов 103 проекта были реализованы и внедрены в производство [18]. Привлечение студентов для работы с низовыми инновациями осуществляется не только через участие в экспедициях, но и посредством привлечения их к написанию диссертаций. По договоренности с некоторыми образовательными учреждениями по три студента от каждого из них пишут диссертацию по важным темам, связанными с низовыми инновациями (органическое фермерство, повышение надоев и т.п.). Цель программы – научить студентов работать в реальной среде с актуальными проблемами. За последние четыре года было написано более 100 бакалаврских и магистерских диссертаций. Кроме того, студенты разных специальностей (технических и гуманитарных) проходят стажировки в лаборатории SRISTI, участвуя в лабораторных работах, разработке дизайна продукта, маркетинге и т.д.

Студенты технических специальностей привлекаются также для решения проблем предприятий ММСБ, неформального сектора, низовых инноваторов. Для реализации этой идеи был создан портал Текпедия (www.techpedia.in), на котором размещено 140 000 технологических проектов 350 000 студентов из более 500 колледжей Индии [19]. На портале публикуются запросы на решение определенных технических и технологических проблем от компаний малого и среднего бизнеса, инноваторов, муниципальных органов управления и т.п. Для решения некоторых проблем могут формироваться студенческие группы, способные решить всю задачу или определенный ее сегмент, с тем чтобы передать это решение для дальнейшей реализации другой группе. Таким образом, Текпедия является своеобразным виртуальным инкубатором (студентам предоставляется менторская поддержка экспертов из вузов и промышленности – эта система получила название «Национальная менторская сеть»).

В 1998 г. HBN, SRISTI совместно с учеными Индийского института менеджмента и муниципальными органами начального образования различных населенных

пунктов Индии начали осуществлять поиск и систематизацию инновационных практик учителей начальных школ городов и деревень. Лучшие практики документируются и публикуются в свободном доступе для всех учителей страны, желающих улучшить свою методику преподавания. Цель, объединяющая HBN и SRISTI, – превращение местных инноваций и традиционного знания в живой продукт и распространение его через коммерческие и некоммерческие каналы, создание связей между формальной и неформальной наукой и технологиями.

Обе организации добились хороших результатов, хотя по большей части вне сферы доходности, не генерируя прибыль от реализации инноваций. HBN выросла в престижную организацию, концентрирующую большой пул знаний, человеческих ресурсов и наработанных связей с представителями промышленности и власти. Кроме того, благодаря ей стало понятно, что и без начальной регистрации прав интеллектуальной собственности возможно получение дохода людьми, генерирующими знания. Будучи организациями, действующими на добровольных началах, Honey Bee и SRISTI могут работать только в рамках национального режима интеллектуального права. И именно благодаря этим организациям вопрос защиты интеллектуальной собственности неформального сектора был поднят для обсуждения в правительственных кругах.

Спустя некоторое время стало понятно, что поиска и документирования знаний недостаточно. Необходимо было найти пути коммерциализации жизнеспособных инноваций, что, с одной стороны, помогло бы в реализации технологий для всеобщего блага, а с другой – мотивировало бы к дальнейшим инновациям. Достижению этой цели способствовало бы создание ключевой организации, центра, который служил бы не только масштабированию инноваций, но также являлся платформой взаимодействия инноваторов, предпринимателей и инвесторов. Эта идея была озвучена на Международной конференции по вопросам творчества и инноваций на низовом уровне (International Conference on Creativity and Innovations at Grassroots, ICCIG), состоявшейся в Индийском институте менеджмента, в январе 1997 г. Предложение о создании такой организации было рассмотрено правительствами всех штатов, но откликнулось только правительство штата Гуджарат.

В результате 1 марта 1997 г. была создана Сеть по развитию низовых инноваций (Grassroots Innovation Augmentation Network, GIAN) на базе Индийского института менеджмента в 1997 г. [20]. Спонсорами GIAN стали SRISTI, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Мировой банк, Национальный банк аграрного и сельскохозяйственного развития и другие организации и фонды. Идея GIAN заключалась в поддержке аграрных инноваторов через установление связи с формальными системами маркетинга, технического и финансового обеспечения. Фонд также помогает в разработке бизнес-планов для инноваторов и поддерживает предпринимателей. Управляющий комитет

GIAN состоит из выдающихся академиков, политиков и общественных деятелей. В комитете участвуют представители правительства Гуджарата, Индийского института менеджмента, коммерческих организаций, таких как Венчурный фонд Гуджарата Лтд., и общественных организаций, таких как SEWA (Self Employed Women's Association – Ассоциация женщин-предпринимателей, занятых в собственном малом бизнесе), SRISTI и Гопалдхам (Организация по экономическому развитию деревень и неформального сектора).

Департамент научных и промышленных исследований правительства Индии признал GIAN научно-исследовательским институтом. GIAN работает по трем основным направлениям. Первое – инкубация технологий. В рамках GIAN была создана студия дизайна GRIDS (Grassroot Innovations Design Studio) при Национальном институте дизайна в Ахмадабаде с целью обеспечения низовых инноваций дизайном мирового уровня. Работы ведутся при поддержке правительства Гуджарата. Второе – защита прав интеллектуальной собственности. GIAN активно участвует и помогает инноваторам в получении патентов на изобретения как в Индии, так и за рубежом. Третье – коммерциализация технологий. GIAN обеспечивает выход инноваций на рынок либо через венчурное развитие, либо через трансфер технологий. GIAN на сегодняшний день выросла в большую сеть, охватив север Индии (GIAN North включает штаты Пенджаб, Харьяна, Раджастан, Уттарачал, Дели и Чандигарх), запад (GIAN West включает штаты Гуджарат, Махараштра и Гоа), а также отделение GIAN в Тумкуре, Мадурасе и Шринагаре (юг Индии), есть отделение в штате Ассам (восток Индии).

GIAN-North, созданная в 2003 г., к 2008 г. показала следующие результаты. За 2007–2008 финансовый год в рамках организации были коммерциализированы и распространены 12 технологий, еще 12 готовы к коммерциализации. Начиная с 2003 г. 73 инновации прошли оценку, прототипирование и другие процедуры по добавлению стоимости и / или распространению, еще 22 находятся в процессе. 25 инноваций получили венчурную поддержку от Фонда микровенчурных инноваций и Фонда низовых инноваций Индии, 8 из них стали успешной масштабируемой бизнес-социальной моделью; 30 инноваций были обеспечены поддержкой по защите прав интеллектуальной собственности [20]. Несмотря на довольно продуктивную деятельность GIAN, убедить инвесторов в государственном и частном секторе финансировать создание инновационных предприятий на базе изобретенных технологий не было простой задачей. Было очевидно, что транзакционные издержки в курировании таких рассеянных по местности, маленьких и рискованных предприятий были очень высокими, а финансовая отдача – несоизмерима с этими рисками (хотя экономическая выгода, скорее всего, будет гораздо выше).

В 1999 г. правительство объявило о создании Национального инновационного фонда (НИФ). Его цель – создание национального реестра инноваций, изобретений и

традиционного знания, поддержка в создании добавленной стоимости как учеными, так и самими изобретателями, создание инкубаторов для превращения инноваций в продукт и предприятие. НИФ был создан Департаментом по науке и технологиям при правительстве Индии в марте 2000 г. в Ахмадабаде. Цели и задачи фонда – это не коммерциализация инноваций и получение прибыли; во главу угла ставится налаживание связей формального и неформального сектора, или, если говорить точнее, формализация знания, скрытого в «зеленых низовых инновациях» (green grassroots innovation). Таким образом, цель фонда – формирование особой системы, канализирующей низовые инновации и связывающей их с формальным сектором. НИФ стал той организацией, которая объединила усилия и действия всех участников институциональной цепочки по развитию низовых инноваций через общую базу данных (которая включает на сегодняшний день более 160 000 идей, инноваций и практик из 545 округов страны). Фонд оформил заявки на 550 патентов, из них 33 патента уже было выдано в Индии и 4 – в США. НИФ преуспел в коммерциализации продуктов на всех континентах мира (разработки низовых инноваторов были проданы в Африке, Южной и Северной Америке, Австралии, Европе и Азии), из них 64 проекта превратились в лицензированные технологии, в 2013 г. с помощью Мирового банка НИФ начал реализовывать программу технологического трансфера в Кению. В октябре 2003 г. НИФ при поддержке SIDBI (Банк Индии по развитию малых предприятий) создал Фонд микровенчуров и инноваций (MVIF, Micro Venture Innovation Fund) размером около 1 млн долларов США [21].

Уникальность MVIF и НИФ в том, что это первые в мире организации, предоставляющие финансовую помощь низовым инноваторам по одной подписи на простом рамочном соглашении без какого-либо материального обеспечения и поручителей. Эти фонды финансируют в исключительно рискованные инновации, для которых рынка либо еще не существует, либо он сильно ограничен. Один из основных критериев отбора проектов на финансирование – их социальная ценность и социальное благо. Финансирование возможно как напрямую, так и через региональные инкубаторы типа GIAN и ее отделений. Всего за время работы (с 2003 по 2011 г.) было поддержано 179 проектов на сумму около 600 тыс. долларов США с выплаченными суммами в размере около 500 тыс. долларов США [21].

Таким образом, по инициативе «снизу» была фактически создана самостоятельная работоспособная система для полного цикла обслуживания низовых инноваций: поиск идей (скаутинг), инкубирование, обеспечение добавленной стоимости, патентование, привлечение венчурного финансирования, помощь в развитии предпринимательства (техно-предпринимательства). В сущности, правительство Индии получило готовую инфраструктуру по продвижению низовых инноваций и активно включилось в ее развитие и поддержку, используя свои финансовые и административные ресурсы.

Сегодня эта инфраструктура усилена и расширена за счет правительственных и частных организаций по поддержке низовых инноваций. Несмотря на интенсивное развитие этого направления в Индии, количественных оценок того, как оно способствовало улучшению качества жизни людей, пока сделано не было. Возможно, это связано с отсутствием методологической базы оценки эффективности низовых инноваций вообще в мировой практике.

В отношении Индии возникающая и развивающаяся сеть низовых инноваций имеет и другое важное значение. Низовые инновации, объединенные в единую

экосистему, создали новую модель развития беднейших слоев общества через включение их в экономическую активность страны, что существенно отличается от применяемых обычных практик правительства по снижению уровня бедности. Возможно, в краткосрочном периоде оценить эффективность данного подхода сложно, но, несомненно, в долгосрочной перспективе данная модель имеет хорошие шансы на успех, поскольку благодаря деятельности неправительственных организаций (таких как HBN, SRISTI и т.д.) сегмент низовых инноваций был определен и включен в инновационную систему страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freeman K. Technology Policy and Economic Performance : Lessons from Japan. Pinter Pub Ltd, 1987. 155 p.
2. Lundvall B. National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning // Anthem Press. Jan. 1. 2010. 404 p.
2. Ицковиц Г. Тройная спираль: университеты–предприятия–государство : инновации в действии. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления, 2010. 237 с.
3. Hwang V.W., Horowitz G. The Rainforest : The Secret to Building the Next Silicon Valley. California : Regenwald, 2012. 304 p.
4. Miettinen R. National innovation system: scientific concept or political rhetoric // Edita. 2002. 168 p.
5. Edquist C. Leif Hommen Small Country Innovation Systems : Globalization, Change and Policy in Asia and Europe. Edward Elgar Publishing, 2008, 560 p.
6. Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data // OECD. 2005. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/OSLO/EN/OSLO-EN.PDF (access date: 19.05.2013).
7. Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development, 6th edition // OECD. 2002. 266 p.
8. Jaramillo H., Lugones G., Salazar M. Bogota Manual : Standardisation of Indicators of Technological Innovation in Latin American and Caribbean Countries // RICYT / OAS / CYTED, 2001. 83 p.
9. Jugaad Innovation : Think Frugal, Be Flexible, Generate Breakthrough Growth / N. Radjou et al. // Jossey-Bass. 2012. 288 p.
10. Statistical Commission 1993 // Documents of the Statistical Commission for Twenty-seventh Session New York from 22 February – 3 March 1993. URL: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/sc93.htm> (access date: 12.02.2012).
11. Indian Innovation Council // Indian Innovation Council. 2012. URL: <http://www.innovationcouncil.gov.ru/> (access date: 02.09.2012).
12. Moreno, Subcontracting and the Size and Composition of the Informal Sector: Evidence from Indian Manufacturing / Moreno, Ana, Pieters, Janneke, Erumban, Abdul Azeez // IZA Discussion. Paper No. 6785, October 6, 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2157927> (access date: 19.05.2013).
13. Science, Technology and Innovation Policy 2013 // Department of Science and Technology, Government of India. 2013. URL: <http://www.dst.gov.in/sti-policy-eng.pdf> (access date: 24.09.2013).
14. Honey Bee Network official web-site // Honey Bee Network. 2012. URL: <http://www.sristi.org/hbnew/> (access date: 5.06.2012).
15. SRISTI official web-site // SRISTI. 2012. URL: <http://sristi.com> (access date: 5.06.2012).
16. National links, SRISTI web-site. URL: http://www.sristi.org/cms/?q=en/national_links SRISTI official web-site // <http://sristi.com> (access date: 5.06.2012).
17. Second edition of Ignited Innovators of India // Express News Service Magazine: Pune, Aug 31 2011. URL: <http://www.indianexpress.com/news/second-edition-of-ignited-innovators-of-india-from-sept-20/839636/> (access date: 5.06.2012).
18. Official web-site of Techpedia // Techpedia. 2012. URL: <http://techpedia.in> (access date: 5.06.2012).
19. Official web-site of West GIAN // West GIAN. 2012. URL: [http://west.gian.org/files/80%20G\(5\)%20Exemption%20till%202010.pdf](http://west.gian.org/files/80%20G(5)%20Exemption%20till%202010.pdf) (access date: 5.06.2012).
20. Official web-site of National Innovation Fund of India // NIF. 2012. URL: <http://nifindia.org> (access date: 5.06.2012).

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2014 г.

INNOVATION DEVELOPMENT OF THE INFORMAL SECTOR IN INDIA

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 114-119. DOI: 10.17223/15617793/380/17

Ustyuzhantseva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgavust@gmail.com

Keywords: innovation system of India; grassroots innovation; inclusive development; innovation policy in India.

The concept of the national innovation system has been developed since 1980s. This concept is changing and sometimes is criticized by different scholars. But one thing remains constant: it considers innovation processes within the formal sector only. India's experience shows that the informal sector also carries out innovation activities. The article examines the history of the formation of the support and augmenting system of innovations in the informal sector of India. The researches of the national innovation systems are based on the concept developed in 1980s by Freeman and Lundval. This concept is still developing. But all the developments are about the processes and linkages between the main actors of innovation system — government, business and academia. They do not consider the informal sector as a field of innovation activity. All manuals for innovation system estimation and analysis are based on this principle. Since 1980s India has experienced the processes that can make an important addition to the basic concept of national innovation system by challenging the principle not to consider informal sector as a part of innovation system. The informal sector in India covers a large part of the working population, in part because of a large agricultural sector that, according to the Oslo Manual, is generally excluded from the study of national innovation systems. In 1980, this phenomenon was noticed by Professor of Indian Institute of Management (Ahmedabad) Anil Gupta. During the expeditions organized by the professor and his students-volunteers there were collected a large number of innovative practices and products (including brand new), developed by the villagers of different states of India. This is the so-called grassroots innovation. As a result of active work of the professor and his associates founded the Honey Bee Network. This is a volunteer organization that searches for grassroots innovation. Subsequently, this initiative was supported by the Government of Gujarat, and later by the central

government of India. The Honey Bee Network actively interacts with institutions and organizations of the formal sector. For instance, institutes and research labs are involved in innovation verification and validation, private and government agencies provide support for IPR protection, etc. The infrastructure to support and promote grassroots innovation was developed. Within this infrastructure all phases of the innovative product development are supported: incubation, protection of intellectual property rights (or technology licensing), value addition, financing and commercialization. In fact, grassroots innovations of informal sector have been incorporated into the national innovation system of India, which is confirmed by the new development program “Science, Technology and Innovation Policy in India” issued in 2013 by the Government of India.

REFERENCES

1. Freeman K. Technology Policy and Economic Performance : Lessons from Japan. Pinter Pub Ltd, 1987. 155 p.
2. Lundvall B. National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning. *Anthem Press. Jan. 1.* 2010. 404 p.
2. Itskovits G. Troynaya spiral’: universitety–predpriyatiya–gosudarstvo : innovatsii v deystvii. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. un-ta sistem upravleniya, 2010. 237 p.
3. Hwang V.W., Horowitz G. The Rainforest : The Secret to Building the Next Silicon Valley. California : Regenwald, 2012. 304 p.
4. Miettinen R. National innovation system: scientific concept or political rhetoric. *Edita.* 2002. 168 p.
5. Edquist C. Leif Hommen Small Country Innovation Systems : Globalization, Change and Policy in Asia and Europe. Edward Elgar Publishing, 2008, 560 p.
6. Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. *OECD.* 2005. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/OSLO/EN/OSLO-EN.PDF (access date: 19.05.2013).
7. Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development, 6th edition. *OECD.* 2002. 266 p.
8. Jaramillo H., Lugones G., Salazar M. Bogota Manual : Standardisation of Indicators of Technological Innovation in Latin American and Caribbean Countries. *RICYT. OAS. CYTED,* 2001. 83 p.
9. Jugaad Innovation : Think Frugal, Be Flexible, Generate Breakthrough Growth. N. Radjou et al. *Jossey-Bass.* 2012. 288 p.
10. Statistical Commission 1993. *Documents of the Statistical Commission for Twenty-seventh Session New York from 22 February – 3 March 1993.* URL: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/sc93.htm> (access date: 12.02.2012).
11. Indian Innovation Council. *Indian Innovation Council.* 2012. URL: <http://www.innovationcouncil.gov.ru/> (access date: 02.09.2012).
12. Moreno, Subcontracting and the Size and Composition of the Informal Sector: Evidence from Indian Manufacturing. Moreno, Ana, Pieters, Janneke, Erumban, Abdul Azeez. *IZA Discussion.* Paper No. 6785, October 6, 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2157927> (access date: 19.05.2013).
13. Science, Technology and Innovation Policy 2013. *Department of Science and Technology, Government of India.* 2013. URL: <http://www.dst.gov.in/sti-policy-eng.pdf> (access date: 24.09.2013).
14. Honey Bee Network official web-site. *Honey Bee Network.* 2012. URL: <http://www.sristi.org/hbnew/> (access date: 5.06.2012).
15. SRISTI official web-site. *SRISTI.* 2012. URL: <http://sristi.com> (access date: 5.06.2012).
16. National links, SRISTI web-site. URL: http://www.sristi.org/cms/?q=en/national_links SRISTI official web-site // <http://sristi.com> (access date: 5.06.2012).
17. Second edition of Ignited Innovators of India. *Express News Service Magazine.* Pune, Aug 31 2011. URL: <http://www.indianexpress.com/news/second-edition-of-ignited-innovators-of-india-from-sept-20/839636/> (access date: 5.06.2012).
18. Official web-site of Techpedia. *Techpedia.* 2012. URL: <http://techpedia.in> (access date: 5.06.2012).
19. Official web-site of West GIAN. *West GIAN.* 2012. URL: [http://west.gian.org/files/80%20G\(5\)%20Exemption%20till%202010.pdf](http://west.gian.org/files/80%20G(5)%20Exemption%20till%202010.pdf) (access date: 5.06.2012).
20. Official web-site of National Innovation Fund of India. *NIF.* 2012. URL: <http://nifindia.org> (access date: 5.06.2012).

Ю.А. Фирсова

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Статья представляет собой краткий исторический и философский обзор социальной модели Франции в 1789–1945 гг. Рассматриваются основные принципы, лежащие в основе ее современной социальной политики. Сделаны выводы о том, как французская философская мысль способствовала появлению «государства всеобщего благосостояния» – социальной модели, закрепившейся во многих европейских континентальных странах, некоторые элементы которой – организация социального диалога, пенсионное обеспечение, координирование размера минимальной оплаты труда – заимствуются в социальной политике Евросоюза.

Ключевые слова: французская система социального обеспечения; «государство всеобщего благосостояния»; право социального обеспечения; принцип социальной справедливости; универсализм; эгалитаризм.

Отправной точкой для анализа политического устройства и отношений между обществом и государством во Франции в рамках данной статьи можно считать научные работы Шарля-Луи Монтескье и Жана-Жака Руссо. Монтескье (1689–1755) характеризует общество как некую совокупность или феномен, поскольку определяющие его организацию правовые акты регулируют все общественные аспекты: семью, религию, мораль, экономику. Отношения между государством и обществом определяются законодательной системой, в которой позитивное право превалирует над естественным и является гарантом гражданских свобод [1. С. 93]. Чтобы ресурсы были распределены в равной степени между членами общества, последние должны, в первую очередь, обладать общностью интересов и правом на объединение в ассоциации, «свободные союзы» – прототип современных фондов социального страхования. В условиях равенства осознание принадлежности к одному сообществу и общие интересы преобладают над личной выгодой и создают основу для «политической добродетели» (*vertu politique*) – гражданского демократического законодательства [Там же. С. 117].

«Общественный договор» Руссо (1712–1778) анализирует отношения между государством и народом, в основе которых лежит «пакт» о соблюдении принципов справедливости и общности интересов. Руссо считал, что первоначальной формой человеческого существования является объединение суверенных индивидуумов, заключивших между собой общественный договор. Общество, таким образом, – это коллективная договоренность, связывающая всех его членов между собой и с государством социальным контрактом, определяющим права и обязанности каждого, в том числе право на защиту [2. С. 339]. Таким образом, государство (в идеале – республика [Там же. С. 358]) обязуется предоставлять своим гражданам необходимые им свободы и права. Понятие естественного (природного) равенства Руссо заменяет на легитимное и моральное равенство, т.е. гарантируемое самим государством [Там же. С. 332]. Взаимоотношения между государством и гражданами выражаются через ряд принципов: свобода, равенство, всеобщее благосостояние, демократия и гражданская религия, – которые впоследствии легли в основу французской си-

стемы социального обеспечения. Наконец, Руссо говорит о том, что граждане также имеют обязательства, накладываемые на них государством, при условии, что взамен они получают определенные выгоды от такого социального сотрудничества [2. С. 349].

Французская революция 1789–1794 гг. является важным периодом в историческом анализе системы социального обеспечения Франции, став отправным пунктом для реформ в области социальной помощи и поддержки. Франция конца XVIII в. представляла собой общество, переходящее от феодально-аграрной организации к капиталистическому строю: развивались крупные мануфактуры, корпорации и цехи с наемными рабочими, аграрные объединения. Несмотря на то, что большинство этих образований носило независимый характер, они стремились заручиться финансовой поддержкой государства. В конце XVIII в. кризис существующей социальной системы был очевиден: больницам не хватало финансирования, условия содержания и приема больных не соответствовали минимальным стандартам, не существовало различий между типами больных. Низкий уровень жизни рабочих на мануфактурах вызывал негодование среди населения, что приводило к массовым волнениям и послужило побудительной силой к революционному восстанию.

В ходе Французской революции социалистическая идеология устройства общества, выражающая гуманизм эпохи и связанная с идеями коллективизма, народного суверенитета, имущественных гарантий прав и свобод, приобретает общественно-политический характер [3]. Положения правовых социалистических теорий встречаются, например, в работах Э.-Г. Морелли «Кодекс природы, или подлинный дух ее законов» и Г.Б. де Мабли «О правах и обязанностях гражданина». Некоторые социалистические идеи находят впоследствии свое отражение в послереволюционных социальных программах, в частности в том, что касается формирования новых форм земельной собственности и распределения средств потребления между гражданами.

Широкое распространение под влиянием революции получают эгалитаристские взгляды. Эти концепции имели два основных направления: равный раздел имущества между гражданами новой Республики (социалистическо-утопическое видение) и социальная

солидарность в отношении всех классов населения. Если идея равного раздела имущества имела менее значительное влияние на политику якобинского правительства, то принцип социальной справедливости отразился, например, в предложениях Марата по созданию механизмов государственного содействия труду и улучшению условий жизни рабочих [4. С. iii]. Робеспьер также полагал, что государство должно бороться против социального неравенства через регулирование уровня заработной платы и оказание помощи беднякам и безработным [5. С. 52–58]. Эта позиция отражала в целом идеологию средней буржуазии в области социального вопроса.

Стоит также упомянуть коммунистические взгляды Гракха Бабефа (1760–1797 гг.), оказавшие влияние на дальнейшее развитие социального вопроса; это течение политико-правовой мысли известно как «бабувизм». В «Акте восстания» Бабеф предлагает создать обширную «национальную Коммуну», в которую бы перешли все местные ресурсы, а ее членами стали бы все граждане Республики, которые добровольно отказались от своего имущества в пользу Коммуны [6]. Взамен им гарантировался ряд социальных благ: жилье, инфраструктура, продукты питания, отмена налогов, участие в политической жизни страны и т.д. Бабеф несколько преувеличивал роль государства как гаранта социального обеспечения населения, но его идеи имели большое количество сторонников и сыграли важную роль в распространении коммунистического движения во Франции [7. С. 774]. Под давлением населения законодательная ассамблея утвердила новую социальную программу, направленную на сокращение числа нищих, введение всеобщего права на медицинскую помощь, госпитализацию и домашний уход за больными, а также национализировала часть институтов социальной помощи: военные и военно-морские госпитали, больницы для глухонемых, приюты, дома престарелых и т.д.

Французская революция положила начало новой концепции социальной помощи. До революции страхование от социальных рисков осуществлялось за счет личных сбережений, в зависимости от уровня доходов семьи, а также из местных благотворительных фондов и фондов солидарности. В 1789 г. дополнительные положения в области социальной защиты – отмена понятия нищеты как социального класса, создание благотворительных домов при церковных приходах, бесплатная медицинская помощь для малоимущих, забота о брошенных детях, помощь престарелым – были предложены наказы в Генеральные штаты, но не были утверждены. Учредительная ассамблея не включила эти предложения в Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., но декрет от 2 ноября 1789 г. предусматривал, что «государство должно... обеспечивать достойное существование своих министров и облегчать жизнь бедным» [8].

Декларация прав человека и гражданина и Гражданский кодекс 1804 г. закрепляют идеи Французской революции и подтверждают преобладание общего права в стране. Принципы социальной солидарности и справед-

ливости, отраженные в этих документах, противостоят принципам экономического либерализма, который обострил проблему регулирования социального вопроса во Франции XIX в. В попытке объяснить возникающие общественные явления в XIX–XX вв. появляются первые юридически обоснованные и противопоставленные друг другу концепции: концепция индивидуальных прав и концепция социального обеспечения. Обе теории апеллировали к поиску решений социальных проблем: страхование по безработице, защита от рисков, связанных с появлением новых видов занятости в условиях модернизации общества, и др.

Промышленная революция стала символом разрушения старых устоев и изменений в экономической и социальной политике европейских стран, Франции в частности. Этот период в истории Западной Европы характеризуется перемещением сельского населения в городские зоны и возникновением крупных агломераций. Деятельность местных фондов социального страхования не распространялась на городские населенные пункты, и количество несчастных случаев на рабочих местах в городах резко возрастало.

Интеллектуальное и научно-правовое движение Французской революции и Декларация прав человека и гражданина, включенная в Конституцию 24 июня 1793 г., закрепили во французском обществе новые концепции: взаимного страхования, коллективного благосостояния, «священный долг», а также индивидуальных прав. Понятие «священный долг» (*dette sacrée*), закрепленное в статье 21 Декларации, признает за каждым гражданином, который по каким-то причинам не имеет работы или иных средств к существованию, право на общественную помощь со стороны государства [9]. Концепция индивидуальных прав почерпнула свое вдохновение из философии эпохи Просвещения и нашла отражение в работах идеологов гражданского кодекса 1804 г.: Б. Констана, А. де Токвилля, Ф. Гизо, Э. Лабулэ, Э. Фавра [10. С. 403]. В рамках данной концепции человек представляется как рациональное существо, обладающее естественными неотъемлемыми правами, а также автономной волей. Будучи независимым и неся ответственность за свои действия, он вступает в контакт с другими индивидами, организуя, таким образом, экономические и социальные отношения в обществе, все члены которого имеют равный статус. Чтобы обеспечить промышленное развитие общества и улучшить его экономическое состояние, необходимо позволить его членам свободно выражать свои интересы. В этом случае активное участие государства в регулировании условий жизни населения не требуется. Его роль ограничивается гарантией обеспечения свобод, собственности и социального порядка. Либеральная мысль XIX в. выступала против систематической помощи со стороны государства под предлогом закрепления всеобщего права на труд [10. С. 422].

Идеи индивидуализма были широко распространены среди зарождающейся либеральной буржуазии и преобладали во Франции до конца Первой мировой войны под влиянием английской классической школы

экономического либерализма, представленной в работах А. Смита (1723–1790), Д. Рикардо (1772–1823), Т. Мальтуса (1766–1834). Согласно теории индивидуализма рабочий контракт является единственной договорной формой между работником и работодателем и определяет отношения между ними в форме свободной дискуссии. Вмешательство государства в решение социальных проблем должно быть минимальным и ограничиваться помощью неимущим слоям населения в качестве морального долга, но не регулировать рабочий контракт [11. С. 206]. В рамках этой теории социальные пособия рабочим были недоступны. Вопрос об обязательных рабоче-крестьянских пенсиях был впервые поднят только в 1910 г. Таким образом, индивидуалистическая социальная модель ограничивалась актами благотворительности и «промышленного патернализма» в пользу неимущих классов, которые, как считалось, «угрожали» благосостоянию общества. Признание за пауперистами каких-либо социальных прав было фактически невозможным. Только в 1848 г., с появлением всеобщего мужского избирательного права, такая форма зависимости перестала соответствовать политическим реалиям в стране, и социальная организация общества была пересмотрена Третьей Республикой. Индивидуалистическая модель социального обеспечения не прижилась во Франции вследствие увеличения количества пауперистов как среди незанятых, так и работающих слоев населения.

Недостатки описанной концепции привели к тому, что в начале XX в. возникают попытки создания иной системы социального обеспечения. Число неимущих продолжало расти, и последние не могли больше считаться автономными индивидами, объектами гражданского кодекса. Чтобы решить эту проблему, несостоятельные семьи и те, кто по каким-либо причинам не мог работать и обеспечивать себя, были взяты под контроль со стороны органов социальной поддержки. С приходом Третьей Республики развивается новый концептуальный кадр для обоснования необходимости реформ в области трудового права и социального страхования – право социального обеспечения. Политическая идея, лежащая в его основе, была популяризирована французскими философами и социологами того времени: Л. Буржуа (1851–1925), Л. Дюги (1859–1928), М. Ориу (1856–1929), Р. Салей (1855–1912), Ж. Гурвич (1894–1965) и др. [12]. Признание социального вопроса было связано с желанием покончить с благотворительностью и неэффективными юридическими практиками в области социального страхования, а также с процессом становления социологии права как самостоятельной теоретической дисциплины. Так, в работах французского социолога Э. Дюркгейма важное место было отведено концепциям общественной солидарности и социальных связей, объединяющих индивидов в группы [13. С. 36]. Если принцип солидарности сам по себе не вписывался в принципы общего права, то новая концепция социальных прав соответствовала изменениям в правовой дисциплине XIX в. (так как с точки зрения социологии феномен права объ-

яснялся действием социальных факторов и институтов) и представляла собой сложный процесс перераспределения национальных богатств.

Право социального обеспечения также получило свое развитие благодаря тому, что в XIX в. принцип солидарности, в его исходной форме, как при Старом режиме (см. выше), еще не до конца исчерпал себя и приобретал новые формы в виде гражданских объединений: обществ взаимопомощи, тонтин (пожизненных страховых обществ). Такого рода «социальный патернализм» представлял собой дискреционное обеспечение социальных гарантий и услуг и регулировал организацию рабочей силы [11. С. 201–211]. В рамках социального обеспечения власть, единственный законный гарант народного благополучия, выступает в роли «государства всеобщего благосостояния» посредством принятия законодательных актов [14. С. 19]. В работах немецкого социолога и правоведа XX в. Густава Радбруха говорится, что такая система организации общества обязывает власть учитывать фактор общественного сознания и роль представительных органов [15].

Стоит упомянуть еще нескольких выдающихся французских мыслителей, чьи работы позволяют получить более подробное представление об основах социального обеспечения и условиях жизни и труда рабочих XIX в.: К.-А. де Рувруа де Сен-Симон (1760–1825), Сисмонди (1773–1842), барон де Жерандо (1772–1842), Вильнев-Баржемон (1784–1850), Виллерме (1782–1863), О. Комт (1798–1857), Бланки (1825–1881), Ж. Симон (1814–1896), П.-П. Леруа-Больё (1843–1916), Ф. ЛеПлей (1806–1882), Ж. Шевалье (1882–1962) Варлен (1839–1871) и др. Несмотря на то, что вышеупомянутые идеологические и правовые концепции, равно как и сама идеология права социального обеспечения, уступили другим, более реалистичным подходам, они, тем не менее, позволили юридически обосновать социальные явления, которые ранее относились к сфере морального долга и считались неприемлемыми в рамках гражданского права. Произошла «легализация» социального вопроса через создание новых юридических инструментов для решения общественных проблем.

Движение за упорядоченную политику социального обеспечения родилось в 1841 г. с первой манифестацией о запрещении детского труда до 8 лет и введением соответствующего закона. 1898–1939 гг. можно назвать периодом становления современной французской системы социального обеспечения. Процесс индустриализации породил так называемые братские сообщества, официально признанные в 1835 г. и основанные на добровольном коллективном членстве [16. С. 55]. В это же время создается система социальной помощи в виде комиссий, состоящих из местных представителей. Социальная помощь предоставлялась согласно отдельным критериям, в зависимости от доходов на индивида и семью в целом, и выделялась в виде продовольствия или деньгами. В 1893 г. появилась также бесплатная медицинская помощь, в 1904 г. – социальная помощь детям и в 1905 г. – социальная помощь пожилым инвалидам и безнадежно больным.

В отличие от социальной политики XIX в., где, как уже говорилось, помощь получали только некоторые слои населения, постепенно появляются предпосылки для введения повсеместного социального страхования от некоторых видов рисков [17]. Так, в 1898 г. был издан закон, предусматривающий ответственность работодателя при несчастном случае на рабочем месте. В 1910 г. было введено обязательное пенсионное страхование для работников в сфере торговли и промышленности. В 1928 и 1930 гг. появились законы о социальном обеспечении по болезни, материнству, инвалидности, старости и смерти, а также специальная система страхования для сельскохозяйственных рабочих. Семейные пособия, финансируемые работодателем, были введены в 1932 г. Рабочие представители получили возможность быть избранными в административные советы предприятий, хотя в первое время назначались индикатами.

Эти и другие принципы были заимствованы из политики канцлера Бисмарка, который, стремясь к укреплению роли Прусского государства, разработал первую в Европе систему обязательного социального обеспечения – «государство всеобщего благосостояния», а также проекты законов о страховании от несчастных случаев на рабочем месте и по болезни, принятых в 1883 и 1884 гг. соответственно. Таким образом, накануне Второй мировой войны во Франции официально закрепляется повсеместная система социального обеспечения, которая была пересмотрена после окончания военных действий и эволюционировала до наших дней.

В 1945 г. создатели системы социального обеспечения во Франции преследовали три цели: единство, универсальность и страхование от максимального количества рисков. Политика социального обеспечения во Франции в послевоенный период была определена в программе Национального совета Сопротивления от 4 октября 1945 г.: «Исчерпывающая программа социального обеспечения, призванная гарантировать всем гражданам средства к существованию, при утрате ими способности обеспечивать себя самостоятельно, и осуществляемая общественными представителями и государством, а также гарантировать уровень пенсий, позволяющий работникам достойно закончить свое существование» [18]. Декрет предусматривал введение отраслевых коллективных страховых фондов, что уже шло в разрез с первоначальной идеей создания централизованной административной единицы, ответственной за социальное обеспечение в Республике.

В 1945 г. в Европе закрепляются две системы социального обеспечения – бисмарковская и бевериджская, известные как модели «государства всеобщего благосостояния» и представляющие собой совокупность государственных интервенций в области социальной политики с целью обеспечения минимального уровня благосостояния населения [19]. Основными составляющими германской системы социального обеспечения, введенной Бисмарком в 1880-х гг. после победы в войне над Францией, являются социальные гарантии, связанные с рабочим статусом. В 1883 г. было введено страхование

по болезни, в 1884 г. – страхование от несчастных случаев на рабочем месте, в 1889 г. – пенсионные программы и пенсии по инвалидности. Изначально предназначавшиеся для работников, чей доход не превышал минимального уровня, эти схемы были постепенно распространены и на другие рабочие категории: обязательные социальные отчисления с заработной платы рабочих; создание фондов социального страхования и государственной помощи.

Система социального страхования во Франции 1945 г., утвержденная Пьером Ларок (1907–1997), членом кабинета министра труда и социальной помощи, основоположником современной французской модели социального обеспечения, позаимствовала черты обеих моделей, германской и британской, но приняла в итоге обособленную форму [20. С. 16] и имела следующие черты: корпоративное страхование от рисков. Современная французская система социального обеспечения имеет четыре основных направления: страхование от несчастных случаев на рабочем месте, пенсионные пособия, пособия по болезни, семейные пособия, которые, в свою очередь, подразделяются на 11 типов рисков (болезнь, материнство, выживание, выход на пенсию, безработица, инвалидность, содержание семьи, жилье, трудоустройство и перетрудоустройство, несчастные случаи на рабочем месте, бедность, социальное исключение); принцип перераспределения доходов; финансовая автономия фондов социального и семейного обеспечения; финансирование пенсионных программ из обязательных членских взносов работников и работодателей по принципу паритета. Эта сбалансированная система управления дополнительными пенсионными схемами, определяемая совместно профсоюзами и работодателями, была изменена в 1967 г. в пользу работодателя: создание единого фонда социального обеспечения, чего, в конечном итоге, не удалось добиться из-за различий между рабочими статусами (наемные работники, владельцы мелких и средних предприятий, государственные кадры и т.д.) и, как следствие, режимами социальных выплат. Система социального обеспечения была разделена на следующие режимы: предприниматели; сельскохозяйственные рабочие; особые режимы (*régimes spéciaux*) для фермеров, ремесленников, моряков, владельцев мелких и средних предпринимателей, государственных служащих, шахтеров, железнодорожников и др. [21]. В 1967 г. фонд был поделен на три ветви: пособия по болезни, по старости и семейные пособия.

Таким образом, французская система социального обеспечения носит универсальный характер, но в то же время «раздроблена» между различными институтами и источниками финансирования [22]. Правительству не удалось добиться создания единого административного страхового фонда, но была закреплена повсеместная программа социальных выплат и были закрыты невыгодные мелкие фонды, в частности, вследствие несбалансированного демографического соотношения между участниками членских взносов и неработающим населением. Новые законодательные акты в сфере социального страхования

стали приниматься через год после выхода декрета, в 1946 г.: 1947 г. – межотраслевая коллективная конвенция по созданию дополнительного пенсионного обеспечения для государственных служащих; 1947 г. – распространение действующей системы социального обеспечения на государственных служащих; 1948 г. – введение трех дополнительных режимов пенсионного обеспечения для ремесленников, промышленных рабочих и предпринимателей либеральных профессий, в частности в сфере торговли; 1952 г. – создание единой страховой системы в сельскохозяйственном секторе; 1975 г. – обязательное пенсионное обеспечение работающего населения; 1999 г. – введение обязательного медицинского страхования по месту жительства и дополнительного социального страхования в пользу малоимущего населения; 2003 г. – дополнительные реформы в области пенсионного обеспечения (согласование срока действия выплат между разными системами, введение предварительных пенсионных выплат для тех, чей трудовой стаж превышает установленный законодательством срок и т.д.); 2004 г. – реформы медицинского страхования (появление категории лечащих врачей, личного медицинского дела, введение дополнительного медицинского страхования), реформы системы здравоохранения, распространение общетерапевтических лечебных препаратов и т.д.; 2006 г. – введение режима социального обеспечения, объединяющего различные системы медицинского страхования для предпринимателей в области либеральных профессий, индустрии, торговли, ремесленничества; 2010 г. – пенсионная реформа: сдвиг возрастного ценза для выхода на пенсию с 60 до 62 лет, учет проблем со здоровьем в определении возраста для начисления пенсионных пособий, учет дополнительных рабочих лет, пересчет пенсионных начислений

для женщин, координация пенсионных режимов в государственном и частном секторах и т.д.

Сегодня французская система социального обеспечения в том виде, в каком она была создана в 1945 г., испытывает структурный кризис платежеспособности, эффективности, легитимности, в частности в областях пенсионных и семейных пособий, здравоохранения. На повестке дня правительства Президента Ф. Олланда находятся реформы пенсионной системы и системы здравоохранения. Во французском обществе наблюдается тенденция к возврату к идеям Французской революции и подъем индивидуалистических настроений. Механизмы обязательных социальных выплат, одна из главных характеристик «государства всеобщего благосостояния», больше не удовлетворяют потребности населения. В связи с приватизацией программ социального обеспечения эффективность системы, основанной на рабочей солидарности, как это было задумано Четвертой республикой, представляется спорной [23]. Тем не менее на сегодняшний день французская концепция социального обеспечения остается одной из наиболее приемлемых моделей социального обеспечения в Европе, адаптирующейся к условиям глобализации и циклам международного политического и экономического развития [20. С. 24]. На уровне ЕС ведутся политические дискуссии о создании «европейской социальной модели». Еврокомиссия предлагает включить «социальные показатели» в метод открытой координации, стратегию по оценке национального экономического и политического развития, чтобы европейские страны могли адекватно противостоять современным социальным проблемам, такие как социальное исключение, экономическая конкуренция, демографическое старение, появление альтернативных моделей экономического управления в новых индустриальных и развивающихся странах и др. [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Versini L. et Montesquieu Ch. de Secondat, baron de, De l'esprit des lois. Collection Folio/essais. 1995. Vol. 1. P. 275–276.
2. Terrel J. Les théories du pacte social: droit naturel, souveraineté et contrat de Bodin à Rousseau. Points. 2001. Vol. 450.
3. Imbert J. La protection sociale sous la Révolution française. Paris : Association pour l'étude de l'histoire de la Sécurité sociale, 1990.
4. Goëtz Ch. Plume de Marat : pour une bibliographie générale. Chantiers Marat. 2006. Vol. 9–10.
5. Labica G. Robespierre : une politique de la philosophie. 1ère éd., Philosophies. 1990. Vol. 30.
6. Dumas G. Autour de Babeuf // Annales historiques de la Révolution française. 1977. Vol. 49.
7. Higonnet P. L.-R. Babeuf: Communist or Proto-Communist? // The Journal of Modern History. December, 1979. Vol. 51, № 4.
8. Imbert J. Les droits de l'Homme en France. Paris, 1985.
9. Constitution du 24 juin 2013 // Conseil constitutionnel. URL: www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-du-24-juin-1793.5084.html (access date: 12.10.2013).
10. Laurent A. et Valentin V. Les penseurs libéraux. Les Belles Lettres, Collection Bibliothèque classique de la liberté. 2012. Vol. 21.
11. Gueslin A. Le paternalisme revisité en Europe occidentale (seconde moitié du XIX siècle, début XX siècle). Genèses. 1992. Vol. 7. Issue 7.
12. Gaxie L. Du «droit individualiste» au «droit social». une histoire de la juridicisation du social (1789–1936) // Raison publique, 19 mars 2012. URL: <http://www.raison-publique.fr/article496.html> (access date: 12.12.2013).
13. Paoletti G. Durkheim et la philosophie : représentation, réalité et lien social. Paris : Classiques Garnier, 2012.
14. Larofe R. La juridicisation des problèmes sociaux : la construction juridique de la protection sociale // Informations sociales. 2010. № 157.
15. Radbruch G. Rechtsphilosophie, 1878–1949, 3., ganz neu bearb. und stark verm. Aufl. Leipzig : Quelle & Meyer, 1932.
16. Imbert J. Guide du chercheur en histoire de la protection sociale (1789–1914). Vol. II. Paris : Association pour l'étude de l'histoire de la sécurité sociale, 1997.
17. Historique du système français de Sécurité sociale // Le portail du service public de la Sécurité sociale, 12 avril 2013. URL: <http://www.securite-sociale.fr/Historique-du-systeme-francais-de-Securite-sociale?type=part> (access date: 9.08.2013).
18. Le programme du CNR publié en 1944 // Fondation de la Résistance. URL: http://www.fondationresistance.org/documents/dossier_them/Doc00104.pdf (access date: 13.08.2013).
19. L'Etat-providence // La Vie Publique – Direction de l'Information légale et administrative, 30 mai 2006. URL: <http://www.vie-publique.fr/decouvertes-institutions/finances-publiques/approfondissements/etat-providence.html> (access date: 15.08.2013).
20. Barbier J.-C., Théret B. Le système français de protection sociale. La Découverte, Repères, Paris, 2ème édition, 2009.

21. Мартин Э. Социальное обеспечение в Великобритании и Франции // Полит.ру. 23 августа 2005. URL: <http://polit.ru/article/2005/08/23/martin/> (access date: 10.08.2013).
22. Pénard P., Amghar Y.-G., Bourdais J.-F. et al. Politiques sociales. 2e ed, presses de Sciences Po, Amphi-Dalloz, 2013.
23. Jean Pisani-Ferry: «Notre modèle social n'est pas efficace» // France Info. 17 octobre 2013. URL: www.franceinfo.fr/economie/un-monde-d-idees/jean-pisani-ferry-notre-modele-social-n-est-pas-efficace-1179781-2013-10-17 (access date: 15.11.2013).
24. Avenir de l'Union économique et monétaire : les pistes proposées par la Commission pour approfondir l'intégration sociale // Site de la Commission européenne. 2 octobre 2013. URL: www.europa.eu/rapid/press-release_IP_13_893_fr.htm (access date: 3.10.2013).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2014 г.

FRENCH SOCIAL SECURITY SYSTEM: THE FRENCH REVOLUTION – THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 120-125. DOI: 10.17223/15617793/380/18

Firsova Yulia A. Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dlarisa@inbox.ru

Keywords: French system of social security; “welfare state”; theory of social rights; principle of social solidarity; universalism; egalitarianism.

This article presents a general historical and philosophical overview of the French social policy in 1789-1945 and aims to examine its main principles and the way how French philosophy contributed to the emergence of the “welfare state”, a social concept consolidated in continental Europe. The study appeals to a range of philosophical and political theories of the French Revolution, the Industrial Revolution, and the before and aftermath of World War II. It starts with a brief analysis of main works of Ch.-L. Montesquieu and J.-J. Rousseau who were the first authors to point out the political organization of a relationship between the state and its citizens, and legal rights to social security resulting from it. The French Revolution being a symbol of widespread popular discontent brings reforms and new philosophical ideas to the eighteenth-century society in the field of social aid: socialist, egalitarian and communist theories. It created a new concept of social security based on common law and rules of social solidarity and justice opposed to the nineteenth-century economic liberalism. The modern French social security system takes its roots in the 1945 Program of the National Council of the Resistance aimed to consolidate achievements in the field of social security and to repair the economy from the war damage. The Decree serves as a guarantee of social sustenance and dignified pension wage in the case of impossible self-sufficiency. At the same time two types of “welfare state” – Bismarckian and Beveridgian – spread over the continental Europe that influenced further development of the French social system. The German model presumed a number of social guarantees related to employment status, compulsory social contributions of workers, opening of social security and state aid funds adopted by France afterwards. The 1945 social Program was then developed by Pierre Laroque, member of the Cabinet Minister for Work and Social Care, “father” of today’s French social security system. The system adopts a number of features of German “welfare state”, but then becomes autonomous and specific. Its main provisions are: corporate risk insurance split in four branches: workplace accident, pensions, illness benefits, family benefits; income redistribution; financial autonomy of social security funds; social financing resulting from employers’ and employees’ membership fees; opening of a universal fund of social protection, notwithstanding the split in several social payment schemes: entrepreneurs, SME owners, “special regimes” for farmers, agriculture workers, artisans, sailors, state officials, miners, railway workers, etc. Today the French social security system, as it was conceded after World War II, undergoes multiple structural crises of solvency, efficiency, legitimacy, especially, in the field of pensions and family benefits. Nevertheless, the French “welfare state” concept remains adaptive to the globalization process and evolving according to the French and international economic and political development cycles.

REFERENCES

1. Versini L. et Montesquieu Ch. de Secondat, baron de, De l'esprit des lois. Collection Folio/essais. 1995. Vol. 1. P. 275-276.
2. Terrel J. Les théories du pacte social: droit naturel, souveraineté et contrat de Bodin à Rousseau. Points. 2001. Vol. 450.
3. Imbert J. La protection sociale sous la Révolution française. Paris : Association pour l'étude de l'histoire de la Sécurité sociale, 1990.
4. Götz Ch. Plume de Marat : pour une bibliographie générale. Chantiers Marat. 2006. Vol. 9-10.
5. Labica G. Robespierre : une politique de la philosophie. 1ère éd., Philosophies. 1990. Vol. 30.
6. Dumas G. Autour de Babeuf // Annales historiques de la Révolution française. 1977. Vol. 49.
7. Higonnet P. L.-R. Babeuf: Communist or Proto-Communist? *The Journal of Modern History*. December, 1979. Vol. 51, no. 4. 8. Imbert J. Les droits de l'Homme en France. Paris, 1985.
9. Constitution du 24 juin 2013. *Conseil constitutionnel*. URL: www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-du-24-juin-1793.5084.html (access date: 12.10.2013).
10. Laurent A. et Valentin V. Les penseurs libéraux. Les Belles Lettres, Collection Bibliothèque classique de la liberté. 2012. Vol. 21.
11. Gueslin A. Le paternalisme revisité en Europe occidentale (seconde moitié du XIX siècle, début XX siècle). Genèses. 1992. Vol. 7. Issue 7.
12. Gaxie L. Du «droit individualiste» au «droit social». une histoire de la juridicisation du social (1789–1936). *Raison publique*. 19 mars 2012. URL: <http://www.raison-publique.fr/article496.html> (access date: 12.12.2013).
13. Paoletti G. Durkheim et la philosophie : représentation, réalité et lien social. Paris : Classiques Garnier, 2012.
14. Laroque P. La juridicisation des problèmes sociaux : la construction juridique de la protection sociale. *Informations sociales*. 2010. No. 157.
15. Radbruch G. Rechtsphilosophie, 1878–1949, 3., ganz neu bearb. und stark verm. Aufl. Leipzig : Quelle & Meyer, 1932.
16. Imbert J. Guide du chercheur en histoire de la protection sociale (1789–1914). vol. II. Paris : Association pour l'étude de l'histoire de la sécurité sociale, 1997.
17. Historique du système français de Sécurité sociale. *Le portail du service public de la Sécurité sociale*. 12 avril 2013. URL: <http://www.securite-sociale.fr/Historique-du-systeme-francais-de-Securite-sociale?type=part> (access date: 9.08.2013).
18. Le programme du CNR publié en 1944. *Fondation de la Résistance*. URL: http://www.fondationresistance.org/documents/dossier_them/Doc00104.pdf (access date: 13.08.2013).
19. L'Etat-providence // La Vie Publique – Direction de l'Information légale et administrative, 30 mai 2006. URL: <http://www.vie-publique.fr/decouverte-institutions/finances-publiques/approfondissements/etat-providence.html> (access date: 15.08.2013).
20. Barbier J.-C., Thérêt B. Le système français de protection sociale. La Découverte, Repères, Paris, 2ème édition, 2009.
21. Martin E. Sotsial'noe obespechenie v Velikobritanii i Frantsii // Polit.ru. 23 avgusta 2005. URL: <http://polit.ru/article/2005/08/23/martin/> (access date: 10.08.2013).
22. Pénard P., Amghar Y.-G., Bourdais J.-F. et al. Politiques sociales. 2e ed, presses de Sciences Po, Amphi-Dalloz, 2013.
23. Jean Pisani-Ferry: «Notre modèle social n'est pas efficace» // France Info. 17 octobre 2013. URL: www.franceinfo.fr/economie/un-monde-d-idees/jean-pisani-ferry-notre-modele-social-n-est-pas-efficace-1179781-2013-10-17 (access date: 15.11.2013).
24. Avenir de l'Union économique et monétaire : les pistes proposées par la Commission pour approfondir l'intégration sociale // Site de la Commission européenne. 2 octobre 2013. URL: www.europa.eu/rapid/press-release_IP_13_893_fr.htm (access date: 3.10.2013).

М.С. Чудакова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АГЕНТУРНОГО АППАРАТА ВЧК И ГПУ

В статье отражены вопросы становления системы агентурного наблюдения в первые годы советской власти. Подчеркивается, что основные виды агентов, принципы работы с ними, методы вербовки были заимствованы у дореволюционной школы сыска. Отмечено не только сходство, но и принципиальные различия в деятельности агентуры названных периодов (качественный и количественный состав агентов, система организации их работы и т.д.). Сделан вывод о том, что формы и методы деятельности спецслужб имеют преемственный характер, несмотря на различный общественно-политический строй.

Ключевые слова: советский период; виды секретных агентов; агентурное наблюдение; методы вербовки.

ВЧК, являясь центральным органом по борьбе с контрреволюцией и саботажем, не могла, естественно, в должной мере влиять на ситуацию в регионах. В силу этого было принято решение о «необходимости созыва Всероссийской конференции по вопросам создания боевых органов при всех губернских и областных Совдепах по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией...» [1. Л. 13]. Все Советы, избравшие своих представителей, должны были сообщить «число избранных и их фамилии». Документ констатировал тяжелое внутреннее положение Советского государства: «Происходящие события на Украине усилили и укрепили российскую контрреволюцию и спекуляцию. Контрреволюционеры, спекулянты, жулики разного рода, пробравшиеся в советские учреждения за последнее время, действуют самым беспощадным и наглым образом, что при обостренном продовольственном кризисе, хозяйственной и железнодорожной разрухе, с одной стороны, и желании, необходимости справиться с этим голодом и разрухой со стороны Советской власти, с другой, диктует необходимость при Советской власти, на всем пространстве Советской России создания сильных, специально приспособленных органов борьбы, которые бы повсеместно в тесном контакте могли вести самую беспощадную борьбу со всеми врагами Советской власти» [1. Л. 14]. Такими органами, согласно документу, должны были стать повсеместные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Деятельность чрезвычайных комиссий предполагала несколько направлений: борьба с контрреволюцией, саботажем, наблюдение за членами оппозиционных партий, раскрытие бывших провокаторов, служащих полиции и охраны, борьба с дезертирством и восстаниями бело-зеленых.

Система деятельности правоохранительных органов Советского государства, даже в их чрезвычайном варианте, не могла создаваться и формироваться без учета опыта, накопленного предшественниками. Структура, формы и методы работы царской охраны и жандармерии не остались без внимания. Особо актуальным оставался вопрос о степени информированности органов охраны государственной безопасности и общественно-политического порядка. Как известно, для наиболее эффективной работы дореволюционные органы политического сыска широко использовали различные виды агентурного на-

блюдения и широкий спектр секретных агентов. Внутреннюю агентуру представляли секретные сотрудники и осведомители, внешнюю – филеры, вспомогательные и «боковые» агенты [2].

После Октябрьской революции многие большевики полагали, что агентурные методы работы – порождение буржуазного строя и предлагали отказаться от их использования в деятельности нового аппарата. В речи по вопросу об Учредительном собрании 1 декабря 1917 г. В.И. Ленин подчеркивал: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены» [3. С. 136].

В апреле 1918 г. Коллегия поручила оперативным отделам приступить к разработке положения об агентурной работе. Проекты обсуждались на 1-й Всероссийской конференции ВЧК. Делегаты приняли инструкции, регламентирующие деятельность органов ЧК по приобретению и использованию агентуры в борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, методику ведения следствия по делам подобного рода, использование наружного наблюдения и вербовку секретных агентов из числа представителей антисоветских организаций [4. С. 323]. Несмотря на возражения некоторых делегатов против использования методов царской охраны в работе ЧК, большинство выступило за организацию секретной службы. В региональных ЧК руководство агентурой возлагалось на начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией, в составе которого учреждалась секретная часть.

При создании нового аппарата правоохранительных органов большое внимание уделялось разработке и развитию методов и средств оперативно-розыскной деятельности. Как и в царские времена, развитие агентурной сети шло по двум направлениям: штатные и внештатные агенты. Таким образом, используемый опыт позволил чекистам профессионально подойти к строительству агентурного аппарата: появились и осведомители, завербованные из среды противников (внештатные агенты), и секретные сотрудники, и служба наружного наблюдения (штатная агентура). В Обращении ВЧК ко всем гражданам Советской республики 21 февраля 1920 г. отмечалось: «Информационный от-

дел управления особого отдела ВЧК... призывает рабочих, красноармейцев, коммунистов и всех граждан придти ему на помощь... не стесняясь ни формами, ни изложением присылать сведения обо всех замеченных случаях, где можно заподозрить шпионаж, злостный саботаж, измену...» [5. С. 373]. Указанные сведения предлагалось доставлять почтой или лично в бюро писем при информационном отделе.

Таким образом, постановке агентурного наблюдения, качественному составу осведомительного аппарата уделялось самое пристальное внимание. Наблюдением должны были быть охвачены все районы той или иной губернии, а также, по возможности, предприятия. В последнем случае помощь оказывали партийные комитеты самих фабрик и заводов. Так, на общем собрании фракции коммунистов Волжской вигонефабрики 24 апреля 1919 г. было решено образовать на ней военно-революционный комитет. В протоколе отмечено: «Учредить отдел политического дозора (политической разведки)» [6. Л. 16].

В докладе Тверской ЧК губернскому исполкому, датированном 1919 г., отмечалось: «Для большей координации и установления прочных связей и информации с местами отделом были откомандированы в каждый уезд по одному секретному сотруднику, которые имели тесную связь с уездными комитетами РСДРП и работали с ними в тесном контакте, продолжая сохранять свою конспирацию» [7. Л. 46]. Всего таких сотрудников в уездах числилось 11 человек. В этом же отделе работали 7 комиссаров для особых поручений. Оставшиеся 12 сотрудников «обслуживают город, который разбит на 5 районов, где также ведется соответствующее наблюдение» [7. Л. 46].

Сведения, поставляемые сотрудниками, тщательно, как и в прежние времена, анализировались. Некоторые из них сообщались соответствующим органам для принятия определенных мер. Так, 31 мая 1919 г. Тверская ЧК сообщала в губком о следующем: «По полученным сведениям от сотрудника из Кашинского уезда, в Литвиновской волости председателем коллектива партии коммунистов большевиков состоит Николай Иванович Барсуков, который не соответствует своему назначению ввиду полного политического невежества и грубого отношения к членам исполкома и вообще к товарищам членам партии, что нарушает правильное течение политической жизни волости» [8. Л. 38]. В конце сообщения содержалась просьба «не оставлять без последствий» данное письмо.

При секретном отделе был создан регистрационный стол, «в котором ведется точная регистрация всех разыскиваемых лиц». Таковых в отделе было зарегистрировано 2 055 человек (в период с февраля по 30 июля 1919 г.). Кроме этого в отделе имелись снимки провокаторов по г. Твери [7. Л. 46 об.]. В докладе отмечалось: «За неимением работников с опытом развитие дела... не представляется возможным поставить на должную высоту».

26 февраля 1920 г. состоялась конференция начальников уездных милиций. Докладчик т. Прохоров «ярко

обрисовал задачи Политбюро, которые исключительно сводятся к политической работе – *политическому сыску*» (выделено мной. – М.Ч.) [9. Л. 5 об.; 10. Л. 6 об.]. Отмечалось, что «дело борьбы Политбюро (далее – ПБ) с внутренней контрреволюцией принадлежит только последнему». Новым органам правопорядка предписывалось организовать в течение двух недель специальную комиссию, в которую входили преднарком, заведующий отделом управления, представитель уездисполкома, начальник уездной милиции и уполномоченный губчека. Штат ПБ определялся следующим образом: 1) заведующий ПБ (он же – помощник начальника милиции); 2) уполномоченный (он же – информатор); 3) секретарь; 4) три секретных агента. Примечание гласило: в Бежецком, Осташковском, Вышневолоцком, Ржевском уездах должно быть по 2 уполномоченных и по 5 секретных агентов [10. Л. 6 об.].

Финансирование предполагалось осуществлять таким образом, что секретные агенты получали вознаграждение из секретных сумм Губчека, а начальники милиции, их помощники, уполномоченные «получают вознаграждение по ставкам, установленным для милиции, разницу же они получают из секретных сумм Губчека». «Работники ПБ вербуются из самых лучших и испытанных партийных работников». Уездные комитеты партии должны были выделить соответствующих этим требованиям коммунистов «с известным политическим стажем». Об организации ПБ следовало тотчас же донести в Губчек, а «также сообщить количество завербованных секретных агентов для переброски в другой уезд» [9. Л. 6; 10. Л. 7]. Согласно постановлению Совнаркома члены коллегии ЧК, комиссары, разведчики, уполномоченные и их помощники освобождались от воинской повинности. Этот порядок распространялся и на соответствующие подразделения ПБ [10. Л. 5].

Активно предпринимались попытки привлечения к осведомительству коммунистов и сочувствующих. Решением ЦК партии все партийные работники обязывались сообщать в особый отдел ВЧК о фактах шпионажа, измены, дезертирства [11. Л. 1]. 2 марта 1920 г. ЦК РКП(б) разослал в губернские и армейские парторганизации специальный циркуляр с требованием активной помощи органам ЧК. В июле ЦК по просьбе ВЧК, рекомендовал коммунистам, работающим на транспорте, быть осведомителями. 6 августа ВЧК обратилась с соответствующей просьбой («обязать всех коммунистов быть осведомителями») к губкомам партии. Однако эта идея не нашла широкой поддержки в партийных рядах. В июне 1921 г. ВЧК потребовала принять меры к созданию осведомительной сети на фабриках и заводах, а также колхозах, лесхозах. Отметим, что при формировании агентуры предлагалось соблюдать все правила конспирации.

Под личную ответственность Председателям ЧК и руководителям секретных отделов предлагалось, во-первых, в трехдневный срок «выработать конкретные вербовки и насаждение секретного осведомления в недрах политических партий»; во-вторых, было необхо-

димо перегруппировать сотрудников Губчека таким образом, «чтобы они приносили максимальную пользу секретной работе». «Вербовка, насаждение и руководство осведомлением, — отмечалось, в-третьих, — должны быть под личным руководством Предгубчека, начальника секретного отдела и уполномоченного по политическим партиям». Далее определялся качественный состав осведомителей, которые «должны вербоваться из рядов партий, а не из числа беспартийных». Последних квалифицировали лишь как «попутных, подсобных», а не основных осведомителей (вспомним так называемых боковых агентов). Предлагалось стремиться не к количеству осведомителей, а к их качеству: «Достаточно будет 2–3 толковых осведомителей по той или иной партии, чтобы контролировать их действия». Далее особо отмечалось, что «ни один из осведомителей не может быть принят кем бы то ни было из сотрудников ЧК без санкции Предчека и Завсекретотделом». Личность осведомителя подлежала проверке и должна «подтверждаться при возможности теми или иными данными, о чем немедленно сообщать в Секретный отдел ВЧК на имя Начальника СО ВЧК».

Ликвидации организаций, имеющих «крепкое осведомление», без санкции СО ВЧК не допускались, «за исключением случаев, не требующих отлагательства». Все ЧК, отмечалось, в трехмесячный срок «должны закончить организацию обзаведения у себя секретного осведомления по политическим партиям согласно настоящему циркуляру». Все руководители местных ЧК и завсекретотделами, не успевшие это сделать, «будут считаться бездеятельными». По истечении 6 дней Предгубчека должны были «прислать первый доклад о проделанной ими работе, второй доклад должен быть представлен не позднее 12 сентября 1920 г.» [12. Л. 84].

Определяя губернские ЧК как «органы политической борьбы с буржуазными и... антисоветскими политическими партиями», ВЧК телеграммой от 17 июня 1921 г. предписывала им «опираться в своей повседневной борьбе на секретное осведомление». Более того, констатировалось, что при отсутствии секретно-осведомительного аппарата «отсутствует и Губчека, как политический орган данной губернии» [12. Л. 84]. Телеграмма, подписанная В.Р. Менжинским, содержала подробную инструкцию по формированию осведомительного аппарата.

Одним из источников изучения деятельности ПБ являются доклады уполномоченных. Уполномоченный по партиям Нерехтского ПБ И.П. Лебедев сообщал о работе в период с 8 ноября 1921 г. по 15 января 1922 г. следующее. Он констатировал, что «за лицами, живущими в волостях, никакого наблюдения нет, но за живущими в городе, имеется наблюдение» [13. Л. 5]. Отмечая отсутствие работы секретного сотрудника, он свидетельствовал о том, что последний «за неимением теплого обмундирования никуда не ходит... для этой должности не способен». По мнению уполномоченного, на эту должность надо найти «любителя и строго разбирающе-

гося в важности выполняемой им работы». «Из местных жителей найти трудно, да и нежелательно, — продолжал он, — город небольшой и все друг друга знают». Н.П. Лебедев в своем докладе поднимает очень актуальный для того времени вопрос о подготовке кадров: «Необходимо отметить, что работать, не имея в этой области хорошей практики очень трудно». Он обращается с просьбой выслать из Губчека опытного работника «на срок не менее месяца и поставить работу так, как она должна быть на самом деле, или... пройти резерв назначения, но не такой, как мы проходили (ознакомление с задачами ЧК)» [13. Л. 6, 6 об.].

Система и принципы наблюдения за оппозиционным элементом отражены не только в общих сводках, но и в планах работы того или иного подразделения ЧК. Обратимся к плану работы Нерехтского ПБ на январь–март 1922 г. Уполномоченным по политическим партиям предписывалось «выяснить жизнь и деятельность взятых на учет членов антисоветских партий, для чего во чтобы то ни стало установить за ними наблюдение» [13. Л. 7]. С этой целью проверке подлежали все советские учреждения, организации и духовенство. Рекомендовалось «завязать переписку с центральными органами антисоветских партий путем легального получения печатных органов из их редакций».

Особое внимание уделялось постановке агентуры. Так, предписывалось «создать группу эсеров из своих осведомителей (выделено мной. — М.Ч.), дабы тем самым выяснить, имеются ли и сколько, в уезде» [13. Л. 7]. Уполномоченные по осведомлению и агентуре были обязаны не только «поставить осведомителя во всех советских учреждениях, организациях, среди духовенства и учительства», но и завербовать таковых из членов антисоветских партий. Проверке «работы и личной жизни» подлежали все имеющиеся осведомители. «Всех неспособных — удалить», — особо отмечалось в документе. Корректировке подлежала и сама система сбора сведений. Предписывалось разбить уезд на районы, «в каждом районе поставить конспиративного помощника уполномоченного» [13. Л. 7 об.]. Последнему предписывалось держать связь непосредственно с осведомителями (давать им задания и получать информацию). В качестве меры контроля над оппозиционным элементом рекомендовалось установить цензуру на почте.

Органы ЧК и ГПУ уделяли самое пристальное внимание качественному составу своего осведомительного аппарата, аппарата наружного наблюдения (как, впрочем, это было и в дореволюционной России), сталкиваясь с проблемой кадрового обеспечения секретного наблюдения. «Работа осведомительного отделения... страдает из-за недостатка работников. С осведомительным аппаратом не вполне хорошо, отсутствует конспиративная квартира, конспиративных уполномоченных имеется всего лишь 2 человека», — отмечалось в двухнедельной сводке Тверского ЧК за 1–15 октября 1921 г. [14. Л. 76]. Тем не менее осведомительная сеть работала. Она являлась одним из основных источников получения сведений не только о политической и экономической

ситуации в конкретной местности, но и о деятельности отдельных высокопоставленных лиц.

Осведомитель из Ржева сообщал, например, что в городе «имеется два представителя от ВЧК, фамилия первого Попов, другого выяснить не удалось», причем «занимая самые солидные посты там, совершенно бездействуют» [14. Л. 72]. Особо агент указывает на противоправную деятельность комиссара по продовольствию Ржева Голицына, «офицера старой армии, кулака, эксплуататора». Производя «незаконные сборы продовольственных налогов с крестьян уезда, беря с некоторых за 1920 год, а с некоторых как бы авансом за 1921 год, определенно провоцирует советскую власть». Осведомитель сообщал, что «вполне самостоятельные люди уезда не вносят общего государственного налога, потому что дают взятки указанному Голицыну» [14. Л. 72]. В агентурной записке сообщалось также о готовящемся весной «грандиозном восстании крестьян нескольких уездов». Осведомитель отмечал наличие организационного комитета, который планомерно «распускает слухи, будто бы исполкомом принято решение вырезать 40 семейств в волости, на что... имеется определенный приказ из центра, что готовится полное отобрание земли и инвентаря у крестьян» [14. Л. 72].

Весьма характерным является следующий документ. В приказе № 18 по секретно-оперативной части Тверского отдела ГПУ от 14 сентября 1923 г. отмечалось: «Тов. Ефремова, информатора по Старицкому уезду, за манкирование службой и нарушение приказа ГПУ арестовать на 30 суток, какового по отбытии срока наказания уволить со службы без права поступления в органы ГПУ» [15. Л. 5]. «Агентов по наружному наблюдению Вышневолоцкого ПБ Крылова и Гаврилова уволить от занимаемой должности: первого – по болезни, второго – как *неспособного* (выделено мной. – М.Ч.)», – гласил приказ № 148 по Тверской ЧК от 22 декабря 1920 г. Сотрудники Виноградов и Годунов Калязинского и Старицкого ПБ соответственно были уволены вследствие того, что оказались дезертирами [16. Л. 134].

Высокие требования предъявлялись и к работникам отделов ЧК. Так, 15 января 1921 г. был объявлен строгий выговор письмоводителям Вышневолоцкого Политбюро Кормановой и Зойковой «за то, что они во время командировки из В. Волочка в Тверь... в вагоне позволили себе разгласить проезжающей публике всю деятельность политбюро с подробным объяснением: кто заведует политбюро, сколько активных и секретных агентов и где они проживают» [15. Л. 152 об.]. Строгий выговор был объявлен уполномоченному Калязинского ПБ Назарову и секретарю Владимирову за то, что секретное дело, отправленное ими, «было плохо запечатано, не перевязано шпагатом и было получено в разорванном виде» [16. Л. 158 об.].

Как и в дореволюционное время, деятельность агентуры активизировалась в период различных торжеств и праздников. Накануне празднования шестой годовщины Октябрьской революции начальнику информационно-агентурного отдела т. Пульверу предписывалось

«установить наблюдение за всеми уголками г. Твери на предмет обнаружения разбросанных прокламаций и устройства неразрешенных сборищ». Помимо этого необходимо было «выделить соответствующее число секретных сотрудников, прикрепляя к... районам, где будут располагаться дежурные посты отдела» [15. Л. 10].

Итак, у дореволюционных коллег чекисты заимствовали систему организации агентурного наблюдения, правда, на принципиально иной основе. Стало больше так называемых идейных сотрудников, которые работали не только за материальное вознаграждение. Практически исчез такой вид, как вспомогательная агентура. Существенно упорядочилась система учета секретных агентов: введены картотеки наблюдаемых с указанием «клички» агента, осуществлявшего надзор (формирование и упорядочение картотек заняло несколько десятилетий и захватило даже 1950-е г.). Однако документы, подтверждающие денежное вознаграждение за агентурную работу, относятся лишь к дореволюционному периоду.

Численный состав агентуры также имел различия. Если до революции, как правило, на одну организацию приходилось два агента, то в советское время (и это прослеживается в документах) – персональная опека на члена антисоветских групп варьировалась от двух до четырех агентов, при необходимости активно призывались члены партии. Но такую практику не поддерживали партийные органы, хотя, конечно, большинство партийцев считали себя персонально ответственными за происходившее в стране. Потому многие антисоветские структуры оказались раскрыты по результатам информации, поступившей от рядовых большевиков или беспартийных. Более значительные белогвардейские группы и организации разрабатывались весьма долго и, разумеется, с помощью агентуры. В ее роли выступали либо члены самих подобных структур, обманутые и запуганные их главарями, либо специально внедренные сотрудники.

Изменение политической обстановки и учреждение ГПУ вызвали корректировку деятельности секретного аппарата. В протоколе совещания начальника Яргуботдела ГПУ, начальников транспортных отделов отмечалось: «Появление всевозможных частных предприятий, учреждений и организаций еще далеко нам не известных по намерениям деятельности, переход антисоветского элемента от способов открытой враждебной работы к более утонченному способу... требует постановку секретного аппарата, его работу почти коренным образом изменить» [17]. Констатировалось, что постепенно велось высвобождение секретного аппарата от «малороботоспособных элементов».

Вполне конкретно формулировалась и задача госбезопасности в сфере агентурного наблюдения: «Не только запустить свои щупальца во все темные местечки с поповскими занавесками, но и взять на учет не только на бумаге, но в действительности весь имеющийся антисоветский элемент... и поставить его под наш повседневный надзор. Для этого необходимы известные вполне законные условия. При таких условиях,

в каких мы сейчас находимся., весьма сомнительно, чтобы достигнуть каких-либо положительных результатов» [17]. Среди недостатков отмечены и относительно низкий политический уровень сотрудников («недостаток, от которого страдает партия в целом»), недостаточная материальная обеспеченность и неудовлетворяющий качественный состав сотрудников (при наличии 60% коммунистов).

В целом же, в отличие от своих дореволюционных коллег, сотрудники советской госбезопасности достаточно мобильно реагировали на изменения политической ситуации. Налицо оказалось и сотрудничество в названной сфере между представителями различных структур. Подчеркнем и то, что опыт, накопленный дореволюционной школой сыска, активно и подробно изучался и заимствовался. Общеизвестен факт переиздания в 1941 г. для внутреннего пользования НКВД Инструкции по организации внутреннего агентурного наблюдения, написанной еще П.А. Столыпиным.

Прежними оставались и способы приобретения агентуры. Так, в «Кратких указаниях ЧК для ведения разведки» [4. С. 323] назывались те же методы вербовки агентов, которые известны нам по дореволюционной деятельности органов политического сыска. Это, во-первых, личная, материальная или идейная заинтересованность. Во-вторых, убеждение и принуждение (последнее – при наличии сведений, компрометирующих намеренного к вербовке). В-третьих, предлагалось прямое предложение или постепенное привлечение к сотрудничеству. В тюрьмах рекомендовались к использованию агенты из среды самих арестованных. Наружное наблюдение первоначально применялось спонтанно, да и затем особой специализации сотрудников по видам агентурной деятельности изначально не существовало. Как и в дореволюционное время, широко использовалась перлюстрация корреспонденции. Словом, ничего абсолютно нового в этой сфере внедрить не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 238а.
2. Чудакова М.С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. Гл. 3, 4.
3. Ленин В.И. Речь по вопросу об Учредительном собрании. Полн. собр. соч. Т. 35.
4. Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. М. : СПб., 2002.
5. Из истории ВЧК. 1917–1921. Сб. документов. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958.
6. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 114.
7. ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 2. Д. 379.
8. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 206.
9. ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 3. Д. 62.
10. ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 21.
12. ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 725.
13. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф. 3656. Оп. 3. Д. 3.
14. ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 735.
15. Архив УФСБ Тверской области (Архив УФСБ ТО). Ед. хр. 14.
16. Архив УФСБ ТО. Ед. хр. 1.
17. ЦДНИЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 595. Л. 24.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 декабря 2013 г.

FEATURES OF VCHK AND GPU SECRET-SERVICE OFFICES FORMATION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 126-131. DOI: 10.17223/15617793/380/19

Chudakova Marina S. Yaroslavl State Medical Academy (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: marichud@rambler.ru

Keywords: Soviet period; kinds of confidential agents; secret-service supervision; methods of recruitment.

The system of law enforcement agencies of the Soviet state, even in their extreme form, could not be formed without taking into account the experience gained by the predecessors. The question of the degree of awareness of law enforcement bodies remained topical. When creating a new system a lot of attention was paid to the design and development of methods and means of investigative activities. Used experience allowed security officers to professionally approach to the construction of the agent system: there were informants recruited from among the opponents (non-staff agents), secret agents, and surveillance service (standard agents). The bodies of the ChK and GPU paid close attention to the quality of their non-staff and standard agents (like in pre-revolutionary Russia), but they had a deficit of secret agents. KGB borrowed the system of organization of agent surveillance from their pre-revolutionary colleagues, although in a fundamentally different manner. The number of ideological employees who worked not only for the financial reward grew. Auxiliary agents virtually disappeared. The accounting system of secret agents was ordered: files were made for people under observation with the nicknames of supervising agents. However, the proof of the remuneration for the work of agents refers only to the pre-revolutionary period. The membership of agents also had differences. Before the Revolution, as a rule, one organization had two agents, in Soviet times – there were from two to four agents for a member of anti-Soviet groups. Many of the anti-Soviet structures were uncovered as a result of information received from non-party people. Larger organizations were investigated for a very long time with the help of agents who were either members of such structures themselves, deceived and intimidated by their heads, or planted agents. Unlike their pre-revolutionary colleagues, KGB employees were mobile enough to respond to the changes in the political situation. There was cooperation in this sphere with various structures. The experience of the pre-revolutionary school of investigation was actively and extensively studied and borrowed. The ways of acquiring agents did not change: personal, financial, or ideological interest, persuasion and coercion (the latter was possible if there was information compromising the candidate recruit). There was a direct offer or gradual involvement. Originally, surveillance was used spontaneously; there was no classification of employees by the type of agent activities. Like in pre-revolutionary times perusal of correspondence was common. Thus, no brand new elements in this area were introduced.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti (GATO). F. R-291. Op. 1. D. 238a.
2. Chudakova M.S. Protivostoyanie. Politicheskiy sysk dorevolyutsionnoy Rossii. 1880–1917. Yaroslavl' : YaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2003. Gl. 3, 4.
3. Lenin V.I. Rech' po voprosu ob Uchreditel'nom sobranii. Poln. sobr. soch. V. 35.
4. Kolpakidi A.I., Seryakov M.L. Shchit i mech. M. ; SPb., 2002.
5. Iz istorii VChK. 1917–1921. Sb. dokumentov. M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1958.
6. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Yaroslavskoy oblasti (TsDNIYaO). F. 1. Op. 27. D. 114.
7. GATO. F. R-291. Op. 2. D. 379.
8. Tverskoy tsentr dokumentatsii noveyshey istorii (TTsDNI). F. 1. Op. 1. D. 206.
9. GATO. F. R-291. Op. 3. D. 62.
10. TTsDNI. F. 1. Op. 1. D. 437.
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 2. D. 21.
12. TTsDNI. F. 1. Op. 1. D. 725.
13. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Kostromskoy oblasti (TsDNIKO). F. 3656. Op. 3. D. 3.
14. TTsDNI. F. 1. Op. 1. D. 735.
15. Arkhiv UFSB Tverskoy oblasti (Arkhiv UFSB TO). Ed. khr. 14.
16. Arkhiv UFSB TO. Ed. khr. 1.
17. TsDNIYaO. F. 1. Op. 27. D. 595. L. 24.

ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 14 ОКТЯБРЯ 2012 г. И ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Исследуется влияние федеральных законов 2012 г. о политических партиях на изменения в партийных системах российских регионов. На основе данных о результатах выборов в законодательные собрания субъектов Российской Федерации 14 октября 2012 г. сделан вывод о сохранении стабильности партийных систем в российских регионах. Облегчение условий создания новых партий и их включение в избирательный процесс не привели к значительным изменениям в соотношении политических сил. Ослабление парламентской оппозиции в законодательных собраниях разных регионов стало результатом не только создания новых партий, но и воздействия иных факторов.

Ключевые слова: выборы; законодательные собрания; региональные партийные системы.

Ход и результаты думских и региональных выборов 2011 г., возмущенная реакция на них со стороны российской общественности убедили правящие круги России в необходимости проведения ряда преобразований в сферах избирательного и партийного законодательства. Ответом властных структур на этот общественный запрос стали разработка и принятие в 2012 г. ряда федеральных и региональных законов, изменяющих некоторые правила регистрации политических партий и их участия в выборах органов государственной власти. Центральное место среди них занимает Федеральный закон № 28-ФЗ, изданный 2 апреля 2012 г. Закон сократил с 40 тысяч до 500 человек минимальное количество членов партии, необходимое для её регистрации, а также несколько снизил для партий интенсивность предоставления отчетных документов в контролирующие органы [1]. В известной степени упрочилось положение партий и в связи с принятием Федерального закона от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ, статья 1 которого дополняет спектр участия партий в выборах и воспрещает приостановку и ликвидацию их региональных отделений в период проведения избирательной кампании по выборам губернатора [2].

Нормы закона № 28-ФЗ заметно упростили процедуру регистрации политических партий в России, что создало возможность для резкого увеличения их общего числа. Официальная мотивировка такого решения заключалась в необходимости способствовать расширению рамок политического плюрализма и межпартийной конкуренции. Однако куда менее оптимистично звучали оценки экспертов, собравшихся 24–25 мая 2012 г. в Москве на конференции «Очередная смена вех? Изменение политической повестки дня и перспективы партийно-электоральных исследований». Большинство из участников форума сошлись во мнении, что «либерализация» партийной системы обусловлена не поворотом правящего режима в направлении демократизации российской политики, а куда более прагматичными соображениями, связанными, главным образом, с желанием сохранить доминирование «Единой России» в представительных органах власти. Как справедливо указывает А.Е. Любарев, «столь резкий разворот объясняется, прежде всего, сменой тактики в кремлевской стратегии “управлении демократией”: “нишевая малопартийность” заменяется

курсом на распыление оппозиционных голосов между большим числом разнообразных партий» [3. С. 133].

Анализируя названия новых партий, представленных в заявках их оргкомитетов, исследователи обращают внимание на явно неполитический характер многих из них: «Против всех», «Партия любви» (к кому или к чему – загадка!), «Новая партия», «Партия автомобилистов», совсем уж неполиткорректная «Партия умных» и т.д. [4. С. 93]. Наименования других партий («Партия за справедливость!», «Коммунистическая партия социальной справедливости», «Социал-демократическая партия России», «Коммунисты России») свидетельствуют о стремлении их создателей оттянуть голоса у левых парламентских партий. При этом в названиях вновь зарегистрированных партий не прослеживается попыток использования темы единства или единения, что позволило бы им вторгнуться на символическое пространство «Единой России» [5. С. 149–150].

Эти выводы, сделанные «по свежим следам» законодательных нововведений, еще носили гипотетический характер и были основаны только на материалах федерального политического процесса. Кроме того, они характеризовали, главным образом, субъективные мотивы трансформации партийно-политической системы страны. Однозначно прогнозировать объективный характер воздействия проведенных реформ было ещё преждевременно. Эмпирическим подтверждением или опровержением этих выводов могли стать лишь результаты выборов. А в отсутствие выборов в федеральные органы власти (ближайшие из которых ожидаются лишь в 2016 г.) значение главных индикаторов развития партийной системы и парламентаризма в России приобретают выборы в представительные органы законодательной власти субъектов Российской Федерации. Только они способны дать ответ на вопрос о том, насколько оправдала себя стратегия властного регулирования институтов политического представительства в интересах правящей партии, и можно ли говорить о качественной трансформации российской партийной системы и регионального парламентаризма на основе описанных законодательных новаций.

В этой связи вызывают большой интерес результаты состоявшихся 14 октября 2012 г. выборов в законодательные собрания российских регионов. В этот день одно-

временно были избраны губернаторы 5 областей, главы 1 955 муниципальных образований, депутаты 2 702 представительных органов местного самоуправления, а также полные составы шести региональных парламентов: Законодательных собраний Краснодарского края и Пензенской области, Саратовской и Сахалинской областных Дум, а также Государственного совета Удмуртской республики и Парламента Республики Северная Осетия – Алания. Кроме того, состоялись дополнительные выборы депутатов еще 15 законодательных собраний по отдельным одномандатным округам. Ход и итоги избирательной кампании дали богатый материал для анализа актуального состояния и тенденций развития выборов, партийных систем и парламентских структур в субъектах Российской Федерации.

Для содержательной характеристики участия политических партий в региональных избирательных кампаниях 2012 г. нами были использованы количественные данные с официального сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [6]. Данные об итогах предыдущих выборов и партийном составе законодательных собраний, сформированных по их итогам, заимствованы из базы данных Центра содействия демократии и правам человека «ГЕЛИКС» [7]. Сведения о составах представительных органов, сформированных по итогам выборов 14 октября 2012 г., получены с официальных сайтов соответствующих региональных парламентов [8–13]. Общая статистика участия партий в региональных выборах 2012 г. с акцентом на результативности новых партий приведена в табл. 1.

Таблица 1

Активность и общая результативность новых партий на выборах 2012 г.*

Субъект Федерации	Количество зарегистрированных партий	Общее количество партий, выдвинувших свой список на выборах	Количество новых партий, выдвинувших свой список на выборах	Сумма голосов, отданных за новые партии, %
Краснодарский край	48	17	11	8,97
Пензенская область	30	11	4	6,42
Саратовская область	36	14	8	3,63
Сахалинская область	35	11	4	5,43
Северная Осетия	52	17	12	7,53
Удмуртия	37	11	5	5,52

*По данным источника [6].

Существенным фактором, который ограничивал участие новых партий в этих выборах, стали требования закона к срокам регистрации необходимого количества их региональных отделений. Поэтому в Северной Осетии, где выборы в местный парламент были объявлены позже остальных регионов, количество допущенных к ним партий оказалось существенно выше. Однако уровень активности вновь зарегистрированных партий оказался невелик. Несложно заметить, что, по данным ЦИК РФ, во всех субъектах Федерации активное участие в региональных выборах 2012 г. приняло лишь около 1/3 от общего числа партий, зарегистрированных на момент начала избирательной кампании. За вычетом партий, получивших регистрацию до 2012 г., это количество колеблется в пределах от 4 до 12. В половине регионов новые партии и вовсе оказались в меньшинстве. Складывается впечатление, что значительная часть вновь образованных политических организаций, зарегистрировавшись, то ли исчерпали на этом весь потенциал своей активности, то ли «замерли» в ожидании выгодных предложений политического или даже откровенно коммерческого характера.

Результативность партий-новичков тоже оставляет желать лучшего: ни одна из них в законодательное собрание не прошла. Суммарная доля отданных за эти партии голосов нигде не достигла десятипроцентной отметки. Только в Пензенской области среднее количество голосов на каждую из них превысило 1,5%, а в Саратовской не дотянуло и до 0,5%. Самый высокий результат показали «Коммунисты России» в Краснодарском крае, но и здесь их достижение – 3,27% голосов, что далеко от семипроцентного барьера [6].

Таким образом, на расстановку политических сил в региональных парламентах появление новых партий

прямого воздействия не оказало: провести туда своих депутатов и сформировать фракции им не удалось. Вызывает, однако, интерес вопрос о том, не оказало ли участие этих партий в региональных выборах *косвенного* влияния на партийный состав парламентской элиты соответствующих субъектов Федерации? Способом такого влияния, подтверждающим высказанные выше опасения, могло бы стать оттягивание ими на себя голосов оппозиционного электората при сохранении уровня голосования за «партию власти».

Для проверки этих опасений обратимся к сравнительной статистике результатов парламентских партий на выборах законодательных собраний нынешнего и прошлого созывов и динамике партийного состава сформированных органов законодательной власти (табл. 2).

По сравнению с итогами выборов 2007–2008 гг., все оппозиционные парламентские партии получили в 2012 г. существенно меньше голосов. Несколько выделяются на этом фоне достижения КППРФ и ЛДПР в Удмуртии, но с учетом неудачного выступления «Справедливой России» оппозиция и здесь в совокупности потеряла часть голосов. Вообще, участие этой партии в региональных выборах 2012 г. оказалось наименее успешным: укрепить свое положение ей удалось лишь в Парламенте Северной Осетии, а в законодательных собраниях Краснодарского края и Пензенской области её депутатов и вовсе не осталось. Потери КППРФ оказались намного скромнее: из 30 депутатов прошлого созыва коммунисты в 2012 г. сохранили 27. Несмотря на потерю части голосов, ЛДПР полностью сохранила свое присутствие в представительных органах Сахалина и Удмуртии. Впрочем, в остальных переизбранных законодательных ассамблеях её депутатов как не было, так и нет.

Динамика результатов парламентских партий на выборах в законодательные собрания*

Субъект Федерации	Год проведения выборов	«Единая Россия»		КПРФ		«Справедливая Россия»		ЛДПР	
		Голосов, %	Мест	Голосов, %	Мест	Голосов, %	Мест	Голосов, %	Мест
Краснодарский край	2007	67,05	91	14,99	6	9,36	3	5,6	
	2012	69,47	95	8,98	5	4,15		4,56	
Пензенская область	2007	67,62	22	15,94	2	7,04	1	6,88	
	2012	70,64	23	12,52	2	2,87		4,61	
Саратовская область	2007	60,78	30	14,19	3	13,52	3	5,99	
	2012	77,92	34	8,27	1	5,01	1	2,83	
Сахалинская область	2008	55,27	21	23,11	4	8,46	1	9,85	1
	2012	50,18	22	18,33	3	7,17	1	8,36	1
Северная Осетия	2007	60,71	49	14,33	7	8,92	4	2,93	
	2012	44,20	45	10,48	5	7,17	5	1,33	
Удмуртия	2007	55,95	74	13,3	8	12,94	8	8,99	6
	2012	53,19	71	17,23	11	5,07	1	10,07	6

*Доля голосов, набранных партиями, указана по единому округу [6, 7]. Количество мест в органе власти подсчитано на основании списков депутатов [7, 8–13].

Результаты участия «Единой России» в этих выборах неоднозначны. В половине регионов её показатели выросли, в Саратовской области – довольно заметно. Но в сумме по 6 регионам этой партии дополнительно досталось всего 3 мандата. В остальных субъектах Федерации за «партию власти» было подано меньше голосов, чем ранее, причем в Северной Осетии эти потери оказались настолько значительными, что привели к утрате абсолютного большинства голосов. Однако при конвертации голосов в места оказалось, что и в этих регионах «Единая Россия» осталась на господствующих позициях, а на Сахалине даже увеличила свою фракцию на одного депутата. Очевидно, что свою роль сыграли эффекты смешанной избирательной системы: по одномандатным округам кандидаты господствующей партии имеют гораздо больше шансов на успех, чем любые другие. Поэтому в обеих республиках «партии власти» удалось смягчить потери за счет вытеснения самовыдвиженцев. Но столь же очевидно, что непропорциональное голосам увеличение количества депутатских мандатов «Единой России» в Краснодарском крае и Саратовской области связано еще и с растягиванием оппозиционного электората. И в это растягивание вновь созданные партии внесли несомненный вклад.

Чтобы определить значение того или иного фактора в потерях парламентской оппозиции, необходимо поместить её результативность в контекст изменений, которые произошли в иных сегментах партийной системы: достижений «Единой России», успехов старых непарламентских партий («Патриоты России», «Правое дело» и «Яблоко») и новых партий (табл. 3).

В случае Саратовской области потери парламентской оппозиции обнаруживают явную корреляцию с выигрышем «Единой России». Роль остальных факторов, в том

числе создания новых партий, здесь почти незаметна. В половине регионов гораздо более значительный вклад в снижение показателей парламентской оппозиции внесли вновь образованные партии. Правда, в Удмуртии они «оттянули» голоса всех парламентских партий, включая «Единую Россию». Кажется, именно в этом регионе политическое значение возникновения новых партий поняли раньше всех: в апреле 2013 г. там был создан Совет непарламентских партий [14]. Наконец, еще в двух субъектах Федерации при низкой результативности новых партий потери понесли все парламентские партии. Здесь решающим фактором нестабильности партийной системы стала активизация старых непарламентских партий. Особенно заметен этот фактор в Северной Осетии, где «Единая Россия» потеряла больше голосов, чем другие парламентские партии, а более четверти голосов неожиданно получили «Патриоты России», занявшие второе место.

Таким образом, региональные парламентские выборы 2012 г. привели к четырем различным результатам:

1. Парламентская оппозиция потеряла голоса в пользу всех остальных партий (Краснодарский край и Пензенская область).
2. Парламентская оппозиция потеряла значительную часть голосов в пользу «Единой России», роль остальных партий минимальна (Саратовская область).
3. Старые и новые непарламентские партии отобрали голоса у всех парламентских, причем доля старых оказалась заметно больше (Сахалинская область и Северная Осетия).
4. Старые и новые непарламентские партии отобрали голоса у части парламентских («Единой России» и «Справедливой России»), причем доля новых заметно больше (Удмуртия).

Таблица 3

Сравнительная динамика результативности партий по группам, % от числа поданных голосов*

Субъект Федерации	«Единая Россия»	Парламентская оппозиция	Непарламентские партии	Новые партии
Краснодарский край	+2,42	-12,26	+1,92	+8,97
Пензенская область	+3,02	-9,86	+1,06	+6,42
Саратовская область	+17,14	-17,59	+0,88	+3,63
Сахалинская область	-5,09	-7,56	+7,12	+5,43
Северная Осетия	-16,51	-7,2	+25,24	+7,53
Удмуртия	-2,76	-2,83	+0,54	+5,52

*Подсчитано путем вычитания показателя прошлых выборов из результата 2012 г. [6].

Для оценки динамики региональных партийных систем в результате состоявшихся выборов воспользуемся привычными для сравнительной политологии количественными показателями – индексами эффективного числа электоральных и парламентских партий М. Лааксо и Р. Таагеперы [15. С. 4] и индексом электоральной волатильности М. Педерсена [16. С. 9]. Индекс эффективного числа электоральных партий показывает уровень конкурентности выборов, индекс эффективного

числа парламентских партий – степень фрагментации выборного органа, а индекс электоральной волатильности – совокупный уровень изменчивости поддержки партий избирателями.

По динамике эффективного числа электоральных партий изучаемые регионы четко разделились на две группы: в Краснодарском крае, Пензенской и Саратовской областях конкурентность выборов понизилась, а в остальных регионах масштабы конкуренции выросли (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Показатели динамики региональных партийных систем на выборах 2012 г.*

Субъект Федерации	Эффективное число электоральных партий		Эффективное число парламентских партий		Индекс электоральной волатильности, % голосов
	2007/08 гг.	2012 г.	2007/08 гг.	2012 г.	
Краснодарский край	2,07	2,01	1,2	1,1	7,34
Пензенская область	2,03	1,93	1,28	1,18	6,44
Саратовская область	2,43	1,62	1,41	1,12	17,365
Сахалинская область	2,66	3,33	1,71	1,58	6,325
Северная Осетия	2,51	3,53	1,99	2,13	24,475
Удмуртия	2,93	3,04	1,78	1,56	8,41

*По данным источника [6].

Однако степень фрагментации региональных legislatures снизилась повсеместно, кроме Северной Осетии. А значит, можно говорить о сохранении полупартийных систем и гегемонии «Единой России» во всех изучаемых регионах.

Уровень электоральной волатильности в большинстве регионов очень невысок. Это объясняется как небольшими масштабами изменений в поддержке партий, так и формальным характером индекса, не учитывающего динамику численности партий. На общем фоне выделяются лишь Саратовская область и Северная Осетия. В первом случае индекс зафиксировал «перехват» более чем 17% голосов парламентской оппозиции «Единой Россией». А во втором на его значении отразились заметные изменения всех сегментов партийной системы.

Таким образом, гипотеза о создании новых политических партий как технологии распыления оппозиционного электората находит лишь частичное подтверждение. Нельзя не признать, что в ряде регионов участие новых партий в избирательной кампании 2012 г. действительно отвлекло на себя часть избирателей КПРФ и особенно «Справедливой России». Однако потери парламентской оппозиции связаны не только с этим фактором. В зависимости от региональной специфики, против неё сработали и собственные ресурсы «партии власти», и возросшая активность непарламентских партий. Партийные системы регионов серьезных перемен не претерпели. А новые партии в ряде субъектов Федерации проявили готовность конкурировать не только с оппозицией, но даже с той партией, которая допустила их создание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»* // Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5746, 4 апреля.
2. *Федеральный закон Российской Федерации от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»* // Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5903, 5 ноября.
3. *Любарев А.Е.* Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012. С. 131–138.
4. *Михалева Г.М.* Партии и гражданское общество: алгоритмы взаимодействия // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012. С. 74–95.
5. *Попова О.В.* Перспективы малых партий в современной России // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012. С. 145–157.
6. *Сведения о проводящихся выборах и референдумах* // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. 2012. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>, свободный (дата обращения: 17.04.2013).
7. *Российская электоральная статистика* // Центр содействия демократии и правам человека «ГЕЛИКС». 2010. URL: <http://www.db.geliks.org>, свободный (дата обращения: 17.04.2013).
8. *Законодательное собрание Краснодарского края.* 2006. URL: <http://www.kubzsk.ru>, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
9. *Официальный сайт Законодательного собрания Пензенской области.* 2006. URL: <http://www.zspo.ru>, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
10. *Саратовская областная дума.* 1999. URL: <http://www.srd.ru>, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
11. *Сахалинская областная дума.* 2013. URL: <http://www.duma.sakhalin.ru>, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
12. *Парламент Республики Северная Осетия – Алания.* 2009. Официальный сайт. URL: <http://www.parliament-osetia.ru>, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
13. *Государственный совет Удмуртской республики.* 2003. URL: <http://www.udmgossovnet.ru>, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
14. *При Председателе Государственного совета Удмуртии образован Совет непарламентских партий* // Государственный совет Удмуртской республики. 2013. URL: http://www.udmgossovnet.ru/press_-_tsentr/novosti/detail.htm?itemid=424599, свободный (дата обращения: 21.04.2013).
15. *Laakso M., Taagepera R.* The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies.* 1979. April. P. 3–27.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2013 г.

ELECTIONS IN LEGISLATIVE ASSEMBLIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON OCTOBER 14, 2012 AND THE DYNAMICS OF REGIONAL PARTY SYSTEMS

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 132–136. DOI: 10.17223/15617793/380/20

Shpagin Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpagin1972@mail.ru

Keywords: elections; legislative assemblies; regional party systems.

The article is devoted to the research of dynamics of regional party systems in Russia at the present stage of their development. The data of the Central Election Commission of the Russian Federation, the Center in Support of Democracy and Human Rights Helix, and also Internet sites of legislative assemblies elected in 2012 are the basis of the research. The amendments adopted in 2012 to the Federal Law “On political parties” created favorable opportunities for the emergence of new parties in Russia. This circumstance caused fear that the set of new little-known parties will disorient the voters, cause strong damage to the opposition parliamentary parties and destabilize the party systems of the regions. The analysis of the results of regional elections on October 14, 2012 allows drawing a conclusion that these fears are confirmed only partially. The majority of the new parties could not or did not want to take part in these elections. New parties received few votes; none of them joined the legislative assembly. Therefore, the Pedersen index of electoral volatility is low for the majority of the cases. However, the participation of these parties in elections has an indirect impact on the party structure of legislative assemblies. To clarify this influence the dynamics of the electoral support of the parties in the segments of the party system (“party of the power”, parliamentary opposition, old non-parliamentary parties, new parties) was analyzed. In some regions new parties siphon votes from the parliamentary opposition (especially from the Just Russia), in others – votes from all parliamentary parties. But in the regions old non-parliamentary parties caused greater instability of the party system. As a result, the competition level between the parties in the elections (measured by the index of M. Laakso and R. Taagepera) decreased with the advent of new parties in half of the regions, and the level of fragmentation of regional parliaments reduced almost everywhere. It means that in the near future all the regions under study will preserve the “one-and-a-half-party” system and the United Russia hegemony in legislative assemblies.

REFERENCES

1. Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 2 aprelya 2012 g. № 28-FZ “O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “O politicheskikh partiyaх””. *Rossiyskaya gazeta*. Federal'nyy vypusk. 2012. No. 5746, 4 aprelya.
2. Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 2 oktyabrya 2012 g. № 157-FZ “O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “O politicheskikh partiyaх” i Federal'nyy zakon “Ob osnovnykh garantiyaх izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumakh grazhdan Rossiyskoy Federatsii””. *Rossiyskaya gazeta*. Federal'nyy vypusk. 2012. No. 5903, 5 noyabrya.
3. Lyubarev A.E. Perspektivy razvitiya partiynoy sistemy v svete politicheskikh reform 2012 g. Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Yu.G. Korgunyuka, G.M. Mikhalevoy. M.: KMK, 2012. P. 131–138.
4. Mikhaleva G.M. Partii i grazhdanskoe obshchestvo: algoritmy vzaimodeystviya. Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Yu.G. Korgunyuka, G.M. Mikhalevoy. M.: KMK, 2012. P. 74–95.
5. Popova O.V. Perspektivy mal'nykh partiyn v sovremennoy Rossii. Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Yu.G. Korgunyuka, G.M. Mikhalevoy. M.: KMK, 2012. P. 145–157.
6. Svedeniya o provodyashchikhsya vyborakh i referendumakh. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Rossiyskoy Federatsii. 2012. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>, svobodnyy (data obrashcheniya: 17.04.2013).
7. Rossiyskaya elektoral'naya statistika. Tsentr sodeystviya demokratii i pravam cheloveka “GELIKS”. 2010. URL: <http://www.db.geliks.org>, svobodnyy (data obrashcheniya: 17.04.2013).
8. Zakonodatel'noe sobranie Krasnodarskogo kraia. 2006. URL: <http://www.kubzsk.ru>, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
9. Ofitsial'nyy sayt Zakonodatel'nogo sobraniya Penzenskoy oblasti. 2006. URL: <http://www.zspo.ru>, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
10. Saratovskaya oblastnaya дума. 1999. URL: <http://www.srd.ru>, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
11. Sakhalinskaya oblastnaya дума. 2013. URL: <http://www.duma.sakhalin.ru>, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
12. Parlament Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. 2009. Ofitsial'nyy sayt. URL: <http://www.parliament-osetia.ru>, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
13. Gosudarstvennyy sovet Udmurtskoy respubliki. 2003. URL: <http://www.udmgossovet.ru>, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
14. Pri Predsedatele Gosudarstvennogo soveta Udmurtii obrazovan Sovet neparlamentskikh partiyn // Gosudarstvennyy sovet Udmurtskoy respubliki. 2013. URL: http://www.udmgossovet.ru/press_-_tsentr/novosti/detail.htm?itemid=424599, svobodnyy (data obrashcheniya: 21.04.2013).
15. Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. April. P. 3–27.
16. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7, no. 1. P. 1–26.

ПРАВО

УДК 347.51

А.С. Бакин

О ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА КРИТЕРИЯ КЛАССИФИКАЦИИ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются сложившиеся в юридической литературе точки зрения по вопросу классификации субсидиарной ответственности по законодательству РФ. Анализируются научные представления о договорной, внедоговорной, статутной и других выделяемых в литературе видах субсидиарной ответственности. На основе анализа структуры изучаемых отношений предлагается единый критерий классификации видов субсидиарной ответственности. Сделан вывод о теоретической и практической значимости деления субсидиарной ответственности на виды по представленному критерию.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; классификация; критерий классификации; кредитор; субсидиарный должник.

Возможность привлечения к субсидиарной ответственности (ст. 399 ГК РФ) предусматривается во многих нормах Кодекса, регулирующих отдельные виды договорных обязательств (п. 2 ст. 586, ст. 1029, 1034 ГК РФ), а также в правилах об ответственности из причинения вреда (п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Большое количество норм, устанавливающих субсидиарную ответственность, содержится в положениях гражданского законодательства о юридических лицах (ст. 56, 68, 75, 86.1 ГК РФ и др., ст. 20 ФЗ от 14.11.2002 г. «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» № 161-ФЗ, ст. 5 ФЗ от 08.05.1996 г. «О производственных кооперативах» № 41-ФЗ и др.). Такое нормативное разнообразие послужило поводом для множества классификаций в учебной и научной литературе.

Одна из первых классификаций субсидиарной ответственности по современному гражданскому законодательству была предложена Е.А. Сухановым, который подразделяет её на субсидиарную ответственность в договорных отношениях, субсидиарную ответственность по внедоговорным обязательствам, ответственность участников корпоративных отношений, ответственность собственников имущества унитарных предприятий, ответственность собственников учреждений [1. С. 438]. Е.Е. Богданова классифицирует субсидиарную ответственность на договорную, деликтную и статутную (ответственность учредителей по обязательствам юридических лиц) [2. С. 6]. Е.А. Храпунова выделяет такие «специальные случаи субсидиарной ответственности», как ответственность учредителей (участников) по обязательствам юридических лиц, субсидиарная ответственность в договорных обязательствах, субсидиарная ответственность законных представителей по деликтным обязательствам несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет [3. С. 67–69]. Е.П. Прус, проводя деление субсидиарных правоотношений на регулятивные и охранительные, выделяет субсидиарное обязательство, основанием которого выступает договор, иная

сделка, другие предусмотренные законом случаи, и субсидиарную ответственность, основанием которой автор называет правонарушение субсидиарного должника [4. С. 65–67].

Изучение приведенных точек зрения обнаружило отсутствие единого, четкого критерия деления гражданско-правовых отношений, «осложненных» субсидиарной ответственностью. Представляется, что авторами в качестве такого критерия принимаются разные правовые явления. Для отнесения субсидиарной ответственности к внедоговорной учитывается отсутствие соглашения между кредитором и основным должником, в то время как в основу договорной положено такое соглашение, однако его участниками выступают уже кредитор и субсидиарный должник. Выделение субсидиарной ответственности участников «корпоративных» отношений основано на правовой связи между должниками (основным – юридическим лицом и субсидиарным, например, участником юридического лица). Простое сравнение указанных правоотношений по субъектам показывает их разнородность. Очевидное с первого взгляда деление на договорную и внедоговорную ответственность при анализе показывает, что в основе лежат отношения разного рода.

Несостоятельность имеющихся классификаций подтверждает и анализ конкретных случаев субсидиарной ответственности. Сравнение правил ст. 75 ГК, определяющей ответственность участников полного товарищества по его обязательствам, ст. 586 ГК об ответственности плательщика ренты и ст. 1074 ГК об ответственности родителей за вред, причиненный их детьми в возрасте от 14 до 18 лет, обнаруживает их явные различия. И если в последнем случае (ст. 1074 ГК), на первый взгляд, все очевидно – деликт несовершеннолетнего влечет субсидиарную ответственность родителей, на основании чего возможно её отнесение в группу внедоговорной, то с первыми двумя такой определенности нет. Так, субсидиарная ответственность по обязатель-

ствам товарищества (ст. 75 ГК) может означать как ответственность по договорным обязательствам, так и по внедоговорным обязательствам товарищества. Поэтому на правомерный вопрос о зависимости характера субсидиарной ответственности от основного обязательства и возможности дополнительной ответственности двух видов необходимо дать положительный ответ. При этом факт участия в товариществе сам по себе правомерен и не может расцениваться в качестве основания ответственности и выделения ее в отдельную группу. В случае, предусмотренном ст. 586 ГК, происходит передача обремененного рентой недвижимого имущества в собственность другому лицу, тем самым первоначальный должник вообще выбывает из обязательственного правоотношения. Какой характер имеет его субсидиарная ответственность: договорный, так как он был стороной договора аренды, или внедоговорной, так как субсидиарная ответственность наступает вследствие выбытия его из правоотношения? Решение вопроса усложняет тот факт, что передача имущества имеет (по общему правилу) правомерный характер и в силу уже только этого не может влечь ответственности.

Поэтому для классификации субсидиарной ответственности представляется необходимым изучить структуру правовых связей в отношениях, связанных с субсидиарной ответственностью, и установить, какие отношения имеют для этого определяющий характер. Все рассмотренные выше отношения, в которых устанавливается субсидиарная ответственность, объединяет то обстоятельство, что участвуют в них три субъекта: кредитор, основной должник и субсидиарный (дополнительный) должник. Поэтому в таких правоотношениях всегда можно выделить три вида связей, которые необходимо проанализировать, чтобы установить их значение для возложения субсидиарной ответственности:

- субсидиарный должник и кредитор;
- кредитор и основной должник;
- основной должник и субсидиарный должник.

Первую группу отношений можно охарактеризовать как «непосредственно отношения субсидиарной ответственности». Их содержанием является право требования кредитора к субсидиарному должнику об исполнении им своей субсидиарной обязанности (ответственности). Поэтому с точки зрения решения вопроса о возложении такой ответственности они не должны иметь значения. Представляется, что если между кредитором и субсидиарным должником имеется прямая договорная (внедоговорная) связь, то уже нельзя говорить о субсидиарной ответственности. Существование между ними такой связи (ст. 361 ГК о договоре поручительства) или предположение об этом в силу закона (ст. 1073 ГК, в силу которой за вред, причиненный малолетним, отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине) должны влечь квалификацию ответственности уже не субсидиарной, а прямого (непосредственного) характера. Поэтому обязанность поручителя субсидиарной ответственностью в прямом смысле не является, а представляет собой ис-

полнение принятого им обязательства, которое только может производиться по правилам ст. 399 ГК.

Вторую группу составляют отношения, в рамках которых происходит нарушение прав кредитора. Такие правоотношения выступают первой необходимой предпосылкой возложения субсидиарной ответственности, так как в силу п. 1 ст. 399 ГК субсидиарному должнику предъявляется требование, которое было первоначально адресовано основному должнику. Без возникшего требования к основному должнику не может быть предъявлено требование к должнику дополнительному. Поэтому такие отношения можно условно назвать «основными» – именно они определяют правовую природу (договорный или внедоговорный характер) субсидиарной ответственности. Кроме того, их можно охарактеризовать как «внешние» (применительно к субсидиарной ответственности) отношения.

Третью группу отношений составляют отношения между должниками, поэтому их можно назвать «внутренними». Такие отношения являются второй предпосылкой для возложения субсидиарной ответственности на дополнительного должника. Их вторичность обусловлена тем, что без нарушения права кредитора основным должником ответственность не может быть возложена на субсидиарного должника. Трудно в качестве оснований возложения ответственности назвать сами по себе семейно-правовые отношения детей и родителей, или отношения между полными товарищами (или даже факт создания товарищества), или договор купли-продажи недвижимого имущества, обремененного рентой. Но именно эти факты (отношения) и их связь с отношениями первой группы должны быть изучены для решения вопроса о правовой природе «субсидиарной ответственности». В связи с этим думается, что именно «внутренняя» связь определяет причины и цель нормативного закрепления субсидиарной ответственности, а также особенности, дополнительные условия и последствия её возложения.

Поэтому основанием деления субсидиарной ответственности на виды будут именно отношения второго рода (между основным должником и кредитором), на основании только этого критерия можно выделять субсидиарную ответственность из договорных отношений (договорную субсидиарную ответственность) и субсидиарную ответственность во внедоговорных отношениях (внедоговорную субсидиарную ответственность).

Опираясь на этот вывод, необходимо проанализировать обычно приводимый в работах других авторов перечень случаев так называемой договорной субсидиарной ответственности, согласно которому выделяются: субсидиарная ответственность поручителя (ст. 363 ГК), субсидиарная ответственность по требованиям получателя аренды (ст. 586 ГК), ответственность пользователя за вред, причиненный правообладателю действиями вторичных пользователей (ст. 1029 ГК), субсидиарная ответственность по предъявленным к пользователю требованиям из ненадлежащего качества товаров (работ и услуг) (ст. 1034 ГК). Для этого нужно проверить нали-

чие договорной связи между участниками соответствующих отношений.

В п. 1 ст. 399 ГК речь идет о лице, «которое в соответствии с законом... или условиями обязательства (курсив мой. – А.Б.) несет ответственность дополнительно...». Буквальное толкование данной нормы дает основания полагать, что субсидиарная ответственность может использоваться не только в случаях, прямо предусмотренных законом, иным правовым актом, но и может предусматриваться условиями обязательств, договоров. Поэтому существует мнение о том, что со временем использование субсидиарной ответственности в договорных отношениях будет приобретать все большее значение [3. С. 127]. Опираясь на это, возможно предположить, например, заключение договора купли-продажи (ст. 455 ГК РФ), стороны которого могут предусмотреть, что в случае неуплаты или не полной уплаты покупателем покупной стоимости за товар, требования продавца могут быть обращены к другому лицу, несущему субсидиарную ответственность по данному договору. Привлечение субсидиарного должника в данные отношения возможно только с соблюдением общих правил ГК РФ об обязательствах и договорах, т.е. только с его согласия. Включение в договор купли-продажи субсидиарного должника не противоречит ГК (в силу принципа свободы договора) и обеспечивает дополнительную гарантию удовлетворения требований продавца, который в случае неисполнения обязательства основным должником (покупателем) сможет потребовать таковое от субсидиарного должника. В этой связи Ю.Я. Крюкова, исходя из принципа свободы договора, предлагает представить субсидиарное правоотношение (обязательство), возникающее из соглашения, универсальным обеспечительным средством [5. С. 20].

Такое предложение должно быть оценено критически. Во-первых, непонятно, что имеется ввиду под характеристикой «универсальное». Видимо, автором подразумевается: а) возможность его применения для любого и всякого обязательственного отношения, а также б) возможность поставить его в один ряд с другими способами обеспечения обязательств, предусмотренными гл. 23 ГК РФ. Первое предположение может быть подвергнуто критике, основанной на том, что сами способы обеспечения обязательств, закрепленные в указанной главе ГК РФ, не обладают свойством универсальности, они разнородны по правовой и экономической природе, а также по характеру обеспечительного воздействия. Второе предположение, однако, не противоречит действующему гражданскому законодательству, так как перечень п.1 ст. 329 ГК РФ не исчерпывающий, обязательство может обеспечиваться «...и другими способами, предусмотренными законом или договором». Поэтому, формально заключение договора, предусматривающего «субсидиарную ответственность», не противоречит закону.

Во-вторых, следует рассмотреть вопрос о правовой природе такого обязательства. Можно ли говорить о его самостоятельном характере, будет ли в этом случае иметь место «регулятивное» по своему характеру суб-

сидиарное обязательство, отличное от субсидиарной ответственности, которое условно можно назвать субсидиарным обязательством «в чистом виде»? Согласно ст. 399 ГК РФ в отношениях, связанных с субсидиарной ответственностью, участвуют как минимум три фигуры: кредитор, основной должник, субсидиарный (дополнительный) должник. Поэтому к рассмотрению возможно принять два варианта конструкции такого субсидиарного обязательства:

Первый связан с «единым» обязательством, в котором участвуют три стороны – кредитор и должники (основной и субсидиарный). Но в этом случае невозможно говорить о «чистоте» такого субсидиарного обязательства, о его самостоятельном характере и свободе от основного.

Второй вариант – его субъектами являются только кредитор и субсидиарный должник, который обязуется перед последним отвечать за неисправного должника. Между кредитором и основным должником существует отдельное правоотношение. Такая конструкция позволяет предположить независимость субсидиарного обязательства, так как возникает из соглашения между кредитором и субсидиарным должником, в котором не участвует основной должник. Представляется, что этот вариант может быть обоснован нормами действующего законодательства. Так, соглашения такого рода имеются в случаях возложения субсидиарной ответственности, предусмотренных законом (ст. 586, 1022, 1029, 1034 ГК). Однако нужно отметить, что такие соглашения обуславливают «внутренние отношения», а для характеристики субсидиарной ответственности как договорной или внедоговорной решающее значение будет иметь отношение «внешнего» характера.

Учитывая это, нужно определить правовую природу упомянутого выше «субсидиарного обязательства». С одной стороны, нетрудно заметить его сходство с обязательством из договора поручительства: два соглашения, одно между кредитором и должником, второе – между кредитором и дополнительным должником на случай неисправности основного должника. По-видимому, она аналогична случаю установления субсидиарной ответственности поручителя, так как действующее законодательство о поручительстве (параграф 5 гл. 23 ГК РФ) позволяет сформулировать основания и порядок возложения ответственности за действия основного должника на аналогичных условиях. С другой стороны, принцип свободы договора позволяет сформулировать условия обеспечительного обязательства и сам договор назвать как угодно. Но это не придаст ему самостоятельности, возникшее обязательство должно будет квалифицироваться правоприменителем в соответствии с правилами о поручительстве. Поэтому даже включение в договор условия о субсидиарной ответственности не позволяет признать справедливость предложения Ю.Я. Крюковой о самостоятельности такого обязательства, так как по своей сути это будет всё то же поручительство, условия о котором только включены в текст общего договора. Поэтому под упомянутым

в ст. 399 ГК «обязательством», в соответствии с «условиями» которого может быть установлена субсидиарная ответственность, следует понимать лишь соглашение между должниками, т.е. «внутренние» отношения, но никак не соглашение субсидиарного должника и кредитора. Но даже такое соглашение не будет основанием договорной ответственности, так как оно должно рассматриваться как внутренняя предпосылка, часть сложного юридического состава, являющегося основанием субсидиарной ответственности.

Таким образом, под договорной субсидиарной ответственностью нужно понимать случаи ее наступления в связи с существованием договорного обязательства между основным должником и кредитором, из нарушения которого возникает субсидиарная ответственность.

Переходя к анализу предложенных в литературе случаев внедоговорной субсидиарной ответственности, нужно отметить, что обыкновенно они выделяются как «не обусловленные договорным обязательством между кредитором и основным должником». Традиционно в качестве её примера называют ответственность родителей по деликтным обязательствам их несовершеннолетних детей в возрасте от 14 до 18 лет (п. 2 ст. 1074 ГК РФ).

Достаточно большое количество случаев субсидиарной ответственности, предусмотренных ГК и иными законами, приходится на отношения, субъектами которых выступают участники (учредители) юридических лиц. Такая субсидиарная ответственность получила название статутной. В связи с этим существует проблема классификации ответственности субъектов «корпоративных отношений».

С одной стороны, они могут выступать как участники договорных отношений, с другой стороны, такие отношения существенно отличаются от договорных обязательств, опосредующих имущественный оборот. В этой связи следует разрешить вопрос, к какому из видов указанной субсидиарной ответственности следует отнести дополнительную ответственность участников юридических лиц. Как известно, правовую основу деятельности юридических лиц могут составлять разные виды учредительных документов: устав, учредительный договор, общее положение (п. 1 ст. 52 ГК). При этом вопрос о правовой природе устава является на протяжении вот уже не одного десятилетия остро дискуссионным. Так, еще в дореволюционном российском праве правовую природу устава оценивали по-разному. Например, Г.Ф. Шершеневич [6. С. 121] указывал на договорный характер любого устава, основанного на членстве юридического лица (корпорации).

Вместе с тем представляется неверным распределение субсидиарной ответственности учредителей юридического лица на разные группы – договорную и недоговорную – в зависимости от вида учредительного документа юридического лица: учредительного договора или устава. Так как для установления субсидиарной ответственности учредителя является определяющим не вид учредительного документа, а, как было показано выше, характер отношения, из которого возникла от-

ветственность основного должника. При этом не могут отрицаться и само значение фигуры участника юридического лица, его возможное определяющее влияние на действия юридического лица, которое выражается либо в осуществлении управления и ведении дел непосредственно самими участниками (как, например, в хозяйственных товариществах, хозяйственных партнерствах), либо в составе определенного органа управления (как например, в хозяйственных обществах, производственных кооперативах и т.д.).

Поэтому характеристика дополнительной ответственности учредителей, участников юридических лиц как договорной или внедоговорной не зависит от вида юридического лица и типа учредительного документа, составляющего основу его деятельности. То же самое относится к публично-правовым образованиям, являющимся учредителями таких юридических лиц, как унитарные предприятия и учреждения, субсидиарно отвечающим по их долгам в установленных законом случаях, а также к лицам, имеющим право давать обязательные для юридического лица указания.

Характер субсидиарной ответственности субъектов «корпоративных отношений» также зависит от «внешних» отношений между кредитором и основным должником. В этой связи такая ответственность также может быть как договорной, так и внедоговорной.

Еще одним аргументом в подтверждение тезиса о некорректности предложенного другими авторами деления субсидиарной ответственности на договорную и внедоговорную представляется тот факт, что все её случаи установлены законом, т.е. правила о ней носят императивный характер. Изучение правил ГК (ст. 56, 68, 75, 95, 105, 107, 114–116, 120, 121, 363, 586, 1022, 1029, 1034, 1074) показало, что практически во всех случаях участники рассматриваемых правоотношений не имеют возможности устранить ни саму субсидиарную ответственность, ни ответственность, установленную законом как вариант, возлагаемую в ином порядке (например, солидарно).

Таким образом, под внедоговорной субсидиарной ответственностью следует понимать такие ее случаи, которые обусловлены отсутствием договорных связей не между субсидиарным должником и кредитором, но между кредитором и основным должником.

Необходимо оговориться, что приведенная классификация требует более пристального изучения, потому что и договор и причинение вреда во всех упомянутых случаях являются лишь предпосылкой возникновения ответственности субсидиарного должника (частью сложного юридического состава). Субсидиарная ответственность отличается от случаев «обычной» договорной ответственности, основанием которой является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства из договора. Субсидиарная ответственность также отличается и от случаев «обычной» внедоговорной ответственности, основанием которой является причинение вреда. Представляется, что такие отличия обусловлены «внутренними» отношениями, складывающимися

между должниками. Их влияние на характер субсидиарной ответственности отрицать нельзя.

Предложенное разграничение субсидиарной договорной и субсидиарной внедоговорной ответственности имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Исходя из того, имело ли место правонарушение основного должника, будет решаться вопрос о возложении ответственности, во-первых, на него самого и, во-вторых, на субсидиарного должника. Думается, что без нарушения со стороны основного должника, привлечение субсидиарного должника к ответственности невозможно. Общие правила о договорной и внедоговорной ответ-

ственности будут лежать в основе определения условий и объема ответственности субсидиарного должника. Как показано выше, другими отношениями, влияющими на возможность возложения субсидиарной ответственности, выступают так называемые внутренние отношения – отношения между основным и дополнительным должниками, они определяют ее «причину и цель». Отношения непосредственно между субсидиарным должником и кредитором не могут рассматриваться в качестве критерия разграничения субсидиарной ответственности на виды и, следовательно, использоваться для определения оснований, условий и порядка её возложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гражданское право* : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Бек, 1998. Т. 1. 786 с.
2. *Богданова Е.Е.* Правовое регулирование субсидиарной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. 180 с.
3. *Храпунова Е.А.* Субсидиарная ответственность в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 185 с.
4. *Прус Е.П.* Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 216 с.
5. *Крюкова Ю.Я.* Субсидиарные обязательства в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.
6. *Шершеневич Г.Ф.* О юридической силе уставов акционерных товариществ // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. Кн. 3. С. 120–130.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 декабря 2013 г.

ON THE PROBLEM OF A UNIVERSAL CRITERION FOR CLASSIFICATION OF SUBSIDIARY LIABILITY UNDER THE RUSSIAN FEDERATION LEGISLATION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 137-141. DOI: 10.17223/15617793/380/21

Bakin Anton S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bakin78a@yandex.ru

Keywords: subsidiary liability; classification; criterion of classification; creditor; subsidiary debtor.

The article examines the existing viewpoints on the classification of subsidiary liability under the laws of the Russian Federation. Some scientific concepts of contract, extra-contractual, statutory, and other types of subsidiary liability mentioned in legal literature are under analysis. Consideration of different viewpoints and normative material showed that the above types of subsidiary liability are not consistent with legal reality. Thus, various types of relations are used as a basis for the classification. It may be a relationship between a creditor and a debtor, a creditor and a subsidiary debtor, as well as between primary and subsidiary debtors. The author has analyzed the above relations to determine their values for subsidiary liability and pointed out three different kinds of relations. The first kind comprises the relations between a subsidiary liable debtor and a creditor. The second kind is the relationship between a creditor and a principal debtor. They may be characterized as «core» and «outer» relations at the same time. The third kind is represented by relations between primary and subsidiary debtors; they can be called «internal». The author comes to a conclusion about the fundamental role of «external» relations, and the auxiliary character of «internal» relations for the classification of subsidiary liability. Having analyzed the structure of the above relations, the author proposed a unified criterion for the classification of subsidiary liability. It is the relationship between a creditor and a principal debtor. Therefore, the distinction of subsidiary liability should be drawn only according to «external relations». Thus, contractual subsidiary liability should be defined in connection with the existence of a contractual obligation between a principal debtor and a creditor. Non-contractual subsidiary liability implies the absence of contractual relations not between a subsidiary debtor and a creditor, but between a creditor and a principal debtor. Subsidiary liability of the members of «corporate» relations can have both a contractual and an extra-contractual nature. Therefore, we can separate only two kinds of subsidiary liability – contractual and non-contractual. In the result of his research, the author draws the conclusion about the theoretical and practical significance of the division of subsidiary liability according to the proposed criterion. «External» relations form the basis of subsidiary liability, the question of subsidiary liability will be decided according to the violation by a principal debtor. The «internal» relationship is also important: with its help we can determine the cause and purpose of subsidiary liability legal regulation, as well as the features of subsidiary liability, its additional conditions and the consequences of its imposition.

REFERENCES

1. *Grazhdanskoe pravo* : uchebnik : v 2 t. Otiv. red. E.A. Sukhanov. M. : Bek, 1998. V. 1. 786 p.
2. *Bogdanova E.E.* Pravovoe regulirovanie subsidiarnoy otvetstvennosti : dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2001. 180 p.
3. *Khrapunova E.A.* Subsidiarnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave : dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2001. 185 p.
4. *Prus E.P.* Problemy pravovogo regulirovaniya subsidiarnykh obyazatel'stv uchrediteley (uchastnikov) yuridicheskogo litsa : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 216 p.
5. *Kryukova Yu.Ya.* Subsidiarnye obyazatel'stva v grazhdanskom prave Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2013. 28 p.
6. *Shershenevich G.F.* O yuridicheskoy sile ustavov aktsionernykh tovarishchestv. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*. 1889. Kn. 3. P. 120-130.

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья является продолжением серии исследований, посвящённых совершенствованию уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с преступлениями в сфере экономической деятельности. В данной работе автор анализирует изменения, которые законодатель внёс в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации в июне–ноябре 2013 г. Исходя из указанных изменений, автор делает выводы о направлениях дальнейшей трансформации Главы 22 УК РФ.

Ключевые слова: трансформация; Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации; преступления в сфере экономической деятельности.

На основании Федеральных законов РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ, 245-ФЗ, от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленную на борьбу с преступлениями в сфере экономической деятельности, законодателем снова были внесены существенные поправки.

Федеральным законом от 28 июня 2013 г. законодателем были внесены поправки в ст. 174 УК РФ. В результате внесения указанных поправок из ч. 1 диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы законодателем исключён существовавший в предыдущей ее редакции элемент «(за исключением преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198–199.2 настоящего Кодекса)». Также в результате данных поправок в диспозицию ч. 3 исследуемой нормы был добавлен новый элемент «частью первой или второй настоящей статьи...». В ч. 4 ее законодателем также внесены изменения. В отличие от предыдущей, в новой редакции ч. 4 ст. 174 УК РФ установлена ответственность за «деяния, предусмотренные частью первой или третьей настоящей статьи, совершённые:

- а) организованной группой;
- б) в особо крупном размере...».

Изменениям подверглось и Примечание к рассматриваемой уголовно-правовой норме. В новой редакции, в отличие от предыдущей, законодателем значительно уменьшен «крупный размер» и введён «особо крупный размер» – соответственно один миллион пятьсот тысяч рублей и шесть миллионов рублей.

Одновременно приведённые поправки коснулись и санкций, установленных законодателем за совершение настоящего преступления. По сравнению с ранее действующей редакцией, законодатель за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 174 УК РФ, в новой её редакции уменьшил сроки как лишения свободы, так и принудительных работ с четырёх до двух лет. Также из санкции ч. 2 данной статьи исключено «ограничение свободы» и существенно, по сравнению с предыдущей редакцией, уменьшены размеры штрафов: «до двухсот тысяч рублей» вместо «от ста до трёхсот тысяч рублей» и «до пятидесяти тысяч рублей» вместо «до ста тысяч рублей». В новой редакции санкции ч. 3 ст. 174 УК РФ срок принудительных работ, по сравнению с ранее действовавшей, законодателем уменьшен с пяти

до трёх лет. Одновременно в качестве санкции за совершение рассматриваемого преступления законодателем добавлено и «лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет». Указанная санкция установлена и за совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 174 УК РФ. Также за совершение данного преступления предусмотрено и «лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет».

Таким образом, в новой редакции исследуемый уголовно-правовой запрет, по нашему мнению, выглядит достаточно противоречивым. С одной стороны, имеет место «расширение» его действия. С другой стороны, по сравнению с предыдущей его редакцией, санкции, установленные законодателем за его совершение, менее жёсткие, что свидетельствует о частичной либерализации уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Представляется, что обозначенная либерализация получит продолжение в процессе дальнейшего реформирования указанного законодательства.

На основании рассматриваемого Федерального закона были внесены поправки и в следующую «антиотмывочную» норму – ст. 174.1 УК РФ. Аналогично ст. 174 УК РФ из диспозиции ст. 174.1 законодатель исключил элемент «за исключением преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198–199.2 настоящего Кодекса». Одновременно из диспозиции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ был исключён «крупный размер». В новой редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы ответственность за запрещаемое ею деяние, «совершенное в крупном размере», установлена ее ч. 2. В отличие от действующей ранее, данная редакция включает четыре части. Ее ч. 3 установлена уголовная ответственность за «деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершённые:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) лицом с использованием своего служебного положения...».

Частью 4 ст. 174.1 УК РФ установлена ответственность за «деяния, предусмотренные частью первой или третьей настоящей статьи, совершённые:

- а) организованной группой;

б) в особо крупном размере...». Криминализация «особо крупного размера» в рассматриваемой уголовно-правовой норме аналогична криминализации данного размера в ст. 174 УК РФ.

Как и санкции ст. 174, санкции ст. 174.1 также подверглись значительным изменениям. В частности, из санкции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ законодатель исключил «принудительные работы на срок до трех лет», «лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до ста тысяч рублей». В результате указанных изменений санкцией ч. 1 ст. 174.1 предусмотрен только «штраф в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года». Данный размер, по сравнению с предыдущей редакцией, является более низким (ранее он составлял «от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей»). То же следует отметить и о периоде выплаты осужденным назначенного ему приговором штрафа – в новой редакции он сокращён «до одного года». Санкция ч. 2 рассматриваемой уголовно-правовой нормы в её новой редакции аналогична санкции ч. 2 ст. 174 УК РФ. Также следует отметить и полное сходство санкций ч. 3–4 ст. 174 и ч. 3–4 ст. 174.1 УК РФ. Как новая редакция ст. 174 УК РФ, так и новая редакция рассмотренного уголовно-правового запрета выглядят противоречиво.

Наряду с внесением поправок в «антиотмывочные» нормы УК РФ законодателем, согласно Федеральному закону от 28 июня 2013 г., были внесены поправки и в иные нормы, составляющие Главу 22 указанного Кодекса. В частности, модернизации подверглась ст. 193. В отличие от предыдущей – «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте» – в новой редакции она озаглавлена «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации». Буквальное толкование диспозиции обозначенной уголовно-правовой нормы позволяет выделить значительные отличия её новой редакции от редакции, действующей ранее. В частности, в новой редакции исследуемая норма устанавливает ответственность за совершение более широкого спектра деяний, направленных на уклонение от обязательной репатриации денежных средств как в валюте Российской Федерации, так и в иностранной валюте. В ранее действовавшей редакции уголовная ответственность предусматривалась только за невозвращение из-за границы средств, причем исключительно в иностранной валюте. Одновременно, исходя из буквального толкования, к указанной ответственности мог быть привлечен только руководитель организации, и то лишь тогда, когда имел место крупный размер обозначенных средств, превышающий тридцать миллионов рублей. В новой редакции исследуемой уголовно-правовой нормы ответственность наступает за нарушение требований (мн. число. – *И.Л.*) валютного законодательства РФ, совершённое как в крупном размере, так и в особо крупном размере: группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с использованием заведомо подложного документа; с использованием

юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом. Одновременно в новой редакции ст. 193 УК РФ имеет место дифференциация «крупного» и «особо крупного» размеров, превышающих соответственно «шесть миллионов рублей» и «тридцать миллионов рублей».

Таким образом, новая редакция данной уголовно-правовой нормы, по сравнению с предыдущей её редакцией, имеет более широкую «зону действия». Обозначенное «расширение» имеет целью внесение точности в отдельные элементы состава преступления, запрещаемого ст. 193 УК РФ. В результате его окажется вероятным повышение эффективности уголовного законодательства в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере осуществления экономической деятельности.

Одновременно со ст. 193 модернизации подверглось Примечание к ст. 194 УК РФ. В новой редакции, в отличие от ранее действовавшей, отсутствуют дифференцированные суммы как «крупного», так и «особо крупного» размеров применительно к физическим и юридическим лицам. В обозначенной редакции имеет место «механический перенос» законодателем сумм «крупного» и «особо крупного» размеров, установленных им в ранее действующей редакции только к физическим лицам. Таким образом, в новой редакции законодателем оказались поставленными в одинаковое положение как физические лица, так и организации, уклонившиеся от уплаты таможенных платежей, что противоречит такому принципу уголовного права, как принцип справедливости, провозглашенный ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Наряду с внесением поправок Федеральным законом от 28 июня 2013 г. Глава 22 УК РФ была дополнена и новеллами. Одной из обозначенных новелл (ст. 193.1) была установлена уголовная ответственность за «совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов». Представляется, что введение данного запрета мотивировано желанием законодателя устранить существовавшие ранее пробелы в уголовном законе. В предыдущей редакции ст. 193 УК РФ ответственность за совершение незаконных валютных операций с использованием подложных документов не предусматривалась. Таким образом, криминализация деяния, ответственность за совершение которого установлена ст. 193.1 УК РФ, позволит сделать борьбу с указанными операциями более эффективной.

Следующей из новелл, введенных в уголовное законодательство Федеральным законом от 28 июня 2013 г., установлена ответственность за «контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» (ст. 200.1 УК РФ). Из названия данного уголовно-правового запрета следует, что обозначенное деяние представляет собой одну из разновидностей контрабанды, декриминализованной в 2011 г. На наш взгляд, имеет место «реанимация» утратившей силу

ст. 188 УК РФ в части борьбы с контрабандой денежных средств и денежных инструментов. Данный шаг законодателя вполне обоснован, поскольку проблема борьбы с обозначенным деянием в настоящее время является наиболее актуальной [1. С. 6].

На основании Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ были внесены изменения и в ст. 184 УК РФ. В новой редакции, которая будет действовать с 2014 г., ею установлена ответственность за «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». В результате внесения обозначенных изменений станет возможным привлекать к уголовной ответственности за совершение указанного деяния и «работников официального спортивного соревнования», что не предусмотрено в действующей редакции ст. 184. Одновременно новая редакция данной уголовно-правовой нормы дополнена таким элементом, как «принуждение или склонение спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и других участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников), а равно членов жюри, участников или организаторов зрелищного коммерческого конкурса в целях оказания противоправного влияния на результат такого соревнования или такого конкурса либо предварительный сговор с указанными лицами в тех же целях».

Данные поправки коснулись и санкций, установленных за совершение рассматриваемого преступления. По сравнению с настоящей, в новой редакции ст. 184 УК РФ законодателем указанные санкции значительно ужесточены. Существенно увеличены как размеры штрафов, так и сроки лишения свободы. В частности, если в ч. 1 действующей редакции исследуемой уголовно-правовой нормы размер штрафа, установленного законодателем, не превышает двухсот тысяч рублей, в новой редакции данный размер будет составлять от трёхсот тысяч до пятисот тысяч рублей. Также в санкции ч. 1 действующей редакции ст. 184 УК РФ не предусмотрено лишения свободы. В отличие от нее, в новой её редакции предусмотрено «лишение свободы на срок до четырёх лет». То же имеет место и в санкциях ч. 2–4 данной уголовно-правовой нормы.

Таким образом, в своей новой редакции ст. 184 УК РФ будет иметь более «широкую» зону действия. На наш взгляд, данное «расширение» является вполне обоснованным, поскольку в результате его законодателем, вероятно, будут устранены пробелы, имеющие место в действующей редакции. Существование обозначенных пробелов не позволяет вести эффективную борьбу с получившими в настоящее время достаточно широкое распространение случаями противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований (т.н. «договорные матчи») и различных коммерческих конкурсов. Необходимо учесть, что в юридической литературе проблемам борьбы с рассматриваемым преступлением не уделялось достаточного внимания. О существовании данных проблем было отмечено лишь в 1998 г. профессором Л.Д. Гаухманом [2. С. 22]. Между тем фактически не

принимается во внимание степень общественной опасности преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 184 УК РФ. Благодаря имеющей место «коммерциализации» спортивных соревнований и различных конкурсов, появляются преступные группировки, которые в корыстных целях контролируют, а также искажают результаты указанных соревнований и конкурсов, причиняя таким образом вред как их участникам, так и государству [3. С. 250]. На основании этого законодателем и была проведена трансформация рассматриваемого уголовно-правового запрета.

Федеральным законом № 245-ФЗ были внесены изменения в ст. 190 УК РФ. Обозначенные изменения заключаются только в замене «предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран» на «культурных ценностей». По нашему мнению, их следует оценить с различных ракурсов. С одной стороны, законодатель внёс определённую точность в такой элемент исследуемой нормы, как «предметы, за невозвращение которых на территорию Российской Федерации предусматривается уголовная ответственность». До внесения рассматриваемого изменения нами отмечалось, что не ясно, когда возможно привлечение виновного лица к ответственности: либо если лицо не возвратило в установленный срок на территорию РФ только предметы художественного достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за её пределы; либо только предметы исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за её пределы; либо же лицо привлекается к ответственности только тогда, когда оно не возвратило в установленный срок все предметы, указанные в диспозиции ст. 190 УК РФ [4. С. 168]. В результате указанных неясностей у правоприменителя возникали затруднения с практическим применением данной уголовно-правовой нормы. Внесение обозначенного изменения позволит «оживить» ст. 190 УК РФ. С другой стороны, на наш взгляд, могут возникнуть затруднения, связанные с толкованием имеющего место в данной уголовно-правовой норме понятия «культурных ценностей». Во избежание этого следует, по нашему мнению, ввести в ст. 190 УК РФ Примечание, содержащее дефиницию указанного понятия.

На основании Федерального закона № 302-ФЗ изменениям подверглась и ст. 189 УК РФ. Результат указанных изменений, как и в предыдущем случае, следует рассмотреть с противоположных ракурсов. С одной стороны, благодаря им имеет место «расширение» действия обозначенной нормы, поскольку, в отличие от предыдущей, в новой её редакции станет возможным привлекать к ответственности за совершение данного преступления не только лиц, наделённых правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность, но и любых лиц, незаконно экспортировавших сведения, указанные в диспозиции исследуемой нормы. С другой — по-прежнему не ясно, в каком случае возможно привлечение виновного лица к ответственности: либо если оно совершило только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-тех-

нической информации и услуг; либо только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, вооружения и военной техники; либо же лицо привлекается к ответственности только в случае, если оно совершило незаконный экспорт всего, о чем отмечено в диспозиции ст. 189 УК РФ. Таким образом, для эффективного применения её на практике следует четко определить, в каком случае лицо привлекается к ответственности. Для этого необходимо в ее диспозицию ввести разделительные союзы «или» между обозначенными действиями. Представляется, что благодаря использованию указанных союзов окажется возможным и однозначное толкование исследуемого состава правоприменителем, что позволит избежать затруднений, возникающих при практическом применении ст. 189 УК РФ [4. С. 168].

Таким образом, несмотря на внесение в нормы, составляющие Главу 22 УК РФ, рассмотренных поправок, проблема совершенствования обозначенных норм оказалась решённой не в полном объёме. Свидетельство тому – ст. 189–190 УК РФ в их новой редакции. В указанной ситуации чётко прослеживается непоследовательность законодателя, пытающегося устранить все возникающие у правоприменителей затруднения путём замены в диспозициях соответствующих уголовно-правовых запретов одного элемента другим. Данная непоследовательность в юридической литературе справедливо определена как «шараханье» [5. С. 16]. Результаты такого «шараханья» наиболее проявляются именно в нормах Главы 22 УК РФ. Несмотря на их «лидирующую» позицию по количеству внесённых в них поправок (за период действия нынешнего УК РФ обозначенные поправки вносились в них более 10 (!) раз), на практике по-прежнему применяется лишь 5 (!) из более чем 40 (!) норм, составляющих указанную Главу. Остальные же нормы в результате внесённых поправок так и остались практически неприменимыми. То же следует отметить и о новеллах, включенных в Главу 22 в 2011–2012 гг.

Подтверждением приведённого мнения является ст. 173-2 УК РФ, закрепляющая уголовную ответственность за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. Исходя из мнения отдельных учёных, «законодателем для применения на практике ст. 173-2 создана ситуация «правовой неопределённости», при которой перечень преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом, не имеет чётко очерченных пределов» [6. С. 43]. В обозначенной ситуации М. Третьяк справедливо характеризует составы преступлений, ответственность за совершение которых установлена как ст. 173-2 УК РФ, так и ст. 173-1 УК РФ, «формально-усечёнными», цель совершения которых фактически невозможно доказать [6. С. 43]. Таким образом, рассматриваемые уголовно-правовые новеллы являются «мёртворождёнными». При этом они были введены в Главу 22 УК РФ с целью усиления борьбы с фирмами-однодневками,

распространённость которых в нашей стране достигла более высокого уровня, чем в любой развитой или развивающейся стране [7. С. 80]. Обозначенный факт законодателем в процессе формулирования исследованных ранее поправок почему-то не был принят во внимание.

Не были в рассматриваемой ситуации приняты во внимание законодателем и проблемы, возникающие в процессе применения нормы о недопущении, ограничении или устранении конкуренции (ст. 178 УК РФ). Несмотря на внесение в 2009 и 2011 гг. в указанную норму поправок, не оказались разрешёнными проблемы как ее понимания, так и ее применения [8. С. 20]. При этом обозначенной уголовно-правовой нормой охраняются отношения конкуренции, являющейся «нервом» рыночных экономических отношений. Таким образом, в сфере уголовно-правовой охраны указанных общественных отношений имеет место значительный пробел. С целью его устранения необходимо дальнейшее совершенствование ст. 178 УК РФ. Одним из его направлений является высказанная в юридической литературе точка зрения об исключении из диспозиции указанной нормы признака неоднократности злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением на рынке [Там же. С. 21]. Представляется, что обозначенное предложение не является единственным. Для дальнейшего совершенствования ст. 178 УК РФ необходим её постоянный мониторинг. Как выяснилось в случае с нормами, устанавливающими уголовную ответственность за создание фирм-однодневок, обозначенный мониторинг необходим и для совершенствования иных норм, составляющих рассматриваемую Главу УК РФ.

Таким образом, проведённого реформирования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, оказалось недостаточно. В результате его так и не были устранены существенные пробелы, имеющие место в Главе 22 УК РФ. Наряду с рассмотренными ранее, к указанным пробелам следует отнести отсутствие уголовно-правового запрета, направленного на борьбу с различными «финансовыми пирамидами». Необходимость данной криминализации в течение последних лет постоянно подчёркивается практическими работниками [1. С. 6]. Несмотря на это, законодателем обозначенная необходимость во внимание не принимается.

Таким образом, неизбежна дальнейшая трансформация уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Данная трансформация, на наш взгляд, должна выражаться не только в криминализации новых деяний и во внесении изменений в диспозиции действующих уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы, но и в изменениях санкций указанных норм. Изменения обозначенных санкций должны заключаться в их либерализации. В юридической литературе справедливо отмечено, что «ложным является путь достижения безопасности посредством усиления уголовной репрессии» [9. С. 4].

То же отмечалось и практическими работниками [1. С. 6]. Приведенные точки зрения также имеют отношение и к сфере экономической деятельности. По нашему мнению, лишение свободы на длительный срок за совершение преступлений рассматриваемой группы будет менее эффективным по сравнению, например, со штрафными санкциями, поскольку в результате применения последних лицо, виновное в совершении данных преступлений, «потеряет» часть преступно нажитых им доходов. Одновременно следует согласиться с И.Л. Труновым, отметившим неэффективность дли-

тельного нахождения лиц в местах лишения свободы [9. С. 7]. Не являются исключением и лица, совершившие преступления в сфере экономической деятельности. По нашему мнению, в современных социально-экономических условиях за совершение указанных преступлений законодателью в большинстве случаев следует устанавливать именно наказания, не связанные с лишением свободы. Кроме этого, в указанных условиях не исключается и декриминализация отдельных деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами Главы 22 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Н. Следствие ведёт Баstryкин // Российская газета. 2013. 27 августа.
2. Гаухман Л.Д. Нужен новый УК РФ // Законность. 1998. № 7. С. 22–25.
3. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М. : ЮрИнфоР, 1998. 296 с.
4. Лозинский И.В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам Главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.
5. Голик Ю., Коробеев А. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. 2013. № 2. С. 16–17.
6. Третьяк М. Как понимать цель преступления, предусмотренного ст. 173-2 УК РФ? // Законность. 2013. № 5. С. 41–43.
7. Сычев П.Г. Бенефициар и бенефициарный владелец: место в уголовном судопроизводстве // Законодательство. 2013. № 4. С. 77–82.
8. Русанов Г.А., Лаптев Д.Б. Некоторые проблемы применения нормы о недопущении, ограничении или устранении конкуренции // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 20–21.
9. Трунов И.Л. Либерализация уголовной политики – необходимая составная эффективной экономики России // Право и экономика. 2013. № 4. С. 4–8.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 декабря 2013 г.

ON FURTHER TRANSFORMATION OF CHAPTER 22 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 142–146. DOI: 10.17223/15617793/380/22

Lozinsky Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: transformation; Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation; crimes in economic activity.

Criminal law of the Russian Federation protecting social relations in the sphere of economic activity was considerably amended and changed from June to November 2013. Both dispositions and sanctions of Articles 174, 174.1, 193, 194 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) were subject to amendments under Federal law of 28 June 2013. Simultaneously due to the law of CC RF, Article 193.1 was supplemented with establishing the responsibility for «exchange transference in foreign currency or currency of the RF to the accounts of non-residents with counterfeited documents», and Article 200.1 with the responsibility for «cash resources and instruments smuggling» decriminalized in accordance with Federal Law No. 420 of 7 December 2011. The dispositions and sanctions of Articles 184, 189, 190 of CC RF were also greatly changed on the ground of Federal laws of 23 July 2013 and of 2 November 2013. Despite the changes and supplements in the legal rules, the problem of development of these rules as well as other criminal and legal rules protecting social relations in the sphere of economic activity was not solved in a complete form. In particular, some current gaps in the dispositions of Articles 189, 190 of CC RF were not entirely removed. With the changes in law, Articles 173.1, 173.2, 178 of CC RF aimed at combating short-lived companies and encroachment on competition have not been changed. The necessity in changes of the rules is supported by jurists as well as practitioners. Moreover, in the result of the changes criminal injunction on combating «financial pyramids» has not been introduced in spite of the fact that theorists and practitioners have always been in favor of its necessary introduction. The further transformation of national criminal law protecting social relations in the sphere of economic activity must be expressed not only by criminalization of new acts and changes in the dispositions of current criminal law rules establishing the responsibility for commission of indicated crimes, but also by bringing changes into sanctions of these rules for liberalization of the sanctions. As far as jurists and practitioners are concerned, in the social and economic conditions today punishment for commission of crimes of this kind must be imposed without custodial sentence. In these social and economic conditions decriminalization should not be excluded for some acts the legal responsibility for which is laid down by the rules of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Kozlova N. Sledstvie vedet Bastrykin. *Rossiyskaya gazeta*. 2013. 27 avgusta.
2. Gaukhman L.D. Nuzhen novyy UK RF. *Zakonnost'*. 1998. No. 7. P. 22–25.
3. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. M. : YurInfoR, 1998. 296 p.
4. Lozinskiy I.V. Problemy realizatsii printsipov kriminalizatsii i polozheniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF : dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2010. 231 p.
5. Golik Yu., Korobeev A. Proshlogodnie transformatsii ugovolnogo zakona: replika. *Ugolovnoe pravo*. 2013. No. 2. P. 16–17.
6. Tret'yak M. Kak ponimat' tsel' prestupleniya, predusmotrennogo st. 173-2 UK RF? *Zakonnost'*. 2013. No. 5. P. 41–43.
7. Sychev P.G. Benefitsiar i benefitsiarnyy vladelets: mesto v ugovolnom sudoproizvodstve. *Zakonodatel'stvo*. 2013. No. 4. P. 77–82.
8. Rusanov G.A., Laptev D.B. Nekotorye problemy primeneniya normy o nedopushchenii, ogranichenii ili ustraneni konkurentsii. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2013. No. 6. P. 20–21.
9. Trunov I.L. Liberalizatsiya ugovolnoy politiki – neobkhodimaya sostavnaya effektivnoy ekonomiki Rossii. *Pravo i ekonomika*. 2013. No. 4. P. 4–8.

Н.А. Цыбизова

БЕЗВЕСТНОЕ ОТСУТСТВИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с безвестным отсутствием граждан. На основе законодательства выявлены особенности безвестного отсутствия как юридического факта. Признаки безвестного отсутствия как явления, которое происходит в реальной жизни, для того, чтобы стать юридическим фактом, должны обладать определенными свойствами и характеристиками. Безвестное отсутствие как явление порождает правовое последствие, когда оно определенным способом зафиксировано и установлено законными средствами.

Ключевые слова: безвестное отсутствие; Гражданский кодекс; юридический факт; презумпция; фикция.

В условиях трансформации российского общества, обострения социальных проблем наука гражданского права должна поставить перед собой новые задачи, связанные с защитой личности, ее прав, свобод, которые в условиях социальной нестабильности нуждаются в правовой защите.

Ежедневно в органы полиции поступают заявления о пропавших гражданах. В большинстве случаев розыски оказываются безрезультатными и возникает масса вопросов, ответов на которые не дает ни время, ни правовая действительность. В России каждый год количество без вести пропавших сопоставимо с численностью населения небольшого города, сообщает заместитель начальника 15-го отдела ГУУР СКМ МВД РФ подполковник милиции Е. Зарембинская [1].

В задачи данной статьи входит следующее: дать характеристику безвестному отсутствию как юридическому факту, охарактеризовать юридические последствия и рассмотреть фактический состав безвестного отсутствия.

Теория юридических фактов считалась одной из наиболее разработанных, но современная цивилистика обнаружила пробелы и подвергла тщательной проработке данную область с точки зрения многих отраслей права.

Понятие юридического факта ввел Ф.К. фон Савиньи – немецкий правовед и историк, основатель исторической школы права; в работе «Система современного римского права» (1840) он обозначил: «Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношения, юридическими фактами».

В советский период развития отечественной цивилистики проводились основательные исследования в области юридических фактов, и в 1950-х гг. О.А. Красавчиковым была разработана теория юридических фактов, ставшая основополагающей.

Впоследствии в отдельных научных работах (Б.В. Исаков, Т.В. Шепель) так или иначе затрагивались вопросы юридических фактов, но в целом указанная теория дальнейшего развития не получила.

При этом нужно отметить, что современное состояние теории юридических фактов получило развитие. В 2010 г. М.А. Рожковой была представлена докторская диссертация «Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия» [2].

Ею отмечено, что по вопросам юридических фактов накоплено много ценных сведений, которые требуют

анализа, обобщения и дальнейшей разработки с учетом интенсивного обновления отечественного гражданского законодательства, развития гражданских правоотношений, усложнения гражданского оборота и расширения возможностей частных лиц по осуществлению и защите собственных прав [Там же. С. 109].

Следует отметить, что признаки безвестного отсутствия как явления, которое происходит в реальной жизни, для того, чтобы стать юридическим фактом, должны обладать определенными свойствами и характеристиками.

Юридический факт является связующим звеном правовой нормы с жизнью и должен обладать социальной определенностью, при этом факт безвестного отсутствия является парадоксальным и не обладает социальной определенностью, а лучше сказать, обладает социальной неопределенностью.

При отражении факта безвестного отсутствия мы идентифицируем социальную ситуацию и обеспечиваем ее фиксацию. В данном случае под фиксацией подразумевается документальное оформление факта безвестного отсутствия и предпринятых мер для устранения неопределенности нахождения гражданина, например справку о том, что на основании заявления заинтересованного лица были предприняты меры к розыску пропавшего.

Явление порождает правовое последствие, когда оно определенным способом зафиксировано и установлено законными средствами. При этом происходит фиксация фактов, т.е. регистрационная деятельность и удостоверение, т.е. подтверждение существования факта и его истинности.

При вынесении решения о признании гражданина безвестно отсутствующим можно констатировать слияние фиксации и удостоверения фактов в едином акте.

По признаку документального закрепления юридические факты делятся на оформленные и неоформленные. В данном случае мы можем проследить за оформлением жизненного факта – безвестного отсутствия человека.

Если классифицировать юридический факт безвестного отсутствия по волевому признаку, то можно идентифицировать его как событие. Средства массовой информации практически каждый день сообщают о случаях пропажи людей в мирное время, связанных со стихийными бедствиями, техногенными катастрофами и иными причинами. Таким образом, можно констатировать, что абсолютное событие порождает другое событие – пропажу человека.

Возможно утверждение, что безвестное отсутствие может повлечь за собой разные правовые последствия. Явление безвестного отсутствия может рассматриваться как правообразующий юридический факт. У заинтересованных лиц появляется право признать лицо безвестно отсутствующим.

Можно также говорить о правопрекращающих последствиях безвестного отсутствия. Например, в ст. 16 п. 4 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре...» указывается, что адвокат, статус, которого приостановлен, не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а также занимать выборные должности в органах адвокатской палаты или Федеральной палаты адвокатов. Нарушение положений настоящего пункта влечет за собой прекращение статуса адвоката [3. С. 14]. Необходимо отметить, что правомерность представленной нормы нами уже оспаривалась ранее, но на данный момент есть основание констатировать, что безвестное отсутствие адвоката является правопрекращающим юридическим фактом.

Хотелось бы отметить, что в случае явки безвестно отсутствующего лица имеют место последствия в виде восстановления прав. Такую классификацию ввел Е.М. Ворожейкин, который обоснованно выделял среди семейно-правовых юридических фактов такую разновидность, как правосстанавливающие. Он считал их особой группой юридических фактов. Правосстанавливающие юридические факты можно встретить и в гражданском праве [4. С. 72]. Правосстанавливающее значение имеет отмена решения о безвестном отсутствии.

Необходимо отметить, что безвестное отсутствие непосредственно связано с *юридической презумпцией*. Безвестное отсутствие сохраняет предположение, что гражданин жив. При явке или обнаружении места его пребывания суд новым решением отменяет ранее вынесенное [5. С. 109].

Презумпция как предположение о соответствии факта действительности основано на высокой степени вероятности, которая, тем не менее, не может всегда квалифицироваться в качестве объективной истины [6. С. 812].

В данном случае мы можем говорить, что процент безвестно отсутствующих, которые объявляются, достаточно мал, но при этом презумпция сохраняется и не оспаривается.

Это объясняется, на наш взгляд, тем, что явление безвестного отсутствия носит метафизический, сложно прогнозируемый характер.

Также необходимо отметить, что в случае безвестного отсутствия мы имеем дело с *юридической фикцией*, т.е. признанием законодателем неистинного положения, которое должно внести формальную определенность в правовое положение лица. Важно заметить, что фикция имеет формальную определенность, т.е. до вынесения решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим мы говорить о фикции не можем, но при вынесении решения получаем фикцию в виде документа.

Необходимо отметить также существование открытых и латентных юридических фактов. Именно без-

вестное отсутствие представляет большое количество латентных явлений.

Нами ранее уже обозначалась проблема мумифицирования граждан в собственных квартирах, совершения противоправных действий, ведущих к латентности данного явления [7. С. 112].

Безвестное отсутствие как жизненный факт по характеру наступивших последствий может представлять собой обратимый процесс и необратимый. Интересна позиция немецкого правововеда А. Тура, согласно которой правовым последствием юридически значимого факта также могут являться возникновение, изменение или прекращение правовых свойств лица, например гражданской дееспособности [8. С. 4].

Необходимо отметить, что явление безвестного отсутствия часто бывает результатом противоправных действий и влечет за собой потерю свободы, так как большой процент безвестного отсутствия носит криминальный характер, при этом происходит утрата социальной идентичности.

Можно согласиться, что при таком явлении, как безвестное отсутствие, может отсутствовать условие реализации дееспособности. Средства массовой информации практически каждый день упоминают о фактах захвата заложников, похищение людей и торговли ими, длительное и насильственное удержание и использование в качестве рабов [9. С. 113].

Нормы безвестного отсутствия специфичны и парадоксальны – мы говорим о субъекте, который не определен в пространстве и правовом поле (и / или нам об этом неизвестно).

Хотелось бы особо отметить тезис М.А. Рожковой о необходимости четкого разграничения понятий «правовая модель обстоятельства» и «юридический факт», которые сегодня обозначаются одним термином «юридический факт». Правовая модель обстоятельства – это абстрактное (типичное) обстоятельство, указание на которое содержится в норме права и с которым норма права связывает возможность наступления определенных последствий [2. С. 18]. Данное замечание имеет особое значение для безвестного отсутствия граждан, так как безвестное отсутствие представляет собой следствие разнообразных жизненных случаев.

Безвестное отсутствие – это сложный юридический факт, состоящий из двух и более жизненных обстоятельств, которые в совокупности порождают юридические последствия. Юридическая конструкция безвестного отсутствия не может рассматриваться как изолированное явление, его необходимо рассматривать в контексте ситуации, так как оно является элементом фактической системы.

Необходимо отметить, что течение срока при безвестном отсутствии является также юридическим фактом и это близко к относительному событию. Справедливо замечание Г.Ф. Шершеневича [10], что среди юридических фактов, точнее, событий, важное место занимает время. Юридические отношения устанавливаются и прекращаются с наступлением известного момента времени.

По признаку определенности нормативной модели юридические факты можно подразделить на определен-

ные и относительно определенные. Конструкция безвестного отсутствия является относительно определенной правовой моделью и юридическим фактом, так как неисчерпывающе очерчена в нормах ГК РФ и требует конкретизации в процессе применения нормы права.

Факты безвестного отсутствия граждан не являются редкостью. Это способствует актуализации проблемы безвестного отсутствия, ранее находившейся на периферии научного анализа и законотворческой инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сас И. Ушли и не вернулись. URL: http://www.ng.ru/ideas/2004-06-30/10_zarembinskay.html
2. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 55 с.
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Кодексы и законы России. Кодекс профессиональной этики адвоката». Новосибирск : Сиб. универ. изд-во, 2008. 63 с.
4. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит., 1972. 336 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садилов. М. : Контракт ; ИНФРА М, 1997. Т. 22. С. 109.
6. Боннер А.Т. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд. дом СПб. гос. ун-та ; Изд-во юрид. фак-та СПб. гос. ун-та, 2005. 992 с.
7. Цыбизова Н.А. Актуальные проблемы гражданского права в России : сб. ст. Томск : Оптимум, 2011. 112 с.
8. Tuhr A. Der allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts. München ; Leipzig, 1914. Bd. 2. Hf. 1. S. 4.
9. Фалалеев М. Рабство под прикрытием // Российская газета. 2009. 24 ноября.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е.А. Суханова. М. : Спарк, 1995. 556 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 октября 2013 г.

A MISSING SPOUSE AND THE IMPACT OF THIS LEGAL FACT

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 147-149. DOI: 10.17223/15617793/380/23

Tsybizova Natalya A. Siberian Transport University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nord3@bk.ru

Keywords: Civil Code; legal fact; unknown absence; Civil Code; presumption; fiction.

The purpose of this article is to define a missing person as a legal fact. It should be noted that attributes of a missing person as a phenomenon taking place in real life shall possess certain properties and characteristics in order to become a legal fact. A legal fact is a link between the rule of law and life and shall possess social certainty; at that, the fact of a missing person is paradoxical and has no social certainty, but rather social uncertainty. Reflecting the fact of a missing person, we identify the social situation and ensure its fixation. In this case, fixation means documentation of the fact of a missing person and the measures taken to resolve the uncertainty of location of a citizen, for example, issuing a certificate stating that based on the application request of an interested party actions were taken to search for a missing person. This phenomenon gives rise to a legal consequence if it is properly recorded and identified by legal means. Here the facts are fixed, i.e. registered and acknowledged, which means confirmation of existence of the fact and its trueness. Upon rendering of a decision to treat a citizen as missing, the consolidation of facts fixation and acknowledgment in a single act can be stated. Based on documentation status, legal facts are classified as executed and unexecuted. In this case, we can follow the execution of a life fact – missing of a person. If the legal fact of missing person is classified on grounds of volition, it can be identified as an event. Mass media inform us regularly about missing people in quiet life, which is connected with different natural calamities, anthropogenic disasters, and other reasons. Therefore, it can be stated that an absolute event gives rise to another event – a missing person. It can be argued that missing of a person can entail different legal consequences. The phenomenon of a missing person can be regarded as a law-making fact. Interested parties gain the right to treat a person as missing. It should be noted that in case of appearance of a missing person, the consequences are in the form of restoration of rights. Rights are reinstated after the reversal of the decision of a missing person. The existence of open and latent legal facts should also be noted. It seems that it is the missing person phenomenon that provides for many latent phenomena. A missing person as a life fact, by nature of its consequences, can represent either a reversible or an irreversible process. A missing person represents a complex legal fact comprising two or more life circumstances which collectively give rise to legal consequences. The legal structure of a missing person cannot be considered as an isolated event; it should be regarded in the context of the situation, as it represents an element of the factual system. On the grounds of the normative model determinacy, legal facts can be classified as determinate and relatively determinate. Facts of missing citizens are not rare. It contributes to the urgency of the problem of missing persons, which previously remained on the periphery of scientific analysis and law-making initiative.

REFERENCES

1. Sas I. Ushli i ne vernulis'. URL: http://www.ng.ru/ideas/2004-06-30/10_zarembinskay.html
2. Rozhkova M.A. Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeystviya : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2010. 55 p.
3. Federal'nyy zakon "Ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii. Kodeksy i zakony Rossii. Kodeks professional'noy etiki advokata". Novosibirsk : Sib. univer. izd-vo, 2008. 63 p.
4. Vorozheykin E.M. Semeynye pravootnosheniya v SSSR. M. : Yurid. lit., 1972. 336 p.
5. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateyny). Ruk. avt. kol. i otv. red. O.N. Sadikov. M. : Kontrakt ; INFRA M, 1997. V. 22. P. 109.
6. Bonner A.T. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. SPb. : Izd. dom SPb. gos. un-ta ; Izd-vo yurid. fak-ta SPb. gos. un-ta, 2005. 992 p.
7. Tsybizova N.A. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava v Rossii : sb. st. Tomsk : Optimum, 2011. 112 p.
8. Tuhr A. Der allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts. München ; Leipzig, 1914. Bd. 2. Hf. 1. P. 4.
9. Falaleev M. Rabstvo pod prikrytiem. *Rossiyskaya gazeta*. 2009. 24 noyabrya.
10. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.). Vstup. st. E.A. Sukhanova. M. : Spark, 1995. 556 p.

ЭКОНОМИКА

УДК 351.85

Р.В. Глущенко

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрен процесс публичного управления сферой культуры с использованием программно-целевого подхода и обоснован матричный принцип осуществления государственной социально-экономической политики, в соответствии с которым культурная компонента является необходимым элементом любой целевой программы, что обеспечивает непрерывный рост культурного потенциала страны и достижения целей инновационной стратегии государства.

Ключевые слова: публичное управление; сфера культуры; целевые программы.

Реализация Концепции социально-экономического развития России до 2020 г., достижение целей инновационной стратегии развития России (Стратегия-2020) и стратегии национальной безопасности России до 2020 г. невозможны без скоординированных действий всех экономических субъектов, а также без развития человеческого капитала, обеспечивающего формирование экономики знаний. В этом отношении формирование культуры инновационного типа является приоритетной задачей органов государственной власти и местного самоуправления.

Культура должна рассматриваться не только как один из институтов общественного сознания, но и как целостная система духовных ценностей, влияющих на все сферы государственной и общественной жизни [1]. В этом отношении следует говорить о системе публичного управления сферой культуры, поскольку только государство не в состоянии обеспечить формирование общекультурных компетенций у каждого человека.

Общепринятое определение понятия «публичное управление» отсутствует, но учёные солидаризируются во взглядах, что публичное управление – деятельность государственных и муниципальных органов при непосредственном участии граждан, направленная на формирование и развитие общественных отношений в целях устойчивого развития государства, ориентированного на обеспечение прав и свобод граждан и удовлетворение их потребностей [2. С. 46–56]. Процесс публичного управления предполагает единство двух взаимосвязанных подсистем: управляющей (субъект управления) и управляемой (объект управления), при этом способность органов публичной власти к управлению движением социально-экономической системы определяется качеством человеческого капитала [3. С. 3–9], природными, финансовыми, информационными ресурсами, материально-технической базой. Публичное управление сферой культуры является важным направлением социальной политики, определяющим комфортность проживания населения на территории.

Сфера культуры включает в себя деятельность как некоммерческую, так и коммерческую (платные ус-

луги), как местного, так и международного масштаба. Бизнес и культура в обществе тесно взаимодействуют, дополняют друг друга – это сотрудничество имеет политический смысл, важный для развития и преобразования общества [4].

Публичное управление сферой культуры представляет особый интерес, поскольку оно раскрывает:

- технологическое содержание управления в сфере культуры в различных организациях;
- перспективы возможностей сотрудничества со сферой культуры других сфер деловой активности;
- нарастание требований компетентности специалистов и работников сферы культуры.

Основным регулятором публичного управления сферой культуры является правовое регулирование, так как государственное управление влияет на культурное развитие общества и человека. Основой публичного управления в сфере культуры является Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятый в 1992 г. На территории РФ формируется сложная многоуровневая система публичного управления в сфере культуры, институциональная среда которой представлена на рис. 1.

Особенности управления сферой культуры на различных уровнях следующие:

- к полномочиям федерального уровня власти относится определение политики в области культуры и искусства, приоритетов реформирования отрасли, определение в федеральном бюджете необходимых финансовых средств для решения этих задач, контроль и финансирование деятельности федеральных учреждений культуры;
- на уровне субъектов РФ реализуются федеральные программы в области культуры и искусства, разрабатываются особые целевые программы, а также необходимые для осуществления региональной политики нормативно-правовые и организационно-методические документы, предоставляется материально-финансовая, методическая и иная помощь учреждениям культуры и искусства;
- муниципальная политика в сфере культуры строится на основе общих принципов государственной политики.

Рис. 1. Структурное представление институциональной среды системы публичного управления сферой культуры по уровню власти и управления

К ней относятся вопросы местного значения поселений и городских округов, создания условий для обеспечения жителей услугами организаций культуры, организации библиотечного обслуживания населения, охраны и сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения. К компетенции муниципальных районов (местного самоуправления) отнесена организация библиотечного

обслуживания поселений (обеспечение услугами библиотечного коллектора) [5. С. 137–142].

Непрерывный рост культурного потенциала страны определяется культурной политикой государства (всех уровней власти) и каждой организации, а также общества и других заинтересованных сторон, в том числе домоводство (домашнее хозяйство) вплоть до семейных отношений (рис. 2).

Рис. 2. Взаимодействие основных участников публичного управления сферой культуры

Исходя из вышесказанного, публичное управление сферой культуры – это многосторонний процесс взаимодействия человека, государства, бизнес-сообщества и других сообществ. Развитие общества зависит от эффективности и направленности взаимовлияния культурных ценностей и жизнедеятельности человека. Для достижения эффективности результатов в сфере культуры требуется применение программно-целевого подхода, позволяющего интегрировать методы публичного управления и являющегося важнейшим инструментом осуществления государственной социально-экономической политики [6]. Это означает, что невозможно ограничиться разработкой и реализацией целевых программ развития сугубо культурных учреждений. Например, в г. Новосибирске была реализована целевая программа «О сохранении и содержании объектов культурного наследия, находя-

щихся на территории города Новосибирска» на 2005–2007 гг., которая направлена на сохранение и содержание кинотеатров, памятников, театров и других культурных объектов. На субфедеральном уровне в Новосибирской области реализуется целевая программа «Новосибирск – культурная столица» на 2011–2015 гг., которая направлена на развитие деятельности библиотек, музеев, клубов и др., что обеспечит доступность и разнообразие услуг в сфере культуры и сформирует имидж Новосибирской области как культурного центра Сибирского региона. Однако, как показал анализ содержания целевых программ г. Новосибирска, лишь в очень незначительной их части в той или иной степени представлены мероприятия по созданию культурной среды и формированию целевых установок на уровне индивида, местных сообществ, общества в целом (табл. 1).

Таблица 1

Примеры целевых программ, реализуемых в г. Новосибирске, с позиции наличия в них культурной компоненты

Наименование целевой программы	Целевая ориентация	Культурная компонента программы	Участие учреждений культуры	Участие управления культуры мэрии г. Новосибирска
<i>Социальная сфера</i>				
«Дети и город» на 2012–2016 гг.	Организация отдыха на базе оздоровительных учреждений. Сопровождение выпускников детских домов	– сохранение традиционной семейной культуры; – развитие системы духовно-нравственного и культурного образования семьи и подрастающего поколения; – возрождение отечественной традиционной игровой культуры	Организация работы клубных формирований	Участвует в организации и проведении городских и районных мероприятий
<i>Здравоохранение</i>				
«Здоровый город» на 2011–2017 гг.	Оптимизация деятельности и развитие учреждений здравоохранения. Проведение семинаров с участием учреждений образования и молодежи и других мероприятий по вопросам здравоохранения	– повышение санитарной культуры; – формирование культуры здоровья; – формирование культуры отдыха	Проведение семинаров с представителями учреждений культуры	Не принимает участие
<i>Образование</i>				
«Обеспечение доступности услуг дошкольного образования в г. Новосибирске» на 2011–2015 гг.	Расширение сети образовательных учреждений	Культурный аспект отсутствует	–	Не принимает участие
<i>Физическая культура и спорт</i>				
«Развитие физической культуры и спорта в г. Новосибирске» на 2012–2016 гг.	Укрепление материально-технической базы, подведомственной управлению физической культуры и спорта мэрии г. Новосибирска	Культурный аспект отсутствует	–	Не принимает участие
<i>Транспорт</i>				
«Строительство объекта “Мостовой переход через р. Обь по Оловозаводскому створу в г. Новосибирске” (этап № 1 на участке от ПК83+70 до ПК138+45,69)» на 2010–2014 гг.	Повышение уровня безопасности дорожного движения, улучшение пропускной способности города и др.	Культурный аспект отсутствует, несмотря на строительство автодороги в зоне парка культуры и отдыха «Бугринская роща»	–	Не принимает участие
<i>Теплоэнергосбережение</i>				
«Газификация г. Новосибирска» на 2011–2015 гг.	Газификация жилых домов индивидуального жилищного фонда	Культурный аспект отсутствует	–	Не принимает участие

По мнению автора, в целевых программах в области здравоохранения должна формироваться культура здорового питания, в области физической культуры и спорта – пропагандироваться здоровый образ жизни, в сфере транспорта – культивироваться правовое поведение участников дорожного движения, в сфере образования –

толерантность и т.д. Таким образом, культурная часть должна присутствовать абсолютно во всех программах, так как культурная среда определяет успешность реализации той или иной программы и необратимость перехода на новую качественную степень развития публично-правового образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Федеральной целевой программе «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997–1999 годы)»: Постановление Правительства РФ от 19.06.1996 № 715.
2. Никифорова Л.Е., Леонов В.В. Концептуальная модель системы публичного управления социально-экономическим развитием территорий // Сибирская финансовая школа. 2012. № 4. С. 46–56.
3. Глушакова О.В., Михайлов В.В. Проблемы публичного управления социально-экономическими системами переходного типа // Сибирская финансовая школа. 2011. № 1. С. 3–9.
4. Тульчинский Г.Л. Менеджмент в сфере культуры. СПб. : Лань, 2001. 384 с.
5. Ковалёва Л.В. Управление муниципальным хозяйством : учеб. пособие. Тюмень : ТГУ, 2005. С. 137–142.
6. Цвикевич А.В. Совершенствование управления развитием муниципального образования. М. : Академия естествознания, 2006. 138 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 января 2014 г.

FEATURES OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF CULTURE

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 150-153. DOI: 10.17223/15617793/380/24

Glushchenko Roman V. Siberian Academy of Finance and Banking (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o07@ngs.ru

Keywords: public administration; sphere of culture; purpose-oriented program.

Social and economic development of Russia, achievement of the aims of the innovatory strategy of development and national security of Russia require coordinated actions of all the economic subjects. First of all, it is the development of the human capital. The formation of culture of the innovation type is considered as a priority task of the state and local authorities. The public administration of the sphere of culture is an important direction of social policy. Continuous growth of the cultural potential of the country is determined by the cultural policy of the state (of all levels of power) and every organization as well as the society and other stakeholders, including domestic science (household) and family relations. Culture is considered as one of the institutes of public consciousness and as a holistic system of spiritual values influencing all the spheres of state and public lives. This article emphasizes the system of public administration of the sphere of culture. The process of public administration is realized on the principles of unity of two interconnected subsystems: managing and controlled, while the ability of the public power bodies to manage the processes of the social and economic systems is determined by the quality of human capital, natural, financial, and information resources, and the material base. Non-commercial and commercial performance at both the local and international scales is considered, i.e. business and culture in the society interact closely, complement each other. Public administration of the sphere of culture discloses the technological content of management in the sphere of culture in various organizations; prospects of opportunities for cooperation with the sphere of culture of other spheres of business activity; an increase of requirements of competence of specialists and workers of the sphere of culture. Legal regulation is the main regulator of public administration of the sphere of culture. A complex multi-level system of public administration in the sphere of culture is formed in the Russian Federation. Public administration of the sphere of culture is presented as a multilateral process of interaction: people, states, business and other communities. The application of the program-target approach, which allows integrating methods of public administration and which is the most important tool for the implementation of the state socio-economic policy, is justified for achievement of effective results in the sphere of culture. It means that it is impossible to confine by designing and implementation of purpose-oriented programs for the development of only cultural institutions. The cultural part must organically be presented in all the purpose-oriented programs, as the environment determines the success of realization of a certain program and the irreversibility of the transition to a new high-quality degree of development of public legal entities.

REFERENCES

1. O Federal'noy tselevoy programme "Razvitie i sokhranenie kul'tury i iskusstva Rossiyskoy Federatsii (1997–1999 gody)": Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.06.1996 No. 715.
2. Nikiforova L.E., Leonov V.V. Kontseptual'naya model' sistemy publichnogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi razvitiem territoriy. *Sibirskaya finansovaya shkola*. 2012. No. 4. P. 46–56.
3. Glushakova O.V., Mikhaylov V.V. Problemy publichnogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami perekhodnogo tipa. *Sibirskaya finansovaya shkola*. 2011. No. 1. P. 3–9.
4. Tul'chinskiy G.L. Menedzhment v sfere kul'tury. SPb. : Lan', 2001. 384 p.
5. Kovaleva L.V. Upravlenie munitsipal'nym khozyaystvom : ucheb. posobie. Tyumen' : TGU, 2005. P. 137–142.
6. Tsvikilevich A.V. Sovershenstvovanie upravleniya razvitiem munitsipal'nogo obrazovaniya. M. : Akademiya estestvoznaniya, 2006. 138 p.

Н.Ю. Носкова

АЛГОРИТМ ОПТИМИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ В ПРОЦЕССЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ НА АВИАСТРОИТЕЛЬНОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Рассматривается процесс бюджетирования как инструмент оптимизации финансовых потоков, позволяющий влиять на результат финансовой деятельности предприятия. Определяются принципы построения финансовых потоков, дающие возможность их координировать. На основе имитационного моделирования представлены поточно-финансовые структуры. Разрабатывается алгоритм управления финансовыми потоками в процессе бюджетирования на промышленном предприятии, который динамически будет учитывать влияние изменения одних инструментов на другие.

Ключевые слова: бюджетирование; финансовый поток; поточно-финансовая структура; управление; финансовый результат.

Управление невозможно без финансового планирования деятельности предприятия, а также контроля за выполнением разработанных финансовых планов. Поэтому планирование и контроль результата деятельности предприятия стали невозможными без формирования бюджета как основного инструмента гибкого управления, служащего для обеспечения достоверной информацией. В нём отражаются результаты планирования и контроля в виде определённых финансовых данных. С его помощью разрабатывается стратегия эффективного развития предприятия в условиях конкуренции, а также неопределённости в условиях рыночной экономики, он служит важным инструментом достижения целей.

Согласно глоссарию управленческого учета, разработанному экспертами по заказу Минэкономразвития России, бюджетирование (планирование, budgeting) – это процесс планирования движения ресурсов по предприятию на заданный будущий период и / или проект. Таким образом, внедрение бюджетирования помогает создать целостную и достаточно эффективную систему управления. Причем грамотно поставленная система бюджетирования должна помогать не только решать задачи оперативного управления, но и достигать стратегических целей, которые ставит руководство предприятия.

Бюджетирование помогает оптимизировать финансовые потоки, заранее определив критические периоды в деятельности и необходимость внешнего финансирования. С помощью бюджетирования можно обнаруживать «узкие» места в управлении и вовремя принимать необходимые управленческие решения. Эта технология направлена на использование анализа отклонений «план – факт» для корректировки деятельности. Чтобы рассмотреть все возможные варианты развития событий, возможно проведение сценарного анализа. Проводя финансовый анализ составленных бюджетов предприятия, можно еще на стадии планирования оценить финансовую состоятельность отдельных видов деятельности предприятия, а также решить проблему оптимизации денежных потоков, сбалансированности источников поступления денежных средств и их использования, определить объем и формы, условия и сроки внешнего финансирования [1. С. 15].

Таким образом, система бюджетирования является одним из важных инструментов финансовой полити-

ки, направленной на более эффективное управление организацией. Финансовые потоки компании становятся прозрачными. Появляется возможность определять приоритеты платежей; отслеживать и контролировать финансовые результаты деятельности предприятия в целом и по отдельным центрам финансовой ответственности; планировать движение денежных средств и движение товарно-материальных ценностей; планировать доходы и расходы организации; строить и оценивать внутренние показатели ликвидности и рентабельности и отдельных направлений его деятельности.

Целью данной статьи является разработка алгоритма управления финансовыми потоками в процессе финансового планирования, позволяющего учитывать влияние изменения структуры бюджетного процесса на конечные показатели деятельности предприятий.

Финансовый бюджет представляет собой выраженные в конкретных показателях цели, альтернативы достижения целей, последствия возникновения альтернатив для целей, фактические результаты реализации управленческих решений, отклонения от запланированных результатов. Его также можно определить как процесс принятия решений, с помощью которого предприятие оценивает целесообразность притока и оттока активов.

В теории управления финансами предприятия существует огромное количество самых различных бюджетов: бюджет доходов и расходов, бюджет продаж, инвестиционный бюджет, функциональные бюджеты, бюджеты центров финансовой ответственности, бюджет заработной платы и т.п. Однако, несмотря на все многообразие способов и форм бюджетирования, наиболее актуальным и востребованным предприятиями является бюджет движения денежных средств (БДДС). Этому есть очень простое и логичное объяснение: именно денежные средства в подавляющем большинстве случаев являются наиболее востребованным ресурсом, обеспечивающим деятельность организации и отражающим эффективность этой деятельности. Именно применение технологии бюджетирования денежных средств обеспечивает эффективное планирование, контроль и управление этим ресурсом [2].

Бюджет движения денежных средств является сводным бюджетом, включающим в себя бюджет поступле-

ния средств и бюджет их расходования. Объясняется это тем, что только совокупность показателей перечисленных бюджетов и их взаимосвязь позволяют согласовать процесс расходования денежных средств и их поступления, а также сформировать финансовый план, обеспечивающий требуемый уровень платежеспособности предприятия. Он отражает притоки и оттоки денежных средств по текущей, инвестиционной и финансовой деятельности, которые планируется получить в течение бюджетного периода, что позволяет управлять ликвидностью и платежеспособностью предприятия. С помощью такой формы бюджета предприятие может проверить реальность источников поступления средств и обоснованность расходов, синхронность их возникновения, определить возможную величину потребности в заемных средствах в случае возникновения дефицита средств [3. С. 95].

Основными целями бюджетирования движения денежных средств выступают:

- Обеспечение бездефицитности бюджета. Бюджет движения денежных средств составляется либо после подготовки первого варианта бюджета доходов и расходов (прямой метод составления БДДС), либо после подготовки бюджета доходов и расходов и бюджета по балансовому листу. При составлении БДДС прямым методом преследуют цель обеспечения бездефицитности бюджета, т.е. реализуемости функциональных планов и проектов развития компании, на основе которых подготовлен данный БДДС. Под реализуемостью в данном случае,

естественно, понимается возможность предприятия профинансировать все эти планы. Принципиальная возможность реализуемости данных планов должна проверяться на этапе составления бюджета доходов и расходов.

- Эффективное использование свободных денежных средств. Для некоторых предприятий это не является проблемой, так как свободных денежных средств у них нет, наоборот, они постоянно испытывают нехватку последних. Конкурентоспособные организации постоянно сталкиваются с проблемой вложения временно свободных денежных средств. Если у предприятия нет возможности эффективно вкладывать денежные средства в свои основные направления деятельности больше определенного уровня, то нужно зарабатывать на финансовых операциях. Но для того чтобы знать, на какую сумму можно рассчитывать, необходимо составлять БДДС.

- Определение связи между финансовыми потоками, финансовым результатом и изменением финансового положения предприятия. Зачастую у руководства предприятия возникает довольно распространенный вопрос: как получилось (или получится), что прибыль они заработали, а денег при этом стало меньше, чем было. Для ответа на данный вопрос необходимо рассчитать БДДС косвенным методом (на основе бюджета доходов и расходов и бюджета балансового листа). Результаты расчетов для наглядности лучше изобразить на графике (рис. 1), из которого сразу видны причины сложившейся ситуации [4].

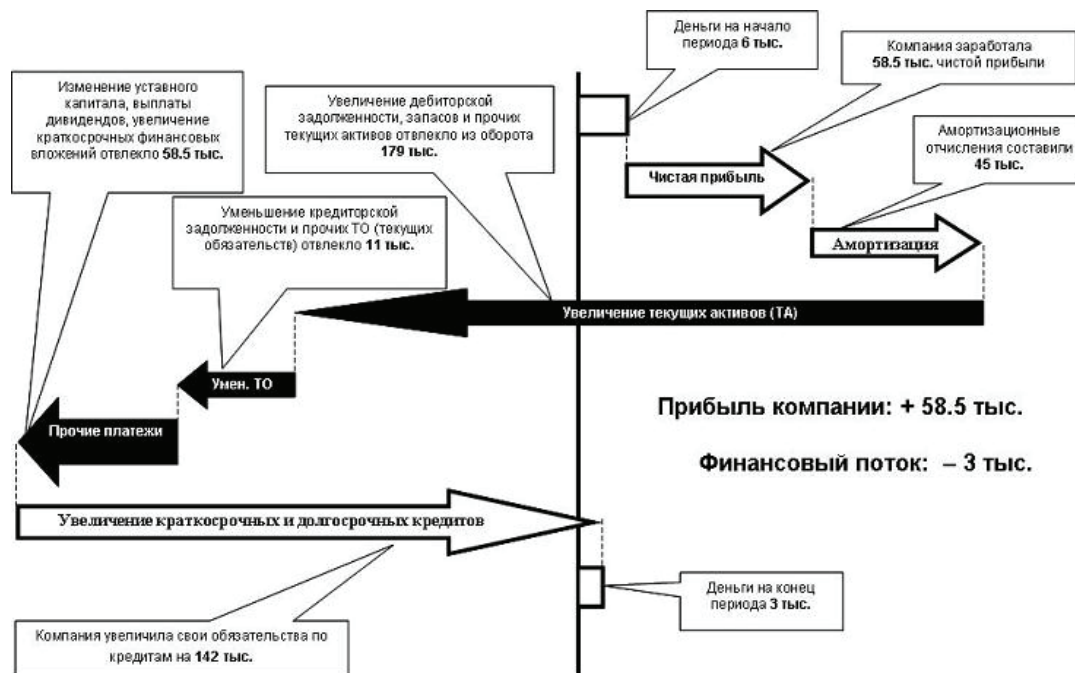

Рис. 1. Взаимосвязь финансового результата, финансового потока и финансового положения авиастроительного предприятия

На основании вышесказанного выявлено, что состояние предприятий позволяет определить основные параметры разрабатываемой финансовой модели бюджетирования, рассматриваемой как процесс оперативного планирования, создающий реальные условия для выработки финансовой стратегии предприятия посредством проведения имитационного эксперимента.

В статье предложен метод оптимизации финансовой стратегии предприятия на основе моделирования платежных потоков. В качестве входных финансовых потоков, подлежащих моделированию, могут выступать: ставка рефинансирования; уровень инфляции; депозитные и кредитные ставки; ставки ломбардных кредитов и т.д. В этом случае, как правило, речь идет об опти-

мизации финансовых результатов предприятия при реализации бюджетного процесса. Для оптимизации финансовой стратегии предприятия в ходе формирования бюджета оптимизируется портфель финансовых потоков активных и пассивных операций.

Таким образом, имитационное моделирование используется как для проверки гипотез о рациональности стратегии и тактики функционирования предприятия, так и для прогнозирования его финансового состояния.

Основными функциями моделирующего блока являются:

- моделирование изменения во времени основных индикаторов рынков ресурсов и финансов;

- моделирование развития предприятия для заданного портфеля активных и пассивных операций и стратегии (тактики) функционирования.

Таким образом, имитационное моделирование используется как для проверки гипотез о рациональности стратегии и тактики функционирования предприятия, так и для прогнозирования его финансового состояния. Параллельно осуществляется моделирование процессов управления собственным и заемным капиталом компании, а также частными проектами в различных рыночных ситуациях. При этом эффективность каждого из проектов в блоке моделирования анализируется исходя из требований к ликвидности баланса в целом.

Для наглядного представления системы финансовых ресурсов разработаны так называемые поточно-финансовые структуры (ПФС), которые можно считать развитием методов и подходов индустриальной динамики Дж. Форрестера применительно к финансовому способу представления ресурсов организации [5. С. 256].

В.А. Павлов предложил схему движения финансовых средств предприятия, являющуюся обобщением схемы формирования финансовых потоков, а именно: ПФС называются приемы математического описания системы ресурсов предприятий, а также соответствующие способы графического изображения. Считается, что система ресурсов имеет структуру сети, в узлах которой находятся финансовые счета активов и источников средств, а дугами являются потоки средств, аналогичные проводкам. Потоки средств рассматриваются как непрерывные переменные величины – одномерные векторы, изображаются графически в виде линий, по отношению к которым определено положительное направление движения средств [6. С. 66].

С помощью блоков-накопителей (уровней) изображаются финансовые счета, содержимое которых представляет остаток счетов – сальдо в виде непрерывных переменных величин (рис. 2) – $S_1(t)$, $S_2(t)$ и $S_3(t)$.

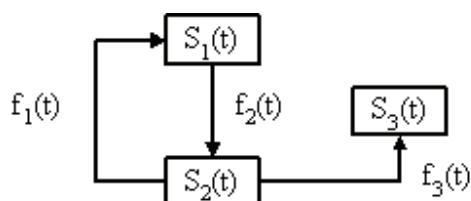

Рис. 2. Потоки и уровни средств

Сальдо счетов является дебетовым, если итоговые притоки средств больше итоговых оттоков, и кредитовым, если отток больше. Поэтому значения переменных величин, изображающих остатки, считаются положительными в случае дебетового сальдо и отрицательными – в случае кредитового, что является следствием принятого способа представления потоков средств. Таким образом, при положительном значении содержимого блок-накопитель изображает средства предприятия, его активы, а при отрицательном – источники средств.

В соответствии с методом двойной записи любое движение средств может быть зафиксировано в виде простой проводки с дебетом одного счета и кредитом другого, поэтому соответствующие таким проводкам потоки всегда исходят из одного накопителя и входят в другой, в результате чего ПФС предприятия оказываются замкнутыми.

Баланс активов и источников средств в поточно-финансовой структуре, с учетом того что источники средств считаются отрицательными, записывается в виде

$$\sum_i S_i(t) = 0,$$

где i – индекс накопителя – финансового счета, т.е. сумма положительных содержимых – активов равна по абсолютной величине сумме отрицательных содержимых – источников средств.

Обосновать условие баланса можно следующим образом. В начальный момент деятельности предприятия содержимое счетов-накопителей было нулевым и поэтому условие баланса соблюдалось. Поток средств может иметь место между какими-либо двумя накопителями, содержимое которых имеет либо одинаковые знаки, либо противоположные. В первом случае происходит перераспределение общей суммы остатков, положительной или отрицательной, между отдельными накопителями, что не влияет на всю величину суммы, а значит, и на выполнимость условия баланса. Во втором случае сумма положительных и отрицательных остатков увеличивается или уменьшается на одну и ту же величину, что так же не нарушает баланса. Следовательно, условие баланса соблюдается всегда.

В имитационной модели установлена следующая графическая запись структурно-функциональных связей:

- информационные потоки принято показывать при помощи пунктирных линий;
- финансовые потоки с помощью сплошных линий;
- наличие функциональной зависимости изображается знаком «вентиля» на линии потока;
- кружок, откуда исходит пунктирная линия, обозначает отбор информации.

Представленные на рис. 3 условные обозначения ПФС подразделяются следующим образом:

- a , b – функциональные зависимости;
- v , z – слияния и расщепления потоков;
- d – функциональные зависимости с несколькими аргументами;
- e – агрегирование накопителей.

Переменные величины:

$R(t)$ – запас товаров, в ценах приобретения;
 $Y(t)$ – денежные средства;
 $G(t)$ – кредиторская задолженность поставщикам;
 $X(t)$ – собственные средства;
 $s_1(t)$ – поставки;
 $s_2(t)$ – продажи, в себестоимости приобретения товаров;
 $s_3(t)$ – оплата поставок;
 $s_4(t)$ – прибыль;
 $s_5(t)$ – выручка;
 $s_6(t)$ – дивиденды.

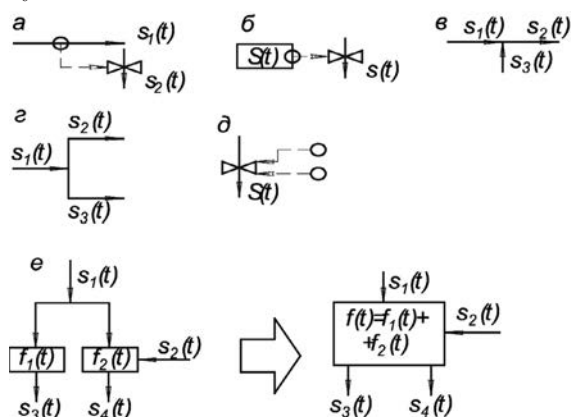

Рис. 3. Условные обозначения ПФС

Слияния и расщепления потоков соответствуют алгебраическим суммированиям интенсивностей, вычисляемых по формулам

$$\begin{aligned}
 S_1(t) + S_3(t) &= S_2(t), \\
 S_1(t) &= S_2(t) + S_3(t).
 \end{aligned}$$

Так же, как и метод двойной записи финансового учета, ПФС реализуют закон сохранения средств. При таком понимании движения средств очевидны правила агрегирования, согласно которым несколько накопителей можно представить одним накопителем-агрегатом с содержимым, равным алгебраической сумме содержимого агрегируемых блоков. При этом можно корректировать структуру потоков: так, на рис. 4 расщепление потока $s_2(t)$ на два других потока с точки зрения расчета содержимого агрегата оказывается несущественным.

На рис. 4 представлена динамическая модель ресурсов – оборотных средств в их движении во времени для авиастроительного предприятия, производящего конечный продукт с использованием материалов, приобретаемые у поставщиков.

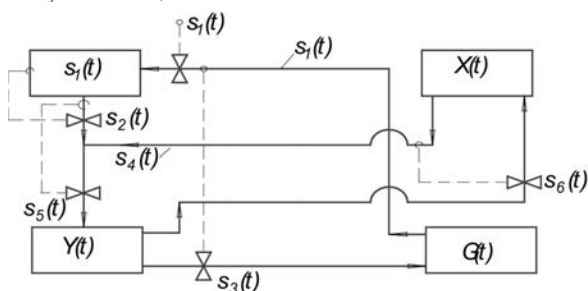

Рис. 4. Структурная схема ПФС предприятия

Запас товаров $R(t)$ образуется как результат их поступления по поставкам $s_1(t)$ и оттока вследствие про-

даж $s_2(t)$. Выручка от продаж $s_5(t)$ накапливается в виде денежных средств $Y(t)$ и расходуется на оплату поставок $s_3(t)$. Считается, что рыночные ограничения продаж отсутствуют, и поэтому интенсивность потока продаж $s_2(t)$ в данный момент равна величине запаса товаров, умноженного на период оборачиваемости этого запаса T_R . На ПФС это изображено в виде функции интенсивности продаж (знака «вентиля» — $\times$ на линии потока $s_2(t)$), зависящей от текущей величины запаса. Пунктирная линия обозначает передачу в эту функцию информации о текущей величине запаса. Необходимо учитывать, что денежный поток поставок и денежный поток их оплаты представляют собой одну и ту же функцию времени, однако оплата отстает от поставок на период T_G .

Считается, что рыночные ограничения продаж отсутствуют, и поэтому интенсивность потока продаж $s_2(t)$ в данный момент равна величине запаса товаров, умноженного на период оборачиваемости этого запаса T_R . На ПФС это изображено в виде функции интенсивности продаж, зависящей от текущей величины запаса. Пунктирная линия обозначает передачу в эту функцию информации о текущей величине запаса.

В соответствии с пунктом информационной связи с потока $s_1(t)$ к $s_2(t)$ на ПФС, поток поставок и поток их оплаты представляют собой одну и ту же функцию времени, однако оплата отстает от поставок на период T_G . Математическая модель функционирования промышленного предприятия в соответствии с ПФС будет следующей:

$$\begin{aligned}
 S_2(t) &= T_R \cdot R(t), \\
 S_3(t) &= S_1(t - T_G), \\
 S_4(t) &= S_5(t) - S_2(t), \\
 S_6(t) &= P_{\text{аца}}(t) \cdot S_4(t), \\
 \frac{dY}{dt} &= S_5(t) - S_6(t) - S_3(t), \\
 dR(t) &= (S_1(t) - S_2(t))dt, \\
 dY(t) &= (S_5(t) - S_6(t) - S_3(t))dt, \\
 dX(t) &= (S_6(t) - S_4(t) - S_3(t))dt, \\
 dG(t) &= (S_3(t) - S_4(t) - S_3(t))dt,
 \end{aligned}$$

где $P_{\text{аца}}$ – доля прибыли, выплачиваемая в виде дивидендов; T_G – период отсрочки оплаты поставок.

Значимость предложенных методов характеризуется следующим образом:

1) предложенный метод математического моделирования системы ресурсов позволяет формировать количественное динамическое описание активов, источников и потоков средств предприятия;

2) предложенный способ графического изображения в виде ПФС служит для наглядного представления структуры и количественных взаимосвязей в системе ресурсов предприятия аналогично тому, как принципиальные схемы электронных устройств применяются для изображения систем потоков и накопителей электричества;

3) динамические процессы в ПФС рассчитываются с помощью известных методов имитационного моделирования с целью формирования краткосрочных бюджетов функционирования предприятия.

Алгоритм моделирования процесса управления финансовыми потоками в ходе бюджетирования на уровне авиастроительного предприятия представлен на рис. 5.

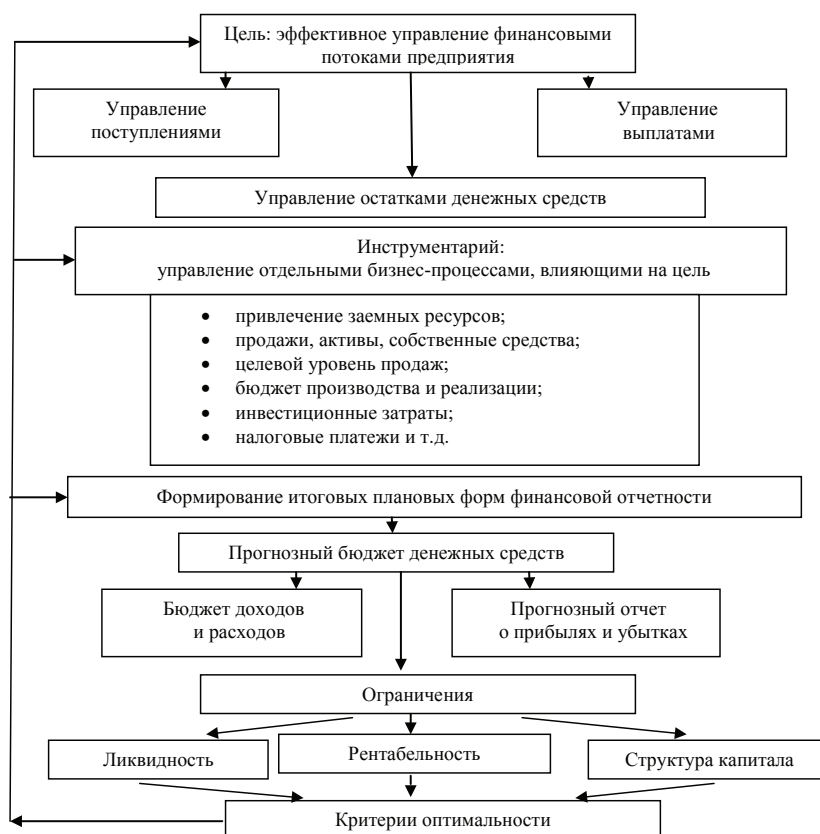

Рис. 5. Алгоритм управления финансовыми потоками на авиастроительном предприятии в процессе бюджетирования

Описание основных бизнес-процессов и формальная постановка задачи моделирования в бюджетном процессе

Этап бизнес-процесса	Постановка задачи
Производство и реализация	При отображении программы производства и реализации в модели описываются следующие переменные в разрезе каждого бизнес-направления: базовый объем производства, базовый темп прироста объемов производства (в процентах к предыдущему месяцу); базовая цена по каждому бизнес-направлению; базовый темп роста цены по каждому бизнес-направлению; длительность производственного цикла (квартал)
Поступления денежных средств по основному виду деятельности	При показе программы поступления денежных средств по основным видам деятельности в модели описываются следующие переменные: коэффициенты инкассации по каждому бизнес-направлению; доли реализации по каждому коэффициенту инкассации
Описание программы снабжения основными материалами	Снабженческая программа по основным материалам описывается следующими переменными: коэффициент использования каждой единицы материала по каждому бизнес-направлению; цена каждой единицы материала; вариант и срок приобретения каждой единицы
Описание снабженческой программы по прочим прямым материальным затратам	При описании этой группы расходов (расходы на электроэнергию, газ, воду, инструмент по нормам, покупные комплектующие и т.д.) используются статистически рассчитанные удельные веса этих расходов в объеме производства. Изначально задается базовая доля по каждой статье расходов, затем при необходимости возможна корректировка этих расходов на любом периоде путем введенного коэффициента сезонности
Описание процесса начисления и выплаты заработной платы	При описании данного процесса используется входная информация из плана по труду о начисленном фонде заработной платы. Кроме того, уже в модели задается уровень премии по всему предприятию, а также график выплаты заработной платы (коэффициенты и сроки деления начисленной заработной платы на выплату аванса и перерасчета, уплаты ЕСН в бюджет)
Описание процесса формирования и расходования инвестиционных ресурсов	При описании этого бизнес-процесса используется следующая информация: объем начисляемой амортизации по группам основных средств с учетом их выбытия и приобретения; наличия и потенциальной возможности привлечения инвестиционных кредитов и займов; суммы накопленной чистой прибыли предприятия после уплаты всех обязательных платежей и дивидендов. Расходование инвестиционных ресурсов осуществляется в виде проектов
Начисление и уплата налогов	Начисление и уплата налогов происходит в строгом соответствии с налоговым законодательством РФ. Базовыми величинами являются: вид налога, база налогообложения, период начисления, ставка налога, период уплаты налога. Подробный налоговый бюджет создается во взаимосвязке со всеми показателями самой модели и корректируется на плановые изменения в налоговом законодательстве
Привлечение и погашение кредитов	Исходные переменные при описании данного бизнес-процесса: вид кредита (инвестиционный или краткосрочный), ставка по кредиту, срок кредита, сумма кредита, порядок уплаты процентов по кредиту и погашения основной суммы долга. Ставка по кредитам задается отдельно по каждому периоду на горизонте планирования

Для каждого из представленных отдельных блоков (инструментов) на рисунке можно построить отдельную модель управления этим блоком. Однако оптимизация одного блока в отрыве от всего комплекса финансово-хозяйственной деятельности предприятия невозможна. Поэтому в первую очередь необходима разработка комплексной модели управления финансовыми потоками промышленного предприятия в процессе бюджетирования, которая динамически будет учитывать влияние изменения одних блоков на другие.

При постановке задачи ставится цель найти максимум целевой функции при заданных ограничениях по ресурсам.

Механизм решения задачи оптимизации платежных потоков состоит из следующих шагов:

Шаг 1. Рассчитать финансовые потоки по основным бизнес-процессам, реализуемым на предприятии.

Шаг 2. Консолидировать все финансовые потоки в сводный бюджет предприятия.

Шаг 3. Сформировать финансовые бюджеты: бюджет доходов и расходов, движения денежных средств, прогноз балансового листа по каждому периоду планирования.

Шаг 4. Определить показатели, входящие в установленную систему ограничений и соответствие с утвержденными целями финансовой политики на данном этапе – по каждому периоду.

Шаг 5. Провести сверку данных критериев и получить обобщающий интегральный показатель деятельности.

Шаг 6. Путем N-го числа итераций с изменением одного или нескольких входных параметров построить вектор значений целевой функции и провести ее максимизацию.

Шаг 7. Оценить чувствительность полученного результата к изменению основных входных параметров.

В таблице представлено описание основных бизнес-процессов предприятия, входящих в состав бюджетного процесса.

Таким образом, разработанная структура и выбранный целевой показатель позволяют определить оптимальную структуру долгосрочного капитала предприятия, оценить риск, соответствующий выбранному значению структуры капитала. Предложенный алгоритм управления финансовыми потоками на авиастроительном предприятии в процессе бюджетирования, учитывает влияние изменений на конечные показатели деятельности предприятий, а также находит изменения во времени основных индикаторов рынка, ресурсов и финансов (ставка рефинансирования, уровень инфляции, депозитные и кредитные ставки, ставки ломбардных кредитов), а также характеристик портфеля активных и пассивных операций, и с учетом этого определяет оптимальную стратегию развития авиастроительного предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова И.* Постановка бюджетирования в компаниях // Бухгалтер и компьютер. 2003. № 7. С. 14–18.
2. *Шевченко О.А.* Место бюджета движения денежных средств в системе управления организацией. URL: <http://www.iteam.ru/articles.php?pid=7&tid=2&sid=43&id=604> (дата обращения 23.02.2013 г.).
3. *Щиборщ К.В.* Бюджетирование деятельности промышленных предприятий России. М. : Дело и Сервис, 2004. С. 592.
4. *Карпов А.* Бюджет денежных средств. 2012. URL: <http://www.bud-tech.ru/bdds.html> (дата обращения 23.02.2013).
5. *Форрестер Дж.* Основы кибернетики предприятия (Индустриальная динамика) : пер. с англ. / под ред. Д.М. Гвишиани. М. : Прогресс, 1971. 340 с.
6. *Павлов В.А., Рыбаков С.М.* Методология поточно-сетевого финансового анализа деятельности предприятия // Риск. 1997. № 5. С. 64–68.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 января 2014 г.

THE ALGORITHM OF FINANCIAL FLOW OPTIMIZATION IN THE BUDGETING OF AN AIRCRAFT BUILDING ENTERPRISE

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 154-160. DOI: 10.17223/15617793/380/25

Noskova Natalia Yu. Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: naty_noskova@mail.ru

Keywords: budgeting; financial flow; flow-financial structure; management; financial result.

Budgeting helps to optimize financial flows by predefining the critical periods in the activities and the need for external financing. With budgeting one can identify the «bottlenecks» in management and make the necessary administrative decisions in time. The subject of the research is the mechanisms to optimize the financial flow budgeting process in financial planning. The purpose of this paper is to develop an algorithm of financial flow management in the process of financial planning that accounts for the effects of changes in the structure of the budget process on the final performance of the enterprise. The research used such methods as graphics, simulation, synthesis and organization, economic modeling and forecasting, system method, and others. Simulation modeling is used both to test the hypotheses about the rationality of the strategy and tactics of enterprise operation and to predict its financial condition. For visual representation of the financial resources system the so-called flow-financial structures are developed. The algorithm for optimization of the financial strategy of the company is based on modeling of payment flows. The input financial flows that are subject to simulation can be: the refinancing rate, the level of inflation, deposit and lending rates, lombard rates, etc. This case, as a rule, is about optimizing the company's financial results in the implementation of the budget process. To optimize the financial strategy of the company in the course of budgeting the portfolio of financial flows of active and passive operations is optimized. Each tool in the presented structure can have a separate model for managing the block. However, optimization of one block in isolation from the full range of financial and economic activities of the enterprise is impossible. So, first of all, a comprehensive model of financial flow management at an aircraft manufacturer in budgeting is developed, which will dynamically account for the effects of changing one block to another. Thus, the developed structure and the selected target can determine the optimal structure of long-term capital of companies, assess the risk corresponding to the selected value

of the capital structure. The proposed algorithm for financial flow management of aircraft companies in budgeting takes into account the impact of changes on the final performance of enterprises, and finds the time variation of the main indicators of the market, resources, main characteristics of the portfolio of active and passive operations. With this in view, it determines the optimal development strategy of aircraft manufacturer.

REFERENCES

1. Abramova I. Postanovka byudzhetrovaniya v kompaniyakh. *Bukhgalter i komp'yuter*. 2003. No. 7. P. 14-18.
2. Shevchenko O.A. Mesto byudzheta dvizheniya denezhnykh sredstv v sisteme upravleniya organizatsiey. URL: <http://www.iteam.ru/articles.php?pid=7&tid=2&sid=43&id=604> (data obrashcheniya 23.02.2013 g.).
3. Shchiborshch K.V. Byudzhetrovanie deyatel'nosti promyshlennykh predpriyatiy Rossii. M. : Delo i Servis, 2004. P. 592.
4. Karpov A. Byudzhets denezhnykh sredstv. 2012. URL: <http://www.bud-tech.ru/bdds.html> (data obrashcheniya 23.02.2013).
5. Forrester Dzh. Osnovy kibernetiki predpriyatiya (Industrial'naya dinamika) : per. s angl.; pod red. D.M. Gvishiani. M. : Progress, 1971. 340 p.
6. Pavlov V.A., Rybakov S.M. Metodologiya potочно-setevogo finansovogo analiza deyatel'nosti predpriyatiya. *Risk*. 1997. No. 5. P. 64-68.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК [378.147:62]:004

С.Н. Грищенко

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются некоторые аспекты формирования познавательного интереса студентов инженерных специальностей на основе интерактивных геоинформационных технологий. Познавательный интерес – это ценнейший мотив учебной деятельности, а превращение обучения в систему контекстно-игровой деятельности способствует его активизации. Приведены примеры применения в учебном процессе таких интерактивных информационных технологий, как ролевая игра «ЭкоКривбасс-1», виртуальная лаборатория «ЭкоКривбасс-2», имитационная игра «ЭкоКривбасс-3», интерактивная геоинформационная система «ЭкоКривбасс-4». Они занимают в учебном процессе свое соответствующее и даже уникальное место, которое связано главным образом с наглядным воспроизведением процессов порождения, осмысления и разрешения кризисных явлений и конфликтов, касающихся экологического состояния окружающей среды в Приднепровском промышленном регионе.

Ключевые слова: познавательный интерес; инженерные специальности; экология; интерактивные геоинформационные технологии.

Построение новой системы образования, ориентированной на вхождение в единое европейское образовательное пространство, сопровождается естественными изменениями в педагогической теории и практике, что обуславливает необходимость внедрения инновационных образовательных технологий в учебный процесс. Инновации в образовании – ключевое условие успешного развития информационного общества. Внедрение информационных технологий в сферу образования – объективная потребность современного общества. Современный период развития общества характеризуется усилением роли информации как стратегически важного ресурса, поэтому значимость подготовки молодежи в области эффективного использования информационных технологий неуклонно возрастает [1. С. 302].

Одной из проблем современной высшей школы является оторванность получаемых знаний от практической, реальной деятельности. Студент мало заинтересован в изучении материала, не входящего в круг его интересов и потребностей, которые определяются спецификой природного, экологического, социального окружения [2. С. 51]. Таким образом, в учебном процессе важно использовать такие методы его организации, чтобы заинтересовать обучаемого.

Среди многих важных психолого-педагогических проблем теории и практики образования особое место занимает проблема формирования познавательного интереса у студентов высших учебных заведений. Проблема обучения с интересом рассматривается в работах выдающихся педагогов прошлого И. Гербарта, А. Дистервега, Я. Коменского, Д. Локка, И. Песталоцци, К. Ушинского и др.

Анализ научной литературы свидетельствует об интенсивности исследований психолого-педагогических

основ развития познавательного интереса обучаемых как важного средства активизации обучения. В работах многих известных ученых (Б. Ананьев, Ю. Бабанский, Л. Божович, Л. Выготский, В. Давыдов, А. Дусавицкий, Л. Занков, В. Крутецкий, Н. Левитов, А. Леонтьев, А. Маркова, Н. Менчинская, Н. Морозова, А. Пряехо, Л. Рубинштейн, Л. Фридман, Г. Щукина, С. Якобсон и др.) изучалась его роль в формировании общей направленности личности учащегося, определялись условия и факторы, влияющие на его становление и развитие, выявлялись периоды наиболее интенсивного развития этого качества личности, изучалась предметная направленность и осознание познавательного интереса учащимися разных возрастных групп.

Отмечено, что познавательный интерес играет ведущую роль в развитии осознанных, устойчивых интересов студентов, влияет на все психические процессы: мышление, память, внимание, воображение. Г. Щукина советует «всеми возможными способами воспламенять в детях горячее стремление к знанию» [3. С. 412]. Она подчеркивает, что познавательный интерес представляет собой уникальное, ценное интегративное свойство личности, «сплав» многих психических процессов личности (радость от процесса учения, стремление углубляться в познание интересующей учащегося проблемы, а также решение этой проблемы, переживание неудач, волевые устремления к их преодолению и др.). Это не просто совокупность отдельных процессов, а особое качество личности, обеспечивающее ее духовное богатство, выбор личностью значимых ценностей [4. С. 16–18].

Огромную роль познавательному интересу придавал П. Гальперин: «Непосредственный интерес – вот великий двигатель – единственный, который ведет верно и далеко» [Там же. С. 264].

Познавательный интерес является ценнейшим мотивом учебной деятельности. Пытливость, любознательность, готовность к познавательной деятельности, «жажда знаний» – всё это различные выражения познавательной направленности личности, в основе которой лежит познавательный интерес, определяющий активное отношение к миру и к процессу его познания.

По нашему мнению, формирование познавательного интереса в процессе обучения студентов инженерных специальностей на основе интерактивных геоинформационных технологий будет более эффективным, если теоретически обосновать и реализовать такой комплекс дидактических условий:

- развитие мотивационных подходов в учебном процессе;
- профессиональная направленность учебного процесса, системный контроль и оценка качества подготовки будущего инженера на протяжении всего периода обучения;
- творческий подход преподавателя к организации учебного процесса и формирование творческого отношения студентов к обучению в предметно-ориентированной компьютерной среде;
- комплексное применение интерактивных методов и средств в учебном процессе;
- наличие и развитие организационной, учебно-методической и технической базы, подготовка преподавателей и студентов.

Молодые люди, выбравшие интересующую их специальность (инженерный профиль), должны обладать в первую очередь высокоразвитым логическим и абстрактным мышлением, способностью произвольно управлять собственными мыслительными процессами, т.е. быстро и активно сосредоточиваться на интересующем объекте, полностью отвлекаясь от всего остального. Последнее возможно лишь при наличии высокой степени концентрации внимания. Строгость и логичность суждений у них должны быть хорошо развиты. Специалисты гуманитарного профиля постоянно живут, образно выражаясь, «в мире слов», в то время как специалисты технического профиля относительно чаще обращаются к предметному и конкретному миру вещей.

Активизировать познавательный интерес студентов – значит научить их работать творчески, самостоятельно. Этого можно добиться, если превратить обучение в систему контекстно-игровой деятельности. Поэтому профессиональная деятельность будущего специалиста может быть успешно смоделирована при помощи имитационных, ролевых игр и геосистем.

В Криворожском национальном университете разработаны интерактивные информационные технологии, развивающие этот подход:

- ролевая игра «ЕкоКривбасс-1». Задачей игры является осмысление и получение навыков решения экологических проблем в Приднепровском промышленном регионе;
- виртуальная лаборатория «ЕкоКривбасс-2». Её информационно-методическая база создана с помощью

интерактивных интернет-технологий, включает новые виды учебно-методических материалов и методов обучения, выполняет основную функцию по профессиональной подготовке специалистов к самостоятельному исследованию, проектированию, созданию и применению объектов различной природы с соответствующей компьютерной поддержкой;

- имитационная игра «ЕкоКривбасс-3». Целью игры является изучение последствий выброса в окружающую среду вредных для здоровья жителей Кривого Рога веществ на одном из его горно-металлургических предприятий. Игровая площадка имитационной игры «ЕкоКривбасс-3» сформирована на основе реальных фотографий поверхности Кривбасса, взятых из программы Google Earth при помощи технологии Google SketchUp;

- интерактивная геоинформационная система «ЕкоКривбасс-4» служит для комплексного изучения природы родного края. Сбор и анализ наглядной информации с использованием программного продукта Google Earth, с помощью которого в сети Интернет изучаются спутниковые фотографии земной поверхности, значительно повышает познавательный интерес студентов, способствует осмыслению актуальности и масштабности экологических проблем, развитию у студентов экологически ценностных ориентаций и осознания необходимости сохранения всего многообразия жизни, раскрывает сущность и причинную взаимосвязь экологических катаклизмов.

Эти учебные продукты занимают свое соответствующее и даже уникальное место, которое связано, главным образом, с наглядным воспроизведением процессов порождения, осмысления и разрешения кризисных явлений и конфликтов, касающихся экологического состояния окружающей среды в Кривбассе.

Основой ролевой игры «ЕкоКривбасс-1» являются имитационная и игровая модели. Имитационная модель отражает реальную действительность, которую можно назвать прототипом или объектом имитации, задавая предметный контекст профессиональной деятельности. Игровая модель представляет собой фактический способ описания работы участников, передает социальный контекст профессиональной деятельности соответствующих специалистов.

Игра «ЕкоКривбасс-1» выполняет определенные педагогические цели как дидактического, так и воспитательного характера. Дидактические педагогические цели игры заключаются в формировании и закреплении системы знаний в области экологического образования. Воспитательные педагогические цели предусматривают побуждение студентов к творческому мышлению, выработку установки на практическое использование полученных знаний.

Роли и функции игроков отражают «должностную картину» того фрагмента профессиональной деятельности, который моделируется в игре. Преимущества ролевой игры «ЕкоКривбасс-1» как формы отражения экологических процессов наиболее полно проявляются, если она действительно становится игрой, т.е. при проведении эксперимента в ней имманентно преодолевают-

ся ее правила, отражающие реальные процессы моделируемых явлений. Преодоление правил означает, что уже не столько игрок подчиняется правилам, сколько они подчиняются ему.

Система оценивания игры должна, с одной стороны, обеспечивать контроль качества принимаемых решений с позиций норм и требований профессиональной деятельности, а с другой – способствовать развертыванию игрового плана учебной деятельности. Оценка не только выполняет функцию контроля, но и обеспечивает формирование игровой, познавательной и профессиональной мотивации участников.

Отметим, что, оставаясь педагогическим процессом, ролевая игра «ЕкоКривбасс-1» является воспроизведением контекста экологического состояния, который имеет место в Приднепровском промышленном регионе.

Современный уровень компьютерной техники позволяет использовать инновационные методы обучения, интерактивно моделируя реальные объекты с применением компьютерной визуализации, что и реализовано в виртуальной лаборатории «ЕкоКривбасс-2». Модель в формате 3D представляет дополнительные возможности изучения реального объекта и является наиболее действенным средством повышения познавательного интереса у студентов инженерных специальностей.

Использование виртуальной лаборатории в подготовке будущих специалистов позволило учесть следующие аспекты:

- активность – виртуальная лаборатория побуждает слушателей к собственной учебно-исследовательской деятельности, предоставляет им возможность систематизировать приобретенные знания и навыки, а также реализовать свой интеллектуальный потенциал и способности;

- доступность – учебный материал, организованный с использованием современных информационных технологий, подразумевает переход от простого к сложному с учетом уровня начальной подготовки студента.

Виртуальная лаборатория «ЕкоКривбасс-2» использует базовую философию и функциональные возможности игры EcoMUVE (Multi-User Virtual Environment) (виртуальная окружающая среда с доступом для множества пользователей) для изучения структуры экосистемы и формирования представлений о причинных связях в ней [5]. Это мощный образовательный инструмент, который позволяет пользователям замедлять или ускорять время, двигаться в пространстве, изменять масштаб пространственных объектов, записывать результаты наблюдений с помощью виртуальных инструментов. Например, в имитационном водоеме используется подводная лодка и «меченый атом» для того, чтобы сформировать экологические понятия сохранения массы и связать их с процессами разложения. «ЕкоКривбасс-2» позволяет студентам обнаруживать и взаимодействовать с компонентами сложных образцов экосистемы водоема. Так, при изучении проблемы попадания вредных выбросов металлургического производства в водоемы они могут активно исследовать экосистему с реалистичной графикой и виртуальными измерительными приборами.

Практика применения виртуальной лаборатории подчеркивает преимущества персонифицированного подхода и интерактивных методов обучения с помощью виртуальной окружающей среды, которые помогают активизировать внимание, увлечь студентов.

Особо следует отметить предложенные в этом образовательном проекте методы оценки знаний студентов [5]. Они основаны на возможности записи каждого движения, которые студенты делают, работая в виртуальной лаборатории «ЕкоКривбасс-2». Известные и широко используемые методы оценки, основанные на тестовых испытаниях, кажутся невероятно ограниченными по сравнению с большим количеством вызовов и проблем реального мира, которые могут быть продемонстрированы в лаборатории на основе виртуальной реальности.

Возможности современных систем 3D-моделирования позволяют создавать компьютерные модели изучаемых объектов и имитировать управление ими в условиях, приближенных к реальным. Такой подход позволяет каждому студенту реализовать свои индивидуальные творческие способности под руководством преподавателя. Кроме того, профессиональное обучение способствует более быстрому и глубокому освоению студентами образовательной программы и формированию у них познавательного интереса за счет выполнения индивидуальных практических заданий.

Методика подготовки специалистов инженерных специальностей при работе с компонентами виртуальной лаборатории адекватна структуре многоуровневой модели и обеспечивает преемственность как в освоении технологий инновационной компьютерной дидактики, так и в формировании общих навыков работы с компьютером. Благодаря универсальности технологических моделей и дидактических процедур обеспечивается возможность обучения студентов с целенаправленной ориентацией на различные области знаний, создаются условия для индивидуализации процесса обучения, мотивируется стремление студентов к достижению более высоких результатов.

Виртуальная лаборатория «ЕкоКривбасс-2» является информационным источником сложной структуры. Она дает студенту комплекс задач профессионально-направленной области, виртуальные инструменты для формализации и интерпретации условий задачи, средства для ее решения, а преподавателю – средства для контроля действий студентов, добавления собственных задач из имеющегося методического комплекса, проведения диагностики.

Активизация познавательной деятельности студентов с помощью имитационной игры «ЕкоКривбасс-3» осуществляется через избирательную направленность его личности на предметы и явления окружающей действительности, которые непосредственно связаны с его будущей профессией. Эта направленность характеризуется постоянным стремлением к познанию, к новым более полным и глубоким профессиональным знаниям. Систематическая активация познавательного

интереса может быть основой положительного отношения к учёбе, повышению уровня успеваемости. Под влиянием познавательного интереса у студента возникают вопросы, ответы на которые он сам постоянно и активно ищет. При этом его учебная деятельность происходит с увлечением, он испытывает эмоциональный подъем, радость от успеха. Познавательный интерес положительно влияет не только на результат обучения, но и на протекание психических процессов мышления, воображения, памяти, внимания, которые под влиянием познавательного интереса приобретают особую активность и направленность. Внедрение имитационной игры «ЕкоКривбасс-3» всячески способствует этим процессам. Данная игра имеет экологическую направленность. В ней создаются благоприятные условия для удовлетворения широкого круга интересов, запросов, творческих представлений студентов инженерных специальностей.

Игровая площадка имитационной игры «ЕкоКривбасс-3» сформирована на основе реальных фотографий поверхности Кривбасса, взятых из программы Google Earth с помощью технологии Google SketchUp. Google Планета Земля (англ. Google Earth) – один из самых объемных коллективных информационных проектов, содержащий как большой пласт наглядной геоинформации, так и ресурсы для экологического анализа и исследований. Это проект компании Google, в рамках которой в сети Интернет размещены спутниковые фотографии всей земной поверхности. Фотографии некоторых регионов имеют беспрецедентно высокое качество изображения. Для визуализации изображения используется трехмерная модель всего земного шара (с учетом высоты над уровнем моря), которая отображается на экране с помощью интерфейсов DirectX или OpenGL. Именно трехмерность ландшафтов поверхности Земли и является главным отличием программы Google Earth от ее предшественника Google Maps. Пользователь может легко перемещаться в другую точку планеты, управляя положением «виртуальной камеры».

Для построения больших по объему сцен применялись объекты из библиотеки 3D Warehouse. Студенты могут задавать расположение источника, объем и геометрию выброса вредных веществ, скорость и направление ветра. Программа позволяет в динамике наблюдать, измерять и анализировать параметры загрязненных поверхностей города и его окрестностей.

Примером эффективного использования инновационных образовательных технологий является интерактивная геоинформационная система «ЕкоКривбасс-4», использующая виртуальные объекты, наполненные информацией.

Как показали экспериментальные исследования, пространственные представления достигают высокого уровня развития уже у первокурсников. Очевидно, это качество больше зависит от природных свойств индивида, в отличие от других умственных способностей (понятливость, сообразительность и т.п.). Геоинформационная система «ЕкоКривбасс-4» способствует развитию пространственного представления студента, что очень

важно для формирования профессиональных качеств будущего инженера.

Как показывает практика, активизировать познавательный интерес можно, во-первых, выделением и актуализацией потребностей студента, а во-вторых, погружением в конкретную деятельность через рассмотрение реальных ситуаций из профессиональной деятельности будущего инженера, тем самым опосредованно влияя на расширение знаний в его профессиональной области путём применения интерактивных геоинформационных технологий [2. С. 44].

Познавательный интерес выражается в желании студента – будущего инженера получить недостающую профессионально значимую информацию, в переживании положительных эмоций в ходе решения проблемы, в стремлении найти в сотрудничестве с другими студентами нестандартное решение задачи, в желании овладеть новыми методами и средствами профессиональной деятельности. Использование интерактивных геоинформационных технологий, предполагающих выход за рамки собственно учебных текстов путем соотнесения получаемой информации с ситуациями будущей профессиональной деятельности, обеспечивает субъективное «проживание» студентом опыта профессионального поведения. В целях формирования познавательного интереса в нашем эксперименте для восприятия и усвоения содержания создавались положительный эмоциональный фон и условия для понимания теоретической и практической значимости изучаемого материала.

Таким образом, познавательный интерес – это глубокая заинтересованность личности и устойчивый мотив обучения. Он создает наиболее благоприятные условия для формирования и развития нового стиля умственной работы, проявления творческой индивидуальности, способностей, дарований. Очевидно, что экологическая обстановка региона проживания студентов оказывает влияние на содержание их деятельности и интересы. Система получения конкретных знаний с учетом региональных особенностей проживания основывается на пробуждаемом интересе, а значит, обучение можно организовать в соответствии с актуальными потребностями студентов. В этом случае специально выстроенные образовательные задачи на основе интерактивных геоинформационных технологий будут решаться через инициирование и рост активности, так как рассматриваемые ситуации существуют в реальном окружении студентов. Обучение на основе информационных технологий с привлечением регионального материала способствует формированию личности в естественной социокультурной среде, информационной компетентности, непосредственных знаний и навыков по профильным дисциплинам, способно влиять на становление нравственного потенциала личности, национальной гордости, сохранение и развитие народной культуры. Содержание учебных задач, отражающих особенности и проблемы региона проживания студентов, оказывает существенное влияние на познавательный интерес, а значит, на усвоение учебного материала при помощи интерактивных геоинформационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тверезовська Н.Т. Закономірності функціонування інформаційних технологій // Педагогіка вищої та середньої школи : зб. наук. праць / гол. ред. проф. З.П. Бакум. Кривий Ріг : КП ДВНЗ «КНУ», 2012. Вип. 35. С. 301–310.
2. Потепенко С.М. Развитие познавательной активности учащихся на уроках информатики на основе использования задач регионального содержания: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 26 с.
3. Шукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М. : Педагогика, 1988. 203 с.
4. Гальперин П.Я. Управление познавательной деятельностью учащихся / под ред. П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной. М. : МГУ, 1972. С. 260–273.
5. SketchUp // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/SketchUp>.
5. Использование возможностей приложения Google Earth в программе 3D-моделирования Sketchup. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=447384>

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 18 декабря 2013 г.

FORMATION OF COGNITIVE INTEREST IN ENGINEERING STUDENTS THROUGH INTERACTIVE GIS TECHNOLOGIES

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 161-165. DOI: 10.17223/15617793/380/26

Grishchenko Svetlana N. Kryvyi Rih Pedagogical Institute of Kryvyi Rih National University (Kryvyi Rih, Ukraine). E-mail: s-grischenko@ukr.net

Keywords: cognitive interest; engineering; sports; environment; interactive GIS technology.

This article discusses some aspects of the formation of cognitive interest in engineering students through interactive GIS technologies. Cognitive interest acts as a valuable educational activity motive. Inquisitiveness, curiosity, willingness to cognitive activity, «thirst for knowledge» – are all different expressions of the cognitive orientation of the individual based on the cognitive interest defining a positive attitude to the world and to the process of knowing it. Strengthening the educational interest of students means teaching them to work creatively and independently. To achieve this is possible by making the learning in the context-playing activities. Therefore, the future professional activity specialist can be successfully modeled using simulations, role playing and geosystems. Prime examples of which are presented in our research work: a role-play «EkoKrivbass-1», a virtual laboratory «EkoKrivbass-2», a simulation game «EkoKrivbass-3», and an interactive geographic information system «EkoKrivbass-4». Their unique place is mainly due to a clear reproduction of the processes of generation, understanding, and resolution of crises and conflicts concerning the ecological state of the environment in the industrial region of the Dnieper. Cognitive interest is expressed in the desire of the student engineer to receive the missing professionally relevant information, in the experience of positive emotions in the course of solving the problem, in an effort to find, in cooperation with other students outside the box solution, the desire to learn new methods and means of occupation. Using interactive GIS technologies beyond their own training texts by correlating the received information with the situations of future professional activity provides a subjective student experience of professional conduct. In order to form cognitive interest in our experiment for understanding and mastering the content we created a positive emotional background and conditions for understanding the theoretical and practical significance of the studied material. Thus, cognitive interest is a deep personal commitment and sustained learning motive. It creates the most favorable conditions for the formation and development of a new style of mental work, manifestations of the creative personality, abilities, and talents. Obviously, the ecological conditions of the region where students live have an impact on the content of their activities and interests. The training system of specific knowledge with a regional perspective based on residence arouses interest and, therefore, learning can be organized according to the actual needs of students. In this case, the purpose-built educational objectives through interactive GIS technologies will be addressed through the initiation and growth of the activity, for the situations discussed are part of the students' real world. Education based on information technology involving regional material contributes to the socio-cultural identity in the natural environment, and, in addition to the formation of information competence, to direct knowledge and skills in core subjects can influence the formation of the moral potential of the individual, national pride, preservation and development of folk culture. The content of learning objectives that reflect the characteristics and problems of the region where students live has a significant impact on cognitive interest, and hence on the academic content through interactive GIS technologies.

REFERENCES

1. Tverezovs'ka N.T. Zakonomirnosti funktsionuvannya informatsiynikh tekhnologiy. *Pedagogika vishchoi ta seredn'oi shkoli* : zb. nauk. prats'; gol. red. prof. Z.P. Bakum. Kriviy Rig : KPI DVNZ «KNU», 2012. Vip. 35. P. 301-310.
2. Potapenko S.M. Razvitie poznavatel'noy aktivnosti uchashchikhsya na urokakh informatiki na osnove ispol'zovaniya zadach regional'nogo soderzhaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2010. 26 s.
3. Shchukina G.I. Pedagogicheskie problemy formirovaniya poznavatel'nykh interesov uchashchikhsya. M. : Pedagogika, 1988. 203 s.
4. Gal'perin P.Ya. Upravlenie poznavatel'noy deyatel'nost'yu uchashchikhsya; pod red. P.Ya. Gal'perina, N.F. Talyzinoy. M. : MGU, 1972. P. 260-273.
5. SketchUp. Vikipediya. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/SketchUp>.
5. Ispol'zovanie vozmozhnostey prilozheniya Google Earth v programme 3D-modelirovaniya Sketchup. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=447384>

Я.А. Ветрова

ИССЛЕДОВАНИЕ БАЗОВЫХ УСЛОВИЙ НАЛИЧИЯ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ У ПЕДАГОГА

Рассматриваются понятие акмеологической позиции педагога в условиях модернизации образования, уровни акмеологической позиции педагога и их характеристики; производится анализ исследования базовых условий наличия акмеологической позиции у педагога и обосновывается их выделение.

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие; акмеологическая позиция педагога; уровни акмеологической позиции педагога; базовые условия акмеологической позиции педагога.

Характеристики педагога-профессионала высокого уровня обеспечиваются непрерывным ходом личностно-профессионального развития (А.А. Деркач, 2007; Л.М. Митина, 2008; Н.В. Козлова, 2009; Л.Н. Горбунова, 2010; А.А. Бодалев, Н. В. Васина, 2010 и др.). Среди характеристик, способствующих личностно-профессиональному развитию по прогрессивному вектору, авторы называют акмеологические инварианты профессионализма, которые разделяются на общие, не зависящие от профессиональной специфики деятельности, и специфические (особенные), в определенной степени отражающие специфику профессиональной деятельности. Общими акмеологическими инвариантами профессионализма являются (А.А. Деркач, В.М. Дьячков): развитая антиципация, высокий уровень саморегуляции, умение принимать решения, креативность, высокая и адекватная мотивация достижений [1]. У профессионалов высокого уровня акмеологические инварианты профессионализма развиты в гораздо большей степени, чем у других специалистов. Именно эти характеристики обладают наибольшим «весом» в совокупности факторов обеспечения высокой результативности выполняемой деятельности, отмечают Е.Н. Богданов и В.Г. Зазыкин [2].

Анализ теоретических источников позволяет сделать вывод о том, что в условиях модернизации образования правомерно говорить об обусловленности личностно-профессионального развития педагогов таким понятием, как «акмеологическая позиция» (В.Н. Максимова, Н.М. Полетаева, 2004; Л.Е. Паутова, 2008; Н.В. Сосновских, 2009; Л.И. Ермакова, 2010; Н.В. Козлова, 2010; Е.Н. Вержицкая, 2011 и др.). Акмеологическая позиция характеризуется устойчивым стремлением к высоким достижениям в профессиональной деятельности, к самосовершенствованию, к саморазвитию и самопреобразованию, к самореализации творческого потенциала и жизненных сил в гуманистически оправданных видах деятельности. Акмеологическая позиция педагога проявляется в его субъектности (личностной активности), адаптивности (умении использовать условия окружающей действительности для личностного развития), стремлении реализовать свой потенциал в социуме, самореализации, готовности к дальнейшему совершенствованию профессиональной деятельности и ориентации в этой деятельности на высокие достижения [3–7].

С точки зрения Е.Н. Вержицкой [8], акмеологическая позиция, выступает в роли субъективного фактора, детерминирующего личностно-профессиональное развитие педагога в условиях модернизации образования. Содержательно акмеологическая позиция определяется автором как система отношений (позитивных) к профессиональной деятельности (и нововведениям в ней), обеспечивающей мотивацию на высокие достижения в деятельности, как акмеофактор личностно-профессионального развития педагога в условиях модернизации образования.

В свою очередь, мы рассматриваем акмеологическую позицию педагога не только как систему отношений к профессиональной деятельности и нововведениям в ней, обеспечивающую мотивацию на высокие достижения в деятельности, но и как способность к смыслообразованию и целеполаганию в профессиональной деятельности, видение профессиональной перспективы. Мы выделяем следующие показатели акмеологической позиции: отношение к профессиональной деятельности (жизненные ценности, активность в жизненных сферах, удовлетворенность своей профессиональной деятельностью); отношение к нововведениям (смысложизненные ориентации – уровень осмысленности жизни, уровень целей в жизни, насыщенность жизни, профессиональную перспективу); мотивацию достижения (локус контроля, уровень притязаний личности и способность к саморазвитию) [9].

Исследования акмеологической позиции педагога, проводимые нами в рамках системы дополнительного образования (повышения квалификации) в 2009–2013 гг., показывают, что только 43% педагогов демонстрируют наличие акмеологической позиции, у 57% педагогов акмеологическая позиция отсутствует (рис. 1).

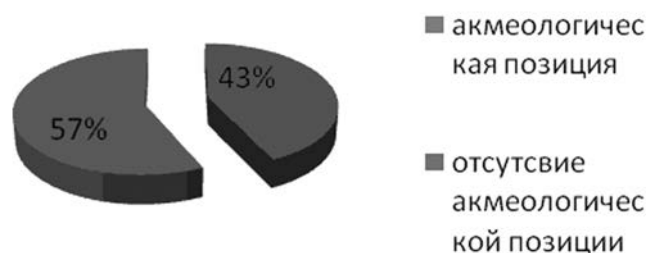

Рис. 1. Распределение педагогов по наличию акмеологической позиции, %

На основе теоретического анализа нами были выделены уровни развития акмеологической позиции педагога и обозначены характеристики каждого уровня. Для исследования уровневой дифференциации акмеологической позиции педагога использовалась трехуровневая модель оценки выраженности компетенции – базовый, высокий и высший [10]. Были получены следующие результаты (рис. 2):

Рис. 2. Распределение педагогов с акмеологической позицией по уровням, %

Базовый уровень (51%) – у педагогов данного уровня преобладают эгоистически-престижные ценности (собственный престиж, достижения, материальное положение, сохранение индивидуальности), противоречивое отношение к своей профессиональной деятельности, недостаточно выражена осмысленность жизни, ее насыщенность, удовлетворенность самореализацией, противоречивый локус контроля, а также недостаточно развитый уровень притязаний и способность к саморазвитию.

Высокий уровень (28%) – свидетельствует о развитости ценностно-смысловой сферы педагога (наличествуют как духовно-нравственные, так и эгоистически-престижные ценности), высоком уровне осмысленности жизни, большим количестве целей, видении профессиональной перспективы, однако иногда у них наблюдается снижение внутреннего локуса контроля, средний уровень притязаний и готовности к саморазвитию.

Высший уровень (21%) – характеризуется тем, что данные педагоги находятся на вершине своей профессиональной деятельности, им свойственны ценности развития (духовно-нравственные ценности: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, социальные контакты), устойчиво-позитивное отношение к своей профессиональной деятельности, видение смыслов и перспектив в профессиональной деятельности, знание своих достоинств и недостатков, внутренний локус контроля, высокий уровень притязаний и высокая способностью к саморазвитию.

Анализ теоретических источников (Е.С. Манюкова, 2004; И.П. Цвелюх, 2006; Л.Н. Горбунова, 2010; Е.Н. Вержицкая, 2011; Я.А. Ветрова, 2012; Е.С. Щеголенкова, 2013 и др.), а также наблюдение и беседы с педагогами в процессе повышения квалификации показывают, что для прогрессивного личностно-профессионального развития педагога необходимо наличие определенных «личностных характеристик (субъектная позиция педагога): высокий уровень рефлексивных способностей, конструктивность коммуникативных связей,

способность к эмоциональной и поведенческой саморегуляции, высокая мотивация на саморазвитие, способность критически относиться к результатам собственной деятельности, готовность к сотрудничеству» [1. С. 95].

Все это позволило предположить существование базовых условий, обеспечивающих наличие акмеологической позиции у педагога: 1) отсутствие профессионального истощения, 2) рефлексия собственных профессиональных трудностей, 3) активный поиск тактик и стратегий их преодоления.

Для подтверждения данного предположения был проведен сравнительный анализ двух групп педагогов: группы педагогов с акмеологической позицией и группы педагогов без акмеологической позиции.

Профессиональное истощение изучалось нами по трем компонентам: эмоциональное истощение; деперсонализация; редукция личных достижений.

Анализ данных по позициям *эмоциональное истощение и деперсонализация* показывает: большинство педагогов с акмеологической позицией имеют низкий уровень эмоционального истощения (63,6%) и низкий уровень деперсонализации (85,3%), тогда как педагогам без акмеологической позиции в 95,8% случаев свойствен высокий и средний уровень эмоционального истощения и в 94,6% – случаев высокий и средний уровень деперсонализации (рис. 3).

Рис. 3. Эмоциональное истощение и деперсонализация, %

Эмоциональное истощение проявляется в сниженном эмоциональном фоне, равнодушии или эмоциональном перенасыщении, что приводит либо к чрезмерной эмоциональности, либо к чрезмерному равнодушию при контактах с другими людьми, а также к истощению эмоциональных резервов человека. Деперсонализация обнаруживается в деформации отношений с другими людьми. В одних случаях это может быть повышение зависимости от других, в других – повышение негативизма, циничности установок и чувств по отношению к другим людям, дегуманизация (реакции, лишённые сердечности и сочувствия между людьми, с которыми вместе работают или о ком должны заботиться).

Анализ данных по позициям *редукция личностных достижений и общий уровень профессионального истощения* показывает (рис. 4): большинство педагогов с акмеологической позицией имеют низкий уровень редукции личностных достижений (82,2%) и в 99,2% случаев у них наблюдается отсутствие или низкий общий уровень профессионального истощения, что является достаточно позитивным фактом.

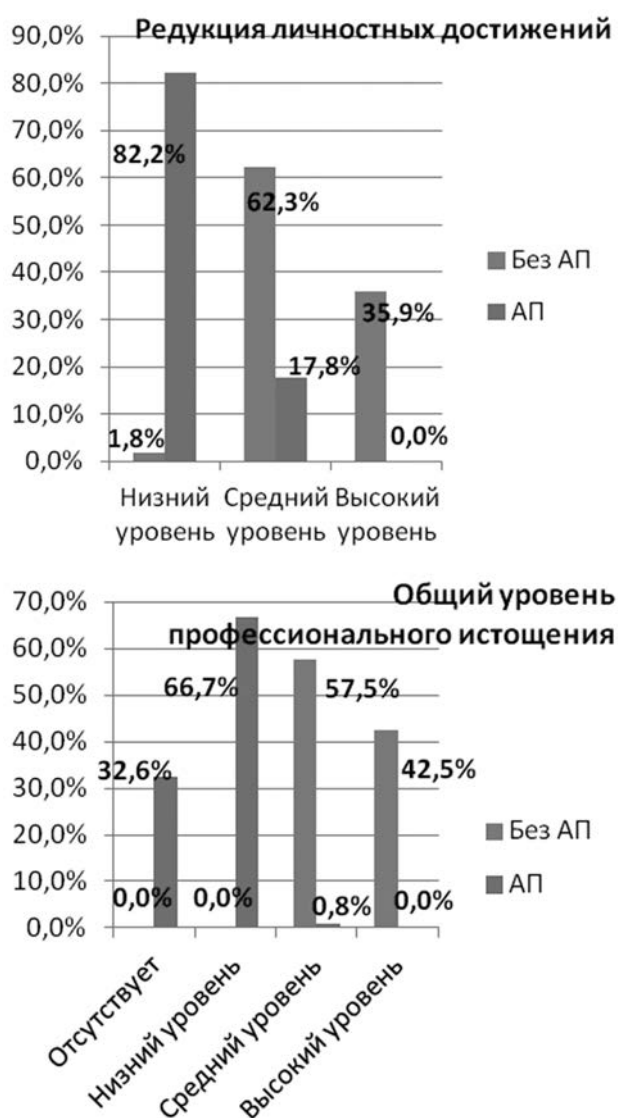

Рис. 4. Редукция личностных достижений и общий уровень профессионального истощения педагога, %

Педагоги без акмеологической позиции характеризуются высоким и средним уровнем редукции личностных достижений (98,2%), в 100% случаев – высоким (42,5%) и средним (57,5%) общим уровнем профессионального истощения, что свидетельствует о необходимости поддержки личностно-профессионального развития данной группы педагогов технологиями преодоления профессионального истощения (тренинги, консультирование и др.).

Исследование *уровня рефлексии педагогов* двух групп (рис. 5) дало следующие результаты: педагоги с акмеологической позицией имеют в 100% случаев высокий и средний уровень рефлексии, тогда как педагоги без акмеологической позиции в 92,2% случаев имеют средний уровень рефлексии. Данные по онтогенетической рефлексии показывают, что обеим группам педагогов свойствен высокий уровень, однако в группе педагогов с акмеологической позицией он выше на 26,8%.

Рис. 5. Уровень рефлексии и онтогенетической рефлексии педагога, %

Стратегии преодоления профессиональных затруднений

Среди конструктивных стратегий преодолевающего поведения выделяются: ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки и осторожные действия.

Анализ данных по стратегиям «ассертивные» и «осторожные действия» показывает, что у педагогов

с акмеологической позицией преобладает высокий уровень использования стратегии «ассертивные действия» (55,8%), тогда как педагоги без акмеологической позиции используют данную стратегию в своем большинстве на среднем уровне (58,7%); осторожные действия педагоги обеих групп используют на среднем уровне, однако у педагогов с акмеологической позицией более высокий уровень (на 13%) владения данной стратегией, чем у педагогов без акмеологической позиции.

Рис. 6. Конструктивные стратегии: ассертивные и осторожные действия, %

Результаты анализа данных по стратегиям «вступление в социальный контакт» и «поиск социальной поддержки» показывают, что педагоги обеих групп в большинстве случаев применяют данные стратегии на высоком уровне, однако у педагогов с акмеологической позицией этот показатель выше (по вступлению в социальный контакт – на 17,4%, по поиску социальной поддержки – на 6,1%), при этом у педагогов с акмеологической позицией низкие показатели по данным

стратегиям отсутствуют (0%), а у педагогов без акмеологической позиции – вступление в социальный контакт на низком уровне у 4,8%, поиск социальной поддержки – у 6,0%.

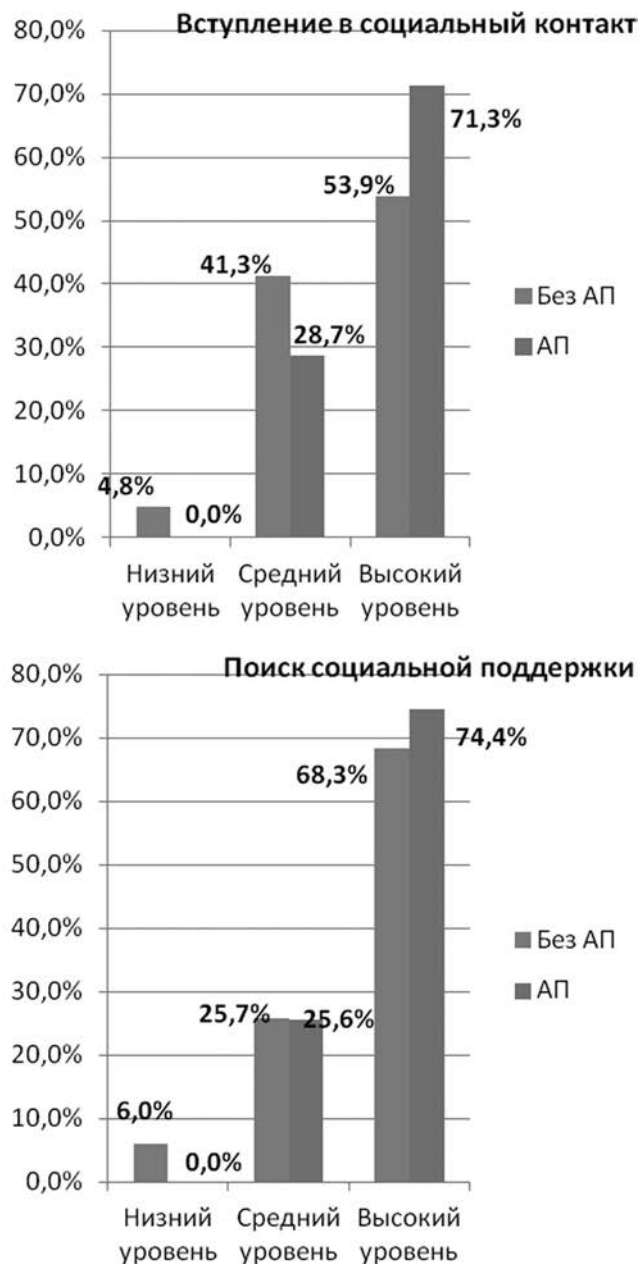

Рис. 6. Конструктивные стратегии: вступление в социальный контакт и поиск социальной поддержки, %

Среди деструктивных стратегий преодолевающего поведения выделяются: импульсивные действия, избегание, непрямые (манипулятивные), ассоциальные и агрессивные действия.

Анализ данных по стратегиям «импульсивные действия» и «избегание» показывает, что педагоги с акмеологической позицией предпочитают использовать импульсивные действия только в 19,4% случаев, тогда как педагоги без акмеологической позиции – в 38,9% случаев. Что касается стратегии избегания, то здесь различия между группами состоят в следую-

щем: низкий уровень использования у педагогов с акмеологической позицией больше на 13,4%, а высокий уровень использования данной стратегии ниже на 4,2%.

Рис. 7. Деструктивные стратегии: импульсивные действия и избегание, %

Анализ данных по стратегии «непрямые (манипулятивные) действия» показывает, что педагоги с акмеологической позицией предпочитают ее не использовать в 42,6% случаев, тогда как педагоги без акмеологической позиции только в 24,6% случаев, т.е. почти в два раза меньше.

Анализ данных по стратегиям «ассоциальные» и «агрессивные действия», показывает, что педагоги с акмеологической позицией предпочитают не использовать в 97,7% ассоциальные и в 71,9% случаев агрессивные действия, у педагогов без акмеологической позиции этот показатель намного ниже по позиции «ассоциальные действия» (на 31,8%) и значительно ниже по позиции «агрессивные действия» (на 65,3%). Как достаточно тревожный можно отметить факт готовности педагогов без акмеологической позиции использовать агрессивные действия на высоком (13,8%) и среднем (71,9%) уровнях.

Рис. 8. Деструктивные стратегии: непрямые или манипулятивные действия, %

Рис. 9. Деструктивные стратегии: ассоциальные и агрессивные действия, %

Таким образом, становится очевидным, что по всем выделенным нами показателям существует достаточно видимая разница между двумя группами педагогов: с акмеологической позицией и без нее.

Для обоснования статистической достоверности различий и выявления взаимосвязей между исследуемыми показателями был использован критерий согласия Пирсона (χ^2 , хи-квадрат).

1. Профессиональное истощение

Показатель	Хи-квадрат Пирсона	Df	Значимость
Эмоциональное истощение	141,614	2	0,001
Деперсонализация личности	199,781	2	0,001
Редукция личностных достижений	210,989	2	0,001

Статистические различия между показателями профессионального истощения у группы педагогов с акмеологической позицией и группы педагогов без акмеологической позиции с достоверной вероятностью 99% выявлены по следующим показателям: эмоциональное истощение ($p = 0,001$), деперсонализация ($p = 0,001$), редукция личностных достижений ($p = 0,001$).

2. Рефлексия

Показатель	Хи-квадрат Пирсона	Df	Значимость
Рефлексия	64,071	2	0,001
Онтогенетическая рефлексия	29,068	2	0,001

Статистические различия между показателями рефлексии у группы педагогов с акмеологической позицией и группы педагогов без акмеологической позиции с достоверной вероятностью 99% выявлены по следующим показателям: рефлексия ($p = 0,001$), онтогенетическая рефлексия ($p = 0,001$).

3. Стратегии преодоления профессиональных затруднений

Показатель	Хи-квадрат Пирсона	Df	Значимость
Ассертивные действия	13,635	2	0,001
Вступление в социальный контакт	13,631	2	0,001
Поиск социальной поддержки	7,851	2	0,020
Осторожные действия	15,167	2	0,001
Импульсивные действия	13,579	2	0,001
Избегание	5,635	2	0,060
Непрямые действия	11,009	2	0,004
Асоциальные действия	45,348	2	0,001
Агрессивные действия	30,507	2	0,001

Статистические различия между показателями стратегий преодоления профессиональных затруднений у группы педагогов с акмеологической позицией и группы педагогов без акмеологической позиции с достоверной вероятностью 98,6% выявлены по следующим показателям: ассертивные действия ($p = 0,001$), вступление в социальный контакт ($p = 0,001$), поиск социальной поддержки ($p = 0,020$), осторожные действия ($p = 0,001$), импульсивные действия ($p = 0,001$), непрямые действия ($p = 0,004$), асоциальные действия ($p = 0,001$), агрессивные действия ($p = 0,001$). Статистические различия по показателю «избегание» не были выявлены.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о существовании базовых условий наличия акмеологической позиции педагога:

1. Отсутствие профессионального истощения.
2. Развитая рефлексия.
3. Конструктивные стратегии преодоления профессиональных затруднений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А.А., Дьячков В.М. Психологические характеристики госслужащих регионального управления и их личностно-профессиональное развитие // Психология профессиональной деятельности кадров государственной службы. М., 1996. С. 39–58.
2. Богданов Е.Н., Зыкин В.Г. Введение в акмеологию. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2001. 145 с.
3. Максимова В.Н., Полетаева Н.М. Акмеология последиplomного образования педагога. Рос. акад. образования, Гос. науч. учреждение Ин-т образования взрослых. СПб.: ИОВ РАО, 2004. 227 с.
4. Паутова Л.Е. Акмеологические аспекты созидательной деятельности преподавателя высшей школы // Акмеология. 2008. № 1. С. 22–32.
5. Сосновских Н.В. Формирование акмеологической позиции школьников в учебном процессе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2009. 26 с. <http://www.uni.ulsu.ru>
6. Ермакова Л.И. Развитие акмеологической позиции будущего учителя в процессе педагогической практики: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 24 с.
7. Козлова Н.В., Вержицкая Е.Н. Личностно-профессиональное развитие педагогов в условиях модернизации образования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 178–180.
8. Вержицкая Е.Н. Особенности личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования: дис. ...канд. психол. наук. Томск, 2011. 157 с.
9. Козлова Н.В., Ветрова Я.А. Характеристики акмеологической позиции педагога // Сибирский психологический журнал. 2012. № 44. С. 83–89.
10. Морозова Г.Б. Психологическое сопровождение организации и персонала. СПб.: Речь, 2006. 400 с.
11. Щеголенкова Е.С. Возможности акмеологического сопровождения специалиста в процессе повышения квалификации // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 93–99.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 22 января 2014 г.

RESEARCH OF THE BASIC CONDITIONS OF THE TEACHER'S ACMEOLOGICAL POSITION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 166-172. DOI: 10.17223/15617793/380/27

Vetrova Yana A. Advanced Training Institute (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ianavet@mail.ru

Keywords: personal-professional development; acmeological position of teacher; levels of teacher's acmeological position; basic conditions of teacher's acmeological position.

The article considers the concept «acmeological position» as a factor of personal and professional development of teachers in the conditions of modernization of education. Acmeological position of the teacher is characterized by steady aspiration for high achievements in professional activity, for self-improvement, self-development and self-reformation, for self-actualization of creativity and vitality. It is emphasized that acmeological position of the teacher is manifested in their subjectivity (personal activity), adaptation (the ability to use the conditions of the surrounding reality for personal development), for realization of their potential in the society, self-realization, readiness for further improvement of professional activities and orientation on high achievements in this activity. The indicators of the teacher's acmeological position are marked: relation to professional activities (the values of life, the activity in spheres of life, satisfaction with their professional activities); attitude to innovations (life orientation – the level of meaningfulness of life, the level of life purposes, intensity of life, professional perspective); motivation of achievement (locus of control, the level of personal claims and self-development ability). There are levels of development of the teacher's acmeological position (basic, higher, highest) and their characteristics. The research of the basic conditions of the existence of the teacher's acmeological position is analyzed. The result of the comparative analysis of two groups of teachers (teachers with acmeological position and teachers without acmeological position) for all the selected indexes shows there is quite a visible difference between these two groups of teachers. For the justification of statistical reliability of differences and determination of the relations between the studied indicators Pearson's criterion of assent (C2, Chi-square) is used. From the obtained results a conclusion is made that there are basic conditions of the existence of the teacher's acmeological position: 1) lack of professional exhaustion, 2) reflection of their own professional challenges, 3) active search of tactics and strategies to overcome them.

REFERENCES

1. Derkach A.A., D'yachkov V.M. Psikhologicheskie kharakteristiki gossluzhashchikh regional'nogo upravleniya i ikh lichnostno-professional'noe razvitie. *Psikhologiya professional'noy deyatel'nosti kadrov gosudarstvennoy sluzhby.* M., 1996. P. 39-58.
2. Bogdanov E.N., Zazykin V.G. Vvedenie v akmeologiyu. 2-e izd., pererab. i dop. M. : KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2001. 145 p.
3. Maksimova V.N., Poletaeva N.M. Akmeologiya poslediplomnogo obrazovaniya pedagoga. Ros. akad. obrazovaniya, Gos. nauch. uchrezhdenie In-t obrazovaniya vzroslykh. SPb. : IOV RAO, 2004. 227 p.
4. Pautova L.E. Akmeologicheskie aspekty sozidatel'noy deyatel'nosti prepodavatelya vysshey shkoly. *Akmeologiya.* 2008. No. 1. P. 22-32.
5. Sosnovskikh N.V. Formirovanie akmeologicheskoy pozitsii shkol'nikov v uchebnom protsesse : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Ul'yanovsk, 2009. 26 p. <http://www.uni.ulsu.ru>
6. Ermakova L.I. Razvitie akmeologicheskoy pozitsii budushchego uchitelya v protsesse pedagogicheskoy praktiki : avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. SPb., 2010. 24 p.
7. Kozlova N.V., Verzhitskaya E.N. Lichnostno-professional'noe razvitie pedagogov v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2010. No. 341. P. 178–180.
8. Verzhitskaya E.N. Osobennosti lichnostno-professional'nogo razvitiya pedagogov v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya : dis. ...kand. psikhol. nauk. Tomsk, 2011. 157 p.
9. Kozlova N.V., Vetrova Ya.A. Kharakteristiki akmeologicheskoy pozitsii pedagoga. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal.* 2012. No. 44. P. 83-89.
10. Morozova G.B. Psikhologicheskoe soprovozhdenie organizatsii i personala. SPb. : Rech', 2006. 400 p.
11. Shchegolenkova E.S. Vozmozhnosti akmeologicheskogo soprovozhdeniya spetsialista v protsesse povysheniya kvalifikatsii. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom.* 2013. No. 2. P. 93-99.

К.В. Давлетьярова, М.С. Нагорнов, Л.В. Капилевич, Е.В. Кошельская

ОСОБЕННОСТИ БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МЫШЦ НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УДАРА ПО МЯЧУ У ФУТБОЛИСТОВ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Исследовались особенности биоэлектрической активности мышц нижних конечностей при выполнении ударов по мячу у футболистов с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА). Показано, что для футболистов с патологиями ОДА характерна меньшая амплитуда биоэлектрической активности мышц нижних конечностей, участвующих при выполнении удара, по сравнению со здоровыми футболистами. Футболисты без заболеваний ОДА при ударе по мячу задействуют мышцы бедра, тогда как у спортсменов с этими заболеваниями преимущественно вовлекаются мышцы голени.

Ключевые слова: футбол; паралимпийский спорт; сколиоз; плоскостопие; компьютерная электромиография.

Известно, что во всех видах спорта, связанных с движениями и перемещением человека или его головы в пространстве, вестибулярный анализатор подвергается постоянным воздействиям различного рода ускорений [1]. Основными задачами паралимпийского движения являются сохранение здоровья, социальная адаптация и повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями. Для решения этих задач необходимы разработка и внедрение программ подготовки спортсменов-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, подготовка методических материалов по медико-биологическому сопровождению тренировочного и соревновательного периодов, обучение специалистов для работы в паралимпийском спорте. В программе подготовки паралимпийцев необходимо учитывать особенности уровня двигательной активности и типа подвижности спортсмена [2].

В современном спорте, в спортивной травматологии для изучения биомеханических особенностей опорно-двигательного аппарата (ОДА) необходимо учитывать законы биомеханики. Биомеханика изучает законы положения тела человека в норме и патологии при стоянии, сидении, беге, ходьбе (осанка, расположение центра тяжести, определение площади опоры, способы замыкания суставов и характер приспособительных процессов для удержания центра тяжести в пределах площади опоры при различной патологии костей и суставов); принципы выбора лечебных (профилактических) мероприятий с учетом биомеханического единства ОДА [3].

Одним из факторов, приводящих к заболеваниям тканей ОДА, являются интенсивные, длительные физические нагрузки, выполняемые человеком (спортсменом) в неправильном исходном положении, т.е. с нарушениями биомеханики движений. Эти нарушения ведут к изменению метаболизма мышц, локальному утомлению, мышечному дисбалансу с последующим возникновением заболеваний и травм ОДА. Особенно это важно знать тренеру, инструктору (методисту) лечебной физкультуры и сотрудникам реабилитационного центра, под наблюдением которых упражнения выполняются с нагрузками на позвоночник и суставы. Такие нагрузки в дальнейшем приводят к возникновению остеохондроза

позвоночника, сколиозу, плоскостопию и другим заболеваниям тканей ОДА [3. С. 591–628].

Цель исследования – изучить особенности биоэлектрической активности мышц нижних конечностей при выполнении ударов по мячу у футболистов с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Материалы и методы исследования. В качестве объекта исследования были выбраны студенты 1-го и 2-го курсов ($n = 30$) Томского политехнического университета в возрасте 18–20 лет. Были сформированы две группы. В первую (основную) группу вошли студенты ($n = 15$) с нарушениями опорно-двигательного аппарата (сколиоз II–III степени в сочетании с плоскостопием II–III степени), регулярно принимающие участие в тренировках по футболу. Вторая группа (контрольная) включала студентов ($n = 15$) без патологий ОДА, занимающихся на специализации «футбол». Интенсивность, регулярность тренировок и уровень тренировочных нагрузок в обеих группах были одинаковы.

Исследование выполнялось на многофункциональном компьютерном электронейромиографе «Нейро-МВП-4», в состав которого входят блок пациента с зависящими от модификации прибора набором каналов и программно-методическое обеспечение. Комплекс позволяет исследовать по четырем каналам электрическую активность мышц и нервов, а также соматосенсорные, зрительные, слуховые вызванные потенциалы мозга, биопотенциалы при магнитной стимуляции. Исследование проводилось с помощью поверхностных электродов, которые представляют собой металлические диски площадью до 1 см². Спортсменам предлагалось выполнить 3 удара: внутренней стороной стопы, тыльной стороной стопы и внешней стороной стопы.

Электроды накладывались согласно анатомическому расположению мышц.

Три электрода были зафиксированы на одних и тех же мышцах:

- 1) латеральная головка икроножной мышцы (m. gastrocnemius, caput laterale);
- 2) медиальная головка икроножной мышцы (m. gastrocnemius, caput mediale);
- 3) нижняя треть латеральной широкой мышцы (m. vastus lateralis).

Месторасположение четвертого электрода менялось в зависимости от удара: при ударе внутренней стороной стопы – верхняя треть латеральной широкой мышцы (*m. vastus lateralis*), при ударе внешней стороной стопы – длинная приводящая мышца (*m. adductor longus*), при ударе средней частью подъема – прямая мышца бедра (*m. rectus femoris*).

Фактические данные представлены в виде «среднее $\pm$ ошибка среднего» ($M \pm m$). Достоверность различий между группами оценивалась с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования. В табл. 1 представлены показатели биоэлектрической активности мышц нижних конечностей при выполнении удара по мячу внешней стороной стопы у футболистов контрольной группы и при заболеваниях опорно-двигательного аппарата. У футболистов с заболеваниями ОДА максимальная амплитуда латеральной широкой мышцы (нижняя треть) и максимальная амплитуда приводящей мышцы бедра достоверно ниже, чем у здоровых футболистов ($p < 0,05$). При ударе внешней стороной стопы в группе спортсменов с патологией ОДА больше задействованы медиальная головка икроножной мышцы, а у спортсменов без патологии удар по мячу выполняется преимущественно за счет работы мышц бедра.

Таблица 1
Биоэлектрическая активность мышц нижних конечностей футболистов при выполнении удара по мячу внешней стороной стопы ($X \pm m$)

Группы	Экспериментальная	Контрольная
Показатели	Максимальная амплитуда, мкВ	Максимальная амплитуда, мкВ
Название мышц		
<i>m. gastrocnemius, caput laterale</i>	331,9 $\pm$ 92,1*	959 $\pm$ 190,0
<i>m. gastrocnemius, caput mediale</i>	846,2 $\pm$ 275,9*	1259 $\pm$ 108,2
<i>m. vastus lateralis</i>	421,2 $\pm$ 95,2*	10608,4 $\pm$ 6991,8
<i>m. adductor longus</i>	248,4 $\pm$ 64,1*	2819 $\pm$ 739,3

* Достоверность различий с контрольной группой, $p < 0,05$.

При выполнении удара внутренней стороной стопы у спортсменов с патологией ОДА также наблюдается достоверное ($p < 0,05$) снижение максимальной амплитуды биоэлектрической активности мышц бедра и медиальной головки икроножной мышцы. Однако при выполнении удара у футболистов с заболеваниями ОДА увеличивалась амплитуда биоэлектрической активности латеральной головки икроножной мышцы (1594,4 $\pm$ 121,1) (рис. 1). Таким образом, при выполнении удара по мячу внутренней стороной стопы футболисты с заболеваниями ОДА задействуют мышцы голени, преимущественно латеральную головку икроножной мышцы. Тогда как футболисты без патологии ОДА выполняют удар в основном за счет работы *m. vastus lateralis*.

При выполнении удара по мячу средней частью подъема стопы у футболистов с заболеваниями ОДА достоверно ($p < 0,05$) снижается амплитуда биоэлектриче-

ской активности *m. vastus lateralis* (801,7 $\pm$ 45,6) и *m. rectus femoris* (513,3 $\pm$ 30,9). Тем не менее по сравнению с группой контроля в экспериментальной группе наблюдается увеличение максимальной амплитуды биоэлектрической активности мышц голени: *m. gastrocnemius, caput laterale* на 21% и *m. gastrocnemius, caput mediale* на 24% (табл. 2).

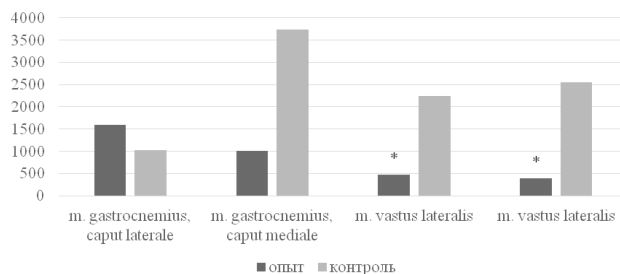

Рис. 1. Биоэлектрическая активность мышц нижней конечности при выполнении удара внутренней стороной стопы.

* Достоверность различий с контрольной группой, $p < 0,05$

Таблица 2
Биоэлектрическая активность мышц нижних конечностей футболистов при выполнении удара по мячу средней частью подъема стопы ($X \pm m$)

Группы	Экспериментальная	Контрольная
Показатели	Максимальная амплитуда, мкВ	Максимальная амплитуда, мкВ
Название мышц		
<i>m. gastrocnemius, caput laterale</i>	1120 $\pm$ 354,3*	874,1 $\pm$ 255,1
<i>m. gastrocnemius, caput mediale</i>	1680,1 $\pm$ 660,6*	1280 $\pm$ 345,9
<i>m. vastus lateralis</i>	801,7 $\pm$ 345,6*	20904 $\pm$ 17111,3
<i>m. rectus femoris</i>	513,3 $\pm$ 230,9*	6180 $\pm$ 3824,6

* Достоверность различий с контрольной группой, $p < 0,05$.

Таким образом, у футболистов с заболеваниями ОДА при выполнении удара по мячу средней частью подъема стопы в первую очередь вовлекаются мышцы голени (*gastrocnemius, caput laterale* и *m. gastrocnemius, caput mediale*). Тогда как футболисты без патологии ОДА выполняют удар по мячу средней частью подъема стопы за счет работы мышц бедра (*m. vastus lateralis*, *m. rectus femoris*).

Заключение

Таким образом, при исследовании биоэлектрической активности мышц нижних конечностей при выполнении ударов по мячу футболистами с патологией ОДА наблюдается перераспределение нагрузки на опорно-двигательный аппарат. Футболисты без патологии ОДА выполняют удар по мячу преимущественно, за счет работы мышц бедра. Тогда как футболисты, имеющие заболевания ОДА, выполняют удар по мячу в основном за счет мышц голени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стрелец В.Г., Горелов А.А. Теория и практика управления вестибулярными реакциями человека в спорте и профессиональной деятельности. СПб.: ВИФК, 1995. С. 72–83.

2. Geisser M.E. A meta-analytic review of surface electromyography among persons with low back pain and normal, healthy controls // *The Journal of Pain*. 2005. № 6 (11). P. 711–726.
3. Дубровский В.И., Федорова В.Н. Биомеханика : учеб. для сред. и высш. учеб. заведений. М. : ВЛАДОС – ПРЕСС, 2003. 672 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 января 2014 г.

FEATURES OF BIOELECTRIC ACTIVITY OF THE MUSCLES OF THE LOWER LIMBS WHEN PLAYERS WITH MUSCULOSKELETAL SYSTEM DISORDERS HIT THE BALL

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 173-175. DOI: 10.17223/15617793/380/28

Davletyarova Ksenia V., Nagornov Mikhail S., Koshel'skaya Yelena V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: davletyarova@rambler.ru / smbmihey@gmail.com / elena-koshelskaya@yandex.ru

Kapilevich Leonid V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: kapil@yandex.ru

Keywords: football; paralympic sports; scoliosis; flatfoot; computer electromyography.

Peculiarities of the bioelectric activity of the muscles of the lower limbs when players with musculoskeletal system disorders (MDs) hit the ball are considered. When athletes with the pathology of the musculoskeletal system hit the ball with the outer side of the foot, they use the medial head of the gastrocnemius muscle and athletes without this pathology use hip muscles. Players with MDs have lower maximum amplitudes of the vastus lateralis muscle (lower third) and the adductor muscle of the hip than healthy players. When hitting with the inner side of the foot athletes with MDs also have lower maximum amplitude of the bioelectric activity of the hip muscles and the medial head of the gastrocnemius muscle, but increased amplitude of the bioelectric activity of the lateral head of the gastrocnemius muscle. Thus, when players with MDs hit the ball by the inner side of the foot they involve calf muscles, especially the lateral head of the gastrocnemius muscle. Players without MDs mainly use m. vastus lateralis. When the ball is hit by the middle part of the instep players with MDs have reduced amplitude of the bioelectric activity of m. vastus lateralis and m. rectus femoris. Nevertheless, in comparison with the control group the experimental group shows an increase of the maximum amplitude of the bioelectric activity of the calf muscles: m. gastrocnemius, caput laterale – by 21%; m. gastrocnemius, caput mediale – by 24%. Thus, when hitting the ball by the middle part of the instep players with MDs primarily use the calf muscles (gastrocnemius, caput laterale, m. gastrocnemius, and caput mediale). Players without MDs hit the ball by the middle part of the instep due to the work of the hip muscles (m. vastus lateralis, m. rectus femoris). Thus, the study of the bioelectric muscle activity of the lower limbs showed that when hitting the ball players with MDs redistribute the load on the musculoskeletal system. Players without MDs generally use the hip muscles, while players with MDs use the calf muscles.

REFERENCES

1. Strelets V.G., Gorelov A.A. *Teoriya i praktika upravleniya vestibulyarnymi reaktsiyami cheloveka v sporte i professional'noy deyatel'nosti*. SPb. : VIFK, 1995. P. 72-83.
2. Geisser M.E. A meta-analytic review of surface electromyography among persons with low back pain and normal, healthy controls. *The Journal of Pain*. 2005. No. 6 (11). P. 711-726.
3. Dubrovskiy V.I., Fedorova V.N. *Biomekhanika : ucheb. dlya sred. i vyssh. ucheb. zavedeniy*. M. : VLADOS – PRESS, 2003. 672 p.

А.И. Заглевская

ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается физкультурно-спортивное образование студентов в вузе как педагогическая система, функционирующая в системе более высокого порядка, т.е. в системе высшего образования. Обосновываются концептуальные подходы к процессу физкультурно-спортивного образования, который рассматривается с системных позиций. В качестве элементов педагогической системы представлены культурологический, личностно-деятельностный, синергетический и компетентностный подходы. Показана реализация принципов системного подхода при обосновании концептуальных подходов к физкультурно-спортивному образованию студентов.

Ключевые слова: физкультурно-спортивное образование; студенты; система; концептуальные подходы; принципы.

Известно, что любой образовательный процесс представляет собой педагогическую систему. Педагогическая система физкультурно-спортивного образования студентов должна органично вписываться в систему более высокого порядка, т.е. в систему высшего профессионального образования, и соответствовать современным тенденциям и научным подходам, реализуемым в ней в настоящее время.

Е.В. Бондаревская [1] отмечает, что подход как методологическая категория связан с научной парадигмой и опосредуется через нее прежде всего в своей ценностной составляющей, ориентируясь также на теорию и технологию подхода. Значимость подхода заключается в том, что он является опосредующим и связующим звеном между методологией и теорией, отвечая на вопрос о том, как в исследовании могут быть реализованы положения базовой теории.

В связи с этим в научной интерпретации подход – это осознанная ориентация педагога-исследователя или педагога-практика на реализацию в своей деятельности определенной совокупности взаимосвязанных ценностей, целей, принципов, методов исследовательской или практической педагогической деятельности, соответствующей требованиям принятой образовательной парадигмы [Там же].

При выявлении сущности образовательной парадигмы мы исходим из предпосылки, что образование является важнейшим элементом культуры. Цель высшего образования – развитие человека, отвечающее требованиям того общества, в котором он живет, что находит свое отражение в связи образования и культуры, т.е. образование является культурным процессом, направленным на духовное становление личности в обществе.

В рамках каждой парадигмы образования существуют различные концепции обучения, обладающие общностью фундаментальных установок, но различающиеся по механизмам, способам, средствам обучения.

Разрабатываемая нами концепция физкультурно-спортивного образования, цель которой – формирование кинезиологической компетентности студентов, опирается на теоретико-методологические подходы гуманистической педагогики, основными из которых являются культурологический и личностно-деятельностный. Для

решения поставленных в исследовании задач в качестве дополнительных нами используются синергетический и компетентностный подходы, которые в совокупности рассматриваются с системных позиций.

Современная концепция системного подхода базируется на следующих принципах: целостности, иерархичности, структуризации, множественности и системности. Принцип системности объединяет все остальные принципы, поскольку гласит, что каждый объект может обладать всеми признаками системы.

На наш взгляд, обозначенные подходы (культурологический, личностно-деятельностный, синергетический и компетентностный) могут рассматриваться как элементы одной системы.

Принцип *целостности* говорит о том, что все подходы как элементы педагогической системы представляют собой единое целое, т.е. все они подчинены общим принципам, целям и задачам. Глобальной целью системы высшего образования, и физкультурно-спортивного в том числе, является формирование «человека культуры» [2].

Формирование «человека культуры» означает развитие в нем и реальное использование культурных способностей, которые будут вести студента к формированию себя как личности. При определении целей физкультурно-спортивного образования его культуротворческий аспект выходит на первый план. С позиции культурологического подхода физкультурно-спортивное образование рассматривается как сложный культурный процесс передачи нормативно-ценностного и творческого опыта и создания условий для культурных форм самоопределения, саморазвития и самореализации личности в кинезиологической деятельности.

Культурологический подход служит важным средством гуманизации процесса физкультурно-спортивного образования студентов в высшей школе, что наиболее полно отражается в личностно-деятельностном подходе к обучению.

Личностно-деятельностный подход в своем личностном компоненте предполагает, что в центре физкультурно-спортивного образования находится сам обучающийся – его мотивы, потребности, цели, индивидуально-психологические особенности, т.е. студент как лич-

ность. Исходя из интересов обучающегося, уровня его физкультурно-спортивных знаний, состояния здоровья, физического развития и подготовленности, преподаватель определяет учебную цель занятия и формирует, направляет и корректирует весь образовательный процесс в целях развития личности обучающегося.

Вторым составляющим компонентом личностно-деятельностного подхода к физкультурно-спортивному образованию является категория «деятельность». В психологии известно, что акт любой деятельности, в том числе и кинезиологической, всегда имеет сознательную цель и мотивационную обусловленность. Мы считаем, что обучать кинезиологической деятельности – это значит делать учение мотивированным, учить студента самостоятельно ставить перед собой цель и находить средства ее достижения (т.е. оптимально организовывать свою физкультурно-спортивную активность), помогать студенту в формировании навыков контроля и самоконтроля, оценки и самооценки своей деятельности. В этом случае ориентировочной основой кинезиологической деятельности являются знания, а двигательные умения отражают способность студента осуществлять «технологическую» сторону деятельности [3].

Далее в нашем исследовании в качестве теоретико-методологического основания физкультурно-спортивного образования студентов рассматривается синергетический подход.

Современный синергетический подход рассматривает человеческую личность как «суперсверхсложную» систему, способную к самоорганизации [4]. Применительно к процессу физкультурно-спортивного образования студентов это выглядит следующим образом: приобщение студентов к ценностям спорта и физической культуры в реальности представляет создание многообразия способов самоорганизации каждой личности, поскольку каждая личность как сверхсложная система уникальна в безграничном многообразии конкретных модификаций. Отсюда следует, что несмотря на спроектированный процесс физкультурно-спортивного образования студентов, каждой личности присуща самоорганизация, поскольку студенты как уникальные личности-субъекты воспринимают спорт и физическую культуру, все заложенные в них духовно-ценностные, эстетические, нравственные и творческие основания каждый по-своему, несмотря на общность принятия их основных позиций.

Синергетический подход к содержанию физкультурно-спортивного образования студентов предполагает ориентацию студента на саморазвитие и самосовершенствование кинезиологического потенциала в процессе освоения ценностей спорта и физической культуры в вузе.

В качестве результативной основы физкультурно-спортивного образования нами рассматривается формирование кинезиологической компетентности студентов.

Таким образом, рассмотренные подходы в совокупности представляют собой единое целое и способствуют целостному развитию личности студента в процессе физкультурно-спортивного образования.

Принцип *иерархичности* находит свое отражение в совокупности обозначенных нами концептуальных подходов, каждый из которых имеет определенное значение и подчинен другим элементам (подходам) или сам подчиняет себе другие элементы (подходы) системы. Так, культурологический подход в нашем исследовании выступает в качестве целевой основы физкультурно-спортивного образования. Это связано с тем, что исторически ориентация российского образования на общекультурное развитие обучающихся является одной из его приоритетных позиций. Задача формирования общей культуры участников образовательного процесса является обязательной для всей системы российского образования, это его непреходящая ценность [2]. Исходя из этого, глобальной целью физкультурно-спортивного образования является формирование спортивной и физической культуры личности, частью которой нами рассматривается кинезиологическая компетентность.

Следующим по иерархии является личностно-деятельностный подход, целью которого является формирование личности в деятельности. В нашей концепции данный подход рассматривается в качестве средства формирования кинезиологической компетентности в процессе физкультурно-спортивного образования, т.е. данный подход является своего рода дополнением к культурологическому. Также в качестве средства рассматривается и синергетический подход, который предполагает стимулирование явлений самоорганизации личности: самообразование, саморазвитие, самосовершенствование в процессе кинезиологической деятельности.

В качестве результативной основы физкультурно-спортивного образования в нашем исследовании применяется компетентностный подход, что обусловлено прежде всего требованиями Государственного образовательного стандарта третьего поколения. По мнению И.А. Зимней (2006), данный подход – это новая парадигма результата образования, основные позитивы которой заключаются в том, что в определении результата образования были поставлены следующие акценты:

- на практику применения знаний, выработку операциональной, технологической составляющих, а не только на сами знания (не только «что», но и «как»);
- сложную, интегративную (когнитивно-эмоциональную, ценностно-мотивационную, регулятивную) природу результата образования;
- формируемость личностного качества как сложного новообразования.

В системном подходе *структуризация* – это объединение различных элементов системы в отдельные подсистемы по определенным признакам. Каждая из таких подсистем в свою очередь может иметь различные связи с другими подсистемами. В нашей педагогической системе основными элементами являются подходы: культурологический, личностно-деятельностный, синергетический, компетентностный. Каждый подход как подсистема включает в себя обязательные элементы: понятия, принципы, формы и методы

построения образовательного процесса, совокупность которых также может рассматриваться как подсистема (таблица).

Культурологический подход к физкультурно-спортивному образованию представлен следующими принципами: *культуросообразности, продуктивности, мультикультурности.*

Принцип культуросообразности означает способность физкультурно-спортивного образования выражать суть спорта и физической культуры, их динамику,

содержание. В системе физкультурно-спортивного образования в вузе важно создавать условия для физкультурно-спортивного самоопределения, саморазвития и самосовершенствования личности, содействуя тем самым гармоничному развитию личности.

Принцип продуктивности отражает способность физкультурно-спортивного образования выражать творческую, продуктивную сущность культуры, создавать условия для творческой кинезиологической деятельности студента.

Структурные элементы педагогической системы физкультурно-спортивного образования студентов

№ п/п	Концептуальный подход	Основные понятия	Основные принципы	Формы и методы (особенности) организации образовательного процесса
1	Культурологический подход	Культура, культурные образцы, идеалы, нормы и ценности, образ жизни, культурная деятельность, человек как субъект культуры	– культуросообразности; – продуктивности; – мультикультурности.	Физкультурно-спортивное образование представляет собой культурный процесс, осуществляемый в культуросообразной спортивно-образовательной среде вуза, каждый элемент которой наполнен личностным смыслом. В центре образовательного процесса – студент как субъект спорта и физической культуры
2	Личностно-деятельностный подход	Личностный смысл, внутренний потенциал личности, самоактуализация, самоопределение, смысл жизни, субъектность, субъективные свойства личности	– высокой мотивированности любых видов деятельности; – обязательной рефлексивности всякой деятельности; – сотрудничества при организации и управлении различными видами деятельности	Организация и управление целенаправленной физкультурно-спортивной деятельностью студента осуществляется в соответствии с направленностью его интересов, жизненных планов, ценностных ориентаций, понимания смысла физкультурно-спортивного образования для развития кинезиологического потенциала личности. Переориентация процесса обучения на постановку и решение ими самими учебных двигательных задач
3	Синергетический подход	Открытость, нелинейность, неравновесность, самоорганизация, саморазвитие	– самоорганизации и саморазвития; – нелинейности; – незамкнутости	Социокультурное образовательное пространство вуза рассматривается как самоорганизующаяся система образования и культуры, в которой имеется многочисленное количество импульсов – аттракторов, притягивающих в определенное время личность. Студент оказывается под влиянием двух взаимосвязанных систем: физкультурно-спортивного образования как системы форм, средств и методов целенаправленного педагогического воздействия и социокультурной среды его жизнедеятельности, влияние которой на личность происходит стихийно
4	Компетентностный подход	Компетенция, компетентность, модуль, рейтинг	– целенаправленности обучения; – интеграции знаний, умений и опыта; – личностного развития	Направленность физкультурно-спортивного образования на формирование кинезиологических компетенций. Создание педагогических условий для максимального проявления физкультурно-спортивной активности самой личности

Принцип мультикультурности заключается в способности физкультурно-спортивного образования отражать разнообразие его воздействия на формирование различных культурных сфер личности: культуру здоровья, культуру кинезиологической деятельности, культуру общения.

Культура реализует свою функцию развития личности в том случае, если она активизирует личность, побуждает ее к деятельности. Деятельность личности является и тем механизмом, который позволяет преобразовать совокупность внешних влияний в собственно развивающие изменения, в новообразования личности

как продукты развития. Если личность, осваивая культуру, делает открытия в самой себе, при этом переживает пробуждение новых умственных и духовных сил, то соответствующая область культуры становится ее «миром», что позволяет узнавать себя в уже созданном и развиваться как «культурно-исторический». Именно на развитие личности в процессе деятельности и направлен личностно-деятельностный подход, который базируется на *принципе высокой мотивированности любых видов деятельности, обязательной рефлексивности всякой деятельности, сотрудничества при организации и управлении различными видами деятельности.*

Известно, что любая деятельность, в том числе и физкультурно-спортивная, побуждается как внешними, так и внутренними мотивами. Например, мотивы занятий студента престижным видом спорта в вузе (большой теннис) – внешние по отношению к самой физкультурно-спортивной деятельности студента. Являясь сильными побудителями общественного поведения в целом, эти внешние мотивы сами по себе не обеспечивают включение студента в осознанную физкультурно-спортивную деятельность, направленную на усвоение учебного материала. Они не определяют принятия студентом учебно-тренировочной задачи. В этот процесс должны быть включены внутренние, познавательные мотивы. Поэтому необходимо создание педагогических условий, обеспечивающих своеобразный «переход» внешних мотивов физкультурно-спортивной деятельности во внутренние.

Важным для нашего исследования является положение личностно-деятельностного подхода к организации физкультурно-спортивного образования на основе *субъектно-субъектного педагогического взаимодействия*, которое предполагает прежде всего свободу выбора студентом вида физкультурно-спортивной деятельности в соответствии со своими интересами, потребностями и мотивами, а также тренера-преподавателя по виду спорта. Такой подход предполагает, во-первых, создание условий личностной самоактуализации и личностного роста студента. Во-вторых, этот подход формирует активность самого студента, его готовность к физкультурно-спортивной деятельности, к решению проблемных учебно-тренировочных задач на основе доверительных субъектно-субъектных отношений с тренером-преподавателем. В-третьих, личностно-деятельностный подход предполагает единство внешних и внутренних мотивов: внешним является мотив достижения, а внутренним – познавательный мотив. В-четвертых, данный подход в контексте нашего исследования означает принятие учебно-тренировочной задачи и удовлетворение от ее решения в сотрудничестве с другими обучающимися.

Формирование кинезиологической компетентности личности происходит в процессе ее активной физкультурно-спортивной деятельности и неразрывно связано с процессами осмысления, осознания и формирования собственного личностного ценностного отношения к спорту и физической культуре, собственной физкультурно-спортивной деятельности, т.е. с *процессом рефлексии*.

Принцип сотрудничества при организации и управлении различными видами деятельности предполагает создание в образовательных учреждениях условий для развития сущностных сил каждого и гармонизацию взаимоотношений между всеми участниками педагогического процесса, развитие идей сотрудничества и сотворчества преподавателя и студентов, индивидуализацию обучения, диалог. Итогом его становится готовность личности к саморазвитию, самосовершенствованию, самореализации, что находит свое отражение в реализации принципов синергетического подхода.

Синергетически построенное обучение стимулирует скрытые возможности развития личности, открывает че-

ловеку самого себя, организует сотрудничество с самим собой и другими людьми, реализуя тем самым *принцип самоорганизации и саморазвития личности*. Синергетический подход представляет физкультурно-спортивное образование как сложную открытую систему, существующую и развивающуюся в результате взаимодействия с другими системными образованиями, в которой основу формирования кинезиологической компетентности личности составляют свободные действия студента в выборе им ориентации на те или иные физкультурно-спортивные ценности.

Система физкультурно-спортивного образования рассматривается как открытая, так как в ней постоянно идет процесс обмена информацией (знаниями) между преподавателем и студентами (обратная связь), целенаправленного добывания информации, что способствует появлению новых целей, методов и средств обучения. В связи с этим меняется содержание физкультурно-спортивного образования, так как оно не соответствует имеющемуся уровню знаний и умений обучающихся в данный момент. Возникает *нелинейность* как процесса, так и результата. Постоянно увеличивающееся образовательное информационное пространство выводит систему физкультурно-спортивного образования из устойчивого равновесия, возникает ситуация неопределенности и возможность проектирования студентом собственной образовательной траектории.

Реализация принципов компетентностного подхода (*целенаправленности физкультурно-спортивного образования, связи теоретических знаний с опытом кинезиологической деятельности и личностного развития* в этом процессе) является способом формирования субъектности личности и достижения нового качества физкультурно-спортивного образования в высшей школе.

Ядром проектируемой педагогической системы физкультурно-спортивного образования являются особенности организации образовательного процесса (см. таблицу).

Множественность в системном подходе предполагает использование множества различных моделей для описания каждого отдельного элемента и всей системы в целом. Исходя из того, что в качестве элементов педагогической системы нами рассматриваются концептуальные подходы, можно сказать, что каждый подход и вся система в целом могут быть описаны разными моделями. В нашем исследовании при проектировании педагогической системы будет использована компетентностно-культурологическая модель физкультурно-спортивного образования студентов.

Таким образом, в соответствии с нашей концепцией, в результате физкультурно-спортивного образования у студента должно быть сформировано некоторое целостное качество, отражающее способность к развитию своего кинезиологического потенциала, обеспечивающего психофизическую готовность к социально-профессиональной деятельности, т.е. кинезиологическую компетентность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская Е.В. Содержание педагогического образования и возможные направления модернизации его общепедагогической составляющей // Наука и образование. 2002. № 3. С. 14–25.
2. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический подход) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.
3. Загrevская А.И. Кинезиологический подход к физкультурно-спортивному образованию студентов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 160–162.
4. Кagan М.С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. 416 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 9 января 2014 г.

SPORTS EDUCATION OF STUDENTS AS A SUBJECT OF SYSTEM RESEARCH

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 176-180. DOI: 10.17223/15617793/380/29

Zagrevskaya Alexandra I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: A.Zagrevskaya@yandex.ru

Keywords: sports education; students; system; conceptual approaches; principles.

We developed the concept of sports education, the purpose of which is the formation of kinesiology competence of students based on the theoretical and methodological concepts of humanistic pedagogy, the basic of which are the cultural and personality-activity approaches. To solve the problems of the study we use additional synergistic and competence approaches, which together are considered with the system approach. The cultural approach is an important tool for the humanization of physical education and sports education of students in higher education, which is perfectly reflected in the student-activity approach to learning. The personality-activity approach assumes that the center of sports and sports education is the learner – their motives, needs, goals, individual psychological characteristics. The synergetic approach involves students' orientation on self-development and self-improvement of kinesiology in the process of learning the values of sports and physical education in higher school. The competence approach is reflected in the result of physical and sports education, as its purpose and result is students' kinesiology competence. The considered approaches together constitute a whole and contribute to the holistic development of the individual student in sports education, thus realizing the system integrity principle. The hierarchy principle is reflected in the conceptual approaches used, each of which has a specific meaning and is subordinate to the other elements or subjugates the other elements of the system. In the system approach structuring is bringing together the diverse elements of the system into separate subsystems by certain characteristics. In our educational system, its main elements are the approaches: cultural, personality-activity, synergistic, competence. Each approach as a subsystem includes mandatory elements: concepts, principles, forms, and methods of educational process organization, the totality of which can also be considered as a subsystem. Plurality in the system approach is to use a variety of models for each element and the system as a whole. In our study, the design of educational system will involve the cultural competence model of physical and sports education students. Thus, in accordance with our concept, as a result of physical and sports education students will have a complex personality formation – kinesiology competence.

REFERENCES

1. Bondarevskaya E.V. Soderzhanie pedagogicheskogo obrazovaniya i vozmozhnye napravleniya modernizatsii ego obshchepedagogicheskoy sostavlyayushchey. *Nauka i obrazovanie*. 2002. No. 3. P. 14-25.
2. Zimnyaya I.A. Kompetentnostnyy podkhod. Kakovo ego mesto v sisteme sovremennykh podkhodov k problemam obrazovaniya? (teoretiko-metodologicheskii podkhod). *Vyshee obrazovanie segodnya*. 2006. No. 8. P. 21-26.
3. Zagrevskaya A.I. Kineziologicheskii podkhod k fizkul'turno-sportivnomu obrazovaniyu studentov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 374. P. 160-162.
4. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury*. SPb. : Petropolis, 1996. 416 p.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.509.5

И.А. Бородина, Л.И. Кижнер, Н.Н. Богословский, С.И. Ерин, Д.С. Рудиков

СРАВНЕНИЕ СПУТНИКОВЫХ ДАННЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ВЛАЖНОСТИ ПОЧВЫ ASCAT С ПРЯМЫМИ ИЗМЕРЕНИЯМИ¹

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 12-05-31240).

Исследуется влагосодержание поверхностного слоя почвы, определяемого на метеорологических станциях, с использованием спутника MetOp. Выбраны станции, находящиеся на территории США и входящие в наблюдательную сеть AmeriFlux. Станции расположены в различных климатических зонах, выделенных по типу растительности, согласно классификации IGBP. Период исследований – 2007–2012 гг. Оценка выполнена для различных типов подстилающих поверхностей. Данные спутниковых наблюдений приведены к прямым измерениям, проведена оценка точности измерений. Показана хорошая согласованность с реальными данными прямых измерений влажности, что позволяет использовать данные спутниковых измерений влажности почвы в системах усвоения данных для численных моделей прогноза погоды. Результаты могут быть использованы и для территории России с аналогичными подстилающими поверхностями.

Ключевые слова: влажность почвы; спутниковые наблюдения; усвоение данных; численные прогностические модели атмосферы.

Введение

Современная метеорология характеризуется бурным развитием математических моделей атмосферы и их применением для проведения численных расчетов прогнозов погоды. Одним из механизмов повышения качества прогнозов является уточнение начальных полей метеовеличин. В системах усвоения данных наблюдений, наряду со станционными измерениями, все большее значение приобретают спутниковые данные измерений. Особенно это актуально для территории России, где густота наблюдательной сети недостаточная.

Влажность почвы играет одну из важнейших ролей в формировании поверхностных потоков явного и скрытого тепла. В связи с этим точность задания начальных полей влагосодержания почвы существенно влияет на точность прогноза состояния атмосферы, особенно в пограничном слое. Однако измерения влажности почвы, выполняемые при метеорологических наблюдениях один раз в сутки в теплое время года, являются визуальными (оценивается степень увлажнения почвы в баллах, от 0 до 6). Инструментальные агрометеорологические наблюдения выполняются один раз в декаду [1]. Данные о влажности почвы получают по наблюдениям за осадками, что является весьма приближенным. Поэтому актуальной является задача оценки влагосодержания почвы с привлечением других наблюдений.

В работе рассматривается сравнение влагосодержания поверхностного слоя почвы, определяемого на метеорологических станциях США, с использованием спутника MetOp. Период исследований – 2007–2012 гг. Оценка выполнена для таких подстилающих поверхностей как вечнозеленые хвойные леса (ENF), листопадные широколиственные леса (DBF), смешанные леса (MF), закрытые

кустарником (CSH), древесные саванны (WSA). Данные спутниковых наблюдений приведены к прямым измерениям и проведена оценка точности измерений.

Указанные типы поверхностей наблюдаются и на территории России, поэтому результаты исследования актуальны для совершенствования прогностических моделей, адаптированных к территории нашей страны.

Измерение влагосодержания поверхностного слоя почвы

Исходными данными являются результаты измерения влажности поверхностного слоя почвы с помощью спутника и значения влажности почвы, полученные при систематических станционных измерениях на глубине до 5 см. Измерения на станциях проводятся каждые 30 мин. В качестве стационарных пунктов наблюдений выбраны станции, расположенные на территории США и входящие в наблюдательную сеть AmeriFlux. Использование для настоящего исследования американских станций обусловлено отсутствием для территории РФ синхронных инструментальных наблюдений за влажностью поверхностного слоя почвы. Станции расположены в различных климатических зонах, выделенных по типу растительности, согласно классификации IGBP [2]. Станции, данные которых включены в обработку, представлены в табл. 1. Координаты всех станций относятся к северной широте и западной долготе. Значения широты и долготы указаны в градусах и их долях.

Спутниковые данные измерений и метод пересчета влажностных характеристик

Спутники серии MetOp оснащены современными системами дистанционного зондирования Земли. Данные

Характеристики станций США, включенных в обработку

Название станции	Широта	Долгота	Тип растительности
WV – CanaanValley	39,0633	–79,4208	CSH
Valles Caldera National Preserve (Ponderosa pine)	35,8624	–106,597	CSH
NH – BartlettExperimentalForest	44,0646	–71,28808	DBF
Chestnut_Ridge	35,9311	–84,3324	DBF
NC – DukeForest-hardwoods	35,9736	–79,1004	DBF
IN – Morgan Monroe State Forest	39,3231	–86,4131	DBF
MO – MissouriOzarkSite	38,7441	–92,2000	DBF
OH – OakOpenings	41,5545	–83,8438	DBF
WI – WillowCreek	45,8059	–90,0799	DBF
Black_Hills	44,158	–103,65	ENF
GLEES	41,3644	–106,2394	ENF
OR – Metolius-intermediate aged ponderosa pine	44,4523	–121,5574	ENF
OR – Metolius-second young aged pine	44,3154	–121,6078	ENF
Marys_River_Fir_Site	44,6465	–123,5515	ENF
NC – NC_LoblollyPlantation	35,8031	–76,6679	ENF
WA – Wind River Crane Site	45,8205	–121,9520	ENF
NC – Duke Forest – loblolly pine	35,9782	–79,0942	MF
WI – ParkFalls/WLEF	45,9459	–90,2723	MF
MI – SylvaniaWildernessArea	46,2420	–89,3477	MF
AZ – Flagstaff – UnmanagedForest	35,0890	–111,7620	WSA
Freeman_Ranch_Woodland	29,94	–97,99	WSA
AZ – SantaRitaMesquite	31,8214	–110,8660	WSA
AZ – Flagstaff – Wildfire	35,4454	–111,771800	WSA

спутники способны обеспечить полное покрытие земного шара. Они несут на борту восемь измерительных приборов, а также ряд коммуникационных и обслуживающих систем. Основной комплект приборов, предназначенных для зондирования и получения изображений Земли, идентичен комплекту приборов, установленному на спутниках NOAA. Важным прибором спутников данной серии является скаттерометр ASCAT. Одним из результатов обработки спутниковых измерений ASCAT является влажность поверхности почвы $m_s(t)$. Измерения влажности поверхности почвы осуществляются в относительных единицах (процентах), но в прогностических моделях используется объемная характеристика влажности почвы, поэтому, прежде чем использовать данные спутниковых измерений в системе усвоения данных, необходимо преобразовать их в объемную влажность ($\text{м}^3/\text{м}^3$).

Для пересчета значений использована линейная зависимость [3, 4]:

$$Q_{scat}(t) = a + b m_s(t),$$

где $m_s(t)$ – данные влажности почвы, полученные со спутника; $Q_{scat}(t)$ – значение влажности, полученное со спутника в объемных единицах; a и b – коэффициенты.

Исходное уравнение используется для определения параметров a и b , которые изменяются в пространстве, но постоянны во времени. Предполагая, что в каждой точке сетки спутниковые измерения имеют такое же среднее значение по времени и дисперсию, как и измерения влажности почвы на станциях, получим следующие выражения для расчета коэффициентов a и b :

$$b = \frac{\sigma_{vM}}{\sigma_{m_s}}$$

$$b = Q_{vM} - b m_s,$$

где σ_{vM} – стандартное отклонение по данным стационарных измерений; σ_{m_s} – стандартное отклонение по дан-

Таблица 2

Коэффициент корреляции между прямыми данными измерений влажности поверхностного слоя почвы и спутниковыми данными измерений

Название станции	Тип растительности	Коэффициент корреляции						
		2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	За весь период
WV – CanaanValley	CSH		0,59	0,37				0,48
Valles Caldera National Preserve (Ponderosa pine)	CSH	0,34	0,40					0,36
NH – BartlettExperimentalForest	DBF	0,34	0,36	0,57	0,02	0,23		0,62
Chestnut_Ridge	DBF			0,55				0,55
NC – DukeForest-hardwoods	DBF	0,50						0,50
IN – Morgan Monroe State Forest	DBF	0,46	0,64	0,53	0,67			0,65
MO – MissouriOzarkSite	DBF	0,63	0,55	0,54				0,79
OH – OakOpenings	DBF	0,70	0,82	0,41	0,44	0,46		0,64
WI – WillowCreek	DBF				0,37	0,27	0,38	0,54

Название станции	Тип растительности	Коэффициент корреляции						
		2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	За весь период
Black_Hills	ENF	0,38	0,73					0,81
GLEES	ENF	0,11	0,27	0,49	0,43	0,37	0,50	0,49
OR – Metolius-intermediate aged ponderosa pine	ENF	0,55	0,43	0,67	0,66	0,58	0,58	0,63
OR – Metolius-second young aged pine	ENF	0,51	0,15	0,71				0,57
Marys_River_Fir_Site	ENF	0,55	0,31	0,50	0,62	0,47		0,51
NC – NC_LoblollyPlantation	ENF	0,55	0,67	0,73				0,82
WA – Wind River Crane Site	ENF	0,34	0,05	0,20	0,56	0,32	0,47	0,74
NC – Duke Forest – loblolly pine	MF	0,51	0,44					0,50
WI – ParkFalls/WLEF	MF					0,60	0,42	0,57
MI – SylvaniaWildernessArea	MF	0,31	0,48					0,45
AZ – Flagstaff – UnmanagedForest	WSA	0,75	0,67		0,73			0,72
Freeman_Ranch_Woodland	WSA	0,48	0,67	0,32	0,53	0,66	0,51	0,70
AZ – SantaRitaMesquite	WSA	0,63	0,64	0,47	0,42		0,46	0,46
AZ – Flagstaff – Wildfire	WSA	0,72	0,52		0,82			0,73

ным спутника; $Q_{\text{ум}}$ и m_s – средние значения за рассматриваемый промежуток времени для стационарных и спутниковых измерений соответственно.

Для первичной оценки взаимосвязи между измерениями, полученными с помощью спутника и на станциях, были рассчитаны коэффициенты корреляции, а также средняя абсолютная погрешность по данным станции и пересчитанным данным по спутнику, которые представлены в табл. 2 и 3. В целом для 40% станций коэффициент корреляции превышает 0,65, что говорит о наличии тесной взаимосвязи между спутниковыми данными и прямыми измерениями. Около 83% станций имеют умеренную зависимость. Наиболее тесная зависимость наблюдается для станций с типом растительности Woody

Savannas (WSA), самую слабую зависимость имеют станции, расположенные в высоких широтах в зоне с типом растительности Close Shrublands (CSH).

Большие значения средней абсолютной погрешности характерны для станций, относящихся к более сухому климату. Для них значения влажности часто близки или равны 0, а относительная ошибка тоже велика, в отдельных случаях доходит до 50%. Для наглядности для станции Flagstaff – Wildfire приведен график зависимости двух рядов данных: измерений объемной влажности почвы стационарным методом и измерениями с помощью спутника (рис. 1). В данном случае выпадающие осадки мало влияют на синхронность данных по влажности для рассматриваемых измерений.

Таблица 3

Абсолютная и относительная ошибка по данным станции и пересчитанным данным по спутнику

Название станции	Абсолютная ошибка, м³/м³	Среднеквадратичная ошибка, м³/м³	Относительная ошибка, %
WV – CanaanValley	0,08	0,103	25,4
Valles Caldera National Preserve (Ponderosa pine)	0,07	0,089	27,3
NH – BartlettExperimentalForest	0,06	0,079	20,4
Chestnut_Ridge	0,03	0,041	11,3
NC – DukeForest-hardwoods	0,04	0,051	21,3
IN – Morgan Monroe State Forest	0,05	0,068	14,9
MO – MissouriOzarkSite	0,05	0,068	15,2
OH – OakOpenings	0,01	0,015	25,0
WI – WillowCreek	0,03	0,039	9,2
Black_Hills	0,03	0,039	17,0
GLEES	0,06	0,089	20,0
OR – Metolius-intermediate aged ponderosa pine	0,04	0,051	25,2
OR – Metolius-second young aged pine	0,02	0,027	23,1
Marys_River_Fir_Site	0,04	0,048	14,9
NC – NC_LoblollyPlantation	0,02	0,027	15,3
WA – Wind River Crane Site	0,03	0,032	11,2
NC – Duke Forest – loblolly pine	0,05	0,065	24,4
WI – ParkFalls/WLEF	0,03	0,036	23,5
MI – SylvaniaWildernessArea	0,04	0,055	25,6
AZ – Flagstaff – UnmanagedForest	0,05	0,066	24,1
Freeman_Ranch_Woodland	0,05	0,074	30,9
AZ – SantaRitaMesquite	0,02	0,029	52,4
AZ – Flagstaff – Wildfire	0,04	0,051	23,7

Рис. 1. Ход объемной влажности почвы по данным станции и измерений спутника. Сумма осадков за 12 ч. Станция Flagstaff – Wildfire, 2007 г.

В целом ход значений влажности достаточно синхронный. При этом значения влажности по спутникам более резко изменяются во времени по сравнению со станционными данными.

Заключение

Спутниковые наблюдения играют все большую роль в исследовании атмосферы и поверхности Земли, в том числе для уточнения прогнозов погоды. Преимущества

ми спутников серии MetOp являются оснащённость их современными системами дистанционного зондирования Земли, оперативность передачи данных, большая площадь покрытия поверхности Земли.

Результаты сравнения данных по влажности поверхностного слоя почвы с использованием прибора ASCAT показали хорошую согласованность с реальными данными прямых измерений влажности, выполняемых на станциях. Для большинства станций коэффициент корреляции превышает 0,5. Средняя абсолютная ошибка по всем станциям не превышает 0,04 м³/м³. Это позволяет использовать данные спутниковых измерений влажности почвы в системах усвоения данных для численных моделей прогноза погоды.

Соотношения, полученные в результате настоящего исследования, могут быть распространены и на территорию России, на регионы, имеющие сходные типы подстилающих поверхностей.

Дальнейшие исследования должны вестись в направлении уточнения влияния атмосферных явлений на результаты спутниковых наблюдений, уточнения методики пересчета данных. Важно также получить сравнительные данные для других сезонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грингоф И.Г., Пасечник А.Д. Агрометеорология и агрометеорологические наблюдения. СПб. : Гидрометеиздат, 2005.
2. CERES: IGBP Land Classification // NCAR: Climate data guide. URL: <http://climatedataguide.ucar.edu/guidance/ceres-igbp-land-classification> (дата обращения: 14.11.2012).
3. Dharssi I., Bovis K., Macpherson B., Jones C. Assimilation of ASCAT surface soil wetness // Met Office, Exeter, UK Forecasting. Technical Report № 548. July, 2010.
4. Wagner W. The ASCAT Soil Moisture Product: A Review of its Specifications, Validation Results, and Emerging Applications // Meteorologische Zeitschrift. February 2013. Vol. 22, № 1. P. 5–33.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 28 декабря 2013 г.

DEFINING CHARACTERISTICS OF SOIL MOISTURE FROM METEOROLOGICAL SATELLITES

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 181–184. DOI: 10.17223/15617793/380/30

Borodina Irina A., Kizhner Lubov I., Bogoslovskiy Nikolay N., Erin Sergey I., Rudikov Dmitry S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bia_5@mail.ru / kdm@mail.tsu.ru / bnn@math.tsu.ru / sergei.erin@mail.ru / qwant@sibmail.com.

Keywords: soil moisture; satellite observations; data assimilation; numerical prediction models of atmosphere.

Mathematical models of the atmosphere are actively used in the modern meteorology for the numerical weather forecasts. Satellite measurements become important in data assimilation systems. Modern systems for remote sensing, efficiency data transmission, a large area covering the Earth's surface are advantages of MetOp satellites. Using meteorological satellites is an especially topical problem for the territory of Russia where the density of the observational network is insufficient. Soil moisture has a significant impact on the formation of sensible and latent surface heat fluxes. Therefore, the accuracy of soil moisture initialization significantly affects the accuracy of the atmosphere forecast state, especially in the boundary layer. However, regular instrumental measurements of soil moisture are not made. Therefore, a topical problem is the estimate of topsoil moisture involving other observations. This paper presents comparison of surface soil moisture content measured at the reference meteorological stations, and measurements obtained by the MetOp satellite. Stations in the United States belonging to the observation network Ameriflux are chosen as stationary observation points. Stations are located in different climatic zones and selected by the type of vegetation according to the classification of IGBP. The study period is the summer months of 2007–2012. The estimate was made for the following surfaces: evergreen needleleaf forests, deciduous broadleaf forests, mixed forests, open shrub-lands, closed shrub-lands, and woody savannas. Satellite observations are converted to direct measurements using a linear relationship. The estimate of the accuracy of measurements was made. The results of measurements of the surface soil moisture using ASCAT instrument showed a good agreement with the real data of direct measurements of humidity. For the most stations the correlation coefficient is greater than 0.5. The RMS error for all stations does not exceed 0.04 m³/m³, which allows using satellite measurements of soil moisture in data assimilation systems for numerical weather prediction models.

REFERENCES

1. Gringof I.G., Pasechnik A.D. *Agrometeorologiya i agrometeorologicheskie nablyudeniya*. SPb. : Gidrometeoizdat, 2005.
2. CERES: IGBP Land Classification // NCAR: Climate data guide. URL: <http://climatedataguide.ucar.edu/guidance/ceres-igbp-land-classification> (data obrashcheniya: 14.11.2012).
3. Dharssi I., Bovis K., Macpherson B., Jones C. Assimilation of ASCAT surface soil wetness. *Met Office, Exeter, UK Forecasting*. Technical Report. No. 548. July, 2010.
4. Wagner W. The ASCAT Soil Moisture Product: A Review of its Specifications, Validation Results, and Emerging Applications. *Meteorologische Zeitschrift*. February 2013. Vol. 22, no. 1. P. 5–33.

С.В. Бордунов, А.Н. Жиганов, И.Г. Кулага

КОМПЛЕКСНАЯ ПЕРЕРАБОТКА ОТВАЛА АРТЁМОВСКОГО РУДНИКА

Настоящая работа является частью многолетних исследований получения концентратов тонкого золота с размером частиц 10–50 мкм из руды и отвалов. В статье описан процесс получения концентрата тонкого золота из отвала Артёмовского рудника в две стадии. На первой стадии растворяют около 50% массы отвала в соляной кислоте. Эти 50% массы состоят из CaCO_3 и $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$. Раствор CaCl_2 и MgCl_2 является товаром. Остаток твёрдой фазы обрабатывают электрическими разрядами с энергией 45–120 Дж ($\text{м}^2\text{кг}/\text{с}^2$). Золото, которое связано с ним, переходит в свободную форму. Поток воды снизу выносит из реактора частицы с малыми размерами – продукты измельчения крупных частиц в электрическом разряде. Выноса из реактора частиц определенного размера можно достигнуть скоростью потока воды. Результаты специального эксперимента на кварцевом песке показывают, что измельчение песка в электрических разрядах с энергией в разряде 45–120 Дж достигается преимущественно вторичной кавитацией.

Ключевые слова: электровзрывная технология; тонкое золото; обогащение; концентрат золота.

Техногенное золотосодержащее сырьё (хвосты и отвалы действующих или закрытых рудников) в настоящее время рассматривается многими специалистами не только как отчужденные под вредные промышленные отходы территории, но и как перспективное сырьё для извлечения остаточного золота. Большая часть таких отвалов, с границами и объёмами, нанесёнными на карты, начинала формироваться ещё на заре прошлого века, поэтому содержание золота в техногенном сырьё может достигать от 2,0 до 9 г/т. Техногенное сырьё, как правило, измельчено, имеет достаточно чёткие границы и расположено вблизи источников энергии, дорог и населённых пунктов. Это минимизирует капитальные затраты на его переработку. К негативному фактору, сдерживающему вторичную переработку техногенного сырья, относится наличие в этом сырьё вредных веществ – флотирующих и выщелачивающих реагентов, ртути. К такому типу сырья относится и отвал Артёмовского рудника (Курагинский район Красноярского края), который расположен в каньоне длиной до 3 км и шириной 50–80 м.

По данным Артёмовской золоторудной компании, усреднённый (по всем картам) минералогический состав хвостов следующий: полевой шпат – 25%, кварц – 40%, кальцит – 15–20%, хлориты – 20–30%, пирит – 1–2%, бистит (слюда) – 10–15%, магнезит – 1–2%. Содержание золота, определенного в пробах из разных точек отвала, колеблется от 0,82 до 2,6 г/т, 85–90% золота имеет крупность частиц 50 мкм и менее, масса хвостов 4 551 тыс. т с содержанием золота 3 720,7 кг.

В карте 1 этого отвала, образованной в первой половине прошлого столетия, содержится свободная ртуть в неизвестных до сих пор концентрациях. Совершенно очевидно, что к каждому из таких объектов необходим индивидуальный подход для выбора способа переработки отвала, включающего извлечение золота и других ценных компонентов с нейтрализацией вредных веществ в массе отвала.

В.В. Бордунов с соавт. [1] предложил использовать на первой стадии переработки руд и отвальных хвостов высоковольтный импульсный разряд (ВИР) с энергией

в разряде до 4 кДж. В настоящей работе для получения концентратов золота используется ВИР с энергией 110–115 Дж.

Цель исследований – разработка рекомендаций по извлечению из техногенного сырья золота и других ценных компонентов с переводом оставшейся части отвала в безопасную для человека и окружающей природной среды породу.

Для исследований были взяты 4 образца из скважины глубиной 7 м в карте № 2 отвала. Карта заполнялась отходами в середине прошлого столетия. Образец А1 взят с глубины 1 м, образец А2 объединен из двух одинаковых по внешнему виду проб, взятых с глубины 2,5 и 5 м, образец А3 взят с глубины 7 м.

Пробы содержат отходы переработки руды, в которой золото связано с пиритом. После удаления глины промывкой образцов с перемешиванием, сушкой и просевом через сито с ячейкой 1,1 мм для этих образцов получены следующие результаты по отношению массы частиц крупностью менее 1,1 мм к крупности частиц 1–6 мм ($m_{\leq 1}/m_{1-6}$): А1 $m_{\leq 1}/m_{1-6} = 3,883$, А2 $m_{\leq 1}/m_{1-6} = 26,15$, А3 $m_{\leq 1}/m_{1-6} = 56,2$, где $m_{\leq 1}$ – доля частиц с размером менее 1 мкм; m_{1-6} – доля частиц с размером частиц 1,1–6 мкм. Объяснить столь высокую разницу в тонине помола в период заполнения карты не представляется возможным.

После обработки образцов А1–А3 ВИР на стенде (рис. 1) с расчетом на удаление в хвосты с глинами компонентами частиц золота с размером 10 мкм и более, получены результаты, приведенные в табл. 1.

Стенд с рабочим объемом реактора 1 дм^3 (объем суспензии до верхнего сливного патрубка) позволяет обрабатывать ВИР пробы сырья массой до 200 г с частотой разрядов 0,5–3 Гц, возможностью регулировки скорости потока воды, ввода с водой химических реагентов, ввода в реактор воздуха или озона с регулируемым расходом. Проточную воду подавали в реактор тангенциально через нижний патрубок и выводили также тангенциально через верхний патрубок в течение времени, необходимого для прохода через реактор 5 дм^3 воды. В этом эксперименте, со скоростью восходящего

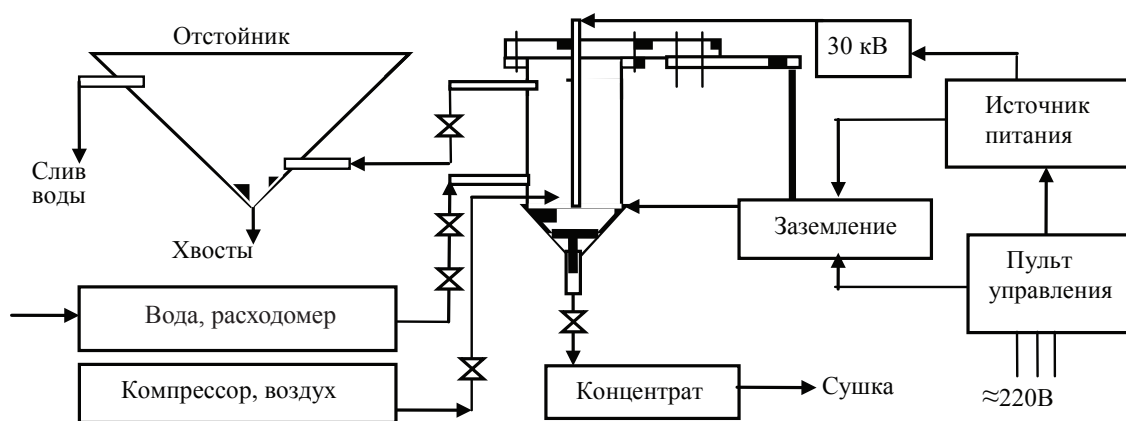

Рис. 1. Схема лабораторного стенда для предварительных технологических исследований по электрогидравлической обработке минерального сырья

потока воды в реакторе $1 \cdot 10^{-3}$ м/с, решали задачу определения количества золота – частиц размером ≤ 10 мкм в исходном сырье, которое по условиям эксперимента будет уноситься водой в хвосты. При малой доле такого золота в сырье им можно пренебречь, тогда в расчёте производительности промышленной установки можно исходить из скорости потока воды 1×10^{-3} м/с и постоянства соотношения «твёрдое : жидкое = 1 : 5» в реакторе. Одновременно определяли зависимость количества разрядов, необходимых для полного вскрытия золота для определения удельных затрат электроэнергии на 1 т сырья, анализировали распределение исходной массы и минералов по технологической цепи «сырье – концентрат – хвосты». Результаты экспериментов представлены в табл. 1 ($m_{\leq 1}$ – доля частиц с размером менее 1 мкм, m_{1-6} – доля частиц с размером 1–6 мкм).

Таблица 1

Результаты ситового анализа концентратов проб после обработки исходного сырья 20 разрядами с энергией 112,5 Дж в импульсе и отделения из них глинистых компонентов и мелких частиц других минералов, с размером частиц менее 45 мкм, восходящим потоком воды со скоростью $1 \cdot 10^{-3}$ м/с

Фракция, мм	A1	A2	A3
1,1>2,5	3,78	–	–
0,63<1,1	0,98	–	–
0,315<0,63	8,73	4,24	8,34
0,16<0,315	32,44	18,35	29,82
0,1<0,16	22,04	20,05	24,17
0,071<0,1	20,74	37,74	21,44
0,063<0,071	4,17	9,97	3,79
0,045<0,063	4,61	7,73	8,73
<0,045	1,6	1,92	3,72
Отношение $m_{\leq 1}/m_{1-6}$	25,46	∞	∞
$m_{\leq 1}/m_{1-6}$ в исходном образце	3,83	26,15	56,2

Резкое изменение отношения массы частиц с размером $\leq 1,1$ мм к массе частиц с размером $\geq 1,1$ мм в исходных образцах и в полученных концентратах, как видно из табл. 1, свидетельствует о высокой степени измельчения исходного сырья в электровзрывном реакторе даже с использованием низких энергий в разряде.

Исследование фазового состава и структурных параметров проб проводилось на дифрактометре Shimadzu XRD-7000 на $\text{CuK}\alpha$ -излучении в Нано-Центре НИ ТПУ с идентификацией фаз и использованием порошковой

базы данных PDF-4 Международного центра дифракционных данных (ICDD).

Полученные рентгенограммы обрабатывались методом полнопрофильного анализа с использованием программного комплекса Powder Cell 2.4.

Для электровзрывной обработки была выбрана проба A2, минералогический состав концентрата и хвостов представлен в табл. 2. Расход восходящего потока воды в реакторе при получении концентрата, в соответствии с рекомендациями работы [2], был выбран с расчетом заведомых потерь частиц золота крупностью менее 10 мкм.

Таблица 2

Результаты электрогидравлической обработки проб «А»

Проба	Минерал	Содержание, % объёмные		
		Исх.	Конц.	Хвосты
A1	Кварц, SiO_2	10		
	CaCO_3	6		
	Доломит, $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$	84		
A2	Кварц, SiO_2	7	35	28
	CaCO_3	5	15	–
	Доломит, $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$	84	46	33
	$\text{Ca}(\text{SO}_4)$	–	–	9
	$\text{Ca}(\text{SO}_4) \cdot (\text{H}_2\text{O})_{0,6}$	–	–	5
	$\text{Ca}(\text{SO}_4) \cdot \text{H}_2\text{O}$	–	–	23
A3	Кварц, SiO_2	8		
	CaCO_3	4		
	Доломит, $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$	88		

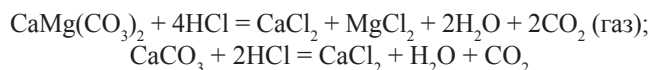
Примечание. Исх. – исходный образец; Конц. – концентрат после ВИР обработки.

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, пробы A1, A2 и A3 отвала Артёмовского рудника в карте № 2 идентичны по минералогическому составу, основная масса сопутствующей породы представлена доломитом, полученные результаты отличаются от вышеприведенных нами данных Артёмовской горнорудной компании.

Эффект измельчения крупных зёрен, отмеченный в табл. 1, связан с измельчением частиц карбонатов, имеющих относительно низкую механическую прочность по шкале проф. Протождяконова. Так, при обработке в реакторе (рис. 1) пробы A1 100 разрядами с частотой 1 Гц потеря массы образца – тонкодисперсная фракция

с размером частиц менее 0,045 мм, не оседающая в отстойнике за 3 ч, в этом эксперименте увеличилась с 2,5 до 11% при пятикратном увеличении энергозатрат, т.е. с 1 до 5 кВт·ч/т сырья.

Отвалы Артёмовского рудника в карте № 2 можно полностью использовать в производстве вяжущих для строительных материалов, что экономически целесообразно даже не извлекая золото. Поэтому нами был поставлен эксперимент по растворению пробы А3 с содержанием карбонатов 92% в соляной кислоте для определения действительного содержания карбонатов и разработки схемы переработки отвала рудника. При обработке карбонатов соляной кислотой практически нацело происходят следующие реакции:

Эксперимент выполняли следующим образом. Предварительно отвешивали три сухих навески пробы А3 с наибольшим содержанием карбонатов массой по 50 г, помещали их в стаканы объёмом 200 мл, вливали 50 мл дистиллированной воды и 50 мл концентрированной соляной кислоты. Растворение карбонатов проводили при перемешивании механической мешалкой до окончания процесса выделения углекислого газа. Раствор солей сливали, добавляли к осадку 100 мл дистиллированной воды, промывали осадок при перемешивании мешалкой 5 мин, сливали воду и сушили осадок при 100°C в сушильном шкафу. Средняя степень уменьшения исходной массы составила 42,22%.

Полученный раствор с суммарным содержанием хлоридов кальция и магния 99,2%, но не содержащий золота, может быть использован как антигололёдный материал.

Средняя степень уменьшения исходной массы по обработке соляной кислотой трех навесок составила не 92% (содержание суммы CaCO_3 и $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$, как следует из табл. 2), а 42,22%.

После аналогичной обработки проб А1 и А2 соляной кислотой степень уменьшения исходной массы составила 41,87 и 42,31%; в среднем уменьшение исходной массы хвостов после выщелачивания по трём пробам А1, А2, А3 составляет 42,13%.

Таким образом, предварительная обработка хвостов Артёмовского рудника карты № 2 соляной кислотой может дать товарный продукт – раствор хлоридов кальция и магния для производства антигололёдных реагентов с одновременным обогащением золотосодержащей части хвостов на 42,13%.

Для электровзрывной обработки пробы А3 был проведен аналогичный эксперимент на двух сухих навесках пробы А3 массой по 150 г, их помещали в стаканы объёмом 200 мл, вливали 50 мл дистиллированной воды и 100 мл концентрированной соляной кислоты. Растворение карбонатов проводили при перемешивании механической мешалкой до окончания процесса выделения углекислого газа. Раствор солей сливали, добавляли к осадку 100 мл дистиллированной воды, промывали осадок при

перемешивании мешалкой 5 мин, сливали воду и сушили осадок при 100°C в сушильном шкафу. Степень уменьшения исходной массы составила 42,27%.

После выщелачивания пробы А3 соляной кислотой твёрдый остаток № 1 с массой 173,19 г обработали электрическими разрядами с энергией в импульсе 112,5 Дж в реакторе с рабочим объёмом 1 дм³ и эрлифтом для ввода кислорода воздуха и перемешивания твёрдой фазы в реакторе.

Обработку пробы выполняли при частоте 0,5 Гц в течение 2 мин. По окончании электровзрывной обработки отключали источник питания и подачу воздуха, включали подачу воды со скоростью потока через реактор $1 \cdot 10^{-3}$ м/с для удаления тонкой суспензии породы, гидроксидов и растворённых солей с общим объёмом промывной воды 5 дм³. Затем извлекали из реактора твёрдый остаток, промывали его водой, сушили и взвешивали.

В результате электровзрывного обогащения хвостов масса осадка после выщелачивания № 1 уменьшилась на 31,3%, а масса сухого остатка после электровзрывной обработки № 2, в которую переходит все золото из исходных хвостов А3, составила 118,98 г.

В результате применения такого способа обогащения хвостов – при выщелачивании – 42,27% мас. от исходной массы хвостов Артёмовского рудника карты № 2 переработано в концентрированный раствор хлоридов кальция и магния (антигололёдный раствор), после электровзрывной обработки 18,07% мас. ушло в хвосты в виде растворимых солей, гидроксида железа и тонкоизмельчённой породы, в результате получен концентрат 39,66 % мас. Полученный концентрат со свободным золотом может направляться на извлечение золота любым известным способом.

В табл. 1 приведены экспериментальные данные, которые показывают на достаточно высокий эффект измельчения зёрен проб хвостов. Доля частиц, попавших в 10-миллиметровый разрядный промежуток между электродами реактора по рис. 1, составляет сотые доли процента от всех частиц пробы. Частица, попавшая в межэлектродное пространство, разрушится, если электрическая прочность минерала такой частицы меньше напряжения пробоя в канале разряда. Так как электрическая прочность кварца основной вмещающей породы в золотосодержащем сырье приближается к 500 кВ/см, то при напряжении 30 кВ/см в описываемом опыте не должен разрушаться даже асбест с электрической прочностью 30–60 кВ/см [3. С. 125]. Таким образом, эффект измельчения частиц в электровзрывном реакторе с энергией в разряде менее 120 Дж и напряжением пробоя 30 кВ можно объяснить действием ударных волн сжатия, разрушающих частицы по дефектам структуры, или, что более вероятно, вторичной кавитацией в волнах разрежения – микровзрывами пузырьков воздуха на поверхности части, распределённых в водной фазе.

Содержание золота определяли нейтронно-активационным методом анализа на спектрометре ANALYST фирмы Caderra (США) с применением базового программного обеспечения Genie-2000 и детекторов из осо-

бо чистого германия, по среднему значению от 5 навесок. Установлено, что содержание золота в исходной пробе равной 2,4 г/т, после выщелачивания и электровзрывной обработки степень извлечения тонкого золота с крупностью частиц 10–50 мкм в концентрат составила 95%.

Проверку этой гипотезы производили на образцах песка из русла р. Обь после отмывки от глины и частиц с размером менее 0,045 мм. Содержание SiO_2 в этом песке с коэффициентом крепости по шкале проф. Протодяконова 10 составляет более 92%. Обработку электрическими разрядами с энергией 112,5 Дж выполняли в реакторе, изображённом на рис. 2 при частоте 1 Гц. Результат определяли по фракционному составу и материальному балансу масс исходного песка, концентратов и хвостов.

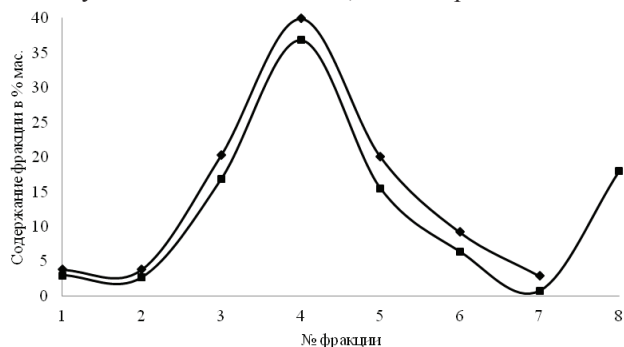

Рис. 2. Результат обработки песка из р. Обь 10 разрядами по 112,5 Дж. $\blacklozenge$ – Исходный песок, $\blacksquare$ – Песок после обработки ВИР. Фракции: № 1 – крупность 5–2,5 мм; № 2 – 2,5–2 мм; № 3 – 2–1 мм; № 4 – 1–0,315 мм; № 5 – 0,315–0,2 мм; № 6 – 0,2–0,1 мм; № 7 – 0,1–0,045 мм; № 8 – менее 0,045 мм

Результаты эксперимента подтверждают гипотезу о измельчении частиц твёрдой фазы в водных суспензиях при напряжении пробоя 30 кВ преимущественно за счёт вторичной кавитации. Незначительное изменение соотношения фракций в исходном песке и в концентрате после электровзрывной обработки (рис. 2) свидетельствует о практически равномерном дроблении с отколом частиц с размером менее 0,045 мм, содержание которых в обработанном песке достигло 18%.

На рис. 3 показана зависимость степени уменьшения содержания фракции 0,16–0,315 мм и увеличения со-

держания фракции менее 0,045 мм от числа разрядов с энергией 112,5 Дж при частоте разрядов 1 Гц.

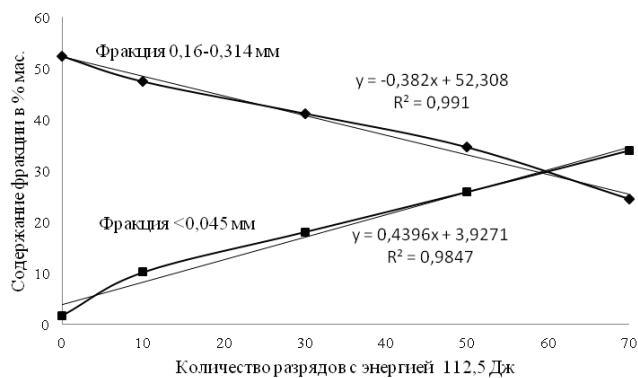

Рис. 3. Изменение содержания фракций 0,16–0,315 и менее 0,045 мм от количества разрядов

Как видно из рис. 3, зависимость уменьшения содержания крупных фракций и увеличения содержания мелких частиц практически линейная.

Таким образом, характер изменения состава фракций после обработки в реакторе суспензий разрядами с энергией менее 120 Дж показывает высокую вероятность измельчения частиц за счет действия кавитации с отколом микрочастиц с поверхности более крупных частиц.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Предложен способ переработки хвостов Артёмовского рудника, который на первой стадии позволяет из 42,13% мас. от исходной массы хвостов получить концентрированный раствор хлоридов кальция и магния, пригодный для производства антигололёдных реагентов. На второй стадии, после электровзрывной обработки – получить концентрат 39,66% мас. от исходной массы, в котором сконцентрировать 95% всего золота, пригодного для извлечения любым известным способом.
2. Установлено, что при электровзрывной обработке с энергией в импульсе менее 120 Дж диспергирование частиц твердой фазы в суспензиях происходит за счет вторичной кавитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордунов В.В., Бордунов С.В., Соболев И.А. Повышение степени извлечения золота из рудного и техногенного сырья путём электрогидравлической обработки. Доклады Второй региональной конференции «Проблемы недропользования на территории Эвенкийского автономного округа» (20–21 апреля 1999 г., г. Красноярск). Красноярск, 1999. С. 123–131.
2. Базуткин В.В., Ларионов В.П., Пинтакс Ю.С. Техника высоких напряжений. Изоляция и перенапряжения в электрических системах. М. : Энергоатомиздат, 1986. 469 с.
3. Бордунов С.В., Кулага И.Г. О перспективах использования электроразрядной технологии для извлечения тонкого золота из рудного и техногенного сырья : сб. докл. и каталог участников Пятой Междунар. конф. «Металлургия-Интехэко-2012». М. : ООО «Интехэко», 2012. С. 124–126.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 28 декабря 2013 г.

COMPLEX PROCESSING OF THE ARTYOMOVSKY MINE DUMP

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 185-189. DOI: 10.17223/15617793/380/31

Bordunov Sergey V. Echtekh (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bvv@academ.tsc.ru

Zhiganov Aleksandr N. Seversk Technological Institute, branch of Moscow Engineering Physics Institute (Seversk, Russian Federation). E-mail: agan@ssti.ru

Kulaga Igor G. Branch 46 CSRI MR RF (Mytishchi, Russian Federation). E-mail: bvv@academ.tsc.ru

Keywords: electroexplosive technology; fine-dispersed gold; concentration; gold concentrate.

This work is part of a multiyear research of production of concentrates with fine-dispersed gold particles of 10–50 mm from the ore and waste rock dumps. Large and very large gold is extracted in Russia. However, the gold of 0.9–0.01 mm fraction makes up about 75% in the lithosphere. In primary ores gold is represented as particles smaller than 0.01 mm, and more than a half of the gold particles have a size of about 1–5 mm. This gold can be in the form of free particles and in the bound form with sulfides mostly. Clay deposits and weathering crusts basically contain subtle gold. As a rule the particles of gold are covered with a dense clay shell in these deposits. They do not lose their rigidity when wet as grains of other minerals. The gold particle in this shell is not easy to extract to the gravity concentrates and leach solutions. No more than 5% of gold particles with a size of 50 microns and less are extracted by modern gravitational methods and therefore it all goes to the mine refuse of factories. The weight of technogenic raw materials in the dumps of many mines is 5–15 million tons with the content of gold of 1–3 gr/t (sometimes more). These materials locate near highways and power transmission lines. They can become an object for processing if technologies for extraction of fine-dispersed gold are available. This article describes the process of production of a fine-dispersed gold concentrate from the Artyomovsky mine dump that contains wastes of gravity concentration of carbonate ores from the mine and weathering crusts with a high content of clay. The process consists of two stages. At the first stage 50% of the dump weight is dissolved in hydrochloric acid. CaCO_3 and $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$ make up 50% of this mass. The solution of CaCl_2 and MgCl_2 is a deicer. The remainder of the solid phase is treated by electrical discharges with the energy of 45–120 J ($\text{m}^2\text{kg/s}^2$). The clay components and, partially, minerals of associated rocks are crushed into particles of less than 45 microns in this process. The water flow directed upward and toward the flow of raw materials; it carries out the fine-dispersed particles of a certain size from the reactor, which is possible due to the water speed. Quartz and clay particles of less than 45 microns and gold particles of less than 10 microns are removed from the reactor with a cross section of 0.09 m^2 at a 3.6 m/min flow rate of water, quartz particles of less than 200 microns and gold particles of 50 microns and less – at a flow rate of 89.2 m/min. Suspension moves to the deposition chamber of fine-dispersed gold in laminar conditions. The rate of sedimentation of identical particles of gold and quartz correlates as 14 : 1 in these conditions. The length of the deposition chamber does not exceed 2000 mm. Thus, a concentrate of fine-dispersed gold was obtained by using electroexplosive technologies and by moving fine-dispersed gold particles into the chamber in laminar deposition conditions.

REFERENCES

1. Bordunov V.V., Bordunov S.V., Sobolev I.A. Povyshenie stepeni izvlecheniya zolota iz rudnogo i tekhnogenennogo syr'ya putem elektrogidravlicheskoj obrabotki. Doklady Vtoroy regional'noy konferentsii «Problemy nedropol'zovaniya na territorii Evenkiyskogo avtonomnogo okruga» (20–21 aprelya 1999 g., g. Krasnoyarsk). Krasnoyarsk, 1999. P. 123-131.
2. Bazutkin V.V., Larionov V.P., Pintaks Yu.S. Tekhnika vysokikh napryazheniy. Izolyatsiya i perenapryazheniya v elektricheskikh sistemakh. M. : Energoatomizdat, 1986. 469 p.
3. Bordunov S.V., Kulaga I.G. O perspektivakh ispol'zovaniya elektrorazryadnoy tekhnologii dlya izvlecheniya tonkogo zolota iz rudnogo i tekhnogenennogo syr'ya : sb. dokl. i katalog uchastnikov pyatoy mezhdunar. konf. «Metallurgiya-Intekheko-2012». M. : OOO «Intekheko», 2012. P. 124-126.

Е.А. Ильичева, Л.М. Корытный, М.В. Павлов

РУСЛОВАЯ СЕТЬ ДЕЛЬТЫ р. СЕЛЕНГИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (№ 11-05-01038-а).

Под современным этапом формирования русловой сети дельты р. Селенги мы подразумеваем период с 1959 по 2012 г. (с момента заполнения Иркутского водохранилища). Строительство Иркутской ГЭС совпало с многоводным периодом, во время которого субэкральная поверхность дельты была затоплена. Затопление и последующая стабилизация базиса эрозии значительно изменили направления стока в дельте. В настоящее время перераспределение русловой сети продолжается. Выделены основные направления стока, даны количественные характеристики и определены сезонные колебания. Основными факторами, управляющими развитием русловой сети и дельты, являются: гидрометеорологические, аккумулятивно-эрозионные процессы, строительство гидротехнических сооружений, современные тектонические движения.

Ключевые слова: дельта; русловая сеть; аллювий; морфогенез.

В формировании геоэкосистем дельт ведущими являются сложные внутренние связи и процессы во флювиальной подсистеме, т.е. в расположенных в руслах и озерно-болотных чашах водных массах. Среди связей главная – тесная гидравлическая и морфологическая взаимозависимость водотоков и водоемов гидрографической сети русла: естественные или антропогенные изменения любого звена этой сети передаются на всю устьевую систему, причем не только вниз и вверх по течению, но и в поперечном направлении – из одних рукавов дельты в другие. Среди процессов главные – динамические, т.е. перераспределение стока по пространству дельты и изменение морфологии и морфометрии водотоков.

Дельта Селенги расположена в пределах Усть-Селенгинской впадины Байкальской рифтовой зоны. С северо-востока впадина ограничена склонами Морского хребта, а с юга – хребтом Хамар-Дабан [1]. Севернее самой дельты расположен залив Провал, а южнее – Посольский Сор. Возраст дельты оценивается в 500 тыс. лет [2, 3]. Устьевая область р. Селенги относится к открытому типу с устьевым взморьем и лопастной дельтой выдвижения. Дельта сформирована длительным взаимодействием системы «оз. Байкал – р. Селенга» и представляет собой уникальную аккумулятивную равнину с рядом специфических природных характеристик. В экосистеме дельты Селенги фильтруется водный поток, поступающий со всего бассейна. Речной сток составляет около половины притока в озеро. Распределение стока по пространству дельты неравномерно, а также резко различается по сезонам. Общее направление стока носит унаследованный характер. Процессы современного дельтообразования и динамики гидрографической сети происходят в условиях зарегулированности приемного водоема.

В режиме дельты выделяется сезон ее значительного затопления в многоводный период с апреля по октябрь, обусловленный подъемом уровня оз. Байкал и половодно-паводочным стоком р. Селенги. Вторая особенность современных процессов затопления – общий подъем уровня Байкала и зарегулированность колебаний с амплитудой до 1 м после строительства Иркутской ГЭС в конце 1950-х гг.

Окончание строительства ГЭС в 1959 г. совпало с многоводным периодом и обусловило катастрофически быстрый подъем уровня Байкала, когда в сутки он достигал 70 см [4]. К 1962 г. уровень установился на отметке 266 см над «нулем» графика. Максимальные подъемы уровня отмечались вплоть до 1972 г. Этот продолжительный период внес значительный вклад в переформирование берегов оз. Байкал и перестройку речной сети внутри дельты р. Селенги. В результате длительного стояния высоких уровней Байкала и высокого уровня зеркала грунтовых вод в дельте Селенги произошло затопление больших площадей субэкральной ее части. По новейшим данным, в этот период уровень достигал в некоторые моменты абсолютных отметок 459–460 м над ур.м., что соответствует полному затоплению дельты вплоть до главного узла бифуркации в районе д. Малое Колосово [5–9].

На современном этапе базис эрозии для проток дельты изменяется в течение года с амплитудой колебаний в пределах до 1 м и играет незначительную роль в гидроморфогенезе дельты. Таким образом, формирование современной русловой сети – плановое положение проток, появление новых и исчезновение ранее существовавших проток, врезание и обмеление русел, а также многие другие гидролого-морфологические процессы и явления связаны со следующими главнейшими факторами формирования дельты: гидрометеорологические условия, подстилающие породы, хозяйственная деятельность по укреплению берегов и современные тектонические движения. Дельтоформирующая роль перечисленных факторов различна в отдельных областях дельты р. Селенги, и некоторые зависимы от сезонов.

Средний многолетний расход воды за период инструментальных наблюдений составляет 919 м³/с. Со времени стабилизации уровня Байкала отмечены периоды значительной водности в 1971, 1973, 1990, 1993 и 1998 гг.; максимальный сток в вершине дельты составлял 4 140 м³/с в 1973 г. Одно из последних событий резкого повышения уровня в протоках дельты произо-

шло в летний паводок 2012 г. Обильные осадки в верхней и средней частях бассейна в этот период вызвали повышение уровня воды в протоках дельты до 10 см в сутки и стабилизировались на 1,5–2 м выше средне-многолетнего. Летом 2012 г. протоки в среднем течении вышли из берегов, периферийные участки дельты затопились.

На основе анализа разновременного картографического материала мы получили данные об изменении положения протоков в плане, а также мощности накопленного руслового аллювия в дельте (рис. 1, 2). В расчете учитывались абсолютные отметки карт масштаба 1: 100 000, изданных по съемкам 1956, 1986 и 1998 гг. Проводится сравнение картографических данных с современными крупномасштабными космоснимками. В дополнение к камеральным данным с 2003–2012 гг. ежегодно ведутся комплексные полевые исследования. Экспериментальные работы на сети гидрологических створов и точек наблюдений включают привязку створов, русловые съемки, гидрометрические измерения, наблюдения за русловой эрозией.

Гипсометрический профиль проведен по наиболее широкой части дельты и охватывает все основные протоки ниже узла бифуркации.

В результате расчетов стока наносов за рассматриваемый период и объемов рыхлого материала, полученных при сравнении абсолютных отметок поверхности дельты по гипсометрическим моделям на различные временные срезы в прошлом, мы имеем близкие значения накопления аллювия: 5,5 и 5,1 км³ в год соответственно. Накопление современного аллювия происходит в центральной части дельты. Основные объемы были созданы в период с 1986 по 1998 г. К 1998 г. субаэральная поверхность дельты приобрела наибольшую расчлененность.

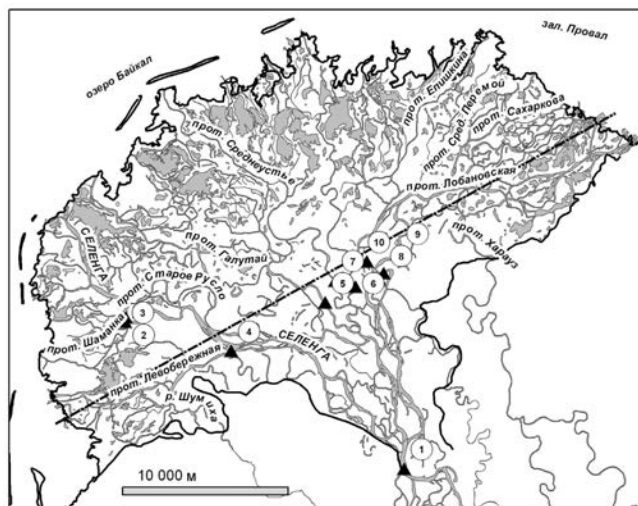

Рис. 1. Дельта р. Селенги. Пунктиром показан гипсометрический профиль; цифрами обозначены основные мониторинговые гидрометрические створы: 1 – вершина дельты – с. Малое Колесово; 2 – протока Шаманка; 3 – протока Харауз; 4 – протока Левобережная; 5 – протока Галутай; 6 – протока Колпинная; 7 – протока Среднеустье; 8 – протока Манзар; 9 – протока Дологан; 10 – протока Лобановская

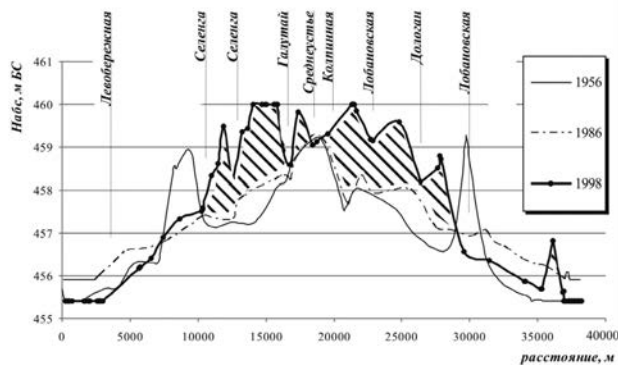

Рис. 2. Поперечный гипсометрический профиль. Штриховкой показана мощность накопленного аллювия с 1986 по 1998 г.

Как было сказано выше, перестройка русловой сети дельты и наибольшее накопление толщ аллювиальных отложений происходят в периоды значительной водности. Одним из свидетельств тому служит сравнение поперечных профилей в вершине дельты (створ Малое Колесово) за относительно небольшой промежуток времени (рис. 3). В паводочный период 2012 г. подъем уровня воды составил более 1,5 м в сравнении с измерениями 2011 г. За прошедшее время мощность накопленного аллювия составила 1,2 м.

Береговая эрозия в паводок достигала 2,5 м в сутки. Кроме того, в центральной части дельты береговые разрезы представлены слоистыми песками, литологически определяемыми как аллювиально-дельтовые. Эксклюзивная особенность этих отложений – это присутствие палеопочвенных горизонтов, перекрытых 1,5-метровым слоем аллювиальных песков под современным почвенным горизонтом. Накопление аллювиального слоя мы привязываем к выходу вод протоков дельты на пойму в периоды ее затопления в недавнем прошлом.

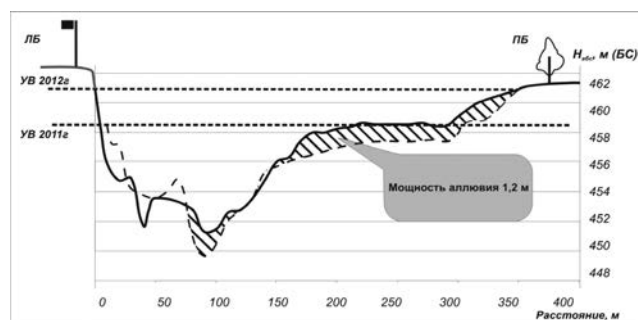

Рис. 3. Сравнение поперечных профилей на створе Малое Колесово

С учетом положения и динамики формирования береговой линии побережья, основных гидроморфологических элементов за период зарегулированности проведены границы морфодинамических областей. Выделены три сектора дельты: Лобановский, Среднеустьевский и Селенгинский, названные по крупным протокам дельты [10]. Определены тенденции развития русловых процессов и динамика распределения стока воды и наносов по русловой сети дельты.

Все протоки извилистые. Этому способствуют наличие пространства для блуждания и легкоразмываемые грунты. Ширина пояса меандрирования в привершинной части составляет 10 км, в северной (Лобановский сектор) – 7,5–10 км и в южной (Селенгинский сектор) – 2–3,5 км [11].

Основные факторы формирования тела дельты – поступление наносов из речного стока и их аккумуляция. Выделены три главных направления стока: Лобановское, Среднеустьевское и Селенгинское. Максимальный сток вещества в настоящее время перераспределяется из Селенгинского сектора к Лобановскому и составляет 35 и 45% соответственно; до 20% стока проходит по русловой сети проток Среднеустье и Колпинная. Распределение взвешенных наносов в процентном отношении коррелирует с водностью секторов и составляет 27, 21 и 52% (рис. 4). Отмечена связь распределения стока с сезонами.

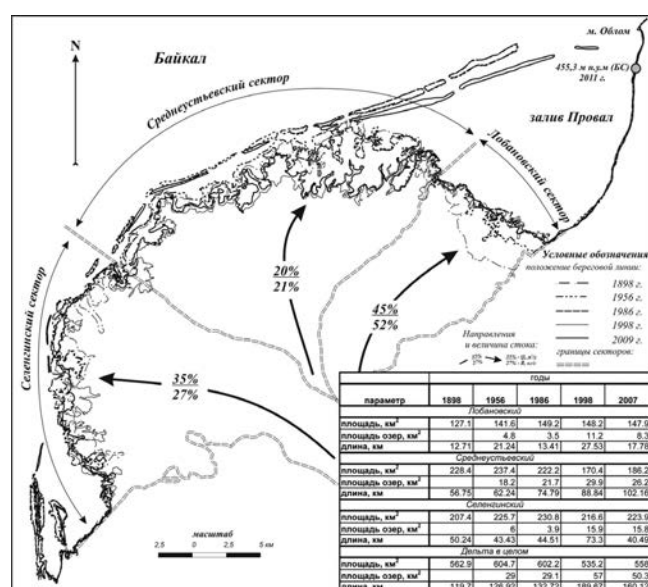

Рис. 4. Гидролого-морфологическая схема дельты

Лобановский сектор включает в себя зону рельефообразования одноименной протоки. Граница сектора простирается по обрамлению дельты от материкового побережья у с. Дубинино до устья протоки Средний Перемой. В этом секторе исторически продолжается выдвигание дельты, скорость роста составляет 30–40 м/год от границ естественного положения береговой линии до современных (2009 г.). Проявляется унаследованность развития береговой линии, выражающаяся в плановой спрямленности очертаний, что соответствует положению предполагаемого сейсмогенного сброса. Лобановский сектор приурочен к зоне сеймотектонических опусканий с эпицентрами землетрясений [12]. Длина береговой линии не претерпевает существенных изменений на фоне общего выдвигания. Лимитирующим фактором развития береговой линии по Лобановскому сектору можно считать современные разрывные нарушения. Площадь сектора увеличилась с 127 до 148 км², происходит незначительное приращение площади озёр. Лобановский сектор с 2009 г. находится в стадии акти-

визации, что выражается в удлинении протоков, увеличении уклона, а в устьевой области отмечается врезание русла [13].

За весь период наблюдений протоки Средний и Новый Перемой, протока Сахаркова обмелели, изменили свою конфигурацию; произошло слияние протоки Лобановской с протокой Дологан, ранее имевшей собственное важное значение в распределении стока по сектору.

Внешняя граница Среднеустьевского сектора располагается от устья протоки Средний Перемой до устья протоки Галутай (по правому берегу). В тектоническом плане сектор относится к отрицательной морфоструктуре с резкой неотектонической дифференциацией кристаллического фундамента, мощностью кайнозойских отложений до 6 тыс. м [12]. Площадь сектора уменьшается с 228 до 186 км² при увеличении длины береговой линии. Уменьшение площади происходит за счет подтопления фронта дельты и образования внутريدельтовых озёр, площадь которых возросла с 18 до 26 км². По всему обрамлению дельты преобладают отрицательные плановые смещения береговой линии с максимумом 6,5 км.

Ранее сектор рассматривался как область динамического равновесия [14], однако по результатам наших исследований выявлена отрицательная динамика гипсометрических отметок поверхности в периферийной части сектора, видимо, связанная с нестабильной сеймотектонической обстановкой. Сектор характеризуется максимальной амплитудой колебания абсолютных отметок в районе бифуркации, где сохранились останцы высокой террасы (460 м над ур.м. – 458 м над ур.м.) и минимальными отметками в устьях протоков и затопленных территорий. В Среднеустьевском секторе длины протоков уменьшаются, уклон практически стабилен, а в устьевой области преобладает аккумуляция, что приводит к заилению самих протоков и вновь образованных лиманов.

Селенгинский сектор занимает участок дельты, формирующийся за счет аккумуляции отложений, выносимых селенгинской русловой сетью, и ограничен береговой линией от материкового побережья в районе с. Истомино до устья протоки Галутай. Сектор характеризуется положительной динамикой береговой линии практически на всем протяжении. Максимальное смещение береговой линии наблюдается на участке в междуречье протоков Левобережной и Основного русла (Харауза), где прирост дельты составил 2 км за 100 лет. Средняя скорость выдвигания достигает 10–20 м/год. За счет выдвигания береговой линии сектора увеличивается его площадь с 207 км² в 1898 г. до 224 км² в настоящее время. Длина береговой линии сокращается за счет заполнения изрезанных участков наносами. В секторе произошло существенное изменение гидрографической сети: перераспределение стока, возникновение новых озёр и увеличение их общей площади. Динамика русловой сети выражается уменьшением транзита по Основному руслу с перехватом стока в новообразованную протоку Левобережная и обмелением судоходной протоки Харауз, утратил свое значение и участок протоки, ныне названной Старая Борозда.

Современное развитие дельты сопровождается изменением параметров русловой сети, перераспределением стока, как водного, так и стока наносов. Мобильность русловой сети наиболее ярко проявляется в период прохождения высоких вод и характерна для многоводных проток, боковая эрозия в большей степени фиксируется в протоках Лобановского сектора. В Селенгинском секторе произошла значительная перестройка русловой сети, обусловленная возникновением протоки Левобережная и обводнением южной части дельты. Наиболее интенсивно размываются берега вершины дельты (более 70 м за последние 10 лет) и проток Лобановской, Дологана (более 3 м/год).

В Среднеустьевском секторе изменения русловой сети, вероятно, обусловлены современным тектоническим фактором, что выражается в затоплении периферийной части сектора.

Исследования в дельте реки Селенги, в первую очередь экспериментальные, расширяют рамки познания механизмов формирования структуры гидрографической сети дельты и причины ее динамических трансформаций, что важно для понимания функционирования ее как геоэкологического и биологического фильтра. Комплексное изучение дельты р. Селенги продолжается в рамках исследования гидролого-геоморфологических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экологически ориентированное планирование землепользование в Байкальском регионе*. Район дельты р. Селенги. Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. 149 с.
2. Зорин Л.В. Формирование дельты Селенги и образование залива Провал // Ученые записки МГУ. Сер. Геоморфол. М., 1956. Вып. 182. С. 193–196.
3. Рогозин А.А. Береговая зона Байкала и Хубсугула. Морфология, динамика и история развития. Новосибирск : Наука, 1993. 168 с.
4. Динамика берегов озера Байкал при новом уровне режиме. М. : Наука, 1976. 88 с.
5. Атлас озера Байкал. Составлен Гидрографической экспедицией под начальством полковника Ф.К. Дриженко. СПб. : Издание Главного гидрографического управления, 1902.
6. Атлас озера Байкал. Прибрежная часть. РСФСР. Министерство Речного Флота Восточно-Сибирское бассейновое управление пути. Иркутск, 1959.
7. Лоция и физико-географический очерк озера Байкал / под ред. Ф.К. Дриженко. СПб. : Издание Главного гидрографического управления, 1898. 443 с.
8. Лоцманская карта реки Селенги от устья до 424 км. СССР Министерство речного флота «ГЛАВВОСТОК». Восточно-Сибирское Бассейновое управление пути. Иркутск, 1949.
9. Лоцманская карта реки Селенги от устья до селения Усть-Кяхта. СССР. Министерство речного флота «ГЛАВВОСТОК». Восточно-Сибирское Бассейновое управление пути. Иркутск, 1986.
10. Ильичёва Е.А., Павлов М.В. Унаследованность береговой линии дельты реки Селенги // Материалы XIV совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2011. С. 426–428.
11. Ильичева Е.А. Гидрографическая сеть дельты р. Селенги в период искусственного регулирования уровня режима озера Байкал // Материалы Третьей Всероссийской конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы воды и водных ресурсов». Барнаул, 2010. С. 382–387.
12. Сейсмогеология и детальное сейсмическое районирование Прибайкалья. Новосибирск : Наука, 1981. С. 102–128.
13. Ильичёва Е.А., Амосова И.Ю. Эрозионно-аккумулятивные процессы основных русловых потоков дельты р. Селенги // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра геогр. наук, проф. Льва Николаевича Иванова, «Рельеф и экзогенные процессы гор». Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2011. С. 85–87.
14. Богоявленский Б.А. Моделирование природы озёрного края селенгинской дельты, её динамика и прогноз развития // История развития речных долин и проблемы мелиорации земель. Новосибирск : Наука, 1979. С. 105–128.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 25 декабря 2013 г.

THE RIVER NETWORK OF THE SELENGA DELTA AT PRESENT

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 190–194. DOI: 10.17223/15617793/380/32

Ilyicheva Yelena A., Korytny Leonid M. V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lenail3663@mail.ru / kor@irigs.irk.ru

Pavlov Maksim V. Geospectr (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: maksimpavlov@rambler.ru

Keywords: delta; fluvial network; alluvium; morphogenesis.

The Selenga Delta is located in Eastern Baikal within the Ust-Selenga depression of the Baikal rift zone. Its estimated age is 500 thousand years. The mouth area of the Selenga is of the open-type with delta shore and lobate delta protrusion. The delta was formed by long-term interaction of the system «Lake Baikal – the Selenga River» and is a unique accumulative plain with a number of specific natural features. The ecosystem of the delta of the Selenga filters water stream coming from the river basin. A comparison of multi-temporal cartographic material (sailing directions of the Selenga River and Lake Baikal topographic survey of 1908, 1949, 1986, 2001; 1:100 000 scale topographic maps of 1956, 1986, 1998; and modern satellite images) was made. Since 2003, annual field researches have been carried out. Experimental work on the network of hydraulic sections and observation points include section binding, riverbed survey, hydrometric measurements, riverbed erosion observations, geological and geomorphological work. The main factors in the formation of the delta at present are meteorological conditions, bedrock, economic activities related to bank protection, and modern tectonic movements. The role of these processes is different in separate areas of the Selenga Delta. The completed construction of the Irkutsk hydroelectric power station in 1959 coincided with a high-water period and led to a catastrophic rapid rising of Lake Baikal. By 1962, the level was 266 cm above zero of the graph. The peak level was observed till 1972. This long period significantly contributed to the re-formation of the shores of Lake Baikal and the restructuring of the river network in the Selenga River delta. Prolonged high levels of Lake Baikal and the high level of the

water table in the delta of the Selenga River resulted in the flooding of large areas of sub-aerial part of the delta, formation of new channels, and redistribution of the runoff. At the present stage the annual amplitude fluctuations in Lake Baikal are within the range of 1 m, which is limited by Irkutsk power plant. The morphogenesis of the mouth area is accompanied by changes in the channel network parameters, redistribution of the water and sediment runoff. Changes of the channel network are most clearly manifested in the high water period; it is typical for high-water flow distributaries. Lateral erosion largely occurs in the Lobanovsky sector. The changes of the channel network and the altitude points of the sub-aerial surface of the delta are most clearly shown in hypsometric models designed according to the data of the topographic maps of different periods. By comparing hypsometric models we obtained the accumulation and erosion processes in the delta. At the present stage, the levels up to 459 meters above sea level move into the central part of the delta. The boundaries of the morphodynamic areas were allocated by the dynamics of the shoreline and by various hydromorphological elements. Three sectors of the Delta were identified: Lobanovsky, Sredneustevsky and Selenginsky, named after the large branches of the delta. The tendencies of development of the riverbed processes and the dynamics of the distribution of water flow and sediment in the channel network of the delta were obtained.

REFERENCES

1. Ekologicheskiy orientirovannoye planirovaniye zemlepol'zovaniya v Baykal'skom regione. Rayon del'ty r. Selengi. Irkutsk : izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2002. 149 p.
2. Zorin L.V. Formirovaniye del'ty Selengi i obrazovaniye zaliva Proval. *Uchenye zapiski MGU. Ser. Geomorfol.* M., 1956. Vyp. 182. P. 193-196.
3. Rogozin A.A. Beregovaya zona Baykala i Khubsugula. Morfologiya, dinamika i istoriya razvitiya. Novosibirsk : Nauka, 1993. 168 p.
4. Dinamika beregov ozera Baykal pri novom urovennom rezhime. M. : Nauka, 1976. 88 p.
5. Atlas ozera Baykal. Sostavlennyye gidrograficheskoy ekspeditsiei pod nachal'stvom polkovnika F.K. Drizhenko. SPb. : Izdaniye Glavnogo gidrograficheskogo upravleniya, 1902.
6. Atlas ozera Baykal. Pribrezhnaya chast'. RSFSR. Ministerstvo Rechnogo Flota Vostochno-Sibirskoye basseynovoye upravleniye puti. Irkutsk, 1959.
7. Lotsiya i fiziko-geograficheskiy ocherk ozera Baykal. Pod red. F.K. Drizhenko. SPb. : Izdaniye Glavnogo gidrograficheskogo upravleniya, 1898. 443 p.
8. Lotsmanskaya karta reki Selengi ot ust'ya do 424 km. SSSR Ministerstvo rechnogo flota "GLAVVOSTOK". Vostochno-Sibirskoye Basseynovoye upravleniye puti. Irkutsk, 1949.
9. Lotsmanskaya karta reki Selengi ot ust'ya do seleniya Ust'-Kyakhta. SSSR. Ministerstvo rechnogo flota "GLAVVOSTOK". Vostochno-Sibirskoye Basseynovoye upravleniye puti. Irkutsk, 1986.
10. Il'icheva E.A., Pavlov M.V. Unasledovannost' beregovoy linii del'ty reki Selengi. *Materialy XIV soveshchaniya geografov Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Vladivostok : Dal'nauka, 2011. P. 426-428.
11. Il'icheva E.A. Gidrograficheskaya set' del'ty r. Selengi v period iskusstvennogo regulirovaniya urovennogo rezhima ozera Baykal. *Materialy Tret'ey vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Fundamental'nye problemy vody i vodnykh resursov"*. Barnaul, 2010. P. 382-387.
12. Seysmogeologiya i detal'noye seysmicheskoye rayonirovaniye Pribaykal'ya. Novosibirsk : Nauka, 1981. P. 102-128.
13. Il'icheva E.A., Amosova I.Yu. Eroziionno-akkumulyativnyye protsessy osnovnykh ruslovnykh potokov del'ty r. Selengi. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra geogr. nauk, prof. L'va Nikolaevicha Ivanovskogo, «Rel'ef i ekzogennyye protsessy gor»*. Irkutsk : izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2011. P. 85-87.
14. Bogoyavlenskiy B.A. Modelirovaniye prirody ozernogo kraya selenginskoy del'ty, ee dinamika i prognoz razvitiya. Istoriya razvitiya rechnykh dolin i problemy melioratsii zemel'. Novosibirsk : Nauka, 1979. P. 105-128.

С.В. Лещинский, Д.Е. Лунёва

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МЕСТОНаХОЖДЕНИЙ В ДОЛИНЕ р. АНГАРЫ (ТЕРРИТОРИЯ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОДОХРАНИЛИЩЕМ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС)

Исследования проведены на средства Богучанской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), а также при поддержке РФФИ (гранты № 09-04-00663 и 12-04-00377).

Проведено детальное геологическое исследование археологических местонахождений в долине р. Ангары (территория затопления водохранилищем Богучанской ГЭС). Полученные результаты показали, что изученные разрезы в основном представлены аллювием, эоловыми отложениями, часто слагающими дюны, и гравитационными образованиями – солифлюкционными, дефлюкционными, делювием, оползнями, осыпями и обвалами. Нередко артефакты залегают среди развалов глыб – свидетельств крупных сейсмогенных обвалов, сошедших на пойму или надпойменную террасу. Почти все местонахождения приурочены к I и II (верхняя часть) надпойменным террасам Ангары, что определяет голоценовый возраст большинства культурных слоев. Широкое распространение II надпойменной террасы позволяет считать основание ее субэдральной толщи перспективным для поиска каменных индустрий финала позднего неоплейстоцена. Высокая неотектоническая активность и геологическое строение района определяют благоприятность геохимических ландшафтов, что может объяснять многочисленность археологических памятников и одновременное отсутствие крупных местонахождений плейстоценовой мегафауны, которая могла быть рассредоточена относительно равномерно.

Ключевые слова: Среднесибирское плоскогорье; Нижнее Приангарье; надпойменные террасы; археологические местонахождения; геологические исследования; стратиграфия; поздний неоплейстоцен; голоцен.

Нижнее Приангарье всегда привлекало внимание исследователей на предмет геологических изысканий. Заметный вклад в изучение истории развития района внесли С.В. Обручев, Ф.М. Гаврилов, В.В. Шарков, Н.П. Клиновицкий, Г.Ф. Лунгерсгаузен, Т.К. Позднякова, Ю.Н. Занин, Э.И. Равский и др. [1]. Наиболее масштабные работы проходили здесь в 1950–1980-е гг. и, главным образом, были направлены на поиски и разведку полезных ископаемых. В первую очередь, геологи проявляли интерес к докембрийским и палеозойским образованиям. По этой причине недостаточно изучены четвертичные отложения, в том числе слагающие долинный комплекс. Строение Ангарских террас наиболее полно охарактеризовано Э.И. Равским [2], но слабый интерес к плейстоцен-голоценовым отложениям привел к тому, что остались открытыми вопросы, касающиеся возраста, количества, порядковых номеров, относительных высот надпойменных террас (н.т.) и фациально-генетической интерпретации слагающих их осадков.

Тема четвертичной геологии данной территории стала актуальна из-за широкомасштабных работ Богучанской археологической экспедиции на участке затопления долины р. Ангары водохранилищем Богучанской ГЭС (БоГЭС). Таким образом, стали возможны комплексные геоархеологические и палеонтолого-стратиграфические исследования. В полевые сезоны 2009–2012 гг. были проведены работы на археологических объектах – Деревня Пашина, Игренькина шивера, Большая Пеленда 1 и 2, Медвежья шивера, Медвежий утёс, Косой бык, Усть-Кова 1, Копанир, Шивера Проспихино, Паново, Толстый мыс, Окуневка, Согра, Чирда, Хедугин ручей, Колпаков ручей, Камешок, Сергушкин 1 и некоторых других, расположенных на 360-километровом участке

выше по течению от плотины БоГЭС (Кежемский район Красноярского края; рис. 1).

Главной целью исследований являлась фациально-генетическая интерпретация отложений, вмещающих культурные горизонты археологических памятников, а также обоснование их стратиграфического и геоморфологического положения. Основная задача полевых работ заключалась в описании разрезов (более 30), вскрытых археологическими раскопами, а также зачистками и шурфами с одновременным отбором образцов для комплексного лабораторного изучения. В зону затопления водохранилищем, главным образом, попали низкие (I и II) н.т., строение которых на указанном участке довольно однообразно. Большей частью изученные разрезы представлены алевроито-песчаными слоями с примесью галечно-гравийного материала. Часто отложения включают щебень и глыбы палеозойских (песчаники, алевролиты и др.) и мезозойских пород (долериты, песчаники и др.), коренные выходы которых широко представлены в изучаемом районе. В отдельных случаях наблюдается высокая степень карбонатизации осадков.

Результаты показывают приуроченность почти всех указанных местонахождений к I и II н.т. Ангары. Нередко артефакты залегают среди глыбовых развалов – свидетельств крупных обвалов и / или оползней, сошедших на пойму или н.т. (Большая Пеленда 1 и 2, Игренькина шивера и др.). По-видимому, большинство из них имеют сейсмическую природу и, вероятно, близкий возраст. Иногда культурные горизонты расположены на более высоких геоморфологических уровнях (Косой Бык).

Детальные описания разрезов и геоморфологический анализ позволили установить, что в исследованном районе относительная высота I н.т. составляет ~ 7–9 м. Показательные разрезы верхней части данного геологическо-

го тела представлены на местонахождениях Деревня Пашина, Большая Пеленда 1 и Игренькина шивера (рис. 2),

расположенных на левом берегу р. Ангары. Ниже приводятся их сокращенные описания (сверху вниз).

Рис. 1. Карта территории исследований. Местонахождения: 1 – группа памятников Шивера Проспихино; 2 – Деревня Пашина; 3 – Косой Бык; 4 – Большая Пеленда 1, 2 и Медвежий утес; 5 – Медвежья шивера; 6 – Усть-Кова; 7 – Окуневка; 8 – Камешок; 9 – Колпаков ручей; 10 – Игренькина шивера; 11 – Копанир; 12 – Хедугин ручей; 13 – Чирида; 14 – Толстый мыс; 15 – Ручей Смолокурный; 16 – Паново; 17 – Сергушкин 1

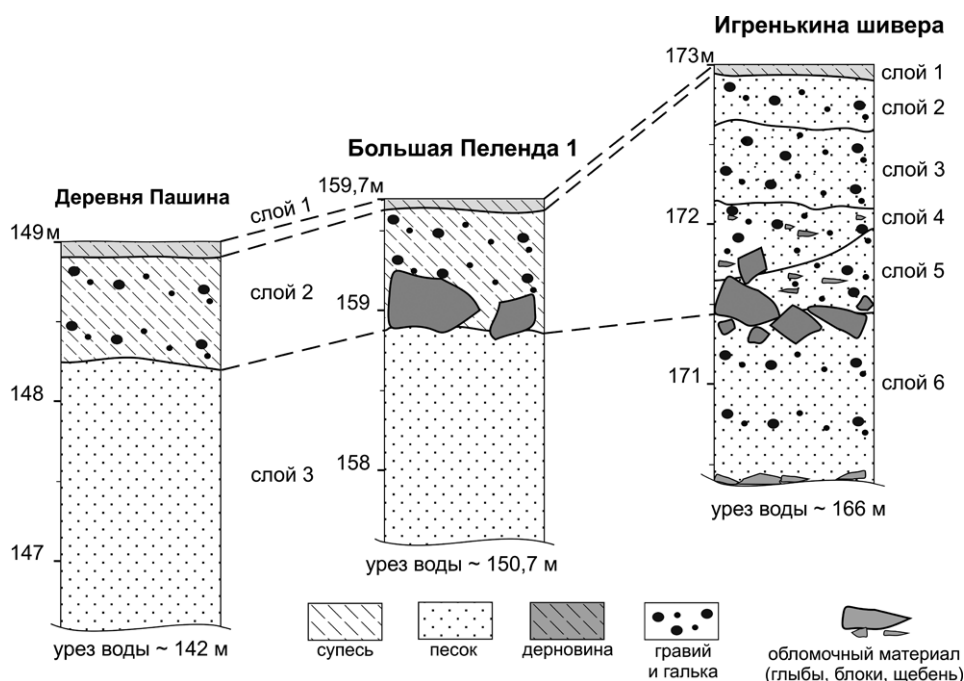

Рис. 2. Корреляция верхней части некоторых показательных разрезов I н.т. Ангары

Деревня Пашина (58° 31' 37,8" с.ш., 99° 36' 28,41" в.д.). Описание по восточной стенке раскопа, расположенного непосредственно ниже устья р. Верхняя Кежма. Средняя относительная высота н.т. – 7 м. Абсолютная высота уреза воды ~ 142 м.

1. Дерновина и буро-коричневая супесь с обилием корней современных растений. Истинная мощность (и.м.) ~ 0,1 м. Подошва неровная, нечеткая (постепенный переход к подстилающим отложениям).

2. Буро-коричневая (с темно-серым оттенком) плотная пылеватая супесь. Текстура пятнистая. Отмечаются включения древесного угля (до 1 см) и гравия, реже щебня и гальки (до 8 см). Отложения, по-видимому, сформированные в пойменных условиях, в дальнейшем были подвергнуты сильному антропогенному воздей-

ствию (следы хозяйственных построек, перекопы и др.). И.м. ~ 0,6–0,7 м. Подошва нечеткая и неровная (постепенный переход к подстилающим отложениям).

3. Серо-коричневая массивная супесь (и.м. ~ 0,7 м) подстилается тонкослойчатыми и линзовидными отложениями, представленными средне-, мелкозернистым коричневым песком, коричневым суглинком и коричневатой-серой глиной (с включениями растительного детрита). На уровне ~ 0,8 м ниже кровли встречаются небольшие линзы (и.м. ~ 2–5 см) средне-, крупнозернистого песка с примесью дресвы. Неровные, «рваные» границы линз, возможно, указывают на седиментацию более грубого материала в период ледохода. Характеристика отложений указывает на пойменный генезис. Видимая мощность (в.м.) более 1,6 м.

Большая Пеленда 1 ($58^{\circ}19'14,91''$ с.ш., $100^{\circ}8'25,16''$ в.д.). Раскоп выше устья одноименного притока. Относительная высота н.т. ~ 9 м. Абсолютная высота уреза воды ~ 150,7 м.

1. Дерновина и серо-черная супесь (современный почвенный горизонт). И.м. 0,05–0,1 м. Подошва неровная, но четкая. Отложения, по-видимому, с перерывом залегают на нижележащих осадках.

2. Черно-серая гумусированная супесь, переходящая к основанию слоя в мелкозернистый песок буро-коричневого цвета. Отмечаются гравий и галька (до 4 см), а также каменные артефакты и керамика. Для верхней части (0,2 м) характерны включения древесного угля. Состав и текстурные особенности отложений говорят о преобразовании пойменных алевритов и песков в элювиальных условиях. И.м. ~ 0,6–0,75 м. Отложения перекрывают нижележащие осадки без видимого перерыва.

3. Желто-коричневый (до рыжего) мелкозернистый глинистый песок. Текстура в целом тонкослойчатая, линзовидная – указывает на формирование основной массы отложений в пойме или на прирусловой отмели. Хаотично встречаются редкие каменные артефакты. К кровле приурочено скопление глыб долерита (размеры от $0,3 \times 0,4 \times 0,5$ м до $1 \times 1 \times 1,5$ м), которые полностью перекрыты вышележащими отложениями или частично выходят на дневную поверхность (рис. 3).

Рис. 3. Глыбы долерита в верхней части разреза местонахождения Большая Пеленда 1 указывают на сейсмообвал

Грубообломочный материал, вероятно, указывает на сейсмообвал, характерные признаки которого: размеры обломков, отсутствие сортировки, различная степень выветривания поверхностей глыб и их дробление (рис. 4)¹. В.м. слоя более 1,3 м.

Необходимо отметить, что ниже по течению, в непосредственной близости от данного участка (на протяжении нескольких километров) наблюдается крупный

сейсмообвал / оползень, геоморфологические признаки которого четко читаются в рельефе. Экспонирование многих глыб на дневной поверхности и незначительная задернованность обвально-оползневого тела (рис. 5), скорее всего, указывают на более молодой возраст сейсмического события, чем таковой, выявленный в разрезе Большая Пеленда 1.

Рис. 4. Дробление глыб в результате срыва со скального основания, соударений в каменной сейсмолавине и падения (три блока разбившейся глыбы захоронены на месте падения). Местонахождение Большая Пеленда 1

Рис. 5. Крупный сейсмообвал / оползень ниже по течению от устья р. Большая Пеленда

Игренькина шивера ($58^{\circ}49'5,81''$ с.ш., $100^{\circ}57'42,28''$ в.д.; рис. 6). Описание по южной стенке раскопа. Относительная высота н.т. ~ 7 м. Абсолютная высота уреза воды ~ 166 м.

1. Современный дерново-почвенный слой (с большой долей песка) элювиального генезиса. И.м. 0,05–0,1 м.

2. Светлый коричневатый-серый мелкозернистый песок с кремнистым гравием и галькой (до 7 см), а также дресвой и щебнем изверженных пород (долеритов и др.). Наблюдается 2–4 невыдержанных субгоризонтальных прослоя (и.м. по 2–5 см, редко до 10 см) коричневатого цвета – прокалы (чаще в кровле) – свидетельство деятельности человека или лесных пожаров. Местами прослой перемыты и по простиранию переходят

в серию волнистых линз черного цвета (из-за большого содержания древесного угля). С данным слоем связаны основные находки артефактов (до 20 см и более) из роговиков (?), кремненных аргиллитов и алевролитов. И.м. 0,15–0,7 м при среднем значении в раскопе ~ 0,3 м. По-видимому, отложения сформированы в пойме с участием склоновых процессов. Подошва нечеткая, неровная (с западинами), но ясная, хорошо фиксируется по прослою и линзам с древесным углем. Взаимоотношение с подстилающими осадками, вероятно, согласное.

3. Светло-коричневый мелкозернистый песок с примесью гравия и мелкой гальки, дресвы и щебня долеритов. Главное отличие от перекрывающих отложений – красноватый оттенок и большое количество древесного угля как кусочками (до 10 см), так и в виде серо-черных и коричневатых пятен. Характеристика осадков указывает на пойменный и коллювиальный генезис. И.м. 0,15–0,5 м (в единичных случаях до 0,8 м). Подошва слоя нечеткая, неровная. Отложения в основном залегают согласно.

4. Светлый коричневатый-серый мелкозернистый песок с линзочками гравия и гальки, хаотичными включениями дресвы и щебня долеритов. Иногда в подошве встречаются крупные долеритовые блоки (до 1 × 0,8 × 0,5 м). На поверхности напластования – редкие находки костей крупных млекопитающих. Слой выклинивается в направлении тылового шва. Генезис отложений аналогичен перекрывающим слоям. И.м. от 0 до 0,25–0,4 м (в среднем 0,3 м). Подошва нечеткая, но ясная – отложения залегают без видимого перерыва.

5. Щебнисто-дресвяные отложения (черно-серые, пестрые) с включениями хорошо окатанных галек (до 5 см) и кусочков древесного угля (до 2 см и более). Дресва и щебень – очень выветренные долериты, галька – кварцитовая. Также встречаются артефакты (до 15 см) из светло-серого кремненного аргиллита, роговиков и т.д. Сортировка отсутствует. Отложения в сторону противоположную тыловому шву (к реке) уменьшаются в мощности и, вероятно, выклиниваются. Поэтому и.м. от 0,5 до 0,1 м (в средней части стенки 0,4–0,25 м). Данные факты свидетельствуют о сложном генезисе отложений, при формировании которых преобладали склоновые процессы при подчиненной роли речной деятельности. К поверхности напластования с подстилающими образованиями приурочено множество крупных глыб долеритов (до 2 × 1,5 × 1,5 м и более) – свидетельство сейсмообвала (рис. 6). Подошва неровная, не всегда четкая и ясная – падает к реке под углом до 10–15°. Отложения, возможно, залегают с некоторым перерывом.

6. Светлый коричневатый-серый мелкозернистый песок с гравием и галькой. Отличие от слоев 2 и 4 в периодических линзах и невыдержанных прослоях (и.м. до 10 см) дресвы долеритов, которые залегают под небольшим углом к реке или (реже) горизонтально. Также встречаются небольшие линзочки с примесью древесного угля. К кровле приурочены глыбы долеритов – сейсмообвал (возможно, тот же, что у поверхности напластования между слоем 5). Основание слоя (до 0,1–0,4 м от подошвы) сильно карбонатизировано. Данная характеристи-

ка указывает на осадконакопление в условиях поймы, на которую периодически выносился коллювиальный материал. В.м. более 0,9 м. Подошва четко прослеживается по подстилающим глыбам и щебню, падающим к реке под углом ~ 30–35° и, вероятно, отражающим склон древней осыпи (рис. 6, 7).

Рис. 6. Местонахождение Игренькина шивера. На переднем плане – глыбы сейсмообвальных отложений, приуроченные к поверхности напластования между слоями 5 и 6. Стрелкой показана древняя осыпь, вскрытая в южной стенке раскопа

Рис. 7. В основании видимого разреза вскрывается склон древней щебнисто-глыбовой осыпи (местонахождение Игренькина шивера)

Переход к вышележащему геоморфологическому уровню обычно легко читается в рельефе по выраженному уступу (4–5 м). Относительная высота П н.т. находится в широком диапазоне 12–20 м² при средних значениях около 14 м. Такой разброс объясняется тем, что краевые части существенно эродированы, а поверхность террасы во многих случаях осложнена крупными дюнами, которые не всегда диагностируются в рельефе. Строение данного геологического тела на исследованном участке долины однотипно и поэтому его субаквальная часть четко фиксируется в большинстве обнажений, что было отмечено всеми предшественниками [1, 2, 4]. Показательные разрезы П н.т. представлены на местонахождениях Шивера Пропсихино (рис. 8) и Медвежий утес. Ниже приводятся их сокращенные описания (сверху вниз).

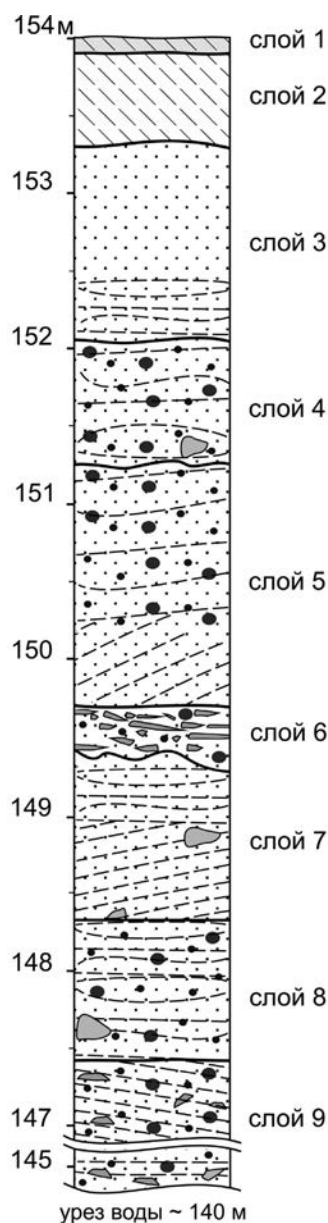

Рис. 8. Разрез II н.т. Ангары на местонахождении Шивера Простихино (условные обозначения на рис. 2)

Шивера Простихино ($58^{\circ} 39' 40,90''$ с.ш., $99^{\circ} 21' 2,8''$ в.д.) – правый берег Ангары ~ 2 км вверх по течению от устья р. Кода. Относительная высота н.т. ~ 14 м. Абсолютная высота уреза воды ~ 140 м.

1. Современный почвенный горизонт – дерновина и буро-коричневая супесь с корнями современных растений. И.м. ~ 0,1 м. Подошва неровная, ясная.

2. Серо-коричневая лессовидная супесь элювиально-эолового генезиса, на что указывают массивная текстура, повышенная трещиноватость, корни растений и т.д. И.м. ~ 0,6 м. Подошва нечеткая – плавный переход к нижележащим отложениям.

3. Коричневато-серый мелко-, среднезернистый кварцевый песок. Текстура в основном массивная, но в подошве (до 0,45 м) заметны реликты аллювиальных слоёв и линз. Элементы залегания наиболее читаемых слоёв (у поверхности напластования): азимут паде-

ния (а.п.) ~ 207° , при угле падения ~ 16° . В местах проникновения корней современных растений отмечаются белесые пятна карбонатов. Характеристика отложений указывает на эоловый генезис (дюнные образования). И.м. слоя ~ 1,25 м. Подошва неровная, но ясная. Отложения с перерывом залегают на мощной толще руслового аллювия, слагающего слои 4–9.

4. Песчано-гравийные отложения (из-за окислов железа имеют рыжий оттенок) с галькой, дресвой и щебнем. Текстура линзовидная, тонкослойчатая. Сортировка материала хорошо прослеживается только в верхней (0,3 м) части слоя. Материал песчано-гравийной размерности, в основном кремнистого состава. Галька главным образом представлена долеритом и песчаником, а щебень – только песчаником. Уплотненная галька и щебень не имеют четкой ориентировки. В основании встречаются среднеокатанные валуны долеритов (до 20 см) и углистые окатыши (до 3 см). И.м. до 0,8 м. Подошва неровная, четкая – отложения залегают с явным размывом на нижележащих осадках.

5. Коричневато-серый, желто-серый и серый разнозернистый песок с гравием и галькой (рис. 9). Текстура горизонтально- и косослойчатая (а.п. слоёв ~ 324° под углом ~ 14°). И.м. ~ 1,55 м. Поверхность напластования ровная, резкая – размыв.

6. Гравийно-галечниковые отложения с примесью щебня (в заполнителе грубозернистый песок). Цвет рыжевато-коричневый, в основании слоя – до черного, за счет гидроокислов железа и марганца. Текстура горизонтально- и косослойчатая при слабой сортировке и разной степени окатанности обломков (рис. 9). Встречаются глиняные окатыши (до 10 см), углистые включения и фрагменты (до 5 см) толстостенных раковин двустворчатых моллюсков. К подошве приурочены крупные гальки, валуны и блоки (до 0,4 м) вышеуказанного состава. И.м. 0,2–0,45 м. Поверхность напластования неровная, четкая. Отложения залегают с явным размывом.

7. Желто-серый и коричневый разнозернистый песок с гравием. Текстура косослойчатая (и.м. слоёв в среднем 5 мм), реже линзовидная (рис. 9). Элементы залегания косых слоёв аналогичны вышележащим слоям. В самой подошве встречается щебень (до 8 см). И.м. ~ 1,1 м. Поверхность напластования неровная, четкая. Отложения, вероятно, с размывом залегают на нижележащих.

8. Рыжевато-коричневый крупно-, грубозернистый песок с гравием, редкими гальками, валунами (до 20 см) и блоками песчаника (до 20 см). Текстура горизонтально- и косослойчатая (а.п. слоёв ~ 300° под углом ~ 20°), реже линзовидная (рис. 10). И.м. ~ 0,9 м. Поверхность напластования ровная и четкая. Отложения залегают с явным размывом на нижележащих осадках.

9. Желто-серый и коричневый разнозернистый песок с гравием, галькой и щебнем. Обломки имеют разный петрографический состав (песчаник, кварциты, долериты и др.). На уровнях ~ 1,1 и 2,1 м ниже кровли встречаются валуны и блоки (до 30 см) долеритов и песчаников

(рис. 11). Текстура косослойчатая, но с уровня ~ 2,2 м ниже кровли, в основном горизонтально-слоистая (по-
являются глинистые окатыши до 7 см). В.м. более 3,2 м.

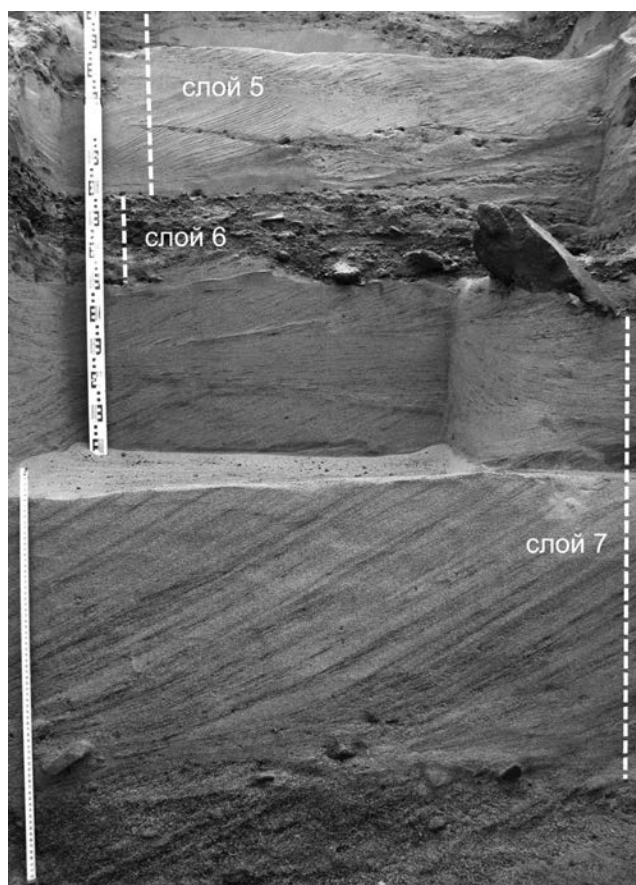

Рис. 9. Русловой аллювий средней части разреза II н.т.
(местонахождение Шивера Проспихино)

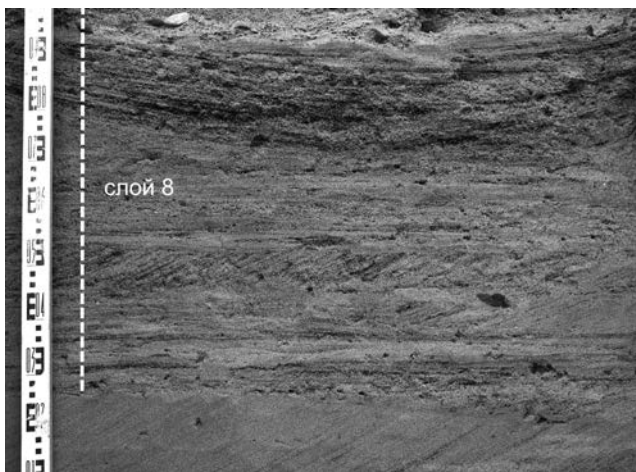

Рис. 10. Отложения слоя 8 разреза II н.т.
(местонахождение Шивера Проспихино)

Основание террасы закрыто мощной осыпью, но местами вскрывается цоколь – светло-серый среднезернистый песчаник (в.м. более 0,2 м).

Медвежий утес (58° 19' 18,49" с.ш., 100° 9' 24,69" в.д.; рис. 12). Левый берег Ангары ~ в 1,5 км выше устья притока Большая Пеленда. Относительная высота н.т. ~ 14,3 м. Абсолютная высота уреза воды ~ 151,6 м.

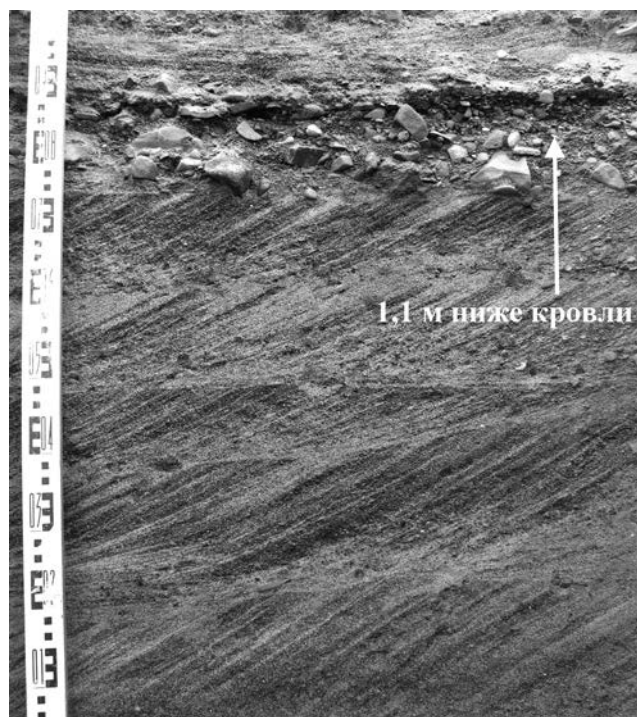

Рис. 11. Стрежневая субфация аллювия II н.т.
(слой 9, местонахождение Шивера Проспихино)

Рис. 12. Верхняя часть разреза II н.т. местонахождения
Медвежий утес (боковая стенка зачистки): слои 1–3 и кровля слоя 4

1. Современный почвенный горизонт – дерновина и буро-коричневая супесь с редкими артефактами. И.м. ~ 0,05–0,15 м. Подошва слоя неровная, нечеткая (плавный переход к подстилающим отложениям).

2. Рыже-коричневая (в кровле с бурым оттенком) пылеватая супесь элювиально-эолового генезиса. Текстура в основном массивная. На субэвразный характер отложений также указывают древесный уголь и многочисленные культурные остатки от неолита (возможны позднепалеолитические артефакты) до железного века, приуроченные ко всем частям слоя. Слой невыдержан по простираю (и.м. 0,2–0,6 м и более). Формирование осадков, вероятно, происходило в результате переувлажнения подстилающих песков. Подошва неровная, нечеткая, но ясная.

3. Светло-серый мелко-, тонкозернистый песок (местами алеврит) со слабым зеленоватым оттенком. Текстура в верхней части пятнистая, но в середине слоя меняется на тонкослойчатую и линзовидную. К этому же уровню приурочены устья морозобойных трещин, заполненные алевритом (бурно вскипает в 5–10% HCl) с высоким содержанием растительного детрита. Трещины (длина ~ 0,25–0,7 м при ширине в устье 0,1–0,3 м) проникают в кровлю подстилающих отложений³. Отложения имеют склоновый генезис (солифлюкционный и делювиальный типы). И.м. ~0,4–0,7 м. Подошва очень неровная, волнистая (деформированная), имеет падение вниз по склону террасы под углом ~ 18°. Это, очевидно, указывает на размыв и перерыв в осадконакоплении.

4. Светло-коричневые и серо-коричневые разнотонные (преимущественно средне-, мелкозернистые) тонкослойчатые пески. Встречаются линзочки (длиной до 15 см, и.м. до 5 мм) глинистого песка и глин. Генезис явно субаквальный (близок пойменному аллювию или фации прирусловой отмели). И.м. до 1,5 м (возможно, на других участках более). Отложения с перерывом залегают на нижележащих образованиях.

5. Долеритовые глыбы (до 0,8 м) и щебень неясного генезиса (цоколь II н.т.). Возможно, слой сформирован в результате деятельности склоновых процессов при мощном неотектоническом событии и представляет собой сейсмогравитационные отложения (дерупций и деперсий). И.м. ~ 3 м. Отложения с большим перерывом залегают на подстилающих образованиях.

6. Коренные горные породы – триасовые долериты (цоколь II н.т.). В.м. над урезом воды более 8,5 м.

Археологические находки, кроме I и II н.т., также сделаны на локально прослеживаемом геоморфологическом уровне относительной высотой 21–23 м (местонахождение Косой Бык). Предварительный анализ вскрытой раскопами верхней части разреза пока не позволяет считать данное геологическое тело III н.т. Для решения этой проблемы требуется проведение дополнительных полевых и комплексных лабораторных исследований, что подтверждают противоречивые результаты ранее проводившихся геологических работ [1, 2, 5, 6].

Полученный фактический материал дает четкое представление о низких надпойменных уровнях р. Ангара и расположении в их пределах археологических местонахождений. Большая часть исследованных объ-

ектов (Деревня Пашина, Игренькина шивера, Большая Пеленда 1 и 2, Толстый мыс, Окуневка и др.) связана с I н.т., что подтверждает их голоценовый возраст, ранее определенный по типологии выявленных артефактов. Теоретическое наличие *in situ* палеолитических слоев возможно лишь в самом основании (не древнее 11–13 тыс. лет) толщи данного геоморфологического уровня или в его цоколе, но пока обследованные памятники достоверно не выходят за рамки неолита.

Большинство археологических памятников, расположенных на вышележащих гипсометрических площадках, определяются этим же хронологическим интервалом. Однако строение и достаточно широкое распространение II н.т. позволяют считать ее субэвразную толщу перспективной для поиска каменных индустрий финала позднего неоплейстоцена. Тем не менее известны лишь единичные местонахождения данного времени (Усть-Кова 1, Косой Бык и, вероятно, Колпаков ручей), а также редкие поверхностные сборы артефактов позднепалеолитического облика. Возможно, это объясняется тем, что основные поиски были сосредоточены вдали от тылового шва II н.т., который во многом отражает древнюю береговую зону.

На перспективность притыловых участков показывает местонахождение Косой Бык, расположенное на более высокой гипсометрической поверхности, в коллекции которого имеется явный палеолитический инвентарь. Строение верхней части разреза Косого быка имеет сходство с Усть-Ковой 1 (относительная высота по опубликованным данным до 16 м), где отмечаются сильная карбонатизация и криотурбированность субэвразных отложений [7–9]. С одной стороны, это может говорить о близком возрасте местонахождений, с другой – о принадлежности материалов Усть-Ковы 1 первоначально к более высокому, но сниженному впоследствии (при термоэрозии) геоморфологическому уровню. Субаквальная часть разреза указанного памятника несколько отличается от «типичной ангарской» II н.т., хотя в субэвразном покрове последней проявляются значительные мерзлотные процессы и карбонатизация пород. Необходимо также учитывать общее переотложение усть-ковинских материалов, однозначно находящихся в деятельном слое на протяжении тысячелетий. В итоге артефакты могли быть вынесены солифлюкционным потоком с возвышенных участков горного подножья на поверхность надпойменной террасы. Солифлюкционные шлейфы, «плащи» и террасы – типичное явление в зонах многолетней мерзлоты. Как известно, вязкое течение грунта при мерзлотной солифлюкции возникает уже при уклонах 2–3°, а наиболее активно на склонах от 5 до 20°. Рельеф в районе местонахождения Усть-Кова 1, расположенного в тылу II н.т., благоприятен для протекания этого процесса, что отмечено и предыдущими исследователями. Очевидно, что для этих двух стоянок крайне необходимы дополнительные палеонтолого-стратиграфические исследования – особенно важно датировать новый ископаемый материал. Имеющиеся C14-даты угля из нижнего культурного

слоя на Усть-Кове 1 противоречивы, они датируют погребенную каргинскую почву интервалом ~ 35 – 19,5 (!) тыс. лет назад [10].

В целом аналогичная ситуация с археологическими памятниками выявлена в долине ближайшего крупного правобережного притока Енисея – Подкаменной Тунгуски, где большинство стоянок приурочено к I н.т. [11]. Возможно, это связано с пиком неотектонической активности (подъем территории) в конце плейстоцена, когда высокая эрозионная деятельность на Среднесибирском плоскогорье не способствовала накоплению больших объемов рыхлого материала – коллектора культурных остатков.

Важно отметить, что корреляция изученных разрезов осложняется тем, что поверхности разновозрастных н.т. могут располагаться на разной относительной высоте. Это может быть связано с гидрологическим режимом, эоловой деятельностью, деградацией многолетней мерзлоты, как это отмечено в бассейне Лены [12], а также неотектоническими движениями по широко распространенным разрывным нарушениям, секущим ангарскую долину [1, 13]. Некоторые выровненные площадки сейсмогравитационных образований больших размеров также могут быть приняты за н.т. Выделение этих тел из террасового комплекса представляет насущную проблему, несмотря на то что в долине Ангары уже неоднократно описывались крупные и даже гигантские сейсмообвалы, глыбовые оползни и «отседания» склонов [14, 15], а также сейсмиды – вторичные сейсмогенные деформации вибрационного типа [16]. Все это говорит о высокой сейсмичности исследуемого района в конце плейстоцена – голоцене, когда создавались условия для образования каменных плотин и озерных подпрудных бассейнов. Такие природные водохранилища в долине Ангары и ее притоков формировали выдержанные уровни локальных бассейнов осадконакопления [15], которые также можно принять за нормальные речные террасы.

Высокая неотектоническая активность и геологическое строение в целом определяют благоприятность

геохимических ландшафтов исследуемой территории. Так, долина Ангары на большем своем протяжении входит в пределы Ангаро-Ленского артезианского бассейна, изобилующего солеными и рассольными источниками, по которым происходит разгрузка глубоких водоносных горизонтов [17]. Данный факт может объяснять многочисленность археологических памятников в районе работ и одновременно отсутствие крупных местонахождений плейстоценовой мегафауны, которая могла быть рассредоточена относительно равномерно. По-видимому, в этом заключается одно из коренных отличий данной территории от Западно-Сибирской равнины, где в сартанское похолодание из-за минерального голода мамонты периодически концентрировались вблизи зверовых солонцов, также являвшихся очагами активности палеолитического человека [18–26].

Проведенные исследования показали, что изученные разрезы I и II н.т. в основном представлены аллювиальными фациями, эоловыми песками и супесями, часто слагающими дюны, а также гравитационными образованиями – солифлюкционными, дефлюкционными, делювием, оползнями, осыпями и обвалами. Проблема определения возраста и генетической интерпретации отложений, вмещающих культурные горизонты, тем не менее, остается довольно острой. Это связано, в первую очередь с малочисленностью ископаемых остатков, расположенных *in situ* и пригодных для изотопного датирования.

Решение проблемы заселения Ангарского бассейна напрямую связано с реконструкцией экологических связей древнего человека, которые должны рассматриваться всесторонне с анализом как биотических, так и абиотических факторов. Общепринято главными из последних являются геологическое строение, рельеф, макро- и микроклимат. Продолжение междисциплинарных исследований в долине Ангары, вероятно, позволит ответить на ряд актуальных вопросов археологии, четвертичной стратиграфии и неотектоники Северной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы не рассматривают здесь прирусловые валы, в которых массово присутствуют крупные глыбы и валуны. В разрезах I и II н.т. также встречаются изолированные или сгруппированные неокатанные псефитовые обломки, происхождение которых, вероятно, связано с переносом грубого материала во время ледохода.

² Подобные индикаторы современных землетрясений интенсивностью до 7 баллов отмечены в Центральной Азии [3].

³ Строение разрезов местонахождений Камешок и Сергушкин I, расположенных на островах Тургенев и Сергушкин, соответствует II н.т. Однако за счет большого размыва и незначительной субаэральной аккумуляции относительная высота данного геоморфологического уровня в основном не превышает 11 м.

⁴ В разведочных шурфах выявлены мощные клинья шириной в устье ~ 1 м, длиной более 1 м.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геологическая карта СССР масштаба 1:200 000. Серия Ангаро-Ленская. Лист 0-47 XVII. Объяснительная записка. М. : Гос. центр. специализир. производств. предприятие объединения «Союзгеолфонд», 1980. 95 с.
2. Равский Э.И. К стратиграфии четвертичных (антропогенных) отложений юга и востока Сибирской платформы // Труды ГИН АН СССР. 1960. М. : Изд-во Академии наук, 1960. Вып. 26. С. 2–95.
3. Никонов А.А., Ваков А.В., Веселов И.А. Сейсмоструктура и землетрясения зоны сближения Памира и Тянь-Шаня. М. : Наука, 1983. 240 с.
4. Сизиков А.М. Эрозионные циклы рек Западного Прибайкалья в позднем плейстоцене и голоцене // Кайнозой Сибири и Северо-Востока СССР. Новосибирск : Наука, 1989. С. 148–154.

5. Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М. : Наука, 1972. 336 с.
6. Постнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В. Проблемы генетической и стратиграфической диагностики отложений низких террас Средней и Нижней Ангары // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. 2012. № 3 (11). С. 25–31.
7. Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 163–177.
8. Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные явления на палеолитической стоянке Усть-Кова и проблема сохранности культурных слоев // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки : докл. Междунар. симп. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1990. С. 174–180.
9. Чеха В.П. Геохимические индикаторы и некоторые палеогеографические особенности стоянки Усть-Кова // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки : докл. Междунар. симп. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1990. С. 293–295.
10. Лисицын Н.Ф., Свежнецов Ю.С. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1997. Вып. 52. Гл. IV. С. 67–108.
11. Дроздов Н.И., Макулов В.И., Чеха В.П. Природная среда и человек в голоцене (бассейн р. Подкаменная Тунгуска) // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий : материалы междунар. конф. Красноярск : РИО КГПУ, 2000. С. 43–45.
12. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб. : Наука, 2010. 264 с.
13. Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А. и др. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 38–49.
14. Соловьев Н.И. Явления отседания склонов и глыбовые оползни ангарского типа // Бюллетень МОИП. Отдел геологии. 1955. Т. XXX (1). С. 59–70.
15. Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В. Следы подпорного палеозера в рельефе и осадках главных речных долин юга Иркутского амфитеатра // Геология и геофизика. 2008. Т. 49, № 2. С. 161–170.
16. Гладков А.С., Лунина О.В. Сейсмичность юга Восточной Сибири: проблемы и перспективы изучения // Геодинамика и тектонофизика. 2010. Т. 1, № 3. С. 249–272.
17. Пиннекер Е.В. Очаги разгрузки рассолов Иркутского амфитеатра // Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР. Иркутск, 1963. Т. 61. С. 15–36.
18. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лецинский С.В., Мащенко Е.Н. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3 (3). С. 42–55.
19. Leshchinskiy S.V. Late Pleistocene beast solonchets of Western Siberia: «mineral oases» in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man's activity // The World of Elephants / Proceedings of the 1st International Congress, Rome. 2001. P. 293–298.
20. Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н. и др. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 168 с.
21. Лецинский С.В., Бурканова Е.М., Орлова Л.А. Кочегур – новое мамонтовое местонахождение – зверовой палеосолонец на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Вестник Томского государственного университета. Приложение № 3 (II). 2003. С. 126–128.
22. Зенин В.Н., Лецинский С.В., Золотарев К.В. и др. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 41–53.
23. Лецинский С.В. Палеоэкологические исследования, тафномия и генезис местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 33–40.
24. Leshchinskiy S.V., Kuzmin Y.V., Zenin V.N., Jull A.J.T. Radiocarbon Chronology of the “Mammoth Cemetery” and Paleolithic Site of Volchia Griva (Western Siberia) // Current Research in the Pleistocene. 2008. Vol. 25. P. 53–56.
25. Лецинский С.В., Зенин В.Н. Геоэкологические условия в палеолите Западно-Сибирской равнины // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода № 69. Спец. выпуск. Четвертичный период Западной Сибири: результаты и проблемы новейших исследований. М. : ГЕОС, 2009. С. 116–124.
26. Лецинский С.В., Зенин В.Н., Орлова Л.А., Бурканова Е.М. Зверовые солонцы Чулымо-Енисейской равнины – минеральные (геохимические) оазисы и очаги активности мамонтовой фауны и палеолитического человека // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 181–186.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 9 января 2014 г.

THE STRATIGRAPHIC POSITION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE ANGARA VALLEY (TERRITORY OF FLOODING BY THE BOGUCHANY DAM RESERVOIR)

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 195-204. DOI: 10.17223/15617793/380/33

Leshchinskiy Sergey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sl@ggf.tsu.ru

Lunyova Dina Ye. Tomsk Oblast Administration (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina_lunyova@mail.ru

Keywords: Central Siberian Plateau; Lower Angara Region; above-floodplain terraces; archaeological sites; geological research; stratigraphy; Late Neopleistocene; Holocene.

The extensive work of the Boguchany archaeological expedition at the inundated territory of the Angara River valley with the water storage reservoir of the Boguchany Dam (360-km zone from the dam of Kodinsk) made it possible to carry out geoarchaeological and paleontologic-stratigraphic investigation in 2009-2012. The resultant information indicated that the sections of the low above-floodplain terraces (AFT) were represented by alluvium, aeolian deposits, and formations of the colluvial genetic series: solifluctional, defluctional, deluvium, landslides, taluses, and rockfalls. Artifacts often occur among disorganized rock blocks: large-sized seismogenic rockfalls onto the floodplain or onto the AFT. Almost all sites (over 20) are confined to the first and second (the upper part) AFT of the Angara, thus allowing to date the most part of cultural layers to the Holocene. The detailed section descriptions and the geomorphological analysis allowed stating that in the studied area the relative height of the first AFT is from ~ 7 to 9 m. The representative sections are situated at the following sites: Derevnaya Pashina, Bolshaya Pelenda 1 and Igrenkina Shivera. The transition to the overlying geomorphological level

is expressed as a scarp in the relief (4 – 5 m). The relative height of the second AFT is from 12 to 20 m (on the average, ~ 14 m). Such a variation is explained by the fact that the edge part of the second AFT is significantly eroded, and its surface is often complicated by large dunes. The representative sections are situated at the sites Shivera Prospikhino and Medvezhiy Utyos. The wide occurrence of the second AFT allows considering its subaerial stratum as perspective for searching the stone industries of the final Paleolithic. The correlation of the studied sections is complicated by the fact that the surfaces of the coeval AFT may be located at different relative heights. This is connected with the hydrological regime, aeolian activity, permafrost degradation, and neotectonic movements along the faults intersecting the Angara valley. Certain evened platforms of seismogravitational formations can be mistaken for AFT. The separation of these bodies from the terrace complex presents a vital problem in spite of the fact that in the Angara valley, there are known massive and giant seismic rockfalls, blocky landslides and seismites, i.e. the secondary seismogenic deformations of the vibration type. All the aforesaid bears witness to the high seismicity of the region at the end of the Pleistocene – Holocene, when the conditions were developing for the formation of stony dams and dammed lake basins. These natural water reservoirs formed sustained levels of the local sedimentation basins resembling the AFT. The problem of the ancient people's settlement of the Angara basin is directly linked with the reconstruction of ecological connections (both biotic and abiotic). The high neotectonic activity and the geologic structure as a whole define the favorable usefulness of the geochemical landscapes of the studied territory. This seems to explain the multiplicity of archaeological sites and the simultaneous absence of large sites of the Pleistocene megafauna.

REFERENCES

1. Geologicheskaya karta SSSR masshtaba 1:200 000. Seriya Angaro-Lenskaya. List 0-47 XVII. Ob»yasnitel'naya zapiska. M. : Gos. tsentr. spetsializir. proizvodstv. predpriyatie ob»edineniya «Soyuzgeolfond», 1980. 95 p.
2. Ravskiy E.I. K stratigrafii chetvertichnykh (antropogennykh) otlozheniy yuga i vostoka Sibirskoy platformy. *Trudy GIN AN SSSR*. 1960. M. : Izd-vo Akademii nauk, 1960. Vyp. 26. P. 2-95.
3. Nikonov A.A., Vakov A.V., Veselov I.A. Seysmotektonika i zemletryaseniya zony sblizheniya Pamira i Tyan'-Shanya. M. : Nauka, 1983. 240 p.
4. Sizikov A.M. Eroziionnye tsikly rek Zapadnogo Priбайkal'ya v pozdnem pleystotsene i golotsene. *Kaynozoy Sibiri i Severo-Vostoka SSSR*. Novosibirsk : Nauka, 1989. P. 148-154.
5. Ravskiy E.I. Osadkonakopleniye i klimaty Vnutrenney Azii v antropogene. M. : Nauka, 1972. 336 p.
6. Postnov A.V., Zol'nikov I.D., Deev E.V. Problemy geneticheskoy i stratigraficheskoy diagnostiki otlozheniy nizkikh terras Sredney i Nizhney Angary. *Geologiya i mineral'no-syr'evyye resursy Sibiri*. 2012. No. 3 (11). P. 25-31.
7. Drozdov N.I., Chekha V.P. Paleokriogenez, paleogeokhimiya i voprosy rekonstruktsii klimatov chetvertichnogo perioda (basseyne Eniseya i Angary). Osnovnye zakonomernosti global'nykh i regional'nykh izmeneniy klimata i prirodnoy sredy v pozdnem kaynozoe Sibiri. Novosibirsk : IAEt SO RAN, 2002. P. 163-177.
8. Drozdov N.I., Chekha V.P. Paleomerzlotnye yavleniya na paleoliticheskoy stoyanke Ust'-Kova i problema sokhrannosti kul'turnykh sloev. *Khronostratigrafiya paleolita Severnoy, Tsentral'noy i Vostochnoy Azii i Ameriki* : dokl. mezhdunar. simp. Novosibirsk : Izd-vo SO AN SSSR, 1990. P. 174-180.
9. Chekha V.P. Geokhimicheskie indikatory i nekotorye paleogeograficheskie osobennosti stoyanki Ust'-Kova. *Khronostratigrafiya paleolita Severnoy, Tsentral'noy i Vostochnoy Azii i Ameriki* : dokl. mezhdunar. simp. Novosibirsk : Izd-vo SO AN SSSR, 1990. P. 293-295.
10. Lisitsyn N.F., Svezhentsev Yu.S. Radiouglerodnaya khronologiya verkhnego paleolita Severnoy Azii. Radiouglerodnaya khronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii. Problemy i perspektivy. Arkheologicheskie izyskaniya. SPb. : IIMK RAN, 1997. Vyp. 52. Gl. IV. P. 67-108.
11. Drozdov N.I., Makulov V.I., Chekha V.P. Prirodnyaya sreda i chelovek v golotsene (basseyne r. Podkamennaya Tunguska). *Paleogeografiya kamennogo veka. Korrelyatsiya prirodnykh sobytii i arkheologicheskikh kul'tur paleolita Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy* : materialy mezhdunar. konf. Krasnoyarsk : RIO KGPU, 2000. P. 43-45.
12. Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. Geoarkheologiya i radiouglerodnaya khronologiya kamennogo veka Severo-Vostochnoy Azii. SPb. : Nauka, 2010. 264 p.
13. Zol'nikov I.D., Deev E.V., Tsybankov A.A. i dr. K voprosu o molodosti allyuvial'nykh kompleksov Angary po materialam rabot v zone zatopleniya Boguchanskoy GES. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2013. No. 4 (56). P. 38-49.
14. Sokolov N.I. Yavleniya otsedaniya sklonov i glybovye opolzni angarskogo tipa // *Byulleten' MOIP. Otdel geologii*. 1955. V. XXX (1). P. 59-70.
15. Apzhannikova A.V., Apzhannikov C.G., Akulova V.V. Sledy podpopnogo paleoozepa v pel'efe i ocadkax glavnykh pechnyx dolin yuga Ipkutckogo amfiteatpa. *Geologiya i geofizika*. 2008. V. 49, no. 2. P. 161-170.
16. Gladkov A.S., Lunina O.V. Seysmity yuga Vostochnoy Sibiri: problemy i perspektivy izucheniya. *Geodinamika i tektonofizika*. 2010. V. 1, no. 3. P. 249-272.
17. Pinneker E.V. Ochagi razgruzki rassolov Irkutskogo amfiteatra. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*. Irkutsk, 1963. V. 61. P. 15-36.
18. Derevyanko A.P., Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Mashchenko E.N. Osobennosti akkumulyatsii kostey mamontov v rayone stoyanki Shestakovo v Zapadnoy Sibiri. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2000. No. 3 (3). P. 42-55.
19. Leshchinskiy S.V. Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: «mineral oases» in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man's activity. *The World of Elephants. Proceedings of the 1st International Congress, Rome*. 2001. P. 293-298.
20. Derevyanko A.P., Molodin V.I., Zenin V.N. i dr. Pozdnepaleoliticheskoe mestonakhozhdeniye Shestakovo. Novosibirsk : IAEt SO RAN, 2003. 168 p.
21. Leshchinskiy S.V., Burkanova E.M., Orlova L.A. Kochegur – novoe mamontovoe mestonakhozhdeniye – zverovoy paleosolonets na yugo-vostoke Zapadno-Sibirskoy ravniny. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Prilozheniye 3 (II). 2003. P. 126-128.
22. Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Zolotarev K.V. i dr. Geoarkheologiya i osobennosti material'noy kul'tury paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Lugovskoe. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2006. No. 1 (25). P. 41-53.
23. Leshchinskiy S.V. Paleoeologicheskie issledovaniya, tafonomiya i genezis mestonakhozhdeniya Lugovskoe. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2006. No. 1 (25). P. 33-40.
24. Leshchinskiy S.V., Kuzmin Y.V., Zenin V.N., Jull A.J.T. Radiocarbon Chronology of the “Mammoth Ceme-tery” and Paleolithic Site of Volchia Griva (Western Siberia). *Current Research in the Pleistocene*. 2008. Vol. 25. P. 53-56.
25. Leshchinskiy S.V., Zenin V.N. Geoekologicheskie usloviya v paleolite Zapadno-Sibirskoy ravniny. *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda No. 69*. Spets. vypusk. Chetvertichnyy period Zapadnoy Sibiri: rezul'taty i problemy noveyshikh issledovaniy. M. : GEOS, 2009. P. 116-124.
26. Leshchinskiy S.V., Zenin V.N., Orlova L.A., Burkanova E.M. Zverovye solontsy Chulymo-Eniseyskoy ravniny – mineral'nye (geokhimicheskie) oazisy i ochagi aktivnosti mamontovoy fauny i paleoliticheskogo cheloveka. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. No. 333. P. 181-186.

В.Н. Коржнев

СТРАТИГРАФИЯ ДЕВОНСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Для девонских отложений северо-восточной части Горного Алтая характерны чередующиеся морские и континентальные условия образования осадочных и вулканогенных пород. Периодически наблюдаются конгломераты и гравелиты в основании крупных трансгрессивных циклов. Образование их связано с размывом растущего Сибирского континента. Для Куягано-Барагашской группы грабенов и Сарасинского грабена характерно преобладание морских фаций. В Онгудайском грабене, Саракошинской группе грабенов, Уйменском и Лебедском прогибах преобладают континентальные условия осадконакопления. Палеонтологическое обоснование возраста большинства свит в этих структурах надежное, что позволяет считать предложенную схему достаточно обоснованной. В пределах Куягано-Барагашской группы грабенов отложения формировались начиная с лоховского времени до нижнефранского, затем был перерыв до конца фаменского времени. На остальной территории отложения формировались начиная с нижнего эмса до франского времени.

Ключевые слова: стратиграфия; девон; северо-восточный Алтай.

Введение

Региональная стратиграфическая схема девонских отложений Горного Алтая (таблица) нуждается в уточнении в связи с возобновлением геологических съёмок и доизучения 1 : 500 000 масштаба наиболее перспективных на полезные ископаемые районов. Стратиграфия Левонских отложений северо-восточной части Горного Алтая на протяжении длительного времени являлась предметом споров по поводу корреляции и геологической трактовки разрезов. Споры шли вокруг ярусного деления, границы нижнего и среднего девона, о взаимоотношении и сопоставлении свит, слоев и горизонтов. В процессе проведения в последнее десятилетие картосоставительских работ 1 : 200 000 масштаба не были учтены детальные схемы расчленения девонских отложений Куягано-Барагашской группы грабенов, на базе изучения которых разрабатывалась биостратиграфическая шкала девона Горного Алтая. Не учтено детальное расчленение девонских отложений Сарасинского грабена, в разрезах которого установлено появление в нижнем эмсе компонентов флоры протоптеридиевого типа. Все это вынуждает нас рассмотреть палеонтологическое обоснование схемы девонских отложений северо-восточной части Горного Алтая, составленной по материалам Р.Т. Грациановой, А.Б. Гинцингера, Я.М. Гутака, Е.А. Елкина, В.Н. Коржнева, А.Н. Кононова, Ю.А. Кузнецова, Ю.С. Маймина, К.В. Радугина, В.П. Удодова, Л.Л. Халфина и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Самые древние отложения нижнего девона установлены в пределах Куягано-Барагашской группы грабенов и принадлежат камышенской серии [1], включавшей (снизу вверх) ремневскую и якушинскую свиты. Ремневская свита (по логу Ремневский) [2] сложена в стратотипе внизу красноцветными конгломератами, гравелитами и песчаниками, сверху – темно-серыми слоистыми известняками. В северной части Барагашского грабена она без видимого несогласия с гравелитами и гравелито-песчаниками в основании залегает на фаунистически

охарактеризованных отложениях лудловского возраста. Мощность ремневской свиты от 130 до 1 200–1 300 м [3]. В стратотипе в средней части разреза определены остатки табуляты *Favosites hidensiformis* Miron., *Cladopora rectilineata* Simpson и др.; брахиопод *Gypidula gradualis* (Barr), *Kansia gurjevskiensis* (Kulk.), *Atrypa lazutkini* Aleks., *Prothyrus sibirica* Zintch. и др.; трилобитов *Lacunoraspis antiqua* Yolk., *Khalfinella prima* Yolk., *Proetus ex gr. bohemicus* H. et C.; остракод *Aparchites messleriformis* Pol., *Bashkirina gravis* Pol., *B. elongata* Pol. и др. лоховского века [4]. В окрестностях сел Туманово, Б. Тихая, Степное, Булатово определили известные из томь-чумышского горизонта Салаира ругозы *Spongophylloides dubroviensis* Zhelt., табуляты *Favosites fungites* Sok., *Sgumeofavosites ex. gr. nikiforowae* (Dubat.), табуляты *Striatopora illustrata* Dubat., *S. cf. minuscula* Tchern., *Dictyofavosites nagorskyi* Miron, *Lecompteia altaica* Miron, *Gracilipora abnormis* Mir. У с. Булатово определены *Striatopora flexuosua* Hall – из лудлова – пржидолия Подолы, *Striatopora atomata* Dubat, *Favosites cf. niciforova* Chekh. – из томь-чумышского горизонта, *Barrandeolites lichenarioides* Sck. – из гребенского горизонта пржидольского яруса о. Вайгач. По мнению В.Н. Дубатолова, фауна принадлежит томь-чумышскому горизонту лоховского яруса [3].

Якушинская свита [5] сложена песчаниками, алевролитами и глинистыми сланцами, сверху разреза с горизонтами известняков. Мощность свиты 230 м. Залегает с размывом на ремневской свите с базальными конгломератами в основании. Перекрывается киреевской свитой. Содержит ругозы *Barrandiophyllum perplexum* Poeta, *Spongophyllum originalis*, брахиоподы *Cymostrophia stephani* (Barr.), *C. alfa* Kulk., *Chonetes vemeuili* Barr., *Latonotoechia latona* (Barr.), *Stegerhynchus nymphe* (Barr.), *Karpinskia conjugula* Tscern., *Carinata comata* (Barr.) и др.; трилобиты *Khalfinella glabra* Yolk., *Ganinella tchemyshevae* Yolk., *G. diversa* Yolk., *Proetus bohemicus* H. et C., *Weberopeltis*, характерные для конца лоховского – пражского веков раннего девона [6].

Большетихинская свита (по р. Б. Тихой и с. Б. Тихая) согласно залегает на ремневской свите. Состоит из

Стратиграфическая схема девонских отложений северо-восточной части Горного Алтая

Система	Отдел	Ярус	Зоны по конодонтам	Горизонт Салаира	Слои Горного Алтая	Географическая зона																																									
						1		2		3		4		5		6																															
Девонская	Верхний	Фаменский	praeculcata	Абашевский					D ₃ -C ₁ čr																																						
			expansa	Подонинский																																											
			postera																																												
			trachitera																																												
			marginifera	Пещеркинский																																											
			rhomboidea																																												
			crepida																																												
		triangularis	Соломинский																																												
		lingueformis																				Пожарищевский	D ₃ fr bg																								
		rhenana																																													
		jamieae																																													
		hassi	Стрельнинский																																												
		punctata																																													
		fransitans																																													
		falsiovalis	Мазалово-китатский																																												
	disparilis	D ₃ ml																															D ₂₋₃ bgč														
	hermanni-cristallus																																								D ₂ bčb						
	varcus																																														
	hemiansatus	D ₂ kg																															D ₂ krt	D ₂ sg													
	kockelianus																																														
	australis																																														
	costatus																																														
	partitus			Матвеевские					D ₂ rd	D ₂ mt																																					
	Средний	Живетский				Шивертинские																																									
																	Мамонтовский																														
																													D ₂ sv																		
																																							D ₂ ul								
											</																																				

Примечание. Географическая зона: 1 – Сарасинский грабен, 2 – южная часть Барагашского грабена, 3 – северная часть Куягано-Барагашской группы грабенов, 4 – Онгудайский грабен, 5 – Лебедской прогиб и Каракокшинская группа грабенов, 6 – Уйменский прогиб. Свиты: D₂ rd – рудниковская, D₁ tr – терентьевская, D₁ bs. – басаргинская, D₁ kmr – комарская, D₂ sv – шивертинская. Барагашская серия: D₂ mt – матвеевская, D₁ mk – мукур-чергинская, D₁ md – медведевская, D₁ kv – кувашская, D₁ kir – киреевская. Камышенская серия: D₁ jk – якушинская, D₁ kd – кондратьевская, D₁ bt – большешихинская, D₁ rm – ремневская, D₂ kg – куяганская, D₂ krt – куротинская, D₂ sg – саганская, D₁ on – онгудайская, D₁ krk – каракудюрская, D₁ nr – нырнинская, D₁ kb – кубойская, D₁ pz – пыжиноозерная. Урскульская серия: туектинская (D₂ tkt), бичиктубомская (D₂ bčb), богучинская (D₂₋₃ bgč).

темно-серых, нередко битуминозных и органогенных известняков и светло-серых с кремовым оттенком известняков с горизонтами зеленовато-серых и темно-серых известковистых алевролитов.

Субаркозовые известковистые песчаники, гравелисты и конгломераты, приуроченные к нижним частям свиты и образующие горизонты мощностью 0,5–1,0 м. Мощность свиты 1 200 м. В окрестностях сел Карпово, Б. Тихая определили характерные для крековского

горизонта табуляты *Sguameofavosites uralensis* Yanet., *Favosites clarus* Yanet., *Striatopora peetzi* Dubat., *S. cf. tschichichatschevi* Peetz, *Grassialveolites cf. krekovensis* Dubat., *Thamnopora solida* Dubat. [7].

Кондратьевская свита (по г. Кондратьевская сопка) [8] залегает на отложениях большешихинской свиты. Каркас свиты образуют темно-серые, темно-зеленые, зеленовато-серые алевролиты. Редко отмечаются красноцветные алевролиты и зеленовато-серые, лилово-се-

рые и серые полимиктовые, субаркозовые песчаники, горизонты темно-серых и светло-серых известняков, полимиктовых гравелито-песчаников, конгломератов и гравелитов. В средней части свиты установлены грязно-зеленые туфопесчаники и туфогравелито-песчаники. Мощность свиты 400–1 400 м. Ископаемая фауна кондратьевской свиты в стратотипе изучена Л.Л. Халфиным [8]. В окрестностях сел Куяган, Никольское, Степное, Александровка, Б. Тихая определили табуляты *Thamnopora* cf. *khalfini* Dubatol., *Coenites* cf. *multicaralites* Miron; известные в крековском горизонте *Gephyropora parvula* Miron; распространенные в крековском и малобочатском горизонте ругозы *Tryplasma altaica* (Dub) [3].

Барагашская серия (по с. Барагаш) [9] в стратотипе расчленяется на киреевскую, кувашскую, мукурчергинскую и матвеевскую свиты. **Киреевская свита** (по пос. Киреевскому) [2] в нижней части сложена сероцветными песчаниками, алевролитами и глинистыми сланцами с базальными конгломератами в основании, в средние – серыми известняками, в верхней части – глинисто-карбонатными сланцами, алевролитами и песчаниками. Мощность свиты 350–1 000 м. По рр. Баранче, Николаевке, Куевате, на восточных склонах сопки Кондратьевской определили табуляты салаиркинского горизонта *Striatopora* cf. *ornata* Miron., *Gephyropora radispynosa* Miron., *G. parvula* Miron., *Egosiella microalveolata* Miron., *E. ganiensis* Miron., *E. grandis* Miron., *E. lecompteta* Miron. [3].

Кувашская свита (по руч. Куваш) [1] сложена серыми известняками, среди которых отмечаются глинисто-известковистые и глинистые сланцы и алевролиты. В основании залегают грубозернистые песчаники (0,5 м). Очень редко – линзы (до 10 м мощности) известковистых гравелитов. Мощность свиты от 120–240 до 300–800 м. В окрестностях с. Б. Тихая, по р. Баранче и руч. Маеста определены характеризующие шандинский горизонт табуляты *Cladopora orbiculata* Dubat., *C. elegans* Yanet, *Placocoenites monostychus* (Frech), известные в беловском и шандинском горизонтах ругозы *Tabulophyllum Schluter* (Peetz), распространенные в салаиркинском и беловском горизонтах табуляты *Egosiella microcellulata* Dubat [3].

Медведевская свита (по логу Медведев) [8] залегает стратиграфически выше кувашской свиты и несогласно перекрывается породами шивертинской и куяганской свит. В стратотипе наблюдается переслаивание песчаников, алевролитов и глинистых сланцев голубовато-зеленовато-серого цвета с прослоями глинистых и песчаных известняков. Мощность свиты от 500 до 900–1 200 м. Ископаемые органические остатки из стратотипа медведевской свиты монографически изучены Л.Л. Халфиным [8] и указывают на позднеэмский возраст [10]. По р. Б. Тихой (в районе стратотипа), в бассейне р. Куевата и южнее с. Туманово определили известные из шандинского горизонта ругозы *Xistriphyllum Devonium* (Bulv.), характерные для шандинского горизонта и бейских слоев Урала ругозы *Calceolasandalina*

Lam., верхнеэмские табуляты *Egosiella ganiensis* Miron., *E. cf. grandis* Miron., *E. microcellulata* Dubat., *Striatopora ornata* Miron. [3].

На стратиграфическом уровне медведевской свиты находится **мукур-чергинская свита** (по горе Мукур-Черга) [11]. Сложена она темными, голубовато-зелеными, пестрыми пелитоморфными и тонкоплитчатыми известняками и темными, зеленовато-серыми тонкополосчатыми алевролитами. Мощность свиты 170–180 м.

Залегающая на мукур-чергинской свите с постепенными переходами **матвеевская свита** (стратотип по правому борту Матвеева лога и по Ганинну ключу) [9] имеет терригенный состав и трансграссивно перекрывается шивертинской свитой. Мощность свиты 160–220 м. В верхней её части определены табуляты *Sguamtofavosines* cf. *Kurjensis* Dubat., *Gracilipora* sp., брахиоподы *Levenia taenilota* Khalf., *Cjnetes* ex gr. *sarinulata* Khalf., *Gamiella* sp., криноидеи *Anthinocrinus* ex gr. *floreus* Yelt., пелецподы *Paramnegenia bicarinata* Khalf., *Amnigenia altaica* Khalf., *Lfurskia lata* Khalf., *Modiomorphella korovini* Khalf. и др. [8].

Шивертинская свита (по р. Шиверта) [10] представлена мелководными карбонатно-терригенными отложениями. В нижней части разреза (60–200 м) залегают переслаивающиеся зелено-серые мелкозернистые песчаники, алевролиты и глинистые сланцы с конгломератами в основании, в верхней (40–80 м) – серые известняки с остатками брахиопод *Camamtioechia lazutkini* Rlon., *Lazutkinia mamontavensis* (Laz.), *Oypidula biplicata* (Schnur.), *Productella subaculeata* Murch., *Kransiaexgr. parallelipedus* (Bronn.), *K. Angularis* (Phil.), *Salairotioechia pseudocarens* (Kulk.) и др.; трилобитов *Proetus lazutkini* N. Tcherm., *Scutellum tullium* Hal, *S. elegans* (Peetz.), *Acanthopyge* sp.; табулят *Alveolites insignis* Tcherm., *Chaetetes tenuis* Frech.; ругоз и криноидей [6, 10, 11] эйфельского века. Свита с угловым несогласием залегает на породах девона, силура и горноалтайской серии. Верхняя граница эрозиянная. Мощность – 100–280 м.

Куяганская свита (по с. Куяган) [8] несогласно залегает на породах медведевской свиты. Сложена разнообразными эффузивными породами и тесно связанными с ними пирокластическими образованиями, редко афировыми массивными, реже флюидальными и миндалекаменными андезитами, андезибазальтами, базальтами, андезидацитами, а в верхней части – туфами и туфолавами риодацитов и риолитов. С вулканитами тесно ассоциируют песчаники и алевролиты вулканомиктового, реже полимиктового состава. Мощность свиты 1 200–2 000 м. По водоразделу рек Бол. и Мал. Сибиряченок в низах разреза куяганской свиты из линз известняков определены кораллы *Placocoenites* cf. *monostichus* (Frech), *Striatopora* sp. среднедевонского возраста (материалы М.А. Якупова и др., 1993).

Малофеевская свита (по руч. Малофееву) [8] имеет терригенный состав. Для пород характерна темно-серая до черной окраска. В основании свиты залегает пачка (до 60 м) полимиктовых конгломератов с прослоями гравелитов и песчаников. В нижней части свиты преоблада-

ют сероцветные и реже пестроокрашенные разнотекстурные полимиктовые и аркозовые песчаники с тонкими прослоями глинистых сланцев и редко линзами гравелитов и конгломератов. Верхняя часть свиты сложена сероцветными, часто известковистыми алевролитами и глинистыми сланцами с редким горизонтами темно-серых пелитоморфных известняков. Породы малофеевской свиты стратиграфически несогласно залегают на породах куюганской свиты. Верхняя граница ее эрозионная. Мощность свиты 700–800 м. Из нижней части свиты по р. Гремешке определены брахиоподы *Carineferella* (?) cf. *Tioga* (Halle), *Sibiratripa* sp., *Uncinulus goldfussi korovini* Rhalf., *Wagenococha neckhorochevi* Nal., *Spinocertia martianovi* Stuck, *Eurespifer* sp., *Certospirifer aff. schelonius Devonochonetes* sp., *Schellwionella* sp., *Mucrospirifer mesococotalus* (Hall) (материалы В.Н. Коржнева и др., 1986). Кроме перечисленных в работе Л.Л. Халфина [8] определены брахиоподы *Isothis sibirica* Khalf., *Stropheodonta interstitialis* Phill., *Productella spinulicosta* Hall, *Eurospirifer cheehiel* Kon., *E. cheehiel altaica* Rhalf., *Mucrospirifer mucronatus* Conr. На сопредельных участках определены брахиоподы *Euryspirifer cheehie* (Kon), *Spinocyrta martianovi* (Stuck.), *Mucrospirifer* (Hall), *Cyrtina heteroclitia* (Defr.), *Rhynchospira lopatini* Stuck и др. [4, 12]. В верхней части малофеевской свиты в стратотипе определены брахиоподы *Sibiratripa* sp., *Mucrospirifer* (?) sp., *Cyrtospirifer aff. schelonius* Nal., *Devonochonetes* (?) sp., *Aolacella aff. Eifeliensis* (Vern.) (материалы В.Н. Коржнева и др., 1986). Дополнительно в стратотипе по ключу Малафееву в верхней части свиты определены *Anathyris* Phill., *A. peetzi* Khalf., *Cyrtospirifer achmet* Nal. [4]. Приведенный список окаменелостей датирует малофеевскую свиту живетом (мазатовско-китатское время) – франом (вассинское время).

Черемшанская свита (по с. Черемшанка) [13] представлена сероцветными известковистыми алевролитами, аргиллитами, мергелями, пелитоморфными, биокластическими и биоморфными известняками, пестроцветными аркозовыми, кварцевыми и полимиктовыми, участками известковистыми песчаниками, алеаролитами, олигомиктовыми и полимиктовыми гравелитами, конгломератами. Отложения трансгрессивно перекрывают разные горизонты нижнего и среднего девона. Верхняя граница свиты эрозионная. Мощность свиты превышает 760 м. В стратотипе черемшанской свиты в нижней части определены брахиоподы *Sphenspira julii* Dehee, *Cyrtospirifer kuzbassicus* Besn., *C. insulcifer sphaeroides* Nal, *Imbrexia tarkhanensis* Bubl, характерные для абышевского времени позднего фамена. В нижней части свиты по руч. Денисову найдены остатками позднефаменских брахиопод *Fusella* sp., *Tomiproductus* (?) sp. и табуляты *Michelinia megala* Tolm. В средней части свиты определены фораминиферы *Planoendothyra rotai* (Dain), *P. (?) evoluta* Leb., *Earlandia elegans* (Raus. et Retzl.), *E. modern* (Malakh.), *Endothyra kosvensis* Lip., *E. perfida* Leb., *Globoendothyra* ex gr. *parva* (N. Tchern.), *G. mrassuensis* Leb., *Tetrataxis eominima* Raus. и др., остракод *Moorites rectus* Busch., *Praepilatina truncatiformis* (Zan.

et Busch.) и др., редкие брахиоподы *Schuchertella lens* (White), *Rugoschonetes hardrensis* (Phill), *Avonia minima* (Tolm.), *Spirifer tersiensis* Rot., *S. acceptus* Besn., *Dielasma oliva* Tolm., *Camarotoechia tersiensis* Sok., *Composita melaga* Tolm., *Dielasma oliva* Tolm., которые соответствуют тайдонско-фоминскому времени турнейского века [14].

Комарская свита (по с. Комар) выделена в Сарасинском грабене в междуречье Сарасы и Б. Кыркылы у с. Комар. Она несогласно залегают на отложениях сарасинской свиты нижнего кембрия и несогласно перекрывается басаргинской свитой. В нижней её части преобладают лавы порфировых, афировых и миндалекаменных базальтов и андезитов. Незначительным распространением пользуются терригенные породы с прослоями известняков. В верхней части наряду с лавами андезитов и базальтов широким распространением пользуются лавы и литокластические туфы андезитов, риолитов и дацитов, редко прослои зеленовато-серых и красноцветных алевролитов и песчаников. В междуречье Сарасы и Б. Кыркылы у с. Комар из горизонта алевролитов и песчаников с линзами известняков, залегающего среди вулканогенных пород, определены табуляты *Aulopora* sp., *Coenites* sp., *Thamnopora* sp., указывающие на силурийско-девонский возраст, и рогозы *Lurielasma* ex gr. *ariadnae* Tcherepn., известные в нижнем – среднем девоне [15].

Басаргинская свита (по с. Басаргино) объединяет прибрежно-морские отложения. Её слагают конгломераты, гравелиты, песчаники, алевролиты, в верхней части разреза редкие линзы известняков. Красноцветные породы слагают до 5–10% разреза. Басаргинская свита несогласно залегают на комарской свите и кембрийских и вендских отложениях. Мощность свиты от 40 до 180 м. Небольшая и непостоянная мощность басаргинской свиты, терригенный характер ее осадков, а также отсутствие переходных слоев к смежным свитам (подстилающей и перекрывающей) свидетельствуют о том, что она сохранилась далеко не полно и имеет не только многочисленные диастенические (короткие) перерывы, но и, вероятно, более продолжительные стратиграфические перерывы. В стратотипе у с. Басаргино Р.Т. Грацианова в 1967 г. определила нижнедевонские брахиоподы *Dalejoidiscus* cf. *subcomium* (Havl.), *Eodevonaria* (?), *Subspinosa* (Scup.), *Proattribution altaicum* Gracianova, Ю.С. Надлером и В.Г. Кузнецовой в 1973 г. в стратотипе определен богатый комплекс спор, имеющий весьма близкое сходство с раннедевонскими комплексами красногорской свиты Кузнецкого Алатау: *Leiotriletes plicatus* (Waltz) Naum., *L. plicatus* (Waltz) Naum. var. *major* Nadl., *L. devonicus* Naum., *L. nigratellus* Naum., *L. nigratus* Naum., *Lophotriletes grandis* Nadl., *L. rugosus* Naum., *Acanthotriletes perpasillus* Tschibr., *Ac. Gracilis* Nadl., *Ac. Tenuispinosus* Naum., *Retusotriletes raisae* Tschibr., *R. transiaticus* Tschibr., *R. transalaticus* Tschibr. var. *major* Nadl., *R. frivolis* Tschibr., *R. apseguis* Tschibr., *Stenozonotriletes* sp., *St. corsacus* Nadl., *Caparezonotriletes minutus* Naum., *Archaeozonotriletes basilaris* Naum., *A. vivax*. Tschibr., *A. compactus* Naum., *Hymonozonotri-*

letes sp. Из наших сборов В.Г. Кузнецовой определены споры *Protosphaeridium flexuosum* Tim., *P. Densus* Tim., С.В. Чернышевой – табуляты *Thamnopora siavis* Dubat. В верхней части свиты в керне скважин, пробуренных в окрестностях с. Пролетарки, мы собрали, а С.В. Чернышева определила табуляты салаиркинского горизонта *Alveolites distinctus* Yanet., *Gracilopora yavorskyi* Dubat., *Egosiella cylindrocellularis* (Dubat.), *E. microcellulata* Dubat., *Cladopora angusta* Yanet., *Conlipora seravschnica* Kim., *Placocoenites cvidons* Tchud., *Squameofavosites diviseimus* Dubat., *Syringopora Yavorskyi* (Dubat.), *Thamnopora yanetae* Dubat. В стратотипе басаргинской свиты А.Р. Ананьевым из сборов Ю.С. Надлера в 1973 г. определены псилофиты *Psilophyites rectissimus* Höeg, *Protobarinophyton obrutschevii* Ananiev, *Psilophyton goldschmidtii* Halle, *Zosterophyllum* cf. *myretonianum* Penhallow, cf. *Sciadophyton* Laxa Dawson., *Drepanophycus* sp., из сборов В.Н. Коржнева в 1972–1974 гг. – *Minusia antique* Tschirkova, *Drepanophycus gaspianum* Dawson Kräisel et Weyland, *Matarakia inopinata* Tschirkova, из сборов В.П. Удодова 1975 г. – *Psilophyton arouatus* (Halle), *Rebuchchia mucronata* (Mägdefrau), *Protolapidodendron scharianum* Kräusel (Krejčí) Kr. Et W., *Jeniseiphyton rudnevae* (Perevetov) Ananiev, *Gliptophyton granulare* Kryschtofovich, *Barrandeinopsis beliakovi* Krysh.

Терентьевская свита (по руч. Терентьев) выделена Л.Л. Зейфертом [15]. Стратотип расположен у с. Рудник, в правом борту долины р. Сарасы. Сложена она темно-серыми и светло-серыми органогенными известняками, алевролитами и глинистыми известняками. Мощность свиты 450 м. Из наших сборов С.В. Чернышева, В.А. Желтоногова и Л.Г. Севергина определили формы широкого диапазона табулят *Gracilopora vermicularis* (M'Coy), *Placocoenites* ex gr. *monostriatus* (Frech), *Squameofavosites* (Frech), *Squameofavosites obliquispinus* Dub., брахиопод *Schizophoria striatula* Schloth: не известные в отложениях моложе шандинского горизонта Салаира табуляты *Egosiella cylindrocellulata* Dub., *Striatopora* cf. *schandensis* Dub., брахиоподы *Delthyris pseudotiro* Rzon; не известные в отложениях моложе мамонтовского горизонта Салаира табуляты *Squameofavosites obliquispinus* Dub., брахиоподы *Leptagonia rhomboidalis* (Wilck); типичные для шандинского горизонта Салаира табуляты *Armalites novellus* Chud., *Egosiella pulchra* Dub., *Pachycanalicula* ex gr. *opaca* Dub., *Squameofavosites kulkovi* Dub., гелиолитиды *Heliolites curvitalatus* Dub., ругозы *Cystiphyllodes mirabile* Wedekind, *Thaimyrophyllum carinatum* Bulv., *Xistriphyllum devonicum* Bulv., брахиоподы *Uncinulus parallelepipedus typica* Rzon., *U.* cf. *parallelepipedus praecedens* Kulk.; характерные для нижней части шандинского горизонта девона Салаира табуляты *Squameofavosites mironovae* Dub., *S. delicatus* Dub.; жившие в верхах шандинского горизонта Салаира табуляты *Alveolites crassispinosa* Dub., *A. karmaktsis* (Tchern.), *Placjtnites tchernychevi* Dub., *Striatopora zeaporoides* Dub., ругозы *Neostriangophyllum* ex gr. *mamontovensis* Bulv.

В 1972 г., изучив коллекцию брахиопод, собранную в терентьевской свите Г.С. Хариним, Л.Г. Север-

гиной, М.Ф. Романенко в 1961–1968 гг., В.Г. Зинченко определила комплекс, включающий руководящие формы таштыпской свиты Минусинского прогиба и шандинского горизонта Салаира: *Acrospirifer* cf. *gerolsteiensis* (Stein.), *Sropheodonta* cf. *interetrialis* (Phyll.), *Uncinulus* cf. *taschtiensis* Rzon., *Elytha* cf. *pseudoaculeata* Rzon., *Chonetes arcuata* Hall., *Schisophoria seriatula* Schloth., *Uncinulus* cf. *parallelepipedus* Bron., *Acrospirifer subgregaris* Rzon., *Paeckelmannia minussiensis* Rzon., *Gypidula minuta* Bron., *Eoreticularia Sinuata* Gurich., *Plectodonta reduncf* (Havl.) [16]. В разрезе по руч. Короткому у южной окраины с. Пролетарка из наших сборов остатков фауны С.В. Чернышевой определены табуляты *Egosiella cylindrocellulata* Dub., *Striatopora jejuna* Dub., *Grassialveolites* sp., *Aulocystis* N.J., *Pachycanalicula* ex gr. *ohaca* Dub., *Placocoenites* sp., *Squameofavosites divissimus* Dub., *S. rulkovi* Dub., Л.Г. Севергиной – брахиоподы *Schisophoria striatula* (Schl.), *Spiatryha* ex gr. *aspera* (Schl.), *Uncinulus* cf. *parallelepipedus praecedens* Kulk., *Leptagonia rhomboidalis* (Wilck.), *Hypothyridina* cf. *vulgaris* Rzon., *Delthyris* cf. *pseudotiro* Rzon., *Cypidula* sp., *Aulacella nocyeri* (Fuchs), *Carinatina* ex gr. *sublana* Khod. Также в нижних горизонтах терентьевской свиты у с. Басаргино В.П. Удодовым собраны трилобиты [17], в составе которых Е.А. Елкин определил *Phacops* ex gr. *sublatifrons* N. Tchern., *Praedechenella kusnectskensis* (N. Tchern.), *P. liniclivosa* (S. Max), *Nawakia* sp., *Liohidae*, характерные для полуяхтовских слоев Салаира.

Рудниковская свита (у с. Рудник) [15] сложена серыми органогенными темно-серыми слоистыми и светло-серыми массивными органогенными известняками. Она с размывом залегает на терентьевской свите. Верхняя граница эрозионная. В основании свиты залегает горизонт (20 м) кварцевых гравелито-песчаников с остатками растений. Мощность свиты более 180 м. А.Р. Ананьевым определены растения *Cooksonia* sp., *Hostimella* sp., *Aphylopteris* sp.; Л.Г. Севергиной – брахиоподы *Acrospirifer* cf. *Gorolsteiensis* (Stein), *Atripa* sp. Indet, *Levenea* sp. Indet, *Eospirifer* sp., *Parastrophontilla*; С.В. Чернышевой – табуляты *Striatopora* ex gr. *schandiensis* Dubat., *Placocoenites escharoides* (Steinin), *Gracilopora vermicularis* (M'Coy), *Thamnopora beliakovi* Dub., известные из отложений шандинского и мамонтовского горизонтов Салаира и *Scoliopora* (?) *gracilis* Dub. из отложений мамонтовского горизонта Салаира. Это позволяет нам считать возраст рудниковской свиты позднеэфельским.

Каракудюрская свита (по логу Каракудюр) [18] залегает в основании девонского разреза Онгудайского грабена. Сложена она пестроцветными разнозернистыми полимиктовыми, редко кварцевыми песчаниками, алевролитами, глинистыми сланцами и полимиктовыми конгломератами. Несогласно залегают на отложениях кембро-ордовика и с размывом перекрываются породами онгудайской свиты. Мощность свиты около 2 000 м. В окрестностях пос. Онгудай в нижней части свиты А.Р. Ананьевым определены растения: *Aphylopteris* sp., *Prototaxites* sp., *Enigmophyton* cf. *superbum* Hoeg, *Thur-sophyton* sp., *Drepanophycus* (?) *orepini* Stockm., *Zos-*

terophyllum artesianum Danze-Coregein, *Hostimella mn-bachensis* Kr. et Weyl., по которым наиболее вероятен ее раннедевонский возраст [26]. Здесь же выявлены: *Taeniocrada decheniana* (Goepf.) Kr. et Weyl., *Protopteridium* sp., *Glyptophyton granulare* Krysh., *Aneurophyton* sp. и споры: *Leiotriletes pullatus* Naum., *L. microrugosus* (Ibr.) Naum., *L. nigratus* Naum., *L. plicatus* (Waltz) Naum., *Acanthotriletes similis* Naum., *A. polygamus* Naum., *Archaeotriletes* sp., обрывки *Hymenozonotriletes* sp. (определения Ю.С. Надлера) [19].

Онгудайская свита (по с. Онгудай) [24] сложена зелено-серыми, лилово-красными порфировыми и афировыми андезибазальтами и их туфами, редко туфами кислого состава (в верхней части), в подчиненном количестве развиты пестроцветные подмиктовые песчаники, гравелиты, алевролиты, глинистые сланцы. Мощность свиты от 1 000 до 1 700 м. А.П. Ананьевым в нижней части свиты по р. Урсул определены растения: *Cephalopteris* (?) *praecox* Hoeg, *Hostimella* sp., *Rhabdohyton* sp. [19].

Куротинская свита (по р. Курота) [24] сложена широким спектром пирокластических, лавокластических и лавовых образований преимущественно кислого состава серой, буровато- и зеленовато-серой окраски, редко отмечаются зеленые и лилово-зеленые андезиты и их туфы. Нередко присутствуют известковистые туффиты кислого состава, вулканомиктовые песчаники, гравелиты и алевролиты, глинистые и кремнисто-глинистые сланцы, изредка глинистые известняки серого, темно-серого до черного цвета. Мощность свиты 2 000–2 500 м. Она согласно залегает на онгудайской и несогласно перекрывается породами туектинской свиты. В районе стратотипа из средней части разреза собрана флора: *Aulacophycus* cf. *sulcam* Eichw., *Glyptophyton granulare* Krysh., *Protobarinophyton* sp., *Aphylopteris* sp. [12]. В бассейне верхнего течения р. Бол. Теректа в средней и верхней частях свиты встречаются брахиоподы *Spinocyrtipia* ex gr. *martianovi* (Stuck.), *Devonochonetes* ex gr. *coronatus* Hall., *Atrypa* sp., *Schellvinella* sp. верхнеживетского века [20].

Урсульская серия: туектинская, бичиктубомская, богучинская свиты. *Туектинская свита* [12] сложена темными до черных глинистыми, известково-глинистыми сланцами с прослоями темно-серых глинистых известняков, серых, зеленовато-серых кварц-полевошпатовых мелкозернистых песчаников, алевролитов пепловых лиловых туфов и туффитов кислого, иногда смешанного состава, туфосланцев, туфоалевролитов. В основании, как правило, залегает грубообломочная пачка (до 100 м), состоящая из переслаивающихся зеленовато-серых, лиловых вулканомиктовых конгломератов, кварц-полевошпатовых и полимиктовых песчаников, алевролитов, туфопесчаников глинистых сланцев. Туектинская свита стратиграфически несогласно перекрывает породы куротинской свиты и согласно перекрывается отложениями бичиктубомской свиты. Мощность свиты от 1 200 до 1 600 м. В разрезах свиты встречаются остатки брахиопод *Euryspirifer cheehiel* (Kop.), *Spinocyrtipia martianovi* (Stuck.), *Productella* sp., *Schizophoria* sp.,

Deltirys (Kor.), *Devonochonetes* sp. и другие мазаловско-китатского времени позднеживетского века среднего девона [12, 21].

Бичиктубомская свита [12] представлена серыми, темно-серыми алевролитами, мелкозернистыми кварцево-полевошпатовыми, иногда известковистыми песчаниками участками с «плавающей» галькой кислых и средних эффузивов, туфов, кварцитов и известняков; горизонтами и пачками серых пепловых туфов кислого и смешанного состава, туфопесчаников; единичными маломощными (до 2,5 м) прослоями известковистых алевролитов и глинистых известняков, линзами конгломератов с галькой черных сланцев и алевролитов. Взаимоотношения с ниже- и вышележащими отложениями туектинской и богучинской свит согласные. Мощность свиты 1 300 м. Бичиктубомская свита содержит брахиоподы *Euryspirifer cheehiel* (Kop.), *Spinocyrtia martianovi* (Stuck.), *Chonetes* cf. *coronatus* Conr., *Stropheodonta interstitialis* Phill., *Kransia subsigratus* (Peetz), *Leptagonia sinuata* (Rzon.), *Spirifer* sp., *Productella* sp., *Schizophoria* sp. мазаловско-китатского времени позднеживетского века среднего девона (материалы Я.М. Гутак и др., 1999).

Богучинская свита (по с. Богучин) – существенно терригенная толща [12]. Мощность свиты более 220 м. Я.М. Гутаком и Е.Е. Перфильевым в стратотипе богучинской свиты выявлен комплекс верхнеживетских брахиопод, подобный развитому в разрезе туектинской свиты [20]. В 3,5 км к северо-востоку от с. Богучин по левому борту р. Каракол найдены остатки верхнедевонской флоры: *Archaeopteris* sp., *Pteridorachis* cf. *striata* Nath., *Sphenophyllum* sp. По р. Кислая (правый приток р. Сема ниже пос. Шебалино) найдены брахиоподы *Euryspirifer cheehiel* (Kop.) позднего живета, а выше по разрезу – брахиоподы *Cyrtospirifer schelonius* Nal., *Anathyris phalaena* (Phill.) низов франского века позднего девона [12] (по данным Я.М. Гутак и др., 1999). Возраст отложений принимается в интервале верхний живет – нижний фран.

Кубойская свита (по долине р. Кубой в Уйменско-Лебедской структурно-фациальной зоне) [21] объединяет сумурлинскую, кырыкташскую, караозекскую, тюлемскую свиты, которые являются ее аналогами [22]. По составу кубойская свита терригенная красноцветная и пестроцветная. Свита сложена полевошпатово-кварцевыми, кварцевыми, аркозовыми и полимиктовыми разнозернистыми песчаниками, алевропесчаниками, полимиктовыми, а в основании олигомиктовыми (кремнисто-карбонатными) гравелитами и конгломератами. Породы свиты с угловым и структурным несогласием залегают на породах раннего палеозоя. В основании пачка (80–200 м валунных, галечных и гравийно-галечных прибрежно-бассейновых и водно-потоковых конгломератов). Мощность свиты от 400 до 1 500 м. У с. Чоя она содержит растения *Psilophyton burnotense* (Gilk), Kr. et Weyl., *Drepanophycus spinaeformis* Goepf (по материалам Ю.Н. Земцова, 1968 г.). В правому борту р. Иша западнее и восточнее с. Чоя в районе урочища Саразонка в нижних частях разреза обнаружены растения *Margophyton goldschmidtii* (Halle) Zakh., *Drepanophycus*

spinaefomis Goepp., *Aphylopteris gracilis* S. Step. и споры *Leiotriletes nigratus* (Waltz.) Naum., *L. microrugosus* (Ibr.) Naum., *L. nigrifellus* Naum., *Lophotriletes grumosus* Naum., *L. rugosus* Naum., *L. salebrosus* Naum., *Acanthotriletes tenuispinosus* Naum., *A. regularis* Naum., *Tuberculispora* (*Lophotriletes*) *perspicus* Naum. Oshurkova. В средней части разреза выделены споры *Leiotriletes nigratus* (Waltz.) Naum., *L. plicatus* (Waltz.) Naum., *L. simplicissimus* Naum., *Retusotriletes* sp., *Archaeozonotriletes subsidiarius* Tschibr., *A. crassispinosus* Tschibr., *Diatomozonotriletes* sp. В верхней части разреза найдены растения *Margophyton goldschmidtii* (Halle) Zakh., *Drepanophycus spinaeformis* Goepp., *Jeniseiphyton* cf. *lebedevi* Anan., *Psilophyton salairicum* Anan. et S. Step., *P. burnotensis* (Gilk.) Kr. et Weyl. [22].

Пыжиноозерная свита [21] в восточных частях Уйменского прогиба по простиранию замещает кубойскую свиту. В её составе преобладают пестроцветные разнотернистые, горизонтально и косослоистые песчаники с прослоями алевролитов и глинистых сланцев. В верхней части свиты известковистые алевролиты, глинисто-известковистые сланцы, мергели, органогенно-обломочные известняки. Мощность свиты 500–1 000 м. В составе фаунистического комплекса верхней части свиты табуляты *Favosites regularissimus* Yanet, *F. udodovi* Miron., *Pachyfavosites* aff. *saetigera* (Swann.), *P.* cf. *polymorphus* (Goldf.), *Squameofavosites uimenensis* Miron., *Adetopora granda* Miron., *A. comieformis* (Dubat.), *Thamnopora sialis* (Dubat.) и др., а также брахиоподы *Areostrophia distorta* (Barr.), *Atrypa schandensis* Rzon., *Dentatrypa tschumyschensis* Rzon., *Brachyprion* (?) cf. *nalivkini* Khalf., *Emanuelia subumbona* (Hall.), *Gypidula* sp. и др.; ругозы *Minussiella* ex gr. *sociabilis* Buiv., *Lyriellasma* cf. *orientate* (Soshk.), *Grypophyllum* sp., трилобиты *Phacops* ex gr. *sublatifrons* N. Tchern. эмского века раннего девона [23].

Нырнинская свита свита (стратотип по р. Нырне, левому притоку р. Уймень) описана В.М. Сенниковым под названием тарболинская свита. Переименована решением совещания СибРМСК в 1979 г. [24]. Нырнинская свита объединила отложения тюрехтинской, уйкараташской свит и вулканиты тайтыцнской свиты [24]. Стратотип расположен на р. Нырне, левом притоке р. Уймень. Нырнинская свита перекрывает отложения кубойской и пыжиноозерной свит и сложена зеленовато-серыми и красноцветными базальтами, андезибазальтами, андезитами, реже кристалло- и лиокластическими туфами смешанного и от основных до кислого состава, туфитами с горизонтами осадочных пород. Мощность свиты от 2 000 до 3 000 м. В нижней части свиты по левым бортам долин рр. Нырна и Уймень, ниже устья Нырны найдены остатки растений *Margophyton goldschmidtii* (Halle) Zakh., *Protobarinopyton obrutschevi* Anan., *Haplostigma? irregularis* (Schwarz) Sew., *Hostimella* sp., *Aphylopteris* sp. [25]. Верхние части разреза у подножья борта р. Тырги в 2,1 км выше устья р. Черемновская содержат растительные остатки *Pseudosporochmus chlupaci* Obr., *Pseudouralia sibirica* Petros.; в правом борту р. Саракокши в 2,3 км выше устья р. Ебуза: *Asteroxylon elberfeldense* Kr. et Weyl., *Haplostigma irregularis* (Schwarz)

Sew., *Protolepidodendron scharyanum* Krejci, *Aneurophyton germanicum* Kr. et Weyl., *Pseudouralia sibirica* Petros.; в левом борту р. Бельга в 1,5 км выше устья р. Арганду – *Pseudouralia sibirica* Petros., *Hostimella* sp., *Aphylopteris* sp., *Dichophyton* sp.; на водоразделе реки Аккая и в 1,8 км западнее г. Аккая – *Glyptophyton granulare* Krysht., *Hostimella* sp., *Aphylopteris* sp. [25]. Верхняя часть нырнинской свиты содержит растения *Psilophyton rectissimum* Höeg, *Psilophyton salairicum* Ananiev et Step. (сборы В.П. Удодова, определение А.Р. Ананьева).

Саганская свита ранее называлась В.М. Сенниковым угульской. Переименована решением совещания СибРМСК в 1979 г. [24]. Стратотип установлен на водоразделе рр. Угул – Каракокша. Свита состоит из пестроокрашенных разнообломочных витрокластических, кристалло-литокластических туфов и ингибритов, риолитов, риодацитов, дацитов, редко с примесью обломков андезибазальтов и базальтов. В меньшей степени развиты лавы, лавобрекчии и кластолавы того же состава и горизонты осадочно-вулканогенных и осадочных пород. Мощность свиты от 1 500 до 2 000 м. Нижняя граница с нырнинской свитой согласная, верхняя граница с байгольской свитой носит характер параллельного несогласия. В нижней части саганской свиты в приустьевой части р. Клык Ю.С. Надлером, В.А. Ананьевым определены псилофиты *Psilophyton rektissimum* Höeg и *Psilophyton salairicum* Ananiev [24]. В правом борту р. Каракокша, от устья долины р. Бельга до лога Кайрак верхних частях разреза свиты определены растения *Aneurophyton germanicum* Kr. et Weyl., *Protolepidodendron scharyanum* Krejci, *Protocephalopteris praecox* (Hoeg) Anan., *Psilophyton salairicum* Anan. et S.Stp., *Ilemorophyton asiatica* S.Stp. [25]. В правом борту р. Иша у с. Чоя в основании свиты установлены растения *Protopteridium* sp., *Taeniocrada dubia* Kr. et Weyl., *Glyptophyton granulare* Krysht., *Aneurophyton germanicum* Kr. et Weyl., *Asteroxylon elberfeldense* Kr. et Weyl., *Aphylopteris* sp., *Hostimella* sp., *Dichophyton* sp. (материалы Ю.С. Надлера, В.Г. Кузнецовой, 1973) [25].

Улусукская свита (по р. Улусук) [25] сложена зелено- и сероцветными, реже красноцветными существенно полевошпатовыми (туфогенными), в разной мере известковистыми мелко- и среднетернистыми песчаниками, алевропесчаниками, алевролитами, значительно реже слоистыми, часто глинистыми известняками, редко прослоями туфогравелитов, глинистых сланцев, туфитов. Свита с размывом залегает на вулканитах нырнинской свиты и согласно перекрывается гайозенской свитой. Мощность отложений от 200 до 1 200 м. В разрезах свиты установлены углефицированные споры родов *Leiotriletes*, *Lophotriletes*, *Archaeotriletes* и *Acanthotriletes* (материалы В.Н. Корженева и др., 1992), указывающих на среднедевонский возраст вмещающих пород.

Тайозенская свита [24] представлена толщей сероцветных терригенно-карбонатных отложений, среди которых доминируют разнообразие биогенные и органогенно-обломочные, пелитоморфные, массивные и слоистые известняки, известковые аргиллиты, алевролиты, мергели, реже мелкозернистые известковые песчаники.

Нижняя граница свиты с улусукской свитой согласная, верхняя – эрозионная. Мощность отложений от 400 до 700 м. В составе фаунистического комплекса тайцозенской свиты брахиоподы *Euryspirifer cheehiel* (Коп.) var. *alata* Stuck., *Spinocyrtia martianovi* (Stuck.), *Brachyspirifer* cf. *seid* Nal., *Stropheodontu asella* Vem., *Schizophoria striatula* Scholth. и др.; ругозы *Altaiophyllum belgebaschicum* Iv., *Pachyphyllum ibergense* Roem., *Minusiella biyense* Bulv. и др.; табуляты *Thamnopora radugini* Dubat., *Th. boliniensis* Goss., *Th. ex gr. clariondi* Le Maitre, *Thecostegites compactus* Dubat., *Favosites intermedius* Stewart. и др. [24]. Возраст отложений свиты определяется позднеживетским веком (мазатовско-китатское время) среднего девона.

Байгольская свита (по р. Байгол) [22] имеет верхнюю эрозионную границу и ложится на размытую поверхность саганской свиты. В основании залегает пачка (7–10 м) серых, светло-серых органогенно-обломочных песчаных известняков с мелкой галькой черных фосфоритов и обильной фауной брахиопод и кораллов, и прослоями глинистых сланцев. Разрез наращивается толщй красноцветных алевроитисто-глинистых сланцев, алевролитов, известковистых гравелитов и песчаников со следами местных перемывов. Мощность свиты более 980 м. В стратотипе определены брахиоподы *Adolfia fomitschevi* Rzon., *Cyrtospirifer* cf. *achmet* Nal., *C. cf. Schelonius* Nal. и др.; ругозы *Schluteria lazutkini* Bulv., *Phillipsastraea schafferi* Pen., *Disphyllum pashiensis* (Soshk.) и др.; мшанки *Lioclema plicatile* Volk., *Leptotrypella protea* Volk. (материалы Я.М. Гутака и др., 1999); в разрезе по р. Лебедь остатки флоры *Archaeopteris osmanica* S. Step., *Ar. sibirica* Zall. (данные Г.А. Бабина и др., 1991). В левому борту долины р. Куба найдены брахиоподы *Cyrtospirifer* sp., *Athyris angelica* (Hall.), *A. isilensis* Rlon., *Cyrtina recta* (Hall.), *Gypidula cassidea* (Phill.), *Schizophoria tulliensis* (Van.), *Aulacella eifeliensis* (Vem.) и др., указывающие на франский ярус верхнего девона [22].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Девонский разрез северо-восточной части Горного Алтая характеризуется чередованием морских и континентальных осадков с морской фауной и остатками растений, что позволяет надежно обосновать возраст слагающих его свит. Большинство исследователей

считает, что наиболее широко вулканизм проявился в эмсе. Мы, на основании установления признаков вулканизма в кондратьевской свите, допускаем, что первые девонские вулканы появились еще в конце пражского времени. Вулканизм протекал в разных структурах не синхронно и прекратился в северо-восточных районах Горного Алтая во второй половине живетского времени. Большинство девонских отложений северо-восточной части Горного Алтая формировалось либо на континенте, либо вблизи его и представляло образования терригенно-карбонатного и вулканического шельфа. По петрохимическим характеристикам вулканогенных пород реконструированы коллизионные обстановки в нижнем девоне западного и центрального Алтая [26], нижнедевонский тыловой рифт в восточном Алтае [25]. Для осадочных пород терригенно-карбонатного шельфа характерна крупная ритмичная линзовидно-полосчатая и периодически отмечаемая косая слоистость, преимущественно полимиктовый, субаркозовый, аркозовый и кварцевый состав обломочных пород, чередующиеся морские и континентальные условия образования осадочных и вулканогенных пород, периодически наблюдаемые по девонскому разрезу конгломераты и гравелиты в основании крупных трансгрессивных циклов. Образование их связано с размывом растущего Сибирского континента, на который периодически наступало море. Надежное палеонтологическое обоснование получило выделение отложений лохкова, прагена, эмса и эйфеля, живета, франа и фамена. Относящиеся к этому возрастному интервалу ремневскую, якушенскую, киревскую, кувашскую, мукур-чергинскую, матвеевскую кондратьевскую, большешихинскую, медведевскую свиты, выделенные в девонских отложениях Куягано-Барагашской группы грабенов, и комарскую, басаргинскую, терентьевскую, рудниковскую свиты Сарасинского грабена необходимо ввести в региональную стратиграфическую схему Горного Алтая как картируемые и палеонтологически охарактеризованные стратиграфические подразделения. В Онгудайском грабене Лебедском и Уйменском прогибах, Каракокшинской группе грабенов преобладают континентальные отложения с остатками растений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елкин Е.А., Грацианова Р.Т. Схема расчленения морских нижнедевонских эйфельских отложений Горного Алтая // Геология и геофизика. 1966. № 8. С. 57.
2. Грацианова Р.Т. О сопоставлении песчано-сланцевых и карбонатных отложений нижнего девона и эйфеля Горного Алтая и северо-восточного склона Салаира // Геология и геофизика. 1962. № 5. С. 78.
3. Коржнев В.Н. Стратиграфия нижнедевонских отложений северной части Барагашского грабена // Известия Бийского отделения Русского географического общества. Бийск : БПГУ им В.М. Шукшина, 2009. Вып. 30. С. 35–43.
4. Кривчиков В.А., Селин П.Ф., Русанов Г.Г. Геологическая карта масштаба 1 : 2 000 000. 2-е изд. Сер. Алтайская. Лист М-45-I (Солонешное). Объяснительная записка. СПб. : ВСЕГЕИ, 2001. 183 с.
5. Стратиграфия палеозоя средней Сибири. Новосибирск, 1967. С. 137.
6. Елкин Е.А. Трилобиты (дехенелиды) и стратиграфия нижнего и среднего девона юга Западной Сибири. М. : Наука, 1968. 156 с.
7. Коржнев В.Н. Большешихинская свита нижнего девона Горного Алтая // Известия Бийского отделения Русского географического общества. Бийск : АГАО им. В.М. Шукшина, 2011. Вып. 32. С. 7–11.
8. Халфин Л.Л. Фауна и стратиграфия девонских отложений Горного Алтая. Томск : Изд-во ТПИ, 1948. 287 с.
9. Чернов Г.А., Грацианова Р.Т. О фауне и стратиграфии нижнего девона бассейна р. Печаной в Горном Алтае // Труды Горно-геологического института Западно-Сибирской ФАН СССР. 1956. Вып. 17. С. 149.
10. Грацианова Р.Т., Кульков Н.П. Стратиграфия девонских отложений Саяно-Алтайской области. Горный Алтай // Биостратиграфия палеозоя Саяно-Алтайской горной области. Т. 2 : Средний палеозой : тр. СНИИГиМС. 1960. Вып. 20. С. 216–239.

11. Гинцимгер А., Грацианова Р.Т., Елкин Е.А. Горный Алтай // Стратиграфия СССР. Девонская система. М. : Недра, Кн. 2. С. 80–94.
12. Кононов А.Н., Кононова Т.М., Некрасова Л.И., Пасечный Г.В. Объяснительная записка к геологической карте СССР масштаба 1 : 2 00 000. Лист М-45-VIII. М. : Госгеолтехиздат, 1962. 90 с.
13. Бозуи О.И., Бушмина Л.С., Грацианова Р.Т. и др. Нижний карбон Горного Алтая // Биостратиграфия и палеобиогеография девона и карбона-Азиатской части СССР : тр. ИГиГ. Новосибирск : Наука, 1978. Вып. 386. С. 29–66.
14. Подрядчиков С.С., Мамлин А.Н. Новые данные по стратиграфии девона и карбона Сибирячихинской грабен-синклинали (Горный Алтай) // Фауна и стратиграфия верхнего и среднего палеозоя Сибири : тр. ИГиГ. Новосибирск : Наука, 1979. Вып. 401. С. 32–39.
15. Коржнев В.Н. Стратиграфия девона Сарасинской грабен-синклинали в Горном Алтае // Материалы по геологии и стратиграфии Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1979. С. 19–27.
16. Удодов В.П., Зинченко В.Г. О «таштыпских» отложениях Горного Алтая // Известия Кузнецкого отдела Географического общества СССР. Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1972. Вып. 1. С. 160.
17. Ананьев А.Р., Удодов В.П., Надлер Ю.С. О палеоботаническом обосновании эмс-эйфельской границы // Современное значение палеонтологии для стратиграфии. Л. : Наука, 1978. С. 7–8.
18. Кузнецов Ю.А. Геологическое строение центральной части Горного Алтая // Материалы по геологии Западной Сибири. Томск, 1939. № 41. С. 11.
19. Белоусов А.Ф., Дубинкина С.Ф., Кузьмина Ю.В. Объяснительная записка к геологической карте СССР масштаба 1 : 200 000. Лист М-45-IX. М. : Госгеолтехиздат, 1962. 104 с.
20. Гутак Я.М., Гусев Н.И., Сергеев В.П. Материалы к стратиграфии Онгудайского грабена (Горный Алтай) // Новые данные о геологии и полезных ископаемых западной части Алтае-Саянской области. Новокузнецк, 1995. С. 68–71.
21. Удодов В.П. О «Тайгынских» отложениях Уйменско-Лебедской структурно-формационной зоны // Труды Новосибирского педагогического университета. 1974. Вып. 113. С. 44–76.
22. Туркин Ю.А., Федак С.И. Геология и структурно-вещественные комплексы Горного Алтая / под науч. ред. В.М. Исакова. Томск : STT, 2008. 400 с.
23. Удодов В.П., Кашинова В.В. Био- и фито-стратиграфия уйменско-лебедского девона // Геологическое строение и рельеф Восточного Алтая. Новосибирск, 1976. С. 57–92.
24. Решения Всесоюзного совещания по разработке унифицированных стратиграфических схем докембрия, палеозоя и четвертичной системе Средней Сибири 1979 г. Ч. II : Средний и верхний палеозой. Новосибирск, 1982.
25. Туркин Ю.А., Гусев А.И., Федак С.И. и др. Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1 : 200 000. 2-е изд. Сер. Алтайская. Лист М-45-III (Чемал) / ред. В.Н. Коржнев. СПб. : Изд-во СПб картфабрики ВСЕГЕИ, 2001. 194 с.
26. Тикунов Ю.В. Геохимия девонских вулканитов островодужного типа центральной и западной частей Горного Алтая. Новосибирск : Изд-во ОИГГМ СО РАН, 1994. 54 с. (Препринт № 2).

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 13 января 2014 г.

THE STRATIGRAPHY OF THE DEVONIAN SEDIMENTS IN THE NORTH-EASTERN PART OF THE ALTAI

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 205-214. DOI: 10.17223/15617793/380/34

Korzhnnev Viktor N. V.M. Shuchin Altai State Academy of Education (Biysk, Russian Federation). E-mail: viktorkorzhnev@mail.ru

Keywords: stratigraphy; Devon; north-eastern part of Altai.

The Devonian section of the north-eastern part of the Altai Mountains is characterized by alternating marine and continental sediments with sea fauna and the remains of plants, which make it possible to safely justify the age of its constituent formations. The majority of the researchers believe that volcanism is most evident in the Emsian. On the basis of the signs of volcanism in the Kondratiev suite, we concede that the first Devonian volcano appeared at the end of the Praghian time. Volcanism was not synchronous in different structures. It stopped in the north-eastern parts of the Altai in the second half of the Givetian time. The Devonian section of the north-eastern part of the Altai deposits is represented by the Lochkovian, Praghian, Emsian, Eifelian, Givetian, Frasnian and top Famennian stages. They formed on the continent, or near it, and were the formations of the clastic-carbonate and volcanic shelf. The petrochemical characteristics of volcanic rocks reconstructed collision situations in the Lower Devonian of the western and central Altai, the Lower Devonian back rift in the eastern Altai. The sedimentary clastic-carbonate shelf is characterized by large rhythmic lenticular-striped and periodically observed cross beddings; mainly polymictic, sub-arkosic, arkosic and quartz composition of clastic rocks; alternating marine and continental conditions for the formation of sedimentary and volcanic rocks; conglomerates and grits at the base of major transgressive cycles occasionally observed in the Devonian section. Their formation is associated with the increasing erosion of the Siberian continent with periodical advances of the sea. The Kuyagan-Baragash group of grabens and Sarasin graben are characterized by the prevailing sea elements with rich complexes of tabulate and rugose corals, trilobites and brachiopods. The Remnevskaya, Yakushenskaya, Kireevskaya, Kuvashskaya, Mukur-Tcherginskaya, Matveevskaya, Kondratiev, Bolshetikhinskaya, and Medvedevskaya suites allocated in the Devonian sediments of the Kuyagan-Baragash group of grabens should enter the regional stratigraphic diagram of the Gorny Altai as mappable and palaeontologically described stratigraphic units. The partition scheme of the Devonian sediments of the Sarasin graben is sufficiently substantiated (upward): the Komarskaya, Basarginskaya, Terentevskaya, Rudnikovskaya suites. These suites should also enter the regional stratigraphic scheme. In the Ongudaysky graben, in the Uymenskiy and Lebedskiy depressions, in the Karakokshinskaya group of grabens continental deposits are dominant. The Emsian tabulate and rugose corals and brachiopods are regular for the Pyzhinoozernaya suite, while the Kubovskaya suite has the Lower Devonian plants. Karakudyurskaya, Ongudayskaya, Kuratinskaya, Nyminskaya, Saganskaya and Ulusukskaya suites contain plant remains. A rich set of brachiopods, bryozoans, rugose and tabulate corals of the Upper Givetian time (the Mazalovo-Kitat horizon) is found in the Tayozenskaya suite. The Late Givetian brachiopods of the Mazalovo-Kitat horizon are found in the Tuektinskaya and Bichiktubomskaya suites. The Boguchinskaya suite contains Late Givetian – Lower Frasnian brachiopods. Within the Lebedskiy depression there is a break at the base of the Baygolskaya suite of the Frasnian age. We made a stratigraphic correlation of the Devonian deposits of the Kuyagan-Baragash group of grabens and the Sarasin graben with the sections of the Ongudaysky graben, the Uymenskiy and Lebedskiy depressions, and the Karakokshinskaya group of grabens.

REFERENCES

1. Elkin E.A., Gratsanova R.T. Skhema raschleneniya morskikh nizhnedevonskikh eyfel'skikh otlozheniy Gornogo Altaya. *Geologiya i geofizika*. 1966. No. 8. P. 57.
2. Gratsianova R.T. O sopostavlenii peschano-slantsevykh i karbonatnykh otlozheniy nizhnego devona i eyfelya Gornogo Altaya i severo-vostochnogo sklona Salaira. *Geologiya i geofizika*. 1962. No. 5. P. 78.
3. Korzhnev V.N. Stratigrafiya nizhnedevonskikh otlozheniy severnoy chasti Baragashskogo grabena. *Izvestiya Biyskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Biysk : BPGU im V.M. Shukshina, 2009. Vyp. 30. P. 35-43.
4. Krivchikov V.A., Selin P.F., Rusanov G.G. Geologicheskaya karta masshtaba 1 : 2 000 000. 2-e izd. Ser. Altayskaya. List M-45-I (Solloneshnoe). Ob»snitel'naya zapiska. SPb. : VSEGEI, 2001. 183 p.
5. Stratigrafiya paleozoya sredney Sibiri. Novosibirsk, 1967. P. 137.
6. Elkin E.A. Trilobity (dekhenelidy) i stratigrafiya nizhnego i srednego levona yuga Zapadnoy Sibiri. M. : Nauka, 1968. 156 p.
7. Korzhnev V.N. Bol'shetikhinskaya svita nizhnego devona Gornogo Altaya. *Izvestiya Biyskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Biysk : AGAO im. V.M. Shukshina, 2011. Vyp. 32. P. 7-11.
8. Khalfin L.L. Fauna i stratigrafiya devonskikh otlozheniy Gornogo Altaya. Tomsk : Izd-vo TPI, 1948. 287 p.
9. Chernov G.A., Gratsianova R.T. O faune i stratigrafii nizhnego devona basseyna r. Pschanoy v Gornom Altae. *Trudy Gorno-geologicheskogo instituta Zapadno-Sibirskoy FAN SSSR*. 1956. Vyp. 17. P. 149.
10. Gratsianova R.T., Kul'kov N.P. Stratigrafiya devonskikh otlozheniy Sayano-Altayskoy oblasti. Gornyy Altay. *Biostratigrafiya paleozoya Sayano-Altayskoy gornoy oblasti*. V. 2 : Sredniy paleozoy : tr. SNIIGiMS. 1960. Vyp. 20. P. 216-239.
11. Gintsmnger A., Gratsianova R.T., Elkin E.A. Gornyy Altay. Stratigrafiya SSSR. Devonskaya sistema. M. : Nedra, Kn. 2. P. 80-94.
12. Kononov A.N., Kononova T.M., Nekrasova L.I., Pasechnyy G.V. Ob'yasnitel'naya zapiska k geologicheskoy karte SSSR masshtaba 1 : 2 00 000. List M-45-VIII. M. : Gosgeoltekhizdat, 1962. 90 p.
13. Bogush O.I., Bushmina L.S., Gratsianova R.T. i dr. Nizhniy karbon Gornogo Altaya. *Biostratigrafiya i paleobiogeografiya devona i karbona Aziatskoy chasti SSSR* : tr. IGiG. Novosibirsk : Nauka, 1978. Vyp. 386. P. 29-66.
14. Podryadchikov S.S., Mamlin A.N. Novye dannye po stratigrafii devona i karbona Sibiryachikhinskoy graben-sinklinali (Gornyy Altay). *Fauna i stratigrafiya verkhnego i srednego paleozoya Sibiri* : tr. IGiG. Novosibirsk : Nauka, 1979. Vyp. 401. P. 32-39.
15. Korzhnev V.N. Stratigrafiya devona Sarasinskoy graben-sinklinali v Gornom Altae. Materialy po geologii i stratigrafii Sibiri. Tomsk : Izd-vo TGU, 1979. P. 19-27.
16. Udodov V.P., Zinchenko V.G. O «tashtypskikh» otlozheniyakh Gornogo Altaya. *Izvestiya Kuznetskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*. Kemerovo : Kemerov. kn. izd-vo, 1972. Vyp. 1. P. 160.
17. Anan'ev A.R., Udodov V.P., Nadler Yu.S. O paleobotanicheskom obosnovanii ems-eyfel'skoy granitsy. Sovremennoe znachenie paleontologii dlya stratigrafii. L. : Nauka, 1978. S. 7-8.
18. Kuznetsov Yu.A. Geologicheskoe stroenie tsentral'noy chasti Gornogo Altaya. Materialy po geologii Zapadnoy Sibiri. Tomsk, 1939. No. 41. P. 11.
19. Belousov A.F., Dubinkina S.F., Kuz'mina Yu.V. Ob'yasnitel'naya zapiska k geologicheskoy karte SSSR masshtaba 1 : 200 000. List M-45-IX. M. : Gosgeoltekhizdat, 1962. 104 s.
20. Gutak Ya.M., Gusev N.I., Sergeev V.P. Materialy k stratigrafii Ongudayskogo grabena (Gornyy Altay). Novye dannye o geologii i poleznykh iskopaemykh zapadnoy chasti Altae-Sayanskoy oblasti. Novokuznetsk, 1995. P. 68-71.
21. Udodov V.P. O «Taytinskikh» otlozheniyakh Uymensko-Lebedskoy strukturno-formatsionnoy zony. *Trudy Novosibirskogo pedagogicheskogo universiteta*. 1974. Vyp. 113. P. 44-76.
22. Turkin Yu.A., Fedak S.I. Geologiya i strukturno-veshchestvennye komplekсы Gornogo Altaya. Pod nauch. red. V.M. Isakova. Tomsk : STT, 2008. 400 p.
23. Udodov V.P., Kashinova V.V. Bio- i fitostratigrafiya uymensko-lebedskogo devona. Geologicheskoe stroenie i rel'ef Vostochnogo Altaya. Novosibirsk, 1976. P. 57-92.
24. Resheniya Vserossiyskogo soveshchaniya po razrabotke unifikirovannykh stratigraficheskikh skhem dokembriya, paleozoya i chetvertichnoy sisteme Sredney Sibiri 1979 g. Ch. II : Sredniy i verkhniy paleozoy. Novosibirsk, 1982.
25. Turkin Yu.A., Gusev A.I., Fedak S.I. i dr. Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy federatsii masshtaba 1 : 200 000. 2-e izd. Ser. Altayskaya. List M-45-III (Chenal). Red. V.N. Korzhnev. SPb. : Izd-vo SPb kartfabriki VSEGEI, 2001. 194 p.
26. Tikunov Yu.V. Geokhimiya devonskikh vulkanitov ostrovozdushnogo tipa tsentral'noy i zapadnoy chastey Gornogo Altaya. Novosibirsk : Izd-vo OIGGM SO RAN, 1994. 54 p. (Preprint No. 2).

В.М. Подобина

ПРЕДЛАГАЕМАЯ СИСТЕМА ФОРАМИНИФЕР (ВЫСШИЕ ТАКСОНЫ)

Система класса фораминифер, предлагаемая автором, включает 15 подклассов с соподчиненными отрядами. Приводится описание этих таксонов, и представлена схема филогении фораминифер с выделением пяти этапов в их развитии. Выделяемые этапы согласуются с проявлением тектонических движений. Начало появления отдельных подклассов совпадает с завершением известных эпох складчатости: байкальской, каледонской, герцинской, киммерийской, а также средней фазы альпийской эпохи тектогенеза.

Ключевые слова: система фораминифер; подклассы; отряды; филогения; эпохи тектогенеза.

Введение

А.В. Фурсенко [1] привел системы 13 авторов с обоснованием критериев их установления. Среди данных систем приведена созданная отечественными учеными система фораминифер под руководством Д.М. Раузер-Черноусовой и А.В. Фурсенко [2].

На основании изучения цитоплазмы фораминифер А.В. Фурсенко определил их положение в ранге подкласса класса саркодовых типа Protozoa. В подклассе фораминифер [1, 2] установлены 13 отрядов с соподчиненными таксонами (надсемейства, семейства и др.).

Более 18 лет прошло после выхода в свет новой системы фораминифер [3, 4]. В этой системе Н.И. Маслаковой учтены предыдущие исследования таких ученых, как Д.М. Раузер-Черноусова, А.В. Фурсенко [2], В.И. Михалевич [5], Х.М. Саидова [6], A. Loeblich & H. Tappan [7]. Американскими исследователями сгруппированы выделяемые подотряды в отряде Foraminifera, принимая в основу установленных таксонов разнородные признаки. В результате этого, на наш взгляд, совершенно неродственные группы фораминифер были объединены в подотряды, надсемейства и семейства. Н.И. Маслакова [3, 4] обобщила новые сведения по изучению цитоплазмы фораминифер, повысив эту группу организмов в ранге до класса.

Автором данной статьи многие годы изучались ископаемые фораминиферы, поэтому поддержаны исследования Н.И. Маслаковой, опубликовавшей значительно уточненную систему. Однако наши исследования показали, что такой подкласс, как Textulariata Mikhalevich, 1980 [5], который представлен и в системе Н.И. Маслаковой, включает разнородные отряды, которые по химическому составу, микроструктуре стенки, способу образования спирали и другим критериям (геохронологический, палеогеографический, палеобиогеографический) могут быть выделены как самостоятельные подклассы. Эти таксоны или новые подклассы, по мнению автора, по всем критериям согласуются с отрядами, ранее предложенными Д.М. Раузер-Черноусовой и А.В. Фурсенко [1, 2]. Автор, со своей стороны, увеличила число отрядов, имевших ранг надсемейств или семейств, в выделенных подклассах фораминифер.

Предполагаемая система фораминифер основывается на исследованиях вышеупомянутых ученых с изменениями и дополнениями автора.

Система фораминифер (высшие таксоны)

Царство Zoa. Животные

Подцарство Protozoa Goldfuss, 1818.

Простейшие животные

Тип Sarcodina Dujardin, 1838. Саркодовые

Класс Foraminifera d'Orbigny, 1826. Фораминиферы

1. Подкласс Allogromiata Furssenko, 1958

Отряд Allogromiida Furssenko, 1958

2. Подкласс Astrorhiziata Podobina, 2014

Отряд Astrorhizida Lankester, 1885

Отряд Reophracida Podobina, 2014

3. Подкласс Ammodiscata Podobina, 2014

Отряд Ammodiscida Furssenko, 1958

Отряд Haplophragmiida Podobina, 2014

Отряд Lituolida Podobina, 2014

4. Подкласс Lagenata Maslakova, 1990

Отряд Lagenida Lankester, 1885

Отряд Polymorphinida Wedekind, 1937

5. Подкласс Textulariata Podobina, 2014

Отряд Paleotextulariida Hohenegger et Piller, 1975

Отряд Textulariida Lankester, 1885

6. Подкласс Ataxophragmiata Podobina, 2014

Отряд Trochamminida Podobina, 2014

Отряд Ataxophragmiida Schwager, 1877

7. Подкласс Orbitolinata Podobina, 2014

Отряд Orbitolinida Maslakova, 1990

Отряд Tetrataxida Podobina, 2014

8. Подкласс Fusulinata Maslakova, 1990

Отряд Parathuramminida Mikhalevich, 1980

Отряд Moravamminida Maslakova, 1990

Отряд Nodosinellida Maslakova, 1990

Отряд Endothyrida Furssenko, 1958

Отряд Fusulinida Wedekind, 1937

Отряд Involutinida Hohenegger et Piller, 1975

9. Подкласс Miliolata Saidova, 1981

Отряд Cornuspirida Jirovec, 1953

Отряд Soritida Saidova, 1981

Отряд Miliolida Delage et Heronard, 1896

Отряд Alveolinida Mikhalevich, 1980

10. Подкласс Rzehakiniata Podobina, 2014

Отряд Silicinida Podobina, 2014

Отряд Rzehakinida Saidova, 1971

11. Подкласс Rotaliata Mikhalevich, 1980

Отряд Rotaliida Lankester, 1885

- Отряд Nonionida Podobina, 2014
- Отряд Elphidiida Podobina, 2014
- 12. Подкласс Globigerinata Maslakova, 1990
 - Отряд Globigerinida Lankester, 1885
 - Отряд Heterohelicida Furssenko, 1958
- 13. Подкласс Buliminata Podobina, 2014
 - Отряд Buliminida Furssenko, 1958
 - Отряд Pleurostomellida Podobina, 2014
 - Отряд Cassidulinida Voloshinova, 1970
- 14. Подкласс Spirillinata Maslakova, 1990
 - Отряд Spirillinida Hohenegger et Piller, 1975
- 15. Подкласс Nummulitiata Podobina, 2014
 - Отряд Orbitoidida Baschkurov et Antonischin, 1974
 - Отряд Nummulitida Lankester, 1885

Следовательно, класс Foraminifera d'Orbigny, 1826, по автору, объединяет 15 подклассов. Из них 8 подклассов ранее были установлены В.И. Михалевич [5] и Н.И. Маслаковой [4]. Один из этих подклассов Textulariata Mikhailovich, 1980 в отношении соподчиненных таксонов оказался сборным, так как не соответствует установленным таксономическим критериям, поэтому полностью расформирован. Вместо него автором данной статьи выделены шесть подклассов: Astrorhiziata, Ammodiscata, Rzehakiniata, Textulariata (таксон такого же названия, но объединяет другие соподчиненные отряды), а также Ataxophragmiata и Orbitolinata. Кроме этих шести подклассов автором из подкласса Rotaliata отделены два подкласса: Buliminata и Nummulitiata. Таким образом, автором добавлены восемь подклассов к ранее известным [9].

А.В. Фурсенко [8] предложил развивать и совершенствовать систему фораминифер, известную в «Основах палеонтологии» [2]. Автор последовала совету А.В. Фурсенко и взяла за основу таксоны (отряды, надсемейства и семейства), установленные в отечественном справочнике [2]. Выделение всех подклассов основано автором на особенностях морфологического строения раковин, а также учтены геохронологический, палеогеографический и палеобиогеографический критерии. К подклассу Ammodiscata отнесен новый отряд Haplophragmiida Podobina, 2014, выделенный из литуолид по химическому составу и микроструктуре стенки (агглютинированная кварцево-кремнистая, не известковая секретионно-агглютинированная, как у литуолид). При этом учтены другие морфологические особенности раковин, а также вышеуказанные критерии [9–12].

Обоснование объединения в подклассы отрядов (бывших надсемейств, семейств) приведено в дальнейшем тексте. Следует отметить, что такой признак, как агглютинированная стенка, является недостаточным для объединения отрядов в один подкласс Textulariata. Агглютинированная стенка раковин, как показали наши исследования, может быть агглютинированной кварцево-кремнистой или известковой секретионно-агглютинированной [10]. Кроме разной по химическому составу стенки, совершенно различен в этом подклассе (Textulariata) и способ образования спирали, а также не учтен ряд критериев в выделении этого и других подклассов.

Повышение некоторых отрядов до уровня подклассов в основном связано с повышением подкласса фораминифер до ранга класса [3]. Предлагаемая уточненная система фораминифер более близка к той системе [2], которую мы привыкли использовать в повседневной научной и практической работе.

Для обоснования установления высших таксонов автором использованы совместно несколько критериев [1, 10]. Однако первостепенное значение имеют химический состав, строение стенки и раковины. При рассмотрении филогении класса фораминифер и его отдельных подклассов учитывались, наряду с основными критериями (морфологическим и геохронологическим), также палеогеографический и палеобиогеографический критерии (рис. 1). Распространение в разрезе фанерозоя представителей установленных подклассов позаимствовано из «Основ палеонтологии» [2] с учетом новых данных.

На рис. 1 отчетливо выделяются пять крупных этапов в развитии фораминифер, зависящих от проявления тектонических движений. *Первый этап* охватывает три подкласса, два из них, Allogromiata и Astrorhiziata, вероятно, появились с конца докембрия, а третий подкласс – Ammodiscata – с начала кембрия. Они существовали на протяжении фанерозоя с постепенным усложнением входящих или появлением соподчиненных таксонов – отрядов, надсемейств и семейств.

Автор детально исследовала некоторые раковины аммодисцид, особенно их прогрессивные формы, и ранее установила в отряде Ammodiscida три надсемейства: Ammodiscidea, Haplophragmiidea и Lituolidea [10]. В настоящее время ранг аммодисцид повышен автором до подкласса Ammodiscata Podobina, 2014 с выделением трех отрядов. Представители первого отряда Ammodiscida имеют разную по химическому составу стенку и относительно примитивное морфологическое строение раковин – из двух камер: начальной (пролокулуса) и второй трубчатой, не подразделенной на камеры. Предполагается, что именно представители данного отряда были наиболее примитивными таксонами в подклассе Ammodiscata.

На основании изучения присланных по нашей просьбе французскими учеными (Le Calvez) топотипов раковин – *Haplophragmoides canariensis* (d'Orbigny) (близ Канарских островов) и *Lituola nautiloidea* Lamarck (из Франции, кампан) – автором установлено, что это совершенно различные таксоны, определившие основу для выделения самостоятельных отрядов Haplophragmiida Podobina, 2014 и Lituolida Podobina, 2014. У представителей первого отряда стенка раковины агглютинированная, кварцево-кремнистая, многокамерная, со спиральной (один отдел) или спирально-выпрямленной (два отдела) раковиной. К отряду Lituolida относятся раковины с известковой секретионно-агглютинированной стенкой с микрогранулярной микроструктурой. Иногда на шлифах стенка литуолид выглядит ложноальвеолярной. Подобные раковины, названные пока двойниками [13], установлены автором среди атаксофрагмид (ныне подкласс Ataxophragmiata). Например, роды *Verneuilina* – *Verneulinoides*, *Gaudryina* – *Gaudryinopsis*, *Marsson-*

Периоды млн. лет	Границы млн. лет	Подклассы фораминифер												
		2	3	4	5	6	7	8	1	9	10	11	12	13
Q 2,6	2,6													
N 22,0	24,6													
P 40,4	65,0													
K 79,0	144,0													
J 69,0	213,0													
T 35,0	248,0													
P 38,0	286,0													
C 74,0	360,0													
D 40,0	400,0													
S 30,0	470,0													
O 69,0	500,0													
E 40,0	540,0													

Рис. 1. Схема филогении класса фораминифер. Подклассы Allogromiata и Astrorhiziata – появление с конца докембрия и существование на протяжении фанерозоя. От них – начало подкласса Ammodiscata: 1-й этап – появление этих трех подклассов и существование донныне; 2-й этап – появление 6 подклассов (2–7) с **O** и **S**, расцвет с **D**. 3-й этап – появление 4 подклассов (8–11) с **T**, расцвет с **J** и **K**. 4-й этап – появление 2 подклассов (12, 13) с конца **K**, расцвет в **P** (эоцен). 5-й этап – вымирание 2 подклассов (5, 13) к концу эоцена, появление новых таксонов глобигеринид (стратиграфическое распространение высших таксонов заимствовано из «Основ палеонтологии», 1959 с учетом новых данных.)

ella – *Arenogaudryina* и др. По-видимому, в подклассе *Ataxophragmiata* по химическому составу стенки, строению раковин и их распространению также будут установлены разные соподчиненные таксоны – отряды, надсемейства и семейства.

Второй этап (рис. 1) в развитии фораминифер, первые представители которого возникли с конца ордовика и чаще с силура, охватывает шесть подклассов (2–7), расцвет или увеличение разнообразия которых наблюдается с девона – карбона. Таксоны этих подклассов возникли, по-видимому, от разных представителей подкласса *Ammodiscata* и существуют до настоящего времени, за исключением вымерших к концу палеозоя фузулинат и к концу палеогена – орбитолинат.

Третий этап в развитии фораминифер охватывает четыре подкласса (8–11) преимущественно с известково-секреторной стенкой раковин, кроме секреторных кремнистых представителей подкласса *Rzehakiniata*. Эти подклассы фораминифер известны с мезозоя и донныне.

Четвертый этап включает появление двух подклассов (12–13) с конца мелового периода и их расцвет в эоцене, а также почти полное вымирание отряда литуолид к концу мела.

Пятый этап – вымирание двух подклассов (5 и 13) к концу эоцена и появление новых представителей глобигеринид.

Установленные пять этапов в развитии фораминифер приурочены в основном к завершающим фазам тектонических движений. Так, первый этап – появление 1–3 подклассов фораминифер в конце байкальской эпохи тектогенеза; второй этап – возникновение с ордовика и, в основном, с силура шести подклассов (2–7) при завершении каледонской эпохи тектогенеза; третий этап – появление с триаса четырех подклассов (8–11) – совпадает с завершением герцинской эпохи тектогенеза, и далее их развитие в мезозое и кайнозое; четвертый этап – появление двух подклассов (12, 13) при завершении киммерийской эпохи складчатости; пятый этап – проявление к концу эоцена одной из значительных фаз альпийской эпохи тектогенеза и вымирание *Nummulitiata*, *Orbitolinata*, появление новых таксонов глобигеринид.

Необходимо отметить, что к этим геохронологическим рубежам приурочено не только вымирание, но и появление новых таксонов фораминифер. Ниже приводится характеристика 14 подклассов (за исключением *Allogromiata*) и соподчиненных отрядов фораминифер, в

основном включающих сохранившиеся в ископаемом состоянии раковины. В краткой форме описываются их основные морфологические признаки, геохронологическое, палеогеографическое и палеобиогеографическое распространение. При этом учтены предыдущие исследования автора по составу и микроструктуре стенки ископаемых фораминифер [10, 11], а также их палеогеографическое и палеобиогеографическое распространение [12].

На основании указанных критериев описываются все нижеприводимые таксоны – подклассы и отряды. Соподчиненные таксоны – надсемейства, семейства и роды – будут в будущем определять и пополнять объем приводимых в данной статье высших таксонов. Многие из них известны в отечественном справочнике [2], в американской классификации Loeblich & Tappan [7] и могут быть использованы с учетом новых данных в пополнении системы фораминифер.

Подклассы и отряды фораминифер (описание)

Подкласс Astrorhiziata Podobina, 1914
[nom. transl. Podobina (ex Astrorhizida Lankester, 1885)]

Раковины разнообразные по очертанию, свободные и прикрепленные, стенка агглютинированная (в основном кварцево-кремнистая). Появились с кембрия, возможно в верхах докембрия, увеличивается многообразие с ордовика и силура, существуют доныне.

Отряд Astrorhizida Lankester, 1885

Раковина шарообразная или трубчатая, часто разветвленная, устье единичное или множественное; стенка агглютинированная, известковая, секреторно-агглютинированная или кварцево-кремнистая, часто с псевдохитиновой выстилкой. Распространены преимущественно в терригенных фациях, в бассейнах Бореального и Арктического циркумполярного пояса. Докембрий (?), кембрий – ныне.

Отряд Reophracida Podobina, 1914 [nom. transl. Podobina, 2014 (ex Reophracidae Cushman, 1927)]

Раковина свободная, однорядная, многокамерная, устье единичное, конечное, простое или сложное из ряда отверстий; стенка агглютинированная, кварцево-кремнистая. Распространены преимущественно в терригенных фациях Бореального и Арктического поясов. Карбон – ныне.

Подкласс Ammodiscata Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Ammodiscida Furssenko, 1958)]

Раковина свободная или прикрепленная, двухкамерная или многокамерная, по-разному свернутая, иногда на поздней стадии однорядная, устье – открытый конец трубки, ареальное, базальное или септальное, единичное или множественное; стенка агглютинированная, простая или сложная, кварцево-кремнистая, реже известковая или секреторно-известковая. Распространены преимущественно в терригенных фациях Бореального или Арктического циркумполярного поясов. Кембрий – ныне.

Отряд Ammodiscida Furssenko, 1958

Раковина двухкамерная, из начальной округлой и второй трубчатой камеры, разнообразно свернутая относительно начальной камеры, устье – открытый конец последней камеры; стенка кварцево-кремнистая с зернистой микроструктурой или известковая, секреторно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены преимущественно в терригенных фациях Бореального и Арктического циркумполярных поясов. Кембрий – ныне.

Отряд Haplophragmoidida Podobina, 1914 [nom. transl. Podobina, 2014 (ex Haplophragmoididae Mayne, 1952)]

Раковина спирально-плоскостная или стрептоидная, инволютная до эволютной, на второй стадии развития раковина развернутая, однорядная, устье базальное или септальное, единичное или множественное, конечное; стенка простая, часто с псевдохитиновой выстилкой, агглютинированная, кварцево-кремнистая. Распространены в терригенных фациях Бореального и Арктического циркумполярного поясов. Карбон – ныне.

Отряд Lituolida Podobina, 2014 [nom. transl. Podobina, 2014 (ex Lituolidea Reuss, 1861)]

Раковина многокамерная, спирально-плоскостная или стрептоидная, инволютная, на поздней стадии однорядная, устье простое или сложное, ситовидное; стенка известковая, секреторно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой, иногда псевдоальвеолярная. Распространены в карбонатных фациях или в терригенных фациях с содержанием карбонатного материала, в Бореальном или Тетическом поясах. Юра ? – мел.

Подкласс Lagenata Maslakova, 1990
[nom. transl. Maslakova, 1990
(ex Lagenida Lankester, 1885)]

Раковина однокамерная или многокамерная, однорядная или спирально-плоскостная, устье лучистое, иногда простое, округлое, у некоторых таксонов обращенная внутрь устьевая трубка; стенка секреторно-известковая, пористая, с радиальной ориентировкой слагающих ее кристаллов кальцита. Распространены в основном в карбонатных и терригенных фациях Бореального и Тетического поясов. Ордовик – ныне.

Отряд Lagenida Lankester, 1885

Раковина однокамерная или многокамерная, однорядная или спирально-плоскостная, инволютная или полуинволютная, устье простое, округлое или лучистое; стенка секреторно-известковая, гладкая, ребристая, реже ячеистая, пористая. Распространены преимущественно в терригенных фациях с примесью карбонатного материала Бореального, реже Тетического поясов. Ордовик – ныне.

Отряд Polymorphinida Wedekind, 1937 [nom. transl. Wedekind, 1937 (ex Polymorphinidae d'Orbigny, 1840)]

Раковина однокамерная или многокамерная, спирально-винтовая, овально-округлая или удлинённая, камеры обычно объемлющие, неравносторонние или округлые, устье коническое, в основном лучистое, ино-

гда с внутренним каналом, с устьевой камерой или с устьевой трубкой; стенка секретионно-известковая, тонкопористая, гладкая, иногда покрыта шипиками или ребрышками. Распространены в карбонатных и терригенных фациях с примесью карбонатного материала, в Бореальном поясе. Пермь – ныне.

Подкласс Textulariata Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Textulariida Lankester, 1885)]

Раковина с начальным спиральным отделом и вторым – двухрядным, иногда полностью двухрядная, устье базальное, щелевидное или из нескольких отверстий на септальной поверхности; стенка агглютинированная, обычно тонкозернистая, кварцево-кремнистая или известковая секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в терригенных или карбонатных фациях Бореального или Арктического циркумполярного поясов. Ордовик – ныне.

Отряд Palaeotextulariida Hohenegger et Piller, 1975
[nom. transl. Hohenegger et Piller, 1975 (ex Textulariidae d'Orbigny, 1846)]

Раковина двухрядная, однорядная в поздней стадии роста, устье базальное, щелевидное или округлое, конечное, реже ситовидное; стенка известковая, секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой, двухслойная, реже однослойная. Распространены в карбонатных фациях Тетического или южной части Бореального поясов. Ордовик – пермь.

Отряд Textulariida Lankester, 1885

Раковина двухрядная, чаще с начальной спиральной частью, устье базальное, щелевидное или септальное, из ряда отверстий; стенка агглютинированная, кварцево-кремнистая или известковая, секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в разных фациях и палеобиогеографических областях Бореального или Арктического циркумполярного поясов. Ордовик (?) – силур – ныне.

Подкласс Ataxophragmiata Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Ataxophragmiida Schwager, 1877)]

Раковина трохоидная или трехрядная, веретеновидная, спирально-винтовая, устье простое, базальное, щелевидное или петлевидное, иногда конечное с шейкой и устьевым зубом или ситовидное; стенка агглютинированная, кварцево-кремнистая или известковая, секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в терригенных и карбонатных фациях Бореального и Арктического поясов. Силур – ныне.

Отряд Trochamminida Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014 (ex Trochamminidae Schwager, 1877)]

Раковина трохоидная, устье базальное, щелевидное, сдвинуто к брюшной стороне; стенка агглютинированная, в основном кварцево-кремнистая. Распространены

в терригенных фациях Бореального и Арктического поясов. Силур – ныне.

Отряд Ataxophragmiida Schwager, 1877

Раковина спирально-винтовая, иногда трохоидная в начальной части, позднее двухрядная и однорядная, устье базальное, щелевидное или петлевидное, иногда округлое конечное, с шейкой и зубом, реже ситевидное; стенка агглютинированная, кварцево-кремнистая или известковая секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в терригенных или карбонатных фациях Бореального или Арктического поясов. Юра – ныне.

Подкласс Orbitolinata Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Orbitolinida Maslakova, 1990)]

Раковина коническая или дисковидная, на ранней стадии трохоидная, позднее камеры расположены кольцами, однорядно, устье – многочисленные отверстия на брюшной стороне; стенка известковая, секретионно-агглютинированная, с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в основном в карбонатных фациях Тетического и реже Бореального поясов. Юра – эоцен.

Отряд Orbitolinida Maslakova, 1990
[nom. transl. Maslakova, 1990
(ex Orbitolinidae Martin, 1890)]

Раковина трохоидная на ранней стадии, затем камеры расположены однорядно, разделены внутри столбиками или перегородками, дискоидальные камеры подразделены на три зоны: 1 – краевая, 2 – радиальная, 3 – сетчатая, устье – многочисленные округлые отверстия на брюшной стороне; стенка известковая, секретионно-агглютинированная, зачастую с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в карбонатных фациях Тетического и южной части Бореального поясов. Юра – эоцен.

Отряд Tetrataxida Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Tetrataxidae Galloway, 1933)]

Раковина коническая, спирально-винтовая, камеры зачастую подразделенные на камерки или губчатые, устье простое, базальное, реже из нескольких отверстий, открывается в пупочную область; стенка известковая, секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в карбонатных фациях Тетического и южной части Бореального поясов. Карбон – пермь.

Подкласс Fusulinata Maslakova, 1990
[nom. transl. Maslakova, 1990
(ex Fusulinida Wedekind, 1937)]

Раковины свободные, однокамерные, реже прикрепленные, двухкамерные, многокамерные, различного строения, устье простое, единичное или множественное; стенка однослойная или дифференцированная до двух-четырёхслойной с дополнительными отложениями

ми в виде хомат, псевдохомат, секреторно-известковая с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в карбонатных фациях тепловодных бассейнов. Силур – ранний мел.

По автору данной статьи, включает 6 отрядов вместо семи, отмеченных Н.И. Маслаковой (1990).

Отряд Parathuramminida Mikhalevich, 1980
[nom. transl. Mikhalevich
(ex Parathuramminidea E. Bykova, 1955)]

Раковина свободная, однокамерная, шаровидной или неправильной формы, иногда с трубчатыми выростами или шипами, устье простое, множественное или неразлично; стенка секреторно-известковая, тонкопористая или непористая, иногда с крупными порами, однослойная или двух-трехслойная. Встречаются в карбонатных фациях тепловодных бассейнов. Кембрий (?) – девон – карбон.

Отряд Moravamminida Maslakova, 1990

Раковина свободная или прикрепленная, двухкамерная, вторая трубчатая камера прямая или свернута в плоскую, коническую или неправильно-клубковидную спираль, на поздней стадии развернута, устье простое, открытый конец трубчатой камеры, у более прогрессивных – базальное, срединное; стенка известковая, секреторно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой, однослойная или двухслойная, у прогрессивных форм наличие в стенке пережимов, образующих зачаточные септы. Распространены в карбонатных фациях тепловодных бассейнов. Ордовик – триас.

Отряд Nudosinellida Maslakova, 1990

Раковина свободная, реже прикрепленная, многокамерная, однорядная, устье простое, единичное, терминальное, от округлого, овального до лучистого или неразлично; стенка секреторно-известковая, однослойная или двухслойная, состоящая из гранулярного или волокнистого слоя, у прогрессивных форм с вторичным слоистым утолщением на обеих сторонах раковины или с внутренними радиальными перегородками. Распространены в карбонатных фациях тепловодных бассейнов. Ордовик – пермь.

Отряд Endothyrida Furssenko, 1958

Раковина свободная, многокамерная, спирально-плоскостная или неправильно-клубковидная, может быть сначала клубковидной, затем спирально-плоскостной, иногда спирально-коническая, устье простое, единичное или множественное; стенка секреторно-известковая с микрогранулярной микроструктурой, пористая, однослойная или двух-трехслойная, простая или альвеолярная с выростами – пластинами, образующими боковые камеры. Распространены в карбонатных фациях тепловодных бассейнов. Девон – триас.

Отряд Fusulinida Wedekind, 1937

Раковина свободная, крупная (до 15 мм), многокамерная, спирально-плоскостная, инволютная, от дисковидной или чечевидной до веретеновидной или шаровидной, у некоторых форм ранняя стадия развития –

стрептоспиральная, позднее может быть развернутой, септы плоские, волнистые или складчатые, образуют при сращении вторичные камеры, устье единичное или множественное, базальное, могут быть септальные отверстия; стенка секреторно-известковая с микрогранулярной микроструктурой, пористая, сложного строения, присутствуют хоматы, псевдохоматы, туннели. Распространены в карбонатных фациях тепловодных бассейнов, образуют фузулиновые и швагериновые известняки. Карбон – пермь.

Отряд Involutinida Hohenegger et Piller, 1975

Раковина свободная, двухкамерная, из округлой начальной и второй длинной псевдотрубчатой, свернутая в плоскую, неправильно-клубковидную или трохоидную спираль, иногда на ранней стадии клубковидная, позднее – плоская, устье единичное, на конце трубчатой камеры, иногда множественное с дополнительными отверстиями вдоль спирального шва; стенка известковая или арагонитовая, пористая, однослойная или у древних форм двухслойная, у прогрессивных форм однослойная, волокнистая, имеется пупочная система каналов. Распространены в тепловодных бассейнах. Карбон – ранний мел.

Подкласс Miliolata Saidova, 1981

[nom. transl. Saidova, 1981 (ex Miliolida Lankester, 1855)]

Раковина свободная, спирально-плоскостная или правильно-клубковидная с трубчатыми камерами, реже имеет трубчатый вытянутый конец последней камеры, устье простое, единичное или множественное, иногда в устье зубной вырост, присутствует шейка; стенка секреторно-известковая, иногда с внутренними столбиками или перегородками, имеются три слоя, из которых внешний и внутренний зачастую разрушены, поверхность гладкая или скульптурированная. Распространены в разных фациях преимущественно Бореального пояса. Карбон – ныне.

Отряд Cornuspirida Jirovec, 1953

[nom. transl. Jirovec, 1953
(ex Cornuspiridae Reuss, 1861)]

Раковина свободная или прикрепленная, двухкамерная и многокамерная, спирально-плоскостная, от эволютной до инволютной, иногда до неправильно-клубковидной, из трубчатых камер, позднее иногда развернутая или циклического строения, устье простое, единичное, иногда с ободком, редко множественное; стенка простая, секреторно-известковая, иногда на поздней стадии с внутренними вторичными перегородками, не полностью подразделяющими камеры на отдельные камеры. Распространены в разных, преимущественно карбонатных, фациях, в основном в Бореальном поясе. Карбон – ныне.

Отряд Miliolida Lankester, 1885

Раковина свободная, многокамерная, правильно-клубковидная, с 1–2 камерами в одной плоскости в 0,5–1,5 оборота и следующих трубчатых камер, длиной в поборота каждая, навивающихся клубкообразно в не-

скольких взаимно пересекающихся плоскостях, расположенных под углами 120, 144, 180°, устье единичное, обычно с зубом различной сложности или ситовидное; стенка секретионно-известковая, у прогрессивных форм с перегородками, разделяющими камеры на камерки. Распространены в разных фациях, преимущественно в терригенных с включением карбонатного материала, в Бореальном поясе. Юра – ныне.

Отряд Soritida Saidova, 1981

Раковина свободная, реже прикрепленная, многокамерная, спирально-плоскостная, иногда за начальной камерой следует вторая трубчатая неподразделенная камера, на поздней стадии развернутая, однорядная или циклическая, устье единичное или множественное, ситовидное; стенка секретионно-известковая, простая или с внутренними межсептальными столбиками, у некоторых форм с радиальными перегородками, подразделяющими камеры на камерки, связь между ними с помощью столонов. Распространены в основном в карбонатных фациях Тетического и Бореального поясов. Триас – ныне.

Отряд Alveolinida Mikhalevich, 1980

[nom. transl. Mikhalevich, 1980]

(ex Alveolinidea Schultze, 1854)]

Раковина свободная, многокамерная, крупная (до 8–10 мм), от шаровидной до веретеновидной, спирально-плоскостная, инволютная, сложного строения, устье простое, множественное, из одного или нескольких рядов округлых отверстий, иногда сливающихся в щель, редко присутствуют дополнительные шовные устья; стенка секретионно-известковая с внутренними вторичными радиальными и горизонтальными перегородками (септулами), подразделяющими камеры на один и более слоев (этажей) вторичных камерок с системой пресептальных и постсептальных каналов. Распространены в карбонатных фациях и иногда являются пороодообразующими в Тетическом поясе. Мел – ныне.

Подкласс Rzehakinata Podobina, 2014

[nom. transl. Podobina, 2014]

(ex Rzehakinidae Saidova, 1971)]

Раковина спирально-плоскостная, сигмоилинового или милиолидового строения, подразделена на камеры у периферического края или образует отдельные камеры длиной в поборота каждая, устье терминальное, округлое или суженное; стенка секретионно-кремнистая микрогранулярной микроструктуры. Распространены в терригенных фациях Бореального и Арктического поясов. Юра – ныне.

Отряд Silicinida Podobina, 2014

[nom. transl. Podobina, 2014]

(ex Silicinidae Cushman, 1927)]

Раковина спирально-плоскостная или сигмоилинового типа, камеры длиной с поборота каждая, устье терминальное, округлое или суженное, иногда с утолщением или вздутием наподобие зуба; стенка кремнистая секретионно-агглютинированная, микрогранулярной

микроструктуры. Распространены в терригенных фациях Бореального или Арктического поясов. Юра – ныне.

Отряд Rzehakinida Saidova, 1981

[nom. transl. Saidova, 1971]

(ex Rzehakininae Cushman, 1940)]

Раковина на ранней стадии спирально-плоскостная, позднее сигмоилинового или милиолинового строения, подразделена на камеры, каждая длиной в поборота, устье базальное щелевидное или арковидное; стенка кремнистая, секретионно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в терригенных фациях Бореального или Арктического поясов. Мел – ныне.

Подкласс Rotaliata Mikhalevich, 1980

[nom. transl. Mikhalevich, 1980]

(ex Rotaliida Lankester, 1885)]

Раковина на ранней стадии трохоидная, на поздней – спирально-плоскостная, развертывающаяся, устье – отверстие на последней камере, разнообразное по форме и расположению, иногда наблюдается система каналов; стенка секретионно-известковая, радиально-лучистая или зернистая, иногда многослойная. Распространены в карбонатных фациях Тетического или терригенных фациях с включением карбонатного материала Бореального поясов. Мезозой – ныне.

Отряд Rotaliida Lankester, 1885

Раковина – на ранней стадии трохоидная, позднее почти спирально-плоскостная, развертывающаяся, двухрядная или однорядная, устье базальное щелевидное или разнообразное по форме и положению, иногда многослойная, наблюдается присутствие дополнительных скелетных образований. Распространены в карбонатных фациях или терригенных с содержанием карбонатного материала Тетического или Бореального поясов. Мезозой – ныне.

Отряд Nonionida Podobina, 2014

[nom. transl. Podobina, 2014]

(ex Nonionidae Schultze, 1854)]

Раковина свободная, обычно с небольшим количеством камер, спирально-плоскостная, реже устьевая поверхность немного смещена к одной из боковых сторон, камеры по-разному выпуклые, швы узкие, радиальные, устье базальное, щелевидное, иногда ситовидное; стенка секретионно-известковая, тонкая, пронизана едва заметными порами. Распространены в бассейнах Бореально-Атлантического пояса. Мел – ныне.

Отряд Elphidiida Podobina, 2014

[nom. transl. Podobina, 2014]

(ex Elphidiidae Galloway, 1835)]

Раковина свободная, спирально-плоскостная, реже трохоидная, инволютная с многочисленными камерами, швы радиальные, углубленные с септальными мостиками и ямками, система каналов зачастую с выходами наружных отростков меридиональных каналов в ямки или на швах, устье неразлично; форамен в виде отверстий

или щелевидный у основания отверстий септальной поверхности; стенка тонкая, секреторно-известковая. Распространены в бассейнах Бореально-Атлантического пояса. Палеоген – ныне.

Подкласс Globigerinata Maslakova, 1990
[nom. transl. Maslakova, 1990
(ex Globigerinae Mikhalevich, 1980)]

Раковина трохоидная, инволютная, позднее спирально-плоскостная, иногда эволютная или сферическая, полностью объемлющая, устье базальное, широкое или узкое, чаще с небольшой губой; стенка секреторно-известковая, однослойная и мелкопористая или толстая, пронизанная поровыми каналцами, открывающимися наружу крупными порами. Распространены в пелагиали Тетического, реже южной части Бореального поясов. Юра – ныне.

Отряд Globigerinida Lankester, 1885

Раковина трохоидная, иногда с объемлющими последними камерами, устье одно главное базальное с небольшой губой, чаще значительное отверстие, открывающееся в пупочную область; стенка гладкая, однослойная, мелкопористая или толстая двухслойная, пронизанная поровыми каналами, открывающимися крупными порами. У современных форм имеются очень тонкие иглы на небольших бугорках между порами, редко вместо игл утолщенные шипы. Пелагические формы в Тетическом или Бореальном поясах. Юра – ныне.

Отряд Heterohelicida Furssenko, 1958
[nom. transl. Furssenko, 1958
(ex Heterohelicidae Cushman, 1927)]

Раковина спирально-плоскостная в начале, двухрядная позднее, редко взрослая стадия однорядная или целиком трехрядная. Наиболее распространены двухрядные или в начальной стадии двухрядные, затем однорядные или неправильно циклические, устье базальное, щелевидное, петлевидное или округлое на вытянутой шейке; стенка секреторно-известковая, пористая, иногда со скульптурными элементами. Распространены в основном в Тетическом, в меньшей мере Бореальном поясах. Мел – ныне.

Подкласс Buliminata Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Buliminida Furssenko, 1958)]

Раковина в основном спирально-винтовая, трехрядная, двухрядная, реже на поздней стадии однорядная, устье базальное, щелевидное, арковидное или в виде ряда отверстий на устьевой поверхности, наблюдается в устье зуб; стенка секреторно-известковая, тонкопористая, иногда со структурными элементами. Распространены в карбонатных фациях или терригенных с примесью карбонатного материала в Тетическом и Бореальном поясах. Триас (?), юра – ныне.

Отряд Buliminida Furssenko, 1958

Раковина спирально-винтовая, трехрядная, на взрослой стадии двухрядная или однорядная, устье в основном базальное, петлевидное или арковидное, реже

конечное, округлое, с шейкой и отворотником, иногда ситовидное; стенка секреторно-известковая, гладкая или со скульптурными элементами, тонкопористая. Распространены в карбонатных фациях и в терригенных с примесью карбонатного материала. В бассейнах Тетического или Бореального поясов. Триас (?), юра – ныне.

Отряд Pleurostomellida Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Pleurostomellidae Reuss, 1860)]

Раковина от удлинённо-цилиндрической до яйцевидной, двухрядная и однорядная, камеры выпуклые, в разной степени объемлющие, устье конечное, полуэллиптическое или в виде высокой арки с небольшой губой, иногда зубовидные пластинки, между которыми щель; стенка секреторно-известковая, гладкая, тонкопористая. Распространены в карбонатных и реже терригенных фациях с примесью карбонатного материала Тетического и Бореального поясов. Мел – ныне.

Отряд Cassidullinida Voloshinova, 1970
[nom. transl. Voloshinova, 1970
(ex Cassidullinidae d'Orbigny, 1839)]

Раковина двухрядная, свернутая в плоскостную, иногда позднее развернутая или трохоидная, устье удлинённо-петлевидное или щелевидное, реже округлое, иногда с прикрывающей его боковой пластиной; стенка секреторно-известковая, гладкая, пористая. Распространены в карбонатных или терригенных фациях с примесью карбонатного материала Тетического и южной части Бореального поясов. Мел – ныне.

Подкласс Spirillinata Maslakova, 1990
[nom. transl. Maslakova, 1990
(ex Spirillinidae Reuss, 1861)]

Раковина свободная или прикрепленная, спирально-плоскостная или трохоидная, эволютная или у некоторых трохоидных форм с брюшной стороны инволютная. У прогрессивных форм последние обороты спирали разделены на длинные камеры, иногда в обороте две полукольцевые камеры, устье простое, округлое или щелевидное на конце трубчатой камеры или щелевидное на брюшной стороне спиральной камеры, у двухкамерных форм устье в пупочной области; стенка секреторно-известковая, пористая, гладкая или со скульптурными элементами. Распространены в карбонатных фациях Тетического и южной части Бореального поясов. Юра – ныне.

Отряд Spirillinida Hohenegger et Piller, 1975
[nom. transl. Hohenegger et Piller, 1975
(ex Spirillinidae Reuss, 1861)]

Раковина свободная, двухкамерная, из пролокулуса и длинной трубчатой камеры, свернутой в плоскую, коническую иногда винтовую спираль, у прогрессивных форм спирально-коническая часть, на поздней стадии септирована с образованием двух камер в обороте или многокамерная; устье простое, единичное, у двухкамерных форм на конце трубчатой камеры, у многокамерных – на пупочной стороне. Распространены в карбонатных фациях Тетического пояса. Триас (?) – юра – ныне.

Подкласс Nummulitiata Podobina, 2014
[nom. transl. Podobina, 2014
(ex Nummulitida Lankester, 1885)]

Раковина свободная, крупная, дисковидная или реже шаровидная, многокамерная, спирально-плоскостная, от инволютной до эволютной, на ранней стадии иногда наблюдается спирально-коническое навивание, внутри раковины сложная система каналов и дополнительные внутренние скелетные образования, устье единичное, простое, септальное, щелевидное; стенка известковая, секреторно-агглютинированная с микрогранулярной микроструктурой. Образуют нуммулитовые известняки или встречаются единично в карбонатных фациях Тетического пояса. Верхний мел – эоцен.

Отряд Orbitoidida Baschkirov et Antonischin, 1974
[nom. transl. Baschkirov et Antonischin, 1974
(ex Orbitoididae Prever, 1904)]

Раковина крупная, дисковидная или чечевидная, звездчатая или седловидная, выпуклая или вогнутая с двух сторон, многокамерная, с циклическим расположением камер, устье неразлично; стенка секреторно-известковая, пористая, иногда со структурными элементами. Распространены в карбонатных фациях Тетического пояса. Верхний мел – палеоген.

Отряд Nummulitida Lankester, 1885

Раковина крупная, двухсторонне-симметричная, чечевидная или дисковидная, из нескольких оборотов, подразделяемых на камеры, инволютная до эволютной, система каналов, устье единичное, щелевидное, септальное; стенка известковая с микрогранулярной микроструктурой. Распространены в карбонатных фациях Тетического пояса. Палеоген.

Заключение

Предлагаемая система фораминифер включает высшие таксоны – подклассы и отряды. Положение соподчиненных таксонов – надсемейств, семейств, подсемейств и родов – в дальнейшем также должно быть уточнено на основании исследования отдельных групп фораминифер.

Автору удалось установить в подклассе Ammodiscata три отряда на основании исследования топотипов отдельных родов, являющихся основой для выделения надсемейств, а теперь их ранг поднят до отрядов [9, 10]. Подобные надсемейства, а впоследствии и отряды могут быть установлены, по мнению автора, в подклассе Ataxophragmiata, где уже неоднократно отмечалось существование родов двойников [13]. Они отличаются по хими-

ческому составу стенки, морфологическим строениям раковин, а также и по другим вышеизвестным критериям.

При установлении новых подклассов автор стремилась придерживаться системы [2], надеясь на дальнейшие исследования, которые будут основываться на этой отечественной сводке. Для примера автор приводит использование отдельных таксонов-родов из известной американской классификации [7]. Так, для семейств Naplophragmiidae и Lituolidae, относящихся к отрядам Naplophragmiida и Lituolida, автор позаимствовала из этой американской классификации роды Ammotium Loeblich et Tappan, 1953 и Ammosiphonia He, 1977. Использование этих родов понадобилось при исследовании альбских комплексов фораминифер Саяно-Алтайской площади Западной Сибири. Одним из видов-индексов для верхнего альба представлен Ammotium braunsteini (Cushman et Applin). Раковины этого рода, обладающие кварцево-кремнистой стенкой, известны в аналогичных отложениях Северной Аляски [14]. Представители этого рода приурочены к терригенным фациям Западно-Сибирской провинции, относящимся вместе с Канадской провинцией (Сев. Канада, Сев. Аляска), где присутствуют подобные фораминиферы, к Арктической области одноименного пояса. Род Ammotium Loeblich et Tappan, 1953 по морфологическим признакам, геохронологическому, палеогеографическому и палеобиогеографическому критериям автором отнесен к семейству Naplophragmiidae отряда Naplophragmiida Podobina, 2014. Для сравнения с этим родом использован другой род Ammosiphonia He [7], относимый автором к семейству Lituolidae отряда Lituolida Podobina, 2014. Этот род, по всей вероятности, имеет известковую секреторно-агглютинированную стенку с микрогранулярной микроструктурой. Судя по тонкозернистому материалу, слагающему раковину, и присутствию устьевого горлышка (сложенного только цементом, без агглютинированных частиц), можно предположить, что подобные раковины более прогрессивны в морфологическом строении. Они впервые обнаружены, по всей вероятности, в карбонатных фациях Китайской провинции, Бореально-Тихоокеанской области Бореального пояса [12].

Следовательно, по мере изучения и сопоставления фораминифер с учетом известных критериев будет усовершенствоваться предлагаемая система фораминифер, но при этом необходимо учитывать сведения по химическому составу, микроструктуре стенки [11] и другие известные критерии [12]. Использование комплекса критериев даст возможность создать более естественную и полноценную систему фораминифер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурсенко А.В. Введение в изучение фораминифер // Труды ИГиГ СО АН СССР, вып. 391. Новосибирск : Наука (СО), 1978. 242 с.
2. Основы палеонтологии. Справочник для палеонтологов и геологов СССР : в 15 т. / гл. ред. Ю.А. Орлов // Т. 1. Общая часть. Простейшие / под ред. Д.М. Раузер-Черноусовой и А.В. Фурсенко. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 111–367.
3. Маслакова Н.И. и др. Микропалеонтология : учеб. М. : Изд-во МГУ, 1995. С. 13–111.
4. Маслакова Н.И. Критерии выделения высших таксонов фораминифер // Систематика и филогения беспозвоночных / под ред. В.В. Меннера. М. : Наука, 1990. С. 22–27.
5. Михалевич В.И. Систематика и эволюция фораминифер в свете новых данных по их цитоплазме и ультраструктуре // Труды зоологического института. Л., 1980. Т. 94. С. 42–61.
6. Саидова Х.М. О современном состоянии системы надвидовых таксонов кайнозойских бентосных фораминифер. М. : Изд-во АН СССР, 1981. 73 с.

7. Loeblich A., Tappan H. Foraminiferal genera and their classification. New York: Van Nostrand Reinhold Company Limited, 1988. V. I. 970 p. V. II. 847 pls.
8. Фурсенко А.В. Основные этапы развития фауны фораминифер в геологическом прошлом // Труды Института геологических наук АН БССР. Минск, 1958. Вып. 1. С. 10–29.
9. Подобина В.М. Новые представления по системе фораминифер // Тезисы конференции «Геология, геофизика и минеральное сырье Сибири» (29–31 января 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 113–115.
10. Подобина В.М. Систематика и филогения гаплофрагмиидей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 243 с.
11. Podobina V.M. New data on composition and microstructure of agglutinated foraminiferal wall // Abstracts to 4th International Workshop on Agglutinated Foraminifers in Krakow (Poland, September, 12–19, 1993). 1993. P. 24.
12. Podobina V.M. Paleozoogeographic regionalization of Northern Hemisphere Late Cretaceous basin on Foraminifera // Proc. 4th Int. Workshop on Agglutinated Foraminifera. Spec. Publ., 1995. № 3. P. 233–247.
13. Подобина В.М. Роды-двойники агглютинированных фораминифер и условия их обитания (на примере отряда Ataxophragmiida) // Современная микропалеонтология. Геленджик, 2012. С. 136–139.
14. Tappan H. Foraminifera from the Arctic slope of Alaska. Pt. 3 : Cretaceous Foraminifera // U.S. Geol. Survey. Prof. Paper. 1962. № 236. P. 91–209.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 27 января 2014 г.

THE SUGGESTED SYSTEM OF FORAMINIFERA (HIGHER TAXA)

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 215–224. DOI: 10.17223/15617793/380/35

Podobina Vera M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

Keywords: system of foraminifera; subclasses; orders; phylogeny; epochs of tectogenesis.

The system proposed for foraminifera (higher taxa) is based on the investigations by Rauser-Chernousova & Fursenko; Mikhalevich; Maslakova; Saidova; on the classification by Loeblich & Tappan [7] and the works by the present author with changes and additions. To substantiate establishing the higher taxa – 15 subclasses and subordinate orders in the class Foraminifera d'Orbigny, 1826, the present author used jointly several criteria established first by Fursenko and Podobina. The chemical composition, the structure of walls and tests are of fundamental importance. Besides the morphological characters, the geochronological, paleogeographical and paleobiogeographical criteria were applied in describing all studied taxa. The occurrence of the established subclasses based on orders in the Phanerozoic was adopted from «The Fundamentals of Paleontology» with regard to recent data. The accompanying scheme (Fig.) demonstrates clearly five prominent stages in the development of foraminifera depending on the tectonic movement manifestation. The first stage covers three subclasses, two of them, Allogromiata and Astrorhiziata, seem to emerge since the final Precambrian, and the third subclass, Ammodiscata, since the beginning of the Cambrian. They existed during the Phanerozoic with the progressive complication of subordinate taxa. The author has studied some ammodiscid tests and established three superfamilies in this order. At present, the ammodiscid rank has been upgraded to a subclass with distinguishing three orders, viz. Ammodiscida, Haplophragmiida and Lituolida. The second stage in the foraminifer development, of which the prime representatives seem to emerge since the final Ordovician and Silurian, concerns subclasses Lagenata, Textulariata, Ataxophragmiata, Orbitolinata, Fusulinata, and Miliolata. Some of them reached their acme in the Carboniferous and Permian, and became extinct by the final Paleozoic (Fusulinata) and final Paleogene (Orbitolinata). The third stage involves the development of 4 subclasses, viz. Rzehakiniata, Rotaliata, Globigerinata, and Buliminata. The representatives of these subclasses emerged in the Triassic and are now existent. The fourth stage includes the emergence of two subclasses Spirillinata and Nummulitiata, and the extinction of Lituolida; the fifth stage is the extinction of Orbitolinata and Nummulitiata by the final Eocene. The established five stages of the foraminifer development coincide principally with the final phases of the tectogenesis: the first stage: the emergence of subclasses 1–3; the end of the Baikalian epoch of tectogenesis; the second stage: the emergence of subclasses 2–7; the end of the Caledonian epoch; the third stage: the emergence of subclasses 8–11; the end of the Hercynian folding epoch; the fourth stage: the emergence of subclasses 12, 13; the end of the Kimmerian folding epoch; the fifth stage: the emergence of new Globigerinida taxa and the extinction of subclasses 5 and 13; the prominent part of the Alpine folding epoch. It should be noted that the emergence of new taxa coincides with these tectonic or geochronological events. In the paper, the description of 15 subclasses and subordinate orders of foraminifera is presented.

REFERENCES

1. Fursenko A.V. Vvedenie v izucheniye foraminifer. *Trudy IGIG SO AN SSSR*, vyp. 391. Novosibirsk : Nauka (SO), 1978. 242 p.
2. Osnovy paleontologii. Spravochnik dlya paleontologov i geologov SSSR : v 15 t. Gl. red. Yu.A. Orlov. V. 1. Obshchaya chast'. Prosteyschie. Pod red. D.M. Rauser-Chernousovoy i A.V. Fursenko. M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. P. 111–367.
3. Maslakova N.I. i dr. Mikropaleontologiya : ucheb. M. : Izd-vo MGU, 1995. P. 13–111.
4. Maslakova N.I. Kriterii vydeleniya vysshikh taksonov foraminifer // Sistematika i filogeniya bespozvonochnykh. Pod red. V.V. Mennera. M. : Nauka, 1990. P. 22–27.
5. Mikhalevich V.I. Sistematika i evolyutsiya foraminifer v svete novykh dannykh po ikh tsitoplazme i ul'trastrukture. *Trudy zoologicheskogo instituta*. L., 1980. V. 94. P. 42–61.
6. Saidova Kh.M. O sovremennom sostoyanii sistemy nadvidovykh taksonov kaynozoysskikh bentosnykh foraminifer. M. : Izd-vo AN SSSR, 1981. 73 p.
7. Loeblich A., Tappan H. Foraminiferal genera and their classification. New York: Van Nostrand Reinhold Company Limited, 1988. V. I. 970 p. V. II. 847 pls.
8. Fursenko A.V. Osnovnye etapy razvitiya faun foraminifer v geologicheskoy proshlom. *Trudy Instituta geologicheskikh nauk AN BSSR*. Minsk, 1958. Vyp. 1. P. 10–29.
9. Podobina V.M. Novye predstavleniya po sisteme foraminifer. *Tezisy konferentsii "Geologiya, geofizika i mineral'noye syr'e Sibiri"* (29–31 yanvarya 2014 g.). Novosibirsk, 2014. P. 113–115.
10. Podobina V.M. Sistematika i filogeniya gaplofragmiidey. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1978. 243 p.
11. Podobina V.M. New data on composition and microstructure of agglutinated foraminiferal wall. *Abstracts to 4th International Workshop on Agglutinated Foraminifers in Krakow (Poland, September, 12–19, 1993)*. 1993. P. 24.
12. Podobina V.M. Paleozoogeographic regionalization of Northern Hemisphere Late Sretaceous basin on Foraminifera. *Proc. 4th Int. Workshop on Agglutinated Foraminifera*. Spec. Publ., 1995. № 3. P. 233–247.
13. Podobina V.M. Rody-dvoyniki agglyutinirovannykh foraminifer i usloviya ikh obitaniya (na primere otryada Ataxophragmiida). *Sovremennaya mikropaleontologiya*. Gelendzhik, 2012. S. 136–139.
14. Tappan H. Foraminifera from the Arctic slope of Alaska. Pt. 3 : Cretaceous Foraminifera. *U.S. Geol. Survey. Prof. Paper*. 1962. No. 236. P. 91–209.

ХИМИЯ

УДК 622.244.442

К.М. Минаев, Д.О. Мартынова, А.С. Князев, А.С. Захаров

ИССЛЕДОВАНИЕ СВОЙСТВ БУРОВЫХ РАСТВОРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГЛИОКСАЛЬ И МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ГЛИОКСАЛЕМ ПОЛИСАХАРИДЫ

Проведено изучение воздействия глиоксала на модельные глинистые буровые растворы. Показано, что глиоксаль выступает в качестве понизителя вязкости, стабилизатора глинистых сланцев. Определены технологические параметры буровых растворов до и после взаимодействия с глиоксалем. Предложена методика модификации полисахаридов глиоксалем с целью придания им устойчивости к воздействию микроорганизмов, проведено исследование био- и термостабильности крахмального и ксантанового реагента после проведения модифицирования.

Ключевые слова: буровые растворы; глиоксаль; полисахариды; крахмал; ксантановая смола; реология.

На сегодняшний день установлено отрицательное воздействие микроорганизмов на процессы нефтедобычи начиная от бурения скважин и заканчивая транспортировкой товарной нефти. При бурении жизнедеятельность целлюлозоразлагающих и других видов бактерий приводит к быстрому ухудшению технологических свойств бурового раствора, приготовленного на основе полисахаридов (крахмал, ксантановая смола, различные виды целлюлозы), которое выражается, в частности, в изменении реологических свойств и повышении показателя фильтрации [1. С. 23]. Потеря технологических и реологических свойств бурового раствора в результате биоразложения приводит к необходимости дополнительной его обработки дорогостоящими реагентами, что ведет к увеличению стоимости буровых работ. Поэтому актуальной является задача предупреждения биодеструкции полисахаридов.

Наиболее рациональным и перспективным способом подавления микрофлоры является применение специальных антимикробных препаратов – бактерицидов. При этом бактерициды должны удовлетворять следующим требованиям: обладать широким спектром действия и высокой активностью при низких концентрациях, не вызывать коррозии, быть безопасными для человека и окружающей среды, не оказывать отрицательного влияния на технологические свойства бурового раствора, иметь доступную сырьевую базу и низкую стоимость [2. С. 15].

Высокая биоразлагаемость полисахаридов под действием микрофлоры раствора дает основание для проведения исследований с целью выявления влияния бактерицидных добавок на стабильность растворов биополимеров. Бактерицидным действием обладают фенол, формальдегид (параформ), но их применение для обработки буровых растворов ограничено гигиеническими и экологическими запретами. Широкое применение в качестве бактерицидной добавки к буровому раствору и ингибитора коррозии нашел формальдегид. Однако данный реагент обладает рядом недостатков, в частности недостаточной эффектив-

ностью и длительностью бактерицидного действия, а также высокой токсичностью (2-й класс опасности по ГОСТ 12.1.007-76) [3. С. 1]. Поэтому перспективным представляется применение в качестве бактерицида простейшего диальдегида – глиоксала. Глиоксаль более чем в два раза активнее формальдегида и значительно превосходит его по экологическим характеристикам. Одна молекула глиоксала способна связывать четыре серосодержащие молекулы (сероводород, меркаптаны и т.п.), в результате чего возможно применение его для предотвращения сероводородной коррозии [4. С. 34]. Биоцидные свойства глиоксала широко используются для продления сроков службы буровых растворов и для обеззараживания самой нефти, в частности для борьбы с сульфатвосстанавливающими бактериями. Ограничивала применение глиоксала его высокая стоимость. В настоящее время компания «Новохим» осуществила запуск первого в России производства глиоксала с использованием уникальных технологий, вследствие чего продукция стала обладать высокими конкурентными преимуществами.

В нашей работе проведено исследование реологических и технологических свойств модельных буровых растворов, модифицированных глиоксалем. Буровые растворы готовили роспуском бентонитовой глины (ПБМА) в дистиллированной воде, после чего в раствор добавляли требуемое количество глиоксала. Изучение реологических свойств проводили на роторном вискозиметре OFITE 1100. Фильтрационные характеристики буровых растворов определяли с использованием фильтр-пресса OFITE. Влияние состава буровых растворов на набухаемость глины исследовали с помощью тестера продольного набухания OFITE в динамическом режиме.

Наибольшую реакционную способность глиоксаль проявляет в температурном интервале 50–60°C, поэтому изучение реологии буровых растворов проводили при 20 и 55°C. Обработка бентонитовой суспензии глиоксалем приводит к значительному уменьшению условной вязкости бурового раствора (табл. 1). С увеличением концен-

Таблица 1

Реологические и технологические свойства модельных буровых растворов на основе бентонита и глиоксала

Раствор	ρ , г/см ³	Условная вязкость, с	Фильтрация, см ³ за 30 мин	СНС, фнт/100ф ² , 10 с/10 мин		ПВ, сПз		ДНС, фнт/100ф ²	
				20°C	55°C	20°C	55°C	20°C	55°C
Бентонит 5%	1,035	28,5	19,5	4,0/6,0	6,0/8,0	3,3	3	3,3	4,1
Бентонит 5% + глиоксаль 0,25%	1,035	22,0	19,4	2,0/3,0	3,0/4,0	2,9	2,3	1,8	2,3
Бентонит 5% + глиоксаль 0,5%	1,035	20,0	19,3	2,0/2,0	2,0/2,0	2,4	1,9	1,6	1,8
Бентонит 5% + глиоксаль 1,0%	1,035	18,0	19,2	1,0/2,0	2,0/2,0	2,5	1,9	1	1,3
Бентонит 5% + глиоксаль 2,0%	1,035	18,0	19,0	1,0/2,0	2,0/2,0	2,2	2,2	1,3	1,3

трации глиоксала данный эффект увеличивается, поэтому при использовании глиоксала в глинистых растворах следует учитывать разжижающие свойства реагента. Несмотря на уменьшение вязкости бурового раствора при добавлении глиоксала, показатель фильтрации с увеличением концентрации глиоксала незначительно уменьшается.

С увеличением концентрации глиоксала в растворе происходит уменьшение статического напряжения сдвига (СНС), пластической вязкости (ПВ) и динамического напряжения сдвига (ДНС).

Глиоксаль обладает способностью сшивать поли-

мерные реагенты, содержащие гидроксильные группы, в результате чего может наблюдаться увеличение вязкости и структурообразования растворов. Поэтому было проведено изучение реологических свойств модельного бурового раствора на основе крахмала и глиоксала (5% бентонита и 0,25% крахмала). Измерение реологии проводили через сутки после приготовления раствора.

Из результатов измерения реологических свойств бурового раствора, представленных в табл. 2, видно, что увеличение концентрации глиоксала до 0,25% приводит

Таблица 2

Реологические и технологические свойства модельных буровых растворов, содержащих добавки крахмала и глиоксала (5 % бентонита, 0,25% крахмала)

Концентрация глиоксала, %	ρ , г/см ³	Условная вязкость, с	Фильтрация, см ³ за 30 мин	СНС, фнт/100ф ² , 10 с/10 мин	ПВ, сПз	ДНС, фнт/100ф ²
				20°C	20°C	20°C
0,025	1,035	23,8	14	4,0/6,0	10,2	3,5
0,075	1,035	25	14	4,0/7,0	10,4	4,8
0,10	1,035	25,2	14,4	5,0/8,0	10,7	4,9
0,25	1,035	27	13	6,0/9,0	11,4	5,6
0,50	1,035	24,5	15	5,0/8,0	10,3	4,4
0,75	1,035	23,5	15	4,0/7,0	9,8	3,4
1,0	1,035	23	14,6	4,0/6,0	8,9	3,7

к увеличению вязкости модельного раствора. Данный эффект может быть обусловлен взаимодействием глиоксала и крахмала, в результате чего происходит сшивка полимерных звеньев полисахарида и увеличивается его структурообразующая способность. Дальнейшее увеличение концентрации глиоксала в растворе приводит к

уменьшению вязкости бурового раствора, можно предположить, что избыток глиоксала вступает во взаимодействие с бентонитовой глиной, проявляя разжижающий эффект, зарегистрированный ранее (см. табл. 1).

Воздействие глиоксала на коллоидный раствор глины в воде может быть использовано для уменьшения

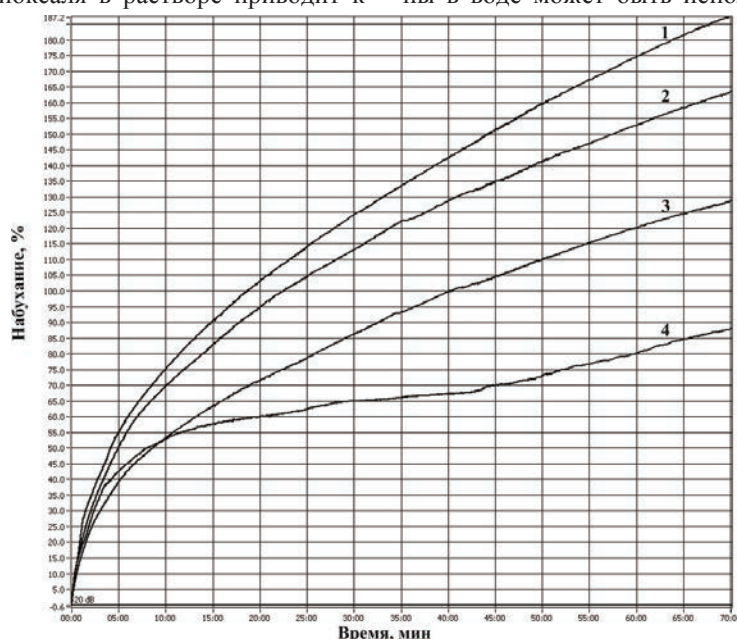

Рис. 1. Набухание бентонитовой глины в буровых растворах (1 – вода; 2 – 5% бентонита + 0,25% Бур-С (модифицированный крахмал); 3 – 5% бентонита + 0,25% крахмала; 4 – 5% бентонита + 0,25% крахмала + 1% глиоксала)

набухаемости глиняных сланцев. Процесс набухания сопровождается увеличением влажности, объема породы и возникновением давления набухания. В результате этого при бурении с использованием буровых растворов на водной основе возможны осложнения, связанные с прихватом бурильной колонны, осыпями и обвалами горной породы [5. С. 42].

Проведенные исследования (рис. 1) показывают взаимодействие между бентонитом и раствором на протяжении 70 ч анализа. На графике хорошо видно расхождение четырех флюидов. Вода проявляет самый высокий уровень набухания, примерно в 4 раза превосходящий осевой размер образца бентонита.

Глинистые растворы, содержащие Бур-С и крахмал, проявляют сланцестабилизирующую способность, хотя и уступают буровому раствору, модифицированному глиоксалем. Введение глиоксала в буровой раствор, содержащий крахмал, приводит к значительному ингибированию процесса набухания образцов спрессованной бентонитовой глины. Данный эффект начинает проявляться только через 9 ч воздействия бурового раствора на образец глины. По всей видимости, большее набухание до этого времени у раствора, содержащего глиоксаль, обусловлено меньшей вязкостью и вследствие этого повышенной диффузией воды в бентонит. Уменьшение линейного набухания образцов, помещенных в буровой раствор на основе крахмала, модифицированного глиоксалем, достигает 40% по сравнению с раствором, не содержащим глиоксаль.

Введение бактерицидных добавок позволяет снизить численность микроорганизмов и увеличить срок эксплуатации промысловых жидкостей при бурении скважин. В ходе исследований нами была сделана попытка повысить ферментативную устойчивость полисахаридов. В данном случае глиоксаль не входил в состав бурового раствора, а использовался для непосредственной модификации крахмального реагента с целью придания ему биоцидных свойств. Модифицирование крахмальных и ксантановых реагентов проводили в сотрудничестве с лабораторией каталитических исследований Томского государственного университета.

Антимикробное действие оценивали по количеству колонеобразующих бактерий и изменению структурно-реологических характеристик 1%-ных водных растворов биополимера в течение 7 сут. Из результатов исследований, представленных на рис. 2 и в табл. 3, видно, что численность колоний микроорганизмов в буровом растворе, содержащем модифицированный крахмал, на несколько порядков ниже, чем в буровом растворе, содержащем исходный крахмал.

В качестве критериев для измерения динамики изменения структурно-реологических характеристик выбраны динамическое напряжение сдвига и статическое напряжение сдвига. Из результатов, представленных в табл. 4, можно сделать вывод, что раствор модифицированного крахмала сохраняет первоначальные реологические свойства на протяжении длительного времени, в то время как исходный крахмальный реагент через 7 сут

под воздействием микроорганизмов полностью разложился. Таким образом, применение модифицированного крахмала позволит отказаться от ввода в буровой раствор бактерицидов, что снизит совокупные расходы на его сопровождение.

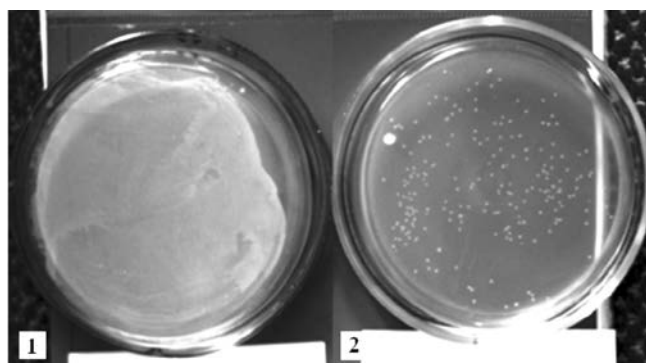

Рис. 2. Визуальное определение численности колоний микроорганизмов

Таблица 3
Численность колоний микроорганизмов образцов буровых растворов на основе крахмала

Состав	1-е сут	2-е сут
Исходный крахмал	$1,2 \cdot 10^8$ КОЕ/мл	$8,3 \cdot 10^{10}$ КОЕ/мл
Крахмал с введенным бактерицидом MI CIDE	$7,8 \cdot 10^5$ КОЕ/мл	—
Крахмал, модифицированный глиоксалем	$3,6 \cdot 10^5$ КОЕ/мл	$2,3 \cdot 10^6$ КОЕ/мл

Таблица 4
Реологическая устойчивость крахмальных реагентов

Реологические свойства	1-е сут		3-е сут		7-е сут	
	1	2	1	2	1	2
Пластическая вязкость, сПз	40,0	45,0	29,6	41,7	6,09	39,9
Динамическое напряжение сдвига, фнт/100фг ²	19,7	20,2	11,93	21,2	0	20,5
СНС 10 с/10 мин	4/5	7/8	2/2	7/8	0/0	6/7

Примечание. 1 – обычный крахмальный реагент; 2 – модифицированный глиоксалем крахмал.

На втором этапе нашей работы мы проводили исследование воздействия бактерицидов глиоксала и MI CIDE на реологические характеристики растворов на основе ксантановой смолы торговой марки DUO-VIS (рис. 3, 4).

Для качественной обработки биополимера добавляли 0,1%-ную KOH, создавая щелочную среду, при перемешивании в трехосном миксере до равномерной суспензии, при этом ксантановую смолу DUO-VIS добавляли строго равномерно по времени.

Сравнительное исследование предельного динамического напряжения сдвига растворов ксантановой смолы без и с введенными бактерицидами глиоксаль (рис. 3) и MI CIDE (рис. 4) показало, что глиоксаль так же, как и в случае с крахмалом, проявляет лучшие стабилизирующие свойства. С увеличением концентрации бактерицида увеличивается стабильность полимерных растворов.

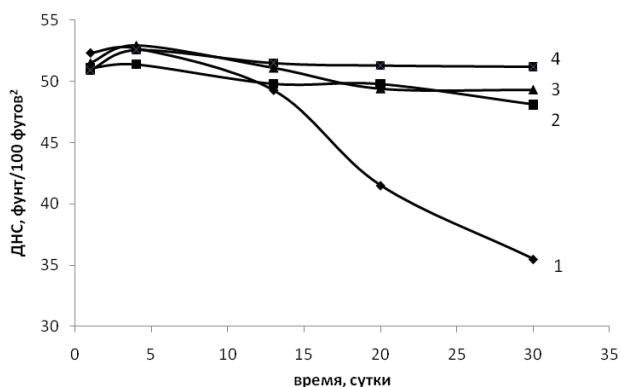

Рис. 3. Изменение во времени предельного динамического напряжения сдвига 1%-го водного раствора ксантана DUO-VIS, обработанного бактерицидом глиоксаль: 1 – раствор ксантана без бактерицида; 2 – 0,25% глиоксали; 3 – 0,5% глиоксали; 4 – 1,0% глиоксали

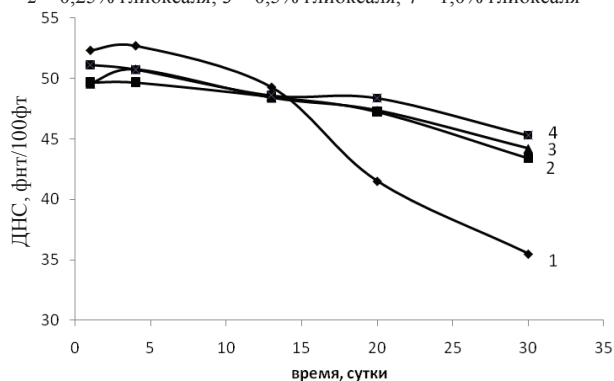

Рис. 4. Изменение во времени предельного динамического напряжения сдвига 1%-го водного раствора ксантана DUO-VIS, обработанного бактерицидом MI CIDE: 1 – раствор ксантана без бактерицида; 2 – 0,25% MI CIDE; 3 – 0,5% MI CIDE; 4 – 1,0 % MI CIDE

Однако ксантановая смола DUO-VIS обладает достаточной устойчивостью к воздействию микроорганизмов (раствор смолы устойчив до 15 сут) и без добавки бактерицидов, поэтому можно предположить, что данный реагент уже был предварительно модифицирован производителем. Статическое напряжение

сдвига изученных растворов в течение месяца меняется незначительно.

Важным аспектом применения полимерных реагентов на основе полисахаридов является устойчивость к воздействию температуры. Исследование термостабильности раствора ксантанового реагента до и после обработки бактерицидами проводили с использованием ячейки старения и вальцовой печи, имитирующей циркуляцию бурового раствора в скважине в процессе бурения. Поддерживали температуру 125°C и давление 2 атм в течение суток, после чего анализировали реологические свойства полимерных растворов. Проведенные исследования показали, что исходный раствор, не содержащий исследуемые бактерициды, сохраняет реологические характеристики в большей степени, чем раствор с добавкой глиоксали и MI CIDE, поэтому можно сделать вывод, что добавка бактерицидов к раствору ксантановой смолы приводит к снижению термостабильности данного раствора.

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Установлено разжижающее действие глиоксали на коллоидные глинистые растворы.
2. В присутствии крахмала, наряду с разжижением глинистого раствора, наблюдаются структурообразующие свойства глиоксали.
3. Введение глиоксали в буровой раствор приводит к значительному ингибированию процесса набухания глинистых сланцев.
4. Модифицированный глиоксалем крахмал проявляет биоцидные свойства и длительное время сохраняет исходные реологические параметры.
5. Глиоксаль при равных концентрациях проявляет лучшие бактерицидные свойства для изученных полисахаридов по сравнению с бактерицидом MI CIDE.
6. Обработка ксантановой смолы бактерицидами приводит к снижению термостабильности раствора полимера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов Ю.Д., Молодкин С.В. Применение бактерицидов и ингибиторов коррозии в процессах нефтедобычи // Экспозиция. Нефть. Газ. 2009. № 2. С. 23–25.
2. Клеттер В.Ю. Совершенствование буровых растворов для строительства скважин на акватории арктического шельфа : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Уфа, 2010. 24 с.
3. Пат. 2272900 Российская Федерация, МПК E21 B43/22 3. Состав для приготовления водорастворимого ингибитора микробиологической и сероводородной коррозии / Миненков В.М. ; заявитель и патентообладатель ООО Научно-производственная компания «ЭКСБУР Ко». Опубл. 27.03.2006. Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.
4. Водянкина О.В., Курина Л.Н., Петров Л.А., Князев А.С. Глиоксаль. М. : Академия, 2007. 248 с.
5. Осипов В.И. Микроструктура глинистых пород. М. : Недра, 1989. 211 с.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 25 декабря 2013 г.

INVESTIGATION OF PROPERTIES OF DRILLING FLUIDS CONTAINING GLYOXAL AND GLYOXAL MODIFIED POLYSACCHARIDES

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 225-229. DOI: 10.17223/15617793/380/36

Minaev Konstantin M. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: minaevkm@bk.ru

Martynova Darya O., Knyazev Aleksey S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dashyctrik@sibmail.com

Zakharov Aleksey S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arnag@ibmail.com

Keywords: drilling fluids; glyoxal; polysaccharides; starch; xanthan gum; rheology.

At present it is revealed that microorganisms have a deleterious influence on the processes of petroleum production from well-boring to transportation of commercial oil. The vital activity of cellulose-decomposing and other bacterium species led to rapid impairment

of technological properties of drilling mud based on polysaccharides (starch, xanthan gum, different kinds of cellulose), which is particularly expressed in the change of rheological properties and increase of filtration rate while drilling. Biodegradation results in the loss of technological and rheological properties of drilling mud which in turn leads to the necessity of additional treatment by expensive reagents, which increases the drilling operation cost. Therefore the prevention of polysaccharides biodegradation is an urgent problem. Under the influence of mud microflora, high biodegradation of polysaccharides gives grounds to carry out investigations to reveal the influence of bactericide additives on the stability of biopolymer muds. Phenol and formaldehyde have bactericide properties, but their application for drilling muds treatment is restricted by sanitary and ecological requirements. Therefore, the application of a dialdehyde – glyoxal – as a bactericide is perspective. Glyoxal is more than twice as active as formaldehyde and excels noticeably in ecological characteristics. One molecule of glyoxal can bind two sulfur-containing molecules, so it is possible to apply it for the prevention of hydrogen sulphide corrosion. Bactericide properties of glyoxal are widely used for prolongation of drilling muds durability and for oil disinfection, particularly, for sulfate-reducing bacterium control. We researched the rheological and technological properties of model drilling muds modified by glyoxal. Treatment of bentonite suspension with glyoxal leads to a substantial decrease of relative viscosity of drilling mud. The effect of glyoxal on the colloidal solution of clay in water can be used to decrease the swelling capacity of shale. In this research we modified polysaccharides to increase their resistance to enzymes. Glyoxal was not a part of drilling mud composition and was used for spontaneous treatment of starch reagent to impart bactericide properties. It was revealed that the population of bacterial colonies in drilling mud with modified starch is considerably smaller than that with unmodified starch. The comparative study of the yield point of xanthan gum solution with such bactericides as glyoxal and MI CIDE and without them showed that glyoxal reveals better stabilization properties, similar to starch. The stability of polymer solution increases with greater concentration of bactericide.

REFERENCES

1. Morozov Yu.D., Molodkin S.V. Primenenie bakteritsidov i ingibitorov korrozii v protsessakh nefte dobychi. *Ekspozitsiya. Neft'. Gaz.* 2009. № 2. P. 23-25.
2. Kletter V.Yu. Sovershenstvovanie burovnykh rastvorov dlya stroitel'stva skvazhin na akvatorii arkticheskogo shel'fa : avtoref. dis. ... kand. tekhn. nauk. Ufa, 2010. 24 p.
3. Pat. 2272900 Rossiyskaya Federatsiya, MPK E21 B43/22 3. Sostav dlya prigotovleniya vodorastvorimogo ingibitora mikrobiologicheskoy i serovodorodnoy korrozii. Minenkov V.M. ; zayavitel' i patentoobladatel' OOO Nauchno-proizvodstvennaya kompaniya «EKS BUR Ko». Opubl. 27.03.2006. Byul. No. 23 (II ch.). 3 p.
4. Vodyankina O.V., Kurina L.N., Petrov L.A., Knyazev A.S. Glioksal'. M. : Akademiya, 2007. 248 p.
5. Osipov V.I. Mikrostruktura glinistyykh porod. M. : Nedra, 1989. 211 p.

А.Н. Синельников, П.С. Щербаков, А.В. Беренда, В.С. Мальков

ЭЛЕКТРОМЕМБРАННЫЙ СИНТЕЗ ГЛИКОЛЕВОЙ КИСЛОТЫ

Работа выполнена в рамках ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы» (ГК № 16.522.12.2006).

Представлены закономерности электромембранной конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту, являющуюся сырьем для производства хирургических шовных материалов. Определены оптимальные условия конверсии натриевой соли в кислоту: плотность тока и исходная концентрация соли. Установлено, что наибольшим выходом кислоты по току до 75% в системе гетерогенная катионообменная / гомогенная биполярная мембрана FBM FuMA-Tech GmbH обладают отечественные катионообменные мембраны марки МК-40.

Ключевые слова: гликолевая кислота; электродиализ; биполярные мембраны; электромембранная конверсия; электромембранное концентрирование.

Введение

Гликолевая (гидроксиуксусная) кислота, имеющая формулу HOCH_2COOH , является родоначальником гомологического ряда α -гидроксикарбоновых кислот. Благодаря своим химическим свойствам она находит широкое применение не только в препаративных синтезах различных веществ, как высокореакционное соединение, но и в различных отраслях промышленности: пищевой, кожевенной, нефтегазовой, обрабатывающей, текстильной, строительной и т.д. Гликолевая кислота обладает рядом важных свойств, обуславливающих ее широкое практическое применение в медицине: она используется в качестве мономера для получения биоразлагаемых гомополимеров и сополимеров с заданными свойствами, используемых, главным образом, в медицине в качестве саморассасывающихся имплантантов. Полимеры на основе гликолевой кислоты могут применяться в качестве барьерных материалов, препятствующих проникновению кислорода в упаковку, например тетрапаков. Благодаря малым размерам молекулы данное органическое соединение обладает высокой проникающей способностью. Это свойство стало одной из основных причин ее использования в косметологической практике для нормализации процессов обмена и кожной микроциркуляции, что позволяет эффективно бороться с гиперкератозом, себореей, ихтиозом, фотостарением и повышенной сухостью кожи. Кроме того, гликолевая кислота низкоотоксична, поэтому она заменяет гораздо более вредные средства на основе щавелевой кислоты при производстве промышленных чистящих и дезинфекционных средств.

Товарным продуктом является 70%-ный водный раствор или кристаллическая кислота с содержанием основного вещества не менее 99% мас. Технический 70% мас. водный раствор гликолевой кислоты является в высшей степени многофункциональным продуктом, применяемым в домашнем хозяйстве, промышленности, в производстве чистящих средств для электронной промышленности, в качестве присадок для автомобильных смазочных масел, при реабилитации нефтяных и водозаборных скважин; для контроля pH используется

в производстве химических полупродуктов. Чистый 70% мас. водный раствор гликолевой кислоты является основным компонентом для производства косметических средств по уходу за кожей. Его широко применяют в тонком органическом синтезе. Кристаллическая форма очищенной гликолевой кислоты используется там, где необходимо избежать присутствия воды.

Известны различные промышленные способы получения гликолевой кислоты:

1. Карбонилирование формальдегида [1]. Данный способ получения кислоты основан на взаимодействии угарного газа с формальдегидом (или его полимерами – параформальдегидом, триоксаном или их смесью) и водой при высоких давлениях и температуре в присутствии катализаторов. Выход гликолевой кислоты составляет 20–60% мас. Наряду с целевым продуктом получаемый раствор содержит примеси формальдегида, муравьиной кислоты и уксусной кислот, простые и сложные эфиры гликолевой кислоты. Остро стоит вопрос с удалением катализатора – кислоты.

2. Омыление хлоруксусной кислоты [2]. В данном способе нейтрализацию хлоруксусной кислоты проводят двукратным избытком щелочи NaOH или KOH при температуре от 100 до 160°C и избыточном давлении до 10 атм., затем при завершении реакции проводят фильтрацию раствора для отделения хлорида щелочного металла. Омыление осуществляется с избытком гидроксида щелочного металла от 2 до 8% мас., что позволяет провести более глубокую очистку методом классического электродиализа. Однако такая очистка приводит не только к удалению хлорида щелочного металла, но и к потерям целевого продукта и его разбавлению из-за процессов диффузии воды из камер концентрирования в камеры с очищаемым раствором.

3. Гидролиз циангидрина. Циангидрин получают реакцией формальдегида с синильной кислотой согласно [3]. В качестве катализатора используются соединения щелочных металлов – гидроксиды, галогениды, сульфиты, кислые сульфиты, сульфаты, формиаты и др. Процесс проводится при температуре от 45 до 60°C, и давлении от 0,1 до 0,8 МПа. После получения циангидрин

сразу подвергают гидролизу, что связано с быстрой его деструкцией. Хранить циангидрин необходимо при температуре не выше 10°C.

4. Окисление этиленгликоля кислородом в смеси с азотом на неорганических гетерогенных катализаторах, содержащих соединения платины или палладия с висмутом. Однако эти процессы сопряжены с неполной конверсией этиленгликоля, что дает сложную смесь продуктов, содержащую, кроме гликолевой кислоты, еще и примеси альдегидов, эфиров и исходного сырья.

5. Каталитическая этерификация этиленгликоля. В процессе реакции этерификации образуется не только метилгликолят, но и эфиры щавелевой кислоты, имеющие близкую температуру кипения. Температура кипения метилгликолята составляет 151°C, а диметилосалата – 164°C, поэтому они не могут быть разделены простой перегонкой.

Известны способы получения гликолевой кислоты по способу Канницаро, путем внутримолекулярного диспропорционирования. Процесс проводят в двух вариантах:

1. Способ получения гликолевой кислоты путём внутримолекулярного диспропорционирования глиоксала в присутствии неорганических катализаторов, таких как хлорид, нитрат, сульфат или гидроксид алюминия [4]. Процесс проводят в инертной атмосфере, с использованием 15%-ного раствора глиоксала, при повышенном давлении и температуре порядка 165°C, при этом достигается практически полная конверсия исходного сырья. Количество катализатора, необходимое для протекания процесса, составляет до 1 мол. %. К недостаткам процесса относится трудность отделения катализатора.

2. Способ получения гликолевой кислоты путём внутримолекулярного диспропорционирования глиоксала в концентрированных водных или водно-спиртовых растворах щелочи. В результате данной реакции образуется гликолят натрия (соответствующего щелочного или щелочно-земельного металла). Реакцию проводят при охлаждении, чтобы уменьшить выход побочных продуктов реакции (продукты побочных реакций конденсации и осмоления), обуславливающих цветность раствора. Катализаторами данной реакции являются различные металлы (например, Ag, Ni, Co, Cu) и их оксиды. Наличие примесей в глиоксале, таких как гликолевый альдегид, формальдегид и т.д., имеющих атомы водорода в α -положении, приводит к протеканию преимущественно реакций альдольной конденсации, а не реакции Канницаро. В работе [5] предлагается проводить реакцию Канницаро между альдегидами, не имеющими атомы водорода в α -положении, в частности глиоксалем, при комнатной температуре в 50%-ном водно-спиртовом растворе щелочи с выходом не превышающим 60%. В патенте [6] и работе [7] отмечается, что реакция Канницаро является реакцией диспропорционирования, и поэтому ее протекание сопряжено с образованием большого количества побочных продуктов, затрудняющих получение чистой гликолевой кислоты.

Целью данной работы является создание более эффективного способа получения гликолевой кислоты

по реакции Канницаро из глиоксала, используя метод электродиализа с биполярными мембранами.

Экспериментальная часть

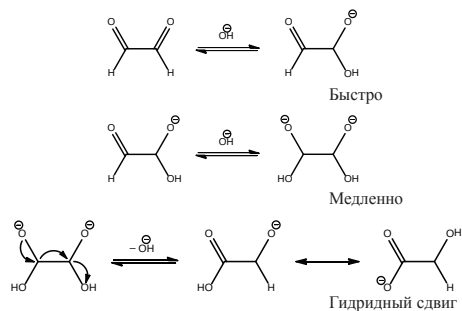
Синтез гликолята натрия проводили в лабораторном реакторе Büchi Glass Uster объёмом 10 л, снабжённом внешней рубашкой, подключённой к термостату Julabo, и верхнеприводной мешалкой лопастного типа. Для обеспечения высокой чистоты продукта в процессе синтеза использовалась деионизованная вода с удельным сопротивлением, составляющим 12–15 МОм · см. Все реактивы (гидроксид натрия, спирт этиловый) были марки х.ч. Использовался водный раствор глиоксала 40% мас., ТУ 2633-003-67017122-2011, производства ООО «Новохим» (г. Томск).

Для проведения электромембранной конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту использовался лабораторный электродиализатор-синтезатор (далее ЭДС) собственного изготовления.

Результаты и обсуждение

Для достижения поставленной цели по получению гликолевой кислоты целесообразно проводить реакцию Канницаро в водной среде при минимальных концентрациях щелочи от 0,5 до 6,5 моль/л, чтобы свести к минимуму выход побочных продуктов реакции. Отличительным признаком данного способа является то, что уменьшению выхода побочных продуктов реакции внутри молекулярного диспропорционирования глиоксала способствуют охлаждение реакционной смеси до температуры от 0 до 10°C и ее постоянное перемешивание при незначительном избытке щелочи (мольное отношение глиоксаль : щелочь = 1 : 1,05–1,1). Данный избыток способствует полному превращению глиоксала в гликолят натрия и обеспечивает меньшее омическое сопротивление в ЭДС при конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту, что уменьшает тепловыделение и избавляет от необходимости использования охлаждения электродного, кислотного-солевого и щелочного растворов. Отсутствие необходимости использовать теплообменники при конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту методом электродиализа с биполярными мембранами упрощает технологический процесс и уменьшает стоимость целевого продукта.

Реакция внутримолекулярного диспропорционирования глиоксала проводится в водном растворе щелочи при концентрациях 0,5–0,65 моль/л, чтобы уменьшить выход побочных реакций осмоления глиоксала:

Процесс получения гликолята натрия связан с постепенным прикапыванием 40% мас. водного раствора глиоксаля в 0,5–0,65 моль/л водный раствор щелочи при непрерывном перемешивании реакционной массы. Температура, при которой проводится реакция, не должна превышать 0–10°C. При таких условиях теоретический выход соли составляет 100%. Для обеспечения высокой чистоты продукта целесообразно использовать в процессе синтеза деионизованную воду с удельным сопротивлением, составляющим 12–15 МОм·см.

Перед проведением конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту методом электродиализа с биполярными мембранами необходимо удалить продукты осмоления сорбцией на активированном угле марки ОУ-А, который добавляют из расчета 1–5% мас. в пересчете на получаемый гликолят натрия. Раствор гликолята натрия пропускают через колонку, заполненную активированным углем, 3–5 раз со скоростью 2–4 м/с. Для увеличения эффективности очистки гликолята натрия диаметр колонки должен быть меньше её высоты не менее чем в 100 раз. При вымывании частичек активированного угля необходимо отфильтровать раствор соли.

Свежеприготовленный раствор гликолята натрия, предварительно очищенный с использованием гранулированного активированного угля, подвергается безреагентной конверсии в гликолевую кислоту методом электродиализа с использованием биполярных мембран.

ЭДС, принципиальная схема которого приведена на рис. 1, изготовлен с использованием щелоче-кислотостойких материалов: капралона, полиэтилена, платинированного титана, нержавеющей стали. ЭДС был собран по классической параллельной гидравлической схеме [8].

Электродиализный модуль состоял из 11 чередующихся гетерогенных катионообменных мембран марки МК-40 (производства ОАО «ЩЕКИНОАЗОТ») и 10 гомогенных биполярных мембран FuMA-Tech GmbH (Vaihingen, Germany), которые образовывали щелочные и кислотные солевые камеры аппарата. Возможно также использовать любые коммерчески доступные биполярные мембраны, выпускаемые такими фирмами, как Astom Corp. (Tokyo, Japan), Neosepta membranes, Tokuyama Co., Ltd. (Tokyo, Japan), Ameridia (Somerset, NJ, USA), Eurodia Industrie S. A. (Wissous, France),

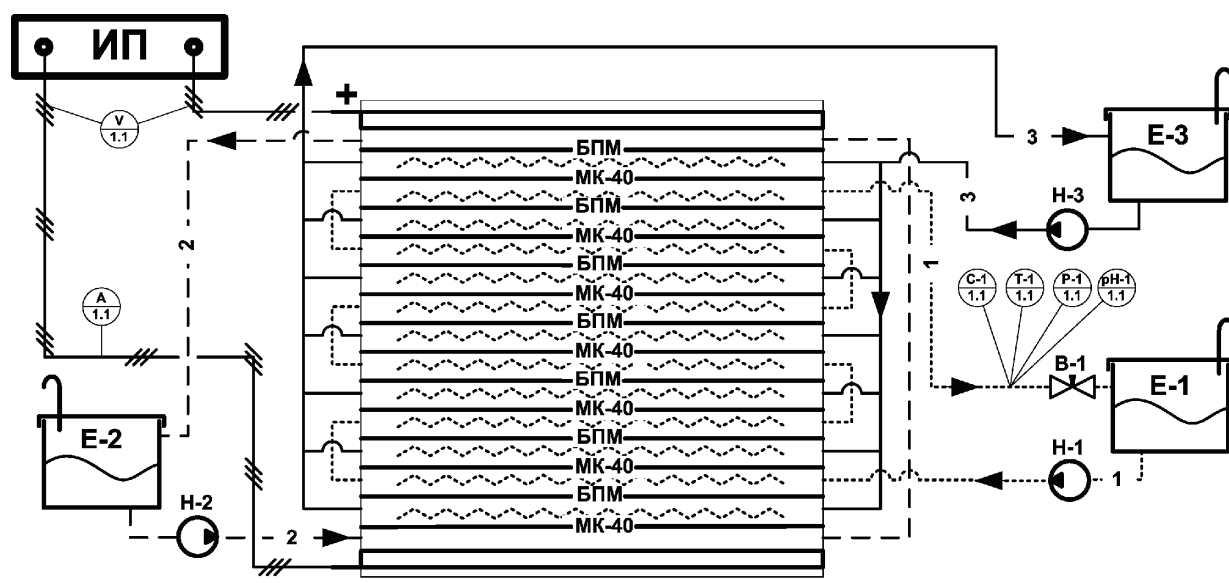

Рис. 1. Принципиальная блок-схема ЭДС: 1, 2 и 3 – тракты кислотно-солевого, электродного и щелочного растворов соответственно; H-1, H-2 и H-3 – насосы подачи кислотно-солевого, электродного и щелочного растворов соответственно; E-1, E-2 и E-3 – емкости кислотно-солевого, электродного и щелочного растворов соответственно; P-1 – манометр, измеряющий давление на выходе из ЭДС в тракте кислотно-солевого раствора; B-1 – вентиль регулировки давления на выходе из ЭДС в тракте кислотно-солевого раствора; pH-1 – протоочная ячейка для измерения pH кислотно-солевого раствора; T-1 – термометр, C-1 – протоочная ячейка для измерения электропроводности кислотно-солевого раствора; ИП – источник постоянного напряжения Mastech HY10010E; A – амперметр M2018; V – вольтметр B7-16A

CelTech, Inc. (Fayetteville, NC, USA), Eden Purification Systems (North Haven, CT, USA), Ion Power, Inc. (Bear, DE, USA), Minntech Corporation (Minneapolis, MN, USA) и GE Water & Process Technologies (Trevose, PA, USA). Таким образом, ЭДС включал в себя пять элементарных двухкамерных ячеек с рабочей площадью каждой мембраны 1 дм² и общей полезной площадью мембран 1 м². Предпочтение двухкамерной элементарной ячейке ЭДС было отдано по причине образования слабой гликоле-

вой кислоты ($pK_a = 3,83$) в процессе конверсии гликолята натрия. Использование трехкамерной элементарной ячейки, образованной чередующимися биполярной, катионо- и анионообменной мембраной, не оправдано, так как при уменьшении концентрации гликолята натрия в солевой камере и увеличении концентрации гликолевой кислоты в кислотной камере аппарата будет уменьшаться проводимость соответствующих растворов и, как следствие, расти сопротивление. Рост сопро-

тивления приведет к увеличению выделения джоулева тепла и, как следствие, к уменьшению выхода по току кислоты.

Расстояние между мембранами фиксировалось с помощью полиэтиленовых прокладок рамочного типа толщиной 1 мм. Даная толщина полиэтиленовых прокладок была выбрана после предварительных исследований гидродинамических режимов работы ЭДС, которые показали, что в условиях невысокой вязкости исходного раствора, имеющего плотность $\rho = 1,025\text{--}1,037 \text{ г/см}^3$, для обеспечения минимального перепада давления между кислотно-солевой и щелочной камерами необходимо создание наименьшего межмембранного расстояния. Мембраны были отделены друг от друга изготовленной из ПВХ гофрированной перфорированной сеткой толщиной 9 мм – турбулизатором потока. Анод и катод ЭДС были изготовлены из платинированного титана и имели эффективную площадь 1 дм². Электродные плиты были выполнены из капролона, прижимные плиты и стягивающие их шпильки – из нержавеющей стали 12Х18Н10Т. ЭДС был подключен к регулируемому источнику постоянного тока Mastech HY10010E (Тайвань), позволяющему осуществлять контроль силы тока и напряжения. Для омывки электродов использовался 4% мас. водный раствор щелочи. Электродные камеры гидродинамически были соединены последовательно. Объем раствора гликолята натрия равнялся 1 л и был равен объему 0,01 М раствора щелочи, циркулирующей в щелочном тракте. Объем электродного раствора равнялся 1 л. Скорость циркуляции в трактах была выбрана таким образом, чтобы степень конверсии соли в кислоту за один проход через кислотно-солевую камеру была незначительна. Электролиз проводили в гальваностатическом режиме.

С помощью проточной кондуктометрической ячейки, подключенной к кондуктометру марки АНИОН-7020 («НПП «Инфраспек-Аналит», Россия), осуществлялся контроль степени конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту. Изменение pH раствора контролируется с использованием проточной ячейки. В процессе электролиза через определенные промежутки времени производился отбор проб из кислотно-солевого и

щелочного трактов для определения состава растворов. Количественное определение гликолевой кислоты проводилось как методом высокоэффективной жидкостной хроматографии (ВЭЖХ) на хроматографе Agilent 1200 (колонка Zorbax SB-C18) с диодноматричным детектором, так и с помощью потенциометрического титрования. Концентрация щелочи определялась потенциометрическим титрованием. Отсутствие примесей формальдегида и гликолевого альдегида подтверждалось данными ВЭЖХ.

Конверсия гликолята натрия в гликолевую кислоту методом электролиза с биполярными мембранами. Первоначально для определения оптимальных вольт-амперных характеристик проведения процесса конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту методом электролиза с биполярными мембранами, а также оптимальной концентрации гликолята натрия были проведены шесть экспериментов, в которых в качестве катионообменных мембран использовались гетерогенные мембраны марки МК-40, а в качестве биполярных – гетерогенные мембраны марки МБ-3 (производства ОАО «ЩЕКИНОАЗОТ») и биполярные мембраны (БПМ), полученные на основе катионо- и анионообменных мембран марки RALEX® AM(H)-PES и RALEX® CM(H)-PES (производство АО «МЕГА», Чехия) в ИП «Мембранная технология». Число элементарных ячеек в ЭДС равнялось пяти в экспериментах 1–4 и трем – в экспериментах 5 и 6, как можно видеть из табл. 1. В экспериментах 1–5 использовался гликолят натрия фирмы «Merck», а в эксперименте 6 – синтезированный вышеописанным способом.

Для определения оптимальных вольт-амперных характеристик в эксперименте 1–3 варьировалась величина плотности тока, приходящаяся на 1 см² эффективной поверхности электродов в гальваностатическом токовом режиме. Результаты экспериментов 1–3, представленные в табл. 1, показывают, что оптимальной плотностью тока является $j = 200 \text{ мА/см}^2$. При данной плотности тока в эксперименте 2 наблюдается один из самых больших выходов по току для гликолевой кислоты $\eta(\text{НГл}) = 70,6\%$ и отсутствует перенос гликолят аниона через БПМ из кислотно-солевой в щелочную камеру.

Таблица 1
Параметры процесса электромембранной конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту с использованием гетерогенных катионообменных мембран МК-40 и биполярных мембран МБ-3 и биполярных мембран, полученных на основе катионо- и анионообменных мембран марки RALEX® AM(H)-PES и RALEX® CM(H)-PES

Эксперимент №	$n_{\text{эл.яч.}}$	t	j , мА/см ²	$C_0(\text{NaГл})$, моль/л	$C(\text{НГл})$, моль/л	$C_0(\text{NaOH})$, моль/л	$\eta(\text{НГл})$, %	$\eta(\text{NaOH})$, %	$W(\text{НГл})$, ВтЧ	$W(\text{NaOH})$, ВтЧ	$P(\text{НГл})$, моль/м ² Ч	$P(\text{NaOH})$, моль/м ² Ч
1	5	180	100	0,5	0,440	0,384	70,8	59,4	84,6	101	2,64	2,22
2	5	90	200	0,5	0,445	0,467	70,6	77,5	158,14	146,03	5,34	5,78
3	5	60	300	0,5	0,419	0,396	67,4	60,9	255,90	282,91	7,54	6,82
4	5	170	200	1,0	0,894	0,624	67,7	62,2	194,12	211,06	5,05	4,64
5	3	135	200	0,5	0,459	0,566	82,0	92,3	103,92	116,38	6,12	6,88
6	3	145	200	0,5	0,419	0,504	75,1	79,1	156,85	148,91	5,61	5,91

Большой выход по току по гликолевой кислоте достигается только в эксперименте 1 $\eta(\text{НГл}) = 70,8\%$, однако производительность (P) за 1 ч по гликолевой кислоте в пересчете на 1 м² эффективной поверхности мембран в данном эксперименте в два раза меньше, чем в экспери-

менте 2, и приблизительно в три раза меньше, чем в эксперименте 3. В эксперименте 3 наблюдается значительный перенос гликолят аниона через БПМ из-за высокой плотности тока, что проявляется в снижении выходов по току для гликолевой кислоты $\eta(\text{НГл}) = 67,4\%$ и умень-

шении концентрации получаемой гликолевой кислоты до 0,419 М по сравнению с таковой концентрацией в эксперименте № 2 – 0,445 М. Потенциометрическое титрование раствора щелочи из щелочного тракта показало, что действительно наблюдается перенос гликолят анионов через гетерогенную биполярную мембрану МБ-3 в щелочные камеры ЭДС. Об этом свидетельствовало наличие второго максимума на дифференциальной кривой потенциометрического титрования.

Проведение экспериментов по определению оптимальной концентрации гликолята натрия для получения гликолевой кислоты методом электродиализа с БПМ показало, что оптимальной концентрацией является 0,5 моль/л. При увеличении начальной концентрации гликолята натрия до 1 М в эксперименте 4 происходит как уменьшение выхода по току для гликолевой кислоты до $\eta(\text{НГл}) = 67,7\%$, так и падение производительности до $P(\text{НГл}) = 5,05 \text{ моль/м}^2 \cdot \text{ч}$.

Потенциометрическое титрование гидроксида натрия из щелочных камер, полученного после проведения эксперимента 4, показало наличие значительного количества гликолят анионов в щелочном растворе. Подобная картина наблюдается при титровании гидроксида натрия из щелочных камер в эксперименте 3. Потеря гликолят анионов в экспериментах 3 и 4 из-за переноса через БПМ обусловлена падением селективности биполярных мембран марки МБ-3 при высоких значениях плотности тока $j = 300 \text{ мА/см}^2$ и высокой концентрации исходного раствора гликолята натрия.

В эксперименте 5 были исследованы модифицированные гетерогенные биполярные мембраны производства ИП «Мембранная технология» на основе катионо- и анионообменных мембран марки RALEX® (АО «МЕГА», Чехия). При оптимальных значениях плотности тока $j = 200 \text{ мА/см}^2$ и концентрации исходного раствора гликолята натрия 0,5 моль/л данные мембраны дают больший выход по току $\eta(\text{НГл}) = 82,0\%$, обладают наибольшими числами переноса коионов, что обуславливает высокое значение концентрации получаемой гликолевой кислоты = 0,459 моль/л и высокую производительность $P(\text{НГл}) = 6,12 \text{ моль/м}^2 \cdot \text{ч}$. Данные БПМ обладают меньшим омическим сопротивлением по сравнению с МБ-3, что обуславливает меньшие потери электроэнергии на нагрев электродного, кислотного-щелочного растворов, а также меньшие энергозатраты на получение 1 М кислоты $W(\text{НГл}) = 103,92 \text{ Вт} \cdot \text{ч/моль}$. В эксперименте 2 затраты электроэнергии на получение 1 М кислоты при аналогичных значениях величин плотности тока и концентрации исходного раствора гликолята натрия составили $W(\text{НГл}) = 158,14 \text{ Вт} \cdot \text{ч/моль}$.

В эксперименте 6 был исследован процесс получения гликолевой кислоты из гликолята натрия, полученного по вышеописанному методу. Условия эксперимента были аналогичны таковым в эксперименте 5. Динамика (характер изменения) контролируемых параметров процесса: проводимость раствора в кислотном-щелочном тракте (κ , мСм/см), pH, температура растворов (T , °C), напряжение на электродах ЭДС,

была схожа с динамикой уменьшения проводимости раствора в кислотном-щелочном тракте и уменьшением pH, а также увеличением температуры растворов и напряжения в экспериментах 1–5. Выход по току и производительность процесса по гликолевой кислоте в эксперименте 6 составили $\eta(\text{НГл}) = 75,1\%$ и $P(\text{НГл}) = 5,61 \text{ моль/м}^2 \cdot \text{ч}$ соответственно, что на 8,4% меньше, чем аналогичные показатели в эксперименте 5. Энергозатраты на получение 1 М кислоты при этом увеличились на 33,7%. Такое уменьшение выхода по току гликолевой кислоты может быть обусловлено меньшей степенью чистоты гликолята натрия (здесь понимается наличие непрореагировавшей щелочи, т.е. примеси являются устраняемыми), полученного по реакции Канниццаро из глиоксали и использовавшегося в последнем эксперименте, по сравнению с чистой товарной гликолята натрия.

Обобщая результаты экспериментов 1–6, можно сделать следующие выводы:

1. Оптимальной концентрацией раствора гликолята натрия, используемого в процессе получения гликолевой кислоты методом электродиализа с БПМ, является концентрация 0,5 моль/л.
2. Оптимальной плотностью тока в процессе получения кислоты на ЭДС является $j = 200 \text{ мА/см}^2$.
3. Наиболее высокий выход по току для гликолевой кислоты достигается при использовании модифицированных гетерогенных БПМ производства ИП «Мембранная технология». Данные мембраны обладают меньшим омическим сопротивлением по сравнению с БПМ марки МБ-3 (ОАО «ЩЕКИНОАЗОТ») и наибольшими числами переноса коионов, а также имеются в свободной рыночной продаже.

Далее были проведены исследования процесса конверсии гликолята натрия, полученного по методу, описанному выше, в гликолевую кислоту методом электродиализа с использованием гомогенных биполярных мембран FuMA-Tech GmbH (Vaihingen, Germany) и различных гетерогенных катионообменных мембран марок MC («Шанхайский химический комбинат», Китай), RALEX® CM(H)-PES и МК-40, результаты которого приведены в табл. 2. Для сокращения времени проведения экспериментов объемы растворов гликолята натрия, циркулирующего в кислотном-щелочном тракте, и щелочи, циркулирующей в электродном и щелочном трактах, были уменьшены до 0,5 л, а число пар элементарных ячеек увеличено до 10.

Анализируя данные табл. 2, можно отметить, что в системах с MC и RALEX® CM(H)-PES в экспериментах 7–11 наблюдаются схожие производительность и энергозатраты при получении 1 М кислоты. Аналогичное замечание можно сделать по поводу выхода кислоты по току: $\eta(\text{НГл})$ в обеих системах больше 60%. Наилучшим образом себя показали отечественные мембраны МК-40. В экспериментах 12–14 наблюдались самые высокие выходы кислоты по току $\eta(\text{НГл}) \approx 75\%$ для данной серии экспериментов, а также самые низкие энергозатраты. Анализируя данные табл. 1 и 2, можно сказать, что энер-

Параметры процесса электромембранной конверсии гликолята натрия в гликолевую кислоту с использованием гетерогенных катионообменных мембран MC, CM(H)-PES, МК-40 и гомогенных биполярных мембран FBM FuMA-Tech GmbH

Эксперимент №	t	$C_0(\text{NaГл})$, моль/л	$C(\text{HГл})$, моль/л	$\eta(\text{HГл})$, %	$\eta(\text{NaOH})$, %	$W(\text{HГл})$, Вт/ч	$P(\text{HГл})$, моль/м ² ч	pH _н	pH _к	Тип гетерогенных МК/ FBM FuMA-Tech GmbH
7	0,51	0,44	68,72	70,40	28,60	2,74	4,62	1,94	80	MC
8	0,765	0,68	65,90	67,04	33,82	2,72	4,95	1,89	120	
9	0,51	0,42	62,81	61,11	26,46	2,34	4,81	2,01	50	
10	0,663	0,405	52,24	54,61	39,00	1,95	4,78	1,96	53	CM(H)-PES
11	0,765	0,60	64,80	62,40	20,27	2,41	4,90	1,94	67	
12	0,5	0,457	68,79	73,97	24,55	2,57	4,68	1,94	50	МК-40
13	0,65	0,647	75,23	74,32	23,51	2,81	4,55	1,93	65	
14	0,75	0,722	71,98	73,61	19,36	2,69	4,54	1,92	75	

Примечание. Плотность тока в экспериментах 7–14 поддерживалась постоянной 100 мА/см².

гозатраты на получение 1 М кислоты в системе МК-40/ FBM FuMA-Tech GmbH приблизительно в шесть раз меньше, чем аналогичные затраты на получение того же количества кислоты в системе мембран МК-40/БПМ производства ИП «Мембранная технология» на основе катионо- и анионообменных мембран марки RALEX. Низкое омическое сопротивление FBM FuMA-Tech GmbH, обусловленное меньшей толщиной отдельных мембран, приводит к уменьшению выделения джоулева тепла и, как следствие, к увеличению выхода по току кислоты.

Обобщая результаты экспериментов 1–14, можно сделать следующие выводы:

1. Оптимальной концентрацией раствора гликолята натрия, используемого в процессе получения гликолевой кислоты методом электродиализа с БПМ в системах МК-40/МБ-3; МК-40/ БПМ производства ИП «Мембранная технология» на основе катионо- и анионообменных мембран марки RALEX и МК-40/ FBM FuMA-Tech GmbH, является концентрация 0,5–0,65 моль/л. При таких концентрациях соли наблюдается незначительное (до 10% по объему) уменьшение объема раство-

ра, циркулирующего в кислотно-солевых камерах ЭДС, которое, вероятно, обусловлено электроосмотическим переносом молекул растворителя в щелочные камеры. Небольшой радиус катиона натрия обуславливает наличие крепко связанной с ним сольватной оболочки. Частично уменьшить перенос растворителя из кислотно-солевых камер можно, создав избыточное давление в щелочных камерах ЭДС, чтобы были такие условия, при которых осмотический перенос через мембрану компенсировал бы электроосмотический. Разность давления между трактами должна составлять 10–60 кПа.

2. Оптимальной плотностью тока в процессе получения кислоты на ЭДС является $j = 100\text{--}200$ мА/см².

3. Наиболее высокий выход по току для гликолевой кислоты достигается при использовании систем на базе МК-40, гомогенных БПМ FBM FuMA-Tech GmbH и модифицированных гетерогенных БПМ производства ИП «Мембранная технология». Данные мембраны обладают меньшим омическим сопротивлением по сравнению с БПМ марки МБ-3 (ОАО «ЩЕКИНОАЗОТ») и наибольшими числами переноса коионов, а также имеются в свободной рыночной продаже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Loder D.J. Process for manufacture of glycolic acid. Патент США № 2152852. Заявл. 31.12.1936. Оpubл. 04.04.1939.
2. Ebmeyer F., Haberlein H., Haberlein H.H. et al. Process for preparing a particularly pure glycolic acid. Патент США № 5723662. Заявл. 09.01.1997. Оpubл. 03.03.1998.
3. Lanon A.T. Process for the preparation of glycolic acid. Патент США № 2153064. Заявл. 03.11.1937. Оpubл. 04.04.1939.
4. Takashi O., Yoshihiro Y., Usaji T. et al. Theoretical study of Al(III)-catalyzed conversion of glyoxal to glycolic acid: dual activated 1,2-hydride shift mechanism by protonated Al(OH)₃ species // Chem. Commun. 2009. Vol. 45, is. 19. P. 2688–2690.
5. Geissman T.A. The Cannizzaro Reaction // Org. React. 1944. Vol. 2. P. 94–113.
6. Aoki T., Hinago H., Nagahara H. Method for producing glycolic acid. Патент США № 8106238 B2. Заявл. 25.05.2006. Оpubл. 31.01.2012.
7. Salomaa P. The kinetics of the Cannizzaro Reaction of Glyoxal // Acta Chem. Scand. 1951. Vol. 10, № 2. P. 311–319.
8. Деминерализация методом электродиализа / под ред. Б.Н. Ласкорина, Ф.В. Раузен. М.: Госатомиздат. 1963. 351 с.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 5 декабря 2013 г.

GLYCOLIC ACID ELECTRO-MEMBRANE SYNTHESIS

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 230–236. DOI: 10.17223/15617793/380/37

Sinelnikov Aleksandr N., Shcherbakov Pyotr S., Berenda Andrey V., Malkov Viktor S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sinelnikovxfts@mail.ru / petruxa_in_the_net@mail.ru / bav_andrei@mail.ru / malkov.vics@gmail.com

Keywords: glycolic acid; electrodialysis; bipolar membranes; electro-membrane conversion; electro-membrane concentration.

The regularities of glycolic acid from sodium glycolate by means of electro-membrane synthesis are represented in the article. Glycolic acid is a raw material to produce surgical suture materials. Optimal conditions of sodium glycolate conversion to glycolic acid such as current density and salt concentration are determined. The maximum current yield (75%) in the bipolar membrane FBM FuMA-Tech GmbH is observed for cation-exchange membrane МК-40. Glycolic (hydroxyacetic) acid (HO–CH₂–COOH) is the first member of

α -hydroxycarboxylic acids homologous series. Due to its properties glycolic acid is widely used in industry: food, oil and gas, textile, tanning, and other industries. It is used in medicine to produce biodegradable polymers and co-polymers (with lactic acid) for surgical fibers and bioresorbable prostheses. Polymers based on glycolic acid can be used as barrier materials which impede the oxygen permeation into the pack. The glycolic acid molecule has a low radius thus it has high penetration power. This property caused the glycolic acid use for cosmetology to normalize the processes of skin microcirculation and regeneration. Besides glycolic acid has low toxicity so it can be used as the oxalic acid substitute in cleanser and disinfectant industry. Glycolic acid can be obtained due to the Cannizzaro reaction from glyoxal, i.e. by means of intermolecular disproportionation in the presence of alkali. The process has several steps: first of all, a glyoxal solution undergoes alkali treatment (with low alkali excess to achieve the molar ratio of 1:1.05) under 10°C. At this step sodium glycolate is produced. The sodium glycolate solution undergoes electro-membrane conversion to obtain glycolic acid. This process is realized by means of electrodialysis with bipolar homo- and heterogeneous membranes the filter-press-type electrodialyzer. The laboratory electrodialyzer was used to investigate this process. Glycolic acid, glyoxal and other substances were analyzed chromatographically. It is showed that sodium glycolate yield increases in the low excess of alkali (molar ratio 1:1.05) and constant stirring of the reaction mixture chilled to 0-10°C. The excess of alkali leads to 100% glyoxal conversion and provides lesser ohmic resistance in the electrodialyzer. The decreasing of ohmic resistance in the electrodialyzer leads to heat release decreasing. Thus, the technological process is simplified and the cost of glycolic acid decreases. Besides the optimal concentration of sodium glycolate was determined. When bipolar membranes (MK-40/MB-3; MK-40 based on cationic and anionic resins RALEX and MK-40/FBM FuMA-Tech GmbH) are used the C₂H₃O₃Na concentration is 0.5-0.65 mol/l. The optimal current density is 100-200 mA/cm². All the parameters of sodium glycolate conversion to glycolic acid over the electrodialyzer are linearly scalable. The maximum yield of glycolic acid is achieved when MK-40 and homogeneous bipolar FBM FuMA-Tech GmbH membranes are used. These membranes have low ohmic resistance and largest transfer numbers.

REFERENCES

1. Loder D.J. Process for manufacture of glycolic acid. Patent SShA No. 2152852. Zayavl. 31.12.1936. Opubl. 04.04.1939.
2. Ebmeyer F., Haberlein H., Haberlein H.H. et al. Process for preparing a particularly pure glycolic acid. Patent SShA No. 5723662. Zayavl. 09.01.1997. Opubl. 03.03.1998.
3. Lanon A.T. Process for the preparation of glycolic acid. Patent SShA No. 2153064. Zayavl. 03.11.1937. Opubl. 04.04.1939.
4. Takashi O., Yoshihiro Y., Usaji T. et al. Theoretical study of Al(III)-catalyzed conversion of glyoxal to glycolic acid: dual activated 1,2-hydride shift mechanism by protonated Al(OH)₃ species. *Chem. Commun.* 2009. Vol. 45, is. 19. P. 2688-2690.
5. Geissman T.A. The Cannizzaro Reaction. *Org. React.* 1944. Vol. 2. P. 94-113.
6. Aoki T., Hinago H., Nagahara H. Method for producing glycolic acid. Patent SShA No. 8106238 B2. Zayavl. 25.05.2006. Opubl. 31.01.2012.
7. Salomaa P. The kinetics of the Cannizzaro Reaction of Glyoxal. *Acta Chem. Scand.* 1951. Vol. 10, no. 2. P. 311-319.
8. Demineralizatsiya metodom elektrodializa. Pod red. B.N. Laskorina, F.V. Rauzen. M. : Gosatomizdat. 1963. 351 p.

Ю.И. Сухарев, Л.П. Ларионов, И.Ю. Аналикова, И.Ю. Лебедева,
И.В. Ковалёва, Н.В. Кузьмина, Е.В. Тарамина, А.Л. Кузнецов

ИССЛЕДОВАНИЕ СВОЙСТВ НЕКОТОРЫХ ОКСИГИДРАТОВ D- И F-ЭЛЕМЕНТОВ НА ФОНЕ ВКЛЮЧЕНИЙ УГЛЕРОДА

В работе представлены новые антибактериальные свойства гелей оксигидратов d- и f-элементов на фоне включений углерода. Антимикробную активность гелей оксигидратов циркония, железа, алюминия и иттрия можно использовать в антибактериальных бинтах нового поколения, в процессах водоподготовки и водоочистки. Отмечены следующие преимущества антибактериальных бинтов на основе оксигидратов железа и алюминия: нанокластерное антибактериальное воздействие ощутимо через 50 мин; погибает вся патогенная микрофлора; адсорбирующее, впитывающее, очищающее, дезодорирующее гелевое воздействие.

Ключевые слова: гель; оксигидратные системы; ток самоорганизации; динамическая вязкость; антимикробная активность; наномикроскопия; конформация; аттрактор.

Введение

Антимикробная активность гелей оксигидратов циркония, железа и иттрия представляет большой интерес. Литературные данные свидетельствуют о том, что тяжелые металлы вообще, например медь, кадмий и другие, угнетают процессы жизнедеятельности бактерий. Хорошо известно обеззараживающее действие серебра на воду [1]. Соединения циркония и других тяжелых металлов обладают известным антимикробным воздействием сами по себе. В данной работе мы в этом также убедились. Частицы оксигидрата циркония, например в той или иной активной форме, могут включаться в жизненный цикл бактерий, нарушая процесс их жизнедеятельности. С чисто практической (экологической и медицинской) точки зрения была бы интересна возможность применения их гидроксидных осадков или оксигидратных коллоидных нанокластеров для обеззараживания водных сред от таких групп условно патогенных бактерий, как кишечная палочка (*Escherichia coli*), стафилококк золотистый (*Staphylococcus aureus*), синегнойная палочка (*Pseudomonas aeruginosa*) и др. [2, 3].

Постановка задачи исследования

В гелевых оксигидратных системах формируются нанокластеры, имеющие высокие положительные или отрицательные заряды, которые разряжаются на графитовых электродах [2–4]. При прохождении нанотока в этой системе удалось сделать вывод об обнаружении данных наночастиц. Сам гель в силу диссоциативно-полимеризационной организации структурных фрагментов изменяется во времени. Не всякие частицы геля могут свободно перемещаться в дисперсной среде. Следовательно, существуют условия для возникновения локального осмотического давления в геле (а следовательно и разности потенциалов), воздействующего на ионы и заряженные кластеры и, вероятно, колонии бактерий. Итак, постоянные пульсации ДЭС в диссипирующей среде (их глубокие почти периодические изменения или «дрожание») – вот физическая картина шума и формирование на его основе шумового пьедестала в гелевых оксигидратных системах с участием бактериальных

сред [5]. Здесь кроется и механизм запуска управления процессами оксигидратного формообразования.

Процессы рекомбинации оксигидратных частиц, т.е. полимеризации, при этом носят основополагающий характер. Следует иметь в виду, что для многоатомных частиц, т.е. наносистем, реакции рекомбинации в принципе не могут быть двухчастичными, но должны реагировать между собой по крайней мере трехчастично. При этом третьи частицы, по нашей терминологии – нанокластеры, катализируют стохастический процесс диссипации энергии [6]. Бимолекулярные реакции характерны для классической гомогенной кинетики, но совершенно отсутствуют в кластерных реакциях (системах). Таким образом, спонтанный выплеск нанокластеров – термодинамически вполне объективный процесс для кластерных систем, в которых идет периодическая трансформация ДЭС в среде сообщества бактерий.

В ходе эволюции гели оксигидрата циркония, олова и других оксигидратов претерпевают целый ряд структурных превращений, вызывающих смену интенсивности действующих в оксигидрате ионно-кластерных потоков. Такие нанокластерные потоки разряжаются на графитовых электродах.

Таким образом, в гелевых неравновесных образцах наблюдается сложная система кластерного движения – как их линейных перемещений и колебаний, так и движения крупных оксооловых молекул (микроэлектрофорез [7, 8]). При этом самопроизвольно возникают электрические поля, если справедливы предположения об осмотическом выплеске заряженных частиц нанокластеров. Следовательно, возможна и экспериментальная регистрация микротоков в системе во времени на выраженном шумовом пьедестале [8]. Такая динамическая система со временем будет также эволюционировать вследствие развития в оксигидратном геле процессов полимеризации – деструкции и оксоляции. Отметим, что геометрическая форма геля (конфигурация электрохимической ячейки) очень сильно влияет на характер нанокластерных выплесков.

Область применения, т.е. использование оксигидратных гелей циркония, железа и иттрия и других для обеззараживания водных сред от бактериальной компонен-

ты, практически не исследована. Этими прогнозными задачами положено начало изучению бактерицидного действия гелей оксигидрата циркония, железа, иттрия на кишечную и синегнойную палочки, а также стафилококк золотистый. В дальнейшем эксперименты могут быть продолжены с использованием других групп патогенных и условно патогенных бактерий. Данная работа выполнялась в течение нескольких лет на кафедре коллоидной и когерентной химии Челябинского государственного университета и на базе специализированных баклабораторий г. Челябинска и области при специализированных лечебных заведениях.

Экспериментальная часть

Прибор для измерения импульсного поляризационного электрического тока оксигидратных гелей состоит из полой трубки или прямоугольной ячейки, на концах которой закреплены платиновые или графитовые электроды [4] (см. рис. 2). Контакты электродов подключали к электронному регистрирующему блоку (если это было необходимо). Свежеприготовленный гель вместе с бактериальной средой помещали в такую ячейку. Расстояние между электродами составляло 70 мм или меньше.

Методика бактериологических исследований

Для бактериологических исследований использовали такие культуры условно патогенных бактерий, как *Escherichia coli* (кишечная палочка), *Shigella Flexneri* (шигелла Флекснера) и *Pseudomonas aeruginosa* (синегнойная палочка).

Определение количества засеваемых бактериальных клеток проводилось по оптическому стандарту мутности. Сущность метода заключается в сравнении мутности используемой бактериальной взвеси с мутностью контрольного оптического стандарта. Сравнимые взвеси находились в пробирках с одинаковым внутренним диаметром, толщиной и цветом стекла. В каждой исходной культуре содержалось условно 105 микробных тел в 1 мл взвеси (м.т./мл).

Из этой суспензии выполняли последовательные 10-кратные разведения в стерильной дистиллированной воде. Для этого брали 3 стерильные пробирки, помечали их Д/В № 1, Д/В № 2, Д/В № 3 и в каждую наливали по 9 мл стерильной дистиллированной воды. В пробирку Д/В № 1 вносили 1,0 мл из пробирки со стотысячной взвесью микробных клеток по оптическому стандарту, взвесь тщательно перемешивали. Для дальнейшего разведения из пробирки Д/В № 1 переносили 1,0 мл во Д/В № 2, тщательно перемешивали и отсюда 1,0 мл переносили в следующую пробирку.

Схема разведения культуры по стандарту от 105 микробных клеток представлена в табл. 1.

Далее производили посев 0,02 мл бактериальных взвесей в стерильной дистиллированной воде из пробирок Д/В № 1 – Д/В № 3 через 2, 4 и 6 ч роста бактерий в питательную среду и затем подсчитывали количество колоний.

Затем готовили соответствующие разведения бактериальной взвеси в оксигидратных гелях. Для этого 9

мл геля помещали в 3 пробирки (Г № 1 – Г № 3), и затем проводили следующие операции: 1 мл бактериальной взвеси из пробирки с концентрацией бактерий 105 м.т./мл добавляли в пробирку с гелем (Г № 1) и получали соответственно разведение 10–1. Затем 1 мл бактериальной взвеси из пробирки Д/В № 1 с разведением 10–1 добавили в пробирку с гелем (Г № 2) и получали соответственно разведение 10–2. То же делали с пробиркой Д/В № 2 для получения разведения 10–3 в геле кюветы (Г № 3). Эти операции разведения показаны на рис. 1.

Таблица 1
Схема приготовления тест-культуры по оптическому стандарту

Номера пробирок	Количество стерильной дистиллированной воды, мл	Объем вносимой взвеси культуры из исходной, мл	Разведение	Примерное количество микробов в 1 мл взвеси, м.т./мл
Д/В № 1	9,0	1,0 из фракции, содержащей 105 м.т./мл	10–1	10 000
Д/В № 2	9,0	1,0 из Д/В № 1	10–2	1 000
Д/В № 3	9,0	1,0 из Д/В № 2	10–3	100

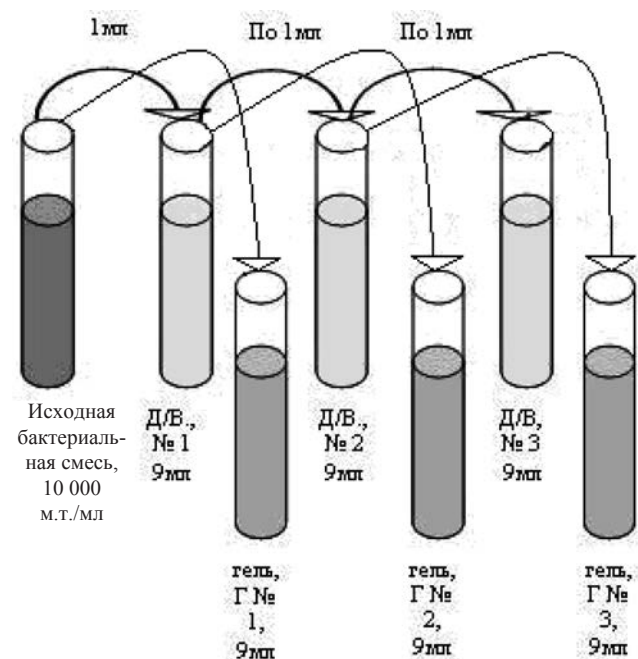

Рис. 1. Схема процесса разведения микробной культуры в стерильной дистиллированной воде и геле

Посев 0,02 мл бактериальных взвесей из каждой пробирки с гелем и из пробирок сравнения осуществляли через 2, 4 и 6 ч. Затем готовили бактериальные среды в оксигидратных гелях, исследуя влияние электрохимической ячейки. Для этого 9 мл геля помещали в 3 кюветы прибора (П № 1 – П № 3) и проделывали следующие процедуры: 1 мл бактериальной взвеси из пробирки с концентрацией бактерий 105 м.т./мл добавляли в ячейку с гелем (П № 1), т.е. получали разведение 10–1. Затем 1 мл бактериальной взвеси из пробирки Д/В № 1 с разведением 10–1 добавили в кювету прибора с гелем

(П № 2), получая разведение 10–2. То же проделывали с пробиркой Д/В № 2 и получали разведение 10–3 в ячейке прибора (П № 3).

Затем проводили посев 0,02 мл бактериальных взвесей из каждой кюветы прибора с гелем через 2, 4 и 6 ч. Посев проводили на питательной среде Эндо в чашках Петри. Чашки термостатировали в течение суток при температуре 37°C и подсчитывали количество выросших бактериальных колоний (КОЕ).

При анализе влияния гелей оксигидратов на бактерии, а также действия прибора с гелем оксигидрата на бактерии сравнивали количества выросших колоний соответственно из проб Д/В № 1 – Г № 1 – П № 1, Д/В № 2 – Г № 2 – П № 2, Д/В № 3 – Г № 3 – П № 3. Электрохимическая ячейка (прибор), используемая в исследованиях, показана на рис. 2.

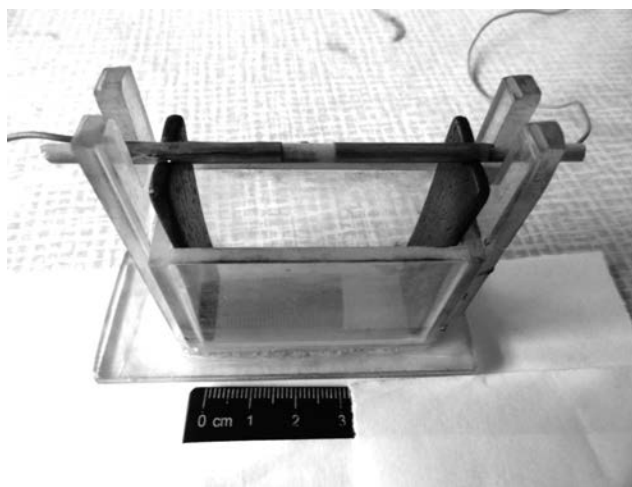

Рис. 2. Экспериментальная коллоидно-химическая ячейка с графитовыми электродами для исследования спайковых выделков нанокластеров (тока самоорганизации) оксигидратных гелей в бактериальной среде

Описание используемых в исследовании бактерий

Синегнойная палочка (Pseudomonas aeruginosa)

Pseudomonas aeruginosa – грамотрицательная палочка, занимает особое место среди возбудителей инфекций мочевыводящих путей. *Pseudomonas aeruginosa* характеризуется значительной природной устойчивостью к большинству антимикробных препаратов, применяемых в клиниках, что обуславливает появление тяжелых осложнений после инфицирования мочеполовой системы.

В мазке, приготовленном из чистой культуры, палочки могут располагаться одиночно, парами или образовывать короткие цепочки. Они хорошо растут на искусственных средах, не ферментируют лактозу и образуют гладкие круглые колонии флуоресцирующего зеленоватого цвета со сладковатым запахом.

Характерный биологический признак *P. aeruginosa* – способность синтезировать водорастворимый феназиновый пигмент – пиоцианин, окрашивающий питательную среду в сине-зеленый цвет. Это значительно упрощает идентификацию (70–80%) штаммов синегнойной палочки.

Культуральная диагностика с последующей бактериоскопией не представляет трудностей, поскольку синегнойная палочка хорошо растёт на различных питательных средах. С помощью серологической диагностики в относительно короткие сроки можно правильно поставить диагноз путём выявления как антигенов возбудителя инфекции, так и антител, вырабатываемых в ответ на антигенную стимуляцию иммунной системы [2].

Стафилококк золотистый (Staphylococcus aureus)

С медицинской точки зрения наиболее важное семейство рода микрококков (Micrococaceae) – это стафилококки (*Staphylococcus*). Своё название стафилококки получили за сходство скоплений микробных тел с виноградной гроздью.

Стафилококки – грамположительные сферические клетки, обычно располагающиеся в виде скоплений, неподвижны, не образуют спор, легко окрашиваются всеми анилиновыми красителями. Продуцируют энтеротоксин, способный вызывать тяжёлые пищевые отравления, и лейкоцидин – токсин, разрушающий лейкоциты и приводящий к образованию гнойников.

Стафилококковые инфекции представляют собой группу болезней, вызываемых патогенными стафилококками.

Стафилококковые инфекции (*Staphylococcus aureus*, *Staphylococcus albus*) устойчивы к антибиотикам. У стафилококков сравнительно легко развивается устойчивость ко многим противомикробным препаратам, что создаёт большие трудности при лечении больных.

Быстрое развитие устойчивости обуславливает применение при стафилококковых инфекциях комбинаций антибактериальных препаратов (канамицин и фурагин, эритромицин и тетрацилин и др.). При вялотекущих хронических, рецидивирующих процессах, наличии осложнений прибегают к иммунотерапии.

Одним из серьёзнейших осложнений стафилококковой инфекции является синдром токсического шока (Toxic shock syndrome, TSS) – острое системное заболевание, связанное с выработкой *Staphylococcus aureus* [2].

Антитела к шигеллам Флекснера – показатель бактериальной дизентерии, вызванной одним из видов бактерий семейства Enterobacteriaceae рода *Shigella*.

Дизентерия (шигеллез) – инфекционное заболевание, вызываемое бактериями рода шигелл, протекающее с преимущественным поражением слизистой оболочки толстого кишечника, с общей инфекционной интоксикацией. Инфицирование шигеллой Флекснера происходит чаще через воду и бытовым путем (в отличие от шигелл Зонне, для которых характерно инфицирование в основном через продукты).

Возбудителем дизентерии является группа микроорганизмов семейства Enterobacteriaceae рода *Shigella*, включающая 4 вида.

Шигеллы Флекснера и Зонне наиболее устойчивы в окружающей среде и могут сохраняться в течение нескольких суток, в воде – до 2 мес. При кипячении гибнут немедленно.

Шигеллы – грамтрицательные неподвижные аэробные бактерии палочковидной формы, спор не образуют. Названы в честь выделившего их в 1897 г. японского микробиолога К. Шига (Kiyoshi Shiga). Исследователи выделяют 4 вида бактерий:

1. Группа А – шигелла дизентерии (*Shigella dysenteriae*), в том числе палочки Григорьева – Шига (*Sh. Dysenteriae* 1), Штуцера – Шмица (*Sh. Dysenteriae* 2) и Лардж-Сакса (*Sh. Dysenteriae* 3–7).
2. Группа В – шигелла (бактерия) Флекснера (*Shigella flexneri*) с подвидом Ньюкастл (*Sh. flexneri* 6).
3. Группа С – шигелла (бактерия) Бойда (*Shigella boydii*).
4. Группа D – шигелла (бактерия) Зонне (*Shigella sonnei*).

Энтеробактерии (Enterobacteriaceae)
Escherichia coli (кишечная палочка)

Кишечная палочка (*Escherichia coli*) – один из представителей нормальной кишечной флоры, является сапрофитом толстого кишечника.

Условно патогенные и патогенные серотипы кишечной палочки вызывают различные формы инфекционного процесса. Нередки случаи, когда кишечная палочка в ассоциациях со стафилококком или некоторыми грамтрицательными бактериями (протей, синегнойная палочка) является причиной внутрибольничных инфекций, в частности в гинекологических клиниках, в отделениях для новорождённых [2].

Обсуждение результатов исследования

Для изучения антимикробного действия геля оксигидрата циркония использовали культуры таких бактерий, как *Escherichia coli* (кишечная палочка), *Shigella Flexneri* (шигелла Флекснера) и *Pseudomonas aeruginosa* (синегнойная палочка). Экспериментальные результаты исследования представлены в табл. 2–7.

На рис. 3 показаны характерные выплески нанотока (нанокластеров) оксигидрата циркония, полученные в электрохимической ячейке с углеграфитовыми электродами.

Таблица 2.

Количество выросших колоний бактерий синегнойной палочки (*Pseudomonas aeruginosa*)

Исходная концентрация (количество бактерий в 1 мл раствора)	Рост микробных тел в дистиллированной воде, м.т./мл			Рост микробных тел в геле без электрохимической ячейки, м.т./мл			Рост микробных тел в геле в электрохимической ячейке, м.т./мл		
	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч
104	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост
103	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост
102	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	688	540	282

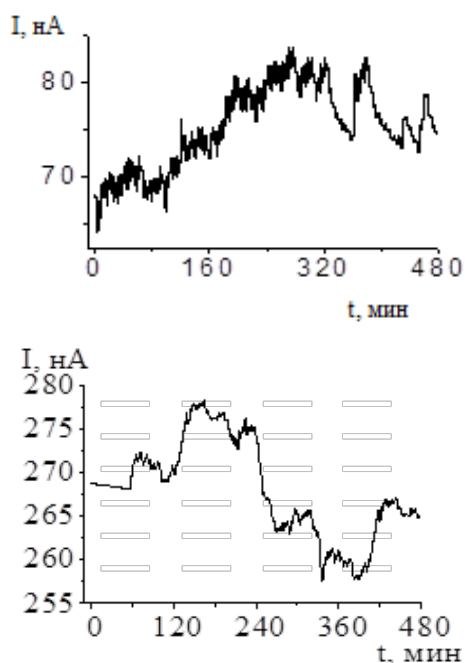

Рис. 3. Характерные выплески нанотока (нанокластеров) оксигидрата циркония

Известно, что синегнойная палочка (*Pseudomonas aeruginosa*) имеет низкую чувствительность к большинству антибиотиков. Как видно из табл. 2, исследуемый

гель оксигидрата циркония не обладает сильным антимикробным действием против данной культуры бактерий. Численность колоний с течением времени нахождения в геле существенно уменьшается по сравнению с исходными концентрациями 104; 103 м.т./мл отмечено лишь для самой маленькой концентрации 102 под действием импульсного тока самоорганизации в электрохимической ячейке. Во всех остальных случаях наблюдается сплошной рост бактерий.

В табл. 3 приводятся результаты влияния геля (в том числе в электрохимической ячейке) на бактерии *Escherichia coli*.

Анализ табл. 3 показал, что кишечная палочка *Escherichia coli* очень чувствительна к действию на нее геля оксигидрата циркония как в чистом виде, так и при помещении бактериальной культуры в прибор с электрохимической ячейкой, т.е. при обработке бактерий частицами оксигидратных нанокластеров.

Антимикробная эффективность геля в электрохимической ячейке наблюдается для всех исходных концентраций бактерий. В то же время антимикробная активность одного чистого геля отмечена только при самой малой концентрации бактерий. В геле оксигидрата циркония под воздействием импульсных частичных нанокластеров оксигидрата циркония концентрация бактерий уменьшилась в 10 раз и более, а в последнем разведении роста колоний бактерий вообще не наблюдается.

В табл. 4 содержатся результаты исследования антимикробной активности геля оксигидрата циркония по отношению к культуре бактерий шигеллы Флекснера.

В геле оксигидрата циркония в электрохимической ячейке рост бактерий шигеллы Флекснера существенно замедляется и практически полностью прекращается после длительного (шестичасового) воздействия на от-

носительно малые исходные концентрации бактерий. Однако антимикробный эффект действия чистого геля оксигидрата циркония на культуру шигеллы Флекснера меньше по сравнению с его действием на кишечную палочку в сотни раз. Электрохимическая ячейка и в данном случае резко усиливает антимикробное действие оксигидрата циркония.

Т а б л и ц а 3

Количество выросших колоний бактерий кишечной палочки

Исходная концентрация (количество бактерий в 1 мл исходного раствора)	Рост микробных тел в дистиллированной воде, м.т./мл			Рост микробных тел в геле без электрохимической ячейки, м.т./мл			Рост микробных тел в геле в электрохимической ячейке, м.т./мл		
	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч
104	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	714	118
103	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	928	105	26
102	296	302	314	1	0	0	0	0	0

Т а б л и ц а 4

Количество выросших колоний бактерий шигеллы Флекснера

Исходная концентрация (количество бактерий в 1 мл исходного раствора)	Рост микробных тел в дистиллированной воде, м.т./мл.			Рост микробных тел в геле без электрохимической ячейки, м.т./мл.			Рост микробных тел в геле в электрохимической ячейке, м.т./мл.		
	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч
104	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост
103	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	928	96
102	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	2300	640	140	4	0

Были проведены также исследования антимикробного действия геля оксигидрата железа на те же культуры бактерий, что и в случае геля оксигидрата циркония.

Результаты исследования действия геля на рост синегнойной палочки приведены в табл. 5.

Из данных табл. 5 следует, что рост колоний синегнойной палочки уменьшался под воздействием геля на протяжении всего времени исследования. Однако электрохимическая кювета с гелем оксигидрата желе-

за не привела к полному уничтожению (подавлению) синегнойной палочки. При более длительном воздействии и меньшей концентрации бактерий возможно добиться полного уничтожения бактериальной культуры в коллоидном растворе. В естественных даже самых жестких природных условиях концентрация колоний бактерий синегнойной палочки не достигает величин 102 м.т./мл. В наших же исследованиях использовались повышенные концентрации колоний синегнойной палочки.

Т а б л и ц а 5

Количество выросших колоний бактерий синегнойной палочки

Исходная концентрация (количество бактерий в 1 мл исходного раствора)	Рост микробных тел в дистиллированной воде, м.т./мл			Рост микробных тел в геле без электрохимической ячейки, м.т./мл			Рост микробных тел в геле в электрохимической ячейке, м.т./мл		
	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч
104	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост
103	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	1918	1192	574
102	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	864	632	492	450	133	18

Результаты исследования антибактериального действия геля оксигидрата железа на культуру *Escherichia coli* представлены в табл. 6. На протяжении всего времени эксперимента рост колоний культуры *Escherichia coli* уменьшался (особенно в электрохимической ячейке). Можно полагать, что гель оксигидрата железа в ячейке также сильно подавляет развитие и рост бактерий данной культуры, но не столь эффективно, как гель оксигидрата циркония.

По данным развития бактериальных колоний шигеллы Флекснера можно заключить, что и в этом случае концентрация бактериальной культуры сильно уменьшается в ячейке с гелем при длительном (шестичасовом) воздействии геля оксигидрата железа в приборе с ячейкой.

На опыте наглядно продемонстрированы кинетики резкого уменьшения количества колоний кишечной палочки и шигеллы Флекснера в гелевой среде оксигидра-

Количество выросших колоний бактерий кишечной палочки

Исходная концентрация (количество бактерий в 1 мл раствора)	Рост микробных тел в дистиллированной воде, м.т./мл			Рост микробных тел в геле без электрохимической ячейки, м.т./мл			Рост микробных тел в геле в электрохимической ячейке, м.т./мл		
	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч
104	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	908
103	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	1506	332	108
102	305	312	326	268	186	178	258	89	22

Таблица 7

Количество выросших колоний бактерий шигеллы Флекснера

Исходная концентрация (количество бактерий в 1 мл раствора)	Рост микробных тел в дистиллированной воде, м.т./мл			Рост микробных тел в геле без электрохимической ячейки, м.т./мл			Рост микробных тел в геле в электрохимической ячейке, м.т./мл		
	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч	Через 2 ч	Через 4 ч	Через 6 ч
104	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост
103	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	520
102	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	Сплошной рост	834	580	198

та циркония, помещенных в электрохимические ячейки прибора (см. рис. 2) при разных разведениях бактериальных культур. Прослеживается также уменьшение количества колоний синегнойной палочки (концентрация бактерий в исходном растворе была 102 м.т./мл) в гелях оксигидрата железа и циркония во времени, помещенных в электрохимическую ячейку прибора. Оксигидрат железа лучше нейтрализует бактерии синегнойной палочки, чем это фиксировалось для оксигидрата циркония.

Суммируя результаты исследований, можно констатировать, что действие нанокластеров геля оксигидрата циркония на синегнойную палочку относительно слабое, независимо от того, исследуем ли ее рост одиночно или в смеси с другими культурами бактерий. Антимикробное действие геля на кишечную палочку ухудшается, если она находится в смеси с другими родами бактерий. Для стафилококка золотистого действие геля зависит от того, с какими культурами бактерий он находится в смеси. Если с синегнойной палочкой, то действие прибора сильное и длительное, если с кишечной палочкой, то сильное, но мгновенное и не длительное (бактерии «лечатся»).

Изучение воздействия нанокластеров оксигидратных систем железа на кишечную, синегнойную палочки и на стафилококк золотистый, а также на их смесь показало, что уменьшение роста отдельных культур в их смеси наблюдается, но меньшее, чем для оксигидрата циркония. После длительного воздействия геля оксигидрата железа на бактериальные культуры концентрация бакколоний (т.е. их рост) значительно сокращается.

Механизм воздействия гелевых нанокластеров оксигидратов на бактерии

Как нами показано ранее [4], спиралеобразные фрагменты оксигидратов металлов (нанокластеры) формируют на своей поверхности системы двойных электрических слоев. В результате дрейфа этих коллоидных частиц оксигидратов и ионов среды между электродами

возникает разность потенциалов. Поток нанокластеров сопровождается специфической адсорбцией (по Штерну) в диффузном слое ДЭС оксигидратных фрагментов, что влечет за собой поляризацию двойного электрического слоя. В результате периодических диссоциативных и конформационных перестроек, протекающих в оксигидратах металлов, структура ДЭС может разрушаться с выбросом нанокластерных частиц.

Как было сказано ранее, нанокластеры, выбрасываемые системой в результате конформационных перестроек, колеблются с определённой частотой и интенсивностью. Они способны создавать нанокластерные завихрения в реакционной системе. Возможно, эти завихрения распространяются на цитоплазму бактерии (бактериальную реакционную среду), затрудняя её жизненную функцию.

Клеточная оболочка бактерии состоит из клеточной стенки и цитоплазматической мембраны, которая обеспечивает осмотический барьер и избирательное проникновение веществ в клетку. Через клеточную стенку оболочки осуществляется вход и выход малых молекул, ферментов и экзотоксинов; на ее поверхности сгруппированы фосфатные группы липидов, а также сиаловые и тейхоевые кислоты, в результате чего бактериальная клетка несет общий отрицательный заряд [9].

Цитоплазматическая мембрана клеточной оболочки обеспечивает постоянство внутриклеточного состава, ее сохранность является необходимым условием существования клетки. Мембрана состоит из фосфолипидов и белков, причем электроотрицательные гидрофильные части молекул полярных фосфолипидов обращены наружу, а гидрофобные (остатки жирных кислот) образуют внутри мембраны ряды параллельных углеводородных цепей. Входящие в состав мембраны белковые молекулы связаны с поверхностью мембраны или погружены в нее. Такая система стабилизирована электростатическими взаимодействиями полярных групп, а так-

же гидрофобными взаимодействиями белков и липидов.

Для нас очень важен поверхностный заряд биологической мембраны, который создается полярными головками фосфолипидов, гликопротеидами (главным образом карбоксильными группами сиаловой кислоты и аминокислотными остатками). За счет этих веществ поверхность мембраны заряжена отрицательно. Поверхностный заряд плазмолеммы играет важнейшую роль, так как он способствует стабилизации мембранных структур, а также связыванию ионов, находящихся в межклеточной среде, что определяет внутриклеточные обменные процессы. Резкое изменение поверхностного заряда биологической мембраны приводит к разрушению процессов метаболизма бактерий.

Механизм действия частиц нанокластеров (как положительно, так и отрицательно заряженных) на микроорганизмы представляется следующим образом: гелевые нанокластеры оксигидратов адсорбируются на отрицательно заряженной поверхности бактериальной клетки, блокируя тем самым дыхание, питание, транспорт метаболитов через клеточную стенку бактерий (этот эффект зависит от величины общего заряда кластера). Кроме того, мелкие кластеры диффундируют через стенку клетки, вызывая необратимые структурные повреждения на уровне цитоплазматической мембраны, нуклеотида, цитоплазмы. Этот процесс зависит от величины поверхностной активности, липофильности, растворимости в воде, молекулярного объема диффундирующей частицы. Ионная часть нанокластера может связываться с кислотными фосфолипидами, белками цитоплазматической мембраны, что приводит к ее разрыву (этот эффект зависит от концентрации и молекулярной массы реагирующих фрагментов).

Оказывает свое разрушительное воздействие на бактерии и катастрофический разряд адсорбционного макрокомплекса на углеграфитовой электропроводящей поверхности. При этом механизм антимикробного действия сводится к ингибирующему воздействию на транспорт электронов в процессе окислительного фосфорилирования бактерий.

Результатом всех этих процессов являются блокада гликолитических ферментов дыхательной системы, потеря патогенных свойств и гибель микробной клетки.

Выводы

1. Исследовано антимикробное действие оксигидратных гелей циркония и железа на группу патогенных и условно патогенных бактерий. Установлено, что синегнойная палочка имеет относительно низкую чувствительность к исследуемому гелю оксигидрата циркония в электрохимической ячейке, т.е. не обладает сильным антимикробным действием. Численность колоний с течением времени нахождения в геле существенно уменьшается по сравнению с исходными концентрациями 10⁴; 10³ м.т./мл отмечено лишь при длительной обработке бактерий нанокластерами оксигидрата циркония. Очень чувствительна к действующему на нее гелю в электрохимической ячейке кишечная палочка. В геле

оксигидрата циркония под воздействием импульсных частичных нанокластеров оксигидрата циркония концентрация бактерий уменьшилась в 10 раз и более, а в последнем разведении роста колоний бактерий вообще не наблюдается.

2. Рост бактерий шигеллы Флекснера существенно замедляется и практически полностью прекращается после длительного (шестичасового) воздействия на относительно малые исходные концентрации бактерий. Однако антимикробный эффект геля оксигидрата циркония в приборе на культуру шигеллы Флекснера по сравнению с его действием на кишечную палочку меньше в сотни раз. Электрохимическая ячейка и в данном случае резко усиливает антимикробное действие оксигидрата циркония на кишечную палочку. Антимикробная эффективность геля оксигидрата циркония наблюдается для всех исходных концентраций бактерий.

3. Электрохимические кюветы с гелем оксигидрата железа не приводят к полному уничтожению (подавлению) синегнойной палочки. Длительное воздействие прибора и малая концентрация бактерий дают возможность добиться полного уничтожения бактериальной культуры в коллоидном растворе. Гель оксигидрата железа в ячейке сильно подавляет развитие и рост бактерий данной культуры, но не столь эффективно, как гель оксигидрата циркония.

4. Антимикробное действие этого геля на кишечную палочку ухудшается, если она находится в смеси с другими родами бактерий. Для стафилококка золотистого действие геля зависит от того, с какими культурами бактерий он находится в смеси. Если с синегнойной палочкой, то действие сильное и длительное, если с кишечной палочкой, то сильное и недлительное.

5. Нанокластеры геля оксигидрата иттрия оказывают максимальное антимикробное действие по сравнению с нанокластерами оксигидратов циркония и железа. Это прослеживается даже для незначительных начальных разведений, когда в гелях оксигидратов циркония и железа наблюдался сплошной рост бактериальных культур. В случае гелей оксигидрата иттрия уже через 2 ч работы электрохимической ячейки заметно существенное снижение числа бактериальных колоний, а через 24 ч для всех бактерий и при всех разведениях их рост не наблюдается, спустя 4 ч остаются единичные колонии бактерий.

6. Антимикробное действие увеличивается в ряду оксигидрат циркония – оксигидрат железа – оксигидрат иттрия.

7. Механизм действия частиц нанокластеров (как положительно, так и отрицательно заряженных) на микроорганизмы представляется так: гелевые нанокластеры оксигидратов адсорбируются на отрицательно заряженной поверхности бактериальной клетки, блокируя тем самым дыхание, питание, транспорт метаболитов через клеточную стенку бактерий. Ионная часть нанокластера может связываться с кислотными фосфолипидами, белками цитоплазматической мембраны, что приводит к ее разрыву (этот эффект зависит от концентрации и молекулярной массы реагирующих фрагментов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Юшманова О.А. Комплексное использование и охрана водных ресурсов. М. : Агропромиздат, 1985. 112 с.
2. Марков Б.А., Сухарев Ю.И., Апаликова И.Ю. Задача о каустиках стохастических потоковых кластеров оксигидратных систем. Бутлеровские сообщения. 2013. Т. 34, № 5. С. 16–21.
3. Иваишков Е.А. Инфекции и антимикробная терапия. М. : Медицина, 2002. Т. 4. 385 с.
4. Yuri I. Sucharev. Nonlinearity of Colloid Systems: Oxyhydrate Systems. Switzerland, UK, USA : Trans Tech Publications, 2007. 433 p.
5. Сухарев Ю.И., Марков Б.А. Нелинейность гелевых оксигидратных систем. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. 468 с.
6. Сухарев Ю.И., Марков Б.А., Лебедева И.Ю., Шарфунов И.А. Шумовые, почти периодические колебания в оксигидратах d- и f-элементов. Бутлеровские сообщения. 2009. Т. 18, № 8. С. 36–48.
7. Суздальев И.П. Нанотехнология: физико-химия нанокластеров, наноструктур и наноматериалов. М. : КомКнига, 2006. 592 с.
8. Sucharev Y.I. Wave Oscillations in Colloid Oxyhydrates. Switzerland, UK, USA : Trans Tech Publications LTD, 2010. 497 p.
9. Самойлов В.О. Медицинская биофизика. СПб. : СпецЛит, 2007. 559 с.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 24 декабря 2013 г.

INVESTIGATION OF PROPERTIES OF SOME OXYHYDRATES OF d- AND f-ELEMENTS WITH CARBON INCLUSIONS

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 237-244. DOI: 10.17223/15617793/380/38

Sukharev Yuriy I. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sucharev74@mail.ru

Larionov Leonid P. Ural State Medical Academy (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

Apalikova Inna Yu., Lebedeva Irina Yu., Kovaleva Irina V. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru / kiv_susu@mail.ru

Kuzmina Natalia V., Taramina Yevgeniya V. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

Kuznetsov Aleksandr L. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

Keywords: gel; oxyhydrate system; current self-organization; dynamic viscosity; antimicrobial activity; nanomicroscopy; conformation; attractor; oxyhydrate gels; properties of oxyhydrate gels of yttrium (III), ferrum (III), niobium (V).

This article deals with the possible mechanism of antibacterial effect of oxyhydrate gels. The paper presents a new antibacterial effect of oxyhydrate gels of d- and f-elements on the background of carbon inclusions. The antimicrobial activity of zirconium, iron, aluminum, and yttrium oxyhydrate gels can be used in antibacterial bandages of the next generation, in water treatment processes. The benefits of antibacterial bandages on the basis of iron and aluminum oxyhydrates are as follows: the nanocluster antibacterial effect comes after 50 minutes; the entire pathogenic microflora dies; they have an absorbent, cleaning, deodorizing gel effect. The research continues the studies of the physical chemistry of the liquid crystalline state of inorganic polymers in the field of colloid chemistry. An urgent problem is to create a completely new method for decontamination of aqueous solutions and biological materials from pathogens, as well as a unique nanomicroscopy of colloidal systems. All this determines the high significance of the research problems in the study of the topic. In earlier studies by Prof. Sukharev it has been proven that it is the nonlinear dynamics that can detect and explain phenomena occurring in gels previously unnoticed by scientists. Thus, in the oxyhydrate systems of REE there were detected spontaneous splashes of current (the corollary of nanocluster ion movements in the gel), and their antimicrobial activity on a wide range of pathogens was proved, which opens up new areas of application of these systems – disinfection in ecology and medicine. The estimated work has no analogues in the world according to the analysis of literature and discussions at conferences and seminars of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Investigation of antimicrobial action of the current of self-organization in the gel oxyhydrate systems and creation of nanomicroscopy has a high scientific value and are pioneering. The antimicrobial activity of zirconium, yttrium and iron oxyhydrate gels is of great interest. Literature data indicate that all heavy metals such as copper, cadmium, etc. inhibit the vital processes of bacteria. For instance, the disinfecting effect of silver on water is well-known. Zirconium compounds and other heavy metals have their own antimicrobial effect. Our research also proved it. Zirconium oxyhydrate particles, for example, in an active form may be included in the life cycle of bacteria by disrupting the process of their life. From a purely practical (environmental and health) perspective it would be interesting to apply their hydroxide precipitation or oxyhydrate colloidal nanoclusters for disinfecting water environments from groups of such opportunistic bacteria as *E. coli*, *Staphylococcus aureus*, *Pseudomonas aeruginosa*, and others.

REFERENCES

1. Yushmanova O.A. Kompleksnoe ispol'zovanie i okhrana vodnykh resursov. M. : Agropromizdat, 1985. 112 p.
2. Markov B.A., Sukharev Yu.I., Apalikova I.Yu. Zadacha o kaustikakh stokhasticheskikh potokovykh klasterov oksigidratnykh sistem. Butlerovskie soobshcheniya. 2013. V. 34, No. 5. P. 16-21.
3. Ivashkov E.A. Infektsii i antimikrobnaya terapiya. M. : Meditsina, 2002. t. 4. 385 p.
4. Yuri I. Sucharev. Nonlinearity of Colloid Systems: Oxyhydrate Systems. Switzerland, UK, USA : Trans Tech Publications, 2007. 433 p.
5. Sukharev Yu.I., Markov B.A. Nelineynost' gelevykh oksigidratnykh sistem. Ekaterinburg : UrO RAN, 2005. 468 p.
6. Sukharev Yu.I., Markov B.A., Lebedeva I.Yu., Sharfunov I.A. Shumovye, pochni periodicheskie kolebaniya v oksigidratakh d- i f-elementov. Butlerovskie soobshcheniya. 2009. V. 18, No. 8. P. 36-48.
7. Suzdalev I.P. Nanotekhnologiya: fiziko-khimiya nanoklasterov, nanostruktur i nanomaterialov. M. : KomKniga, 2006. 592 p.
8. Sucharev Y.I. Wave Oscillations in Colloid Oxyhydrates. Switzerland, UK, USA : Trans Tech Publications LTD, 2010. 497 p.
9. Samoylov V.O. Meditsinskaya biofizika. SPb. : SpetsLit, 2007. 559 p.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАФОНОВА Елена Васильевна – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: agaton1810@gmail.com

АПАЛИКОВА Инна Юрьевна – канд. хим. наук, доцент кафедры экологии и природопользования Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

БАКИН Антон Сергеевич – ст. преподаватель кафедры гражданского процесса Томского государственного университета. E-mail: bakin78a@yandex.ru

БАРИНОВА Елена Борисовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Центра евразийской археологии Института этнологии и антропологии Российской Академии наук (г. Москва); доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

БЕРЕНДА Андрей Владимирович – студент химического факультета Томского государственного университета. E-mail: bav_andrei@mail.ru

БОГОСЛОВСКИЙ Николай Николаевич – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры вычислительной математики и компьютерного моделирования Томского государственного университета. E-mail: bnn@math.tsu.ru

БОРДУНОВ Сергей Владимирович – канд. техн. наук, директор ООО НВП «Эчтех» (г. Томск). E-mail: bvv@academ.tsc.ru

БОРОДИНА Ирина Андреевна – студентка геолого-географического факультета Томского государственного университета. E-mail: bia_5@mail.ru

БЫКОВА Алина Анатольевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, ассистент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: a.a.bykova@mail.ru

ВЕТРОВА Яна Анатольевна – преподаватель кафедры управления образованием, педагогики и психологии Института повышения квалификации (г. Новокузнецк). E-mail: ianavet@mail.ru

ГЛУЩЕНКО Роман Валерьевич – аспирант кафедры стратегического менеджмента и управления инновациями Сибирской академии финансов и банковского дела (г. Новосибирск). E-mail: o07@ngs.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета; докторант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: markgon73@rambler.ru

ГРИЩЕНКО Светлана Николаевна – ст. инспектор сектора научно-учебной работы учебно-методического отдела Криворожского педагогического института Криворожского национального университета (Украина). E-mail: s-grischenko@ukr.net

ДАВЛЕТЬЯРОВА Ксения Валентиновна – канд. мед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: davletyarova@rambler.ru

ЕРИН Сергей Игоревич – студент механико-математического факультета Томского государственного университета. E-mail: sergei.erin@mail.ru

ЖИГАНОВ Александр Николаевич – д-р техн. наук, профессор Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». E-mail: agan@ssti.ru

ЗАГРЕВСКАЯ Александра Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: A.Zagrevskaya@yandex.ru

ЗАХАРОВ Алексей Сергеевич – студент Института природных ресурсов Томского политехнического университета. E-mail: arnag@yandex.ru

ИЛЬИНА Ксения Александровна – аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: xenia-ilyina@yandex.ru

ИЛЬИЧЕВА Елена Анатольевна – канд. геогр. наук, научн. сотр. лаборатории гидрологии и климатологии Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Иркутск). E-mail: lenail3663@mail.ru

КАНУКОВА Залина Владимировна – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории и кавказоведения Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ). E-mail: z.kanukova@mail.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КИЖНЕР Любовь Ильинична – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: kdm@mail.tsu.ru

КНЯЗЕВ Алексей Сергеевич – ст. науч. сотр. лаборатории каталитических исследований Томского государственного университета. E-mail: kas854@mail.ru

КОВАЛЁВА Ирина Васильевна – аспирант, ассистент кафедры общей математики Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: kiv_susu@mail.ru

КОГУТ Светлана Валерьевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: kogut.sv@mail.ru

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич – ст. преподаватель, аспирант кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

КОРЫТНЫЙ Леонид Маркусович – д-р геогр. наук, профессор, зам. директора Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Иркутск). E-mail: kor@irigs.irk.ru

КОШЕЛЬСКАЯ Елена Владимировна – канд. мед. наук, ст. преподаватель кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: elena-koshelskaya@yandex.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

КРУЧИНИН Эдуард Анатольевич – магистрант философского факультета Томского государственного университета. E-mail: apocalypseln@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Александр Леонидович – аспирант кафедры химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

КУЗЬМИНА Наталья Владимировна – аспирант кафедры химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

КУЛАГА Игорь Григорьевич – инженер Филиала 46 Центрального НИИ Министерства обороны РФ (г. Мытищи). E-mail: bvv@academ.tsc.ru

ЛАРИОНОВ Леонид Петрович – д-р. мед. наук, профессор кафедры фармакологии Уральской государственной медицинской академии. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

ЛАТФУЛИНА Зульфия Раифовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: lazur811@rambler.ru

ЛЕБЕДЕВА Ирина Юрьевна – канд. хим. наук, доцент кафедры химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

ЛЕЩИНСКИЙ Сергей Владимирович – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: sl@ggf.tsu.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: lozin@mail.tsu.ru

ЛУНЁВА Дина Евгеньевна – гл. специалист департамента по недропользованию и развитию нефтегазодобывающего комплекса Администрации Томской области. E-mail: dina_lunyova@mail.ru

МАЛЫКОВ Виктор Сергеевич – канд. хим. наук, ст. науч. сотр. лаборатории каталитических исследований, доцент кафедры органической химии Томского государственного университета. E-mail: malkov.vics@gmail.com

МАРТЫНОВА Дарья Олеговна – аспирант кафедры аналитической химии Томского государственного университета. E-mail: dashyctrik@sibmail.com

МАХЦИЕВА Нина Сергеевна – д-р ист. наук, доцент кафедры новейшей истории и политики России Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ). E-mail: ardoz@mail.ru

МИНАЕВ Константин Мадестович – канд. хим. наук, ст. преподаватель кафедры бурения скважин Томского политехнического университета. E-mail: minaevkm@bk.ru

НАГОРНОВ Михаил Сергеевич – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: smbmihey@gmail.com

НИКУЛИН Петр Федорович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: K1tat@yandex.ru

НОСКОВА Наталья Юрьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, управления и информатики Ульяновского государственного технического университета. E-mail: naty_noskova@mail.ru

ПАВЛОВ Максим Валерьевич – гл. инженер ООО «Геоспектр» (г. Санкт-Петербург). E-mail: maksimpavlov@rambler.ru

ПОДОБИНА Вера Михайловна – д-р геол.-минерал. наук, профессор, зав. кафедрой палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

РУДИКОВ Дмитрий Сергеевич – магистрант кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: qwant@sibmail.com

САЗОНОВА Наталья Ивановна – д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой истории России и методики обучения истории и обществознанию Томского государственного педагогического университета. E-mail: nataly-sib@mail.ru

СЕДЕЛЬНИКОВА Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета. E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

СИНЕЛЬНИКОВ Александр Николаевич – мл. науч. сотр. лаборатории каталитических исследований Томского государственного университета. E-mail: sinelnikovxftsu@mail.ru

СОТНИКОВА Светлана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии, культурологии, теории и методик преподавания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

СУТЯГИНА Ольга Александровна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: olgafox83@yandex.ru

СУХАРЕВ Юрий Иванович – д-р. хим. наук, профессор, зав. кафедрой химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: sucharev74@mail.ru

ТАРАБАНОВ Николай Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: nikotar@gmail.com

ТАРАМИНА Евгения Викторовна – аспирант кафедры химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

ТРЕТЬЯКОВ Евгений Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: shvarcengopf@mail.ru

УСТЮЖАНЦЕВА Ольга Валерьевна – мл. науч. сотр. Центра стран Востока Томского государственного университета. E-mail: olgavust@gmail.com

ФИРСОВА Юлия Александровна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: dlarisa@inbox.ru

ЦЫБИЗОВА Наталья Алексеевна – ст. преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: nord3@bk.ru

ЧУДАКОВА Марина Станиславовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии. E-mail: marichud@rambler.ru

ШПАГИН Сергей Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: shpagin1972@mail.ru

ЩЕКОТИН Евгений Викторович – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). E-mail: evgvik1978@mail.ru

ЩЕРБАКОВ Петр Сергеевич – студент химического факультета Томского государственного университета. E-mail: petruxa_in_the_net@mail.ru